

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ИМЕНИ А.Я. СУХАРЕВА

СЛЕДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

материалы IX Всероссийской молодёжной
научно-практической конференции

(Москва, 24 ноября 2025 года)

Москва, 2026

УДК 343
ББК 67.7
С 47

С 47 Следственная деятельность: теория и практика: материалы IX Всероссийской молодёжной научно-практической конференции (Москва, 24 ноября 2025 года). М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2026. – 442 с.

Редакционная коллегия

Иванова Елена Вячеславовна – декан факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции

Германова Мария Геннадьевна – старший методист факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, капитан юстиции

Составитель – *Головлева Екатерина Сергеевна*, курсант 2 курса факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

УДК 343
ББК 67.7

Сборник сформирован по материалам, представленным на IX Всероссийскую молодежную научно-практическую конференцию в Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева 24 ноября 2025 года.

Редакционная коллегия обращает внимание, что статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности и иных законов Российской Федерации несут авторы публикуемых материалов.

©Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2026

IX Всероссийская молодёжная научно-практическая конференция
**«СЛЕДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ, ИХ
РЕШЕНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»**
(24 ноября 2025 года)

В Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева под эгидой Международного союза криминалистов состоялся Всероссийский молодёжный научно-практический форум «Следственная деятельность: теория и практика».

На открытии форума ректор Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева *Алексей Александрович Бессонов* отметил значимость таких мероприятий для формирования у будущих молодых специалистов профессионального мышления и юридического мировоззрения. «Это пространство для конструктивного диалога и выработки молодыми юристами новых подходов к решению практических задач», – подчеркнул он.

Советник председателя Международного союза криминалистов по молодежной политике, заведующая кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) *Елена Игоревна Галяшина* в своем приветственном слове сделала акцент на стратегической важности мероприятий такого формата в период борьбы за умы и сознание молодёжи. Она пожелала молодым исследователям жарких и плодотворных дискуссий, новых научных открытий, хорошего настроения и творческих успехов.

В первый день форума была организована IX Всероссийская молодёжная научно-практическая конференция «Следственная деятельность: проблемы, их решения, перспективы развития», на которой присутствовали более 100 участников из 15 городов России от Луганска до Омска. На пленарном заседании были заслушаны восемь лучших докладов: Кристины Тимченко, Дарьи Чирковой (Саратовская государственная юридическая академия); Елизаветы Чумаевской (Санкт-Петербургская академия СК России); Мурада Ашуралиева (Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России); Валерия Яхункина (Самарский университет им. Королёва); Ивана Богданова, Дианы Ли (Московская академия СК России имени А.Я. Сухарева); Варвары Костиной (МГУ им. М.В. Ломоносова); Елизаветы Масневой (Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)); Арины Шурховецкой (Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)).

Затем работа конференции продолжилась в рамках секций по уголовному праву, уголовному процессу, криминалистике и судебной экспертизе. По результатам работы были отмечены дипломами молодые исследователи, сделавшие лучшие доклады: Алена Литвин, Анна Громова, Даниила Федонников, Елизавета Фирсова (Московская академия СК России имени А.Я. Сухарева); Виктория Михайлова, Андрей Матвеев (Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя); Вероника Борисюк, Интизор Эгамберганава (Московский финансово-юридический университет); Никита Ковалев (Российский технологический университет); Джамилия Чигирова (Саратовская государственная юридическая академия); София Ефимова, Анастасия Пензенник (Санкт-Петербургская академия СК России); Руслана Игнатенко (Ростовский филиал Российской таможенной академии); Эльмира Ибрагимова (Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)).

Таким образом, молодежный форум, прошедший под эгидой Международного союза криминалистов, приобрел очень большой масштаб. В следующем году ждем новых участников из всех уголков страны и их интересных выступлений!

Оргкомитет конференции

Секция 1

Современные проблемы уголовного права

А.Б. Абдулхамидов¹

Научный руководитель: **А.Г. Таилова²**

Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкале

Актуальные вопросы теории и практики уголовной ответственности за реабилитацию нацизма и пути их решения

Аннотация. В настоящей статье проводится анализ теоретических и практических проблем, возникающих при применении статьи 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей ответственность за реабилитацию нацизма. Исследуются дискуссионные вопросы квалификации данного преступления, его отграничения от смежных составов, а также сложности доказывания объективных и субъективных признаков. Автор рассматривает объект и предмет преступного посяательства, особенности юридической конструкции состава. На основе проведенного анализа предлагаются конкретные пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики, направленные на повышение эффективности уголовно-правовой охраны исторической памяти и обеспечение единообразия судебных решений.

Ключевые слова: уголовная ответственность, статья 354.1 УК РФ, историческая память, квалификация преступлений, заведомо ложные сведения, символы воинской славы, осквернение, унижение достоинства ветерана, проблемы правоприменения.

Противодействие попыткам пересмотра итогов Второй мировой войны и оправдания преступлений нацизма является одной из важнейших задач современного правового государства, направленной на защиту основ конституционного строя и сохранение исторической памяти. В российском уголовном законодательстве центральную роль в решении этой задачи играет статья 354.1 УК РФ. Введение данной нормы в Уголовный кодекс стало закономерной реакцией на рост проявлений исторического ревизионизма. Однако, несмотря на безусловную социальную обусловленность и актуальность, правовая конструкция указанной статьи и ее применение на практике вызывают значительные дискуссии в научной среде и порождают ряд сложностей для правоприменительных органов. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью выявления этих проблем и выработки научно обоснованных рекомендаций по их разрешению для обеспечения эффективной защиты охраняемых законом ценностей.

Состав преступления, предусмотренный ст. 354.1 УК РФ, носит сложный, многообъектный характер. В качестве основного непосредственного объекта выступают общественные отношения, обеспечивающие сохранение исторической памяти о деятельности СССР в годы Второй мировой войны и об осуждении преступлений, установленных приговором Международного

военного трибунала. Дополнительными объектами могут выступать честь и достоинство ветеранов Великой Отечественной войны, а также общественный порядок и нравственность в части, касающейся уважительного отношения к символам воинской славы России.

Объективная сторона преступления выражается в совершении одного из альтернативных деяний, перечисленных в диспозиции статьи. К ним относятся:

Отрицание фактов, установленных приговором Нюрнбергского трибунала, а равно одобрение преступлений, установленных указанным приговором.

Распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. Распространение сведений, выражающих явное неуважение к обществу, о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества. Осквернение символов воинской славы России.

Особую сложность в теории и на практике вызывает толкование признака «заведомо ложные сведения».¹ Для квалификации деяния по данному признаку необходимо доказать не только ложность самих сведений, но и то, что субъект преступления достоверно знал об их ложности и целенаправленно их распространял. Это требует от правоприменителя глубокого анализа исторического контекста и установления прямого умысла лица, что зачастую невозможно без проведения сложных психолого-лингвистических и исторических судебных экспертиз.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления. Мотивы и цели могут быть различными (например, политическая или идеологическая ненависть, вражда), однако для квалификации по основной части статьи они не имеют значения, выступая в качестве квалифицирующих признаков в других составах преступлений.

Одной из центральных проблем правоприменения является отграничение реабилитации нацизма от смежных составов преступлений, в частности, от возбуждения ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ) и публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ).²

Эта сложность обусловлена прежде всего различием в объектах посягательства. Если статья о реабилитации нацизма (ст. 354.1 УК РФ) направлена на защиту исторической памяти, уважения к ветеранам и установленным международным трибуналом фактам о Второй мировой войне, то составы преступлений, предусмотренные статьями 280 и 282 УК РФ, охраняют основы конституционного строя, безопасность государства и общественные отношения в сфере межнационального и межконфессионального согласия.

¹ Гарбатович Д.А. Проблемы доказывания заведомой ложности сведений при квалификации реабилитации нацизма // Уголовное право. 2022. № 5. С. 25–32.

² Агапов П.В. Уголовно-правовое противодействие экстремистской деятельности: теоретико-прикладное исследование. М.: Юрлитинформ, 2023. 488 с.

Ключевое различие проходит по содержанию и направленности деяния. Для квалификации по статье 354.1 УК РФ необходимо, чтобы высказывание было напрямую связано с событиями Второй мировой войны. Это может быть отрицание фактов, установленных приговором Нюрнбергского трибунала, одобрение преступлений нацистов, распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы войны или осквернение символов воинской славы России. Таким образом, предмет преступления здесь исторически конкретизирован.

В свою очередь, возбуждение ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ) не привязано к определенному историческому периоду. Его предметом являются действия, направленные на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии. Оправдание нацистской идеологии может содержать признаки этого состава, но только в том случае, если оно используется как инструмент для возбуждения ненависти к современным социальным, национальным или религиозным группам.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) отличаются еще большей конкретикой умысла. Здесь субъект не просто выражает мнение или дает оценку историческим событиям, а прямо призывает других к совершению конкретных действий экстремистского характера, перечень которых определен в законодательстве.

На практике часто возникает ситуация идеальной совокупности, когда одно и то же публичное высказывание может содержать признаки нескольких составов. Например, одобрение практики геноцида, совершенного нацистами в отношении определенного народа (признак ст. 354.1 УК РФ), может одновременно быть направлено на возбуждение ненависти к представителям этого народа, живущим в настоящее время (признак ст. 282 УК РФ). В таких случаях правоприменителю необходимо тщательно анализировать умысел лица, контекст высказывания и его основную цель, чтобы определить, какой из объектов посягательства пострадал в большей степени, и дать деянию верную правовую оценку.

Разграничение следует проводить в первую очередь по объекту посягательства. Если в ст. 354.1 УК РФ основным объектом является историческая память, то в составах экстремистской направленности объектом выступают основы конституционного строя и безопасность государства. Предмет преступления также различен: в первом случае это конкретные исторические факты и оценки, во втором — призывы и действия, направленные против современных социальных, национальных, расовых или религиозных групп.

Серьезные трудности возникают при доказывании субъективной стороны, а именно прямого умысла и «заведомости» распространения ложных сведений. Необходимо отличать умышленное искажение фактов от добросовестного заблуждения, научной дискуссии или выражения личного мнения, пусть и непопулярного. Граница между критическим анализом истории и уголовно наказуемым деянием может быть весьма тонкой. Отсутствие четких критериев

создает риски как необоснованного привлечения к ответственности, так и, наоборот, уклонения от нее лиц, действительно совершивших преступление.

Еще одной проблемой является квалификация деяний, совершаемых с использованием сети Интернет. Публичность распространения информации в данном случае очевидна, однако установление личности правонарушителя, сбор и фиксация цифровых доказательств требуют применения специальных познаний и тактических приемов, что усложняет процесс расследования.

Для решения обозначенных проблем представляется целесообразным предпринять комплексные меры.

Во-первых, необходимо совершенствование самой законодательной техники. Диспозиция ст. 354.1 УК РФ нуждается в большей конкретизации. Требуют уточнения такие оценочные понятия, как «одобрение преступлений», «явное неуважение к обществу», «осквернение». Четкость формулировок позволит снизить риски их расширительного толкования и повысить предсказуемость правоприменения.

Во-вторых, важнейшую роль в правильной квалификации деяний по данной статье играет установление субъективной стороны преступления, а именно — прямого умысла. Необходимо доказывать, что лицо не просто высказывало спорное мнение или приводило исторические факты, которые могут быть неоднозначно истолкованы, а действовало с конкретной целью — реабилитировать нацизм, то есть оправдать его идеологию и практику, представить их в положительном свете. Отсутствие четкого разграничения между умыслом на реабилитацию нацизма и, например, умыслом на ведение научной или публицистической дискуссии по сложным вопросам истории создает риск объективного вменения, когда уголовная ответственность наступает за сам факт распространения определенной информации, вне зависимости от реальных мотивов и целей автора.

Наконец, третьим ключевым направлением является повышение качества и стандартизация экспертной деятельности, о которой говорилось ранее. Правоприменитель, будь то следователь или судья, зачастую не обладает специальными познаниями в истории и лингвистике, чтобы самостоятельно оценить содержание спорных материалов. Именно заключение эксперта становится для него главным источником сведений о наличии или отсутствии признаков преступления. Поэтому разработка и имплементация единых, научно обоснованных методик для проведения комплексных историко-лингвистических экспертиз является насущной необходимостью. Это позволит отделить преступное деяние от добросовестного заблуждения, научной гипотезы или художественного вымысла, обеспечив тем самым справедливость и законность правосудия.

Во-вторых, назрела острая необходимость в принятии Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященного судебной практике по делам о реабилитации нацизма.¹ В данном документе следует дать

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

разъяснения по ключевым вопросам квалификации: как определять содержание прямого умысла, какими критериями руководствоваться при установлении «заведомой ложности» сведений, как отграничивать данное преступление от смежных составов и от реализации права на свободу слова в рамках научной или исторической дискуссии.¹

В-третьих, следует совершенствовать методическое обеспечение деятельности экспертных учреждений. Необходимо разработать и утвердить единые методики проведения исторических и лингвистических экспертиз по делам данной категории.

Это позволит обеспечить единообразие и объективность экспертных оценок, что является критически важным для справедливого правосудия. Такие методики должны устранить существующую вариативность в подходах разных экспертов и экспертных учреждений, снижая риск как необоснованного привлечения к ответственности, так и уклонения от нее.

В рамках таких методик следует четко разграничить предмет и задачи каждого вида экспертизы.

Лингвистическая экспертиза должна быть сосредоточена на анализе текста или высказывания с целью выявления его коммуникативной направленности. Ключевыми вопросами для эксперта-лингвиста должны стать:

- Содержится ли в материалах прямое или косвенное одобрение, утверждение, положительная оценка действий или идеологии нацизма?
- Использованы ли языковые средства для принижения тяжести совершенных нацистами преступлений или для их оправдания?
- Является ли распространение сведений о деятельности нацистов в годы Второй мировой войны подачей заведомо ложной информации, представленной как достоверный факт?
- Какова основная цель высказывания: информирование, полемика, выражение мнения или целенаправленное формирование положительного образа нацизма у аудитории?

Историческая экспертиза должна давать оценку содержательной стороне материалов, соотнося ее с установленными и общепризнанными в науке фактами. Эксперт-историк должен отвечать на вопросы:

- Соответствуют ли сведения, изложенные в материалах, исторической действительности и фактам, установленным приговором Международного военного трибунала в Нюрнберге?
- Является ли представленная в материалах трактовка исторических событий общепринятой в научном сообществе, либо она представляет собой маргинальную или псевдонаучную ревизионистскую концепцию?
- Присутствует ли в материалах избирательная подача фактов, замалчивание или искажение информации, направленное на создание ложного или неполного представления об исторических событиях?

¹ Чучаев А.И., Грачева Ю.В. Проблемы толкования и применения ст. 354.1 УК РФ // Lex Russica. 2020. № 10. С. 56–68.

Создание и утверждение таких единых методологий для проведения комплексных историко-лингвистических экспертиз позволит отделить научные дискуссии и выражение частного мнения от преступных деяний, направленных на оправдание и пропаганду одной из самых разрушительных идеологий в истории человечества, и обеспечит прочную доказательную базу для судебных решений.

Это позволит повысить объективность и научную обоснованность экспертных заключений, которые играют ключевую роль в процессе доказывания.

Наконец, важным направлением является профилактическая работа, включающая образовательные и просветительские программы, направленные на формирование у граждан, особенно у молодежи, объективного представления об истории и незыблемого уважения к подвигу народа в Великой Отечественной войне.¹

Статья 354.1 УК РФ является важным инструментом уголовно-правовой охраны исторической памяти и противодействия идеологии, оправдывающей нацистские преступления. Вместе с тем существующие теоретические и практические проблемы, связанные с ее применением, свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования как законодательной базы, так и правоприменительной практики. Комплексный подход, включающий уточнение законодательных формулировок, выработку единых судебных толкований и развитие экспертных методик, позволит обеспечить эффективное и справедливое применение данной нормы, достигая баланса между защитой общественно значимых ценностей и соблюдением фундаментальных прав граждан.

А.П. Агаркова¹

Научный руководитель: **Е.Н. Алешина-Алексеева²**

^{1,2} Санкт-Петербургский университет

Министерства внутренних дел Российской Федерации

Проблемы оборота оружия на территории Российской Федерации и Республики Беларусь (на примере пневматического оружия)

Аннотация. В рамках проведенного исследования затронуты проблемы оборота оружия и предметов, используемых в качестве оружия в Российской Федерации на примере использования пневматического оружия. Приведены примеры из практики, указывающие на проблемы, возникающие с оборотом пневматического оружия на территории Российской Федерации. Сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь позволил выявить отличия и предложить пути решения.

¹ Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана исторической памяти: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 78–91.

Ключевые слова: оружие, пневматическое оружие, незаконный оборот оружия, сравнительный анализ, законодательство

За период с января по апрель текущего года в России было зафиксировано небольшое увеличение общего числа преступлений, зарегистрированных правоохранительными органами. Сравнение с аналогичным периодом 2024 года показывает, что прирост составил лишь 0,2 %¹.

Общий рост числа преступности не является существенным, однако, данная ситуация осложняется статистическими данными, предоставленными Национальным антитеррористическим комитетом (НАК) указывающим, что за 2024 год было пресечено порядка 2.7 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия². Помимо этого, за указанный период, среди совершенных преступлений – 10281 были связаны с незаконным оборотом оружия³.

Исходя из этого, отметим, что актуальность исследуемой темы обусловлена количеством совершаемых преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и его применения.

Для детального анализа, обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (далее – ППВС №5 от 12.03.2002). В нем прописано, что по делам связанных с оружием и боеприпасами необходимо руководствоваться положениями Федерального закона от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии». Согласно ст. 1 вышеуказанного Федерального закона, под оружием понимается, «устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов».

Кроме того, ст. 1 данного Федерального закона закрепляет классификацию, которая включает в себя:

- огнестрельное оружие;
- метательное оружие;
- пневматическое оружие;
- газовое оружие;
- сигнальное оружие;
- метательное стрелковое оружие;
- метательное бросковое оружие;
- гладкоствольное огнестрельное оружие;
- нарезное огнестрельное оружие.

¹ Состояние преступности. URL: <https://мвд.рф/reports/>. Дата обращения: 16.10.2025.

² В НАК раскрыли число связанных с незаконным оборотом оружия преступлений – Рамблер / Новости. URL: <https://news.rambler.ru/incidents/53886891-v-nak-raskryli-chislo-svyazannyh-s-nezakonnym-оборотом-oruzhiya-prestupleniy/>. Дата обращения: 16.10.2025.

³ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024. МВД РФ ФКУ. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Sbornik_UO_S_2024.pdf. Дата обращения: 16.10.2025.

Помимо этого, в п. 1 ППВС № 5 от 12.03.2002 сказано, что «при решении вопроса о наличии в действиях лица признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 222 - 226.1 УК РФ, судам необходимо устанавливать, являются ли изъятые у него предметы оружием, его основными частями или комплектующими деталями, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами, ответственность за незаконный оборот которых предусмотрена указанными статьями Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее – УК РФ)¹.

Значимость данных положений объясняется тем, что в соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ, применение оружия при совершении преступления признаётся отягчающим обстоятельством. Помимо этого, использование оружия или предметов, используемых в качестве оружия, влияет на квалификацию преступления. Например, уголовная ответственность по ч. 1 ст. 126 «Похищение человека» УК РФ предусматривает наказание в виде принудительных работ или лишения свободы на срок до 5 лет. В случае применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия при совершении такого же деяния, будет предусмотрена ответственность по п. «г» ч.2 ст.126 УК РФ, с наказанием в виде лишения свободы уже на срок от 5 до 12 лет.

Исходя из этого следует, что установление факта применения оружия или же его незаконный оборот влияет как на квалификацию такого преступления, так и на наказание за такое противоправное действие. Необходимость наличия разграничивающих норм, обусловлена тем, что такие преступления представляют серьезную угрозу для общества, это обусловлено их повышенной степенью общественной опасности. Ведь применение оружия или же предметов, используемых в качестве оружия, ставит под угрозу жизнь и здоровье, а также, благополучие граждан, создавая обстановку незащищенности.

Для сравнительного анализа рассмотрим законодательство Республики Беларусь (далее - РБ). В Беларуси сферу обращения с оружием регулирует Закон Республики Беларусь «Об оружии» от 13 ноября 2010 года №61².

Основными отличиями в законодательстве, являются:

- *Категории огнестрельного оружия.* В России к видам огнестрельного оружия, имеющим уголовно-правовое значение, относятся гражданское длинноствольное гладкоствольное и огнестрельное оружие ограниченного поражения. В Белоруссии — огнестрельное охотничье гладкоствольное оружие. При этом в Республике Беларусь огнестрельным оружием признаются не только устройства, производящие выстрел, но и те, которые могут быть легко преобразованы для этой цели;

- *Правовой статус пневматического оружия.* В Республике Беларусь пневматическое оружие имеет особый правовой статус (рис. 1), тем самым

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // БВС РФ. 2002. № 5.

² Закон Республики Беларусь от 13 ноября 2001 №61-З (ред. от 28.12.2023) «Об оружии» // СРБ. 2001. № 1. Ст. 3.

выделяется среди стран СНГ своим строгим подходом к нелегальному обращению с данным видом оружия, предусматривающим уголовную ответственность.

- *Оборот травматического оружия.* В отношении травматического оружия белорусское законодательство также устанавливает ограничения. В соответствии со ст. 8 Закона Республики Беларусь «Об оружии», оборот травматических боеприпасов и огнестрельного оружия травматического действия запрещён на территории страны как в служебных, так и в гражданских целях. Единственное исключение составляет транзит через белорусскую территорию в рамках Евразийского экономического союза, осуществляемый с разрешения соответствующих органов внутренних дел.

Сравнив регламентирование оборота оружия и его применения, мы пришли к выводу о возможности рассмотреть ограничения использования пневматического оружия на территории Российской Федерации по аналогии с Республикой Беларусь.

Данная необходимость обусловлена тем, что на территории России количество инцидентов с использованием пневматического оружия увеличивается за счет бесконтрольного приобретения, в том числе и на известных меркетплейсах, ставя под сомнение укрепление общественной безопасности¹.

Рассмотрим некоторые примеры. Один из инцидентов произошел в апреле 2024 года: пьяный местный житель, не имея на то оснований, произвел выстрел из пневматического оружия в 15-летнего подростка. Пуля попала мальчику в голову, застряв под кожей. Пострадавшему была оказана медицинская помощь. В отношении стрелявшего было возбуждено уголовное дело по статье «хулиганство». В ходе следствия он признал, что находился в состоянии алкогольного опьянения и совершил выстрел без какой-либо причины².

Однако более серьезную настороженность вызывают случаи использования оружия или предметов, используемых в качестве оружия, совершенных несовершеннолетними. Поскольку такие действия свидетельствуют о глубоком уровне социальной дезориентации, отсутствии моральных ориентиров и недостаточной воспитательной работе, что требует немедленного вмешательства правоохранительных органов, психологов и педагогов для предотвращения дальнейших преступлений и защиты общественного порядка.

Таким примером может послужить ситуация, сложившаяся 22 октября 2024 года в г. Губкинский (Ямало-Ненецкий автономный округ) где школьник принес в школу пневматический пистолет и выстрелил из него. По данным Следственного комитета РФ по ЯНАО ученик показывал оружие другим детям, и в результате выстрела один из несовершеннолетних получил ушиб пальца

¹ Егоров И. Генпрокуратура: Пневматику в стране больше не будут продавать несовершеннолетним // Российская газета. 2024. 23 декабря. URL: <https://rg.ru/2024/12/23/pistolet-po-pasportu.html>. Дата обращения: 26.10.2025

² Россиянин выстрелил подростку в голову из пневматического пистолета // Газета.Ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/12/26/24723488.shtml>. Дата обращения: 26.10.2025.

ноги¹. В 2025 году в поселке Шушары Ленинградской области, где подростки, из приобретенного одним из участников стрельбы на маркетплейсе пневматического пистолета, обстреляли из него случайную машину². В начале июля 2025 в г. Новосибирске несовершеннолетние, используя пневматический пистолет, напали на сверстников и требовали перевести деньги через банковские приложения³. 27 июля 2025 в г. Москве были задержаны двое подростков, один из которых выстрелил из пневматического пистолета в сотрудника транспортной безопасности на железнодорожной станции Матвеевская⁴. И это, не единичные прецеденты, которые вызывают тревогу и обеспокоенность бесконтрольного использования несовершеннолетними и теми последствиями, которые могут наступить для окружающих.

Кроме того, согласно статистике Судебного департамента Верховного Суда РФ⁵, в прошлом году к уголовной ответственности за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, привлекли 11,9 тысячи человек. Из этого числа 127 человек являются гражданами стран СНГ. При этом 2,2 тыс. несовершеннолетних приговорены к реальному лишению свободы, а еще 3,8 тысячи получили условное наказание в виде лишения свободы.

Девиантное поведение как малолетних, так и подростков может быть связано с рядом причин. В связи с этим, необходимо проводить регулярную профилактическую работу с целью установления причин их устранения и формирования законопослушного поведения.

В заключение следует подчеркнуть, что проблема незаконного оборота оружия и его применения в преступных целях остается одной из наиболее острых и социально значимых в современном обществе. Анализ статистических данных и нормативных актов, как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь, выявляет необходимость постоянного совершенствования правового регулирования данной сферы.

Сравнение законодательств России и Республики Беларусь позволило выявить ключевые различия в подходах к регулированию оборота отдельных видов оружия, в частности, пневматического. Опыт Республики Беларусь, где установлены более строгие ограничения на оборот данного вида оружия, представляет интерес для Российской Федерации.

¹ Дело возбуждено на Ямале из-за принесшего пневматический пистолет в школу мальчика / Известия 23.10.2024. URL: <https://iz.ru/1778848/2024-10-23/delo-vozbuzhdeno-na-iamale-iz-za-prinesshego-pnevmaticheskii-pistolet-v-shkolu-malchika>. Дата обращения: 26.10.2025.

² В Шушарах пять подростков расстреливали из пневматического пистолета. URL: <https://78.ru/news/2025-09-13/v-shusharah-pyat-podrostkov-rasstrelivali-iz-pnevmaticheskogo-pistoleta-mashini-vo-dvore>. Дата обращения: 10.10.2025.

³ На новосибирских подростков напали сверстники с оружием — в полиции начали проверку. 13 июля 2025. НГС.ру. URL: <https://ngs.ru/text/incidents/2025/07/13/75718214/>. Дата обращения: 29.10.2025.

⁴ Задержаны подростки, устроившие стрельбу на станции в Москве // НТВ. Новости. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2928062/>. Дата обращения: 10.10.2025.

⁵ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 6 месяцев 2021 года. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/>. Дата обращения: 26.10.2025.

Ввиду серьезного количества преступлений с использованием оружия в России, а также, участвовавших случаев применения пневматического оружия подростками, представляется целесообразным рассмотреть возможность ужесточения контроля, за оборотом пневматического оружия. Введение дополнительных ограничений, аналогичных введенных в Республике Беларусь, могло бы способствовать снижению количества преступлений, совершаемых с использованием данных видов оружия, и повышению уровня безопасности в обществе. Необходима комплексная стратегия, включающая не только законодательные меры, но и профилактическую работу с населением, особенно с молодежью, для формирования правосознания и уважения к закону.

Сравнительный анализ правового статуса и необходимости лицензирования травматического оружия в Российской Федерации и Республике Беларусь

Дульная энергия пневматического оружия	Правовой статус в РФ	Правовой статус в РБ	Лицензия в РФ	Лицензия в РБ	Возрастной ценз	Ношение в общественных местах
До 3 ДЖ	Не считается оружием	Не считается оружием	Не требуется	Не требуется	С 18 лет	Без ограничений
От 3 до 7,5 ДЖ	Считается оружием	Считается оружием	Не требуется	Обязательна	С 18 лет	Только в чехле
Свыше 7,5 до 20 ДЖ (для пистолетов) и до 25 (для винтовок)	Считается оружием	Считается оружием	Обязательна	Обязательна	С 18 лет	Только в чехле

М.И. Ахмедов¹

Научный руководитель: **А.Г. Таилова²**

^{1,2} Северо-Кавказский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России) в г. Махачкале

Проблемы цифровизации в уголовном праве на основе сети Darknet

Аннотация. Статья посвящена исследованию современных методов предупреждения преступной деятельности в DarkNet. В условиях цифровизации преступности и широкого распространения анонимных сетей, данная тема приобретает особую значимость. В работе применяются методы сравнительно-правового анализа, контент-анализа материалов DarkNet, а также эмпирические исследования на основе реальных кейсов.

Ключевые слова: DarkNet, интернет, преступная деятельность, виртуальное пространство, информационные технологии.

Сегодня Интернет является неотъемлемой частью нашей жизни. Большинство людей считают его положительным явлением. Так ли это на самом деле? К сожалению, глобальная сеть включает в себя и негативные качества. Преступность является необходимым элементом практически любого общества. И естественно, с развитием общества развивается и преступность. Разрабатываются всё новые и новые способы «пойти по лёгкому». ¹ Она вооружила себя новейшими информационными технологиями. В итоге появляются никому неизвестные до этого кибер-терроризм, хакерство, кибершантаж, криптоджекинг и другие разновидности подобных преступлений. За последнее время правоохранительными органами различных государств было раскрыто большое количество таких преступлений. В следствии уменьшился объем преступного контента. Но мы говорим о виртуальной среде, где подобные усилия затрагивают лишь верхушку противоправного айсберга. Большинство ресурсов не исчезли, а лишь погрузились в те места, которые обычными поисковыми сервисами не индексируются, тем самым образовав новую ячейку киберпреступлений.

Современная структура Интернета делится на три уровня:

Surface Web (поверхностная сеть) — общедоступные сайты, индексируемые поисковыми системами (около 4% всех ресурсов);

Deer Web (глубинная сеть) — ресурсы, не индексируемые поисковиками и требующие специальных разрешений или паролей;

Darknet (тёмная сеть) — наиболее закрытая часть Deer Web, доступная через анонимные сети вроде Tor, I2P или Freenet.

По оценкам специалистов, более 90% ценного технического и научного контента хранится в невидимой части интернета, однако именно Darknet стал

¹ Дремлюга Р.И. Преступный мир Darknet // Юридическая наука и практика. Владивосток. 2018. № 1. С. 52–60.

центром незаконной деятельности: торговли наркотиками, оружием, персональными данными, поддельными документами, а также распространения детской порнографии и экстремистских материалов. Анонимность, криптографические протоколы и децентрализация обеспечивают высокий уровень конфиденциальности, что, с одной стороны, защищает пользователей от цензуры, но, с другой — делает Darknet убежищем для преступников.

В конце 60-х годов прошлого столетия появился прототип современного теневого интернета под названием ARPANET, который лёг в основание нынешнего интернета. Термин “DarkNet” появился в 1970-х годах и в целях безопасности использовался для обозначения сетей, которые изолированы от ARPANET. Широкое распространение термин получил благодаря публикации “The Darknet and the Future of Content Distribution” (с англ. – «Даркнет и будущее распространение информации»), работе 2002 года, за авторством Брайана Уиллмана, Пола Инглэнда, Маркуса Пейнаду и Питера Биддла, сотрудников компании Microsoft. Изначально, DarkNet позиционировался как некий скрытый сектор сети, изолированный от остального интернета. Вскоре был разработан специальный алгоритм шифрования, который позволял находиться в сети Интернет анонимно. Анонимная сеть включает в себя систему не связанных между собой виртуальных туннелей, предоставляющая передачу данных в зашифрованном виде. За счет сложной маршрутизации соединения и многократного шифрования информации обеспечивается необходимая безопасность от потенциальных глаз. Малоизвестная анонимная сеть – I2P (Invisible Internet Project) разрабатывается энтузиастами всего мира с 2004 года. Техническая основа такова, что I2P обеспечивает более высокую скорость, чем у популярного TOR, и в теории более высокую защищенность. Но вместе с этим у I2P нет средств для быстрого развития. А в настоящий момент использование инструментов данной сети недостаточно удобны и просты для широкой аудитории. По количеству пользователей I2P 2 существенно уступает TOR. Крупнейшая, анонимная сеть построена на началах TOR (The Onion Router), или луковой маршрутизации. Технология шифрования и передачи данных была разработана исследовательской лабораторией военно-морского министерства США. Как это работает? Информация оборачивается в несколько слоёв шифрования, откуда и следует аналогия с луком. Затем она передается через большое количество сетевых узлов, вышеупомянутых луковых маршрутизаторов. Каждый из них снимает защитный слой, чтобы выяснить следующий узел в цепочке. В результате ни одно постороннее лицо не видит ни содержимого, ни вообще маршрут сообщения. Полная же дешифровка происходит только на стороне получателя. Данный проект создавался в 1990-е годы для военных целей. Вскоре код TOR стал общедоступным, которая могла бы послужить для защиты прав и свобод обычных людей. TOR-сеть обеспечивает высокую степень анонимности, о чём свидетельствует тот факт, что нашумевший Эдвард Сноуден использовал данную сеть для передачи газетам The Guardian и The Washington Post информации о совершенно секретном процессе, который осуществлялся американским АНБ (Агентство

национальной безопасности) с целью скрытого массового сбора информации, передаваемой по сетям электросвязи.¹

В Darknet бурно осуществляют свою деятельность различные экстремистские сайты, онлайн проституция, наркоторговля, распространяются средства кибервзлома. Здесь без всяких преград распространяется порнография, в том числе детская, доступны данные украденных кредитных карт, продаются оружия и боеприпасы и т.д. Рассмотрим некоторые проявления преступности в Darknet:

1. *Незаконный оборот наркотиков.* Продажа наркотиков – одна из главных причин популярности Даркнета. Необходимо подчеркнуть, что первая в мире онлайн-транзакция, связанная с незаконным оборотом наркотиков, была проведена в начале 1970-х. В то время, студенты Стэнфорда, используя счета ARPANET в лаборатории искусственного интеллекта Стэнфордского технологического института, заключили сделку со своими коллегами из Массачусетского технологического института. Студенты использовали сеть, чтобы спокойно договориться о продаже неопределенного количества марихуаны. В последствии будущие участники сферы незаконного оборота наркотиков оценили перспективу и эффективность онлайн площадок, начали приспосабливаться к распространению запрещенных веществ в сети Интернет. Говоря о современном положении, на соответствующих страницах «темной сети» содержится информация о методах приобретения, изготовления, переработки и прочих действий, связанных с любыми видами наркотиков, а также о вариантах изготовления и приобретения различных технических средств для оборудования преступных лабораторий.² Тут же можно оставить отзыв о продукте и продавце, поделиться опытом использования, обсудить продавцов, покупателей и, естественно, качество самого «товара». С момента появления первых анонимных площадок, таких как Silk Road, данная сфера стала прибыльным каналом распространения запрещённых веществ.

2. *Преступность в сфере оборота компьютерной информации.* Она включает в себя комплекс действий, связанные с неправомерным доступом к информации. Хакерами были похищены и выложены в сеть секретные документы из самых разнообразных источников: электронные, почтовые адреса и иные данные должностных лиц органов публичной власти ряда европейских стран и т.д. На определенных ресурсах можно заказать DDoS-атаки, взлом сайта, аккаунта социальной сети, какой-либо электронной почты, программного обеспечения и даже компьютерной игры.³ Например, стоимость DDos-атаки варьируется от 10 до свыше 800 долларов США (от 750 до свыше 60 000 рублей). Предложения по взлому аккаунтов социальных сетей редкое дело, но не несуществующее. Цены в среднем от 49 долларов США (3 700 рублей) за взлом аккаунта Twitter до 155 долларов (11 700 рублей) за взлом аккаунта Gmail. Невозможно не обратить

¹Ларина Е.С. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден / Е.С. Ларина, В.С. Овчинский. М.: Кн. мир, 2014. С. 5-6.

²Markoff John (2005) What the Dormouse Said: How the 60s Counterculture Shaped the Personal Computer Industry, Viking, pp. 57–75.

³Мазур А.А. Актуальные проблемы предупреждения преступности в социальной сети Даркнет // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 3. С. 125–129.

внимание на своего рода профессионализм хакеров, предлагающих услуги по взлому того или иного объекта. С момента получения информации о заказе до обнаружения уязвимости в объекте и принятия решения о готовности принять заказ составляет шесть минут. Это действительно поражает. Вечером 4 октября 2021 года наблюдались проблемы в работе крупных социальных сетей (Facebook, WhatsApp, Instagram) как выяснилось позднее масштабный сбой в Facebook, Instagram, WhatsApp мог произойти из-за удаления записей DNS (система доменных имен), которые сообщают, как найти страницы соцсетей в интернете. В сети появились сведения о том, личная информация примерно 1,5 миллиарда пользователей Facebook со всего мира якобы была выставлена на продажу после недавней утечки. Согласно отчету Privacy Affairs, участник известного форума хакеров заявил, что владеет этой информацией в конце сентября и предложил продать ее по частям другим участникам форума. Один пользователь заявил, что получил оценку в 5000 долларов за информацию для 1 миллиона пользователей. Пользователь, предположительно владеющий просочившейся информацией, утверждал, что для каждой учетной записи Facebook она включает следующее: имя, адрес электронной почты, местонахождение, пол, номер телефона и идентификатор пользователя.

3. Преступность в сфере распространения незаконного контента сексуального характера. Практически невозможно определить точное количество сайтов с детским порно в Darknet. Объем информации определенных сайтов, исчисляемый сотнями гигабайт поистине грандиозен. Лица, связанные с данной деятельностью, образуют некую ячейку посредством тематических сайтов и форумов, где они могут обмениваться фотографиями и видеоматериалами, а также делиться опытом. Некоторая часть данных сайтов открыта для всех желающих, а другая же становится доступной после определенного «взноса» в существующую «библиотеку» порноматериалов, т.е. они, посредством фото- и видеоматериалов, описывают собственный сексуальный контакт с малолетними. Возраст жертв, как правило, систематизирован: до трех лет, с 4-7 лет, 8-12 лет, 13-15 лет, 16-17 лет. Причем порноматериалы с участием детей в возрасте 1-2 месяцев не уступает по количеству материалам с участием жертв более старшего возраста.

4. Преступность в сфере оборота поддельных документов. Покупателям предлагается ярко выраженный ассортимент товара – от различных страховых свидетельств до паспортов практически любой страны. Данный товар отправляется по обычной почте в тайниках. Эти документы могут предоставляться с гарантией и с любыми деталями, которые будут необходимы покупателю. Преступник, который будет иметь небольшое количество реальных сведений о ком-то, может создать целый ряд «официальных» документов, которые в последствии используются для всех видов мошенничества. Например, цены на водительские права США варьируются от 70 до 550 долларов (от 5 300 до 41 000 рублей). Различие обуславливается самим качеством поддельного документа. Паспорт США, Канады и стран Европы можно приобрести за условные 1 500 долларов (113 000 рублей). Бытует мнение, что изготовлением

таких документов могут заниматься и должностные лица указанных стран. Для них данная деятельность выступает в качестве «подработки».

Основные проблемы включают:

- Отсутствие точных юридических понятий, таких как «киберпреступление», «криптовалюта», «искусственный интеллект», «цифровой след».
- Сложность установления субъекта преступления, поскольку анонимизация и шифрование затрудняют идентификацию лиц, причастных к правонарушению.
- Недостаток международного сотрудничества, что особенно важно, так как большинство преступлений в Darknet имеют транснациональный характер.
- Отсутствие правового регулирования криптовалютного оборота, что осложняет расследование дел, связанных с отмыванием доходов и финансированием терроризма.
- Проблемы доказывания, так как электронные следы легко уничтожаются или находятся вне юрисдикции российских органов.

Для эффективного противодействия киберпреступности требуется комплексный подход, включающий технические, правовые и организационные меры.¹

1. Мониторинг и анализ сети - использование специализированных программных инструментов («Dark Web Scanners», «Chainalysis») позволяет выявлять нелегальные площадки и отслеживать криптовалютные транзакции, связанные с преступной деятельностью.

2. Международное сотрудничество - необходимо активное взаимодействие с организациями Интерпол, Европол, а также реализация положений Будапештской конвенции о киберпреступности (2001), предусматривающей обмен данными и совместные расследования.

3. Совершенствование законодательства. Следует:

- ввести отдельную главу УК РФ, посвящённую преступлениям в цифровой среде;
- уточнить составы преступлений с использованием цифровых технологий;
- законодательно определить оборот криптовалют и ответственность за их незаконное использование.

4. Повышение квалификации правоохранительных органов - Подготовка специалистов в области цифровых технологий, проведение курсов и тренингов по выявлению противоправных действий в сети существенно повышает результативность расследований.

Цифровизация общества стала неотъемлемой частью современного мира, однако вместе с ней появились новые угрозы, требующие адекватной реакции государства и права. Darknet представляет собой уникальное пространство, где анонимность и шифрование становятся оружием в руках преступников.

Таким образом, несмотря на определенные успехи, например, поимка Росса Уильяма Ульбрихта владельца популярной анонимной торговой интернет-

¹ Мухин С.М. Преступления в сети Darknet: краткая характеристика, проблемы противодействия // Альманах молодого исследователя. 2018. № 5. С. 110–114.

площадки в Darknet, преступники всё ещё чувствуют себя безнаказанными в этом виртуальном пространстве. Многочисленные преимущества «темной сети» такие как, высокая анонимность, различные методы шифрования, децентрализация хранимой информации это всё является уникальным инструментом используемые злоумышленниками для достижения своих противоправных целей. Эти факторы, также являясь преимуществом для одной стороны, для другой становятся преградой, а именно затрудняется работа правоохранительных органов в расследовании преступлений, отслеживании и обнаружении преступников и другой необходимой информации. Поиск оптимального решения, обеспечивающего эффективность противодействия преступности в данной сфере, должен происходить при комплексном взаимодействии правоохранительных органов и специалистов в сфере информационных технологий. Очевидна общественная опасность данного явления, которая в будущем будет требовать к себе ещё большего внимания.

Я.А. Данилова¹, В.М. Созаев²

Научный руководитель: П.Т. Савин³

^{1,2,3} Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Вопросы предупреждения преступления, предусмотренные ст. 151 УК РФ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 151 УК РФ, которая направлена на защиту прав и интересов несовершеннолетних. Особое внимание уделяется анализу законодательных норм, применяемых для предотвращения вовлечения подростков в противоправную деятельность. На основании проведённого исследования выявлены ключевые проблемы и возможности совершенствования существующих мер профилактики. В статье рассматриваются основания и механизмы для правоприменения данной нормы, а также её практическое значение для предупреждения вовлечений несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий. Уделяется внимание и юридическим последствиям действий, которые могут быть направлены на предотвращение преступлений, и проблемам взаимодействия с другими положениями уголовного законодательства. Также в исследовании присутствует обзор судебной практики и теоретических взглядов на эффективность профилактики преступной деятельности.

Ключевые слова: ответственность, вовлечение несовершеннолетних, противоправные действия, правонарушения, правоохранительные органы.

Современное российское общество, пребывая в состоянии непрерывных преобразований и динамичного развития, неизбежно сталкивается с рядом серьёзных социальных проблем, одна из которых особенно выделяется своей остротой и потенциальной опасностью – вовлечение несовершеннолетних в сферу противоправной активности. Цифровая эпоха, характеризующаяся стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий и

расширением границ виртуальной реальности, существенно усложняет ситуацию, предлагая совершенно новые инструменты и методы вербовки молодёжи в ряды правонарушителей. Интернет-пространство, социальные сети, мессенджеры и многопользовательские игры превращаются в площадки, активно используемые организаторами криминальных сообществ для привлечения подростков. Подобная тенденция ставит перед правоохранительной системой сложную задачу двойственного характера: не ограничиваться лишь реагированием на совершенные правонарушения, но и эффективно осуществлять превентивные меры, направленные на предупреждение возможных общественно опасных деяний.

Предупреждение преступности среди несовершеннолетних является одной из приоритетных задач уголовного права России. Особое внимание уделяется предотвращению преступлений, предусмотренных ст. 151 УК РФ, которая регламентирует ответственность за вовлечение несовершеннолетних в противоправные действия. Так, ст. 4 Федерального закона от 24.07.1998 №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» устанавливает: «Целями государственной политики в интересах детей являются осуществление и защита прав детей, недопущение их дискриминации, укрепление гарантий прав и законных интересов, а также от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое и нравственное развитие»¹. Это обуславливает необходимость комплексного подхода к профилактике правонарушений среди подростков, направленного на создание условий, способствующих полноценному физическому, психологическому и духовному развитию молодого поколения, минимизацию влияния негативных социальных факторов и формирование устойчивых установок законопослушного поведения, что способствует укреплению стабильности и правопорядка в обществе.

При анализе содержания, объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ, важно подчеркнуть, что данная норма направлена на обеспечение защиты несовершеннолетних от участия в противозаконных действиях.

Объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие защиту детства от негативного воздействия взрослых, но это также может и являться «при конкретных обстоятельствах факультативным объектом, наряду с его физической неприкосновенностью (при вовлечении путем угрозы), здоровьем (при насильственном вовлечении), свободой»². Так, можно прийти к выводу, что основным объектом будут выступать всё-таки общественные отношения, связанные с реализацией установленных в

¹ Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Российская газета. 1998 г. Ст. 4.

² Татимов А.М., Квалификация преступления, связанного с вовлечением несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, по объективным признакам // Уголовная юстиция. 2022. №19. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-prestupleniya-svyazannogo-s-vovlecheniem-nesovershennoletnego-v-sovershenie-antiobschestvennyh-deystviy-po>. Дата обращения: 24.10.2025.

обществе норм, направленных на физическое и нравственное воспитание детей.

Объективная сторона включает активные действия, направленные на вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление алкоголя и одурманивающих веществ, бродяжничество, попрошайничество. Это выражается в уговорах, угощениях, обещаниях выгод, обмане и других формах мотивации подростка к противоправному поведению. Также стоит учитывать, поскольку преступления, выраженное в вовлечении несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, относится к формальным составам, ст. 151 УК РФ не требует наличия конкретных общественно опасных последствий. Важно отметить, что объективная сторона этого преступления связана исключительно с активным поведением – «вовлечение» предполагает совершение именно действия и данное деяние не может выражаться в бездействии. Данный вывод подтверждается разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»¹.

Субъектом преступления является дееспособное лицо, достигшее 18 лет. Ключевое значение имеет форма вины - прямой умысел, подразумевающий чёткое понимание виновным лица последствий своего поступка и осознанное стремление достичь конкретного результата - вовлечения несовершеннолетнего в разрушительное и антисоциальное поведение. Современное уголовное законодательство усиливает ответственность за подобные деяния путём введения квалифицирующих признаков, таких как групповая форма совершения преступления либо причинение значительного вреда здоровью потерпевшего, что предусмотрено ч. 2 ст. 151 УК РФ. Эти положения отражают современные тенденции в сфере охраны детства, ориентирующиеся на значительное повышение уровня наказания за преступления, сопряжённые с интересами и благополучием подрастающего поколения.

Юридическая природа предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 151 УК РФ, определяется её комплексным характером, включающим правовые, воспитательные и организационные механизмы. Целью предупреждения является устранение предпосылок и обстоятельств, создающих условия для совершения преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность. Особенность состоит в дифференцировании профилактики от мер наказания и административного воздействия, подчёркивая самостоятельность предупредительных мер, направленных на предотвращение потенциальных правонарушений до их наступления.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС КонсультантПлюс. Дата обращения: 22.10.2025.

Основное различие предупреждения преступлений от иных уголовно-правовых мер заключается в его упреждающем характере, нацеленном на исключение самого факта нарушения закона ещё до его совершения. Например, беседы сотрудников полиции с родителями, имеющими проблемы с алкоголем, направлены на профилактику вовлечения их детей в противоправную деятельность. Напротив, санкции ст. 151 УК РФ вступают в силу после свершения преступления, обеспечивая не только наказание виновного, но и профилактику повторных нарушений.

Правовые механизмы предупреждения преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ, формируют сложную и многоуровневую систему, направленную на защиту несовершеннолетних от вовлечения в противоправную деятельность. Важно отметить, что эффективность данной нормы достигается посредством интеграции материально-правовых запретов и процессуальных мер, которые применяются правоохранными органами в рамках уголовного судопроизводства.

Ст. 151 УК РФ формирует многослойную систему правового противодействия, интегрируя материальные запреты и процессуальные процедуры. Она предусматривает разнообразные виды наказаний, позволяющие учитывать тяжесть содеянного и личность нарушителя. Для основного состава преступления предусмотрены альтернативные наказания: обязательные работы, исправительные работы, арест или лишение свободы сроком до четырёх лет.

Особое внимание уделено квалификационным признакам, указанным в ч. 2 и 3 ст. 151 УК РФ, которые значительно повышают степень ответственности. Они включают случаи вовлечения в противоправные действия лицами, несущими воспитательную функцию, использование Интернета и иных телекоммуникаций, применение физического насилия или угрозы его применения. За такие действия предусмотрены более суровые наказания вплоть до ограничения свободы или длительного тюремного заключения.

Эффективное применение указанных норм требует соблюдения процессуальных гарантий, установленных УПК РФ. Доказывание систематичности противоправных действий осуществляется посредством показаний потерпевших, свидетелей и результатов оперативно-розыскных мероприятий. Особый порядок допроса несовершеннолетнего потерпевшего, предусматривающий обязательное участие психолога, педагога или законного представителя, обеспечивает снижение риска психологической травмы. Значимым аспектом квалификации является установление умысла взрослого субъекта, намеренно привлекающего ребёнка к антиобщественным действиям.

Согласно официальной статистике МВД России по преступности несовершеннолетних за 2019-2023 гг. свидетельствует о сохранении стабильно высоких показателей подростковой преступности. Несмотря на некоторое снижение абсолютных цифр правонарушений, «удельный вес

преступности несовершеннолетних остаётся значительным»¹. Среди противоправных деяний, наиболее часто фиксируемых правоохранительными органами, выделяются преступления против собственности, как грабежи и кражи, а также акты хулиганства. Значительную долю составляют также нарушения законодательства в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Повышенное внимание следует уделить случаям вовлечения подростков в экстремистские группы и противоправные сообщества в сети Интернет.

8 января 2025 года в ст. 151 УК РФ были внесены изменения Федеральным законом от 28.12.2024 №514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». В текст Кодекса были внесены квалифицирующие признаки, определяющие ответственность за вовлечение несовершеннолетнего к противоправным действиям посредством информационно-телекоммуникационных систем. Кроме того, была установлена ответственность за преступления, совершенные в отношении двух или более несовершеннолетних лиц, а также в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста.

Успешность предотвращения противоправных деяний находится в прямой зависимости от всестороннего характера проводимых профилактических мероприятий. «Профилактика девиантного поведения – общегосударственная задача, и успешное её решение возможно только при совместных координированных усилиях различных ведомств, министерств и специалистов»². Однако слабая согласованность действий между вышеуказанными субъектами отрицательно сказывается на эффективности превентивных мер.

Например, использование детей взрослыми в целях извлечения прибыли является острой социальной проблемой. «Такие действия лишают ребёнка возможности развить свой потенциал и наносят вред его физическому и психическому развитию»³. Постоянное получение денежных средств через обращение к милосердию незнакомых людей приводит к формированию у несовершеннолетнего стойкой психологической зависимости от подобного рода деятельности.

Для склонения к попрошайничеству злоумышленники используют различные методы, включая шантаж, обещания освобождения от долговых обязательств и другие формы манипуляций, преследуя собственные корыстные цели и рассматривая ребенка как источник дохода. Взрослые лица, вовлечённые в данную противоправную практику, демонстрируют девиантное поведение, искажая в сознании ребёнка представления об общепринятых

¹ Официальная статистика МВД РФ по преступности несовершеннолетних за 2019–2023 гг. URL: <https://мвд.рф/reports/>. Дата обращения: 20.10.2025.

² Письмо Министерства просвещения РФ «О направлении методических рекомендаций» от 28.07.2025 № 07-4251 // Официальный интернет-портал правовой информации, 2023.

³ Евченко О.С. Детский труд как моральная проблема деловой этики // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2014. Т. 20. С. 6–10.

нормах морали и формируя у него неправильное восприятие окружающей действительности, обвиняя в своих неудачах государство или его институты.

Согласно примечанию ст. 151 УК РФ, родитель может быть освобожден от уголовной ответственности за вовлечение ребенка в бродяжничество, если это произошло в результате тяжелых жизненных обстоятельств, таких как потеря работы или жилья. Тем не менее, указанное исключение не может применяться к другим членам семьи, законным представителям или иным лицам, совершившим аналогичное преступление.

Рассматривая примеры определённых случаев из судебной практики, стоит отметить важность учёта индивидуальных обстоятельств и социальной среды, в которых происходит девиантное поведение. «Так, при внезапной гибели родителей в условиях пожара в живых остаются братья 17 и 19 лет, и старший из них уговаривает младшего заниматься бродяжничеством, переезжая из одного города в другой, а также выпрашивать деньги у незнакомых людей, рассказывая им о своем несчастье.»¹ Таким образом, толкование ст. 151 УК РФ не охватывает все ситуации, связанные с принудительным участием в конкретных формах такого поведения.

Ст. 151 УК РФ является ключевой составляющей системы уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий. Она направлена на защиту нравственного развития ребёнка и пресечение попыток взрослых лиц склонять несовершеннолетних к асоциальному поведению. Вместе с тем, данная норма находится в определенной связи с другими статьями УК РФ, регулирующими ответственность за вовлечение подростка в употребление алкоголя, наркотиков либо проституцию (ст. 150, 151.1, 240 УК РФ).

Практика применения ст. 151 УК РФ сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, это связано с отсутствием чёткого определения понятия «антиобщественное поведение»², что значительно затрудняет квалификацию деяний. Во-вторых, недостаточно проработаны механизмы привлечения к ответственности лиц, использующих информационно-коммуникационные технологии для вовлечения несовершеннолетних, что создаёт правовые коллизии и препятствует эффективной защите прав детей.

Допустим, совершеннолетний гражданин склоняет подростка двенадцати лет к совершению телефонного звонка неизвестному адресату. Подросток должен представиться внуком этого адресата и запросить денежный перевод. Причиной перевода называется дача взятки, так как несовершеннолетний якобы находится в отделе полиции. В итоге, адресат осуществляет перевод денежных средств на счёт, контролируемый взрослым. «В таком случае

¹ Татимов А.М. Некоторые вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных и иных действий (ст. ст. 151, 151.1, 151.2 УК РФ) // Право и практика. 2019. №4. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-kvalifikatsii-vovlecheniya-nesovershennoletnego-v-sovershenie-antiobschestvennyh-i-inyh-deystviy-st-st-151-151-1>. Дата обращения: 27.10.2025.

² Федеральный закон "Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации" от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Российская газета. Ст. 2.

взрослый понесет ответственность за мошенничество как исполнитель, а для ребенка последствия в виде уголовной ответственности не наступят, поскольку такой ребенок не достиг шестнадцатилетнего возраста, с которого наступает уголовная ответственность за мошенничество»¹. Подобный случай подчёркивает важность дифференцированного подхода к ответственности с учётом возраста участников общественно опасного деяния.

Необходимо создание комплекса конкретных мер для предотвращения и профилактики преступлений, предусмотренных ст. 151 УК РФ. Так, для повышения эффективности борьбы с данным видом преступности предлагается следующее:

- конкретизировать перечень антиобщественных действий в тексте статьи;
- расширить круг субъектов, подлежащих уголовной ответственности, включив туда организаторов онлайн-групп деструктивной направленности;
- усилить взаимодействие правоохранительных органов с органами образования и здравоохранения для раннего выявления случаев вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность.

Подводя итоги, анализ проведённой работы показал, что предотвращение преступлений по ст. 151 УК РФ требует системного подхода, включающего не только правовые меры, но и профилактические действия социальных институтов. Важным элементом является формирование у детей и подростков правосознания и ответственности, а также создание благоприятных условий для их гармоничного развития. Одновременно необходимо совершенствовать деятельность правоохранительных органов и взаимодействие с социальными службами для эффективной реакции на возникающие угрозы. Только комплексное сочетание превентивных мер позволит значительно снизить распространённость данных нарушений и обеспечить защиту несовершеннолетних.

С.А. Задирака¹, Д.Н. Нургазиева²

Научный руководитель: **В.А. Робак³**

^{1, 2, 3} Университет прокуратуры Российской Федерации

Проблемные вопросы квалификации преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ

Аннотация. В данной статье анализируются проблемные вопросы квалификации преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Авторы рассматривают возможные варианты квалификации убийства мнимо беременной женщины. На основе изученных научных точек зрения и судебной практики в статье приводятся аргументация авторского подхода касаясь данного вопроса и решение указанной проблемы.

¹ Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_11/activity/legal-education/materials/pm/. Дата обращения: 25.10.2025.

Ключевые слова: беременная женщина, фактическая ошибка, убийство, правила квалификации, заведомо для виновного, мнимая беременность, уголовно-правовые принципы, судебная практика.

Убийство является одним из особо тяжких преступлений, закрепленных в УК РФ. Умышленное лишение жизни другого человека само по себе имеет высокую степень общественной опасности, а при наличии квалифицирующих признаков степень и характер общественной опасности данного деяния существенно возрастает. Одним из существующих видов убийств при отягчающих обстоятельствах является убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Данный пункт ст. 105 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 отсутствует разъяснение относительно применения указанного пункта¹. Необходимо отметить, что деяния виновного следует квалифицировать по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ только в тех случаях, когда лицо заведомо знало о том, что совершает убийство женщины, находящейся в состоянии беременности. В данном случае срок беременности может быть любым, так как он не имеет юридического значения и не влияет на квалификацию данного преступления. Однако предположительное и основанное на догадках знание о наличии беременности у потерпевшей не дает никаких оснований для данной квалификации. В УК РФ не зря используется термин «заведомо для виновного», ведь слово «заведомый» означает хорошо известный, не подлежащий сомнению виновного².

Однако при квалификации содеянного по этому пункту имеется несколько сложных моментов, требующих единообразного практического разрешения. В настоящее время на практике основной проблемой при квалификации данного деяния оказывается наличие фактической ошибки, то есть неверное понимание лица касавшегося фактических обстоятельств, которые являются объективными признаками состава данного преступления и определяют характер и степень общественной опасности преступления. Смысл данной ошибки заключается в том, что лицо, убивает женщину, которая заведомо для него находится в состоянии беременности, но при фактических обстоятельствах дела она таковой не является. Ввиду чего появляется вопрос о том, как правильно квалифицировать данное деяние с уголовно-правовой точки зрения, так, судебная практика и наука уголовного права расходятся в данном вопросе.

В настоящее время в юридической литературе существует четыре точки зрения касавшиеся квалификации убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, при фактической ошибке:

¹Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // БВС РФ. 1996. № 1.

²Капинус О.С., Уголовное право России. Особенная часть. В 2 т. Т. 1. Преступления против личности. Преступления в сфере экономики: учебник для академического бакалавриата. М., 2015. С. 29.

- 1) по совокупности преступлений – по ч. 1 ст. 105 УК РФ и ч. 3 ст. 30 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹;
- 2) как простое убийство – по ч. 1 ст. 105 УК РФ²;
- 3) как квалифицированное убийство – по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ³;
- 4) как покушение на квалифицированное убийство – по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ⁴.

Для того, чтобы верно определить квалификацию данного преступления рассмотрим подробно эти четыре позиции. Первым вариантом является квалификация – по ч. 1 ст. 105 УК РФ и ч. 3 ст. 30 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ. При применении такого варианта квалификации сразу же поднимается вопрос о нарушении принципа справедливости, закрепленного в ч. 2 ст. 6 УК РФ, ведь, квалифицируя данное деяние одновременно по двум статьям, виновный по сути несет двойную ответственность за совершение одного преступления. Также данный подход противоречит ст. 17 УК РФ, поскольку виновный совершает по сути одно деяние, которое в итоге рассматривается не только как оконченное преступление, но и как покушение на него. Данная позиция насчет применения такой квалификации строится на идее об идеальной совокупности, однако трактовка такого мнения дана неверно, поскольку ч. 2. ст. 17 УК РФ указывает, что одно действие может признаваться совокупностью преступлений, если содержит признаки преступлений, предусмотренных двумя либо более статьями УК РФ. Также здесь не будет реальной совокупности, поскольку ч. 1 ст. 17 УК РФ говорит о совершении лицом двух и более преступных деяний, но в данном случае виновным совершено только одно преступление.

В случае квалификации по совокупности преступлений должно быть два объекта посягательства. Приверженцы данного подхода «удваивают» объективные признаки такого преступления, принимая его за посягательство не только на жизнь имеющегося в реальности (самой женщины, находящейся в состоянии беременности), но и потенциального (ее плода) человека. В такой ситуации предполагается наличие двух потерпевших и осознание виновным соответствующих последствий. Приведенная позиция и дает возможность квалифицировать убийство мнимо беременной женщины по совокупности преступлений. Однако жизнь человека начинается с момента начала физиологических родов и заканчивается смертью. Посягательство на жизнь человеческого плода нельзя рассматривать как какую-либо разновидность убийства. Таким образом, в случае убийства беременной женщины будет один

¹Лялин С.А. Квалификация убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности // Проблемы науки. 2018. №10 (34). С. 54.

²Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2008 г. № 420-П07. [Электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-26042017-n-65p17/>. Дата обращения: 09.10.2025.

³Смирнов В.А. Некоторые вопросы использования признаков субъективной стороны преступления при конструировании квалифицированных составов убийства // Правовые проблемы укрепления российской государственности. 2012. С. 25.

⁴Шевченко М.Ж. Фактическая ошибка при совершении убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности // Общество и право. 2011. №3 (35). С. 33.

объект преступления – жизнь беременной женщины, а значит квалификация по совокупности – представляется недопустимой¹.

Также стоит отметить, что в данном случае при такой квалификации в дальнейшем при применении правил сложения наказаний, предусмотренных ч. 3 ст. 69 УК РФ, по итогу получится, что убийство мнимо беременной женщины может повлечь более строгое наказание, чем убийство в действительности беременной женщины².

Следующий вариант квалификации данного деяния – ч. 1 ст. 105 УК РФ. Сторонники такой позиции, в первую очередь, исходят из фактически наступившего результата, не учитывая в полной мере направленность умысла виновного, который хотел совершить более опасное преступление, представляющее повышенную общественную опасность, что нарушает принцип вины.

Однако именно такая квалификация встречается в судебной практике. Например, при рассмотрении 16 января 2008 года уголовного дела по надзорной жалобе осужденного Г. на приговор Кемеровского областного суда, по которому он был осужден к 14 годам лишения свободы по ч. 1 ст. 105 УК РФ и к 15 годам – по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, Президиум Верховного Суда в своем постановлении указал, что квалификация деяний Г. по совокупности преступлений, которые предусмотрены одной статьей, противоречит ч. 2 ст. 17 УК РФ, ввиду чего Кемеровский областной суд ошибочно квалифицировал действия Г. по совокупности преступлений. Суть данного уголовного дела состояла в следующем - в результате ссоры Г. со своей сожительницей Б., взяв охотничье ружье с целью совершения убийства, выстрелил сожительнице Б. в голову, отчего потерпевшая скончалась на месте. При этом Г. заведомо, до совершения им преступных деяний, знал о том, что Б. находится в состоянии беременности. Таким образом, в результате убийства своей сожительницы свой преступный умысел на убийство беременной женщины Г. не довел до конца по независящим от него причинам, поскольку в действительности Б. не находилась в состоянии беременности. Также Президиум Верховного Суда в своем постановлении указал, что квалификация действий Г. как покушения на убийство является излишней и осуждение по ч. 3 ст. 30 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо исключить из судебных решений. Данное решение обосновывалось тем, что умысел Г. на причинение смерти своей сожительнице Б., которая в реальности не находилась в состоянии беременности, был полностью реализован. В результате чего Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2008 г. № 420-П07 было исключено осуждение Г. по ч. 3 ст. 30 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в оставшейся части осуждения Г. по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 13 годам лишения

¹ Дядюн К.В. Квалификация убийства заведомо беременной женщины в условиях фактической ошибки: проблемы и решения // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2015. №11-12 (21). С. 72-73.

² Шевченко М.Ж. Фактическая ошибка при совершении убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности // *Общество и право*. 2011. №3 (35). С. 31.

свободы в исправительной колонии строго режима судебные решения оставить без изменения¹.

Касаемо данной позиции следует отметить зарубежный опыт, в частности рассмотрим законодательство Республики Казахстан. В Уголовном кодексе Республики Казахстан также закреплены виды убийств при отягчающих обстоятельствах, одним из которых является убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. 4 ч. 2 ст. 99 Уголовного кодекса Республики Казахстан). При этом Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 г. № 1 «О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека» дает разъяснения касемо уголовно-правовой квалификации убийства по п. 4 ч. 2 ст. 99 Уголовного кодекса Республики Казахстан. В частности, в нем отмечается, что в тех случаях, когда виновный лишь предполагал, что он совершает убийство беременной, но фактически потерпевшая беременной не была, действия виновного при отсутствии других квалифицирующих признаков подлежат квалификации по части первой статьи 99 Уголовного кодекса Республики Казахстан². Ввиду чего, по мнению Верховного Суда Республики Казахстан, в случаях совершения убийства мнимо беременной женщины действия виновного следует квалифицировать как простое убийство – по ч. 1 ст. 99 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Третьим вариантом квалификации данного преступления является п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В данном случае сторонники данной точки зрения акцентируют внимание на убийстве женщины именно заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а не на убийстве фактически беременной женщины. Ввиду чего при применении данной квалификации главным аргументом тех, кто придерживается данной позиции, становится понятие «заведомо для виновного». Следовательно, для вменения п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ достаточно того, чтобы лицо, совершающее данное преступление осознавало, что женщина находится в состоянии беременности, то есть обладала теми качествами, которые влекут повышенную ответственность, а фактическое наличие или отсутствие беременности на момент совершения преступления не имеет значения³. Однако при такой квалификации итогом является вменение виновному лицу отягчающего обстоятельства, которое в объективной действительности отсутствует, что противоречит принципу справедливости уголовного закона и правилам квалификации.

¹Веневцева Н.В. Проблемы квалификации убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности // Отечественная юриспруденция. 2019. №2 (34). С. 48–49.

²Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 года № 1 «О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека». URL: https://zakon.uchet.kz/rus/docs/P07000001S_. Дата обращения: 09.10.2025.

³Смирнов В.А. Некоторые вопросы использования признаков субъективной стороны преступления при конструировании квалифицированных составов убийства // Правовые проблемы укрепления российской государственности. 2012. С. 25.

Относительно позиции – ч. 3 ст. 30 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ – покушение на убийство беременной женщины, необходимо указать следующее. Данная квалификация в полной мере отражает направленность умысла, но в этом случае пренебрегает фактическими обстоятельствами дела, поскольку если квалифицировать деяния виновного лица только как покушение на жизнь беременной женщины, то при этом не учитывается факт причинения смерти потерпевшей, то есть наличия трупа¹. Однако сторонники данной точки зрения считают, что в такой ситуации деяние необходимо квалифицировать как покушение на убийство беременной женщины, в виду того, что лицо предприняло все меры для достижения преступного результата, но задуманный им результат не наступил, по независящим от него причинам, а в данном случае это отсутствие состояния беременности у потерпевшей. Следовательно, содеянное будет квалифицироваться в соответствии с направленностью умысла, который по независящим от виновного лица обстоятельствам не был достигнут².

Также считаем нужным отметить, что в том случае, когда действия виновного мы квалифицируем по ч. 3 ст. 30 УК РФ и п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ максимальное наказание не может превышать 15 лет лишения свободы, при этом нижняя граница санкции в виде лишения свободы предусматривает не менее 8 лет, а санкция за убийство без отягчающих обстоятельств по ч. 1 ст. 105 УК РФ предусматривает лишение свободы от 6 до 15 лет. Исходя из результатов сравнения данные преступления имеют одинаковые верхние границы наказания – срок лишения свободы не может превышать 15 лет.

В заключении хотим сказать, что при квалификации деяния виновного по ч. 1 ст. 105 УК РФ в полной мере учитываются фактические обстоятельства данного преступного деяния. При совершении такого преступления умысел виновного, прежде всего, направлен на лишение жизни самой женщины, находящейся в особом состоянии – беременности. При этом в момент совершения преступления сам зародыш для виновного не является значимым элементом объекта посягательства. Плод беременной женщины не представляет отдельной особенной заинтересованности для лица, совершающего преступное деяние. Таким образом, по нашему мнению, исходя из изученных научных точек зрения и судебной практики, наиболее верной квалификацией убийства мнимой беременной женщины является ч. 1 ст. 105 УК РФ.

¹Лялин С.А. Квалификация убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности // Проблемы науки. 2018. №10 (34). С. 54.

²Бобкова Ю.Д. Убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности: теоретические и правоприменительные вопросы // Право: современные тенденции: материалы III Междунар. науч. конф. 2016. С. 126.

Э.М. Ибрагимова¹

Научный руководитель: **А.Г. Таилова²**

^{1,2} Северо-Кавказский институт (филиал)

Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкале

Понятие преступлений против жизни и здоровья в доктрине уголовного права

Аннотация. Как следует из названия категории рассматриваемых преступлений, их дифференциация произведена на основе объекта преступления. В случае преступлений против жизни и здоровья объектом преступления являются соответственно жизнь и здоровье. Когда преступление, угрожающее жизни и здоровью человека, совершается в форме умысла или неосторожности, его наказуемость не может быть определена без детального изучения объекта преступления. Этот вопрос является очень важным, даже фундаментальным. Это связано с тем, что реализация принципа законности преступлений и наказаний зависит от точного определения объекта преступления в диспозиции уголовно-правовых норм. Поэтому для уяснения понятия и сущности преступления против жизни и здоровья представляется необходимым сначала провести комплексный анализ жизни и здоровья как объекта преступления.

Ключевые слова: преступление, пособничество, содействие, декриминализация, ущерб.

В отечественном уголовном праве вопросу определения момента начала жизни часто уделяется внимание, поскольку он, как правило, изучается с конституционной точки зрения. Однако в рамках изучения вопроса о моменте начала жизни следует обратить внимание на отдельные аспекты уголовного права, связанные с началом жизни.

Право на жизнь являются объектом охраны государством уже достаточно давно. Так в начале двадцатого столетия, когда возникли первые социальные конституции, жизнь и здоровье стали одним из главных ценностей, а забота о них стала важной государственной задачей. Право на жизнь – первостепенное из естественных прав человека, которое гарантируется как Конституцией Российской Федерации, так и международными и отечественными нормативными документами.

Анализируя многочисленные подходы по этому вопросу, следует отметить, что содержание права на жизнь является одним из наиболее спорных вопросов на протяжении всей истории становления и эволюции отечественного уголовного права. Во-первых, Конституция РФ в ст. 2 определяет важное положение относительно прав и свобод человека.

А именно, права являются высшей ценностью для государства, и на основании этого положения государства обязано их признавать, защищать и соблюдать. Следует отметить, что непосредственно объектом охраны является не сам человек, а его права и свободы, в числе которых право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Одной из форм способов охраны прав и свобод человека является использование уголовно-правовой охраны. Согласно положениям ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), объектами уголовно-правовой защиты являются, в числе прочего, права и свободы человека и гражданина¹ Е.Н. Карабанова, исходя из приведенного выше перечня, обращает внимание на то, что законодатель определяет объект уголовно-правовой охраны как обязательный признак состава преступления² Верховный Суд РФ, разъясняя содержание отдельных институтов уголовного права, например, необходимой обороны и других, также употребляет категории «законные интересы» и «общественные ценности»³

Теория уголовного права на данный момент отличается разнообразием подходов к определению жизни человека, как объекта преступного посягательства. Жизнь человека рассматривается рядом исследователей в качестве самостоятельной ценности. Однако находясь за пределами общественных отношений, существование данного блага, как и других ценностей, не имеет значения с позиции их охраны и защиты.

Ценность оно приобретает для общества только тогда, когда выступает предметом отношений между людьми, побудительной силой для их взаимодействия. Тем самым, приобретая значение ценности или блага общественного значения, они становятся объектом охраны в качестве элементов общественных отношений.

В международном праве и внутригосударственном законодательстве право на жизнь трактуется как запрет на принудительное изъятие органов и тканей, запрет на эвтаназию и произвольное лишение жизни человека. Как представляется, юридически закрепленное право на жизнь включает ряд конкретных прав граждан, обязанность по обеспечению которых несут общество и государство.

С первого взгляда проблема определения начала жизни кажется легкоразрешимой – жизнь человека берет свое начало с момента рождения. Однако данный вопрос в настоящее время является предметом научных дискуссий, поскольку критерии, по которым определяется момент, когда жизнь становится объектом уголовно-правовой охраны, разнородны, о чем свидетельствует правоприменительная практика европейских государств.⁴

Анализируя категорию «жизнь» человека, нельзя обходить стороной и другую категорию, которая, как уже говорилось, является связанной с первой – это «здоровье». Для определения единого понятия преступления против здоровья было высказано немало мнений со стороны ученых-теоретиков.

Анализируя категорию «жизнь» человека, нельзя обходить стороной и другую категорию, которая, как уже говорилось, является связанной с первой – это

¹ Волкова Т. Правовая защита права на жизнь новорожденного // Законность. 2004. № 4. С. 6.

² Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961.

³ Калью П.И. Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: обзорная информация. М., 1988. С. 74.

⁴ Карабанова Е.Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 36–37.

«здоровье». Для определения единого понятия преступления против здоровья было высказано немало мнений со стороны ученых-теоретиков.

В частности, Г.Н. Борзенков в курсе уголовного права России констатировал: «К преступлениям против здоровья законодатель относит и такие деяния, которые непосредственно не причиняют вреда здоровью, непосредственно на него не воздействуют, но ставят в опасное состояние здоровье и жизнь человека»¹

К ним, по мнению ученого, относятся составы преступлений, предусмотренные ст. 119, 120, ч. 1 ст. 122, ч. 1 ст. 123 и 125, а также ст. 116 УК РФ. Указанную позицию разделяет профессор А.И. Рарог, который отмечает, что в отечественном уголовном праве «стало традицией рассматривать данную группу преступлений за пределами преступлений против здоровья, порой не давая этому какого-либо обоснования, оставляя без анализа и упоминания объект преступлений»² Схожую точку зрения по рассматриваемому вопросу высказали и другие криминалисты. По их мнению, к преступлениям против здоровья человека следует относить все составы преступлений, предусмотренные ст. 111–125 гл. 16 УК РФ.

Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» признает моментом рождения ребенка «момент отделения плода от организма матери посредством родов». Это же положение содержится в Приказе Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687 «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи»³

Но противоположная позиция существует в медицинском сообществе, и необходимо признать – не безосновательно, что подтверждает нижеупомянутое высказывание. Так, В.А. Голиченков, формируя свою позицию, утверждает, что в биологическом аспекте «жизнь человека начинается со слияния ядер мужской и женской половых клеток, и образования единого ядра, содержащего уникальный генетический материал. На протяжении всего развития плод не может считаться частью тела матери. Его нельзя уподобить органу или части органа в теле матери. Поэтому очевидно, что аборт на любой стадии беременности – это преднамеренное прекращение жизни человека как биологического индивидуума».

Несмотря на важность определения здоровья как охраняемого объекта уголовного права, общепринятого определения этой научной категории не существует в силу ее интегративного характера. Анализ и систематизация научных идей в этой области представляется самостоятельной исследовательской задачей. Особого внимания заслуживает исследование П.И.

¹ Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов: Полиграфист, 1996. 10. Наумов А.В. Российское уголовное право. М.: Юрид. лит., 2008. Т. 1. 730 с.

² Наумов А.В. Указ. соч.

³ О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи. Приказ Минздравсоцразвития России от 27 декабря 2011 года № 1687н (ред. от 13.09.2019) (Зарегистрировано в Минюсте России 15.03.2012 № 23490) // Российская газета. 2012. № 64.

Калью содержащее свыше восьмидесяти определений понятия «здоровье», которые были предложены представителями разных научных школ и направлений.

Анализируя взгляды ученых на проблемы здоровья с точки зрения системного подхода, можно сделать вывод, что человеческий организм сложен по своей природе. Очевидно, что в силу сложности и многокомпонентности человеческой системы возможны отклонения в функционировании присущих ей механизмов. Такие отклонения не обязательно характеризуются стабильными и интенсивными процессами, не обязательно предвещают опасные и явные эпизоды заболеваний (патологические процессы). Учитывая адаптационные возможности организма и компенсаторные механизмы, протекающие в нем заболевания могут не достигать критического порога и поэтому обычно считаются практически здоровыми, так как не оказывают существенного влияния на работоспособность и социальную активность. Однако отсутствие явных признаков нездоровья не обязательно означает, что организм не находится в патологическом состоянии. Таким образом, жизнь и здоровье человека являются первостепенными и неоспоримыми благами, которые провозглашаются как на национальном, так и международном уровне. Законодатель объявил жизнь и здоровье личности приоритетными объектами уголовно-правовой охраны, о чем свидетельствует положение ст. 2 УК РФ. Отражено это право так же и во всех международных нормативных правовых актах.

Общественная опасность преступлений против здоровья человека обусловлена посягательством на одно из самых ценных благ человека – здоровье. При этом наряду с фактом причинения физического вреда здоровью потерпевшему причиняется значительный моральный и материальный (расходы на лечение) ущерб. Причинение вреда здоровью человека отвлекает силы человека на восстановление утраченного блага – лечение, приспособление к новым неблагоприятным последствиям, лишает возможности принимать меры, необходимые для личной гигиены, физической тренировки, укрепления организма. Наконец, потеря здоровья означает в ряде случаев невозможность выполнять какие-либо общегражданские обязанности и является психологической травмой для родственников потерпевшего.

Здоровье человека – это фундаментальный интерес, занимающий второе место (после жизни) в иерархии фундаментальных ценностей. Его непосредственная связь с жизнью делает их неразрывным объектом уголовно-правовой охраны. Здоровье является объектом правовой охраны с начала и до конца жизни человека. Начало жизни определяется началом физиологических родов, однако в юридической литературе этот вопрос является спорным и законодателем не решен.

Существуют различные точки зрения по данному вопросу, каждая из них обоснована автором. Так, началом жизни можно считать самостоятельное дыхание и отделение пуповины, начало родового процесса, отделение от тела матери, перерезание пуповины.

В доктрине уголовного права существует устоявшаяся классификация, которая помогает систематизировать эти преступления:

Преступления против жизни:

Убийство (ст. 105 УК РФ).

Убийство при смягчающих обстоятельствах (ст. 106, 107, 108 УК РФ).

Причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ).

Доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ).

Преступления против здоровья:

Причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ).

Причинение вреда здоровью средней тяжести (ст. 112 УК РФ).

Причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ).

Побои (ст. 116 УК РФ).

Истязание (ст. 117 УК РФ).

Заражение венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией (ст. 121, 122 УК РФ).

Преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье (неоказание помощи больному – ст. 124, оставление в опасности – ст. 125 УК РФ).

2. Критерии разграничения вреда здоровью

Важным практическим вопросом является разграничение видов вреда здоровью. Медицинскими критериями, утвержденными Приказом Минздравсоцразвития России, являются:

Тяжкий вред: опасность для жизни; потеря зрения, речи, слуха, какого-либо органа или утрата органом его функций; неизгладимое обезображивание лица; расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой общей трудоспособности не менее чем на одну треть; полная утрата профессиональной трудоспособности.

Вред средней тяжести: длительное расстройство здоровья (свыше 21 дня); значительная стойкая утрата общей трудоспособности менее чем на одну треть.

Легкий вред: кратковременное расстройство здоровья (до 21 дня); незначительная стойкая утрата общей трудоспособности.

3. Проблема эвтаназии в контексте права на жизнь.

В международном праве, как упомянуто в статье, существует запрет на эвтаназию. В России она прямо запрещена ч. 1 ст. 45 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан». Этот вопрос является этико-правовой дилеммой: с одной стороны – право на жизнь, с другой – право человека на достойную смерть и прекращение страданий. Дискуссия вокруг эвтаназии тесно связана с проблемой определения момента окончания жизни (смерти мозга), что является логическим продолжением дискуссии о начале жизни.

4. Уголовно-правовая охрана здоровья на стадии создания опасности.

Вы справедливо цитируете Г.Н. Борзенкова о преступлениях, которые ставят здоровье в опасность. Это так называемые формальные составы или составы опасности. Их особенность в том, что преступление считается оконченным в момент совершения самого действия (бездействия), создающего угрозу причинения вреда, даже если реальный вред здоровью не наступил. Например, угроза убийством (ст. 119 УК РФ) или принуждение к изъятию органов (ст. 120

УК РФ). Это показывает проактивный подход законодателя к охране жизни и здоровья.

5. Современные вызовы и тенденции.

Киберпреступления против здоровья: распространение в интернете деструктивного контента, склоняющего к самоубийствам («синие киты»), или рецептов опасных для здоровья веществ. Борьба с ними требует адаптации уголовно-правовых норм.

Вопросы биоэтики: развитие технологий (генная инженерия, суррогатное материнство) порождает новые виды потенциальных посягательств на жизнь и здоровье, которые пока слабо урегулированы уголовным законом.

Влияние COVID-19: пандемия обострила вопросы уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ), приведшее к массовому заражению или смерти людей, что напрямую связано с охраной здоровья населения.

Таким образом, в научной доктрине уголовного права отсутствует единая позиция относительно определения объектов преступлений против жизни и здоровья. Право на жизнь - неотъемлемое, абсолютное право человека, от которого производны все остальные права и свободы. Данные права появляются у человека с момента его рождения, а именно – с момента отделения плода от организма матери посредством родов. Законодательное определение момента рождения дано в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Р.С. Игнатенко¹

Научный руководитель: **И.А. Подройкина²**

^{1,2} Ростовский филиал

Российской таможенной академии

Использование цифровых копий умерших людей как новый способ совершения киберпреступлений

Аннотация. В статье автор рассматривает проблему кибербезопасности, связанную с феноменом цифровой копии личности умершего. Подробно анализируются понятие «цифровой личности индивида», ее элементы, а также специфика цифровой копии умершего. Особое внимание уделяется новой и пока недостаточно изученной киберугрозе – использованию цифровых копий умерших в преступных целях. В статье рассматриваются различные направления деятельности киберпреступников, в частности мошеннические схемы, осуществляемые с применением персональных данных умерших. В заключительной части предлагаются эффективные способы защиты персональных данных как сами умерших, так и их близких, которые могут стать жертвами преступных посягательств, в частности, автоматическая блокировка профиля умершего в социальных сетях в связи с его физической смертью. Статья представляет собой комплексный анализ проблемы, актуальный для специалистов в области кибербезопасности, юристов, а также для широкого круга читателей, стремящихся обезопасить себя и своих близких в цифровом пространстве.

Ключевые слова: цифровая копия, цифровая копия умершего, киберпреступление, защита персональных данных, мошеннические действия.

Цель исследования состоит в разработке рекомендаций, направленных на предупреждение совершения нового вида киберпреступлений, связанных с использованием цифровых копий умерших людей. Для реализации данной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Раскрыть понятие цифровой личности (цифровой копии личности) и определить ее элементы.

2. Рассмотреть возможные варианты совершения преступлений, посредством использования цифровых копий умерших.

3. Определить, какие способы воздействия на киберпространство могут быть эффективными в деле противодействия совершению новых видов преступлений.

Цифровая личность или цифровая копия – это комплекс типичных для реального человека характеристик, таких как внешность, голос, черты характера и т.д. «Цифровую личность» можно также определить как совокупность цифрового профиля, цифрового образа и цифровых следов личности¹. Считаем необходимым рассмотреть каждый из приведенных элементов подробнее.

Необходимо отметить, что понятие «цифровая личность» («цифровая копия») не должно восприниматься буквально, потому как она не может быть приравнена к реальному человеку. Однако ввиду того, что персональные данные представляют собой любую информацию, которая прямо или косвенно относится к конкретному субъекту и позволяет персонифицировать его, в соответствии с Федеральным законом 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» существует необходимость охраны, защиты цифровой личности индивида, содержащей эти данные, так как они могут использоваться преступниками с целью совершения противоправных действий².

Для того, чтобы определить, чем является первый элемент цифровой копии - цифровой профиль личности, необходимо привести определение цифрового профилирования. Цифровое профилирование – это процесс сбора и анализа информации о человеке или организации, в том числе, которая аккумулируется в сети Интернет³. Таким образом, цифровой профиль есть ничто иное как совокупность информации о лице, собранной по определенному алгоритму для достижения конкретной цели. Трудность определения цифрового профиля индивида заключается в том, что один человек может быть обладателем нескольких цифровых профилей, каждый из которых содержит в себе разные данные, в том числе и заведомо не соответствующие действительности, при этом пользователь может редактировать их. Невозможно запретить ему выставлять в сеть Интернет о себе какую-либо информацию, не соответствующую

¹ Аксенова М.А. Концепция «электронного лица» в правовом пространстве // Юрист. 2020. № 7.

² Федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

³ Минбалеев А.В. Понятие и правовая природа цифрового профиля человека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-pravovaya-priroda-tsifrovogo-profilya-cheloveka/viewer>. Дата обращения 06.10.2025.

действительности, если она не противоречит законодательству Российской Федерации. Цифровой профиль можно приравнять к результату самовыражения личности в киберпространстве. Все цифровые профили делятся на две большие категории: частные и официальные цифровые профили. Частный цифровой профиль – это данные, которые гражданин публикует о себе самостоятельно, например, фотографии, автобиография и т.п. Официальный цифровой профиль – это данные, которые содержатся в информационных системах государственных органов и организаций. В данном случае речь идет, в первую очередь, о документах: паспортные данные, СНИЛС, информация о наличии в собственности недвижимости у конкретного индивида и т.д.

Второй элемент – цифровой образ человека, существует в двух аспектах: реалистичном и нереалистичном. Реалистичный образ – это цифровая фотография или видеозапись, которая содержит реалистичный портрет физического лица, а нереалистичный образ тождественен понятию цифрового аватара пользователя, который является нереалистичным, поскольку это изображение, на котором отсутствует реальный образ человека: фотография животного, растения; изображение персонажа мультфильма; и т.п.

Третьим элементом цифровой личности являются цифровые следы. Несмотря на то, что в отечественной юриспруденции до сих пор отсутствует единообразный подход к определению цифровых следов, ученые-правоведы в большинстве своем определяют цифровой след (в широком смысле) как любые сведения, оставленные и (или) сохраненные в информационном пространстве. Иначе говоря, цифровой след – это результат фиксации тех или иных явлений в электронной форме на компьютерных устройствах, в компьютерных системах или информационно-телекоммуникационных сетях¹. Цифровые следы можно разграничить по трем основаниям:

1. По способу закрепления такие следы делятся на частные и общедоступные. Первая категория касается следов, которые сохраняются исключительно на пользовательском устройстве, с которым взаимодействует индивид. Это могут быть, например, заметки, хранящиеся на его мобильном устройстве. Вторая касается информации, которая каким-либо образом попадает в информационно-телекоммуникационные сети (причем не имеет значения, самостоятельно пользователь загрузил в сеть эту информацию, или же она была размещена там другими лицами).

2. По режиму доступа следы можно разделить две категории: ограниченного доступа (доступ к таким следам имеет только пользователь и (или) определенный им круг лиц), например, закрытый профиль пользователя в какой-либо социальной сети: индивид сам выбирает, кто может иметь доступ к его цифровому образу и цифровому профилю, и общедоступные следы (доступ к ним не ограничен) – эта категория касается информации, доступ к которой может получить абсолютно каждый пользователь сети Интернет: открытые профили индивидов в социальных сетях, новости, содержащие информацию о них и т.п.

¹ Мочалов А.Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 164–189. <https://doi.org/10.17506/26867206>.

3. Цифровые следы также можно разграничить по наличию волевого момента: так, существуют те, что оставлены в результате осознанного волеизъявления индивида, то есть «активные» цифровые следы: публикации и комментарии в социальных сетях; отзывы о товарах и услугах; отправленные электронные письма и сообщения и т.д.; и те, которые формируются в автоматизированном режиме, то есть без непосредственного участия человека, например, IP-адреса; модель, настройки и параметры пользовательского устройства; время, когда человек использует устройство. Такие следы называют «пассивными».

Подробно рассмотрев основные элементы цифровой личности (цифровой копии) индивида, следует дать определение понятию «цифровая личность умершего». Необходимо отметить, что смерть индивида не приравнивается к смерти его цифровой личности, потому как она даже после смерти пользователя может продолжать вести переписку, отвечать на комментарии – то есть совершать различные действия в информационно-телекоммуникационных сетях (в данном случае не имеет значения, какой именно «реальный» человек будет совершать описанные действия). Например, нередко родственники умерших используют их профили с целью сообщить о гибели последних в социальных сетях.

На сегодняшний день появилась новая киберугроза: преступники используют цифровые копии умерших людей с целью совершения мошеннических действий¹. Ввиду того, что цифровые образы и профили многих людей являются реалистичными и общедоступными, мошенники с легкостью могут воспользоваться их данными с целью создания фейковой цифровой личности: благодаря развитию технологий стирается грань между реальным человеческим и цифровым образами, что может создать почву для различного рода манипуляций в личной, коммерческой, политической и общественной деятельности. Используя «эффект доверия» и эмоциональную уязвимость тех, кто потерял своих близких, мошенники добиваются нужных им от жертв действий – переходов по фишинговым ссылкам, передачи кодов или перевода средств.

Существуют сразу несколько направлений деятельности киберпреступников с цифровыми копиями умерших:

Во-первых, игра на чувствах родственников умершего. Так, мошенники предлагают жертвам дипфейки, манипулируя и управляя ими в процессе разговора. Людям, которые никогда не сталкивались с гибелью близких, может показаться удивительным, что жертва самостоятельно пошла на контакт с мошенником, хотя, казалось, очевидно, что умершего вернуть невозможно. Однако боль от утраты близкого затмевает разум. Психолог Скрицкая Татьяна Владимировна в своей статье «Как происходит проживание горя и принятие утраты» описывает несколько стадий осознания и принятия факта смерти

¹ Известия: мошенники могут использовать в своих схемах ИИ-копии умерших людей. URL: <https://www.vesti.ru/article/4721536?ysclid=mgg8j0lrzp963613679>. Дата обращения 05.10.2025.

близкого¹. Первую стадию автор характеризует как «шок и оцепенение» – два этих слова в точности описывают чувства, которые испытывает человек, который потерял своего родного человека. Именно в период этой стадии, длящейся от семи дней, жертва является наиболее уязвимой и подверженной влиянию со стороны мошенников. Она всячески отрицает и не принимает то, что произошло, именно поэтому старается ухватиться за призрачную возможность пообщаться со своим близким человеком. В качестве примера можем привести следующее: одна из российских жительниц получила ночной звонок от неизвестной, которая представилась умершей матерью девушки и сообщила, что ученые Тибетского храма сумели создать технологию, которая открывает доступ к другому миру². Для того, чтобы система и дальше продолжала работать, а мать могла беспрепятственно общаться с дочерью, последней необходимо было перевести на некий банковский счет 20 тысяч рублей. Лишь благодаря мужу потерпевшей, который сумел убедить девушку в том, что такого изобретения не существует, она не стала жертвой злоумышленников.

Во-вторых, мошеннические действия, направленные на людей, которые еще не успели узнать о том, что реального человека больше нет в живых. Такой способ использования цифровой копии умершего является для мошенников наиболее удобным, в частности, для финансовых махинаций: мошенники могут использовать голосовые и видеодипфейки с различными просьбами: перевести денежные средства, прислать какие-либо документы и т.п. Доступ к информации об умершем и его персональным данным предоставляет киберпреступникам массу возможностей: например, прочтение личных переписок умершего с различными людьми может помочь мошенникам распознать, в какой манере и с какими конкретно людьми общался умерший, что может в разы упростить преступникам задачу и создать очень правдоподобную цифровую копию. Так, в Приморье по материалам УФСБ России по Приморскому краю совместно с краевым УМВД возбуждено уголовное дело в отношении сотрудника местного оператора связи³. Он, используя свое служебное положение, получил неправомерный доступ к персональным данным умерших, а впоследствии передал их мошенникам, которые использовали эти данные с целью осуществления своей противоправной деятельности, оформляя перевыпуск SIM-карт умерших. Получив контроль над номером телефона умершего, преступники входили в личные кабинеты на банковских сайтах, почте, системе «Госуслуг» и т.д. Суд также вынес приговор и другим мошенникам, совершавшим

¹ Скрицкая Т.В. Как происходит проживание горя и принятие утраты. URL: <https://www.b17.ru/article/103884/>. Дата обращения 07.10.2025.

² Мошенники под видом умерших родственников вымогают у россиян деньги. URL: <https://tolknews.ru/proisshestvia/179820-kak-moshenniki-pritvoryayas-umershimirodnimi-vimogayut-u-rossiyan-dengi>. Дата обращения 19.10.2025.

³ Цифровое мошенничество после смерти: как злоумышленники зарабатывают на усопших и как защититься. URL: <https://primorsky.ru/news/306254/>. Дата обращения 20.10.2025.

преступления аналогичным способом, они орудовали в Москве, Подмосковье, Саратовской области и Крыму¹.

В-третьих, использование цифрового «двойника» реального умершего человека для написания различных отзывов, комментариев, рекомендаций, контакта в социальных сетях с людьми и других целей. Если сравнивать с двумя предыдущими направлениями, то это направление может показаться наиболее безобидным, однако оно также несет в себе угрозу, поскольку может выражаться в психологических угрозах со стороны мошенников, подталкивании к противоправным действиям, провокациях и дискредитации.

В целом, опасность использования киберпреступниками персональных данных умерших и их цифровых копий заключается в том, что зачастую жертва не сразу может распознать угрозу и порой готова выполнить любые просьбы преступника. Нередко за этим следует хищение учетных данных и компрометация устройств за счет установки специальных приложений-«просмотрщиков», а также вложение каких-либо вредоносных программ. Однако злоумышленники могут пойти дальше, к примеру, подталкивать наиболее уязвимых и впечатлительных пользователей к суициду. Первичная «целевая аудитория» схем с цифровыми двойниками – это родственники умерших, находящиеся в состоянии «острого горя». Вторичные жертвы – это друзья, знакомые реального человека из списков контактов для фишинга.

На наш взгляд, наиболее очевидным решением, которое может способствовать предотвращению и пресечению использования цифровой личности умершего с целью совершения противоправных действий, в частности, преступлений, может стать автоматическая блокировка цифровой личности индивида в связи с его физической смертью. Предлагается закрепить строго определенный срок, в течение которого родственники умершего могут, используя цифровой профиль умершего, сообщить знакомым последнего о его смерти, после чего профиль подлежит автоматической блокировке и полному запрету на его использование в каких бы то ни было целях. Подобная мера сумеет обеспечить защиту персональных данных умершего, а также обеспечит безопасность его знакомых и родственников, которые могут стать потенциальными жертвами различного рода преступлений.

На данный момент некоторые социальные сети предусматривают возможность для пользователя при жизни распорядиться, как будет использоваться его аккаунт после его смерти, будет ли он заблокирован, а некоторые допускают – «цифровую смерть» – запрет на использование кем-либо аккаунта пользователя после его физической смерти. Однако, несмотря на описанные возможности, во-первых, они предусмотрены далеко не во всех социальных сетях, во-вторых, в российском законодательстве отсутствуют нормы, которые описывали и как-то регулировали вопросы, связанные с

¹ ФСБ показала задержание аферистов, укравших у умерших россиян более 50 миллионов рублей. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2938315/>. Дата обращения 20.10.2025.

цифровой смертью индивида. Более того, нигде не указывается, как именно социальные сети будут получать информацию о физической смерти индивида.

В связи с вышеописанным, предлагается внести изменения в действующее российское законодательство, в частности в УК РФ, с целью обеспечения защиты, в первую очередь, родственников и знакомых умершего человека, а также защиты его персональных данных, которые могут использоваться с целью мошенничества, вымогательства, доведения до самоубийства и прочих преступных действий. Так, считаем необходимым ввести в вышеописанные составы квалифицирующий признак – «...с использованием цифровой личности (цифровой копии) умершего лица», что сможет обеспечить сохранность персональных данных последнего, а также защитить лиц, которые потенциально могут стать жертвами преступных посягательств.

Защита персональных данных граждан – первостепенная задача правоохранительных органов. Развитие различных технологий, позволяющих создавать цифровые копии умерших, становится подспорьем для совершения киберпреступлений. Способы использования цифровых копий умерших в мошеннических схемах, распространении дезинформации и получения несанкционированного доступа к персональным данным умершего и его близких становятся все более изощренными и опасными. В связи с этим возрастает необходимость усиления уже существующих и разработки новых мер по защите персональных данных умерших людей от неправомерного доступа к ним и их дальнейшего использования. Не менее важно обеспечить защиту родственников умерших от преступных посягательств, связанных с использованием цифровых копий умерших. Киберпреступники, используя персональные данные умерших, могут причинить их родственникам как глубокие эмоциональные страдания, так и финансовые проблемы. Создание механизмов правовой и технической защиты, а также информирование граждан о потенциальных рисках и способах противодействия киберпреступления в этой сфере, являются ключевыми задачами для предотвращения преступных посягательств. Только комплексный подход позволит минимизировать риски и обеспечить безопасность персональных данных умерших, а также защитить их близких в условиях новой цифровой реальности.

М.К. Исаков¹,

Научный руководитель: **З.Г. Гасанова²**

^{1, 2} Северо-Кавказский институт (филиал)

Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкале

Женская преступность на Кавказе: особенность её предупреждения

Аннотация. В данной статье исследованы причины женской преступности на Кавказе, ее особенности и предупреждение. Называются причины совершения женщинами преступлений. Рассматриваются предложения по ее предупреждению и профилактике.

Ключевые слова: женская преступность; предупреждение преступлений; уровень женской преступности; правовой порядок; семья.

Проблематика женской преступности относится к числу наименее исследованных сфер науки криминологии. Несмотря на укоренившееся общественное мнение о женщинах как о существах, обладающих повышенной моральностью и гуманизмом, статистические данные свидетельствуют о неуклонном росте числа женщин, вовлечённых в совершение противоправных деяний. Особенно тревожат показатели увеличения количества преступлений, совершаемых женщинами в регионах, характеризующихся нестабильным экономическим положением, низким социальным обеспечением населения и значительными этнокультурными традициями.

Одним из таких регионов выступает Кавказ, отличающийся значительным многообразием национальных культур и обычаев. Регион привлекает внимание исследователей именно благодаря уникальным особенностям своего социума, которые оказывают прямое воздействие на формирование и проявление женской преступности. Этнические различия, характерные для Кавказа, влияют на восприятие женщинами окружающего мира, формируют своеобразные поведенческие модели, нередко вступающие в противоречие с законом и общепринятыми нормами правопорядка.

Статистические исследования подтверждают, что динамика роста женской преступности на Кавказе тесно связана с изменениями в семейных отношениях, ролью женщин в экономике региона, уровне образования и культурного сознания населения. Особое значение приобретают культурно-исторические традиции народов Кавказа, оказывающие существенное влияние на поведение женщин, сталкивающихся с жизненными трудностями и конфликтами.

Таким образом, изучение феномена женской преступности требует комплексного подхода, учитывающего экономические, социальные, психологические и культурные особенности региона. Необходимо осознавать, что рост преступности среди женщин отражает глубинные процессы трансформации общества, вызванные изменением традиционного образа жизни, утратой прежних ценностных ориентиров и увеличением социального неравенства. Внимание к изучению причин и следствий женской преступности позволит выработать действенные профилактические меры, направленные на снижение уровня криминализации среди женского населения региона.

Следует также учитывать, что высокий уровень этнического разнообразия Кавказа накладывает отпечаток на правоприменение и разработку уголовной политики. Различные народы имеют собственные представления о справедливости, праве и наказании, что создаёт дополнительные трудности в борьбе с преступностью и вызывает необходимость разработки специальных подходов к профилактике и предупреждению преступлений, совершаемых женщинами.

Важно подчеркнуть, что проблема женской преступности на Кавказе должна рассматриваться не изолированно, а в тесной взаимосвязи с общей системой правоохранительной деятельности, направленностью реформ в области

правосудия и правоохранительной практики. Только глубокий анализ происходящих процессов позволит создать эффективную стратегию борьбы с ростом преступности среди женщин и обеспечить стабильность и безопасность в регионе.

Исторически женская преступность сильно отличается от мужской по своим размерам, характеру правонарушений, способам и средствам их совершения, причинам и мотивам, а также ряду иных факторов. Важно подчеркнуть, что в течение продолжительного времени сохраняется закономерность: женщины совершают гораздо меньше преступлений, чем мужчины.

Причинные корни большинства женских преступлений глубоко уходят в социальную среду и обстоятельства, складывающиеся вокруг женщин в тот или иной исторический период. Часто факторами, толкающими женщин на путь нарушения закона, выступают стереотипы поведения, принятые в конкретном сообществе, семейные конфликты, профессиональные неудачи, проблемы материального характера и эмоциональные переживания. Такие ситуации создают предпосылки для формирования антиобщественного поведения, которое впоследствии проявляется в совершении преступлений.

Анализируя многолетнюю статистику женской преступности, исследователи отмечают удивительную устойчивость ее структурных характеристик. На протяжении десятков лет наибольшую долю среди уголовных деяний, совершаемых женщинами, занимают преступления корыстного характера. Они включают широкий спектр неправомерных поступков: кражи, мошенничество, растрату, злоупотребление служебным положением, присвоение денежных средств и другого имущества. Корыстные преступления традиционно лидируют в статистике женской преступности, стабильно занимая около половины всех зафиксированных эпизодов.

Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, спецификой самой природы женственности, включающей повышенную заботливость, стремление обеспечивать семью и близких любыми средствами, даже если приходится нарушать закон. Во-вторых, сложной экономической обстановкой, вынуждающей женщин идти на преступление ради выживания семьи. Наконец, важную роль играют внешние факторы, такие как отсутствие перспектив трудоустройства, низкий уровень дохода, социальное давление и необходимость быстро решить материальные проблемы.

Вместе с тем, несмотря на стабильную структуру женской преступности, ее качественные характеристики подвержены изменениям, отражающим динамичность общественной жизни. Социальные перемены, технологические инновации, урбанизация и глобализация способствуют появлению новых форм экономических преступлений, совершенствуемых женщинами с использованием современных технологий и финансовых схем. Эти изменения требуют постоянного мониторинга и анализа, чтобы своевременно выявлять риски и предпринимать необходимые превентивные меры.

Особое внимание заслуживают случаи, когда женщины оказываются втянутыми в совместные преступления совместно с мужчинами, выступая пособниками или исполнителями второстепенных ролей. Такая ситуация

обусловлена семейными связями, давлением со стороны партнёров-мужчин или отсутствием самостоятельного выбора, что свидетельствует о сохранении патриархальных установок в сознании части общества.

Проблема женской преступности является очень актуальной в наше время и затрагивает почти все сферы жизни общества. Преступления женщин на Кавказе в определенной степени производны от некоторых типичных ситуаций, связанных со сложившимися стереотипами их поведения в конкретной среде и в данный период времени.

Современная женская преступность является сложным изменчивым явлением, которое в силу своей специфики оказывает самое неблагоприятное воздействие на общество, его институты и общности, особенно на семью, на нравственно-психологическую атмосферу в целом. Именно этим вызвана большая необходимость в изучении современных тенденций женской преступности, ее особенностей и предупреждениях¹.

По мнению О.Г. Донской и Е.Н. Москалевой «в структуре женской преступности на протяжении ряда последних десятилетий приоритет неизменно принадлежит группе корыстных посягательств, составляющих около половины женской преступности»².

Устойчивых асоциальных установок женщины не имеют, их преступления носят демонстративный (желание выделиться), импульсивный характер, а также происходят вследствие внушения или аффективных состояний. Установлено, что исправить женщин, совершивших преступления гораздо проще, чем мужчин.

Основываясь на статистических показателях Портала правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, можно составить следующий портрет среднестатистической современной женщины, совершающей преступление: гражданка РФ в возрасте 30-49 лет, начального, основного общего и среднего профессионального образования без постоянного источника дохода³. Многие криминологи отмечают, что небольшая доля несовершеннолетних преступниц со временем будет только увеличиваться, а также одним из самых распространенных мотивов совершения преступлений выделяют «желание помочь своему мужчине»⁴.

Кавказ попал в список регионов, в которых совершаются преступления женщинами реже, чем в других. Речь идет о раскрытых преступлениях.

Лидерами стали Московская, Челябинская и Свердловская области. Дон вошел в пятерку лидеров с показателем 4629. Для сравнения, в Московской

¹Байчорова Ф.Х., Гочияев А.А. Предупреждение женской преступности // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 85-8. С. 6–8.

² Донская О.Г., Москалева Е.Н. Закономерности женской // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 2. С. 290–296.

³Крабцов Д.А., Бурлин И.С. Специфика женской преступности как отдельного вида преступности // Актуальные вопросы права, экономики и управления. Сборник статей XX Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Пенза, 2019. С. 100–102.

⁴ Янкина А.Г., Корпунова А.А. Женская преступность: детерминация и система предупреждения // Студенческий вестник. 2022. № 18-6 (210). С. 54–56.

области – 7161. О том, как велся расчет и учитывался ли размер территорий и численность – не уточняется.

Кавказские женщины, согласно этой статистике, реже совершают преступления. Ингушетия – на третьем месте – 117, далее идет Калмыкия с показателем 147, а затем Севастополь – 248. Меньше всего выявлено преступлений, совершенных женщинами в Ненецком и Чукотском АО – не более 109.

Всего зафиксировано 142,5 тысячи женских преступлений за минувший год. В прошлом было 145,4 тысяч¹.

Большое влияние на неблагоприятные изменения преступности оказывает также разрушение привычного образа жизни, что особенно заметно в настоящее время. Прежде всего, меняются ценностные ориентиры - преобладает именно материальный фактор. Происходит переоценка роли семьи в обществе, ведь если ранее преступления, совершаемые женщинами, происходили во благо семьи, то на сегодняшний день эти преступления носят личный характер. Немалую роль в этом играет повышение употребления алкогольных напитков, особенно с раннего возраста.

В настоящее время главными причинами и условиями женской преступности, по справедливому мнению Ф.Х. Байчоровой и А.А. Гочияева, являются «активное участие в экономической деятельности, ослабление роли семьи, безответственное к ней отношение, возросшая напряженность в обществе по поводу внешних и внутренних конфликтов, а также алкоголизм, наркомания, проституция и прочие антиобщественные явления»².

Несомненно, уровень женской преступности в обществе может быть снижен при условии преодоления последствий глубокого и разностороннего кризиса нашего общества, распада, ликвидации или значительного ослабления традиционных социальных институтов и нравственных ценностей, экономического кризиса, приведшего к падению уровня жизни в некоторых социальных группах и обострившего социальную напряженность и тревожность в обществе, в том числе и в семье.

Безусловно, предупреждение женской преступности является важной частью общего предупреждения преступности. Следовательно, его предотвращение не может быть сделано отдельно; необходимо проводить профилактические работы в целом. Для качественной работы по предупреждению женской преступности необходимо углубить различные виды деятельности и сферы жизни.

Деятельность по предупреждению преступности должно охватывать такой сектор, как повседневная жизнь. Чтобы обеспечить эту гармонию, глобальные проблемы должны быть решены в первую очередь.

¹ Кавказ признан регионом с самой низкой женской преступностью. <https://news.rambler.ru/other/43550355-kavkaz-priznan-regionom-s-samoy-nizkoy-zhenskoy-prestupnostyu/> (дата обращения: 19.09.2025).

² Байчорова Ф.Х., Гочияев А.А. Предупреждение женской преступности // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 85-8. С. 6–8.

Считаем, что помимо органов полиции, а также государства, общественные объединения и религиозные организации должны участвовать в решении проблем женской преступности. Поскольку, используя законы, этого недостаточно для искоренения женской преступности.

Итак, подводя итог нашему обсуждению, можно уверенно утверждать, что преодоление женской преступности на Кавказе вполне достижимо, и каждая женщина способна вернуться к нормальной жизни, отказаться от дальнейших противозаконных действий и навсегда прекратить свою связь с миром криминала. Однако, как мы видим, в современной России, и в частности, на Кавказе, работа по предотвращению и предупреждению женской преступности находится лишь на начальном этапе своего становления. Предупредительные мероприятия, программы психологической помощи и реабилитационные проекты зачастую недостаточны или практически отсутствуют.

Несмотря на существующие недостатки, объединение усилий государства, общественности, правоохранительных органов и научных учреждений способно привести к созданию эффективных профилактических мер. Женщины, попадающие в неблагоприятные жизненные ситуации, нуждаются в поддержке и внимании, что могло бы предотвратить рецидив преступлений и минимизировать негативное влияние криминальной субкультуры.

Осознавая значимость и важность решения вопроса женской преступности, необходимо понимать, что успешная борьба с этим явлением окажет положительное влияние на общество в целом. Ведь исправляя ситуацию с женской преступностью, мы создаем основу для укрепления законности и правопорядка не только на Кавказе, но и в России в широком масштабе. Улучшается атмосфера доверия и уважения в обществе, создаются здоровые нравственные основы воспитания молодого поколения, укрепляется семья как важнейший институт гражданского общества.

Устраняя причины и условия, порождающие женскую преступность, государство способствует формированию позитивных изменений в сфере семейного благополучия, трудовых взаимоотношений, здравоохранения и культуры. Женщина, освобожденная от пут криминального прошлого, становится полноценным членом общества, активно участвующим в процессе строительства справедливого и гармоничного будущего нашей страны.

Следовательно, усилия, направленные на устранение женской преступности, важны не только сами по себе, но и как инструмент восстановления морального здоровья нации, повышения уровня общественного согласия и солидарности, улучшения качества жизни каждого гражданина. Совместная работа государства, ученых-криминологов, правозащитных организаций и самих женщин сможет преобразить ситуацию, создавая принципиально новую реальность, свободную от теневых проявлений преступности и насилия.

Современные проблемы уголовного права: анализ эффективности снижения возраста уголовной ответственности

Аннотация. В статье осуществляется анализ минимизации возраста уголовной ответственности. Произведен анализ законодательных источников регулирующих привлечение к уголовной ответственности несовершеннолетних, в целях раскрытия проблематики исследуемой темы. На основе проведенного исследования и рассмотрения практики по данному вопросу были выдвинуты предложения и рекомендации по усовершенствованию порядка привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности.

Ключевые слова: возраст, уголовная ответственность, несовершеннолетние, преступление, ответственность несовершеннолетних, девиантное поведение.

В уголовно-правовой теории наблюдается разнообразие мнений относительно определения минимального возраста наступления уголовной ответственности для несовершеннолетних. Значительное число специалистов придерживаются мнения о нецелесообразности привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести, полагая достаточным применение воспитательных мер.¹ В то же время, другие эксперты настаивают на необходимости уменьшения возрастного ценза уголовной ответственности для подростков. По причине существования различных подходов, обозначенная проблема остается сложной и не имеет однозначного решения.

Еще в 2009 году депутатом Жириновским был внесен подобный законопроект в Государственную Думу, но был отклонен. Позднее в 2012 «РИА Новости» сообщило о подготовке законопроекта о снижении возраста уголовной ответственности за особо тяжкие преступления до 12 лет. В настоящее время в октябре 2025 года сообщалось, что Госдума приняла в первом чтении законопроект о снижении возраста уголовной ответственности за диверсии с 16 до 14 лет.

Несмотря на то, что возраст выступает необходимым признаком состава преступления, в уголовном праве и юриспруденции до сих пор не выработано унифицированного подхода к определению возрастных рамок. Рассмотрение социологических, психологических и юридических аспектов указывает на отсутствие общепринятого понимания термина «возраст». При определении возраста, с которого наступает ответственность, ключевым фактором является уровень развития сознания несовершеннолетнего, способность адекватно воспринимать реальность и осознано совершать поступки.

¹ Воспитание несовершеннолетних правонарушителей в России / Л.И. Беляева. М.: Издательство МПСИ, 2007.

Специалисты в области психологии заявляют, что оценка интеллектуального, волевого и личностного развития подростков 13-14 лет свидетельствует о психологической оправданности минимального возраста уголовной ответственности, установленного законодательством. С.Л. Рубинштейн указывал на наличие у четырнадцатилетних развитого умения делать выводы, значительное уменьшение подверженности влиянию, а также на то, что в 14-16 лет волевые качества достигают степени, необходимой для самостоятельной регуляции поведения.

В подростковом возрасте происходит становление ощущения взрослости. Подросток начинает чувствовать себя взрослым, но полноценное взаимодействие со старшими ему не доступно¹ Это связано с неполной зрелостью психофизиологических функций, характерных для взрослого человека, а также с тем, что взрослые продолжают воспринимать его как ребенка. Как следствие, у подростка проявляются склонности к конфликтам, потребность в самоутверждении, упрямство и протест. Указанные возрастные черты послужили основанием для внедрения ряда особых положений и дополнений касающихся привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, отличных от общих правил.

Каждый человек развивается индивидуально, и формирование способности осознавать последствия собственных поступков зависти от процессов воспитания и образования. По мере взросления подросток приобретает жизненный опыт, позволяющий ему лучше понимать свое поведение и выбирать подходящий способ действий. Исследования отклоняющегося поведения детей показывают, что примерно с одиннадцатилетнего возраста ребенок способен испытывать чувство вины и ответственности, а также контролировать свои действия.

Определение возраст уголовной ответственности базируется главным образом на достижении физиологии, психологии развития и педагогики, определяющих тот период, когда у нормального подростка начинают формироваться необходимые способности. Чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности, оно должно обладать определенным уровнем правовой сознательности, позволяющим оценить не только конкретные факты своего поведения, но и их социальную и юридическую значимость.² Кроме того, достижение указанного возраста подразумевает способность правильно воспринимать наказание, поскольку именно таким образом оно способно достичь своих целей.

Интерес к данной теме был вызван увеличением числа случаев, когда подростки младше 14 лет совершают тяжкие и особо тяжкие преступления. В России каждый год совершается более трехсот тысяч преступлений

¹ Овсянников И.В. Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовное право. 2020. № 5. С. 113–120.

² Махов В.Н., Василенко А.С., Чебуханова Л.В. Элементы восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 1. С. 107–121.

несовершеннолетних, треть из которых совершают дети, не достигшие возраста 14 лет. Поскольку дети до 14 лет не подлежат уголовной ответственности даже за серьезные преступления, возникла необходимость совершенствования законодательных норм. По официальной статистике преступность среди несовершеннолетних падает, но вместе с тем растет жестокость преступлений среди данной категории лиц.

Аргументы сторонников уменьшения возраста уголовной ответственности заключаются в следующем. Прежде всего, они полагают, что уменьшение нижней границы привлечению к ответственности даст возможность исключить из общества больше лиц, совершающих преступления. Далее указывается, что неправомерно считать, будто подростки младше 14 лет не понимают последствий своих действий, ведь зачастую они вполне осознанно планируют преступления и стараются скрыть улики. Наконец, приводится пример международного опыта: в уголовном праве штата Нью-Йорк ответственность за тяжкое убийство начинается с 13 лет, хотя общий порог составляет 16 лет.

Противники подобной инициативы утверждают обратное: в нашей стране отсутствуют полноценные структуры ювенальной юстиции, а потому снижение минимальной планки уголовной ответственности никак не решит проблему детской преступности.¹ Бывший уполномоченный по правам ребенка Павел Астахов ссылается на исследования психологов, согласно которым сегодняшняя динамика роста подростков замедляется: девушки достигают психологической и физической зрелости примерно к 18 годам, парни – ближе к 20. Исходя из этого, Астахов убежден, что снижение возраста уголовной ответственности недопустимо.

Современная уголовная политика в отношении несовершеннолетних традиционно ориентирована на гуманизм и решение вопросов уголовной ответственности подростков путем учета особенностей. Поэтому изменение возраста привлечения к уголовной ответственности вступит в конфликт с принципами экономии уголовных репрессий и снисходительного отношения к несовершеннолетним правонарушителям². Чем моложе подросток, тем менее целесообразным представляется применение к нему судебного преследования.

Необходимо уделить пристальное внимание тому, как несовершеннолетний относится к ключевым социальным ценностям. Для осужденных подростков особо остро переживается утрата свободы как высшего блага, которая, по их мнению, зачастую ограничивается взрослыми без веских причин.

Исследования выявляют прямую зависимость: чем выше уровень образования осужденного, тем тяжелее он переносит лишение свободы. Данный фактор также значим для лиц, впервые осужденных. В то же время рецидивисты, в большей степени адаптированы к жизни в исправительных учреждениях, перестают придавать этому факту серьезное значение.

¹ Петрова О.Н. Назначение уголовного наказания несовершеннолетним: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 46 с

² Предупреждение правонарушений несовершеннолетних средствами правового воспитания: учебное пособие / Н.Д. Эриашвили, А.Н. Павлухин, З.С. Зарипов. М.: Юнити, 2009.

Еще одной ключевой ценностью для несовершеннолетних является справедливостью. Многие подростки считают, что назначенное им наказание не соответствует тяжести содеянного. Более того, властные полномочия администрации, императивный стиль общения и негативное отношение к воспитанникам еще сильнее обостряют в их сознании значимость этой ценности.

Также у несовершеннолетних формируется специфическое самовосприятие. Ярлык «преступника» провоцирует защитную реакцию, выражающуюся в самооправдании прежнего образа жизни, криминального поведения и завышенной самооценки.

Способность лица адекватно воспринимать уголовное наказание является неотъемлемым условием возраста ответственности, так как только в этом случае наказание выполняет свои цели. Российское законодательство дифференцирует возраст уголовной ответственности, устанавливая два рубежа:

- 16 лет - общий возраст уголовной ответственности согласно части 1 статьи 20 УК РФ.
- 14 лет – возраст ответственности за более тяжкие преступления согласно части 2 статьи 20 УК РФ.

Важным исключением является случай, когда несовершеннолетний, достигший возраста уголовной ответственности, если из-за отставания в психическом развитии он не мог осознавать общественную опасность своих деяний или управлять ими.

Для того чтобы провести анализ о необходимости минимизации возраста уголовной ответственности необходимо понять причины совершения преступлений несовершеннолетними.

Причины совершения преступлений подростками до 14 лет:

Социально-экономические факторы:

1. Изменение общественных ценностей: современные условия формируют приоритеты материальных благ над духовностью, что ведет к росту корысти и стремлению завладеть чужой собственностью ради личного комфорта. Эти тенденции проявляются не только среди взрослых, но среди несовершеннолетних, включая детей младшего школьного возраста.

2. Негативные условия проживания: недостаток нормальной среды обитания, бродяжничество и беспризорность вынуждают подростков самим обеспечивать себе жизнь, что способствует возникновению потребности в совершении преступлений.

Семейные обстоятельства:

1. Неблагополучная семья: неблагоприятная обстановка дома, связанная с алкоголизмом родителей, наркотической зависимостью и прочими проблемами, оказывает негативное влияние на детей. Часто родители оставляют детей без должного контроля, применяют физическое насилие, принуждая их к воровству и другим противозаконным действиям.

2. Попустительство в семье: внешне благополучные семьи, где фактически отсутствует родительская забота и внимание, способствует развитию

антиобщественного поведения подростков, поскольку им никто не объясняет серьезность нарушения законов.

3. Гиперопека: чрезмерная защита со стороны родителей вызывает стремление подростка проявить самостоятельность, порой выражающееся в действиях наперекор родителям.

Психологические особенности подростка:

1. Психическое давление и травля: Современная молодежь подвержена влиянию агрессии, исходящей из СМИ и социальных сетей. Те, кто испытывает трудности с самоутверждением и подвергнуты издевательствам, испытывают ненависть и агрессию, что иногда перерастает в преступление.

2. Социальная изоляция: дети, отчужденные от общества, вырабатывают устойчивые негативные убеждения, что провоцирует враждебное отношение к окружающим и формирует склонность к насильственным действиям.

3. Склонность к асоциальному поведению: некоторые подростки обладают повышенной предрасположенностью к нарушению правовых норм.

Недостаточный досуг:

1. Отсутствие занятий и увлечений: свободное время, проводимое подростком без полезных занятий и секций, повышает вероятность вовлечения в плохую компанию и рискованное поведение, что стимулирует участие в правонарушениях.

Стоит подчеркнуть, что преступления совершают не только подростки из неблагополучных семей или сироты, но и представители обеспеченных слоев населения. Последние могут поступать незаконно из любопытства, желания испытать острые ощущения, доказать друзьям свою смелость или почувствовать ощущения вседозволенности.

Из упомянутого выше перечня следует отметить, что на преступность среди несовершеннолетних формируется под влиянием обстановки в государстве, семейных условий и окружающей среды, в которой находятся подростки.¹ Важнейшим направлением борьбы с данным явлением должна стать работа не только по противодействию причин и условий жестокими мерами, а с пониманием и осознанием, что за каждое преступление должно быть наказание. Родители обязаны сознавать, что у ребенка имеются обязательства, выполнение которых обязательно, а также что он несет личную ответственность за собственные поступки и возникающие последствия.

Согласно данным уголовной и претензионной статистики о подростковой преступности, ключевым условием для возможного снижения возраста уголовной ответственности является создание полноценной ювенальной юстиции. Эта система должна включать специализированные суды, особые виды наказаний, отдельные органы исполнения наказаний и сеть вспомогательных служб для несовершеннолетних.

Несмотря на значительные финансовые, кадровые и материальные затраты, необходимые для ее создания, они не идут ни в какое сравнение с издержками

¹ Уголовное право России / Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В., Наумов А.В. М.: Юрайт, 2006.

существующей карательной системы. Поэтому снижение возрастного порога в отсутствие такой инфраструктуры является преждевременным. Подобный шаг без надлежащей восстановительной системы с высокой долей вероятности приведет к росту рецидивной преступности уже среди взрослых, которые отбыли наказание в подростковом возрасте.

Таким образом, при анализе проблемы снижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, необходимо учитывать другие возможные варианты развития событий. Простое принятие подобного закона вряд ли приведет к значительному уменьшению количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Более продуктивным шагом представляется разработка и внедрение многосторонней стратегии, охватывающей, в частности, создание специализированных образовательных учреждений закрытого типа с акцентом на коррекционное воздействие.

Такой подход позволит добиться ощутимых улучшений в сложившейся ситуации и будет способствовать проведению необходимой профилактической работы, направленной на борьбу с подростковой преступностью.

И.А. Кошкин¹

Научный руководитель: **Т.Н. Ермакова²**

^{1,2} Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина

Проблема определения места совершения преступлений в цифровой сфере

Аннотация. В статье исследуется проблема определения места совершения преступлений в цифровой сфере. Анализируются теоретические материалы по пониманию места совершения преступления и основные характерные черты преступлений в цифровой сфере, для выявления особенностей, влияющих на определение места совершения таких преступлений. Поднимаются проблемные аспекты определения места совершения преступлений в цифровой сфере. Формулируются выводы по теме исследования, а также предлагается возможный путь решения выявленных проблем.

Ключевые слова: преступление, место совершения преступления, киберпреступления, цифровая сфера, трансграничность, анонимность.

Современное общество строится на использовании различных цифровых технологий, в первую очередь компьютерных технологий, с которыми неразрывно связаны наши будни. У каждого из нас есть смартфон, ноутбук или стационарный компьютер, которыми мы пользуемся каждый день, чтобы узнать новости, заказать необходимую нам вещь, продать что-то и многое другое. В современном мире цифровизация жизни приобрела глобальный и всеобъемлющий характер. Это не могло не отразиться на преступной среде, которая существовала и будет существовать всегда. Преступники активно

включились в использование всех благ, предоставляемых цифровыми технологиями для совершения различных преступных деяний. Существует множество факторов благоприятствующих совершению преступлений в цифровой сфере: активное развитие цифровых, компьютерных технологий; возможность сохранения анонимности на множестве сайтов, приложений и т.д.; огромное многообразие способов совершения преступлений в компьютерной сфере; низкий процент раскрываемости таких преступлений, вкупе с высокой долей преступлений, оставшихся без наказания со стороны государства; удалённость лица, совершающего преступление, от потерпевшего (пострадавшего) лица, а также возможность трансграничной преступности; и некоторые иные обстоятельства.¹ Совокупность всех этих многочисленных факторов приводит к значительному росту преступлений в цифровой сфере, а также делает привлекательной эту среду для лиц, имеющих преступные умыслы.

Преступления в цифровой сфере, как и иные преступления имеют важную составляющую часть – место совершения преступления. Установление места совершения преступления необходимо нам в первую очередь не для поиска улик, вещественных доказательств или иной доказательной базы по уголовному делу, а для установления юрисдикции государства по расследованию совершенного преступного деяния и привлечения к уголовной ответственности лица, виновного в его совершении. В случае же совершения преступления непосредственно на государственной территории РФ место совершения преступления часто является квалифицирующим признаком преступления. Прежде чем перейти к понятию места совершения преступления в цифровой сфере необходимо понять, что в науке уголовного права понимается под таким местом. Таким образом, если обращаться к указанной науке, мы обнаружим многообразие понимания данного термина.²

Такое многообразие явилось следствием того, что законодатель не предусмотрел легального определения места совершения преступления. Так статьи 11 и 12 УК РФ, которые непосредственно посвящены месту совершения преступления не содержат легального толкования, хотя для времени совершения преступления законодатель в статье 9 УК РФ предусмотрел легальное определение. Именно отсутствие определения стало причиной множества изысканий в данной сфере и как итогу к многообразию пониманий данного термина. В современной российской уголовной науке можно выделить следующие подходы понимания термина «место совершения преступления». Первое направление, в лице своих ученых-представителей, предлагает рассматривать место совершения преступления в контексте его связи с местом, территорией, где непосредственно было совершено преступное деяние, при этом в данном подходе ученые не обращаются к месту, где непосредственно наступили негативные последствия совершения преступного деяния. Второе

¹ Бугаев В.А., Чайка А.В. Факторы преступности в сфере компьютерных технологий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 4. С. 139–145.

² Степанов-Егиянц В. Г. К вопросу о месте совершения компьютерных преступлений // Армия и общество. 2014. № 5 (42).

направление в уголовной науке по данному вопросу указывает на то, что местом совершения преступления с формальным составом является то место или та территория, где непосредственно было совершено преступное деяние, а в преступлениях с материальным составом под ним следует понимать место, где произошло наступление общественно опасных последствий. Третье направление, связывает место совершения преступления с формальным составом с территорией РФ только в том случае, если место совершения деяния находится на её территории. Место совершения преступления с материальным составом необходимо связывать с территорией РФ как в случае совершения деяния на её территории, так и в случае наступления на её территории общественно опасных последствий совершенного преступления. Последнее, четвертое направление, предполагает, что местом совершения преступления необходимо считать территорию РФ только в том случае, если и место совершения преступленного деяния, и место наступления общественно опасных последствий находятся на территории РФ.¹ В контексте же этой работы мы будем основываться на той позиции, которая предполагает, что место совершения преступления – это место или территория, где непосредственно было совершено действие (бездействие), являющееся уголовно наказуемым и имеющим общественно опасный характер. Это определение является на данный момент общепризнанным и наиболее часто применяемым. Также именно от него мы будем отталкиваться для выявления проблем установления места совершения преступлений в цифровой сфере, так как одной из особенностей этой сферы, как ранее уже отмечалось, является трансграничность киберпреступлений. Также нам необходимо установить ключевые особенности киберпреступлений, так как именно они оказывают не малое влияние на определение места совершения преступления. Говоря о таких специфических характеристиках, необходимо отметить следующие из них: трансграничность, трудности с определением места нахождения преступника и места совершения преступления, сложности с визуальным наблюдением и фиксацией доказательств и последствий, широкое использование преступниками шифрования, отсутствие должных механизмов контроля, анонимность в сети, автоматизация и быстрота действий в киберпространстве, не традиционность способов совершения преступления, низкий процент раскрываемости и другие.² Из перечисленных характерных черт преступлений в цифровой сфере в контексте данной работы хотелось бы обратить внимание на трансграничность преступления и на проблему с определением места нахождения киберпреступника. Именно эти две особенности оказывают значительное влияние на определение места совершения преступления. Таким образом, необходимо отметить, что трансграничность, являясь характерной чертой киберпреступлений, создает проблемную ситуацию

¹ Белобородов В.Б. Территориальный принцип действия уголовного закона: место совершения преступления как место наступления общественно опасных последствий // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2018. № 3. С. 90–91.

² Винкерт В.В., Ключкова А.Л. Понятие и особенности киберпреступлений // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2021. № 5. С. 171–172.

в правоприменении, которая выражается в следующем. Преступник, находясь на территории иностранного государства, может совершать действия с пользователями или серверами и т.д., непосредственно находящимися на территории РФ, т.е. общественно опасная ситуация, а равно и последствия наступают именно на территории РФ, и в соответствии с УК РФ уголовная ответственность может быть применена к такому лицу именно Российской Федерацией. Однако, различия в законодательствах государств могут препятствовать такому исходу по многим обстоятельствам. Проблема определения места нахождения киберпреступника оказывает влияние на определение места совершения преступления в виду того, что в некоторых теориях с местом, где он непосредственно находится связывают и место совершения преступления, а при отсутствии сведений о его месте нахождения возникает и вопрос с определением места совершения преступления. Из всего вышеописанного вытекает одна серьёзная проблема преступлений в цифровой сфере, а именно проблема определения места совершения таких преступлений. Многообразие пониманий понятия «место совершения преступления» в уголовной науке, также приводит к трудности формулирования единого подхода к определению места совершения преступления в цифровой сфере. Рассмотрим варианты мест, с которыми возможно связать место совершения преступления в цифровой сфере. Первым вариантом места совершения киберпреступления можно назвать место, где было непосредственно расположено то техническое средство, с помощью которого киберпреступник осуществил преступное деяние. Такая позиция является правдоподобной, но она в свою очередь имеет ряд критически важных недостатков. Например, рассмотрим ситуацию, когда киберпреступник осуществляет преступное деяние в городе С. государства М., при этом он пользуется удалённым доступом к компьютерам в городах М., Ж., С., и Л. государства М., при этом общественно опасные последствия совершения наступают только в городе Я. государства В. Таким образом местом совершения преступления в данной ситуации следует считать все те места, где находятся компьютеры, участвовавшие в осуществлении преступного умысла (города М., Ж., С., и Л.). То есть такой подход является непрактичным для правоприменителя и создает непропорционально большие сложности, учитывая, что современные технические возможности позволяют использовать одновременно тысячи компьютеров. Вторым вариантом места совершения киберпреступления можно назвать место, где непосредственно находился киберпреступник, осуществляющий свой корыстный умысел. Это позиция наиболее очевидна для понимания, но она также имеет существенный недостаток. Он выражается в том, что в условиях трансграничности киберпреступлений место нахождения преступника может находиться за тысячи и тысячи километров от потерпевшего. Т.е. создается большая вероятность того, что преступник останется безнаказанным в первую очередь, исходя из трудностей выдачи такого лица другому государству или из-за различий в национальных законодательствах. Важно отметить, что в таком подходе имеет место быть огромный пространственный разрыв между местом нахождения киберпреступника и местом наступления негативных последствий. Еще одну

проблему данного подхода можно выявить из следующей ситуации: Виктор, гражданин государства С., находясь на территории государства В., совершает преступление, последствия которого наступают при этом в государстве З., после чего возвращается в государство С. То есть возникает сложная для правоприменения ситуация, когда лицо необходимо судить за преступление по законодательству государства В., последствия которого наступили в государстве З., и при этом все действия Виктора могут быть легализованы в государстве его гражданской принадлежности. Именно такие сложности являются проблемой для установления именно этого варианта как основного и общепризнанного. Третьим вариантом места совершения киберпреступления можно назвать место, где непосредственно наступили негативные общественно опасные последствия совершения деяния. Однако и такой подход имеет свои недостатки. Во-первых, он не решает существующий пространственный разрыв, а более усугубляет его, так как уголовная ответственность для лица должна наступать в ином государстве, хотя в государстве его гражданской принадлежности данные действия могут быть совершенно легальными. Во-вторых, возникает следующая проблема определения места наступления негативных общественно опасных последствий. Например, гражданин К., используя компьютерные технические средства, похитил со счетов гражданки И. пять миллионов рублей. Если мы будем исходить из того, что местом совершения преступления является место наступления негативных общественно опасных последствий, то мы увидим, что нам проблематично его определить. Перед нами открывается четыре варианта такого места: это место проживания гражданки И., юридический адрес банка, в котором были открыты счета, адрес отделения, к которому была закреплена гражданка, а также место нахождения серверного центра, где находились сведения о суммах её счетов. То есть, пользуясь данным подходом, мы получаем не решение важной проблемы, а замену одной проблемы (определения места совершения преступления) другой проблемой (определения места наступления негативных последствий). Четвертый вариант места совершения киберпреступления предполагает индивидуальность подхода в каждом конкретном случае.¹ Такой вариант применяется в правоприменительной практике на данный момент и является наиболее жизнеспособным в текущих условиях. Однако, и этот вариант имеет свои недостатки. Ключевым недостатком данного подхода можно назвать сложность правоприменения, выражающуюся в отсутствии возможности обобщения, например, судебной практики. Это является большой отрицательной чертой данного подхода ввиду того, что суду или иному правоприменительному органу предоставляется право рассматривать место совершения преступления без четко ограниченных рамок, в следствии чего создается возможность расхождения между правоприменительными решениями различных уровней, различных правоохранительных органов и т.д. Разобщенность правоприменительной

¹ Степанов-Егиянц В.Г. К вопросу о месте совершения компьютерных преступлений // Армия и общество. 2014. № 5 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-meste-soversheniya-kompyuternyh-prestupleniy> Дата обращения: 27.10.2025.

практики является негативным показателем для правоприменительной деятельности в целом, а также аспектом, подрывающим права и свободы человека и гражданина, а также принцип законности.

Подводя итог, необходимо отметить, что проблема определения места совершения преступлений в цифровой сфере, является довольно актуальной ввиду того, что современное общество все более глубоко включается в процесс цифровизации. Киберпространство из-за анонимности, отсутствия государственного контроля многих аспектов, а также проблематичности раскрытия киберпреступлений стала отличной площадкой для реализации преступниками своих корыстных умыслов. Существующее же многообразие понимания понятия «место совершения преступления», в следствие отсутствия легального его определения, в науке уголовного права влечет за собой и многообразие подходов к определению места совершения преступлений в цифровой сфере. Этот факт влечет за собой проблему для правоприменительной практики, которая становится более разрозненной и хаотичной. Для решения же проблемы определения места совершения преступлений в цифровой сфере, исходя из особенностей цифровой среды, а именно анонимности, трансграничности, большой распространённости и сложности определения места нахождения киберпреступника, автор предлагает не рассматривать такую категорию «как место совершения преступления» в преступлениях в цифровой сфере, при этом юрисдикция государства на осуществление уголовного преследования в данном случае должна вытекать из контекста наступления общественно опасных последствий на территории РФ или, если наступление таких последствий повлекло нарушение прав, свобод или законных интересов граждан России. Такой подход обеспечит возможность создания единой правоприменительной практики в данной сфере, а также будет способствовать упрощению расследования киберпреступлений. Именно многообразие способов осуществления киберпреступлений, широкое их распространение и особая специфичность диктуют уголовному праву необходимость создания и выработки специфического подхода к таким преступлениям.

И.А. Лебедев¹

Научный руководитель: **А.Л. Иванов²**

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Актуальные проблемы разграничения преступлений, предусмотренных статьями 272 УК РФ и статьи 272.1 УК РФ

Аннотация. В статье рассматривается проблема квалификации преступлений, предусмотренных статьями 272 и 272.1 УК РФ, особенности разграничения данных составов преступлений и их особенности.

Ключевые слова: киберпреступность, киберпреступления, персональные данные, квалификация киберпреступлений.

Современный этап развития общества, характеризующийся цифровизацией, обусловил формирование принципиально новой среды для совершения преступлений. Уголовное законодательство Российской Федерации, находясь в состоянии перманентной адаптации к вызовам времени, активно пополняется новыми правовыми нормами, призванными обеспечить защиту интересов личности, общества и государства в киберпространстве.

Большинство киберпреступлений характеризуется многообразием: они осуществляются с применением разного рода способов и методов, что приводит к тому, что одно преступное деяние может одновременно включать в себя элементы нескольких преступных деяний, образуя тем самым совокупность преступлений. Это обстоятельство вызывает значительные затруднения у органов предварительного следствия, которые неоднократно сталкиваются с необходимостью правильно квалифицировать такие преступления.

Особенно сложной является статья 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ), регулирующей преступления в сфере компьютерной информации, а также статья 272.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за по сути тот же незаконный доступ к компьютерной информации, которая содержит персональные данные физических лиц.

Президент Российской Федерации В.В. Путин на совещании с постоянными членами Совета Безопасности 14 ноября 2025 года указывал на то, что «Тема, связанная с противодействием правонарушениям, которые совершаются с использованием информационно-коммуникационных технологий очень важная»¹. Выступление В.В. Путина на данном совещании подчеркивает, что проблема расследования киберпреступлений актуальна и руководство страны держит руку «на пульсе» по данному вопросу.

Также как отмечал Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин: «Киберпреступность представляет собой серьезную угрозу для общества. Киберпространство используется для вовлечения молодежи в различные радикальные течения, нанесения вреда детям. Прослеживается тенденция циничного отношения кибермошенников к старшему поколению, использования доверчивости пожилых людей для хищения их средств. Причиняется вред IT-инфраструктуре, гражданам и организациям»². С этим нельзя не согласиться, ведь согласно данным из ФКУ ГИАЦ МВД России за январь – декабрь 2024 года было совершено 765365 тыс. преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. По сравнению с 2023 годом,

¹ Выступление Президента Российской Федерации на совещании с постоянными членами Совета Безопасности. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78461>. Дата обращения: 05.11.2025.

² Выступление Председателя Следственного комитета Российской Федерации на совещании по кибербезопасности. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1752199>. Дата обращения: 05.11.2025.

где за январь – декабрь 2023 года было зарегистрировано 676951 тыс. преступлений, общий прирост составил 13,1 %¹.

Таким образом, можно подчеркнуть, что отсутствие единообразных подходов к квалификации деяний, предусмотренных статьями 272 и 272.1 УК РФ, создает системную проблему правоприменения для органов предварительного расследования, это может привести к неправильной квалификации деяний данного вида преступлений. Как было уже отмечено ранее, киберпреступность представляет собой огромную угрозу для национальной безопасности Российской Федерации. Рост общего числа киберпреступлений, а также финансового ущерба, который был нанесен гражданам и государству, характеризует собой увеличения числа уголовных дел и создания почвы для проблем в области квалификации деяний, что делает данную проблему особенно актуальной в данное время.

При определении неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации существуют многочисленные вопросы в части отграничения данного преступления от незаконного использования компьютерной информации, которая содержит персональные данные.

Так объективная сторона преступления части 1 статьи 272 УК РФ характеризуется следующими элементами:

- 1) деяние в виде неправомерного доступа к компьютерной информации;
- 2) причинная связь между деянием и последствиями.
- 3) последствия от преступления в форме уничтожения, блокирования, модификации либо копирования компьютерной информации;

Теперь рассмотрим объективную сторону преступлений части 1 статьи 272.1 УК РФ:

- 1) деяние в виде незаконного использования, передачи, распространения, предоставления доступа, сбора компьютерной информации, содержащей персональные данные.

Исходя из вышеуказанного, следует, что два этих состава разные уже по конструкции, если часть 1 статьи 272 УК РФ представляет собой материальный состав преступления, то часть 1 статьи 272.1 УК РФ формальный. На данном этапе, уже возникают проблемы в квалификации данных преступлений, потому что не совсем ясно как правильно дать юридическую оценку деяния, это будет единичное сложное преступление или совокупность преступлений. Ведь если в части 1 статьи 272 УК РФ нам нужно, чтобы лицо не только неправомерно получило доступ к компьютерной информации, а также, чтобы от его деяний наступили последствия указанные у уголовном законе, то, для части 1 статьи 272.1 УК РФ важно получить незаконный доступ к информации, которая содержит персональные данные.

Рассмотрим пример, гражданин Н получил доступ к мобильному телефону гражданина Д, после чего гражданин Н вошел в мобильное приложение

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328> (дата обращения: 05.11.2025).

«Сбербанк онлайн», которое было установлено на телефоне гражданина Д. Затем, он путем манипуляций получил новый код-доступа для входа в указанное мобильное приложение, сменил индивидуальный и конфиденциальный пароли для входа в данное мобильное приложение, тем самым, гражданин Н модифицировал компьютерную информацию и получил возможность использовать мобильное приложение «Сбербанк Онлайн», которое было установлено на мобильном устройстве гражданина Д. В результате вышеуказанных действий гражданина Н, гражданин Д утратил доступ к приложению «Сбербанк онлайн». Далее гражданин Н перевел с расчетного счета, открытого в ПАО «Сбербанк» № 10000000 на гражданина Д денежные средства в сумме 106 000 тыс. рублей на свой банковский счет. В дальнейшем гражданин Н с помощью полученного доступа к приложению «Сбербанк Онлайн» гражданина Д, оформил через данное приложение кредит на сумму 29.999 тыс. рублей, указанные средства гражданин Н перевел себе на банковский счет¹.

Как следует из приговора суда, гражданин Н, осужден за совершение преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 272, пункта «г» части 3 статьи 158, части 1 статьи 159 УК РФ. В данном случае рассматриваем часть 2 статьи 272 УК РФ, как было отмечено судом, мобильное приложение «Сбербанк Онлайн» содержит информацию составляющую личную тайну (в том числе персональные данные). Из этого случая непонятно как квалифицировать данное деяние, ведь в этом примере как видны признаки состава преступления предусмотренного частью 1 статьи 272 УК РФ (лицо получило неправомерный доступ к компьютерной информации, содержащий персональные данные, потом путем модификации мобильного приложения «Сбербанк Онлайн» завладело денежными средствами гражданина Д) либо части 1 статьи 272.1 УК РФ (лицо незаконно получило компьютерную информацию, которая содержит персональные данные) и как дать в этом случае юридическую оценку деяния не совсем понятно.

Существует правовая неопределенность в этом вопросе, согласно п. 3 Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет в качестве охраняемой законом компьютерной информации рассматривается как информация, для которой законом установлен специальный режим правовой защиты, ограничен доступ, установлены условия отнесения ее к сведениям, составляющим государственную, коммерческую, служебную, личную, семейную или иную тайну (в том числе персональные данные)², что и вызывает сложности при квалификации данных деяний.

¹ Исакогорский районный суд г. Архангельска от 17 апреля 2025 г. по делу 1-52/2025 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cUSWuq4AO4mh/?regularartxt=&regularcase.doc>. (дата обращения: 05.11.2025).

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с

Объект преступления в статьях 272 и 272.1 УК РФ – это общественные отношения в области компьютерной информации.

Субъективная сторона преступления, предусмотренная частью 1 статьи 272 УК РФ, следующая:

1) Неправомерный доступ к компьютерной информации может быть совершен как умышленно, так и по неосторожности, здесь важно понимать, что уголовная ответственность наступает не за сам факт несанкционированного доступа, а за те действия, которые были совершены после его осуществления, ведь если в результате неправомерного доступа лицо совершило модификацию компьютерной информации, так оно могло и по неосторожности совершить блокировку данных. Таким образом, в данном составе 2 формы вины.

Субъективная сторона преступления, предусмотренная частью 1 статьи 272.1 УК РФ, заключается в следующем:

2) Учитывая, что по конструкции состав преступления 272.1 УК РФ формальный, а также беря во внимание часть 2 статьи 24 УК РФ, где сказано, что деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, можно сделать вывод, что тут присутствует только умышленная форма вины.

Основная специфика содержания вины в данных составах преступления здесь рассматривается, в связи с осознанием лицом общественной опасности и противоправности совершаемого им деяния в неправомерном доступе к компьютерной информации или персональных данных.

Субъект преступления, предусмотренный статьями 272 и 272.1 УК РФ – это вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности.

Проведённый анализ составов преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 272 и часть 1 статьи 272.1 УК РФ, позволяет сделать вывод о наличии проблемы их разграничения в правоприменительной практике. Ключевое различие между ними заключается, как было указано выше, в юридической конструкции.

Часть 1 статьи 272 УК РФ является материальным составом, требующим наступления последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации или копирования информации, в то время как часть 1 статьи 272.1 УК РФ имеет формальный состав, где преступление считается оконченным с момента совершения самого деяния по незаконному использованию, передаче, сбору хранению персональных данных.

Однако на практике действия преступника зачастую образуют признаки обоих составов одновременно (например, неправомерный доступ к компьютерной информации с последующим копированием этой информации), что порождает правовую неопределённость в квалификации содеянного как единого сложного преступления или их совокупности. Данная проблема усугубляется схожестью

родового объекта этих преступлений и отсутствием единообразного подхода к оценке вины, особенно учитывая возможность совершения преступления по части 1 статьи 272 УК РФ как умышленно, так и по неосторожности.

Также следует отметить, что статья 272.1 УК РФ введена совсем недавно как было указано выше, так что правоприменительная практика еще формируется, но уже на этом этапе возникает много вопросов в связи с отграничением ответственности от статьи 272 УК РФ, а также статьи 13.11 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее по тексту – КоАП РФ).

Ведь в диспозиции части 1 статьи 13.11 КоАП РФ указано, что обработка персональных данных в случаях, непредусмотренных законодательством Российской Федерации приводит к административной ответственности. Сразу возникает вопрос, что законодатель имеет ввиду под термином обработка, и как это соотносить с объективной стороной преступления статьи 272.1 УК РФ. Является ли сбор компьютерной информации в области персональных данных обработкой или нет остается открытым.

На основании вышеизложенного следует, что существует юридическая коллизия при разграничении составов преступлений, предусмотренных статьями 272 и статьи 272.1 УК РФ, что в свою очередь создает правовую неопределенность при квалификации данных деяний для органов предварительного следствия. Как отмечал Конституционный суд Российской Федерации, неопределенность содержания правовой нормы, не будучи в состоянии обеспечить ее единообразное понимание, а значит, и применение, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод граждан¹.

Все это может привести к затягиванию сроков предварительного расследования, ошибочным обвинениям и как следствие будет снижаться качество следствия, что создаст условия для нарушения прав всех участников уголовного процесса.

Таким образом, существующий законодательный пробел, который не в полной мере обеспечивает четкие и однозначные критерии для разграничения смежных составов, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного закона.

¹ Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов): Информация Конституционного Суда РФ: одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023 // СПС КонсультантПлюс.

Ошибки квалификации и пределы уголовной ответственности по ст. 354.1 УК РФ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ проблем квалификации деяний, предусмотренных статьей 354.1 УК РФ («Реабилитация нацизма»). Рассматриваются типичные ошибки, возникающие при разграничении уголовно наказуемого деяния и смежных с ним правовых явлений, в частности, осуществления права на свободу мысли и слова, а также административных правонарушений. На основе анализа доктрины уголовного права и современной судебной практики определяются пределы уголовной ответственности, устанавливаются критерии отграничения злоупотребления правом от преступного посягательства. Особое внимание уделяется проблемам установления субъективной стороны и объективных признаков состава преступления.

Ключевые слова: реабилитация нацизма, ошибки квалификации, историческая память, пределы уголовной ответственности, судебная практика.

Статья 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, введенная Федеральным законом от 05.05.2014 № 128-ФЗ, является одной из наиболее дискуссионных норм в современном уголовном праве России. Ее создание было направлено на защиту исторической памяти, недопущение пересмотра приговора Нюрнбергского трибунала и осквернения памяти защитников Отечества в годы Великой Отечественной войны. Однако карательная направленность нормы и неопределенность некоторых ее диспозитивных признаков породили серьезные проблемы в правоприменительной практике, ведущие к ошибкам квалификации и, как следствие, к необоснованному ограничению конституционных прав граждан.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки единообразных подходов к толкованию составов преступления, предусмотренных ст. 354.1 УК РФ, с целью недопущения как безнаказанности за реальные общественно опасные деяния, так и необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Объективные признаки состава преступления и их ошибочное толкование. Целью уголовно правового запрета реабилитации нацизма является – защита общественных отношений, обеспечивающих сохранение исторической памяти, мирное сосуществование народов, недопущение разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Второй целью выступает охрана чести и достоинства ветеранов Великой Отечественной войны, их родственников, а также чувств граждан, для которых память о войне является священной.

Диспозиции ст. 354.1 УК РФ сложны и включают несколько альтернативных действий. Часть 1 предусматривает ответственность за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала, одобрение преступлений, установленных указанным приговором и распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны. Так лицо разместившее в публичной группе текстовый комментарий к информационному материалу, существо которого сводится к приравниванию Российской Федерации, ее конституционных принципов, а также ее главы, в лице действующего Президента Российской Федерации к политической системе, идеологии, а также лидерам нацистской Германии и их пособникам, судом признается виновным в публичном, отрицании фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, распространении заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны и о ветеранах Великой Отечественной войны, а также распространении выражающие явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно в осквернении символов воинской славы России¹. В данном примере суд вменяет лицу все альтернативные действия, предусмотренные ч. 1 исследуемой статьи, хотя обвиняемый по факту не совершил ни одного из перечисленных действий, ведь факты установленные трибуналом не отрицал, преступления установленные трибуналом не одобрял, ложных сведений о деятельности СССР и ветеранах в годы войны не распространял. Приведенный пример иллюстрирует непонимание судом деяний закрепленных в диспозиции статьи. Зачастую суды притягивают статью 354.1 к деяниям, в которых, очевидно, отсутствуют признаки объективной стороны состава преступления.

Наиболее сложным для правоприменителя является толкование признаков «отрицание» и «одобрение». Ошибки возникают, когда следствие и суд не проводят различия между уголовно наказуемым «отрицанием» и научной дискуссией, критическим осмыслением исторических событий. Наказание должно наступать не за инакомыслие и историческую научную дискуссию, а за действия, носящие публичный, общественно опасный характер, направленные на пропаганду нацистской идеологии. В своем Постановлении Пленум Верховного Суда РФ указал, что «под отрицанием следует понимать открытое непризнание, опровержение, а под одобрением – публичную положительную оценку»². Однако данное разъяснение остается достаточно общим.

Часть 3 устанавливает ответственность за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах

¹ Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 16 апреля 2025 г. по делу № 2-28/2025

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.11.2019 № 48 «О практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления экстремистской и террористической направленности».

России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветеранов Великой Отечественной войны, совершенные публично. При формулировании диспозиции части 3 допущена логическая ошибка в следствии которой объективная сторона частично не соответствует смыслу статьи, так одним из объектов охраны являются дни воинской славы России, к примеру 18 апреля – день победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере, в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»¹ признан таким днем, но никакого отношения к нацизму не имеет, но исходя из формулировки в части 3 распространя выражающих явное неуважение к обществу сведений о таком дне карается законом как реабилитация нацизма. Предлагается разграничить все дни воинской славы и выделить из них и законодательно закрепить дни относящиеся к участию России во Второй мировой войне или поправить диспозицию части 3 изменив «дней воинской славы» на «днях воинской славы в период Второй мировой войны», по аналогии с днями воинской славы и памятными датами. На практике всё обстоит также неоднозначно.

Крайне проблематична квалификация по ч. 4 ст. 354.1 УК РФ, которая криминализует распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы, совершенное с использованием СМИ или сети «Интернет. Ключевой проблемой является оценочный признак «явное неуважение к обществу», конечно данную категорию можно истолковать по аналогии исходя из разъяснений Пленума Верховного Суда «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» и исходить из способа, места и времени совершения действий, при определении категории явного неуважения, но в силу того, что в основном действия описанные в диспозиции статьи 354.1. УК РФ совершаются в сети Интернет достаточно сложно их оценить, руководствуясь вышеописанными критериями. Отсутствие четких критериев его установления приводит к субъективизму в правоприменении. Как пример, лицо под постом про штрафы за порчу Георгиевской ленты разместило комментарий о том, что совершит на нее мочеиспускание и ему безразлично, оскорбился ли кто-нибудь из-за этого² обвинен в осквернении символа воинской славы, не совсем понятно как можно осквернить символ воинской славы через сеть Интернет ведь исходя из смысла ст. 214, 243.4, 244 УК РФ, осквернение это всегда физическое воздействие на объект, вышеуказанный пример показывает, что еще один термин требует законодательного толкования Как указывает Н.А. Лопашенко, «судебная практика по данной норме только формируется, и существует риск ее использования для пресечения любой критической оценки исторических событий»³.

¹ Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «О. днях воинской славы и памятных датах России».

² Приговор Кемеровского областного суда от 21 апреля 2025 г. по делу № 2-26/2025

³ Лопашенко Н.А. Преступления против мира и безопасности человечества: монография. М.: Проспект, 2019. 256 с.

Проблемы установления субъективной стороны и субъекта преступления. Субъективная сторона составов, предусмотренных ст. 354.1 УК РФ, характеризуется прямым умыслом. Для части 1 и части 3 это вытекает из характера действий (отрицание, одобрение, осквернение). Также законодатель специально подчеркивает признак «заведомая ложность» распространяемых сведений. Фундаментальной ошибкой квалификации является привлечение к ответственности лица, которое действовало без прямого умысла, например, в силу заблуждения, недостаточной осведомленности или при изложении своей субъективной точки зрения, не направленной на реабилитацию нацизма. Виновный должен осознавать, что он отрицает именно факты, установленные Нюрнбергским трибуналом, либо распространяет заведомо ложные, то есть не соответствующие действительности, сведения, о чем он достоверно знает. Яркой иллюстрацией данной проблемы является судебное дело в отношении жителя г. Комсомольска-на-Амуре, который в социальной сети разместил пост, содержащий недостоверную информацию о потерях СССР в Великой Отечественной войне. Суд первой инстанции признал его виновным по ч. 2 ст. 354.1 УК РФ. Однако вышестоящий суд, отменяя приговор, указал, что «в материалах дела отсутствуют данные, свидетельствующие о том, что подсудимый достоверно знал о ложности распространяемой информации и действовал с прямым умыслом на ее распространение именно как заведомо ложной»¹. Данный пример демонстрирует, что бремя доказывания прямого умысла и заведомой ложности лежит на стороне обвинения. В этой связи нельзя не сказать о роли судебной лингвистической экспертизы при доказывании субъективной стороны составов преступлений, предусмотренных статьей 354.1 УК РФ. Законодатель заложил в статью ряд филологических категорий таких как: отрицание, одобрение, оскорбление, унижение, установить наличия которых в речевых продуктах без исследования эксперта порой невозможно, также бывают случаи, когда лицо неадекватно воспринимает информацию и в последующем распространяет ее неопределенному кругу лиц, в таком случае установление экспертом лингвистом вышеуказанного признака будет обязательным для установления признаков субъективной стороны состава преступления.

Разграничение преступления и смежных правонарушений. Одной из наиболее распространенных ошибок является неправильное разграничение уголовно наказуемого деяния по ст. 354.1 УК РФ и административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 КоАП РФ («Пропаганда либо публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики»). Критерием разграничения служит степень общественной опасности. Административная ответственность наступает за демонстрацию символики как таковой, без цели реабилитации нацизма или осквернения памяти. Уголовная же ответственность по ст. 354.1 УК РФ наступает тогда, когда действия носят целенаправленный характер, связанный с отрицанием, одобрением или распространением заведомо

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Хабаровского краевого суда от 12.03.2021 по делу № 22-125/2021.

ложных сведений. Так, Верховный Суд РФ в одном из кассационных определений разъяснил, что «само по себе размещение исторических фотографий с нацистской символикой в образовательных целях не образует состава преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ, если отсутствует умысел на реабилитацию нацизма»¹.

Часть 3 исследуемой статьи следует разграничивать со статьей 214 УК РФ, ч. 3, ст. 354.1 является специальной по отношению к ней в части особенности символов воинской славы, которые могут иметь вид сооружения. Наглядным примером неправильного применения закона является следующая ситуация, лицо в публичном месте, будучи в состоянии алкогольного опьянения, действуя умышленно, публично, понимая, что его действия будут очевидны для неопределенного круга лиц, из хулиганских побуждений, грубо нарушая общественный порядок, выражая явное неуважение к обществу, противопоставляя себя окружающим и демонстрируя своё пренебрежительное отношение к ним, с целью осквернения и порчи имущества - символа воинской славы России, оскорбления памяти защитников Отечества, подошел к Вечному огню, являющемуся частью памятника «Мемориал Победы», расположенному в парке, и сжег в пламени Вечного огня живые цветы и похоронный венок, возложенные в знак памяти и уважения героев Отечества, в честь старта Международного автопробега «Дорогами отцов», посвященного 85-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. В результате воздействий высоких температур на цветы, а также материал, из которого был изготовлен венок, произошло их оплавление и задымление, в результате которого элементы памятника «Мемориал Победы» – конструкция пятиконечной звезды, пьедестал под ней, мраморная плитка вокруг, а также подпорная стена и мемориальная доска с надписью были повреждены и потребовали ремонта, поскольку на них образовались многочисленные наложения оплавленного пластика, копоти, и грязи, то есть появились чужеродные элементы, оскверняющие его мемориальную и историческую ценность. Такая ситуация была квалифицирована судом по совокупности ст. 214 и ч. 3, ст. 354.1 УК РФ². Считаем, что при квалификации по признаку осквернения символов воинской славы неуместно, то же деяние квалифицировать как осквернение иных сооружений дабы избежать излишнего вменения.

Кроме того, необходимо отграничивать преступление от высказываний, подпадающих под защиту ст. 29 Конституции РФ, гарантирующей свободу мысли и слова. Европейский Суд по правам человека неоднократно указывал, что государства вправе устанавливать ответственность за отрицание исторических событий, однако такие нормы должны быть сформулированы

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.09.2020 № 78-УД20-23.

² Приговор Верховного Суда Республики Бурятия от 17 апреля 2025 г. по делу № 1-8/2025

максимально четко и не допускать произвольного применения¹, хоть постановления ЕСПЧ для РФ в настоящий момент мало, что значат нельзя отрицать их правильную позицию по данному вопросу. Российский законодатель, по мнению многих правоведов, не в полной мере выполнил это требование, что и порождает риски ошибок.

Пределы уголовной ответственности и проблемы законодательной техники. Пределы уголовной ответственности по ст. 354.1 УК РФ должны быть очерчены строгими рамками, вытекающими из принципов вины, законности и соразмерности. Уголовное преследование допустимо только в случаях, когда действия лица представляют собой реальную угрозу основам конституционного строя, общественной безопасности и сопряжены с пропагандой человеконенавистнической идеологии. Критики данной нормы, такие как профессор В.В. Векленко, указывают на ее избыточную карательность и «идеологическую нагруженность», что затрудняет объективное судебное разбирательство². Действительно, эмоциональный фон, связанный с темой войны, зачастую влияет на правовую оценку, подменяя юридический анализ моральным осуждением.

Для минимизации ошибок квалификации необходимо:

1. Совершенствование законодательной формулировки. Требуется более детальная конкретизация диспозиции, введение четких юридических критериев для оценочных понятий («явное неуважение», «одобрение», «осквернение» и т. п.).

2. Разработка детализированных разъяснений Пленума ВС РФ. Необходимо дать более подробные рекомендации по установлению умысла, разграничению со смежными правонарушениями и оценке доказательств.

3. Повышение квалификации правоприменителей. Следователи и судьи должны быть подготовлены к тонкому разграничению уголовно наказуемых деяний от действий, находящихся в сфере свободы слова и академических исследований.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что основными источниками ошибок квалификации по ст. 354.1 УК РФ являются нечеткость законодательной конструкции, оценочный характер многих признаков состава преступления, а также сложность доказывания субъективной стороны. Правоприменительная практика демонстрирует случаи как необоснованного привлечения к уголовной ответственности за действия, не обладающие признаками общественной опасности, так и трудности в квалификации реально опасных деяний, направленных на пропаганду нацизма. Пределы уголовной ответственности должны определяться через строгое соблюдение принципа вины, требование установления прямого умысла и заведомой ложности, а также через последовательное разграничение преступления со смежными административными правонарушениями и действиями, подпадающими под

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 17.12.2013 по делу «Перрин против Франции» (жалоба № 5446/11).

² Векленко В.В. Проблемы криминализации отрицания исторических фактов в уголовном праве России // Lex russica. – 2018. – № 11. – С. 25–35.

конституционную защиту свободы слова. Дальнейшее совершенствование как законодательной техники, так и правоприменительной практики является необходимым условием для обеспечения справедливого баланса между защитой исторической памяти и незыблемостью основных прав и свобод человека.

В.И. Мустаев¹

Научный руководитель: **В.А. Перов²**

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации в странах общего права и России

Аннотация. В статье проводится анализ генезиса и развития уголовной ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации в ключевых юрисдикциях общего права - США и Великобритании. На основе историко-правового и сравнительно-правового методов исследования выявляются этапы формирования данного состава преступления, общие черты и специфические особенности правового регулирования в каждой из стран. Особое внимание уделяется проблеме расширенного толкования законодательных определений, в частности понятия «неправомерный доступ», а также вопросам экстра TERRITORIALности юрисдикции. В заключительной части статьи формулируются конкретные предложения по адаптации позитивного зарубежного опыта для совершенствования российского уголовного законодательства в сфере противодействия компьютерным преступлениям.

Ключевые слова: компьютерные преступления, неправомерный доступ, о, Закон о мошенничестве и злоупотреблениях с использованием компьютеров (CFAA), Закон о неправомерном использовании компьютеров (CMA), компьютерные преступления.

Динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий во второй половине XX – начале XXI веков обусловило появление новых, ранее неизвестных форм противоправной деятельности. Среди них одно из центральных мест занимает неправомерный доступ к компьютерной информации, представляющий собой серьезную угрозу как для прав отдельных лиц и организаций, так и для национальной безопасности в целом. Страны семьи общего права, в силу их технологического лидерства и гибкой правовой системы, основанной на прецеденте, одними из первых столкнулись с необходимостью уголовно-правового реагирования на эти вызовы. Исторический опыт США и Великобритании в регламентации ответственности за подобные деяния представляет значительный научный и практический интерес не только для выявления универсальных закономерностей развития уголовного законодательства в условиях цифровой трансформации, но и для возможной рецепции наиболее успешных правовых решений в иные правовые системы, в том числе российскую.

Зарождение правового регулирования ответственности за компьютерные преступления в США было непосредственно связано с технологическим лидерством этой страны. Уже в 1960-х годах создание первой компьютерной сети в Министерстве обороны породило новые риски, связанные с хакерскими операциями и компьютерным мошенничеством¹. Предтечей специализированного законодательства выступил Закон о мошенничестве с использованием электронных средств связи 1952 года², который криминализировал противоправные действия, совершаемые с помощью телеграфной, радио- или телевизионной связи. Первой попыткой непосредственного реагирования на киберугрозы стал Законопроект о защите федеральных компьютерных систем 1977 года³, предусматривавший ответственность за внесение поддельных данных, несанкционированное использование компьютеров, модификацию или уничтожение информации. Однако он не был принят, что объяснялось опасениями Конгресса⁴ относительно чрезмерного расширения федеральной юрисдикции. В результате, первоначальная регламентация компьютерных преступлений сложилась на уровне штатов, как, например, в Аризоне и Флориде, принявших соответствующие законы в 1978 году⁵.

Федеральным ответом стал Закон о мошенничестве и злоупотреблениях с использованием компьютеров (Computer Fraud and Abuse Act, CFAA) 1984 года⁶. Первоначальная редакция закона имела ограниченную сферу действия, защищая лишь правительственные и финансовые компьютерные системы, и не предусматривала ответственность за сам факт неправомерного ознакомления с информацией без ее последующего использования или причинения вреда⁷. Значимым для применения CFAA стало в 1991 году дело «США против Морриса»⁸, связанное с созданием и распространением компьютерного червя. Суд отклонил довод защиты о простом «превышении разрешенного доступа»,

¹ Попов А.Н. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие. СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. С. 4.

² 18 U.S. Code § 1343 - Fraud by wire, radio, or television. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1343> (дата обращения: 10.11.2025).

³ Federal Computer Systems Protection Act 1977. URL: www.govtrack.us/congress/bills/95/s1766 (дата обращения: 10.11.2025).

⁴ U.S. Congress, Office of Technology Assessment, Federal Government Information Technology: Management, Security, and Congressional Oversight. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1986. P. 88.

⁵ Дворецкий М.Ю., Карамнов А.Ю. Преступления в сфере компьютерной информации в России и зарубежных государствах: проблемы квалификации, уголовной ответственности и наказания // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 11. С. 395.

⁶ Computer Fraud and Abuse Act of 1984 (Закон о мошенничестве и злоупотреблениях с использованием компьютеров). URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-98/pdf/STATUTE-98-Pg1837.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

⁷ May M. Federal Computer Crime Laws. URL: <https://kornerlaw.com/wp-content/uploads/2016/06/federal-computer-crime-laws-1446.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

⁸ United States of America v. Robert Tappan MORRIS 928 F.2d 504 (1991). URL: https://lounchy.com/CASES/US_v_Morris2.html (дата обращения: 10.11.2025).

указав на несанкционированный характер проникновения в системы государственных ведомств. Последующие модификации закона, в частности, Закон о национальной информационной инфраструктуре 1996 года ¹, существенно расширили его сферу. Была устранена цель извлечения коммерческой выгоды как обязательный признак, а понятие «компьютер» было распространено практически на любые электронные устройства, включая смартфоны, что было подтверждено в деле «США против Крамера» (2011)². Дальнейшее расширение последовало после террористических атак 11 сентября 2001 года в рамках Патриотического акта, который, среди прочего, распространил действие СФАА на компьютеры за рубежом, если их использование влияет на межгосударственную торговлю или связь США³.

Однако экспансия СФАА вызвала серьезную критику, связанную с размытостью ключевых понятий. Яркой иллюстрацией проблем широкого толкования стало дело «США против Лори Дрю» (2008)⁴. Обвинение пыталось квалифицировать нарушение правил пользования социальной сетью MySpace (создание фальшивого аккаунта) как «несанкционированный доступ». Суд первой инстанции согласился с этим, однако в 2009 году окружной судья вынес оправдательный приговор, справедливо указав, что нарушение договорных условий не может автоматически влечь уголовное преследование, так как это создало бы правовую неопределенность и передало бы определение состава преступления на усмотрение частных компаний. Дело «США против Аарона Шварца» (2011) также продемонстрировало карательный потенциал закона. Шварц, имевший легальный доступ к сети Массачусетского технологического института, осуществлял массовую загрузку научных статей, что повлекло обвинение, предусматривавшее до 50 лет лишения свободы. Трагический исход дела, самоубийство обвиняемого, спровоцировал общественный резонанс и дискуссию о несоразмерности наказания и сложности расчета ущерба в виде затрат на восстановление систем⁵.

Проблема интерпретации «превышения разрешенного доступа» была предметом рассмотрения в деле «Ван Бюрен против США» (2021)⁶. Верховный Суд США занял рестриктивную позицию, постановив, что сотрудник полиции, использовавший служебную базу данных в непредусмотренных целях, но в рамках имевшегося у него разрешения, не совершил преступления по СФАА, так как не получил доступ к информации, которая была ему изначально недоступна.

¹ National information infrastructure protection. Act of 1996 URL: https://archive.epic.org/security/1996_computer_law.html (дата обращения: 10.11.2025).

² The United States of America v. Kramer 631 F.3d 900 (8-й округ, 2011). URL: <https://ecf.ca8.uscourts.gov/opndir/11/02/101983P.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

³ USA Patriot Act of 2001. URL: <https://www.sec.gov/about/offices/ocie/aml/patriotact2001.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

⁴ United States v. Drew 259 FRD 449 (CD Cal. 2009). URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/United_States_v._Drew (дата обращения: 10.11.2025).

⁵ См.: Manolache, V. (2015) Computer Fraud and Abuse or Prosecutorial Fraud and Abuse: Time For Change. *Journal of Law, Technology and the Internet*, vol. 6. pp. 75–80.

⁶ Van Buren v. United States 940 F. 3d 1192. URL: www.law.cornell.edu/supremecourt/text/19-783 (дата обращения: 10.11.2025).

В противовес этому, в деле «США против Носала» (2012)¹ суд признал «превышением доступа» действия бывшего сотрудника, скачавшего конфиденциальные данные, к которым он формально имел доступ, но в нарушение корпоративной политики. Таким образом, эволюция американского подхода прошла три этапа: 1) регулирование на уровне штатов; 2) принятие федерального СФАА; 3) его последовательное расширение и последующая критика, приведшая к судебным попыткам ограничительного толкования, которые, однако, носят противоречивый характер.

Великобритания, как и США, изначально пыталась применять к компьютерным преступлениям традиционные составы имущественных преступлений². Например, в деле *Сох v Riley* (1986)³ суд квалифицировал удаление программы с карты памяти устройства как «уголовное повреждение имущества», несмотря на отсутствие физического вреда носителю. Переломным моментом стало дело «*R v Gold and Schifreen*» (1988)⁴, где обвиняемые получили несанкционированный доступ к компьютерной системе Prestel, используя свой домашний микрокомпьютер. Они делали это, получая и используя С.И.Н. и пароли других пользователей без их разрешения. Получив такой доступ, они добывали информацию, на которую не имели права; вносили несанкционированные изменения в сохранённые данные; а также вводили платежи для владельцев счетов без их ведома или согласия». Суд был вынужден применить Закон о подделке и контрафактной продукции 1981 года⁵, что продемонстрировало пробелы в законодательстве и стимулировало принятие первого специализированного акта - Закона о неправомерном использовании компьютеров (*Computer Misuse Act*, СМА) 1990 года⁶. СМА 1990 года установил три ключевых состава: 1) неправомерный доступ к компьютерным материалам; 2) неправомерный доступ с целью совершения иного преступления; 3) несанкционированная модификация компьютерных материалов. Применение закона иллюстрируется делом против Саймона Валлора (2003), осужденного за создание и распространение компьютерных вирусов⁷.

Ответственность за компьютерные преступления в Великобритании регулировалась и рядом других актов. Например, разглашение персональных

¹ *United States v. Nosal, United States v. Nosal* 642 F.3d 781 (9th Cir. 2011). URL: <https://cdn.ca9.uscourts.gov/datastore/opinions/2011/04/28/10-10038.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

² Charlesworth, A. (1993) *Legislating against Computer Misuse: The trials and tribunals of the UK Computer Misuse Act 1990. Journal of law and information science*, no. 1 pp. 81.

³ General Cases – Criminal Law. URL: <https://olatunde-lawnotes.blogspot.com/2008/03/general-cases-criminal-law.html> (дата обращения: 10.11.2025).

⁴ *R v Gold and Schifreen* [1988] 2 WLR. URL: <https://underground-book.net/chapters/ccm/Gold.html> (дата обращения: 10.11.2025).

⁵ *Forgery and Counterfeiting Act 1981*. URL: www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/45/contents (дата обращения: 10.11.2025).

⁶ *The Computer Misuse Act 1990*. URL: <http://www.homeoffice.gov.uk/crime/internetcrime/compmisuse.html> (дата обращения: 10.11.2025).

⁷ Evers, J. U.K. virus writer sentenced to two years in prison. URL: www.networkworld.com/article/893817/lan-wan-u-k-virus-writer-sentenced-to-two-years-in-prison.html (дата обращения: 10.11.2025).

данных, в том числе, с использованием компьютерных технологий наказывалось в соответствии с Законом о персональных данных 1998 года¹. Если виновный изготавливал и распространял порнографические материалы, в том числе, с использованием компьютерных технологий, он подлежал ответственности по Закону о защите детей 1978 года² и Закону о сексуальных преступлениях 1956 года³. На наш взгляд, данные преступления можно назвать компьютерными преступлениями лишь в широком смысле.

Важным шагом стало включение киберпреступности в понятие терроризма в соответствии с Законом о терроризме 2000 года⁴. Следующим этапом развития стало принятие Закона о полиции и юстиции 2006 года⁵, внесшего существенные поправки в СМА 1990 года. Были ужесточены санкции, а состав «несанкционированная модификация» был заменен на более широкий – «несанкционированные действия, умышленно или по неосторожности, препятствующие нормальной работе компьютера»⁶. Также была введена ответственность за изготовление, поставку или получение инструментов для совершения компьютерных преступлений.

Специфической чертой британского регулирования является экстратерриториальное действие СМА 1990 года. Местом преступления будет считаться Великобритания, если преступник совершал преступные действия, находясь в Великобритании; или если компьютеры, на которые совершалось посягательство находились в Великобритании; или даже тогда, когда часть преступления была совершена на территории Великобритании, независимо от места нахождения преступника⁷. Ключевое значение имеет установление «тесной связи» с юрисдикцией. Это наглядно проявилось в деле Маккиннона⁸, гражданина Великобритании, взломавшего компьютеры Пентагона и НАСА. Несмотря на аргументы защиты о применимости британского закона (поскольку действия совершались с территории Великобритании), экстрадиция в США была разрешена в связи с транснациональным характером ущерба и отсутствия достаточной «тесной связи» преступления именно с Великобританией. Исторический путь Великобритании, таким образом, также можно разделить на

¹ Data Protection Act 1998. URL: https://fastlaw.ru/wp-content/uploads/2013/07/UK-Data-Protection-Act-1998_ENG.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

² Protection of Children Act 1978. URL: <https://education-uk.org/documents/acts/1978-protection-children-act.html> (дата обращения: 10.11.2025).

³ Sexual Offences Act 1956. URL: www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/4-5/69/contents (дата обращения: 10.11.2025).

⁴ Terrorism Act 2000. URL: www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/11 (дата обращения: 10.11.2025).

⁵ Police and Justice Act 2006. URL: www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/48/contents (дата обращения: 10.11.2025).

⁶ Карамнов А.Ю., Дворецкий М.Ю. Законодательство Великобритании о преступлениях в сфере компьютерной информации // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 8. С. 165.

⁷ Комаров А.А. Британское уголовное право: о проблеме юрисдикции транснациональных компьютерных преступлений // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 8. URL: <https://human.snauka.ru/2016/08/16133> (дата обращения: 10.11.2025).

⁸ Azzam A. (2014) Jurisdiction in Cybercrimes: A Comparative Study. *Journal of Law, Policy and Globalization*, vol. 22, pp. 80–81.

три этапа: 1) применение традиционных составов преступлений против собственности; 2) принятие базового специализированного СМА 1990 года; 3) его модернизация, направленная на расширение действия и ответ на новые вызовы.

Проведенный анализ позволяет выделить три общие черты в развитии уголовной ответственности за неправомерный доступ в США и Великобритании. Во-первых, это прецедентный характер толкования ключевых понятий, таких как «неправомерный доступ» и «превышение разрешенного доступа», которые наполняются содержанием через судебные решения. Во-вторых, дуализм правового регулирования, при котором произошла институциональная криминализация «чистых» компьютерных преступлений (CFAA, СМА), однако параллельно сохраняется значительный пласт «cyber-enabled crimes», регламентированных иными законодательными актами. В-третьих, включение киберпреступности в антитеррористическое законодательство, что признает потенциальную угрозу использования киберпространства в террористических целях.

Этот богатый историко-правовой опыт содержит ряд конструктивных элементов, учет которых может быть полезен для совершенствования отечественной правовой системы. Не слепое копирование, а адаптация ключевых принципов и подходов с учетом российской правовой традиции способна повысить эффективность противодействия киберпреступности.

Опыт США по делам «Лори Дрю» и «Аарона Шварца» наглядно показывает опасность размытых законодательных формулировок. Российскому законодателю следует избежать подобных рисков путем легального дефинирования ключевых понятий. Целесообразно на законодательном уровне закрепить четкие определения. Понятие «превышение правомочий доступа» может быть определено по модели вердикта Верховного Суда США по делу «Ван Бюрена»: как доступ к информации, на ознакомление с которой у лица не было разрешения в рамках имеющейся у него учетной записи, а не просто использование разрешенной информации в неправомерных целях. Также существующее в УК РФ определение «электронно-вычислительной машины (ЭВМ)» нуждается в модернизации с учетом распространения смартфонов, планшетов и других устройств, что было успешно реализовано в США через судебное толкование и законодательные поправки.

Глобальный характер преступлений в сфере компьютерной информации требует определенных юридических правил. Российский УК (ст. 12) уже содержит основы экстратерриториальной юрисдикции. Однако опыт Великобритании, где Закон о неправомерном использовании компьютеров 1990 года детализирует условия применения («тесная связь» с юрисдикцией), может быть полезен. Целесообразно более четко прописать в законе условия, при которых киберпреступление, совершенное иностранцем за рубежом против интересов России, подпадает под действие российского УК, минимизируя тем самым коллизии юрисдикций. Наконец, опыт включения киберпреступлений в антитеррористическое законодательство США и Великобритании является передовым. Целесообразно детализировать в УК РФ (прежде всего, в статьях 273

и 274.1) конкретные критерии, при которых киберпреступление, совершенное иностранным лицом за пределами России, подпадает под национальную юрисдикцию. Это позволит минимизировать правовые коллизии, возникающие на международном уровне, и создать четкое основание для преследования угроз, направленных против критической инфраструктуры, цифрового суверенитета и иных охраняемых интересов Российской Федерации.

И.И. Новик¹

Научный руководитель: **Ю.А. Дронова²**

^{1,2} Тверской государственный университет

Преднамеренное и фиктивное банкротство: анализ составов и порядок выявления

Аннотация. Исследование посвящено комплексному межотраслевому правовому анализу составов преступлений, предусмотренных статьями 196, 197 УК РФ. В работе исследуются объективные и субъективные признаки преднамеренного и фиктивного банкротства, с опорой на актуальную судебную практику. Особое внимание уделяется регламентированному порядку выявления признаков данных преступлений. Центральное место в исследовании занимают проблемы разграничения составов преднамеренного и фиктивного банкротства, доказывания прямого умысла и установления виновного лица.

Ключевые слова: преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, состав преступления, арбитражный управляющий, контролирующее должника лицо, прямой умысел, крупный ущерб, несостоятельность (банкротство).

Согласно статистическому анализу, проведенному специалистами Федресурса, в 2024 г. количество дел о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц составляет 8 570, физических лиц – 431 942 дел¹. В 2025 г. показатели составляют 3 208 дел о банкротстве юридических лиц и 259 810 дел о банкротстве физических лиц². Несмотря на уменьшение рассматриваемых дел о несостоятельности, количество их по-прежнему остается колоссальным.

Учитывая, что согласно официальной позиции высших государственных органов Российской Федерации, экономика в стране, несмотря на наличие санкций со стороны недружественных государств, остается сильной и независимой, экономический кризис отсутствует, а количество приговоров по исследуемым составам составляет единицы, следует принять во внимание, что при таких обстоятельствах столь значительное количество дел о банкротстве

¹ Банкротства в России: 4 кв. 2024 и 2024 год. URL: <https://fedresurs.ru/news/24a1287d-3595-44c3-9c83-5c3b9ab4b1df>. Дата обращения: 15.10.2025.

² Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса Итоги I полугодия 2025 года. URL: <https://fedresurs.ru/news/26005c7d-3cca-4cfe-b989-99e86a9c5c31>. Дата обращения: 15.10.2025.

вызывает разумные и обоснованные сомнения в легальности действий и (или) бездействия юридических и физических лиц.

Вопросы преднамеренного и фиктивного банкротства не являются для научного сообщества приоритетными, однако встречаются в работах ученых. Вместе с тем, отдельного внимания проблемы данных составов не удостоились.

Итак, в соответствии с ч. 1 ст. 196 УК РФ преднамеренным банкротством признается совершение действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб.

Квалифицированный состав (ч. 2 ст. 196 УК РФ) предусматривает то же деяние, однако совершенное, а) лицом с использованием своего служебного положения или контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица; б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Объективная сторона данного преступления характеризуется: а) деянием (действием или бездействием), повлекшим неспособность должника удовлетворить имущественные требования кредиторов; б) причинением крупного ущерба кредиторам; в) причинно-следственной связью между деянием и последствием.

Субъект преступления прямо не указан в ч. 1 ст. 196 УК РФ, но указан в ч. 2 названной статьи. Вместе с тем следует учитывать, что субъектом преднамеренного банкротства в любом случае, в силу ст. 19 УК РФ, является физическое лицо. Комплексное толкование ст. ст. 19, 196 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что субъектом преднамеренного банкротства в случае банкротства гражданина будет сам гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель, банкротства юридического лица – физическое лицо, которое, по смыслу гражданского законодательства, является лицом, имеющим, в силу своего служебного или должностного положения, определенные полномочия для руководства операционной и финансово-хозяйственной деятельностью должника и распоряжения ею, либо контролирующим должника лицом.

Из изложенного следует вывод о том, что в случае преднамеренного банкротства юридического лица, состав ст. 196 УК РФ будет всегда квалифицированным.

Субъективная сторона преднамеренного банкротства характеризуется прямым умыслом, который состоит в объявлении лица несостоятельным (банкротом).

Далее, в соответствии со ст. 197 УК РФ, фиктивным банкротством признается заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб.

Объективная сторона преступления выражается в: а) деянии, суть которого в том, что руководитель, учредитель (участник), гражданин, в том числе

индивидуальный предприниматель, зная о своей финансовой состоятельности, тем не менее публично объявляют себя банкротом; б) причинением крупного ущерба кредиторам в) причинно-следственной связью между деянием и последствием.

Субъект преступления прямо определен в гипотезе статьи.

Субъективная сторона выражена прямым умыслом, который состоит в заведомо ложном объявлении банкротства. При этом следует учитывать, что целью такого деяния является недобросовестное и безосновательное желание списания кредиторской задолженности при наличии средств для ее погашения.

Следует констатировать, что в настоящее время и при действующем правовом регулировании состав мертв. Обусловлен данный тезис тем, что действующее законодательство о банкротстве не предусматривает легальную форму публичного объявления должника о своей несостоятельности. Такое объявление в силу ст. ст. 25, 65 ГК РФ, а также ст. 6 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» может сделать только суд. Поэтому действия лица, которое публично объявляет о своей несостоятельности не могут быть квалифицированы как фиктивное банкротство, ввиду, прежде всего, отсутствия в законе механизма публичного объявления о несостоятельности.

Более того, попытка заведомо ложного объявления лица банкротом с наибольшей долей вероятности будет пресечена судом при проверке обоснованности заявления о признании лица банкротом.

Из изложенного следует констатировать, что преднамеренно и фиктивное банкротство имеют общий признак объективной стороны – крупный ущерб.

Для целей квалификации деяния по ст. 196 или ст. 197 УК РФ размер крупного ущерба определен в ч. 2 ст. 170.2 УК РФ, согласно которой крупным ущербом признается ущерб в сумме, превышающей три миллиона пятьсот тысяч рублей, а особо крупным - тринадцать миллионов пятьсот тысяч рублей. Ранее размер крупного ущерба составлял меньшую сумму, поправки были внесены в 2024 г. Федеральным законом от 06.04.2024 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Переходя к вопросу о порядке выявления преднамеренного и фиктивного банкротства, следует констатировать, что выявление признаков названных преступлений – компетенция прежде всего арбитражного управляющего. Нужно отметить, что это не просто компетенция, а установленная ст. 20.3 Закона о банкротстве обязанность.

Порядок выявления исследуемых преступлений установлен Постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства».

Цитирование положений указанного Постановления не представляется разумным. Резюмируя изложенное в нем содержание, преднамеренное банкротство осуществляется в 2 этапа: 1 этап – анализ коэффициентов (текущей, абсолютной ликвидности, обеспеченности предприятия основными средствами

и так далее), 2 этап – соответствие сделок должника и действий (бездействия) закону, выявление сделок должника, заключенных или исполненных на условиях, не соответствующих рыночным условиям, послуживших причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности и причинивших реальный ущерб должнику в денежной форме.

Согласно п. 9 вышеуказанного постановления к сделкам, на условиях, не соответствующих рыночным условиям, относятся: а) сделки по отчуждению имущества должника, не являющиеся сделками купли-продажи, направленные на замещение имущества должника менее ликвидным; б) сделки купли-продажи, осуществляемые с имуществом должника, заключенные на заведомо невыгодных для должника условиях, а также осуществляемые с имуществом, без которого невозможна основная деятельность должника; в) сделки, связанные с возникновением обязательств должника, не обеспеченные имуществом, а также влекущие за собой приобретение неликвидного имущества; г) сделки по замене одних обязательств другими, заключенные на заведомо невыгодных условиях. При этом заведомо невыгодные условия сделки, заключенной должником, могут касаться, в частности, цены имущества, работ и услуг, вида и срока платежа по сделке.

Обобщив изложенное, арбитражным управляющим выявляются сделки с неравноценным встречным исполнением, сделки, в результате совершения которых уменьшились активы должника, их ликвидность, безвозмездные сделки.

По результатам составления заключения о наличии (отсутствии) признаков преднамеренного банкротства арбитражный управляющий формирует вывод о наличии или отсутствии признаков преднамеренного банкротства, либо же о невозможности проведения проверки признаков преднамеренного банкротства ввиду отсутствия необходимой документации.

Резюмируя, к признакам преднамеренного банкротства следует отнести: а) ухудшение показателей коэффициентов, характеризующих платежеспособность должника; б) несоответствие совершенных сделок закону; в) несоответствие действий (бездействия) закону; г) совершение сделок, заключенных или уже исполненных, рыночным условиям (неравноценное встречное исполнение).

Вместе с тем, следует отметить, что при проведении проверки наличия (отсутствия) признаков преднамеренного банкротства физического лица анализ коэффициентов невозможен, так как ведение должником - физическим лицом бухгалтерской документации, на основе которой и производится расчет необходимых коэффициентов, законом не предусмотрено. В случае банкротства физического лица для проверки признаков преднамеренного банкротства исследуются только его сделки.

Так или иначе, фиктивное банкротство, в редакции действующего УК РФ, является преступлением, хотя и таким, которое совершить невозможно. В этой связи арбитражным управляющим, путем анализа значений и динамики коэффициентов деятельности, проводится проверка наличия или отсутствия признаков фиктивного банкротства. Иными словами, анализируется наличие признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества должника.

Как ранее указано, анализ коэффициентов деятельности должника – физического лица невозможен. В этой связи в таких случаях при проверке наличия или отсутствия признаков фиктивного банкротства арбитражным управляющим исследуется наличие у должника имущества для погашения требований кредиторов.

Даже в случае установления признаков фиктивного банкротства, привлечение лица к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 197 УК РФ – невозможно ввиду очевидного отсутствия обязательного признака объективной стороны преступления (публичное объявление о несостоятельности).

Из изложенного следует, что основным признаком фиктивного банкротства – наличие у должника признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества.

Основным отличием исследуемых преступлений является наличие сделок, действия (бездействия), не соответствующих закону, сделки, в результате совершения которых уменьшились активы должника.

В названном отличии кроется основная проблема разграничения преднамеренного и фиктивного банкротства. В отсутствие полного перечня документов, позволяющих провести анализ деятельности должника, невозможно достоверно определить признаки того или иного состава, особенно, в отсутствии полной информации о сделках.

Преодолевается эта проблема путем направления запросов контрагентам по сделкам, истребованием первичной документации у руководителя должника, непосредственно должника.

Наиболее интересной нам представляется проблема определения виновного лица для инкриминирования ему преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 196 УК РФ (по сути, преднамеренное банкротство юридического лица).

Формально субъектом преднамеренного банкротства является руководитель должника – юридического лица. Полагаем, что такой подход устарел и не отражает реалий современного предпринимательства.

Статьей 61.10 определен обширный круг контролирующих должника лиц, статус которых определяется вплоть до зависимости от наличия родственных отношений, наличия полномочий, должности и так далее.

Учитывая изложенное, сложилась ситуация, при которой зачастую единоличный исполнительный орган должника является лишь номинальной фигурой, исполняющей волю реальных собственников (бенефициаров), которые формально могут не занимать никаких должностей в организации. Их указания могут отдаваться в устной, неформальной форме, что исключает возможность обнаружения прямых письменных распоряжений о выводе активов. Таким образом, возникает «фигура умолчания» – лицо, обладающее реальными распорядительными полномочиями, но остающееся в тени для правоохранительных органов.

Далее, например, решение о совершении крупной сделки, приведшей к банкротству, может быть принято советом директоров или общим собранием участников. В этом случае возникает вопрос о распределении ответственности.

Можно ли привлекать к уголовной ответственности всех членов коллегиального органа, голосовавших «за»? Для этого необходимо доказать не только сам факт голосования, но и наличие у каждого из них прямого умысла на доведение предприятия до банкротства, что, как мы полагаем, достоверно сделать невозможно.

В данном ключе следует вновь отметить, что ключевой элемент составов рассматриваемых преступлений – прямой умысел. Необходимо доказать, что виновное лицо осознавало неизбежность наступления неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества в результате его действий (бездействия) и желало этого.

При расследовании преднамеренного банкротства необходимо доказать наличие криминообразующей цели, т.е. факта того, что при заключении сделок (совершении экономически значимых действий) лицо заведомо знало об их невыгодности и совершало их умышленно с целью доведения юридического лица до банкротства. Если руководитель юридического лица преследовал при этом корыстную цель, желая получить материальную выгоду для себя или других лиц за счет похищенного имущества, такие действия будут квалифицироваться как растрата по ст. 160 УК РФ (поскольку цель хищения не охватывается ст. 196 УК РФ)¹.

Помимо прочего, любой защитник, действующих в интересах обвиняемого, будет строить защиту на тезисе об обычной предпринимательской неудаче, просчете, некомпетентности, риске или, в крайнем случае, о неосторожности (что не образует состава преднамеренного банкротства). Действия, приведшие к банкротству, будут представлены как разумные в той ситуации, в которой находилось предприятие. Например, вывод активов может быть обоснован необходимостью реструктуризации бизнеса или погашения долгов перед кредиторами.

Следует учесть также то, что законодатель указывает на специальную цель как преднамеренного, так и фиктивного банкротства – причинение крупного ущерба кредиторам. Однако на практике мотивом прежде всего является личное обогащение виновных лиц. Банкротство в таком случае – лишь последствие, а не сама цель.

На основании изложенного следует сделать вывод о том, что с точки зрения доказывания преднамеренное и фиктивное (исключительно теоретически) банкротство доказать так, как того требуют принципы уголовного и уголовно-процессуального права, практически невозможно, особенно в отсутствии явки с повинной обвиняемого лица. При этом достоверно установить виновное лицо также не представляется возможным.

Учитывая приведенные пояснения, становится ясной позиция правоприменителя о квалификации действий того или иного лица, как-либо

¹ Саушкин Д.В., Шульгина Д.Д., Корчагина М.А. Права и обязанности предпринимателя при взаимоотношениях с правоохранительными органами: закон и практика. Выпуск 19. Редакция «Российской газеты», 2019 г. // СПС КонсультантПлюс.

связанного с должником, находящимся в процедуре банкротства, по ст. 159 УК РФ.

Говоря о судебной практике рассмотрения исследуемых преступлений, следует вновь отметить, что количество вынесенных приговоров стремится к, однако и не равно нулю.

Например, приговором Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 07.07.2023 г. по делу № 01-0127/2023¹, оставленным без изменения апелляционным определением Московского городского суда от 28.03.2024 г. № 10-562/2024, кассационным определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.11.2024 г. по делу № 77-3103/2024 гражданин (должник) осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 196 УК РФ.

Судом установлено, что должник заключил договор займа, не исполнял обязательств по возврату суммы займа, в период до возбуждения производства по делу о банкротстве с использованием различных правовых механизмов отчуждал принадлежащее ему имущества во избежание возможности обращения взыскания на имущество. Далее, должник был признан несостоятельным (банкротом), некоторые совершенные им сделки признаны недействительными.

Судом исследованы доказательства, в числе которых, показания финансового управляющего должника, установившего признаков преднамеренного банкротства, заключение о наличии (отсутствии) признаков преднамеренного и фиктивного банкротства.

Проанализировав обстоятельства дела, представленные по делу доказательства, совершенные должником сделки и их судьбу, цель совершения, суд пришел к выводу о наличии в действиях гражданина (должника), состава преднамеренного банкротства.

Несмотря на то, что суды апелляционной и кассационной инстанции оставили без изменения приговор суда первой инстанции, мы относимся критически к позиции судов.

Так, установлено и не единожды продекларировано судами, что гражданин действовал с целью причинения вреда кредиторам, то есть не с целью довести себя до банкротства и причинить вред, а только лишь с целью причинения вреда, что исключает возможность квалификации его действий, с теоретической точки зрения, по ч. 1 ст. 196 УК РФ.

При этом, учитывая обстоятельства дела, имелись все основания для квалификации действий гражданина по ст. 195 УК РФ (Неправомерные действия при банкротстве).

Анализ иных судебных актов также показывает, что суды не устанавливают прямого умысла, состоявшего в намерении довести лицо до банкротства, ограничиваясь часто формальным выводом о том, что в результате совершенных действий лицо было признано банкротом. Как указано нами ранее, банкротство –

¹ Приговор Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 07.07.2023 г. по делу № 01-0127/2023. URL: <https://mosgorsud.ru/rs/dorogomilovskij/services/cases/criminal/details/288d8610-c799-11ec-a7f0-3fda2b07c081?caseNumber=01-0127/2023>. Дата обращения: 15.10.2025.

лишь следствие иного, прежде всего имущественного, интереса лица, совершившего деяние.

Подводя итог настоящего исследования, следует сказать о том, что преднамеренное и фиктивное банкротство, а точнее взгляды законодателя и правоприменителя на данные составы через призму их уголовно-правовой характеристики оставляют желать лучшего. Составы не соответствуют действующим российским реалиям, в частности, особенностям осуществления предпринимательской деятельности. Статьи 196, 197 УК РФ существуют безсвязно с иными отраслями российского права, что, с учетом специфики указанных в них преступлений, реальной сложности и межотраслевой комплексности дел, не может считаться допустимым, о чем свидетельствует немалое количество вышеуказанных проблем.

Э.М. Рамазанов¹

Научный руководитель: **Б.Б. Сулейманов²**

^{1,2}Северо-Кавказский институт (филиал)

Всероссийского государственного

университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкале

Социально-экономические факторы, влияющие на систему уголовных наказаний в условиях военного времени

Аннотация. В статье рассматриваются экономические факторы, выражающиеся в особенностях организации производственных отношений на различных исторических этапах и социальные факторы, к числу которых следует отнести различные виды социальных отношений, такие как идеологические, этические, моральные, нравственные и другие. В заключении рассматриваемого вопроса автор приходит к выводу о комплексном воздействии указанных факторов на систему уголовных наказаний в том числе и в условиях военного времени.

Ключевые слова: военное положение, система, уголовная политика, уголовное наказание, фактор.

Система уголовных наказаний, установленная современным уголовным законодательством, находится под воздействием различных объективных и субъективных факторов. Одним из таких факторов, которые оказывают влияние на её формирование, являются внутренние и внешние экономические условия. Экономические возможности являются основой для введения новых видов наказаний и применения существующих видов уголовных наказаний. Введение новых наказаний требует финансовых затрат, не всегда государство имеет такого рода экономические возможности, что в свою очередь сказывается на процессе исполнения уголовных наказаний. Экономически нестабильная ситуация, складывающаяся в Российской Федерации, в последние годы сказалась и на возможности применения ряда уголовных наказаний, установленных ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ). Что в конечном итоге приводит к несовершенству системы наказаний, так как не все её элементы

могут достигнуть главного результата, выраженного в реализации целей наказания, определяемых уголовным законодательством. В качестве примера стоит привести такие виды наказаний как принудительные работы и арест. Долгое время данные виды наказания не могли быть реализованы, так как из-за экономических трудностей не представлялось возможным создать исправительные центры или переоборудовать в них действующие исправительные учреждения. Применение норм связанных с реализацией принудительных работ было отложено до 2012 года, а затем до 2017 года¹.

В настоящий момент данный вид наказания применяется, так как создан ряд исправительных центров, а также участков, функционирующих в качестве таковых, а также продолжается работа по созданию исправительных центров в различных субъектах Российской Федерации. При этом учёные отмечают затраты на данный вид наказания оправданными так как эффективность принудительных работ объясняется их нахождением на стыке наказаний, не связанных с лишением свободы, и наказаний, связанных с лишением свободы². Что и послужило причиной их включения в систему уголовных наказаний. Более сложная ситуация складывается с другим видом наказания – арестом. Данный вид наказания имел положительный опыт применения в дореволюционной России, а также за рубежом. На сегодняшний день арест входит в систему уголовных наказаний, установленных уголовным законодательством, но фактически этот вид наказания не назначается судами. Причиной этому служит отсутствие достаточного финансирования для строительства исправительных учреждений, в которых предусмотрено отбывание данного вида наказания - арестных домов. Согласно официальным данным, в РФ необходимо построить около 140 подобных объектов, чтобы разместить в них порядка 70 тыс. осужденных³.

Данные примеры показывают, как отсутствие финансирования или недостаточное финансирование негативно влияют на возможность назначения отдельных видов уголовных наказаний. Кроме того, стоит отметить, что экономический фактор влияет и на сам процесс исполнения наказания. Как правило, проблемы подобного характера связаны с наказаниями, сопряженными с трудоустройством осужденных, а также долгое время были трудности с реализацией такого вида наказания как ограничение свободы. Проблема последнего заключалась в необходимости приобретения технических средств слежения за осужденными, что также обуславливалось экономическими трудностями. Приведённые примеры характерны для мирного времени, во время

¹Ендольцева А.В., Никитин А.М. Принудительные работы: некоторые проблемы их исполнения // Адвокатская практика. 2013. № 4. С. 36–39. Усеев Р.З. Принудительные работы: место в системе наказаний и некоторые проблемы применения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 2. С. 23–26.

²Звонов А.В., Дядькин О.Н. Факторы формирования системы уголовных наказаний в современных условиях: краткий аналитический обзор // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 1. С. 82–89.

³Минюст предлагает отказаться от арестов. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/46836/>. Дата обращения: 15.10.2025.

военных действий экономический фактор приобретает особое значение. Особое внимание данному явлению уделяется, в связи с тем, что упомянутый выше режим способен внести кардинальные изменения в обыденный уклад жизни общества и государства. Мировой и отечественной истории известны примеры войн, которые длились не один десяток лет (война между Нидерландами и Великобританией (архипелагом Силли), которая продолжалась фактически 335 лет, Столетняя война между Англией и Францией, которая продолжалась почти 116 лет). Одной из самых длительных войн, известных отечественной истории, является Кавказская война, которая продлилась 47 лет. Среди краткосрочных войн в истории человечества стоит отметить англо-занзибарскую войну, которая произошла между Великобританией и султанатом Занзибар 27 августа 1896 г. и длилась 38 минут.

В период войны органам управления и населению государства, на территории которого введено военное положение, необходимо пересмотреть обычный уклад жизни и адаптировать его под особые условия. В связи с этим изменяется политика государства, экономика, социальная и правовая сфера. Важно отметить, что режим военного положения оказывает влияние не на саму систему уголовных наказаний, а на вышеперечисленные факторы, под воздействием которых и формируется система наказаний в экстремальных условиях. Названные факторы существуют в своей взаимосвязи и взаимодействии, поэтому затруднительно среди них выделить основные и второстепенные¹.

Это связано, как правило, в первую очередь с ростом инфляции, экономическим кризисом, а также одновременным увеличением расходной части и уменьшением доходов бюджета государства. Так Вторая мировая война в капиталистических странах вызвала колоссальную эмиссию денежных средств, которые были направлены на покрытие военных расходов. Германия выпускала марки, которые находились в обращении лишь на ее территории. Они использовались для выплат военнослужащим, закупки сырья и продовольствия для снабжения армии. При захвате эмиссионных банков в оккупированных странах захватчики получали в неограниченном количестве билеты данного банка, что приводило к резкому увеличению количества банкнот в обращении: во Франции и в Бельгии — в 4 раза, Польше — в 11, Чехословакии — в 15, Югославии — в 24, Греции — в 250 миллионов раз. Страны, принявшие участие в войне на стороне Германии, поставляли для нее товары и продукты в кредит, а их эмиссионные банки уплачивали поставщикам деньги за счет инфляционного выпуска банкнот. Все это вызвало в этих странах инфляцию в огромных размерах. Англия, как и Германия, использовала метод валютных клирингов. В связи с этим в Индии количество денег в обращении выросло в семь раз, в Египте — в шесть, в Ираке и на Цейлоне — в девять. В странах, переложивших

¹ Цапанова С.С. Факторы, оказывающие влияние на систему уголовных наказаний в условиях введения военного положения // Вестник Самарского юридического института. 2022. С. 56–62.

значительную часть издержек войны на оккупированные или зависимые страны, инфляция имела относительно низкий уровень¹.

Кроме экономического кризиса и сопутствующего роста инфляции война порождает незапланированные дополнительные расходы на оборону страны и непосредственное ведение военных действий. Так, например, по подсчётам специалистов, произведённым в 1945 году, страны мира в совокупности истратили на все войны первой половины XX в. более 2,5 трлн. долларов. Самой дорогой из них стала вторая мировая война, стоившая участникам около 2 трлн. долларов. Непосредственно СССР военные действия обошлись в 128 млрд. долларов по подсчётам тех лет. Из них на производство вооружения Советский Союз потратил 93 млрд. долларов. Война уничтожила 10-ки тысяч предприятий, а также половину всех железнодорожных мостов и нанесла неопределимый ущерб городскому жилому фонду. Военные расходы Советского Союза были столь существенны, что на них к 1944-му году уходило до 55% всего годового национального дохода. При этом инфляция к 1945 году выросла в 4 раза, по сравнению с 1939 годом².

Таким образом, стоит отметить, что условия войны диктуют свои условия, которые необходимо учитывать при назначении уголовных наказаний. Учитывая приведённые примеры отечественного и зарубежного опыта и анализируя негативные экономические последствия, обусловленные военными действиями, стоит предположить, что в условиях введенного режима военного положения наиболее актуальными в назначении будут те виды наказаний, которые будут достигать не только цели последних, но и цели военного положения. К числу таковых стоит отнести: обязательные, принудительные и исправительные работы, так как в условиях войны всегда необходима рабочая сила; лишение свободы для изоляции особо опасных преступников, а также использование труда данной категории осужденных, так как труд является одним из средств исправления. В том числе, это обусловлено потребностью государства в привлечении граждан в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, к выполнению работ для нужд обороны, ликвидации последствий применения противником оружия, восстановлению поврежденных (разрушенных) объектов экономики, систем жизнеобеспечения и военных объектов, а также к участию в борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями в соответствии с п. 6, ч. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ.

Однако вышеизложенные виды уголовных наказаний, предусмотренные уголовным законодательством Российской Федерации, не могут быть в полном объеме реализованы в период ведения военных действий. Как отмечал И. М.

¹ Инфляция во время второй мировой войны. URL: <https://economy.ru.com/obrascheniekredit-denejnoe/inflyatsiya-vremya-vtoroy-mirovoy.html>. Дата обращения: 16.10.2025.

² Военно-полевые финансы. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3273720>. Дата обращения: 18.10.2025.

Гальперин, уголовное наказание должно быть назначено с учетом интересов большинства членов общества¹.

На ряду с названными видами наказаний менее целесообразным и эффективным считаем применение таких видов наказаний как: ограничение свободы, так как условия военного положения отчасти дублируют правоограничения, предусмотренные данным видом наказания, что отчасти делает невозможным достижение цели наказания как такового; штраф в условиях войны, сопровождающейся различными экономическими кризисными явлениями, затрудняет его исполнение, а иногда делает и невозможным.

Кроме экономического фактора, немаловажное влияние на систему уголовных наказаний России оказывают различного рода социальные факторы. Влияние указанных факторов на систему наказаний можно проиллюстрировать через анализ такого вида наказания как смертная казнь. Развитие гуманистических начал и закрепление их в основном Законе государства по примеру Европы привело к невозможности назначения и исполнения смертной казни. По мнению В. Е. Квашиса², наличие смертной казни, являющейся неотъемлемым элементом тоталитарной власти, а также свидетельствует об уровне развития общества и государства. Многие страны от нее отказались и по причине того, что это являлось одним из условий вступления в Совет Европы. Последний раз смертная казнь применялась 25 лет назад за этот период общество уже психологически свыклось с отказом от высшей меры наказания, что привело за эти годы к снижению числа её сторонников, развитию толерантного общества с более мягкими нравами.

Таким образом, можно сделать вывод о взаимосвязи различных объективных факторов, которые в своей совокупности оказывают влияние на уголовную политику в целом и на эволюцию системы наказаний в частности.

Проведённый анализ позволяет заключить, что условия военного положения оказывают влияние на различные факторы, в том числе и социально-экономические, под влиянием которых находится система уголовных наказаний.

Приведённые примеры говорят о необходимости временного изменения приоритетов в назначении наказаний в условиях военного положения для достижения их целей. Поэтому система уголовных наказаний России должна быть адаптирована под условия войны, что порождает необходимость правовой регламентации данного вопроса.

Изучение имеющейся системы уголовных наказаний позволило прийти к тому, что в условиях введения режима военного положения становится неэффективным и нерациональным назначение и исполнение отдельных видов наказаний. Однако стоит отметить то, что на сегодняшний день в нашей стране всё же есть наказания, которые могут дуть реализованы как в мирное, так и военное время. К таковым относятся обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, лишение свободы и смертная казнь. В связи с

¹ Гальперин И.М. Наказание: социальные функции, практика применения. М. Юрид. лит., 1983. С. 53

² Квашис В.Е. Смертная казнь в современном мире: глобальные тенденции и перспективы. М.: Юрайт, 2008. С. 133.

этим вопрос взаимодействия системы уголовных наказаний в условиях военного положения должен быть главным образом ориентирован на достижение цели последнего.

Б.О. Сарыглар¹

Научный руководитель: **А.Л. Иванов²**

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Проблемы квалификации незаконных организации и проведения азартных игр в сети Интернет

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы квалификации незаконных организации и проведения азартных игр в сети Интернет по статье 171.2 Уголовного кодекса РФ. Рассматриваются сложности разграничения данного преступления со смежными составами, включая административные правонарушения, и вопросы определения признаков объективной стороны в цифровом пространстве. Особое внимание уделяется установлению круга субъектов преступления, от непосредственных организаторов до наемных работников и пособников, обеспечивающих функционирование онлайн-платформ.

Ключевые слова: незаконные азартные игры, сеть Интернет, квалификация преступления, субъект преступления, статья 171.2 УК РФ.

Стремительная цифровизация общественных отношений и проникновение сети Интернет во все сферы жизни привели к трансформации многих видов противоправной деятельности, включая игорный бизнес. Уголовная ответственность за организацию и проведение азартных игр, предусмотренная статьей 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), изначально ориентированная на пресечение деятельности физических игорных заведений, сегодня сталкивается с серьезными вызовами при применении к онлайн-казино, букмекерским конторам и тотализаторам, функционирующим в виртуальном пространстве. Это порождает комплекс теоретических и практических проблем, связанных как с квалификацией самого деяния, в частности, его отграничением от административного правонарушения и определением как единого продолжаемого преступления, так и с определением полного круга лиц, подлежащих уголовной ответственности.

Одной из центральных проблем квалификации является разграничение уголовно наказуемого деяния и административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.1.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ). Изначально ст. 171.2 УК РФ содержала материальный состав, связывая наступление уголовной ответственности с извлечением дохода в крупном или особо крупном размере. Однако Федеральным законом от 22.12.2014 г. № 430-ФЗ формулировка «сопряженные с извлечением дохода в крупном размере» была исключена из части первой статьи, что трансформировало основной состав преступления в формальный. В результате

диспозиция ч. 1 ст. 171.2 УК РФ стала практически идентична диспозиции ст. 14.1.1 КоАП РФ. Как справедливо отмечают А. С. Лимарь и И. А. Михайлова, это породило проблему дублирования норм, которую на практике правоприменитель часто решает по субъектному составу: к административной ответственности привлекаются юридические лица, а к уголовной – физические¹. Данный подход, на наш взгляд, не решает системной коллизии и требует законодательного уточнения, например, путем введения административной преюдиции.

Не меньшие сложности возникают при определении объективной стороны преступления в сети Интернет. Незаконная деятельность онлайн-казино по своей природе является длящейся и охватывается единым умыслом организатора, что поднимает вопрос о ее квалификации как единого продолжаемого преступления, а не совокупности отдельных эпизодов. Как отмечает М.Р. Яруллин, «в том случае, если умысел на совершение преступления изначально охватывал создание нескольких нелегальных игорных заведений, то такое преступление подлежит рассматривать как единое преступление, совершение которого растянуто во времени»². В контексте сети Интернет, где одна платформа может обслуживать неограниченное число игроков и транзакций, такой подход представляется наиболее логичным. Это позволяет избежать искусственного «укрупнения» дохода путем суммирования отдельных ставок и квалифицировать деяние как единый состав, объективная сторона которого выполняется непрерывно с момента запуска и до пресечения работы онлайн-ресурса.

Еще одной существенной проблемой, связанной с установлением объективной стороны, является активное использование организаторами преступной деятельности механизмов мимикрии, когда азартная игра маскируется под внешне легальные виды деятельности. Наиболее распространенный способ — проведение азартных игр под видом лотерей. Как отмечается в диссертационном исследовании Е.А. Смолиной, на практике часто используются лотерейные автоматы, которые по своему внешнему виду и принципу работы полностью имитируют игровые, но формально реализуют «лотерейные билеты»³. Это создает серьезные трудности для правоприменителя, которому необходимо доказать, что выигрыш формировался не из призового фонда лотереи, а зависел от случайного исхода с использованием заложенного в программу генератора случайных чисел, что и является признаком азартной игры.

Данная проблема усугубляется в сети Интернет, где незаконные казино могут маскироваться под онлайн-игры, не требующие специального разрешения, или даже под платформы для торговли бинарными опционами и финансовые симуляторы. В таких случаях разграничение становится еще сложнее, так как требуется проведение комплексной компьютерно-технической экспертизы для

¹ См.: Лимарь А.С., Михайлова И.А. О некоторых проблемах квалификации незаконных организации и проведения азартных игр // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2015. № 1. С. 77–80.

² См.: Яруллин М.Р. Проблемы квалификации незаконных организации и проведения азартных игр // Экономика и социум. 2019. № 4(59). С. 841–845.

³ См.: Смолина Е.А. Незаконные организации и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ): магистерская диссертация. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. С. 28.

установления истинного алгоритма работы программы. Необходимо доказать, что результат зависит не от знаний и навыков игрока (что характерно для биржевой торговли или киберспорта), а исключительно от случайности, а сама платформа является лишь симуляцией, единственная цель которой — прием ставок и генерация случайного выигрыша или проигрыша.

Сложности квалификации объективной стороны также связаны с неопределенностью самого понятия «игровое оборудование» применительно к онлайн-пространству. Если в офлайн-заведении это физические столы и автоматы, то в сети Интернет таким оборудованием фактически выступает программно-аппаратный комплекс: серверы (часто расположенные в зарубежных юрисдикциях), программное обеспечение (софт казино), веб-сайт как интерфейс доступа и даже связанные с ним платежные шлюзы. Как справедливо поднимают вопрос Д.Д. Тагунец и М.Р. Худобащян, отсутствие законодательно закреплённых признаков игрового оборудования в цифровой среде позволяет защите утверждать, что само по себе программное обеспечение или сайт не являются «оборудованием» в смысле ст. 171.2 УК РФ¹. Это создает правовую лазейку и требует четкого законодательного определения или разъяснений на уровне Пленума ВС РФ, приравнивающих программно-аппаратные комплексы к игровому оборудованию.

Наиболее дискуссионным и сложным является вопрос определения круга субъектов преступления, особенно в условиях сложной технической организации онлайн-платформ. Если с организаторами, получающими основную прибыль, все относительно ясно, то правовой статус наемных работников — программистов, системных администраторов, веб-дизайнеров, модераторов, сотрудников службы поддержки — остается неопределённым. Судебная практика, со слов Ю.А. Сидоровой показывает, что зачастую такие лица признаются свидетелями, поскольку утверждают, что не знали о незаконном характере деятельности работодателя². Однако такой подход представляется упрощённым. Т.Д. Устинова справедливо замечает, что «ссылка на «неосведомленность лиц, участвующих в проведении азартных игр вне игорных зон с использованием игрового оборудования... представляется немного надуманной... позволяет такую осведомленность по существу презюмировать»³. Лица, обеспечивающие техническую поддержку, администрирование сайта и проведение транзакций, объективно способствуют совершению преступления, а значит, их действия при наличии соответствующего умысла (прямого или косвенного) должны квалифицироваться как соучастие в форме пособничества.

Практика показывает, что суды начинают двигаться в направлении признания технического персонала полноценными субъектами преступления, а не просто

¹ См.: Тагунец Д.Д., Худобащян М.Р. Проблемы квалификации незаконной организации и проведения азартных игр // Актуальные вопросы современных научных исследований: сборник статей международной научно-практической конференции. 2022. С. 198.

² См.: Сидорова Ю.А. О некоторых проблемах квалификации незаконной организации и проведения азартных игр // Новый юридический вестник. 2021. № 5(29). С. 10–15.

³ См.: Устинова Т.Д. Проблемы квалификации незаконных организаций и проведения азартных игр // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11(108). С. 96–103.

свидетелями. Показательным примером является приговор Старооскольского городского суда Белгородской области по делу № 1-376/2020, в рамках которого была осуждена организованная преступная группа, занимавшаяся незаконными азартными играми с использованием сети Интернет. Структура группы включала обособленные подразделения, в том числе «звено технической поддержки»¹. Подсудимый ФИО1, являясь участником этого звена, согласно своей роли, выполнял обязанности по «установке, администрированию с использованием сети Интернет и технической поддержке работы компьютерных программ», а также ремонту оборудования и инкассации выручки. Суд установил, что он, действуя в составе организованной группы, осознавал противоправный характер своих действий и получал за это вознаграждение. Его действия были квалифицированы как соисполнительство в преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 171.2 УК РФ, что демонстрирует четкий отход от практики признания лиц, осуществляющих техническое обеспечение, лишь свидетелями, и подтверждает их статус как соучастников преступной деятельности.

Анализ правоприменительной практики, в частности, представленный Е.П. Евстифеевой и С.С. Жуковой, позволяет детализировать типичную структуру и распределение ролей внутри организованной группы². Как правило, она имеет четкую иерархию. Во главе стоит организатор (руководитель), который осуществляет общее руководство, распределяет преступные доходы, обеспечивает конспирацию и занимается поиском новых сотрудников и помещений (в случае смешанной офлайн/онлайн-схемы). На следующем уровне находятся администраторы и кассиры-операторы, которые непосредственно принимают ставки, выдают выигрыши, ведут учет денежных средств и осуществляют клиентскую поддержку. Третий уровень — лица, выполняющие технические функции: системные администраторы, IT-специалисты, а также охранники, контролирующие пропускной режим в офлайн-точках.

Судебная практика подтверждает и детализирует такую структуру. Показательным является апелляционное определение Ульяновского областного суда от 10 апреля 2024 года по делу № 22-605/2024³, в рамках которого была осуждена организованная группа, занимавшаяся незаконными азартными играми с использованием как игрового оборудования, так и сети Интернет. Роли в ней были четко распределены: С.Н. Родионов, как один из главных организаторов, занимался подысканием помещений, заключением договоров аренды и привлечением персонала (в частности, охранников). Н.И. Зими́на и Л.В. Родионова также выполняли организационные функции, но были сосредоточены

¹ См.: Приговор № 1-376/2020 от 20 октября 2020 г. по делу № 1-376/2020. Старооскольский городской суд (Белгородская область) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NJcPgkyzHa6/?ysclid=mh7g5ps685162515490> (дата обращения: 26.10.2025).

² См.: Евстифеева Е.П., Жукова С.С. Проблемы квалификации незаконных организации и проведения азартных игр, совершенных организованной группой // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. 2021. С. 180.

³ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Ульяновского областного суда от 10.04.2024 по делу № 22-605/2024 // Официальный сайт Ульяновского областного суда. URL: <http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=112034> (дата обращения: 10.11.2024).

на поиске и приеме на работу кассиров. Остальные участники группы (С.С. Светикова, О.В. Прусакова и др.) выполняли роли рядовых исполнителей – кассиров и операторов. Суд установил наличие устойчивой организованной группы, существовавшей длительный период, с четким распределением ролей, общим планом и мерами конспирации. Данное дело наглядно демонстрирует, что суд признает соучастниками не только «верхушку», но и всех участников схемы, включая тех, кто выполнял чисто исполнительские функции, если они осознавали преступный характер деятельности и действовали в рамках единого умысла.

Кроме того, круг субъектов не ограничивается только организаторами и техническим персоналом. В условиях сети Интернет появляются новые формы содействия преступной деятельности. Стримеры и блогеры, рекламирующие нелегальные онлайн-казино, владельцы сайтов, размещающие рекламные баннеры, и даже операторы платежных систем, сознательно обрабатывающие транзакции для таких платформ, фактически создают условия для совершения преступления. Их действия требуют проведения внимательной правовой оценки на предмет наличия признаков пособничества. Статья 171.2 УК РФ прямо указывает на незаконную организацию и (или) проведение игр с использованием «информационно-телекоммуникационных сетей», что создает правовую основу для привлечения к ответственности широкого круга лиц, чьи действия направлены на обеспечение функционирования и продвижение таких ресурсов.

Наконец, серьезной практической проблемой, на наш взгляд, остается процесс доказывания, который в условиях цифрового пространства и трансграничного характера деятельности становится крайне затруднительным. Организаторы активно используют средства анонимизации (VPN, Tor), регистрируют домены и hostят серверы в странах с лояльным законодательством, а для финансовых расчетов все чаще применяют криптовалюты и анонимные платежные системы. Для установления всей преступной цепочки правоохранительным органам необходимо не только проводить сложные технические экспертизы, но и направлять международные следственные поручения, исполнение которых может затягиваться на годы или вовсе быть невозможным. Также возникает проблема идентификации личности конечных бенефициаров, которые часто используют подставных лиц («дропов») для регистрации счетов и вывода средств, что еще больше усложняет установление субъекта преступления.

В заключение отметим, что действующая редакция ст. 171.2 УК РФ и сложившаяся правоприменительная практика не в полной мере отвечают вызовам, связанным с распространением азартных игр в сети Интернет. Существует острая необходимость в законодательном уточнении критериев разграничения уголовной и административной ответственности, а также в разработке разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации соучастия в данном виде преступлений. Необходимо четко определить правовой статус лиц, оказывающих техническое, рекламное и финансовое содействие функционированию незаконных игорных онлайн-платформ, чтобы обеспечить принцип неотвратимости наказания и повысить эффективность противодействия этому социально опасному явлению.

Перспективы развития уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних

Аннотация. Данная работа посвящена анализу актуальных проблем уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации. Особое внимание уделяется таким проблемам, как: пробелы и противоречия в законодательстве, недостатки практики применения закона. Неэффективное сотрудничество между органами внутренних дел, органами опеки и попечительства, образовательными учреждениями и судом. Анализ эффективности применяемых мер, выявление проблем и поиск путей улучшения работы по предотвращению повторных правонарушений.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, несовершеннолетние, уголовная ответственность, материалы уголовного дела, преступление.

В Российской Федерации, позиционирующей себя как правовое и демократическое государство, защите прав и свобод несовершеннолетних граждан (лиц, не достигших 18-летнего возраста) уделяется первостепенное внимание. Данный правовой статус предполагает предоставление им особого уровня юридических гарантий. Важно подчеркнуть, что при производстве по уголовным делам правоприменители обязаны принимать во внимание не только предписания национального законодательства, но и общепризнанные принципы и нормы международного права. Это в полной мере относится к сфере ювенальной юстиции, регламентированной международными актами, которые направлены на обеспечение особых процедурных правил и максимальную охрану прав и свобод подростков в рамках уголовного судопроизводства¹.

В главе 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) «Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних» устанавливается особый порядок, учитывающий особенности психофизического развития несовершеннолетних и необходимость защиты их прав и интересов.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ определяет несовершеннолетнего как лицо, которое на момент предполагаемого совершения преступления не достигло восемнадцатилетнего возраста. Законодатель устанавливает для этой категории подозреваемых и обвиняемых дополнительные гарантии права на защиту. В частности, если сам подросток или его законные представители (родители, опекуны) по каким-либо причинам не пригласили адвоката, то участие профессионального защитника в деле обеспечивается государством в обязательном порядке путем его назначения через органы предварительного

¹ Золотухин Н.А., Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 18 мая 2023 г.) // М.: Московская академия Следственного комитета, 2023. С. 56.

следствия или суд. Это правило является императивным и не зависит от воли несовершеннолетнего.

В производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетнего, как «особого субъекта» участвуют их законные представители или представители органов опеки и попечительства. Они имеют право на все действия, которые могут совершать защитники, за исключением случаев, когда это противоречит интересам несовершеннолетнего.

Допрос несовершеннолетнего производится с учетом его возраста и психического состояния. Допрос проводится в присутствии законных представителей или педагога. Место допроса должно быть максимально комфортным для несовершеннолетнего.

Следственные действия в отношении несовершеннолетних проводятся с учетом их возрастных и психологических особенностей. Запрещается применение мер принуждения, за исключением случаев, предусмотренных законом. Продолжительность следственных действий ограничена. Назначение психолого-психиатрической экспертизы обязательно в случаях сомнения в психическом состоянии несовершеннолетнего.

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав активно участвуют в рассмотрении уголовных дел в отношении последних, оказывая содействие органам следствия и суда, принимая участие в решении вопросов о назначении мер воспитательного характера¹.

В разные периоды истории каждое государство самостоятельно устанавливало возраст, когда индивид считается способным понимать социальные последствия и реальную природу своих поступков. Иными словами, единого стандарта возраста, определяющего осознанность действий, не существует, он варьируется в зависимости от страны и исторической эпохи. В отечественном праве действующие положения относительно минимального возраста уголовной ответственности определяются исходя из оценки данных о способности лица «перенести связанные с уголовной ответственностью моральные и психологические аспекты, то есть в определении возможности привлечения к ответственности с учетом индивидуальных особенностей несовершеннолетнего или его восприятия и понимания»².

Глава 50 УПК РФ направлена на то, чтобы уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних было гуманным, справедливым и направленным на исправление и социальную адаптацию несовершеннолетних правонарушителей. Особый порядок уголовного судопроизводства призван минимизировать негативное воздействие уголовного преследования на психическое развитие несовершеннолетнего и обеспечить его дальнейшую

¹ Федеральный закон "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС КонсультантПлюс.)

² Серенко Р.С., Яковлева Е.О. К вопросу о преступности несовершеннолетних: текущее состояние и особенности в современных условиях // Полицейская деятельность. 2024. № 6. С.17–35.

социальную интеграцию. Однако, это не гарантирует смягчения ответственности за совершенные преступления.

Расследование преступлений, связанных с несовершеннолетними, или преступлений, совершенных ими, сопряжено с целым рядом специфических проблем¹.

Надлежит выделить следующие сложности в процессе доказывания:

- допрос несовершеннолетнего и, соответственно, сбор информации могут нанести ему глубокую психологическую травму. Особенно данное обстоятельство применимо к уголовным делам, связанным с сексуальным насилием или жестоким обращением. Некорректно применяемые следователем (дознавателем) методы допроса могут не только исказить установленные факты, отдалив их от действительности, но и усугубить полученную в результате совершения преступления психологическую травму;

- из-за страха, забывчивости или влияния взрослых (включая законных представителей, участвующих в следственных действиях) дети могут давать непоследовательные и (или) противоречивые показания, что обусловлено особенностями памяти и психики;

- многие преступления против детей не оставляют физических следов, что усложняет расследование, делая упор на показания и результаты судебных экспертиз.

Для кардинального снижения уровня подростковой преступности требуется внедрение комплексного подхода, который бы воздействовал на коренные причины этого явления на всех уровнях. Ключевая задача — устранить сами источники проблем, что автоматически приведет к минимизации их негативных последствий. В масштабах всего общества необходимо реализовать программы, направленные на улучшение социально-экономических условий жизни молодежи. Параллельно с этим критически важна работа по исправлению недостатков в духовно-нравственной и культурной сферах, что подразумевает укрепление института семьи и популяризацию общечеловеческих ценностей.

На индивидуальном уровне работа должна вестись точно: следует формировать правосознание и правовую культуру у несовершеннолетних, предотвращая тем самым потенциальные правонарушения. Кроме того, необходима эффективная система выявления подростков, уже совершивших преступления, и их последующей реабилитации для успешной реинтеграции в общество. Только такой многоуровневый и системный подход позволит добиться устойчивых положительных результатов в борьбе с ювенальной преступностью.

Специфика оценки полученных результатов следственных действий, проведенных с участием несовершеннолетних фигурантов уголовного дела:

- подрастающее поколение часто не могут самостоятельно защитить свои права в ходе расследования;

¹ Сероштан В.В. Тенденции совершенствования законодательства в области обеспечения прав в уголовном процессе несовершеннолетних лиц // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 2. С. 8.

- показания несовершеннолетнего могут быть искажены под давлением взрослых;
- особые субъекты могут неправильно понимать происходящее и искаженно интерпретировать события.

Обеспечение всесторонней защиты подрастающего поколения представляет собой один из ключевых приоритетов для любого современного государства. Это объясняется тем, что именно в период безопасного и благополучного детства закладывается фундамент для формирования целостной, гармонично развитой личности и будущего ответственного гражданина, который обладает уверенностью в собственных силах и в перспективах своего развития. Указанный фундаментальный принцип находит свое четкое и прямое закрепление на самом высоком уровне, что подтверждается наличием соответствующих норм как в национальном российском законодательстве, так и в многочисленных международных правовых актах, которые регулируют данную сферу.

Для улучшения ситуации необходимо:

- укрепление системы защиты прав детей: Создание специализированных служб и органов по защите прав детей;
- обеспечение доступа к правовой помощи: Гарантирование доступа к бесплатной квалифицированной юридической помощи для несовершеннолетних;
- внедрение современных методик: Использование современных методик работы с детьми в судебном процессе;
- информационно-просветительская работа: Проведение информационно-просветительской работы среди населения о правах детей и процедурах судебного разбирательства.

Решение этих проблем требует комплексного подхода и совместных усилий государства, общественных организаций и международных партнеров.

Основополагающим принципом ювенальной юстиции, которая базируется на восстановительном подходе, является восприятие несовершеннолетнего правонарушителя не как объект для репрессивного наказания, а как личность, требующую социальной реабилитации и поддержки. Такой взгляд напрямую вытекает из психологических и социальных особенностей подросткового возраста, что и предопределяет преимущественно воспитательную, а не карательную направленность всего судопроизводства в отношении несовершеннолетних.

Вместе с тем, в научной среде существует точка зрения, согласно которой в условиях отсутствия в России специализированных ювенальных судов, особую актуальность приобретает вопрос применения существующих норм уголовного закона. Ряд экспертов указывает на проблему недостаточной регламентации, когда отсутствуют четкие критерии для определения момента применения принудительных мер воспитательного воздействия — до установления вины или после освобождения от наказания. Эта правовая неопределенность порождает

сложности и в формулировании итогового судебного решения, что снижает эффективность всего процесса¹.

Убеждение и стимулирование являются наиболее действенными инструментами, находящимися в руках следователя. Ему нельзя забывать и о роли информации в области управления профилактической деятельностью, которая состоит прежде всего в отборе и избирательном использовании сведений о новых и наиболее ценных данных, имеющих профилактическое значение².

Необходимо уделить первостепенное внимание противодействию преступлениям, посягающим на половую свободу и неприкосновенность несовершеннолетних, поскольку именно эти деяния наносят наиболее глубокую и тяжелую травму детской психике. Последствия такого насилия зачастую проявляются в виде серьезных поведенческих отклонений, деформации личности и нарушений процесса социализации ребенка. Специалисты в области психологии подчеркивают, что психические последствия подобных травм носят комплексный медицинский, психологический и социальный характер. Важно понимать, что эти разрушительные эффекты могут проявиться не мгновенно: они способны возникнуть как непосредственно в момент травмы или сразу после нее, так и спустя значительный временной промежуток, на отдаленном этапе жизни человека. Диапазон их выраженности крайне широк — от относительно кратковременных эмоциональных реакций до формирования стойких и тяжелых психических расстройств, требующих длительного лечения³. При этом нельзя забывать, что эффективность раскрытия преступлений сегодня напрямую зависит от способности следственных органов адаптироваться к меняющимся условиям и применять инновационные методы расследования⁴.

Таким образом, уголовное судопроизводство по делам о преступлениях против несовершеннолетних представляет собой усложненную процессуальную форму. Эта сложность обусловлена прямым намерением законодателя закрепить и реализовать систему повышенных гарантий для защиты прав и интересов особой категории участников процесса. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, необходимость в такой усиленной защите продиктована специфическими возрастными, физиологическими, социально-психологическими и иными особенностями несовершеннолетних, которые делают их более уязвимыми. Кроме того, именно в работе с подростками, учитывая их восприимчивость и потенциал к развитию, особенно актуальным становится принцип приоритета восстановительного подхода, направленного на реабилитацию и ресоциализацию, над чисто карательным воздействием.

¹ Грибунов О. П., Попова И. П. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: проблемы уголовно-процессуальной формы // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. №2. С. 192–199.

² Кравцов Д.А. Роль следователя в профилактике преступлений // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации 2018. № 1 (15). С. 55–57.

³ Захарова Н.М., Милехина А.В. Особенности психических расстройств у пострадавших от преступлений против половой неприкосновенности личности// Психология и право. 2018. Том 8. № 4. С. 89–98.

⁴ Кузьмин Д.А., Родионова Я.В. Актуальные проблемы раскрытия криминальных преступлений и направления их решения // Международный интервал гуманитарных и естественных наук. 2024. С. 150–152.

В заключение, для решения выявленных проблем необходимо на государственном уровне выработать комплекс мер, включающих совершенствование законодательства, повышение квалификации специалистов, укрепление межведомственного взаимодействия, расширение сети специализированных учреждений и программ, ориентированных на реабилитацию несовершеннолетних жертв преступлений и социализацию несовершеннолетних, их совершивших. Особое внимание следует уделить развитию профилактических мер, направленных на предотвращение правонарушений (преступлений) среди несовершеннолетних. Только системный подход к решению этих проблем позволит обеспечить действенную защиту прав и законных интересов несовершеннолетних в рамках уголовного судопроизводства и снизит уровень ювенальной преступности.

П.О. Тимаев¹

Научный руководитель: **А.Л. Иванов²**

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Уголовная ответственность дропперов за участие в легализации денежных средств или иного имущества, добытых преступным путем

Аннотация. В статье рассматривается проблема привлечения к уголовной ответственности дропперов, передающих собственные криптокошельки, способствующие легализации денежных средств или иного имущества, добытого преступным путем. На основе проведенного анализа выдвинуты предположения по квалификации указанных действий.

Ключевые слова: криптовалюта, криптокошелек, дроппер, дроповод, легализация денежных средств, банковская карта.

В системе комплексных мер по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации место занимают противодействие терроризму, коррупции, а также пресечение теневого предпринимательства, основу которого, в частности, создает легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем. Все эти негативные явления представляют собой глобальные угрозы для развития страны ¹. А.И. Бастрыкин отмечал важность расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, добытых преступным путем еще в 2021 году, рассматривая легализацию как прямую угрозу национальной безопасности. Аналогичную позицию занимает Верховный суд РФ (далее – ВС РФ).

¹ Бастрыкин А.И. Расследование легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма: практика Следственного комитета России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 3. С. 493–501.

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, добытых преступным путем, создает основу теневой экономики, причиняет вред экономической безопасности и финансовой стабильности государства, затрудняет раскрытие и расследование преступлений, обеспечивает возможность преступным группам (организациям) финансировать и осуществлять свою противоправную, в том числе террористическую, деятельность. При этом и А.И. Бастрыкин, и ВС РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) "О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем" рассматривают легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем как инструмент для совершения других преступлений, позволяющий использовать денежные средства и иное имущество не только в корыстных целях конкретных лиц, но и в целях финансировании террористической и экстремистской деятельности, дестабилизации социальной обстановки в Российской Федерации.

Очевидно, что с развитием научно-технического прогресса, созданием информационно-телекоммуникационных сетей (далее – ИТС), в том числе сети Интернет, появились новые способы совершения преступлений. Учитывая, что с помощью информационных технологий осуществляются поиск, сбор, хранение, обработка и передача информации практически во всех сферах деятельности человека, включая сферу финансов, которая является основой любой экономической системы, совершение преступлений в указанной сфере может затрагивать права и законные интересы неопределенного круга лиц. Именно финансовая сфера сегодня активно использует информационные технологии, позволяющие осуществлять финансовые операции дистанционно, лишь открыв мобильное приложение банка на смартфоне¹.

Для получения доступа к банковскому счету другого человека достаточно знать пароль от смартфона и банковского приложения. Заметим, что с появлением информационных технологий, правоохрательным органам отслеживать цепочку переводов денежных средств тоже стало намного проще. Для этого достаточно запросить выписку о движении денежных средств по банковскому счету, открытого на конкретное физическое или юридическое лицо. Тогда преступное сообщество стало предпринимать попытки скрывать истинного конечного получателя денежных средств, создавая фирмы-однодневки или используя дропперов.

На современном этапе совершенствования киберпреступности сформировалось целое направление – дропперство. Под дропперами понимаются физические лица, которые предоставляют свои банковские карты и счета, электронные кошельки или личные данные для проведения незаконных финансовых операций, включая отмывание денежных средств, добытых преступным путем и содействие в обналаживании краденных денежных средств.

¹ Информационные технологии в уголовно-правовой сфере: монография / под ред. А.И. Бастрыкина, А.Н. Савенкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 279 с.

Дроповод - лицо, которое занимается поиском, вовлечением, склонением, вербовкой дропов¹.

За 2024 год было совершено около 485 тыс. преступлений с участием дропперов, за 2023-й – 470 тыс., говорится в пояснительной записке к законопроекту². Сумма по оконченным и приостановленным уголовным делам о «дистанционных хищениях» за 2024-й составила 197,5 млрд. руб.

Таким образом, наблюдается тенденция роста использования данных физических лиц для вывода или снятия денежных средств, совершения иных финансовых операций. Очевидный плюс дропперства заключается в простоте схемы: так для создания юридического лица (фирмы-однодневки) необходимо совершить куда больше действий, чем просто купить банковскую карту у какой-нибудь физического лица. Удовлетворяя сиюминутную потребность дроппера в денежных средствах, преступник получает возможность использования банковского счета такого человека в своих целях, причем в некоторых ситуациях такое использование будет неоднократным.

Относительно новым вектором развития киберпреступности стало привлечение несовершеннолетних лиц в качестве дропперов, так как обзавестись банковской картой (счетом) в Российской Федерации можно с помощью родителей в любом возрасте, а без их участия с 14 лет. С учетом вознаграждения подростки соглашаются предоставить доступ к своим банковским картам не реже, чем взрослые³. Подростки в силу своего возраста зачастую не осознают характер и степень общественной опасности собственных действий, не оценивают последствия таких действий, превращаясь в максимально уязвимую категорию населения.

В связи с кратным увеличением использования дропов российский законодатель задался вопросом о необходимости дополнительной уголовно-правовой охраны нормального экономического оборота. За основу была взята идея ст. 222 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ), где уголовная ответственность наступает за совершенное из корыстных побуждений незаконное распространение реквизитов банковских платежных карточек либо аутентификационных данных, посредством которых возможно получение доступа к счетам либо электронным кошелькам⁴. Приведенная норма устанавливает достаточно жесткую регламентацию уголовной ответственности дропов. В качестве предмета здесь выступают реквизиты банковских карточек и аутентификационные данные.

¹ Ахатова А.М. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. № 6. С. 1075–1083.

² Проект ФЗ № 909076-8 «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/909076-8>.

³ Зайцева О. В. Уголовная ответственности дропперов: за и против // Вестник СГЮА. 2024. № 6 (161).

⁴ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 15.10.1999. № 76. 2/50.

Понятие аутентификационных данных для российского законодательства незнакомо. В УК РБ под ними понимаются логин и пароль для входа в систему дистанционного банковского обслуживания по счету, одноразовый уникальный пароль, поступивший в виде СМС-сообщения, необходимый для подтверждения принадлежности номера телефона, указанного открывающим счет клиентом, и т.п.¹. Как правильно отмечают П.В. Седых и Д.Ч. Ковальчис², в российском законодательстве аналогией данного понятия служит понятие электронного средства платежа.

С 5 июля 2025 г. вступил в силу Федеральный закон № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации», который внес существенные изменения в ст. 187 УК РФ. Так, указанная статья дополнена частями 3-6, а также 4 примечаниями. Как мы писали ранее, основная цель таких глобальных изменений – введение уголовной ответственности дропперов и дроповодов. Согласно вступившим в законную силу изменениям, передача банковских карт и иных электронных средств платежа, совершенных с корыстной целью, лицу, не являющимся стороной договора о банковском обслуживании карты, влечет уголовную ответственность. Таким образом, в юридическую сферу вступила норма, которая напрямую позволяет привлекать и дроппера, и дроповода к уголовной ответственности за осуществление неправомерных действий с электронным средством платежа.

Введенные в примечаниях термины к статье 187 УК РФ представляются весьма интересными. Так, под электронным средством платежа в настоящей статье понимаются эмитированные (предоставленные) в соответствии с законодательством Российской Федерации средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств.

Представленное определение позволяет относить к предмету совершаемого преступления как денежные средства на банковских картах или счетах, так и легальную цифровую валюту, например цифровой рубль. Криптовалюта и криптокошельки под указанное определение не подпадают, так как не являются эмитированными либо предоставленными в соответствии с законодательством Российской Федерации средством или способом платежа. Необходимо понимать, что легального определения криптовалюты современное российское законодательство не содержит, а в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "О цифровых финансовых активах, цифровой

¹ Самойлова Ю.Б., Согоян В.Л. Незаконный оборот средств платежей: специфика применения нормы // Уголовный процесс. 2024. N 4. С. 54–61.

² Седых П. В., Ковальчис Д. Ч. Распространение аутентификационных данных, дающих доступ к виртуальным кошелькам, как уголовно наказуемое деяние (по законодательству Республики Беларусь) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. №3 (69).

валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" реклама криптовалюты запрещается, а в целом закон преследует цель урегулировать централизованную цифровую валюта, в то время как большинство криптовалют, используемых россиянами являются децентрализованными. Таким образом, системных норм, регулирующих оборот криптовалют в Российской Федерации нет.

Таким образом, криптовалюта не подпадает под легальное определение электронного средства платежа для целей статьи 187 УК РФ. Следовательно, в российском уголовном законодательстве появляется существенный пробел, который позволяет оформлять и передавать криптокошельки, оформленные на подставных лиц.

В связи с этим рассмотрим варианты квалификации действий лица, передающего такой криптокошелек для совершения определенных действий. Субъективная сторона такого деяния всегда сопровождается целью извлечения прибыли, то есть корыстной целью. Ввиду наличия корыстной цели мы можем говорить только об умышленном совершении преступления, так как при отсутствии умысла в действиях лица состав преступления отсутствует.

Сам факт передачи данных для оформления криптокошелька или факт предоставления такого криптокошелька не является уголовно-наказуемым. Зачастую многие дропперы могут быть даже не осведомлены о том, что они стали таковыми, если передача банковской карты или доступа к банковскому счету произошла под угрозой применения насилия, под обманом или злоупотреблением доверием со стороны дроповода. В таком случае при легализации денежных средств или иного имущества, добытого преступным путем, сам дроппер не может рассматриваться как соучастник преступления.

В такой схеме проявляется классический пример посредственного исполнения. Об этом говорит и п. 13 Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»: «В случае использования лиц, не осведомленных о преступном происхождении денежных средств или иного имущества, для совершения преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, их исполнителями должны признаваться лица, которые фактически контролируют соответствующие финансовые операции и сделки и руководят действиями вышеуказанных лиц».

Объективная сторона же представлена непосредственно передачей данных имеющегося криптокошелька, либо регистрацией и созданием криптокошелька с использованием персональных данных дроппера. Такие действия подпадают под определения пособничества, установленного в ч. 4 ст. 33 УК РФ, так как совершается путем предоставления средств и орудий совершения преступления.

Так, при посредничестве в легализации денежных средств или иного имущества, добытых преступным путем, осуществляемое путем предоставления дополнительного криптокошелька для совершения сделки по купле-продаже криптовалюты через классическую сделку Peer to peer, заключаемую напрямую между продавцом и покупателем без участия посредника в лице банка, для

придания вида законного владения указанной криптовалютой либо денежными средствами, полученными с продажи криптовалюты, есть выполнение объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 174 либо 174.1 УПК РФ.

Из приведенного примера возникает другой вопрос: а есть ли необходимость в том, чтобы при наличии признаков участия в легализации путем предоставления банковских карт либо криптокошельков дополнительная квалификация по ч. 3 ст. 187 УК РФ? Для ответа на данный вопрос необходимо понимать, что ответственность по ч.3 ст. 187 УК РФ не может наступать за передачу криптокошелька, а следовательно совершенное деяние надлежит квалифицировать по ч. 5 ст. 33 и конкретной части ст. ст. 174 либо 174.1 УК РФ.

Однако в случае с банковской картой квалификация действий изменится. Считаем, что в данном случае рассматривать идеальную совокупность преступлений не представляется возможным, так как будет нарушен принцип справедливости в соответствии с ч. 2 ст. 6 УК РФ. А потому необходимо руководствоваться одним из правил конкуренции составов: при конкуренции общей и специальной нормы, подлежит применению специальная норма. Следовательно, должна будет применяться норма, предусмотренная ч. 3 ст. 187 УК РФ.

Таким образом, начиная с 2022 года и по настоящий момент наблюдается активное распространение на территории Российской Федерации новой формы преступности - дропперства. Такая тенденция приводит к серьёзным угрозам для национальной безопасности РФ, особенно при легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, добытого преступным путем. Одним из наиболее эффективных способов противодействия дропперству стало принятие нового Федерального закона № 176-ФЗ от 05.07.2025 "О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации" «О внесении изменений в статью 187 УК РФ», который предусматривает уголовную ответственность за передачу из корыстной заинтересованности клиентом оператора по переводу денежных средств предоставленного ему оператором по переводу денежных средств электронного средства платежа и (или) доступа к нему другому лицу для осуществления таким лицом неправомерных операций.

Введение такой нормы позволило существенно упростить процесс привлечения дропперов к уголовной ответственности и способствует общей превенции совершения экономических преступлений, в частности преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ.

Тем не менее, обращаем внимание на то, что криптовалютные дропперы в настоящий момент не подпадают под действие ч. 3 ст. 187 УК РФ, следовательно в текущий момент их участие в легализации денежных средств или иного имущества возможно квалифицировать лишь как пособничество в легализации.

Посягательство на неприкосновенность жилища, совершаемое должностным лицом: проблемы квалификации

Аннотация. Статья посвящена анализу конституционного права на неприкосновенность жилища и его ограничений. Основное внимание уделяется проблеме квалификации незаконного проникновения в жилище, совершенного с использованием служебного положения. Автор исследует конкуренцию норм статьи 139 УК РФ и статьи 286 УК РФ. На основе анализа судебной практики выявлены противоречивые подходы к квалификации таких деяний. В работе рассматриваются различные научные позиции по данному вопросу. Статистические данные демонстрируют актуальность исследуемой проблемы.

Ключевые слова: неприкосновенность жилища, статья 139 УК РФ, превышение должностных полномочий, статья 286 УК РФ, использование служебного положения, квалификация преступлений, судебная практика.

Согласно 25 статье Конституции Российской Федерации ¹ «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения». Такими федеральными законами, которые устанавливают право лиц проникать в жилище является в первую очередь УПК РФ, далее это ЖК РФ, Федеральный закон «О противодействии терроризму» ², Федеральный закон «О полиции» ³, Федеральный закон «О государственной охране» ⁴, Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» и другие.

Законодатель, как это закреплено в УПК РФ, допускает отступление от общего правила о необходимости согласия проживающего на проникновение в жилище. Такое исключение возможно в случаях, когда осмотр жилища, обыск и выемки в жилище не терпит отлагательства. Как справедливо отмечает Ю.С. Каркошко: «любое следственное действие, потенциально способное ограничить конституционное право на неприкосновенность жилища, должно проводиться либо при отсутствии возражений проживающих, либо на основании судебного дозволения, независимо от того, предполагает ли осуществления таких шагов

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 04.07.2020. № 144 (8198).

² Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2006 г. № 11. Ст. 1146.

³ Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 11 // Собрание законодательства Российской Федерации от 2011 г., № 7. Ст. 900.

⁴ Федеральный закон «О государственной охране» от 27.05.1996 № 57-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г. № 22. Ст. 2594.

уголовно-процессуальный регламент»¹. Федеральный закон «О противодействии терроризму» допускает проникновение в жилище без согласия проживающего в нем лица в случае проведения контртеррористической операции для осуществления мероприятия по борьбе с терроризмом. Федеральный закон «О полиции» допускает проникновение сотрудников полиции в жилище в целях спасения жизни граждан или их имущества, для пресечения преступления, для задержания лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления и в других случаях.

Гарантией права на неприкосновенность жилища является закрепление уголовной ответственности за данное деяние в ст. 139 УК РФ. «Непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, характеризующие неприкосновенность жилища»² Но несмотря на такого рода запрет, в практике наблюдаются случаи нарушения неприкосновенности жилища. Данный вывод находит подтверждение в статистических данных о количестве зарегистрированных преступлений, состав которых предусмотрен статьей 139 УК РФ. За 2021 год по данной статье было осуждено 3817 человек, за 2022 год – 2622 человека, а к 2023 году их число составило 1908 человек³. Приведённая статистика демонстрирует устойчивую тенденция к снижению числа осуждённых по ст. 139 УК РФ. Однако было бы некорректно трактовать данную динамику исключительно как снижение количества деяний. Напротив, она может свидетельствовать о системной проблеме квалификации: все больше число случаев незаконного проникновения в жилище, особенно совершенного должностными лицами, может получать иную уголовно правовую оценку (например, по ст. 286 УК РФ). Что и приводит к «исчезновению» дел из статистики по ст. 139 УК РФ. Это косвенно подтверждается выявленной в исследовании судебной практикой, где нередко квалификация деяния по части 3 статьи 139 УК РФ исключается в связи с его поглощением составом преступления, предусмотренного статьей 286 УК РФ.

Уголовно-правовой состав нарушения неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ) дифференцирован законодателем посредством системы квалифицирующих признаков:

- 1) проникновение, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения;
- 2) проникновение, совершенное лицом с использованием своего служебного положения.

Второй квалифицирующий признак данного состава преступления представляет значительный интерес для исследования. Использование лицом своего служебного (или должностного) положения при совершении любого преступного деяния свидетельствует о качественной трансформации его

¹ Каркошко Ю.С. О проблемах производства следственных действий в жилище // Человек. Социум. Общество. 2025. № 1. С. 77–80.

² Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общей редакцией А. И. Бастрыкина; под научной редакцией А.И. Чучаева. М.: Юрайт, 2025. С. 91.

³ Официальный сайт Судебной статистики РФ. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/14/s/17>. Дата обращения: 15.10.2025 г.

общественной опасности. Данное обстоятельство, в свою очередь, детерминирует необходимость установления со стороны законодателя более строгих пределов уголовной ответственности.

Субъектный состав лиц, наделенных соответствующими полномочиями, включает как должностных лиц, так и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях. Легальные дефиниции последних закреплены в примечании 1 к статье 201 УК РФ, тогда как понятие должностного лица раскрывается в примечании 1 к статье 285 УК РФ.

Вместе с тем рассматриваемый признак – «использование служебного положения» – подлежит правовой оценке лишь в тех случаях, когда установлена непосредственная причинно-следственная связь между служебным статусом виновного и совершением преступления. Как справедливо отмечает А.И. Рарог «незаконным использование служебного положения при проникновении в жилище будет тогда, когда пользование доступом к помещению выходит за рамки служебных полномочий, не входит в круг служебных обязанностей»¹. Таким образом, ключевая проблема квалификации по части 3 статьи 139 УК РФ заключается в разграничении ситуации, когда служебные полномочия были использованы в качестве инструмента преступления, от ситуации их простого хронологического совпадения с преступными действиями.

На основании изложенного, уголовная ответственность за совершение преступления с использованием служебного положения правомерна при наличии следующей совокупности юридически значимых критериев:

1. Субъектный критерий: деяние совершено лицом, относящимся к категории должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации.

2. Объективный критерий: служебное положение создавало реальную, а не гипотетическую возможность для совершения данного преступления либо объективно облегчало его совершение, выступая при этом необходимым условием для достижения преступного результата.

3. Субъективный критерий: установлена осознанная направленность умысла виновного, который целенаправленно использовал свой служебный статус в качестве способа совершения инкриминируемого ему деяния.

Следовательно, выход должностного лица за установленные законодательством пределы своих полномочий, сопряженный с использованием служебного положения для совершения преступления, является основанием для привлечения его к уголовной ответственности по соответствующей квалифицирующей статье. При этом остается дискуссионным вопрос о квалификации содеянного должностным лицом. В результате опроса, проведенного среди ученых кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, выявились различные мнения по данному вопросу: одни ученые считают, что квалифицировать первая позиция заключается в необходимости квалификации

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (коллектив авторов; отв. ред. д.ю.н., проф. А.И. Рарог; 13-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. С. 307.

исключительно по ч. 3 ст. 139 УК РФ (нарушение неприкосновенности жилища с использованием служебного положения). Сторонники второй позиции утверждают, что подобные действия охватываются только составом преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий). Наконец, представители третьего подхода обосновывают необходимость квалификации по совокупности статей 139 и 286 УК РФ. Как подчеркивает Л.В. Иногамова-Хегай норма о вторжении должностного лица является специальной относительно общей о превышении должностных полномочий, поэтому подлежит обязательному применению¹.

Анализ судебной практики позволяет выявить различные подходы к решению данного вопроса. Отсутствие единого подхода к квалификации закономерно порождает противоречия в судебной практике, что наглядно демонстрирует следующий пример.

Первый случай: квалификация деяния по ч. 3 ст. 139 УК РФ необходимо вменение также ст. 286 УК РФ.

1. В качестве примера судебной практики можно привести дело, по которому старший оперуполномоченный МВД РФ, действуя из личных интересов, был осужден по ч. 1 ст. 286 и ч. 3 ст. 139 УК РФ. В его действиях суд усмотрел состав превышения должностных полномочий, выразившегося в организации незаконного осмотра квартиры, а также состав незаконного проникновения в жилище, поскольку он проник в помещение через окно без согласия проживающего и произвел изъятие технических средств.

2. Сотрудники полиции, С. и П., находясь при исполнении служебных обязанностей, незаконно проникли в квартиру потерпевшего Г. После проникновения в квартиру, начали применять насилие в отношении проживающих лиц. Действия осужденного С. были первоначально квалифицированы судами первой и апелляционной инстанций по пунктам «а, в» ч. 3 ст. 286, ч. 4 ст. 111 и ч. 3 ст. 139 УК РФ. Однако Президиум Московского областного суда в кассационном порядке исключил из этой квалификации пункт «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, оставив в силе осуждение по п. «а» ч. 3 ст. 286, ч. 4 ст. 111 и ч. 3 ст. 139 УК РФ².

В рассмотренных случаях суды применяют квалификацию по совокупности преступлений, когда незаконное проникновение в жилище представляет собой самостоятельное злоупотребление властью, выходящее за рамки простого нарушения конституционного права. Основанием для такой квалификации служит наличие в действиях виновного двух различных объектов посягательства: общественных отношений, обеспечивающих неприкосновенность жилища, и интересов государственной службы. Суды исходят из того, что само по себе принятие должностным лицом незаконного решения о проникновении образует состав превышения полномочий, а

¹ Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография / Л.В. Иногамова-Хегай. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 160.

² Постановление Президиума Московского областного суда г. Красногорск Московской области от 20.03.2018. № 44У-59/2018 4У-291/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xFLR40EsjENW/>. Дата обращения 23.10.2025.

последующая реализация этого решения — состав нарушения неприкосновенности жилища, что требует отдельной правовой оценки.

Второй случай: вменение только ст. 286.

1. Так, органы предварительного следствия предъявили обвинение двум должностным лицам (старшему оперуполномоченному ОМВД России и оперуполномоченному ОМВД России) как по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, так и по ч. 3 ст. 139 УК РФ. Однако суд, оценив обстоятельства дела, пришел к выводу, что вменение специального состава о нарушении неприкосновенности жилища является избыточным¹.

2. «ФИО1 и ФИО2, находясь в присвоенной форме одежды сотрудников полиции, используя свое служебное положение, осознавая, что их воспринимают как представителей власти и должностных лиц органов внутренних дел, требования которых являются обязательными для исполнения и что в связи с этим проживающие в указанной квартире лица не будут оказывать их незаконным действиям сопротивления, через незапертые входные двери незаконно проникли в квартиру <адрес>, где проживают Т.А., Т.В., В.П., и П.Г., вопреки воле и без согласия последних, действуя при этом умышленно, осознавая, что данное жилище является для них чужим, находились там, не имея на то законных оснований, нарушая право Т.А. и Т.В. на неприкосновенность жилища» (Выдержка из Приговора). Суд пришел к выводу, что ч. 3 ст. 286 УК РФ охватывает вышеперечисленные действия в части проникновения в жилище и нет необходимости квалифицировать также по ст. 139 УК РФ².

Альтернативная правоприменительная практика демонстрирует подход, при котором незаконное проникновение в жилище квалифицируется не как самостоятельное преступление, а как способ совершения иного, более широкого деяния — превышения должностных полномочий. В данной трактовке нарушение неприкосновенности жилища рассматривается в качестве неотъемлемого элемента объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ.

Проведенный анализ подтверждает наличие фундаментальной коллизии в уголовно-правовой оценке одних и тех же действий. Противоречие происходит из различного понимания судами юридической природы использования служебного положения: как самостоятельного преступного деяния (требующего совокупности) или как факультативного признака основного состава преступления (влекущего поглощение). Отсутствие единого толкования приводит к нарушению принципа правовой определенности и создает риски как избыточной, так и недостаточной уголовной репрессии, ставя итог судопроизводства в зависимость от субъективной правовой позиции конкретного суда.

¹ Приговор Красновишерского районного суда Пермского края от 16.11.2020. № 1-79/2020. <https://sudact.ru/regular/doc/XAkoxawCyPNh/>. Дата обращения: 24.10.2025.

² Приговор Вичугского городского суда Ивановской области от 23.08.2017. № 1-61/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XAkoxawCyPNh/>. Дата обращения 23.10.2025.

Резюмируя изложенное, следует признать, что вопрос о корректной юридической квалификации деяния, связанного с нарушением неприкосновенности жилища со стороны должностного лица, до настоящего времени не получил однозначного разрешения. В этой связи считаю необходимым законодателю дать разъяснения относительно разграничения данных составов. Дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)»¹ вторым абзацем 15 пункта. И считается более верным разъяснить его в пользу случаев вменения только одной из статей. Предлагается закрепить следующее положение: «Обратить внимание судов на то, что незаконное проникновение в жилище, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, при отсутствии иных признаков состава преступления, предусмотренного статьей 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, подлежит квалификации по части 3 статьи 139 Уголовного кодекса Российской Федерации». Предлагаемое разъяснение видится наиболее обоснованным, поскольку оно соответствует принципу экономии уголовной репрессии и правилу квалификации по специальной норме. Часть 3 ст. 139 УК РФ является специальной по отношению к ст. 286 УК РФ именно в части посягательства на неприкосновенность жилища. Квалификация по совокупности должна применяться лишь тогда, когда должностное лицо, помимо незаконного проникновения, совершило иные, выходящие за рамки этого состава самостоятельные действия (например, незаконное изъятие имущества, составление подложных документов). В остальных случаях вменение специального состава полностью охватывает содеянное и исключает двойную квалификацию одного и того же деяния.

Подводя итог необходимо отметить практическую значимость для правоприменительной деятельности данные изменения: во-первых, формирование единообразной судебной практики по делам о нарушении неприкосновенности жилища, совершенных должностными лицами. Четкие критерии разграничения составов, установленных ст. 139 и ст. 286 УК РФ, позволят судам избежать противоречий при квалификации и назначении наказания. Во-вторых, данные изменения позволят следователям и дознавателям при совершении предварительного расследования более точно квалифицировать деяния по ч. 3 ст. 139 УК РФ.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. 09.01.2019. № 1(7759).

С.А. Феребков¹

Научный руководитель: П.Т. Савин²

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Уголовно-правовой аспект нелегальной миграции в Российской Федерации

Аннотация. В настоящей работе в общих чертах, на основе примеров правоприменительной практики рассмотрена общественная опасность, которая сопутствует миграционным процессам. Автор приходит к выводу, что средством предупреждения преступлений, совершаемых мигрантами, должно стать последовательное совершенствование института административной преюдиции в российском уголовном законе.

Ключевые слова: нелегальная миграция; миграционная политика; предупреждение преступности; следственная деятельность.

Нелегальная миграция на территории Российской Федерации в XXI веке, воспринимаемое как негативное социальное явление, существенно возросла начиная с 2012 года. Согласно данным Федеральной миграционной службы (далее – ФМС России) по состоянию на 2012 год границу Российской Федерации пересекли 15,9 млн. иностранных лиц, из них на миграционный учет встали только 6 млн. 480 тыс. человек¹. Так, по состоянию за 2023 год на государственный учет встало более 8 млн. мигрантов, в 2024 году около 6 млн. человек². Преобладающее большинство нелегальных мигрантов являются уроженцами постсоветских стран Средней Азии: Республика Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан.

Касательно понятийно-категориального аппарата миграции и нелегальной миграции, следует отметить, что по мнению правоведа С.А. Прудниковой, миграция – это массовое по масштабам перемещение социальных групп, обусловленное социальными, политическими или иными проблемами³. Исходя из выше указанного определения, стоит отметить, что миграция возникает из-за определенных факторов, которые, безусловно, носят в себе негативный характер, содержащий угрозу достойной жизни мигранта в том государстве, в котором он проживал. В связи с этими угрозами мигрант вынужден покинуть свою страну, для того чтобы улучшить свое материальное благосостояние. Поняв сущность понятия «миграция», следует отметить подход к термину «нелегальная миграция» правоведа В.А. Лянного, который в свою очередь полагает, что нелегальная миграция – это процесс въезда иностранных граждан или лиц без

¹ Нелегальная миграция в РФ. Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/691935>. Дата обращения: 05.07.2025.

² Пламенев И. МВД раскрыло число мигрантов в России. РБК – интернет-ресурс. URL: www.rbc.ru/politics/18/09/2024/66ead3a49a7947fa173f2813. Дата обращения: 28.09.2025.

³ Прудникова С. А. Административно-правовое регулирование миграции населения в Российской Федерации: дис ... кад. юрид. наук. М., 2003. С. 189.

гражданства на территорию Российской Федерации, также их пребывание без законных оснований с нарушением действующего российского законодательства¹.

В 2023 г. Председатель Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России) А.И. Бастрыкин отмечал, что процессы миграции являются угрозой национальной безопасности нашего государства ввиду того, что среди потоков мигрантов могут быть члены террористических, экстремистских организаций².

Некоторые примеры из судебной практики о преступлениях, совершенных в России мигрантами:

15 декабря 2020 г. Московским городским судом был вынесен обвинительный приговор в отношении Б.И., виновного в совершении преступлений, предусмотренных п. «и» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 213 и п. п. «а, в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, суд установил, что данное лицо совершило хулиганство в общественном месте с применением предметов, приисканных в качестве оружия, с группой лиц по предварительному сговору, также Б.И. совершил убийство из хулиганских побуждений, он же причинил легкий вред здоровью с применением предметов в качестве оружия. В ночное время суток виновный и не менее 5-ти его соучастников в общественных местах: кафе, детская площадка и метрополитен совершили ряд вышеуказанных преступлений³.

10 сентября 2024 г. Преображенским районным судом был вынесен обвинительный приговор в отношении несовершеннолетнего Ф.М., виновного в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105, ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Судом установлено, что Ф.М. 28.02.2009 г., находясь в квартире с ранее незнакомыми ему лицами Э.К.О. и Ф.И.О. распивали спиртные напитки. У Ф.М. на почве личных неприязненных отношений в результате ссоры с Э.К.О. и Ф.И.О. возник преступный умысел на причинение смерти двум последним лицам. В качестве орудия преступления Ф.М. приискал на кухне колюще-режущий нож. Находясь на кухне Ф.М. нанес не менее пяти ударов приисканным ножом в область шеи и головы потерпевшему – Э.К.О. При данном преступном событии Ф.М. пытался убежать из вышеуказанной квартиры в целях обеспечения собственной безопасности. Ф.М. побежал за Ф.И.О., настигнул его на лестничной площадке между 3 и 4 этажами, где нанес не менее 3-х ударов ножом в жизненно важные органы, от чего последний скончался от колото-резаных ран в области груди. Э.К.О. удалось выжить ввиду того, что ему своевременно была оказана врачебная медицинская помощь⁴.

¹ Лянной В.А. К вопросу об определении понятия «нелегальная миграция» // Проблемы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 64–65.

² Интервью Председателя СК России информационному агентству «Интерфакс». URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1780279/>. Дата обращения: 28.08.2025.

³ Приговор Московского городского суда № 2-0042/2020 от 15.12.2020. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-criminal/details/d6d71df0-0a47-11eb-8b8e-71f8b7fe0857>. Дата обращения: 28.08.2025.

⁴ Приговор Преображенского районного суда № 01-0447/2024 от 10.09.2024. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/preobrazhenskij/services/cases/criminal/details/76fca9d0-048b-11ef-af48-21d773244ae3?caseNumber=%E2%84%961-447/24>. Дата обращения: 09.10.2025.

23 декабря 2024 г. Измайловским районным судом был вынесен обвинительный приговор в отношении М., виновного в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ. Он же совершил покушение на незаконный сбыт наркотических веществ, действуя с группой лиц по предварительному сговору в особо крупном размере. М. должен был получать информацию от своего соучастника о местонахождении партии наркотических веществ в укромном месте-тайнике, забирать товар, в дальнейшем расфасовывать наркотическое вещество для дальнейшего сбыта. Так, однажды виновный по наводке соучастника прибыл в место тайника, где взял сверток массой 998,27 г. наркотического вещества под наименованием мефедрон (4-метилметкатаино). Однако М. не смог передать в дальнейшем наркотическое вещество приобретателю, то есть он не довел свой преступный умысел до конца, так как его действия были пресечены сотрудниками правоохранительных органов. Также следствием установлен следующий эпизод, когда М. хранил в квартире расфасованные по пакетам наркотические вещества массой 1623,2 г. В данном эпизоде виновный не смог довести свой умысел до конца, ввиду задержания его сотрудниками правоохранительных органов. Согласно третьему эпизоду, виновный оплачивал арендную плату квартиры денежными средствами, полученными путем продажи наркотических веществ¹.

25 июня 2025 года Хорошевским районным судом был вынесен обвинительный приговор в отношении лиц М., Н., З. М. виновных в совершении преступления, предусмотренного п.п. «г», «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ. Так, М., Н., З., М. реализуя совместный преступный умысел в составе группы лиц по предварительному сговору на детской площадке на почве личных неприязненных отношений причинили средний тяжести вред здоровью, потерпевшему П. путем нанесения ударов по туловищу, лицу, конечностям².

22 марта 2024 г. произошел террористический акт в концертном зале «Крокус Сити Холл» в г. Красногорск Московской области. Вооруженные мигранты ворвались в концертный зал и открыли огонь по собравшимся зрителям, затем подожгли здание и скрылись. В результате террористического акта погибло более 140 человек, более 600 лиц ранено. В уголовном деле по факту террористического акта следователями СК России предъявлено обвинение 27 лицам. В СК России отмечен тот факт, что исполнители теракта получали денежные средства и криптовалюту из Украины. В данном случае привлечены к уголовной ответственности лица, причастные к деятельности международной террористической организации «Вилаят Хорасан»³.

¹ Приговор Измайловского районного суда №01-0526/2024 от 23.12.2024. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/izmajlovskij/services/cases/criminal/details/a780a9e0-52ff-11ef-966f-8d97272bb7e7>. Дата обращения: 28.08.2025.

² Приговор Хорошевского районного суда №01-0261/2025 от 25.06.2025. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/horoshevskij/services/cases/criminal/details/7abbe1d0-0f02-11f0-96e9-5bde34128499?caseNumber=%E2%84%96+1-261/25>. Дата обращения: 28.09.2025.

³ Террористы из Крокуса: что с ними сейчас, когда вынесут приговор. IZ.RU – новостной интернет-портал Мультимедийного информационного центра «Известия».

С точки зрения криминологических показателей по мнению исследователей В.А. Осипова и А.А. Семочкиной чаще всего к уголовной ответственности привлекаются лица мужского пола, средних лет, гражданства Республики Узбекистан. Так, на долю граждан Республики Узбекистан пришлось около 40% преступлений, совершенных из общего числа иностранных лиц. Граждане Республики Таджикистан совершили около 25 % преступлений, лица из Республики Киргизия около 13 % преступных деяний¹. Думается, что вышеуказанные граждане чаще всего совершают преступления против личности, общественной безопасности и общественного порядка в силу того, что их преступные методы являются варварскими по отношению к потерпевшим лицам. Так, в силу недостаточного качественного образования среди граждан из Средней Азии невозможен факт совершения преступных деяний в сфере экономики, где требуются, к примеру, знания бухгалтерии и т.д.

Криминологические показатели совершенных преступлений иностранными гражданами на территории России представлены в рис. 1.

Статистика СК России по состоянию за 2024 год о преступности мигрантов показала рост совершенных преступлений преимущественно экстремистской направленности. География преступных деяний от рук мигрантов преимущественна в больших городах-мегаполисах: Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Оренбургская, Калининградская области и т.д. Число преступлений, совершаемых трудовыми мигрантами возросло с 5 до 9 тыс., а

URL: <https://iz.ru/1857141/alena-svetunkova/terroristy-iz-krokusa-cto-s-nimi-seicas-kogda-yunesut-prigovor>. Дата обращения: 28.08.2025.

¹ Осипов В.А., Семочкина А.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений, совершаемых мигрантами // Судебная экспертиза и исследования. 2024. № 3. С. 97.

преступлений мигрантов, получивших российское гражданство менее 10-ти лет назад: с 7 до 11 тыс.¹

С 19 по 21 мая 2025 года проводился XIII Петербургский международный юридический форум (ПМЮФ). На данном мероприятии Председатель СК России – А.И. Бастрыкин отметил, что по состоянию на январь-март 2025 года преступность среди нелегальных течений миграции выросла на 15%, с 10 до 12 тыс. зарегистрировано преступлений правоохранительными органами. Также отмечается, что 65 % преступлений, совершаемых нелегальными мигрантами связаны с оборотом наркотиков и их прекурсоров. Около 2,7% преступлений замечено преимущественно террористической направленности. К сожалению, в рядах органов государственной власти существуют предатели долга и чести служения Отечеству: по словам Председателя СК России, в 2024 году было возбуждено около 918 уголовных дел в отношении должностных лиц, которые незаконными способами осуществляли пропуск нелегальным мигрантам в Российскую Федерацию, преимущественно такими должностными лицами являются сотрудники органов внутренних дел России².

Резюмируя настоящую работу, следует отметить, что нелегальная миграция представляет особую криминогенную опасность для современного российского общества. Уровень совершения преступлений мигрантами совершенно различный, такие показатели отличаются по региональному признаку происхождения мигрантов, их возраста на момент совершения преступления, состава группы и т.д. Как указывалось, чаще всего совершаются мигрантами преступления насильственного характера. На сегодняшний день продолжает существовать проблема учета миграционной политики государства, несмотря на принятые акты законодательными органами власти Российской Федерации. Успех, согласно нижеприведенной статистики МВД России отмечается в области выдворения мигрантов за нарушение действующего российского законодательства. По состоянию на первое полугодие 2025 года, правоохранительными органами Российской Федерации было выдворено на 17 % больше иностранных граждан, чем в 2024 году³.

В качестве законодательной инициативы целесообразно ввести уголовно-правовые статьи, содержащие в диспозициях положения о привлечении лица к уголовной ответственности за повторное нарушение статей 18.8; 18.9; 18.10; 18.11 КоАП РФ, где содержатся общие положения об административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства за нарушение правил въезда и пребывания на территории Российской Федерации, незаконное

¹ Баласян Л. СКР: в 2024 году преступность среди нелегальных мигрантов выросла почти втрое. Сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1918181>. Дата обращения: 07.07.2025.

² Мамаева М. Бастрыкин: Преступность среди мигрантов в РФ выросла на 15 % в 2025 году // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/online/news/6383159/>. Дата обращения: 07.07.2025.

³ Наймушин И. Почти на 20 % больше мигрантов-нарушителей депортировали из России в 2025 году. URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/pochti-na-20-bolshe-migrantov-narushiteley-deportirovali-iz-rossii-v-2025-godu-mvd>. Дата обращения: 06.10.2025.

осуществление трудовой деятельности, нарушения миграционных правил. В данном случае вступает в законную силу институт административной преюдиции. Полагается, что данные уголовно-правовые статьи, согласно законодательной иерархической логике, должны содержаться в Разделе X «Преступления против государственной власти», Главе 32 «Преступления против порядка управления». Присвоить индивидуальные номера ст. ст. 322.4; 322.5; 322.6; 322.7 УК РФ.

С.Р. Фурсова¹

Научный руководитель: **А.Л. Иванов²**

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Проблемы и перспективы расширения состава, предусмотренного статьей 280.3 УК РФ в условиях информационной войны

Аннотация. В работе исследуется состав, предусмотренный статьей 280.3 УК РФ на предмет возможного расширения объективной стороны. На современном этапе требуется ужесточить уголовную ответственность за деяния, которые так или иначе могут поставить в невыгодное положение российское общество и государство, подвергнуть дополнительным рискам в условиях информационной войны. Все те уголовно-правовые составы, которые сейчас включены в УК РФ представляют собой весьма эффективные инструменты, однако, как думается, в будущем требуется их расширять и дополнять, ввиду того, что в уголовном законодательстве все еще существуют пробелы, вследствие которых фактически виновные в соответствующих действиях лица могут избегать уголовной ответственности только лишь из-за того, что формально в их деяниях отсутствует состав преступления. В конце работы автор вносит предложения относительно того, как в будущем можно расширить состав, предусмотренный статьей 280.3 УК РФ.

Ключевые слова: УК РФ, уголовный состав, уголовная ответственность, информационная война, статья 280.3 УК РФ, совершенствование.

Сегодня законодатель постепенно предпринимает все необходимые меры для того, чтобы обеспечить как информационную безопасность в целом, так и отдельные ее аспекты. В частности, речь идет о защите культурной и идеологической идентичности Российского государства, общества. Важным инструментом в таком контексте выступает юридическая ответственность – особенно уголовно-правовая ответственность.

Одним из ключевых составов в рассматриваемом контексте является уголовно-правовой состав, предусмотренный статьей 280.3 УК РФ. Данная статья предусматривает ответственность за совершение публичных действий, направленных на то, чтобы дискредитировать использование Вооруженных сил Российской Федерации (далее – ВС РФ) для защиты интересов Российского

государства и для обеспечения мира, безопасности, обеспечения выполнения органами власти возложенных на них функций.

Законодатель предусмотрел две части – первая часть предполагает, что действия, составляющие объективную сторону рассматриваемого состава, совершает лицо, которое уже ранее было подвергнуто за аналогичные действия административной ответственности, причем в течение конкретного срока – одного года.

Вторая часть уже представляет собой квалифицированный состав, так как законодатель включает туда такой признак как «корыстные побуждения», а также совершение соответствующих действий по найму. Кроме того, ответственность по этой части может наступить и в том случае, если соответствующие действия привели к таким тяжелым последствиям как смерть по неосторожности / вред здоровью граждан, равно к массовым нарушениям правопорядка и возникновению помех для нормального функционирования объектов, входящих в состав инфраструктуры жизнеобеспечения.

Как уже было сказано, анализируемая статья УК РФ является важным инструментом, особенно в условиях информационной войны, когда требуется защитить российское общество и государство от разного рода «идеологических» вторжений, подмены ценностных ориентиров и прочих угроз для национальной идентичности. При всем этом наблюдаются определенные проблемы в процессе реализации анализируемого уголовного состава, которые указывают, что до конца его потенциал не раскрыт.

Так, например, в 2022 году, согласно статистическим данным, размещенным Судебным департаментом при Верховном суде Российской Федерации, наказание по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ понесли всего двое виновных. Ч. 2 ст. 280.3 УК РФ вообще не применялась. Конечно, уже в 2023 году количество человек, которые были привлечены к уголовной ответственности по данной статье и понесли наказание значительно увеличилось¹. Связано это, главным образом с тем, что статья содержит административную преюдицию, что, думается, является совершенно верным шагом, так как обеспечивает то необходимое ужесточение уголовной ответственности, которое требуется в современных реалиях.

При этом, к сожалению, в настоящий момент вред, который могут причинить субъекты, не сводится только лишь к «публичным действиям, направленным на дискредитацию ВС РФ». В сущности, объективная сторона уголовного состава должна быть куда шире. Ведь любые высказывания, которые, так или иначе, дискредитируют власть, направления социально-политического и культурного развития также представляют угрозу, причем, возможно, куда более существенную, чем те действия, за которые уголовная ответственность на данный момент предусмотрена. Тем более, что социальные сети являются полномасштабным инструментом, который используется в информационной войне. Так, например, посты, как-либо дискредитирующие власть Российского

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 г. и за первое полугодие 2023 г. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 05.11.2025).

государства, курс его развития способны не просто подорвать информационную безопасность, но также создать благоприятные условия, в которых будут подменяться ценностные ориентиры, искажаться взгляды и пр. Особая угроза при всем этом состоит в том, что у молодого поколения могут формироваться изначально искаженные представления о Российском государстве; органах власти; курсе политического и социально-культурного развития и т.п. А ведь молодое поколение является наиболее уязвимым в условиях информационной войны.

Другой проблемой является то, что законодатель, введя квалифицирующие признаки в ч. 2 ст. 280.3 УК РФ не раскрыл их надлежащим образом. Естественно, все это также может вызывать трудности в процессе правоприменения¹.

В контексте рассматриваемого уголовно-правового состава, например, причинение вреда имуществу скорее всего будет выражаться в порче. При этом, фактически, объективная сторона будет обладать схожим характером, например, с объективной стороной вандализма, с той только разницей, что в этом случае речь идет об узкоспециализированном составе, цель и мотивы которого значительно отличаются. Так, когда субъект оставляет в общественных местах надписи, содержание которых сводится к протесту против специальной военной операции, это можно признать порчей имущества именно в контексте уголовного состава, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ².

При этом, если всмотреться в суть такого рода действий – когда субъекты оставляют соответствующие надписи либо совершают иного рода действия, ответственность за которые закреплена в ст. 280.3 УК РФ, то, фактически, они, таким образом, не только дискредитируют ВС РФ, но и выражают несогласие с официальными решениями, принятыми властью Российского государства, следовательно, такие действия направлены и против органов власти в целом, против принимаемых ключевых решений. Поэтому в определенных ситуациях можно говорить не только о дискредитации ВС РФ, но также о дискредитации Российского государства и российской власти в принципе³.

При всем этом целесообразно разграничивать состав, предусмотренный ст. 280.3 УК РФ и состав, который закрепляет ст. 354.1 УК РФ. Последний также весьма важен, но его стоит рассматривать в несколько ином контексте – ведь речь идет об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма. То есть, в этом случае объективная сторона состоит в действиях, которые, например, направлены на оправдание нацизма или на отрицание фактов, которые установил Международный военный трибунал. Фактически, здесь уголовная ответственность наступает за искажение исторической правды.

¹ Литвяк Л.Г. Анализ некоторых признаков состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 12. С. 156–162.

² Там же. С. 160.

³ Малышев К.С. Особенности разграничения статей 207.3 и 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3(39). С. 169–172.

Однако, как уже было сказано, к сожалению, объективная сторона ст. 280.3 УК РФ является достаточно узкой. Очевидно, что стоит, как минимум, ввести часть 3 в указанную статью, которая будет предусматривать ответственность за все прочие действия, которые направлены либо против российской власти, либо против принимаемого политического, социально-культурного курса развития Российского государства. Ведь такие действия подрывают национальную идентичность, особенно при условии того, что сейчас ведется полномасштабная информационная война против Российского государства.

Что касается конкретно квалифицирующих признаков, которые прописаны в ч. 2 ст. 280.3 УК РФ. Прежде всего, стоит обратить внимание на тот факт, что категория «вред здоровью» не уточняется законодателем. Иными словами, нет слов о степени вреда (тяжкий или средний, например).

Соответственно, можно руководствоваться разъяснениями, которые содержатся в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования».¹ В этом случае, вред здоровья представляет собой куда более широкое понятие, так как предполагается, что речь идет о любом вреде здоровью, вне зависимости от степени тяжести. Вообще, данный подход весьма нетривиальный и, думается, правильный. Так как в контексте ст. 280.3 УК РФ вряд ли требуется уточнять степень причиненного вреда здоровью, ведь главенствующим признаком здесь выступают действия, которые направлены на дискредитацию ВС РФ. То есть, на первый план выходит цель, с которой совершаются соответствующие действия. Поэтому последствия в данном соотношении обладают вторичным характером.

Как отмечают некоторые исследователи, действия, которые лишь «номинально» причиняют имущественный ущерб, все равно будут составлять объективную сторону состава, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ – например, если будет сорвана специальная наклейка с эмблемой Z, наклеенная, к примеру, на автомобиле или ином транспорте и т. д.²

Тем не менее законодатель должен был уточнить это, указав, например, в специальных разъяснениях или примечании, что степень вреда здоровью не имеет особого значения в контексте ст. 280.3 УК РФ.

Еще одним квалифицирующим признаком выступает такой признак как «массовые нарушения правопорядка». Стоит обратить внимание на тот факт, что данная формулировка нигде больше не используется, что, конечно, делает ее в определенном смысле исключительной – она характерна только для ст. 280.3 УК РФ. С одной стороны, данный признак уникален, что, в случае необходимости, позволяет легко и четко отграничивать данный состав с какими-либо другими. С

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 26.05.2015) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 05.11.2025).

² Медведева О.А. К вопросу об ответственности по ст. 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 459–462.

другой же стороны, отсутствуют должные разъяснения относительно содержания данного признака.¹

При этом стоит подчеркнуть, что законодатель не обозначил в качестве квалифицирующего признака совершение преступления с использованием служебного положения, а ведь это в контексте рассматриваемого уголовно-правового состава представляется важным.²

Продолжая речь о значении «поименованных» квалифицирующих признаках, можно предположить, что массовые нарушения тесным образом взаимосвязаны с наступлением таких последствий как выход из строя ключевых объектов жизнеобеспечения. При этом формулировка в ч. 2 ст. 280.3 УК РФ напрямую не указывает на такую взаимосвязь. Тем не менее, думается, что эти два признака коррелируют друг с другом.

Нельзя не сказать, что законодатель оставляет открытым перечень форм, при помощи которых могут выражаться публичные действия, входящие в объективную сторону ст. 280.3 УК РФ. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, такие действия, например, могут сводиться к публикации статей в СМИ, к размещению постов в социальных сетях и даже распространению соответствующей информации в мессенджерах.³

Можно для наглядности привести некоторые примеры из судебной практики. Так, Коптевский районный суд г. Москвы привлек к ответственности субъекта А. по ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ. Субъект А. совершил публичные действия, направленные на дискредитацию использования ВС РФ, а именно 5 апреля 2022 г. примерно в 23 часа 59 минут с использованием личной страницы социальной сети, находящейся в свободном доступе для неограниченного круга лиц, выложил пост следующего содержания: «Я думаю, все менты, винтящие людей с плакатами против войны, судьи, клепающие штрафы за дискредитации ВС РФ и прочие ..., объясняющие что «против войны» – фашистской лозунг, все эти млекопитающие непосредственные участники резни в Буче и множестве других населенных пунктов. Все эти люди ничем не отличаются от нелюдей, которые создавали научную и законодательную основу для, например, уничтожения евреев, которых тоже сжигали «по закону». Нет большей дискредитации ВС РФ, чем ее участие в позорной и несправедливой войне против Украины, стыдливо названной СВО. Моя душа скорбит за всех погибших украинцев, погибших в ходе вторжения». Публикация данного текста в сети Интернет была признана судом дискредитацией решения о проведении специальной военной операции по защите граждан новых субъектов нашей страны. В постановлении суда

¹ Галстян Д.А. Уголовно-правовой анализ статьи 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2023. № 25. С. 272–279.

² Медведева О.А. К вопросу об ответственности по ст. 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 459–462.

³ Юрченко Ю.А. Отдельные аспекты уголовно-правовой характеристики ст. 280.3 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 5. С. 132-142.

отмечено, что «по смыслу закона, под дискредитацией понимается распространение ложных, неточных или искаженных сведений».¹

Другим примером выступает следующий случай: 10.05.2022 в 10 часов 26 минут Ю., находясь в г. Санкт-Петербург, при помощи мобильного устройства в социальной сети «ВКонтакте» информационно-телекоммуникационной сети Интернет в разделе «Стена» своей личной страницы опубликовал текстовое сообщение: «Вот и случился этот исторический День. День Победы! 9 травня 2022 року. Мордор с победобесием поздравил сам Ким Чен Ын. А украинцев с Днем Победы поздравил настоящий союзник по антигитлеровской коалиции. И вновь предоставил Ленд-лиз! Вот это подарок так подарок! И очень символично. ... идиоты! Надеюсь, Вы все погибнете героями. За свой не русский Кремль». Суд признал Ю. виновным по ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, и ему было назначено наказание в виде административного штрафа суммой 30 тыс. руб.²

А вот пример, когда субъект понес за свое высказывание уже уголовную ответственность. Подсудимая разместила в социальной сети следующий комментарий: «Какие же здесь некоторые люди примитивные... Вы до сих пор не поняли ничего? Вы не поняли, что наших людей отправляют на бессмысленное месиво в этой войне? Вы пишете про какую-то **** о том, что нужно отправлять сначала мигрантов? А вас, **** не смущает вопрос, а зачем вообще воевать и отправлять людей на смерть?! И неважно, какой они национальности? Вы *****? У меня, начиная с бабушки и дедушки, вся семья военных, они хором кричали, не дай Бог увидеть еще раз войну. У вас мозгов **** нет, читайте историю, а в особенности, про гитлеровский нацизм. Вот прочитав, Вы всё поймете, что творится сейчас». Суд назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года условно.³

Другой субъект В. 28.02.2024 в период времени с 12 ч. 02 мин. до 12 ч. 07 мин. в общественном месте около места для курения, расположенного на территории городского дома «Лукошко» по адресу: ХМАО-Югра, <...>, публично, в присутствии иных граждан ФИО2 и ФИО3, обращаясь к ним, в грубой нецензурной форме высказывался о проводимой на территории Луганской народной республики Российской Федерации, Донецкой народной республики Российской Федерации и Республики Украина специальной военной операции и использовании ВС РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности в соответствии с

¹ Постановление Коптевского районного суда г. Москвы. Дело № 5-384/22. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/koptevskij/services/cases/admin/details/27001af0-b714-11ec-9c18-dff0200a343e> (дата обращения: 05.11.2025).

² Постановление Пушкинского районного суда г. Санкт-Петербурга. URL: https://sankt-peterburgsky-spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=76323858&delo_id=150200_1&new=0&text_number=1 (дата обращения: 05.11.2025).

³ Приговор Магаданского городского суда (Магаданская область) № 1-325/2025 от 24 апреля 2025 г. по делу № 1-325/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kBd45hsLiW1x/> (дата обращения: 05.11.2025).

постановлением Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации от 22.02.2022 №35-СФ, допускал фразы, направленные на дискредитацию использования ВС РФ, указывающие на негативную оценку, осуждение действий официального руководства Российской Федерации по ведению специальной военной операции, негативные оценки, высказывания в отношении участников специальной военной операции. В этом случае суд назначил реальное наказание в виде лишения свободы на один год.¹

Наконец, последний наиболее интересный пример из судебной практики. Субъект В., ранее уже привлекавшийся к административной ответственности за соответствующее правонарушение, целенаправленно разместил у себя на заднем стекле автомобиля плакат, который содержал надпись «Нет позорной войне». Тем самым субъект совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 280.3 УК РФ, так как такие действия прямо подпадают под объективную сторону указанного уголовно-правового состава².

Рассмотренные примеры из судебной практики позволяют подтвердить вывод о том, что формы, в которых реализуются публичные действия, входящие в объективную сторону ст. 280.3 УК РФ могут быть самыми разнообразными.

В целом, можно прийти к выводу о том, что состав, предусмотренный ст. 280.3 УК РФ, обладает соответствующим потенциалом, тем не менее, он нуждается в доработке. Для того чтобы совершенствовать механизм уголовной ответственности, следует реализовать следующие законодательные инициативы:

- дополнить часть 2 статьи 280.3 УК РФ – добавить пояснение относительно квалифицирующего признака причинение вреда здоровью «вне зависимости от степени тяжести»;

- разработать полноценные разъяснения, касающиеся специфики применения статьи 280.3 УК РФ, в том числе относительно квалифицирующих признаков таких как «массовое нарушение правопорядка», «нарушение функционирования объектов жизнеобеспечения»;

- ввести в статью 280.3 УК РФ часть 3, которая будет предусматривать ответственность за все прочие действия, которые направлены либо против российской власти, либо против принимаемого политического, социально-культурного курса развития Российского государства, то есть действия, которые подрывают национальную идентичность и дискредитируют российскую власть, ее курс и решения в целом.

Таким образом, реализация обозначенных выше законодательных инициатив позволит в полной мере раскрыть потенциал статьи 280.3 УК РФ. Стоит сказать, что начало в совершенствовании механизмов уголовно-правовой ответственности законодателем положено. Теперь стоит предпринимать

¹ Приговор Ханты-Мансийского районного суда № 1-137/2025 от 9 апреля 2025 г. по делу № 1-137/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dksFmHB7iUQY/> (дата обращения: 05.11.2025)

² Приговор Канавинского районного суда г. Нижний Новгород по Делу № 1-381/2022. URL: <https://судебныерешения.рф/72079311?ysclid=mhm8my2ch3970506817> (дата обращения: 05.11.2025)

конкретные действия для того, чтобы последовательно совершенствовать уголовно-правовые составы, расширяя и уточняя их.

А.Ш. Хомушку¹

Научный руководитель: **П.Т. Савин²**

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Шифрование сообщений и его влияние на квалификацию ст. 138 УК РФ

Аннотация. В статье рассматривается проблема квалификации действий, связанных с неправомерным доступом к зашифрованным сообщениям, по статье 138 УК РФ. Анализируется правовая природа шифрования как средства обеспечения конфиденциальности и его влияние на признаки объективной стороны состава преступления. Исследуется, можно ли считать факт наличия шифрования отягчающим обстоятельством, препятствием для доступа или же новым квалифицирующим признаком. Делается вывод о необходимости адаптации уголовно-правовой доктрины и следственной практики к технологическим реалиям, а также о целесообразности внесения изменений в диспозицию ст. 138 УК РФ.

Ключевые слова: шифрование, тайна переписки, киберпреступность, неприкосновенность частной жизни, криптография, квалификация преступлений.

Стремительный прогресс в сфере digital-технологий трансформировал способы общения, сделав онлайн-платформы главным каналом коммуникации, отодвинув на второй план традиционную почту и телефонные звонки. В связи с возросшим риском несанкционированного доступа к информации, широкое распространение получили криптографические способы обеспечения безопасности, в частности, кодирование данных. Теперь шифрование доступно каждому, а не только специалистам, и интегрировано в большинство приложений для обмена сообщениями и электронной почты.

С одной стороны, это повышает уверенность в защите личной корреспонденции, гарантирует неприкосновенность личной жизни и оберегает личные сведения. С другой стороны, широкое применение технологий шифрования создает серьезные препятствия для работы органов правопорядка при расследовании преступлений, подпадающих под действие статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В данной статье анализируется влияние шифрования переписки на квалификацию преступлений, связанных с нарушением конфиденциальности личных сообщений, будь то разговоры по телефону, пересылка писем, телеграммы или другие способы обмена информацией. Обеспечение защиты информации от несанкционированного доступа, начиная от сложного шифрования в распространенных мессенджерах и заканчивая использованием криптографических протоколов в корпоративных сетях, является одновременно

важным условием для обеспечения информационной безопасности и фундаментальным правом человека на приватность. Статья 138 УК РФ, изначально предназначенная для защиты этих прав, сталкивается с новыми, ранее не возникавшими, вызовами в условиях быстро меняющегося технологического мира.

Текущая версия статьи 138 УК РФ направлена на защиту конфиденциальности переписки, телефонных разговоров, почтовых, телеграфных и других видов обмена информацией. Центральным моментом для юридической оценки является доказательство нарушения этой конфиденциальности, а именно получение доступа к содержанию коммуникации. Использование шифрования создает новые вызовы для традиционного толкования данной статьи закона.

Значимость этой проблемы обусловлена не только усложнением процесса расследования преступлений, совершаемых с применением зашифрованных средств связи, но и необходимостью достижения баланса между конституционно закрепленным правом на приватность общения и интересами общества в обеспечении правопорядка и соблюдении законов.

Решающее значение для правовой квалификации имеет понятие «конфиденциальности информации, передаваемой по каналам связи». Ранее оно традиционно ассоциировалось с физической сохранностью корреспонденции или неразглашением сути телефонного разговора. При рассмотрении общепринятого значения данного термина становится ясно, что действующее законодательство не содержит его однозначной дефиниции. Однако, анализ специализированной литературы и нормативных документов позволяет выявить различные подходы к интерпретации этого понятия. Так, убедительным доказательством правового характера содержания понятия «тайна сообщения» являются положения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 УК РФ)¹», в котором говорится, что нарушение тайности будет считаться таковым в ситуации, если доступ к сведениям произошел без ведома лица, чью тайну они имеют, при неимении легитимных оснований для ограничения конституционного права людей».²

Исходя из практических наблюдений, необходимо затронуть юридическую сущность принципа конфиденциальности переписки. Рассматривая личную неприкосновенность граждан, данный принцип следует воспринимать как субъективное или персонифицированное право.

Его особенность заключается в обеспечении свободного информационного обмена любыми доступными средствами, исключая какую-либо цензуру, а также

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)»

² Кацкель Е.Л. Правовая регламентация тайны переписки, телефонных и иных переговоров, телеграфных и иных сообщений // Молодой ученый. 2023. № 40 (487). С. 206–208.

в правовой защите, гарантированной государством через соответствующие органы, от незаконных действий со стороны посторонних лиц.¹

Также основными элементами состава преступления являются:

- Нарушение тайны. По смыслу закона и сложившейся правоприменительной практики, под нарушением понимается прежде всего ознакомление с информацией без согласия ее отправителя или получателя.

В контексте шифрования можно выделить несколько вариантов:

1. Неправомерный доступ к устройству с установленным мессенджером, но без доступа к расшифрованному содержимому. Если злоумышленник получил физический доступ к смартфону, но не смог разблокировать его или конкретное приложение (в котором сообщения хранятся в зашифрованном виде), состав преступления по ст. 138 УК РФ является неоконченным. Его действия следует квалифицировать как покушение на нарушение тайны переписки (ч. 3 ст. 30, ст. 138 УК РФ), поскольку умысел был направлен именно на ознакомление с содержанием сообщений, но этого не произошло по независящим от него причинам.

2. Перехват зашифрованного трафика. Если лицо перехватывает сетевые пакеты, но не может их расшифровать из-за отсутствия криптографических ключей, то непосредственного ознакомления с содержанием сообщения не происходит. Содержательная часть коммуникации остается конфиденциальной. В этом случае действия виновного, при отсутствии иных составов (например, ст. 272 УК РФ – неправомерный доступ к компьютерной информации), могут не образовывать состава преступления по ст. 138 УК РФ, так как объект охраны – тайна содержания – не пострадал.

3. Преодоление шифрования. Если лицо каким-либо способом (подбор пароля, использование уязвимости, принуждение к разблокировке) сумело расшифровать сообщение и ознакомиться с ним, то все признаки ст. 138 УК РФ налицо. При этом сам процесс взлома шифрования может дополнительно квалифицироваться по ст. 272 УК РФ.

Таким образом, ключевым разграничивающим признаком является возможность ознакомления с семантическим содержанием сообщения. Шифрование создает технологический барьер, который трансформирует сам характер преступного посягательства.

- Объем информации и ее распространение. Обнародование добытых данных не оказывает воздействия на юридическую оценку деяния. Незаконность действий проявляется в отсутствии правовых оснований. Вмешательство в приватность переписки допустимо исключительно в ситуациях, четко регламентированных законодательством, и при строгом соблюдении установленных норм.

Особое внимание следует уделить неправомерному вмешательству в телефонные разговоры. Законодательство признаёт преступным не только

¹ Гусев Р.Д. Тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений как принцип российского уголовного судопроизводства // Вестник науки. 2023 № 6 (63). С. 430–431.

подслушивание беседы, но и несанкционированный доступ к данным о соединении, включающим дату, время, продолжительность вызова, номера телефонов и другие сведения, позволяющие установить личности собеседников. Получение подобных данных без согласия сторон также образует состав преступления, предусмотренного статьей 138 УК РФ.

Правовые нормы не проводят различий между традиционными способами коммуникации и современными информационными технологиями: нарушение конфиденциальности является преступлением вне зависимости от способа его совершения. Тем не менее использование информационных технологий привносит специфические особенности в процесс совершения преступления и его расследования.

Шифрование как технологическая основа цифровой приватности и инструмент преступности – это процесс преобразования информации (открытого текста) в нечитаемый формат с использованием алгоритма и ключа. Только обладатель соответствующего ключа может дешифровать сообщение и получить доступ к его исходному содержанию.

Под специальными техническими средствами, предназначенными для негласного получения информации, понимаются устройства и программы, замаскированные под обычные предметы или не имеющие внешних признаков подобного оборудования¹. Софт для взлома шифрования (например, брутфорс-утилиты) или аппаратные дешифраторы, безусловно, подпадают под это определение. Следовательно, если лицо для доступа к зашифрованным сообщениям применяло подобные средства, его действия должны быть квалифицированы по ч. 2 ст. 138 УК РФ.

Более сложным является вопрос: следует ли считать само шифрование обстоятельством, отягчающим ответственность. В текущей редакции УК РФ прямого указания на это нет. Однако повышенная общественная опасность таких действий очевидна: преступник прилагает значительные усилия для преодоления дополнительной, зачастую очень надежной, защиты. Это свидетельствует о его устойчивом преступном намерении и способности причинить большой вред. В связи с этим, в доктрине высказываются предложения о введении в ст. 138 УК РФ отдельного квалифицирующего признака – «нарушение тайны сообщений, защищенных криптографическими средствами».

Также, обхватывая, комплексный анализ шифрования сообщений на процесс квалификации можем выделить три формы объективной стороны преступления по ст. 138 УК РФ:

1. Несанкционированное получение информации. Использование криптографических протоколов, например, end-to-end encryption шифрования, преобразует текст в зашифрованную форму, обеспечивая его конфиденциальность в процессе передачи и делая его понятным лишь для

¹ Изотова А. Н. Правовое регулирование тайны связи в информационном обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2020. Т. 24. № 4. С. 985–1004

получателя. Если злоумышленник перехватывает такое зашифрованное сообщение, он получает защищенные криптографией символы, которые не имеют смысла для посторонних. В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать, что лицо «ознакомилось» с сообщением, если дешифровка не выполнена? С точки зрения права, ознакомление предполагает понимание сущности информации. Если доступ к содержанию отсутствует, то и ознакомления, как такового, не было. Действия нарушителя в подобных обстоятельствах, вероятно, квалифицируются по статье 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации). Однако применение статьи 138 УК РФ представляется спорным, поскольку перехваченные данные не несут смысловой информации.

2. Передача или использование сведений, являющихся тайной корреспонденции, предполагает раскрытие конфиденциальных данных посторонним лицам или применение их для получения личной выгоды. Эти действия неразрывно связаны с возможностью ознакомления с содержанием переписки. Если перехваченные данные зашифрованы и не поддаются дешифровке, нарушитель лишен возможности их раскрытия или полноценного использования.

Субъективная сторона статьи 138 УК РФ требует наличия прямого умысла – осознанного понимания лицом общественной опасности своих действий и намерения их совершить. При наличии шифрования доказать наличие умысла становится значительно сложнее. Перехватив зашифрованное сообщение, не имея ключей для расшифровки, трудно установить, осознавал ли злоумышленник факт нарушения тайны переписки, ведь он видел лишь нечитаемый набор символов. Возможно, он понимал, что нарушает правила доступа к информации (ст. 272 УК РФ), но нет гарантии, что его целью было именно нарушение «тайны переписки». Наибольшая сложность заключается в установлении границ умысла и требует доказательств не только факта перехвата, но и стремления злоумышленника к ознакомлению, использованию и распространению информации.

Использование шифрования значительно затрудняет процесс доказывания. Если сторона обвинения утверждает, что подозреваемый ознакомился с зашифрованной перепиской, она обязана предоставить доказательства того, что у него не только был доступ к носителю информации, но и имелась возможность и средства для дешифровки данных.

1. Изъятые на устройстве подозреваемого криптографические ключи или пароли.

2. Свидетельские показания о том, что подозреваемый сообщал содержание переписки.

3. Данные метаданных, подтверждающие факт отправки/получения сообщений в определенное время, что коррелирует с действиями подозреваемого.

Однако в условиях использования сквозного шифрования (end-to-end encryption), когда ключи хранятся только на устройствах пользователей,

доказывание факта ознакомления с содержанием сообщений становится крайне затруднительным, а зачастую и невозможным.

Использование шифрования для передачи данных фактически формирует усиленную защиту конфиденциальности личной информации, с которой текущая версия 138 статьи УК РФ справляется не вполне эффективно. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, несанкционированный доступ к зашифрованному каналу коммуникации или носителю данных, если он не привел к прочтению содержимого сообщений, не может считаться завершенным преступлением, предусмотренным статьей 138 УК РФ, и должен рассматриваться как покушение на совершение данного преступления.

Во-вторых, применение специализированных технических средств для дешифрования информации является обстоятельством, отягчающим вину, согласно части 2 статьи 138 УК РФ.

В-третьих, высокий уровень безопасности информации, обеспечиваемый шифрованием, и значительные усилия, необходимые для его преодоления, указывают на потребность в законодательном закреплении этого факта в качестве нового квалифицирующего признака, который следует отразить в тексте статьи 138 УК РФ.

Представляется разумным не только внести необходимые поправки в уголовное законодательство, но и разработать методические указания для сотрудников правоохранительных органов и судей, касающиеся квалификации подобных действий и сбора доказательств в ситуациях, когда применяются современные средства криптографической защиты.

В.Э. Чумаевский¹

Научный руководитель: **А.Б. Калинин²**

^{1,2} Санкт-Петербургская академия Следственного комитета

Формирование института уголовной ответственности за навязчивое преследование в системе противодействия новым угрозам

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правовые и прикладные аспекты криминализации навязчивого преследования (сталкинга) в контексте современных угроз безопасности государства. Анализируется влияние подобных деяний на личную и общественную безопасность, а также на устойчивость правопорядка в условиях цифровизации. Особое внимание уделено российской и зарубежной правовой практике, современным тенденциям в квалификации сталкинга, пробелам и коллизиям в отечественном уголовном законодательстве. Определяются направления совершенствования правового регулирования преследования в целях обеспечения комплексной безопасности личности, общества и государства. Сделан вывод о необходимости системного подхода к противодействию этому явлению, включающего правовые, профилактические и информационно-технологические меры.

Ключевые слова: stalking; навязчивое преследование; криминализация; безопасность государства.

Проблема навязчивого преследования граждан, известная в международной практике как stalking, приобретает особую актуальность в условиях стремительного развития цифровых технологий, создающих новые возможности для систематического контроля и преследования потенциальных жертв. По данным исследовательской компании Russian Field каждый пятый житель России (18 %) подвергался различным формам навязчивого преследования, при этом 64 % опрошенных граждан выступают за введение специальной уголовной ответственности за подобные деяния¹.

На данный момент российское законодательство не предусматривает ответственность за систематическое навязчивое преследование как целостное явление. Правоприменительные органы вынуждены использовать разрозненные нормы УК РФ, а также положения КоАП, что создает существенные пробелы в защите потерпевших и значительно затрудняет процесс доказывания систематичности преследования как ключевого признака stalking.

В научной литературе stalking определяется как «систематическое, нежелательное, навязчивое поведение, направленное на установление или поддержание контакта с определенным лицом либо наблюдение за ним, вызывающее у потерпевшего обоснованные страхи, тревогу или существенное нарушение привычного образа жизни».

Ключевые признаки stalking: неоднократность или систематичность совершаемых действий, их умышленный характер, очевидная нежелательность для потерпевшего, а также причинение психоэмоциональных страданий или формирование обоснованных опасений за личную безопасность. Однако действующее российское законодательство не содержит единых критериев определения того, какое количество деяний и какой временной промежуток между ними необходимы для признания преследования систематическим. Жертва stalkера, зачастую, не видит смысла обращаться в правоохранительные органы, зная, что никакого практического результата её обращение не достигнет.

Объективная сторона включает в себя физическое отслеживание и ожидание жертвы в местах ее повседневной деятельности, многократные попытки установления нежелательного контакта посредством телефонных звонков, отправки SMS-сообщений, электронных писем, использование возможностей информационно-телекоммуникационной сети Интернет для преследования, направление нежелательных подарков, писем, цветов как форма навязывания общения, а также применение технических средств слежения, включая GPS-трекеры, скрытые камеры наблюдения и шпионское программное обеспечение для мобильных устройств, что получило название киберstalking.

Последствиями stalking выступает причинение потерпевшему психоэмоционального напряжения, психических страданий, формирование

¹ Почти каждый пятый россиянин сталкивался со stalking – опрос. RTVI. 2025. URL: <https://rtvi.com/news/stalking-cto-eto-skolko-rossiyan-on-zatragivaet-i-kak-vlasti-planiruyut-s-nim-borotsya/> (дата обращения: 14.10.2025).

устойчивых опасений за собственную безопасность и близких людей, существенное нарушение привычного образа жизни, включая изменение маршрутов передвижения, мест работы или учебы, ограничение социальных контактов. Субъективная сторона преследования характеризуется прямым умыслом на осуществление систематических действий по преследованию с осознанием их нежелательности для потерпевшего. Мотивация преследователей может быть разнообразной и включать ревность, стремление к контролю над жертвой, желание мести за реальные или мнимые обиды, навязчивую эмоциональную привязанность, патологическую потребность во внимании объекта преследования.

Объектом посягательства выступают конституционные права и свободы граждан: право на неприкосновенность частной жизни, право на личную свободу и неприкосновенность, право на личную и семейную тайну, а также психическое здоровье и личную безопасность как элементы конституционного статуса личности.

Квалифицирующие признаки stalking: использование информационно-телекоммуникационных технологий, совершение преследования группой лиц по предварительному сговору, направленность действий против заведомо несовершеннолетнего потерпевшего, использование служебного положения для получения информации о жертве, а также совершение преследования лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности за аналогичные действия.

По данным компании «Лаборатория Касперского», за десять месяцев 2024 года количество пользователей Android-устройств в России, столкнувшихся с различными формами сталкерского программного обеспечения, увеличилось на 25% по сравнению с аналогичным периодом 2023 года, что свидетельствует о растущей технологизации преследования. Систематичность действий является наиболее важным отличительным признаком stalking, позволяющим разграничить его от единичных актов преследования или случайных пересечений¹. Российское уголовное законодательство не содержит специальной нормы, криминализирующей именно киберсталкинг как таковой, хотя отдельные его проявления могут квалифицироваться по ст. 138 УК РФ (нарушение тайны переписки) и ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации). Проблема заключается в том, что киберсталкинг нередко осуществляется без явного нарушения компьютерной безопасности и без доступа к защищенной информации, а сводится к навязчивому контакту посредством открытых каналов связи, что создает правовой вакуум.

В отсутствие специальной нормы о stalking российские правоприменительные органы используют различные составы действующего уголовного законодательства для противодействия навязчивому преследованию.

¹ На четверть выросло количество российских пользователей, столкнувшихся со сталкерскими программами в 2024 году. Kaspersky. 2024. URL: www.kaspersky.ru/about/press-releases/na-chetvert-vyroslo-kolichestvo-rossijskih-polzovatelej-stolknuvshih-sya-so-stalkerskimi-programmami-v-2024-godu (дата обращения: 14.10.2025).

Ст. 137 УК РФ применяется в случаях незаконного собирания или распространения сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну.

Постановление Пленума ВС РФ № 46 от 25.12.2018 года разъяснил, что под собиранием сведений понимаются «любые действия по получению указанных сведений любым способом, включая личное наблюдение, прослушивание телефонных и иных переговоров, фиксирование с помощью аудио-, видео-, фотоаппаратуры и других технических средств»¹.

Ст. 119 УК РФ применяется, когда преследование сопровождается высказыванием угроз физической расправы. Для этого требуется установление, что потерпевший имел основания опасаться осуществления высказанной угрозы, учитывая конкретные обстоятельства дела, личность угрожавшего, его отношения с потерпевшим, наличие у него возможности привести угрозу в исполнение. Ст. 138 УК РФ применяется при киберсталкинге, связанном с незаконным доступом к личной переписке или иным формам частного общения потерпевшего.

Изучение международного опыта криминализации сталкинга позволяет выявить наиболее эффективные модели правового регулирования данной сферы. В ФРГ сталкинг криминализован параграфом 238 Уголовного уложения с 2007 года². В Великобритании действует Закон о защите от домогательств 1997 года, который был дополнен институтом защитных ордеров от сталкинга, введенным в действие с 2020 года. Во Французской Республике противодействие сталкингу регулируется ст.222-33-2-2 Уголовного кодекса о моральном домогательстве³.

Основной законодательной инициативой в РФ является проект ФЗ № 795873-8 «О противодействии навязчивому преследованию», внесенный в Госдуму в декабре 2024 года депутатами от партии «Новые люди».⁴ Законопроект содержит легальное определение навязчивого преследования «как систематических умышленных действий лица, направленных на установление или поддержание нежелательного контакта с другим лицом либо на наблюдение за ним, вызывающих у потерпевшего психоэмоциональное напряжение, психические страдания и обоснованные опасения за свою безопасность или безопасность близких лиц».⁵

Основываясь на проведенном анализе теоретических подходов, действующего правового регулирования, правоприменительной практики и зарубежного опыта,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина» // СПС КонсультантПлюс.

² Stalking or Harassment. Crown Prosecution Service. 2025. URL: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/stalking-or-harassment> (дата обращения: 14.10.2025)

³ Stalking or Harassment. Service-Public.fr. URL: www.service-public.gouv.fr/particuliers/vosdroits/F2354 (дата обращения: 14.10.2025)

⁴ Законопроект о борьбе со сталкерами внесли в Госдуму. Гарант. 2024. URL: www.garant.ru/news/1773740/ (дата обращения: 14.10.2025).

⁵ Обновленный законопроект о сталкинге внесут в Госдуму осенью. Право.py. 2025. URL: www.pnp.ru/social/obnovlennyy-zakonoproekt-o-stalkinge-vnesut-v-gosdumu-osenyu.html (дата обращения: 14.10.2025).

предлагается дополнить гл.19 УК РФ ст. 137.1 «Навязчивое преследование (сталкинг)»:

1. систематическое умышленное преследование лица, выражающееся в установлении или поддержании нежелательного контакта либо наблюдения за ним, вызвавшее у лица обоснованные опасения за свою безопасность или безопасность близких лиц либо существенно нарушившее его обычный образ жизни, наказывается штрафом в размере до 100 тысяч рублей, в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев, обязательных работ на срок до 240 часов, либо ограничения свободы на срок до 1 года.

2. а) то же деяние, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет; б) в отношении заведомо несовершеннолетнего лица, группой лиц по предварительному сговору, лицом с использованием своего служебного положения, либо лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние наказывается штрафом в размере до 300 тысяч рублей, в размере заработной платы или иного дохода за период до 2 лет, ограничения свободы на срок до 3 лет, либо лишения свободы на срок до 2 лет.

3. деяния, предусмотренные частями 1 или 2, повлекшие по неосторожности тяжкие последствия наказываются лишения свободы на срок до 5 лет»

Еще одной существенной проблемой является отсутствие в Кодексе об административных правонарушениях специальной нормы, предусматривающей административную ответственность за сталкинг. Административно-правовые механизмы могли бы служить предварительным этапом правового реагирования, позволяя установить факт преследования и сформировать административную преюдицию – условие, при котором повторное совершение аналогичного деяния может влечь уголовную ответственность. Отсутствие такого механизма оставляет значительный правовой вакуум в охране граждан от начальных проявлений навязчивого преследования, когда преследование еще не достигло уровня угроз или иных уголовно наказуемых деяний.

Правительство Российской Федерации в своем отзыве о законопроекте партии «Новые люди» подчеркнуло, что уголовное регулирование должно быть предварено введением административной ответственности и формированием соответствующей правоприменительной практики. Это признание свидетельствует о понимании существенных пробелов в действующем законодательстве на обоих уровнях ответственности.

Размещение предлагаемой нормы в гл. 19 УК РФ обосновывается тем, что основным объектом посягательства при сталкинге выступают конституционные права граждан на неприкосновенность частной жизни, личную свободу и безопасность, что соответствует содержанию данной главы.

Практическая значимость исследования состоит в формулировании конкретных научно обоснованных предложений по совершенствованию уголовного и административного законодательства, которые могут быть непосредственно использованы в правотворческой деятельности для повышения эффективности защиты граждан от навязчивого преследования, а также в

правоприменительной практике для улучшения качества расследования дел данной категории и обеспечения адекватной защиты потерпевших.

Секция 2

Процессуальные проблемы предварительного следствия и пути их разрешения

М.С. Бизюкова¹,
М.А. Типоченкова²

Научный руководитель: В.Д. Дармаева³

^{1,2,3} Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

Заочное предварительное расследования: баланс между правами обвиняемого и интересами правосудия

Аннотация. В представленной статье рассматривается вопрос проведения заочного предварительного расследования в связи с отсутствием подобной правовой регламентации в нормах УПК РФ. Авторы рассматривают проблему привлечения к уголовной ответственности иностранных наёмников, которые принимают участие в вооружённом конфликте на стороне украинских формирований, в условиях невозможности установления их местонахождения и как следствие задействие в производстве по уголовному делу. Авторы анализируют нормы УПК РФ и приходят к выводу о том, что заочное предварительное расследование не получило правовой регламентации и закрепления в его нормах. В завершении исследования делается вывод о необходимости дальнейшей правовой регламентации заочного предварительного расследования для обеспечения законности и справедливости.

Ключевые слова: заочное предварительное расследование, УПК РФ, право на защиту, право на обжалование процессуальных действий и решений, соотношение прав личности и интересов государства.

В настоящее время обеспечение национальной безопасности российского государства является одной из приоритетных задач, стоящих перед субъектами государственной политики, в частности это связано с проведением специальной военной операции, а также обострением во взаимоотношениях с коллективным западом, в том числе в связи с осуществлением ими санкционной политики в отношении Российской Федерации.

Наибольшую сложность представляет вопрос, связанный с последствиями так называемого «украинского вопроса», а именно рост преступлений, совершаемых как гражданами Украины, так и с территории Украины. Так, первый заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации Кабурнеев Э.В. отметил, что с 2014 года российскими различными службами было возбуждено 8167 уголовных дел о преступлениях, совершенных киевским режимом. По данным проведенных разбирательств установлено, что пострадало в результате преступных деяний украинской стороны 27 тысяч человек, составляющих мирное население, 7240 из которых были убиты, в том числе 225 человек относятся к категории лиц, не достигших 18 лет. На данный момент времени в

отношении 674 лиц поставлены обвинительные приговоры¹. По мере проведения специальной военной операции украинской стороной регулярно осуществляются посягательства на безопасность российского государства, в том числе и на объекты уголовно-правовой охраны.

Однако не только граждане Украины совершают преступные посягательства в отношении Российской Федерации, но и иностранцы, являющиеся гражданами различных государств, которые за денежное вознаграждение принимают участие в боевых действиях на стороне Украины. Особую сложность данная категория дел получает в связи со спецификой субъекта, а именно вхождение в вооруженное формирование, действующее против Российской Федерации. Такие обстоятельства исключают возможность международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, соответственно отсутствует возможность установить их местонахождение. Несмотря на это, в отношении этих лиц проводится предварительное следствие и выносятся судебные решения. Так, на данный момент заочно были осуждены 1004 иностранных гражданина². Первый заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации Кабурнеев Э.В. также доложил Председателю Следственного комитета Российской Федерации Бастрыкину А.И. о том, что 185 уголовных дел в отношении наемников были завершены, а по 145 из них судами вынесены обвинительные приговоры.

Так, объявленный в международный розыск бразильский наемник заочно осужден за участие в вооружённом конфликте на стороне Украины по ч. 3 ст. 359 УК РФ (наемничество). В Главном следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации собрали достаточные доказательства для вынесения заочного приговора в отношении гражданина Федеративной Республики Бразилия. В ходе разбирательства установлено, что с 2023 года Диниз де Карвальо Дантас в составе вооруженных формирований, будучи наемником, получая денежное вознаграждение, выполнял приказы вышестоящего командования, участвовал в боевых действиях против военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации. По ходатайству следствия в отношении фигуранта уголовного дела заочно избрана мера пресечения в виде заключения под стражу³.

Аналогичным образом заочно осуждена к наказанию в виде лишения свободы и объявлена в международный розыск Эйра Сандра Андерсен, которой вменено участие наемника в вооруженном конфликте⁴.

В апреле 2024 года были вынесены заочные приговоры в отношении граждан Грузии, которые обвинялись в участии наемников в вооруженном конфликте на

¹ Председатель СК России провел оперативное совещание в Донецке // Следственный комитет РФ URL: <https://sledcom.ru/news/item/2023576/> (дата обращения: 06.10.2025).

² Там же.

³ Бразильский наемник заочно осужден за участие в вооруженном конфликте на украинской стороне. URL: <https://sledcom.ru/news/item/2023866/> (дата обращения: 04.10.2025).

⁴ Наемница из Норвегии заочно осуждена за участие в вооруженном конфликте на украинской стороне. URL: <https://sledcom.ru/news/item/2031961/> (дата обращения: 31.10.2025).

стороне украинских формирований. Как было установлено, Рухая и Айрапетян исходя из мотивов извлечения материальной выгоды, прибыли на территорию Украины с целью участия в соответствующих вооруженных объединениях, а именно в «Грузинский национальный регион», где были обучены, а также обеспечены необходимым снаряжением, обмундированием, а также личным огнестрельным оружием. Следователями и судом была установлена виновность в инкриминируемом им преступлении путем проведения отдельных следственных действий, а именно: допросы свидетелей, осмотры места происшествия предметов, что в совокупности помогло установить вину указанных лиц¹.

Обращаясь к нормам УПК РФ мы видим, что заочное осуждение получило правовую регламентацию, а именно, в соответствии с Федеральным законом от 21.04.2025 N 101-ФЗ «О внесении изменения в статью 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» была введена ч. 5 ст. 247 УПК РФ, в которой были закреплены случаи проведения судебного разбирательства в отсутствие подсудимого, при условии его нахождения за пределами территории Российской Федерации и (или) уклонении от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу. Однако это касается судебных разбирательств по отдельным категориям преступлений, перечисленных в данной статье, к которым не относится ст. 359 УК РФ, по которой был привлечен гражданин Бразилии. П. 3.1 ч. 1 ст. 51 в свою очередь устанавливает обязательное участие защитника при проведении заочного судебного разбирательства по данному основанию. Между тем возможность проведения предварительного следствия в отсутствие подозреваемого и обвиняемого не закреплено уголовно-процессуальными нормами. Более того, если лицо, в отношении которого проводится предварительное расследование, скрывается от следствия, его место нахождения не установлено, или место положение известно, но объективная возможность его участия отсутствует, следователь должен предпринять соответствующие меры для приостановления уголовного дела.

Рассматривая приведенный нами выше пример, видим, что следователем был проделан весь спектр работы, начиная от возбуждения уголовного дела, заканчивая направлением обвинительного заключения. Однако необходимо разобраться, на основании каких норм были приняты данные процессуальные решения. Говоря об избрании меры пресечения, стоит отметить следующие моменты. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а именно при судебном рассмотрении ходатайства об избрании данной меры пресечения, участие подозреваемого или обвиняемого обязательно, однако заочное избрание меры пресечения в данном случае возможно, так как часть 5 статьи 108 УПК РФ устанавливает возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие подозреваемого или обвиняемого в

¹ Заочно осуждены наемники из Грузии за участие в вооруженном конфликте на стороне ВСУ. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1877381/> (дата обращения: 04.10.2025).

случае объявления его в международный или межгосударственный розыск. П. 3.1 ч. 1 ст. 51 УПК в свою очередь устанавливает обязательное участие защитника при проведении заочного судебного разбирательства по данному основанию.

В случаях совершения преступления на территориях Российской Федерации, где объявлено военное положение а согласно Указу Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756 военное положение введено на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, а также в случаях избрания меры пресечения в виде заключения под стражу у следователя возникает обязанность в срок не позднее 45 суток предъявить обвинение, иначе мера пресечения будет незамедлительно отменена. Анализируя нормы, непосредственно регламентирующие институт предъявления обвинения, мы видим, что возможность заочного порядка предъявления обвинения отсутствует. В случаях неявки обвиняемого в назначенный срок, а также, когда место нахождения не установлено, обвинение надлежит предъявить в день фактической явки¹.

Продолжение предварительного расследования в условиях, предполагающих приостановление уголовного дела, является незаконным. Проведение следственных и процессуальных действий без участия обвиняемого противоречит основополагающим принципам уголовного судопроизводства, включая право на защиту и личное участие в уголовном процессе². Кроме того, ст. 217 УПК РФ предполагает, по завершении предварительного расследования уголовного дела личное ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела. В случае заочного предварительного следствия предъявить обвиняемому материалы уголовного дела не представляется возможным, что существенно нарушает требования данной статьи и права обвиняемого, закрепленные в ст. 47 УПК РФ.

Однако здесь возникает вопрос справедливости. Преступления, совершенные иностранными наемниками, являющимися участниками украинских вооруженных формирований, не должны оставаться незамеченными, а такие лица безнаказанными. Защита российского государства от различных угроз, посягающих в том числе на национальную безопасность, должна неукоснительно обеспечиваться допустимыми для исторической эпохи методами, в связи с постоянной трансформацией общества, а вместе с ним и преступности. Новые формы преступности, в частности в связи с особыми категориями субъектов, порождают новую правоприменительную практику, за которой должны следовать соответствующие изменения законодательства для того, чтобы не нарушать принцип законности, который в правовом государстве, каким является Российская Федерация, пронизывает все сферы и элементы

¹ Указ Президента Российской Федерации «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» от 19.10.2022 № 756.

² Константинова Д.М., Плотников С.И. Допустимость направления уголовного дела в суд для вынесения приговора в отсутствие обвиняемого со стадии предварительного следствия // Адвокатская газета. № 9 (434)/ 1–15 мая 2025 года.

общественной жизни. Соотношение частных и публичных интересов должно всегда находиться в балансе, однако в исключительных случаях, когда речь идет о состоянии защищенности целого государства, возможно изменение этого соотношения.

Таким образом, институт заочного предварительного расследования является необходимым и важным элементом уголовного судопроизводства в связи с тем этапом развития российской правовой системы, в котором она сейчас находится. Исходя из проведенного нами анализа мы видим, что отдельные элементы заочного производства в настоящий момент времени уже входят в систему уголовно-процессуального законодательства, однако этой правовой регламентации является не в полной мере достаточно, несмотря на это правоприменительная практика по вынесению обвинительных приговоров, а равно успешному предварительному следствию, определенным образом сложилась, что говорит о необходимости дальнейшего развития законодательства в области заочного предварительного расследования в связи с тем, что отсутствие норм, регламентирующих данный уголовно-процессуальный институт затрагивает не только права подозреваемого или обвиняемого, но и нарушает фундаментальные принципы уголовного судопроизводства, а именно состязательность сторон, обеспечение права на защиту и право на обжалование процессуальных действий, решений. В связи с чем является необходимо внести соответствующие изменения в действующий УПК РФ для преодоления сложностей, связанных с производством по делу в отношении лиц, чье местонахождение невозможно установить.

Д.Н. Васильева¹

Научный руководитель: **И.Н. Озеров²**

^{1,2}Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Проблемы приобщения к материалам уголовного дела видеозаписей, полученных оперативно-розыскным путём из АПК «Безопасный город»

Аннотация. В современный век технологий и информационного развития большую роль в доказывании преступлений по уголовным делам играют видеозаписи с камер видеонаблюдения, на которых осуществляется фиксация как самого преступления, так и путь преступника. Однако в настоящее время существует ряд проблем, связанных с использованием таких материалов в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве. В данной статье рассмотрены аспекты приобщения видеоматериалов к уголовному делу, полученных оперативно-розыскным путем с применением современной системы распознавания лиц по биометрическим данным из АПК «Безопасный город».

Ключевые слова: правоохранительные органы, АПК Безопасный город, ЕЦХД, судебная фотовидеотехническая экспертиза, судебная портретная экспертиза, отождествление личности, доказательства по уголовному делу, ОРД.

Современные урбанистические решения по обеспечению общественной безопасности включают интегрированные системы мониторинга и аналитики, объединённые в аппаратно-программный комплекс «Безопасный город». Основная предпосылка использования таких систем в расследовании преступлений – возможность получения объективных цифровых доказательств, восстановление хронологии событий, оперативного поиска подозреваемых и предотвращения преступлений в широком смысле этого слова. Реализуемая некоторыми регионами Российской Федерации аппаратно-программный комплекс (далее – АПК) «Безопасный город» (г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, г. Казань) уже доказала свою эффективность в раскрытии и предотвращении преступлений, однако зачастую возникают проблемные вопросы, связанные с приобщением видеозаписей из данной системы к материалам уголовного дела и признанием их доказательствами.

Одной из основных является проблема, связанная с тем, что идентификация, проведенная в автоматическом режиме системой обработки биометрических данных (в данном случае – по изображению лица), интегрированная в один из модулей системы «Безопасный город» не выдерживает требований УПК РФ, предъявляемых к доказательствам по уголовным делам, так как в данном случае необходимо, сохраняя негласный характер оперативно-розыскных мероприятий, найти способы интерпретации их результатов и преобразования информации, полученной оперативным путем в доказательства.¹

Согласно Приказа МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», результаты ОРД могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.² В соответствии с позицией Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 17, для придания оперативным материалам статуса

¹ Фасхутдинова Н.Р. Использование данных, полученных оперативно-розыскным путем, в доказывании по уголовному делу // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник материалов третьего Всероссийского круглого стола. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2004. С. 224–228.

² Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 "Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд" Приложение. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд.

соответствующих видов доказательств должен быть указан источник их получения, но как показывает практика, не всегда есть возможность раскритиковать источник получения видеоматериалов. На данном этапе, как показывает практический опыт, одним из способов приобщения различных оперативных материалов к уголовному делу является допрос оперативных работников в качестве свидетелей, приобщение к протоколу допроса соответствующих материалов, о которых дается показание.¹

Однако обстоятельства, связанные с получением видеозаписей из данной системы, нередко носят негласный характер, так как может быть сопряжено с разглашением конспиративных сил и средств оперативно-розыскной деятельности, а также других сведений, составляющих государственную тайну, что регулируется Федеральным законом "Об оперативно-розыскной деятельности" от 12.08.1995 № 144-ФЗ и вышеупомянутым приказом. Проведение такого следственного действия как опознание, согласно статье 193 УПК РФ, не предоставляется возможным по видео, так как законодатель регламентирует опознание только по фото подозреваемого, что также делает невозможным предоставить на опознание «скриншот» видеозаписи, предоставленной оперативными сотрудниками следователю.

Для признания видеозаписей, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности из системы АПК «Безопасный город», вещественными доказательствами, необходимо, чтобы они отвечали общим требованиям допустимости, достоверности и относимости, для чего должны быть установлены обстоятельства получения видеозаписей, личность лица, их получившего, а также место и время их получения.

Для признания предметов, документов вещественными доказательствами соответствующие материальные объекты подлежат осмотру. Выносится отдельное постановление о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств. Порядок признания предметов (документов) вещественными доказательствами непосредственно устанавливается в ч. 2 ст. 81 УПК РФ. Однако проблема может возникнуть с самим подозреваемым, который, несмотря на объективное сходство с лицом, представленным на видеозаписи, будет отрицать своё присутствие на последней, что даст возможность его защитнику оспорить такое доказательство в суде, а субъективная точка зрения следователя, указанная им в протоколе осмотра предметов (документов), не в полной мере соответствует признаку допустимости, применяемого к доказательствам по уголовному делу, так как самостоятельно установить точное сходство лица, зафиксированного на видеозаписи и подозреваемого (обвиняемого) не представляется возможным ввиду отсутствия специальных знаний в области портретной экспертизы у следователя. Задачей осмотра является фиксация событий, а не проведение идентификации того или иного лица.

1 Оперативно-розыскная деятельность: совершенствование форм вхождения ее результатов в уголовный процесс: Учебно-практическое пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Изд. Шумилова И.И., 2004. С. 84.

Отсюда вытекает следующая проблема - идентификация и аутентификация лица, с целью отождествления личности подозреваемого с лицом, представленном на видеоизображении, полученным из АПК «Безопасный город». В данной ситуации, возникает необходимость проведения судебной портретной экспертизы, а также судебной фотовидеотехнической экспертизы (ФВТЭ). Это связано с тем, что несмотря на высокий процент совпадения лица в системе «Безопасный город» (от 78%, рекомендованных для аутентификации конкретного лица), сама система распознавания лиц (основанная на работе искусственного интеллекта) не является аргументом по УПК, а также другим нормативно-правовым документам обоснованием для придания видеозаписи правомерного доказательственного значения. Помимо этого, необходимость в проведении данных экспертиз возникает и для решения вышеуказанной проблемы приобщения видеозаписи к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства.

Необходимость в проведении именно указанных экспертиз, принадлежащих к разным родам, обусловлена тем, что для проведения портретной экспертизы необходимо предоставление качественных видеозаписей, а объектами фотовидеотехнической экспертизы являются цифровые фотоснимки, видеозаписи (выделенные из них фрагменты, кадры, отдельные изображения), а также технические средства, используемые для их изготовления.

В идентификационные задачи судебной фотовидеотехнической экспертизы входят: идентификация предметов, помещений и участков местности, запечатленных фото-, видеосъемкой (идентификация личности по признакам внешности относится исключительно к компетенции портретной экспертизы); идентификация технических средств изготовления фотоснимков и видеозаписей (устройств фотовидеофиксации), а также установление общего источника происхождения нескольких фото-, видеоизображений.

Назначению портретной экспертизы предшествует выбор необходимых объектов экспертизы, например, видеозаписи, которые являются вещественными доказательствами. Наиболее значимыми для нас, из перечисленных идентификационных задач, как мы видим, является идентификация технических средств изготовления фотоснимков и видеозаписей (устройств фотовидеофиксации), а также установление общего источника происхождения нескольких фото-, видеоизображений, так как назначению портретной экспертизы предшествует выбор необходимых объектов экспертизы, например, видеозаписи, которые являются вещественными доказательствами. Проблемным аспектом по данному вопросу выступает предоставление низкокачественных фото и видео изображений.¹

Таким образом, фотовидеотехническая экспертиза является необходимым методологическим и процессуальным шагом перед проведением портретной экспертизы. Она обеспечивает законность, доказательственную надёжность и

1 На основе информации, опубликованной на официальном сайте Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской. URL: <http://sec.sledcom.ru/categories/vte.html> (Дата обращения: 07.10.2025).

корректность методики опознания, снижает риски отторжения доказательства и повышает качество экспертных выводов. Следователям рекомендуется инициировать ФВТЭ как обязательный этап при работе с видеоматериалами из АПК «Безопасный город», перед проведением судебной портретной экспертизы.

Назначение и проведение портретной экспертизы также обусловлено рядом определенных проблем. Министерство Юстиции определяет портретную экспертизу (габитоскопическую) как род класса криминалистических экспертиз, проводимая в целях установления личности по признакам внешности, зафиксированным на различных объективных отображениях и выполняемая с помощью специализированных методов исследования. Одним из возможных представленных на данную экспертизу объектов как раз может являться видеозапись, полученная из АПК «Безопасный город» по запросу следователя, направленному в оперативное подразделение.

Предметом судебно-портретной экспертизы является диагностика и отождествление личности по портретным изображениям.¹ Однако в экспертных центрах, проводящих экспертизы подобного рода (ЭКЦ МВД, ФСБ, РФЦСЭ при Минюсте России) мы можем встретить отличные друг от друга названия указанной экспертизы. Не конкретизирован так же и перечень вопросов, ставящихся на разрешение экспертов. Понятно, что формулировка вопросов зависит от каждой конкретной следственной ситуации, однако обобщенный перечень вопросов сформулировать всё-таки необходимо в целях унификации.

Суть данной проблемы заключается в том, что приведение к единому стандарту данного вопроса и закрепление его в межведомственном нормативно-правовом акте существенно бы облегчила работу следователей и экспертов. Примерные вопросы судебной портретной экспертизы, традиционно можно разделить на два блока: вопросы, решающие идентификационные задачи (например, «Изображено ли на представленных на экспертизу фото/видео записях лицо, сравнительный образец которого представлен на экспертизу?», «Одно или разные лица изображены на представленных фото/видео записях?») и диагностические (например: «Какова половая принадлежность лица, изображенного на фото/видео записях?» «К какому антропологическому типу относится лицо, изображенное на фото/видео записях?» «К какому типу телосложения (конституционному типу) относится лицо, изображенное на фото/видео записях?» «К какой возрастной группе относится человек, изображенный на фото/видео записях?»).

Следователю, в назначении данной экспертизы с целью идентификации и аутентификации лица с видеозаписи из АПК «Безопасный город» и полученным контрольным образцом в постановлении о назначении судебной портретной экспертизы следует большее внимание уделять вопросам, в рамках которых эксперт, осуществляющий проведение портретной экспертизы будет решать идентификационные задачи, которые как раз включают в себя отождествление

¹ На основе информации, опубликованной на официальном сайте Центра судебной экспертизы имени профессора А.Р. Шляхова при Министерстве юстиции Российской Федерации. URL: <https://sudexpert.ru/possib/portrait.php> (Дата обращения: 07.10.2025).

изображенных на фото и видеоизображениях лиц. В рамках диагностических задач решаются, в основном, вопросы установления пола и возраста запечатленных лиц, антропологического типа, определения пригодности изображений для идентификации и т.д.

Таким образом, в настоящее время существует проблема отсутствия систематизации и унификации действий следователей при приобщении видеозаписей из АПК «Безопасный город», полученных оперативно-розыскным путём к материалам уголовного дела, что создает риск утраты одних из наиболее значимых доказательств по уголовному делу, увеличения сроков расследования преступлений уголовной направленности и ряд других, не менее важных, проблем. Решение данного вопроса, а именно составление методических рекомендаций по назначению ряда экспертиз, включающих перечень конкретных вопросов к каждой из них, помогли бы усовершенствовать уголовное судопроизводство в целом, и значительно повысить качество работы следователей в разных регионах нашей страны – в частности.

Считаем необходимым разработать и подготовить методики назначения указанных экспертиз для следователей, содержащие примерный перечень вопросов, а также порядок действий по приобщению видеоматериалов, полученных из АПК «Безопасный город» в качестве вещественных доказательств к материалам уголовного дела.

Д.А. Горбатов¹

Научный руководитель: **И.Н.Озеров²**

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

К вопросу о правовом регулировании взаимодействия следователя с оперативными подразделениями при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационных технологий

Аннотация. В настоящей работе исследуется тема правового регулирования взаимодействия следователя с оперативными подразделениями при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, рассмотрены правовые аспекты процессуальной и не процессуальной (организационной) форм взаимодействия, рассмотрена проблема легализации результатов оперативно-розыскной деятельности по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием информационных технологий.

Ключевые слова: расследование, цифровые технологии, оперативно-розыскная деятельность, уголовный процесс, следователь, орган дознания.

Сфера уголовного судопроизводства, в том числе и взаимодействия следователей с оперативными подразделениями, регулируется рядом нормативно-правовых актов Российской Федерации, а также ведомственными актами.

В первую очередь стоит указать, что производство по уголовному регулирует Конституция Российской Федерации¹, являющаяся ядром российской правовой системы, в связи с чем она регулирует общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства.

Основой взаимодействия следователя с органом дознания служат положения, предусмотренные ст.ст. 2, 15, 17, 23-25, 46, 49, 55-56 Конституции Российской Федерации. Несомненно, указанные нормы Конституции РФ являются базовыми нормами-принципами, которые в последующем реализуются в положениях УПК РФ.

Кроме того, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации принципы и нормы международного права, а также международные договоры являются составной частью российской правовой системы. Поскольку «киберпреступления» характеризуются трансграничным характером, то есть само преступление может быть совершено как на территории России, так и на территории иностранного государства, направленное против граждан, безопасности и интересов Российской Федерации, что подтверждается принципом экстерриториальности уголовного закона, закрепленным в ч. 3 ст. 12 УК РФ. Следовательно, стоит указать, что в уголовном судопроизводстве занимают особое место международные источники, к которым можно отнести следующие: Конвенция ООН против киберпреступности², Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности³, Конвенция ООН о правах ребенка⁴, включая протоколы к ней и иные акты международных организаций (на уровне СНГ и ШОС), Устав международной уголовной полиции «Интерпол»⁵, а также международные договоры о правовой помощи по уголовным делам.

На уровне федерального закона основу регулирования взаимодействия следователя с оперативными подразделениями составляют УПК РФ,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. № 144 (8198). 2020. 4 июля.

² Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям, принятая Резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи от 24.12.2024 // Конвенции и декларации Организации объединенных наций. URL: www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243 (дата обращения: 01.11.2025).

³ Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятая Резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15.11.2000 // Конвенции и соглашения. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 01.11.2025).

⁴ Конвенция Организации объединенных наций по правам ребенка, принятая Резолюцией 44/25 Генеральной ассамблеи от 20.11.1989 // Конвенции и соглашения. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 01.11.2025).

⁵ Устав международной уголовной полиции Интерпол: Многосторонние договоры. URL: www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateralcontrat/51357/ (дата обращения: 01.11.2025).

Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»², Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»³, Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»⁴, а также ведомственные и межведомственные нормативные акты.

Определение правовой основы взаимодействия следователей с оперативными подразделениями неразрывно связано с формами взаимодействия, в связи с чем нами предлагается рассмотреть формы взаимодействия и правовое регулирование во взаимосвязи.

Ранее отмечалось, что одной из форм взаимодействия является процессуальная форма. Как следует из наименования формы ее регулирование осуществляется на основе норм УПК РФ.

А.М. Багмет отмечал, что процессуальное взаимодействие следователя с оперативными подразделениями выражается в: «организации и деятельности следственной группы, деятельность органа дознания по поручению следователя, а также в оказании содействия следователю при производстве следственных действий»⁵.

Основой выступает положение, закрепленное в п. 4 ч. 1 ст. 38, согласно которому следователь уполномочен давать органу дознания (в настоящем исследовании понятия органа дознания и органа, осуществляющий ОРД (оперативного подразделения) являются тождественными) «обязательные для исполнения письменные поручения о проведении ОРМ, отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении». Указанное полномочие вытекает из руководящей роли следователя в ходе расследования уголовного дела, при этом направление поручений является правом следователя (соответственно следователь, как независимая процессуальная фигура, должен действовать исходя из своих внутренних убеждений, не злоупотребляя и, что не менее важно, не передавая предоставленные ему Законом полномочия другим лицам), а для органа дознания процессуальное решение следователя (вынесение поручения) выступает юридическим фактом, при котором возникает обязанность его

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.11.2025)

² О Следственном комитете Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.11.2025)

³ О полиции: федер. закон Рос. Федерации от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.11.2025)

⁴ О федеральной службе безопасности: федер. закон Рос. Федерации от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.11.2025)

⁵ Багмет А.М. Процессуальное взаимодействие следователя с органом дознания при расследовании преступлений // Расследование преступлений. 2017. № 3. С. 31–35.

исполнить. При этом, УПК РФ не устанавливает конкретных сроков его исполнения, в связи с чем нами представляется, что исполнение поручения должно исходить из разумных сроков уголовного судопроизводства, закрепленных в ст. 6.1 УПК РФ, а также сроков предварительного следствия, установленных в ст. 162 УПК РФ.

По нашему мнению, отсутствие сроков исполнения поручения следователя является пробелом в законодательстве, в связи с чем необходимо установление конкретных сроков его исполнения (поскольку как следует из материалов следственной практики, поручения следователя не исполняются длительное время, в связи с чем происходит «затягивание» расследования уголовного дела, что может нарушить права участников уголовного судопроизводства).

Следует указать, что в указанной норме используется формулировка «поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий», в связи с чем нами ставится вопрос о том, что необходимо ли следователю в процессуальном документе указывать, какие ОРМ необходимо провести сотрудникам оперативных подразделений. Как следует из нормы следователь в этом неограничен, однако процессуальный закон об этом не упоминает. Исходя из анализа материалов следственной практики следует, что в большинстве случаев следователь в резолютивной части поручения указывает о производстве «комплекса оперативно-розыскных мероприятий», не указывая конкретные ОРМ, тем самым, не входя в компетенцию сотрудников, осуществляющих ОРД. По нашему мнению, поручать проведение конкретных ОРМ или без их упоминания необходимо в зависимости от следственной ситуации по уголовному делу.

Направление поручения о проведении ОРМ неразрывно связано с применением норм Закона об ОРД. В соответствии со ст. 2 одной из задач ОРД является «выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших», что вытекает из необходимости исполнения поручения следователя. Кроме того, в ч. 2 ст. 14 Закона установлена корреспондирующая УПК РФ норма, согласно которой органы, осуществляющие ОРД, обязаны «в пределах своих полномочий исполнять поручения следователя о проведении ОРМ по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящихся в его производстве».

Результатом проведения ОРМ являются представленные следователю результаты ОРД, под которыми в соответствии с п. 36.1 ст. 5 УПК РФ понимаются «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда», при этом в соответствии со ст. 11 Закона об ОРД «результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных действий», и кроме того, согласно ст. 89 УПК РФ использование результатов ОРД в доказывании по уголовному делу запрещается в случаях, когда результаты не отвечают требованиям,

предъявляемым к доказательствам УПК РФ. Поскольку результаты ОРД не являются доказательством по уголовному делу, то использование таких сведений требует дальнейшей легализации информации на различных этапах расследования уголовного дела.

Правовая норма п. 4 ч. 1 ст. 38 УПК РФ является общей и устанавливающей процессуальный статус следователя, в дальнейшем положения УПК РФ развивают данную норму. Так, на стадии возбуждения уголовного дела и производства доследственной проверки согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ следователь вправе направлять органу дознания поручения о производстве ОРМ. По нашему мнению, предоставление такого права следователю на столь раннем этапе расследования, когда признаки преступления еще не установлены, является положительным, поскольку не все обстоятельства возможно установить следственным путем, в связи с чем необходимо привлечение оперативных сотрудников, кроме того, поскольку стадия возбуждения уголовного дела характеризуется оперативностью реагирования на возможное преступление, проведение ОРМ может ускорить процесс поиска информации – т. н. «по горячим следам».

Статус оперативного подразделения (органа дознания в понимании УПК РФ), как участника уголовного судопроизводства, регламентирован положениями ст. 40 УПК РФ, согласно которому на орган дознания возлагаются полномочия, предоставленные УПК РФ, в связи с чем правовая норма сформулирована как отсылочная и отсылает к ранее описанным положениям УПК РФ.

На стадии предварительного расследования норма о поручении на проведение ОРМ отсутствует, однако в ч. 1 ст. 152 УПК РФ упоминается, что следователь вправе поручить органу дознания проведение «розыскных действий» (раннее в ст. 5 УПК РФ дает разъяснение понятие розыскных мер, в связи с чем предполагаем, что в системе УПК РФ указанные понятия являются тождественными). Нами предполагается, что для осуществления розыска лица так же возможно проведение ОРМ, в связи с чем указанная норма связана с положением ст. 38 УПК РФ. Кроме того, законодатель установил срок исполнения указанного поручения – 10 суток, что отсутствует в п. 4 ч. 1 ст. 38 УПК РФ.

Вне всяких сомнений, частью организации предварительного следствия является создание следственных групп для расследования преступлений, в том числе и преступлений, совершенных с использованием информационных технологий.

На основании ч. 2 ст. 163 УПК РФ следует, что к работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих ОРД. Указанное является одной из форм процессуального взаимодействия следователя с оперативными подразделениями.

Далее формой процессуального взаимодействия является содействие (участие) оперативных сотрудников при производстве следственных и процессуальных действий. Так, указанные лица могут участвовать при производстве: различных видов осмотра, обыска (выемки), допроса, проверки показаний на месте и другие следственные и процессуальные действия.

Применительно к тематике расследования преступлений, совершенных с использованием ИКТ стоит указать, что привлечение оперативных сотрудников при производстве следственных действий так же представляется возможным, поскольку оперативные сотрудники подразделений УБК МВД России обладают компетенцией и знаниями в области информационных технологий, в связи с чем они могут осуществлять содействие при поиске, фиксации и изъятии (упаковке) объектов, содержащих следы преступлений, в том числе и «цифровых следов». При этом, оперативный сотрудник не должен подменять собой специалиста, хотя может участвовать в производстве в таком статусе, поскольку для участия специалиста вынесения отдельного процессуального решения следователя не требуется. Помимо этого, оперативный сотрудник правомочен на пресечение действий, способствующих утрате следов преступления (например, в случаях, когда подозреваемый осуществил попытку выключить персональный компьютер, в оперативной памяти которого имеется информация, представляющая интерес для предварительного следствия).

Таким образом, нами исследовано существо и правовое регулирование процессуальных форм взаимодействия следователей с оперативными подразделениями при расследовании преступлений.

Далее, как справедливо отмечал И.Ф. Герасимов¹, помимо процессуальной формы существует организационная (не процессуальная) форма взаимодействия следователя с оперативными подразделениями, и, соответственно, ее регулирование осуществляется вне рамок УПК РФ, а на основе сложившейся практики и норм ведомственных нормативных актов.

В соответствии с п. 1.1 Приказа СК России от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации»² гласит о том, что при расследовании и раскрытии преступлений следователям подразделений СК России надлежит осуществлять эффективное взаимодействие с органами, осуществляющими ОРД. Кроме того, п. 1.29 указанного акта устанавливается, что к участию в оперативных совещаниях, проводимых по вопросам расследования уголовных дел, могут приглашаться сотрудники органов, осуществляющих ОРД.

Помимо сказанного, следует отметить, что в аспекте взаимодействия особое место занимает легализация результатов ОРД в уголовном деле.

Базовой нормой для использования оперативной информации, оформленной в качестве результатов ОРД, выступает положение, предусмотренное ст. 89 УПК РФ, о запрете использования результатов ОРД в доказывании, если они не отвечают признакам, предъявляемым к доказательствам (относимости, допустимости и достаточности).

¹ Криминалистика: Учеб. для вузов / И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, Е.П. Ищенко и др.; под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 2000. 672 с.

² Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации: Приказ СК России от 15 января 2021 г. № 2. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.03.2025).

Кроме того, нами отмечается, что использование оперативной информации в уголовном судопроизводстве может рассматриваться в двух аспектах:

- использование оперативной информации в качестве результатов ОРД с наделением их признаками доказательств;
- легализация оперативной информации непосредственно при производстве следственных действий, без представления результатов ОРД следователю в силу признака конспирации такой деятельности.

Говоря об использовании результатов ОРД в качестве доказательств, профессор А.А. Бессонов отметил, что категория результатов ОРД соответствует легальному и доктринальному подходу к пониманию доказательств в уголовном процессе в целом и предлагает дополнить перечень доказательств новым – результаты ОРД¹.

При этом, применительно к расследованию преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, какой-либо специфики не выделяется, поскольку порядок и процедура представления являются общими для всех видов и категорий преступлений. С точки зрения следственной практики так же каких-либо особенностей нами выявлено не было. Однако стоит отметить, что, как правило, по категории преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, информация получена из цифровых источников (сеть Интернет, цифровые носители информации, мобильные телефоны, абонентские соединения и проч.), в связи с чем возникает необходимость в представлении, кроме обязательных компонентов, носителей и устройств, где обнаружена и зафиксирована такая информация. По большинству нами рассмотренных уголовных дел следует, что представление результатов ОРД ограничено лишь вынесением рапорта и постановления о представлении результатов ОРД в орган дознания, следователю или в суд, что, по нашему мнению, является проблемой, поскольку в случае промедления получения сведений из цифровых источников грозит утратой информации, имеющей значение для уголовного дела. Для решения указанной проблемы следователю необходимо оперативно совершить совокупность следственных и процессуальных действий (что влечет возможное затягивание сроков предварительного следствия): производство поисковых следственных действий, направленных на поиск, изъятие и фиксацию доказательственной информации (производство осмотра места происшествия, обыска, выемки, получения детализации об абонентских соединениях), далее производство следственных действий, направленных на закрепление полученной доказательственной информации.

¹ Бессонов А.А. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Уголовное право. 2016. № 2. С. 116–124

О понятии нерегламентированных уголовно- процессуальным законом следственных документов

Аннотация. В статье рассматривается понятие «нерегламентированные уголовно-процессуальным законом следственные документы», которое не получило широкого распространения в научной и учебной литературе. При этом автором обосновывается теоретическая и практическая значимость данного понятия. С учетом анализа законодательных и научных положений, а также сложившейся следственно-судебной практики предлагается авторское определение таких процессуальных документов следователя.

Ключевые слова: законодательная регламентация, процессуальные действия, процессуальные решения, следственные документы, уголовно-процессуальные документы, уголовно-процессуальный закон, следователь.

В последнее время в практической деятельности следователей Следственного комитета Российской Федерации и иных правоохранительных органов наметилась тенденция восполнения процессуальных документов ¹, составляемых ² в ходе расследования преступлений, путем создания новых документов, не регламентированных ³ уголовно-процессуальным законом ⁴. Следователи ввиду наличия различных правовых пробелов стали все чаще составлять документы, возможность и необходимость подготовки которых не предусмотрена правовыми нормами⁵.

Так, по уголовному делу по обвинению В. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, в ходе осмотра места происшествия были изъяты тканевые лоскуты и смывы вещества красно-бурого цвета. Однако,

¹ Понятия «уголовно-процессуальные документы» и «процессуальные документы» рассматриваются как равнозначные.

² Понятия «составление», «изготовление» и «подготовка» применительно к уголовно-процессуальным документам рассматриваются как равнозначные.

³ Понятия «регламентированные», «предусмотренные» и «урегулированные» применительно к уголовно-процессуальным документам рассматриваются как равнозначные.

⁴ В настоящей статье под уголовно-процессуальным законом понимается вся совокупность многообразных законодательных и иных нормативных правовых актов, которые содержат правовые нормы, регулирующие общественные отношения по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, входящих в предмет отрасли уголовно-процессуального права.

⁵ Лотоцкий А.С. Допустимость внесения исправлений в процессуальные документы, а также их исправление путем составления иных документов, не предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты: Материалы VII всероссийской научно-практической конференции. 25 ноября 2021 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). 2021. С. 122.

пояснительные надписи на их упаковках содержали техническую ошибку – неверный номер комнаты, где были изъяты объекты. В дальнейшем данные ошибочные сведения были занесены в протокол осмотра места происшествия, протокол осмотра предметов, а также в заключения биологических судебных экспертиз. После обнаружения указанной технической ошибки следователем ввиду отсутствия в законе правового механизма устранения допущенных в ходе расследования преступлений технических ошибок было вынесено постановление об уточнении данных, не регламентированное уголовно-процессуальным законом¹.

В связи с этим в научной и учебной литературе некоторыми исследователями предлагается классификация следственных² и иных процессуальных документов в зависимости от их регламентации уголовно-процессуальным законом на две большие группы: регламентированные и соответственно нерегламентированные уголовно-процессуальным законом³.

Вместе с тем, в юридической литературе авторами не дается четкое определение понятия «нерегламентированные уголовно-процессуальным законом следственные документы», а лишь, как правило, приводятся их конкретные разновидности и обосновывается целесообразность их подготовки (постановление об уточнении данных, постановление о переквалификации преступления и т.д.)⁴.

При этом, определение содержания данного понятия имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Так, с одной стороны, это даст возможность наиболее полно и всесторонне исследовать понятие, сущность, признаки и виды процессуальных документов следователя в целом. С другой стороны, определение содержания понятия «нерегламентированные уголовно-процессуальным законом следственные документы» позволит выделить особенности правил составления таких документов, от которых напрямую зависит их законность, обоснованность и мотивированность⁵.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению данного вопроса и обосновать свою точку зрения, необходимо определиться с содержанием законодательной

¹ Приговор Автозаводского районного суда г. Нижнего Новгорода от 03.12.2021 № 1-619/2021 URL: https://avtozavodsky-nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srnum=1&name_op=doc&number=210007056&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 27.10.2025).

² В данной статье под понятием «следственные документы» понимаются процессуальные документы, составляемые следователем и иными участниками уголовного судопроизводства, осуществляющими расследование преступлений (дознаватель, следователь-криминалист и т. д.).

³ Денисов Е.А. Еще раз о классификациях составляемых следователем процессуальных документов // Журнал юридических исследований. 2024. №. 4. С. 91.

⁴ Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2011. С. 406–411, 418–419; Он же: Документы предварительного расследования: понятие и классификация // Российский следователь. 2009. № 7. С. 2–5; Николаева Н.М. Письменность предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2002. С. 47, 48, 49, 50, 51, 58, 59, 71 и 72.

⁵ Досудебное производство в уголовном процессе: научно-практическое пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Б.Я. Гаврилов, А.А. Ильюхов, А.М. Новиков, Н.В. Османова. М.: Юнити-Дана, 2017. С. 181–182.

регламентации уголовно-процессуальных документов, которое, по нашему мнению, включает в себя следующие обязательные и факультативные компоненты:

1) Конкретные закрепленные в законе процессуальные действия (п. 32 ст. 5 УПК РФ) или решения (п. 33 ст. 5 УПК РФ).

Процессуальные действия следователя (следственные действия в широком смысле слова) – это любые действия, которые совершает следователь в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом¹. К ним относятся следственные действия в узком смысле слова как процессуальные действия познавательного характера, направленные на собирание доказательств (осмотр, обыск, допрос и т.д.), так и иные процессуальные действия (ознакомление заинтересованных лиц с постановлением о назначении судебной экспертизы, уведомление потерпевшего и обвиняемого об окончании следственных действий и др.)².

Процессуальные решения следователя – это принимаемые следователем в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, решения, то есть осознанный волевой процесс выбора способа процессуального действия³. К ним относятся, к примеру, решения о возбуждении уголовного дела, о производстве выемки, о предъявлении обвинения и др.

Как справедливо отмечают А.В. Земскова, О.В. Химичева и М.А. Кунашев, «... отсечь процессуальные решения от процессуальных действий невозможно». Многие следственные действия проводятся на основании принятия процессуальных решений об их проведении, в основе принятия процессуальных решений нередко лежат результаты проведенных следственных действий⁴.

2) Реквизиты документов – совокупность определенных элементов документов, которые определяют их форму и содержание.

Форма следственного документа – это необходимая совокупность элементов для правильного его оформления (вид, наименование, дата, время и место составления, сведения об авторе и др.) и изложения его содержания (структурные части)⁵.

Так, с точки зрения процессуальной формы следственные документы можно разделить на следующие виды: постановления, поручения, представления, протоколы, обвинительные заключения, иные процессуальные документы

¹ См.: Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. С. 69–70; Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970. С. 147–148.

² Юсупкадиева С.Н. О понятии и сущности следственного действия // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. № 2. С. 166.

³ См.: Гумеров Т.А., Крюченкова А.О. Решения следователя на досудебных стадиях // ВЭПС. 2014. № 1. С. 87.

⁴ Земскова А.В., Химичева О.В., Кунашев М.А. Усмотрение следователя в уголовном судопроизводстве (теоретико-правовые и прикладные аспекты): монография. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 74.

⁵ Мельников И.И., Качалов В.И., Качалова О.В., Карпов Е.А. Процессуальные и служебные документы следователя. Учебно-практическое пособие. М.: Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ»; ЭКМОС, 2001. С. 8–9.

следователя (рапорты об обнаружении признаков преступления, уведомления и др.).

Процессуальные решения следователя находят свое отражение, в частности, в постановлениях (п. 25 ст. 5 УПК РФ), поручениях (ч. 4 ст. 21, п. 4 и 4.1 ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 152, ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ) и представлениях (ч. 2 ст. 158 УПК РФ), которые выражают его волеизъявление, носят волевой характер и приводят к возникновению, изменению и (или) прекращению уголовно-процессуальных правоотношений¹. При этом, в одном следственном документе может быть закреплено несколько процессуальных решений, например, в постановлении о возбуждении уголовного дела – решение о возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 146 УПК РФ), решение о принятии уголовного дела к своему производству (ч. 1 ст. 156 УПК РФ), решение о направлении уголовного дела прокурору для определения подследственности (ч. 3 ст. 146 УПК РФ), решение о производстве предварительного следствия следственной группой (ч. 1 ст. 163 УПК РФ).

В протоколах следователь фиксирует факт производства проводимых или проведенных им следственных (ст. 166 УПК РФ) и иных процессуальных действий, их содержание, ход и результаты.

Уголовно-процессуальный закон не содержит конкретное наименование ни одного следственного документа. В практической деятельности следственных органов при составлении того или иного процессуального документа его наименование, как правило, определяется в зависимости от рассмотренного нами конкретного его вида, а также от произведенного процессуального действия или принятого процессуального решения (например, при допросе подозреваемого составляется «Протокол допроса подозреваемого», при признании потерпевшим – «Постановление о признании потерпевшим»).

Элементы изложения содержания следственного документа также напрямую зависят от конкретной его разновидности. Например, по причине отсутствия в уголовно-процессуальном законе структуры постановлений правоприменительная практика выработала общепринятую трехзвенную структуру таких следственных документов: вводная, описательно-мотивировочная и резолютивная, а также выработала обязательное правило указывать перед резолютивной частью ссылки на статьи уголовно-процессуального закона, содержащие применяемые следователем правовые нормы.

Содержание следственного документа – это текстовая информация (как правило), зафиксированная типографским, рукописным и (или) машинописным способами, а также иная информация (графические изображения, схемы, чертежи, рисунки и др.), непосредственно содержащиеся в документе следователя².

¹ Попова И.П. Требования к процессуальным решениям следователя // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 3. С. 219–228.

² Аксаментова О.П. О понятии информации в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 1 (43).

Текстовая информация структурно состоит из слов, словосочетаний, предложений, абзацев и т.д., которые находятся в иерархической взаимосвязи¹.

3) Специальные условия составления документов – совокупность юридических и фактических оснований, необходимых для составления конкретного следственного документа, например, для постановления о возбуждении уголовного дела – наличие повода и основания, предусмотренных ст. 140 УПК РФ, для протокола очной ставки – предшествующие допросы лиц, между которыми проводится очная ставка (ч. 1 ст. 192 УПК РФ).

Конкретные закрепленные процессуальные действия или решения являются основным и обязательным компонентом содержания законодательной регламентации любых следственных документов, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Реквизиты документов и специальные условия их составления

являются факультативными компонентами, поскольку урегулированы уголовно-процессуальным законом применительно не ко всем документам следователя, предусмотренным уголовно-процессуальным законом.

Так, в зависимости от степени регламентации уголовно-процессуальным законом, урегулированные им следственные документы могут быть разделены на:

1) Документы, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законом одновременно в части закрепленного ими процессуального действия или решения, их формы и содержания, специальных условий их составления. К их числу относится постановление о привлечении в качестве обвиняемого: закрепленное процессуальное решение – решение о привлечении лица в качестве обвиняемого обвинение лица в совершении преступления (ч. 1 ст. 171 УПК РФ); форма – постановление (п. 1 ч. 1 ст. 47 и ч. 1 ст. 171 УПК РФ), содержание – дата и место его составления, кем составлено постановление, фамилии, имени и отчества лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, числа, месяца, года и места его рождения и т.д. (ч. 2 и 3 ст. 171 УПК РФ); специальные условия составления – наличие достаточных данных, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления (ч. 1 ст. 171 УПК РФ);

2) Документы, урегулированные уголовно-процессуальным законом только в части закрепленного процессуального действия или решения, их формы и специальных условий их составления без указания на их содержание (не учитывая содержание в виде общих условий производства следственных действий (ст. 164 УПК РФ)), например, постановление о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств: закрепленное процессуальное решение – решение о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств (ч. 1 ст. 81 УПК РФ); форма – постановление (ч. 2 ст. 81 УПК РФ); специальные условия составления – предшествующий

С. 27–34; Загорский Г.И., Качалов В.И. Процессуальные (судебные) акты в уголовном процессе: учеб. пособие для вузов. М.: РАП, 2014. С. 8.

¹ Загорский Г.И., Качалов В.И. Указ. соч. С. 29.

осмотр предметов и документов, признаваемых вещественными доказательствами (ч. 1 ст. 81 УПК РФ);

3) Документы, регламентированные уголовно-процессуальным законом только в части закрепленного процессуального действия или решения и их формы без указания на их содержание (не учитывая содержание в виде общих условий производства следственных действий (ст. 164 УПК РФ)) и специальные условия составления, например, постановление о признании потерпевшим: закрепленное процессуальное решение – решение о признании потерпевшим (ч. 1 ст. 42 УПК РФ); форма – постановление (ч. 1 ст. 42 УПК РФ);

4) Документы, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законом только в части закрепленного ими процессуального действия или решения, без указания на их форму и содержание (не учитывая содержание в виде общих условий производства следственных действий (ст. 164 УПК РФ)), специальные условия составления, например, постановление о передаче уголовного дела руководителю следственного органа для направления по подследственности: закрепленное процессуальное решение – решение о передаче уголовного дела руководителю следственного органа для направления по подследственности (п. 2 ч. 2 ст. 38 и ч. 5 ст. 152 УПК РФ).

По нашему мнению, нерегламентированные уголовно-процессуальным законом документы следователя в отличие от документов первой группы характеризует полное отсутствие их нормативного правового регулирования. Возможность и необходимость составления таких документов не предусмотрены уголовно-процессуальным законом, не вытекают из него и им не подразумеваются. Закрепление в УПК РФ и иных нормативных правовых актах, определяющих порядок уголовного судопроизводства, хотя бы одного из рассмотренных компонентов (конкретных процессуальных действия или решения; реквизитов документа; специальных условий его составления) не позволяет утверждать, что такой следственный документ не предусмотрен уголовно-процессуальным законом.

К числу таких документов можно отнести процессуальные решения следователя об уточнении данных, о переквалификации преступления, о непризнании и неприобщении к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, о допуске законного представителя несовершеннолетнего свидетеля, о допуске законного представителя умершего потерпевшего (подозреваемого, обвиняемого) и др. Составляемые при принятии подобных процессуальных решений документы (постановление об уточнении данных, постановление о переквалификации преступления, постановление о непризнании и неприобщении к уголовному делу в качестве вещественных доказательств и т.д.) являются следственными документами, не регламентированными уголовно-процессуальным законом.

Исходя из изложенного, а также с учетом сложившейся следственно-судебной практики, предлагается под нерегламентированными уголовно-процессуальным законом следственными документами понимать самостоятельную разновидность следственных документов, не определенных в качестве таковых в законодательном порядке, возможность составления которых (закрепляемые

процессуальные действия или решения, реквизиты, определяющие форму и содержание, и специальные условия составления) не предусмотрены уголовно-процессуальным законом, необходимость подготовки которых обусловлена наличием правовых пробелов и потребностью обеспечения эффективности достижения назначения уголовного судопроизводства.

С.Н. Ефимова¹

Научный руководитель: **О.В. Петрова²**

^{1,2} Санкт-Петербургская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

К вопросу о законности и обоснованности производства обыска в жилище в случаях, не терпящих отлагательств

Актуальность. Данная работа направлена на исследование уголовно-процессуального регламента производства обыска в жилище в случаях, не терпящих отлагательств. Основное внимание сосредоточено на анализе правовых условий, допускающих осуществление данного следственного действия без судебного решения, что представляет собой исключение из общего правила. Подробно рассматриваются процессуальные особенности его осуществления, а также наиболее распространенные проблемы, возникающие в правоприменительной практике. Особый акцент сделан на обеспечении конституционных прав граждан при проведении обыска и правовых последствиях несоблюдения установленных законодателем требований.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, обыск в жилище, права граждан, судебный контроль.

Исторически право на неприкосновенность жилища формировалось как защита от необоснованного вторжения государства в частную жизнь граждан. Этот принцип берет свои корни в римском праве, где понятие «domus» (дом) считалось священным и неприкосновенным. В дальнейшем, идеи о защите жилища нашли отражение в английской Великой хартии вольностей 1215 года и Билле о правах 1689 года, которые заложили основы для современных конституционных гарантий. В этих исторических документах подчеркивалась необходимость ограничения власти государства в отношении частной собственности и личной свободы граждан, что непосредственно связано с защитой их жилища.

Развитие концепции неприкосновенности жилища в России также имеет свою специфику. В дореволюционной России существовали нормы, регулирующие порядок проведения обысков и выемок, однако они не всегда обеспечивали надежную защиту прав граждан. После Октябрьской революции, в советский период, принцип неприкосновенности жилища был закреплен в конституциях, но на практике его реализация зачастую носила формальный характер. Лишь с принятием Конституции РФ 1993 года и нового Уголовно-процессуального кодекса в 2001 году были созданы более надежные правовые механизмы защиты этого фундаментального права.

Данный принцип нашел свое закрепление в ст. 12 УПК РФ, в которой неприкосновенность жилища закреплена в качестве одного из основных принципов уголовного судопроизводства, а также в ст. 3 Жилищного кодекса РФ, ст. 15 Федерального закона «О полиции» и иных нормативных актах.

Согласно п. 10 ст. 5 УПК РФ жилищем признается «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания».

Эффективное расследование преступлений является одной из приоритетных задач государства, поскольку от этого зависит поддержание правопорядка и защита прав и законных интересов граждан. Вместе с тем, в ходе предварительного расследования нередко возникает необходимость в проведении следственных действий, ограничивающих данное право, в частности, обыска в жилище. Обыск, являясь одним из наиболее результативных следственных действий, зачастую играет решающую роль в расследовании, в связи с чем вызывает немало дискуссий и вопросов, касающихся соблюдения баланса между необходимостью оперативного раскрытия преступлений и обеспечением гарантий прав граждан.

Легальное определение обыска в УПК РФ отсутствует, однако в доктрине под ним принято понимать следственное действие, направленное на отыскание и изъятие предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, и проводимое принудительно, без согласия владельца. Согласно ч. 2 ст. 164 УПК РФ, производство обыска в жилище относится к мерам, требующим санкции суда. Данная процессуальная гарантия вытекает из конституционного положения (ст. 25 Конституции РФ), согласно которому ограничение права на неприкосновенность жилища допускается исключительно по судебному решению. Таким образом, постановление следователя служит не самостоятельным основанием для производства обыска, а лишь процессуальным средством для обращения в суд за разрешением, на что справедливо обращают внимание, в частности, Н.С. Манова и П.В. Фомичев¹

Предписанный порядок получения судебного решения перед проведением обыска в жилище представляет собой реализацию конституционного механизма обеспечения прав человека. Кроме того, на наш взгляд, он обусловлен необходимостью оперативного судебного контроля за деятельностью следственных органов. Это является проявлением принципа разделения властей, закрепленного в ст. 10 Конституции РФ, поскольку судебная власть осуществляет контроль за исполнительной властью на стадии предварительного расследования. Такое законодательное решение представляет собой своего рода

¹ Манова Н.С., Фомичев П.Ф. Решение о производстве следственного действия как процессуальное основание его проведения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 208.

«компромисс» между задачей эффективного расследования и защиты основных прав личности.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)», доказательства признаются недопустимыми, в частности, при существенных нарушениях установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления¹. Схожую точку зрения можно найти и в другом постановлении, в котором отмечается, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией РФ права человека и гражданина². Проведение следственного действия из перечня, содержащегося в ч. 2 ст. 164 и ст. 165 УПК РФ, без санкции суда, фактически означает ограничение конституционных прав человека по решению следователя, что, безусловно, является нарушением последних. С учетом приведенных выше положений, нарушение основания проведения следственного действия неминуемо приведет к признанию доказательств, полученных в ходе последнего, недопустимыми.

Процедура производства обыска в случаях, не терпящих отлагательств, является уникальной в своем роде с процессуальной точки зрения. Его производство возможно только в тех случаях, когда проведение следственного действия в ординарном порядке невозможно. С нашей точки зрения подобный институт абсолютно оправдывает свое существование. Следы преступления, хоть и обладают относительной устойчивостью, но могут быть перемещены, потеряны, или уничтожены, что воспрепятствует проведению полного и всестороннего расследования. В данном случае «на чашу весов» ставятся конституционные права граждан и возможность преступника избежать справедливого наказания за совершенное им преступление.

При этом уголовно-процессуальный закон не содержит исчерпывающего перечня обстоятельств, свидетельствующих о неотложности. Верховный Суд РФ в своем Постановлении от 01.06.2017 № 19 к таковым относит:

- 1) Когда необходимо реализовать меры по предотвращению или пресечению преступления;
- 2) Промедление с производством следственного действия позволит подозреваемому скрыться;
- 3) Возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления;
- 4) Имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится какое-либо следственное

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // СПС КонсультантПлюс.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // СПС КонсультантПлюс.

действие, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела¹.

Ведомственный нормативный акт Следственного комитета РФ дублирует и дополняет этот перечень, акцентируя внимание, в частности, на ситуациях, когда основания для обыска возникли в ходе других следственных действий, или при обстановке только что совершенного преступления².

В частности, следователь должен не только обосновать неотложность ситуации, но и строго соблюсти процедуру проведения обыска, что зачастую вызывает трудности на практике. Один из таких случаев затронул Конституционный Суд РФ в своем определении от 31.10.2023 №2734-О (по жалобе Д.А. Борзаева)³. В рассматриваемой ситуации следователь вынес постановление о производстве обыска в случае, не терпящем отлагательств 07.02.2020, однако само следственное действие было проведено только 11.02.2020, то есть через четверо суток. Данный пример наглядно демонстрирует одну из проблем процедуры проведения неотложных действий: связанных с процедурой проведения неотложных действий: временной разрыв между вынесением постановления и непосредственным производством следственного действия.

Законодатель в законе прямо не предусмотрел никаких ограничений в отношении указанного времени. Однако, логическое толкование ст. 165 УПК РФ приводит к выводу о том, что одним из критериев безотлагательности следственного действия является его производство не позднее 3 суток с момента вынесения постановления, поскольку ч. 5 указанной статьи закона обязывает следателя уведомить прокурора и судью именно в этот срок. Соответственно, если обыск откладывается более чем на 3 суток, у следателя появляется возможность в обычном порядке получить разрешение суда на производство следственного действия.

Безусловно, такой подход обусловлен тем, что производство неотложных следственных действий является исключительным процессуальным явлением, что означает невозможность его применения при наличии условий, позволяющих осуществить его в ординарном порядке. Конституционный Суд в своем определении также подчеркивает это, указывая на умаление роли оперативного судебного контроля в результате постоянного применения только исключительной нормы. Однако, само по себе превышение срока не является

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // СПС КонсультантПлюс.

² Приказ Следственного комитета РФ от 15.01.2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 31.10.2023 №2734-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Борзаева Дмитрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

нарушением, автоматически влекущим недопустимость полученных доказательств, а может восприниматься как несущественное.

Требования ч. 5 ст. 165 УПК РФ обязывают прилгать к уведомлению о производстве обыска в неотложном случае копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия. При этом, как свидетельствует судебная практика, для проведения полноценной проверки законности решения о его производстве наличие только этих документов часто оказывается недостаточным.

Так, судья Ленинского районного суда признал обыск в жилище К. незаконным ввиду того, что в постановлении следователя о производстве обыска отсутствовало указание не только на то, что данное следственное действие не терпит отлагательств, но и не указал адрес обыскиваемого помещения, а также не предоставил документов, свидетельствующих о проживании К. в данной квартире¹.

Следовательно, для подтверждения правомерности обыска, проведенного в случаях, не терпящих отлагательств, материалы должны содержать не только печенье документов, указанных в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, но и иные документы, подтверждающие наличие достаточных оснований для проведения данного следственного действия в исключительном порядке.

В заключение следует отметить, что обыск в жилище, проведенный в случаях, не терпящих отлагательств, является важным и, в ряде ситуаций, незаменимым следственным действием. Однако, реализация этого права следователем должна осуществляться с неукоснительным соблюдением требований уголовно-процессуального закона. Особое внимание необходимо уделять обоснованности принятия решения о проведении обыска без судебного решения, а также обеспечению соблюдения прав и законных интересов лиц, чье жилище подвергается обыску. Любые нарушения процессуального порядка проведения данного следственного действия могут повлечь признание полученных доказательств недопустимыми и, как следствие, негативно сказаться на результатах расследования уголовного дела.

Достижение баланса между эффективностью расследования и защитой прав личности требует от следователей высокой профессиональной компетенции, досконального знания закона и неукоснительного следования процедуре. Со стороны прокуратуры и судов необходим тщательный и взвешенный контроль за законностью проводимых действий. Только при таком подходе можно обеспечить справедливость и надлежащий уровень правовой защиты в уголовном судопроизводстве.

¹ Приговор Ленинского районного суда от 23 сентября 2012 г. по делу №3-12 // Архив Ленинского районного суда.

Практические аспекты участия понятых в производстве следственных действий

Аннотация. Настоящая работа посвящена анализу практических проблем института понятых в современном уголовном процессе. Рассматривается противоречие между предназначением понятых как лиц, обеспечивающих законность следственных действий, и формализацией их участия в уголовном судопроизводстве. Анализируются правовые позиции Конституционного Суда РФ и противоречивая судебная практика по вопросам незаинтересованности и отвода понятых. Исследуется потенциальная замена института понятых техническими средствами фиксации, в частности видеозаписью, ее преимущества и недостатки. В заключение предлагаются возможные пути реформирования института понятых, включая расширение применения видеозаписи и внедрение состязательных начал в процедуру приглашения понятых.

Ключевые слова: понятой, следственные действия, УПК РФ, незаинтересованность, видеозапись, средства фиксации.

В современной научной и профессиональной дискуссии целесообразность участия понятых в производстве следственных действий нередко ставится под сомнение. Потенциал этого института как эффективной гарантии законности предварительного расследования нивелируется рядом правоприменительных проблем: сложностями с поиском понятых¹, использованием «штатных» понятых², низкой активностью граждан при участии в следственных действиях³, их неявкой в суд⁴. В то же время с точки зрения уголовно-процессуальной политики заслуживает внимания позиция о невозможности исключить институт понятых из уголовного процесса и необходимости его реформирования в соответствии с реалиями настоящего времени⁵.

Процессуальный статус понятого характеризуется сочетанием признаков, которые обычно приписываются в качестве отличительных другим участникам уголовного судопроизводства. Наряду с переводчиком, экспертом, специалистом понятые целенаправленно привлекаются к участию в уголовном деле и до завершения следственного действия могут быть заменены другими

¹ Ревина И.В., Бабенкова В.Р., Крюкова М.И., Труфанова А.Ю. Институт понятых в уголовном судопроизводстве России: проблемы эффективности и перспективы развития // Вестник ВУиТ. 2022. № 4 (103). С. 113.

² Ахмерова О.С. Актуальные проблемы участия понятых в производстве следственных действий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 64.

³ Шаназарова Е.В., Савельева О.Е. Актуальные вопросы участия понятых в производстве отдельных следственных действий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 5. С. 202.

⁴ Даштаар-Оол В.О. Роль понятого в уголовном судопроизводстве на современном этапе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 633.

⁵ Струкова В.В. Роль понятого в депонировании доказательств при осуществлении уголовно-процессуального доказывания на досудебных стадиях // Вестник Удмуртского Университета. Экономика и право. 2021. Т. 31. Вып. 5. С. 902.

лицами, в том числе в порядке отвода по аналогии закона на основании ст. 69 УПК РФ. Как и к свидетелям, к понятым не предъявляется требование компетентности, хотя в некоторых научных работах предлагалось предусмотреть в законе «специальных» понятых, имеющих познания в области юриспруденции¹. Осуществление общественного контроля за производством по уголовным делам сближает понятых с присяжными заседателями, в отличие от первых, однако, обладающих властными полномочиями.

Ключевой же характеристикой понятого является его незаинтересованность в исходе дела. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что ч. 2 ст. 60 УПК РФ, определяющая категории лиц, которые не могут быть понятыми, не предполагает возможность привлечения в качестве понятых любых – включая не указанных в ней – лиц, так или иначе заинтересованных в исходе уголовного дела². В таком истолковании закон предполагает, что следователь и суд могут свободно, по своему внутреннему убеждению оценивать способность понятого беспристрастно фиксировать ход и результаты следственного действия.

Однако нижестоящие суды зачастую воздерживаются от самостоятельной оценки личности понятого, если его участие прямо не запрещено ч. 2 ст. 60 УПК РФ. В связи с этим отвергаются доводы стороны защиты о недопустимости доказательств, полученных с участием понятых, которые являются военнослужащими Росгвардии³, стажерами следователя⁴, медицинскими работниками⁵, ранее принимали участие при производстве следственных действий⁶, работали в правоохранительных органах⁷, были знакомы с потерпевшим⁸, следователем⁹ или оперуполномоченными¹⁰, подвергнуты административному задержанию¹¹.

¹ Сторожева А.Н. Понятый в российском уголовном судопроизводстве: специальность 12.00.09 Уголовный процесс: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Иркутск, 2006. С. 8.

² Определения Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 180-О, от 25.06.2019 № 1812-О, от 28.11.2019 № 3194-О, от 31.10.2023 № 2732-О, от 27.12.2023 № 3349-О // СПС КонсультантПлюс.

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 05.12.2019 № 224-АПУ19-8 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.09.2018 № 33-АПУ18-11 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.10.2020 № 77-2090/2020 // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.10.2023 № 36-УД23-5-А1, апелляционное определение Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 20.05.2024 № 22-465/2024, определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.10.2024 № 77-3835/2024 // СПС КонсультантПлюс.

⁷ Апелляционное постановление Астраханского областного суда от 20.08.2024 № 22-1340/2024 // СПС КонсультантПлюс.

⁸ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10.04.2025 № 77-938/2025 // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 20.03.2023 № 55-153/2023 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.02.2016 № 48-АПУ16-2 // СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.07.2021 № 77-2104/2021 // СПС КонсультантПлюс.

В одном из уголовных дел суд кассационной инстанции указал, что понятая, приходящаяся обвиняемому двоюродной сестрой, при допросе в суде подтвердила факт проведения обыска, а также свою незаинтересованность, несмотря на наличие родственных связей с осужденным¹. Суд исходил из того, что п. 2 ч. 2 ст. 60 УПК РФ закрепляет лишь опровержимую презумпцию необъективности понятого, хотя такой подход противоречит общепринятому восприятию норм, устанавливающих формальные основания для отвода, как презумпций, носящих неопровержимый характер².

Неоднократное участие «штатных» понятых в следственных действиях допускается Конституционным Судом РФ, указывающим, что «само по себе участие понятого в нескольких следственных действиях не делает его заинтересованным в исходе уголовного дела и не лишает его способности объективно удостоверить факт производства, ход и результаты процессуальных действий»³. Вместе с тем эта правовая позиция не препятствует судебной проверке сведений о внепроцессуальных отношениях должностных лиц органов предварительного следствия и дознания с такими лицами и мотивов, по которым они приглашались в качестве понятых для участия в процессуальных действиях.

Концептуальная проблема замещения института понятых техническими средствами нашла свое отражение в ст. 170 УПК РФ, устанавливающей правила применения дополнительных (по отношению к протоколу) средств фиксации хода и результатов следственного действия. В настоящее время участие понятых является обязательным только в ходе обыска и предъявления для опознания, если отсутствуют предусмотренные ч. 3 ст. 170 УПК РФ обстоятельства, исключающие участие понятых в производстве этих следственных действий. В остальных следственных действиях привлечение понятых является необязательным либо может заменяться фото- или видеосъемкой.

При этом правоприменительная практика достаточно гибко подходит к случаям, когда в ходе обыска вместо понятых следователь прибегает к техническим средствам фиксации со ссылкой на наличие угрозы для жизни и здоровья понятых. По одному из дел Верховный Суд РФ признал допустимыми протокол личного обыска и изъятые по его результатам вещественные доказательства, указав, что «обыск проводился на основании положений ст. 184 УПК РФ и в соответствии с ч. 3 ст. 170 УПК РФ в отсутствие понятых, поскольку у лиц, производивших обыск, имелась информация о том, что в сумке у задержанной, подозреваемой в убийстве двух человек, может быть нож, – что создавало опасность для жизни и здоровья людей»⁴.

Приведенный пример вызывает сомнения, поскольку в данном деле невозможность участия понятых была обоснована не объективными

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.02.2025 № 77-474/2025 // СПС КонсультантПлюс.

² Федотов А.В. Понятие и классификация доказательственных презумпций // Журнал российского права. 2001. № 4. С. 55.

³ Определения Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 587-О-О, от 17.06.2013 № 935-О, от 27.12.2022 № 3481-О // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.05.2018 № 51-АПУ18-6СП // СПС КонсультантПлюс.

обстоятельствами, а опасностью, исходящей от обыскиваемого лица, которое могло быть предварительно обезврежено силами органа дознания. Применительно к подобным ситуациям С.А. Шейфер отмечал, что опасность для жизни и здоровья понятых может возникнуть в условиях возможного вооруженного сопротивления криминальных элементов, находящихся в осматриваемом помещении, однако после устранения опасности понятые должны быть допущены к проведению осмотра¹. Иными словами, для устранения угрозы жизни и здоровью понятым прежде всего должны быть приняты меры по ликвидации причин ее возникновения, в том числе фактическое задержание подозреваемого.

Данное Верховным Судом РФ толкование, согласно которому из ч. 3 ст. 170 УПК РФ следует, что «следователь вправе констатировать невозможность участия понятых, сделать об этом отметку в протоколе, а само следственное действие зафиксировать техническими средствами фиксации»², следует понимать с учетом исключительного характера этой нормы. Так, производство обыска, предъявления для опознания без участия понятых должно быть мотивировано в постановлении следователя, судьи либо в протоколе со ссылкой на конкретные обстоятельства, создающие реальную опасность для жизни и здоровья людей, которая не может быть устранена иным способом, кроме как недопуском понятых к производству следственного действия.

Сокращение числа следственных действий, в которых обязательно участие понятых, в 2013 г. рассматривалось законодателем как мера, направленная на расширение процессуальной самостоятельности следователя и сокращение процессуальных издержек без ущерба для прав участников судопроизводства³. При этом в научной литературе отмечалось, что удостоверительную функцию понятых может заменить только применение средств видеозаписи (киносъемки), которая позволяет отображать на материальных носителях ход и результаты следственных действий в динамике, со звуком, с максимальной полнотой, т. е. так, как это наблюдают понятые⁴. Приведенная позиция может быть применена при оценке соответствующих доказательств, особенно если их достоверность оспаривается другой стороной.

Криминалистическая видеозапись обычно противопоставляется понятым как более объективное средство фиксации, поскольку эффективность ее применения не зависит от субъективных свойств человека, его памяти, внимательности, психологической готовности реагировать на процессуальные нарушения и последующее незаконное воздействие. Доводы некоторых исследователей о

¹ Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Издательство «Самарский университет», 2004. С. 53.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.08.2018 № 66-АПУ18-16 // СПС КонсультантПлюс.

³ Законопроект № 33012-6 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/33012-6> (дата обращения: 25.10.2025).

⁴ Белицкий В.Ю. Применение технических средств как альтернатива участию понятых // Известия АлтГУ. 2015. № 2 (86). С. 12.

широких возможностях для монтажа видеоизображения¹, встречаются возражения о том, что при возникновении сомнений в подлинности цифровых материалов назначается криминалистическая экспертиза видеозаписей (видеотехническая экспертиза)². В контексте судебной проверки доказательств протокол, составленный с участием понятых, и видеозапись как носители информации имеют несопоставимые качественные различия, поэтому их оценка зависит не от абстрактных рисков фальсификации, а от наличия действенных способов ее выявления в конкретном деле.

Несмотря на то, что окончание следственного действия лишает дальнейшее поведение понятых процессуального значения, в большинстве уголовных дел они продолжают участвовать в качестве свидетелей. Показания понятых, как правило, собираются по инициативе стороны обвинения для подтверждения достоверности протоколов следственных действий и законности их производства. Ввиду указанных задач доказательственное значение таких показаний носит двойственный характер: с одной стороны, они подтверждают фактические обстоятельства, на установление которых было направлено само следственное действие, и тем самым дублируют функцию протокола, а с другой стороны, они являются самостоятельным доказательством допустимости иных сведений, полученных в ходе предварительного расследования.

В вопросе о познавательной ценности показаний понятого нельзя не учитывать, что его роль как лица, содействующего рассмотрению и разрешению уголовного дела, состоит в первую очередь в обеспечении процессуальной законности при производстве конкретного следственного действия. В отличие от свидетеля понятой становится участником уголовного дела не по объективным причинам, выражающимся в его осведомленности о событии преступления, а в связи с процессуальной необходимостью. Таким образом, сообщение каких-либо фактических данных понятым вторично и на этапе оценки доказательств становится необходимым в случае оспаривания допустимости или достоверности основного доказательства – протокола либо изъятых в ходе следственных действий предметов.

Напротив, производство досудебного допроса понятых по умолчанию приводит к его формализации и дословному совпадению их показаний. На недопустимость идентичных показаний понятых обращается внимание в доводах стороны защиты, хотя суды в большинстве случаев указывают, что «идентичность показаний свидетелей при их изложении в протоколах допросов не свидетельствует об их недостоверности»³. Отчасти такая логика объясняется

¹ Яровенко В.В. Участие понятых в следственных действиях как гарантия достоверности предварительного расследования // Полицейская и следственная деятельность. 2018. № 2. С. 59.

² Виноградова С.Л. Видеозапись как альтернатива институту понятых // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 55.

³ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 06.06.2024 № 77-2171/2024, кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23.08.2022 № 77-3396/2022 // СПС КонсультантПлюс.

тем, что понятые «поясняли об одних и тех же обстоятельствах и данные показания записывало одно и то же лицо»¹.

Однако подобные совпадения свидетельствуют либо о том, что текст показаний был заранее подготовлен следователем, а понятым было предложено его подписать, либо о составлении протоколов допросов с нарушением предусмотренного ч. 2 ст. 190 УПК РФ требования о дословной записи показаний, поскольку разные лица, допрошенные в разное время по отдельности друг от друга, едва ли могут воспроизводить одни и те же слова и выражения. Выявляя подобные факты, судам следует исключать показания, зафиксированные в соответствующих протоколах как недопустимые (если даты допросов разные, то в хронологическом порядке исключаются второй и последующие протоколы с зафиксированными в них показаниями, а если даты совпадают – то все)².

Процессуальные проблемы института понятых во многом вызваны стремлением правоприменительной практики к рационализации производства по уголовным делам. Так, строго буквальное применение норм УПК РФ о понятых объясняется организационными сложностями, возникающими при подготовке следственных действий с их участием. В частности, многократное привлечение одних и тех же лиц в качестве понятых направлено на предотвращение срыва процессуального действия вследствие неявки «случайного» понятого или его ненадлежащего поведения.

Наряду с этим в случае заявления стороной защиты о нарушениях процессуального закона, связанных с участием понятых, суды сталкиваются с полным отсутствием в материалах дела каких-либо сведений о пристрастности понятых, что не позволяет им в полной мере исследовать вопрос о наличии не поименованных в ст. 60 УПК РФ оснований для отвода. В связи с этим проверка допустимости таких доказательств сводится к формальной констатации отсутствия фактов, прямо предусмотренных ч. 2 ст. 60 УПК РФ.

Для искоренения практики привлечения «штатных» понятых разумным видится внедрение состязательных начал в процедуру приглашения понятых, с тем чтобы до начала следственного действия привлеченные к нему участники судопроизводства со стороны защиты могли заранее выяснить сведения о личности понятых и заявить отводы, а также предложить своих кандидатов в понятые. Проблема чрезмерных временных и иных организационных издержек при привлечении понятых может быть решена путем дальнейшего расширения дискреции следователя, дознавателя в выборе средств фиксации следственных действий. Для обыска и опознания законодатель вправе предусмотреть обязательное применение непрерывной видеозаписи в случае, если в них не участвуют понятые.

¹ Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26.03.2024 № 77-695/2024 // СПС КонсультантПлюс.

² Новиков С.А. Допустимость показаний в уголовном процессе: современный подход и векторы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. Вып. 1. С. 29.

Возможности и перспективы внедрения цифрового оповещения участников уголовного судопроизводства при производстве предварительного расследования

Аннотация. В статье исследуются проблемные аспекты традиционного порядка вызова участников уголовного процесса, регламентированного ст. 188 УПК РФ. Анализируются системные недостатки существующего механизма вручения бумажных повесток. Обосновывается необходимость цифровой трансформации данного института в контексте общей тенденции к цифровизации государственных услуг. Автором предлагаются и детально рассматриваются две альтернативные, но не взаимоисключающие модели цифрового оповещения: через специализированное мобильное приложение «Правопорядок-Онлайн» и с использованием SMS- и USSD-сервисов. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения юридической значимости, безопасности и конфиденциальности цифровых вызовов.

Ключевые слова: уголовный процесс, цифровизация, предварительное расследование, вызов участников, цифровая повестка, мобильное приложение, электронное правосудие.

Современный этап развития общества характеризуется глубокой цифровой трансформацией всех сфер жизни, включая правоприменительную деятельность. Процессы оптимизации и внедрения информационных технологий в деятельность государственных органов являются одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Однако, как справедливо отмечает Е.В. Марковичева, «несмотря на активное развитие электронного правосудия и цифровых государственных услуг, уголовное судопроизводство остается одной из наиболее консервативных областей права»¹.

Ярким примером такого консерватизма является процедура вызова участников уголовного процесса для производства следственных действий, регламентированная ст. 188 УПК РФ. Архаичный механизм вручения бумажной повестки, являющийся основным способом оповещения, демонстрирует свою неэффективность в условиях требований оперативности и экономии процессуальных ресурсов. Низкая скорость доставки, риски утери или несвоевременного получения уведомления адресатом, а также значительные временные и кадровые издержки, связанные с обеспечением личного вручения, существенно тормозят ход предварительного расследования.

В этой связи актуализируется задача разработки и нормативно-правового закрепления современных, безопасных и юридически значимых механизмов

¹ Марковичева Е.В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие. 2020. № 3. С. 86–99.

цифрового оповещения. Данная проблема находится в русле дискуссий о цифровизации правосудия, в рамках которых, как указывает Н.Ю. Волосова, «наряду с очевидными перспективами существуют и определенные риски, связанные с обеспечением прав граждан и сохранением конфиденциальности»¹.

Целью настоящего исследования является анализ возможности и разработка моделей внедрения системы цифрового оповещения участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования, а также формулирование предложений по соответствующему изменению уголовно-процессуального законодательства.

1. Недостатки действующего механизма вызова и потенциал цифровизации

Согласно ч. 1 ст. 188 УПК РФ, свидетель и потерпевший вызываются на допрос повесткой, которая вручается им под расписку или передается с помощью средств связи. На практике «передача с помощью средств связи» чаще всего сводится к телефонному звонку, который обладает минимальной юридической значимостью и порождает ряд серьезных проблем.

Во-первых, телефонный звонок неформален. Он, как правило, не содержит точных реквизитов: полных данных следователя или дознавателя, номера уголовного дела, ссылки на конкретные статьи УК РФ и УПК РФ, в соответствии с которыми осуществляется расследование. Это создает почву для злоупотреблений и мошеннических действий, когда под видом сотрудников правоохранительных органов преступники могут выманивать конфиденциальную информацию или деньги.

Во-вторых, такой способ коммуникации не обеспечивает конфиденциальность передаваемой информации. Разговор может быть прослушан, а факт его проведения и содержание практически невозможно процессуально зафиксировать и проверить.

В-третьих, отсутствует надежное документальное подтверждение факта уведомления лица о необходимости явки. Это приводит к ситуациям, когда гражданин, сославшись на то, что его не известили надлежащим образом, уклоняется от явки без каких-либо правовых последствий, что влечет за собой срыв следственных действий, продление сроков расследования и, в конечном счете, снижает эффективность всего уголовного преследования.

Таким образом, существующий механизм не отвечает современным требованиям эффективности, безопасности и юридической определенности. Игнорирование потенциала цифровых каналов коммуникации в данной сфере становится недопустимым.

2. Модели цифрового оповещения: предложения по внедрению

Для модернизации института вызова участников уголовного процесса предлагаются две альтернативные, но не взаимоисключающие модели, которые могут функционировать параллельно, охватывая разные категории граждан.

2.1. Модель оповещения через официальное мобильное приложение «Правопорядок-Онлайн»

¹ Волосова Н.Ю. Цифровизация правосудия: перспективы и опасности // Социально-политические науки. 2022. № 3. С. 58–63.

Данная модель ориентирована на граждан, активно использующих смартфоны и имеющих доступ к сети Интернет. Она предполагает создание централизованного государственного мобильного приложения, интегрированного с Единой системой идентификации и аутентификации (ЕСИА) – порталом «Госуслуги».

Механизм работы модели можно представить следующим алгоритмом:

1. Формирование вызова. Следователь (дознатель) через защищенный веб-интерфейс, интегрированный с системой Электронного правосудия, формирует официальный вызов. Документ автоматически регистрируется в системе и привязывается к материалам конкретного уголовного дела. Вызов заверяется усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП) уполномоченного лица.

2. Отправка уведомления. Система направляет push-уведомление на смартфон пользователя, у которого установлено приложение «Правопорядок-Онлайн».

3. Получение и ознакомление. Пользователь, авторизованный в приложении через учетную запись ЕСИА (что обеспечивает однозначную идентификацию личности), получает доступ к цифровой повестке. Ее содержание должно быть строго регламентировано и включать все необходимые для традиционной повестки реквизиты:

- 1) ФИО, звание и должность следователя (дознателя);
- 2) номер уголовного дела;
- 3) процессуальный статус вызываемого лица (свидетель, потерпевший и т.д.);
- 4) вид следственного действия (допрос, очная ставка);
- 5) дата, время и место его проведения;
- 6) разъяснение последствий неявки со ссылкой на ст. 188 УПК РФ;
- 7) уникальный код (QR-код) для проверки подлинности документа.

4. Подтверждение ознакомления. Пользователь ставит в приложении отметку об ознакомлении с повесткой. Данный факт, вместе с метаданными (время открытия, IP-адрес), фиксируется в системе и становится доступным следователю, формируя юридически значимое подтверждение вручения.

Преимущества модели:

- Юридическая значимость и идентификация. Привязка к ЕСИА и использование УКЭП обеспечивают неоспоримую идентификацию как отправителя, так и получателя. Все этапы отправки, доставки и прочтения документа протоколируются.

- Безопасность и конфиденциальность. Применяются современные методы шифрования данных, что защищает информацию от перехвата и несанкционированного доступа.

- Интерактивность и функциональность. Приложение позволяет не только пассивно получать уведомления, но и активно взаимодействовать со следователем: подтверждать явку, заявлять ходатайства о переносе сроков по уважительным причинам с возможностью прикрепления электронных копий документов (например, листка нетрудоспособности), использовать защищенный канал для оперативной связи и уточнения деталей.

2.2. Модель оповещения через специализированные SMS- и USSD-сервисы

Данная модель является упрощенным, но юридически значимым аналогом первой и предназначена для граждан, не имеющих постоянного доступа к Интернету или смартфонам, но обладающих любым, даже кнопочным, мобильным телефоном.

Механизм работы данной системы включает:

1. Формирование вызова и генерация ID. Следователь формирует вызов в той же защищенной системе. Система генерирует уникальный идентификационный код (ID) для данного уведомления.

2. Отправка SMS. На мобильный номер гражданина, верифицированный по базам данных операторов связи или указанный в материалах уголовного дела, отправляется SMS-сообщение с короткого официального номера (например, 9110).

3. Содержание SMS. Текст сообщения должен быть стандартизирован и информативен: *«УПК РФ. Вызов [свидетеля/потерпевшего] по уг. делу № [номер]. Явиться к [время] [дата] по адресу: [адрес]. Для проверки подлинности и деталей перейдите по ссылке [официальный защищенный URL] или воспользуйтесь USSD-запросом *9110*[ID]#»*.

4. Верификация через USSD или веб-портал. Для получения полной информации и подтверждения подлинности вызова гражданин, набрав на телефоне USSD-комбинацию вида *9110*[ID]#, получает доступ к меню с детализованными сведениями (ФИО следователя, номер дела, статьи УК РФ). Альтернативно, он может перейти по короткой защищенной ссылке из SMS (при наличии мобильного интернета) для ознакомления с полной версией цифровой повестки.

Преимущества и ограничения модели:

- Универсальность и доступность. Модель доступна для подавляющего большинства населения страны, независимо от типа мобильного телефона.

- Юридическая значимость. Достигается за счет использования официального короткого номера, сертифицированного для рассылки государственных уведомлений. Факт отправки SMS и ее доставки фиксируется оператором связи и может быть документально подтвержден. Последующая верификация через USSD-запрос или авторизованный веб-портал подтверждает факт ознакомления лица с содержанием вызова.

- Ограниченная функциональность. Ключевым ограничением является отсутствие возможностей для интерактивного взаимодействия (подача ходатайств, обмен сообщениями). Данная модель служит, в первую очередь, целям эффективного и юридически значимого уведомления.

3. Необходимые изменения в уголовно-процессуальное законодательство

Ключевым вопросом для успешного внедрения любой из предложенных моделей является придание цифровому оповещению юридической силы, равной силе бумажной повестки, врученной под расписку. Для этого необходим комплекс изменений в УПК РФ.

1. Легализация понятия «цифровая повестка». В ст. 188 УПК РФ необходимо внести изменения, четко определяющие понятие «цифровая повестка» как

официального документа, направляемого через государственные информационные системы с использованием УКЭП следователя. В законе должен быть закреплён исчерпывающий перечень официальных каналов для ее отправки (мобильное приложение, SMS с официального короткого номера) и обязательное условие идентификации гражданина – либо через ЕСИА, либо по верифицированному номеру мобильного телефона.

2. Определение момента вручения. Законодательно должен быть зафиксирован момент, с которого цифровая повестка считается врученной:

- Для модели с мобильным приложением – с момента подтверждения пользователем получения push-уведомления и открытия им документа в системе.

- Для SMS/USSD-модели – с момента доставки SMS-сообщения на номер абонента (подтверждается отчетом оператора связи) и последующей верификации запроса гражданином через USSD-меню или защищенный веб-портал в установленный срок (например, в течение 24 часов).

3. Закрепление правовых последствий неявки. Важнейшей нормой является дополнение ст. 188 УПК РФ положением о том, что неявка по надлежащим образом врученной цифровой повестке влечет за собой те же процессуальные последствия, что и неявка по традиционной повестке. Это включает возможность привода (ч. 7 ст. 113 УПК РФ) и наложения денежного взыскания (ст. 117 УПК РФ). Только при таком равенстве юридических последствий институт цифрового оповещения будет эффективно функционировать.

Проведенный анализ демонстрирует принципиальную возможность, техническую осуществимость и высокую практическую целесообразность внедрения в российский уголовный процесс системы безопасного цифрового оповещения участников следственных действий. Предложенные модели – комплексное решение через мобильное приложение «Правопорядок-Онлайн» и упрощенное через SMS/USSD-сервисы – позволяют охватить различные слои населения, обеспечивая гибкость и универсальность подхода.

Внедрение цифрового оповещения позволит значительно повысить оперативность и эффективность предварительного расследования за счет сокращения временных затрат, минимизации рисков срыва следственных действий и обеспечения гарантированной доставки уведомлений. Одновременно будут обеспечены необходимый уровень безопасности, конфиденциальности и юридической значимости процедуры.

Для реализации этого потенциала требуется скоординированная работа законодателя по внесению соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство. Устранение правовых пробелов и четкое нормативное закрепление статуса цифровой повестки станет важным шагом на пути дальнейшей цифровой трансформации уголовного судопроизводства России, гармонично сочетающим традиционные процессуальные гарантии с преимуществами современных информационных технологий.

Доктрина «плодов отравленного дерева» в контексте легализации цифровых доказательств

Аннотация. Текст посвящен проблеме допустимости цифровых доказательств при расследовании трансграничных киберпреступлений. Центральное внимание уделяется применению доктрины «плодов отравленного дерева», которая, не будучи прямо закрепленной в УПК РФ, используется судами для признания недопустимыми доказательств, полученных с нарушением закона. Автор анализирует исключения из этой доктрины и международные руководства, делается вывод о необходимости ее законодательного закрепления для унификации практики.

Ключевые слова: доктрина «плодов отравленного дерева», цифровые доказательства, электронные доказательства, международное взаимодействие, киберпреступность.

В современном мире киберпреступность образует собой трансграничное, транснациональное явление. В связи с этим, получение доказательств в разных юрисдикциях при расследовании преступления, совершенного с использованием информационных технологий, приобретает повсеместное распространение. Согласно статистике приведенной МВД России за январь-декабрь 2024 г. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации зарегистрировано порядка 765 тыс., по сравнению за аналогичный период 2023 г. в процентном соотношении количество таких преступлений возросло на 13,1 %. За январь-август 2025 г. количество таких преступлений остается на высоком уровне и составляет порядка 473 тыс., что в процентном соотношении в сравнении с аналогичным периодом 2024 г. составляет всего на 5,4 % меньше¹. Зачастую в связи с характером и способом совершения данного вида преступлений, доказательства по таким уголовным делам, являются цифровыми. В научном сообществе единогласного решения о том, что понимается под «цифровыми доказательствами» нет, некоторые трактуют «цифровые доказательства» как «электронные доказательства», как нам кажется, понятие цифровых и электронных доказательств является тождественным, так как при анализе ст. 272 УК РФ, а именно примечания 1, где указывается что, под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их

¹ Статистика МВД России по состоянию преступности за январь-декабрь 2024 г. Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328> (дата обращения: 31.10.2025); Статистика МВД России по состоянию преступности за январь-август 2025 г. Официальный сайт МВД России. 2025. URL: <https://мвд.рф/reports/item/70644759/> (дата обращения 31.10.2025)

хранения, обработки и передачи. Таким образом, делается вывод о том, что «цифровые доказательства», что «электронные доказательства» по своей природе считаются тождественным, так как представлены в форме электрических сигналов. Исходя из этого вышесказанного можно сказать, что «цифровые доказательства» – это информация и сведения, имеющие значения для разрешения уголовного дела, представленные в форме электрических сигналов, вне зависимости от формы их отображения. Примерно похожее определение можно встретить в разных зарубежных источниках, а именно: цифровые (электронные) доказательства – это информация, хранящаяся или передаваемая в двоичной форме, которую можно использовать в суде¹. Несмотря на то, что положения ГОСТа не являются нормативно-правовыми актами, можно сказать, что технический стандарт определяет, как нам стоит понимать доказательства, представленные в двоичном коде, а конкретно согласно п. 3.5 свидетельства, представленные в цифровой форме (*digital evidence*) – это информация или данные, хранящиеся или передаваемые в виде двоичного кода, которые можно использовать в качестве доказательства.

Исходя из положений ст. 75 УПК РФ недопустимыми доказательствами признаются такие доказательства, которые были получены с нарушением требований настоящего Кодекса². Исходя из этого возникает закономерный вопрос, в случае если доказательство было изъято по запросу об оказании правовой помощи с существенными нарушениями национального законодательства государства-исполнителя запроса, будет ли считаться такое доказательство и в последующем все полученные доказательства из него недопустимыми?

Такой вопрос соответствует существующей в правовом мире доктрине «плодов отравленного дерева»³, согласно которой доказательства, полученные из ненадлежащего источника или с нарушениями законодательства, признаются недопустимыми и не могут быть использованы в суде. Название концепции метафорически отражает ее суть: если «дерево» (первоначальное доказательство) «отравлено» (получено с нарушением закона), то и его «плоды» (производные доказательства) также являются «ядовитыми». Профессор С.А. Шайфер обозначил данную доктрину таким образом: «Если доказательство получено незаконным способом и вследствие этого вызывает сомнение в своей достоверности, сомнительными, а значит, недопустимыми, станут и другие доказательства, полученные в результате исследования первого. Таким образом возникает вопрос легитимности доказательств, легализованных в рамках

¹ Interactive Tool for Ranking Digital Evidence Needs / by Brian A. Jackson, Dulani Woods. URL: www.rand.org/pubs/tools/TL175.html; Frieden, J.D. & Murray, L.M. (2011) The admissibility of electronic evidence under the federal rules of evidence. *Richmond Journal of Law and Technology*. XVII (2); Galves, F. & Galves, C. (2004) Ensuring the admissibility of electronic forensic evidence and enhancing its probative value at trial. *Criminal Justice Magazine*, no. 19 (1); Garfinkel, S.L. (2010) Digital forensics research: The next 10 years. *Digital Investigation*, no 7. pp. 64–73

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

³ Дело *Silverthorne Lumber Co., Inc. v. United States*, 251 U.S. 385 (1920). *Supreme Court of the United States*. 1920.

расследования преступлений, но изначально полученных с нарушением законодательства страны-исполнителя»¹.

Концепция «плодов отравленного дерева» и принципы УПК РФ связаны через принцип недопустимости доказательств, полученных с нарушением требований кодекса.

Согласно ч. 1 ст. 75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением требований кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Хотя доктрина «плодов отравленного дерева» не закреплена на законодательном уровне, она является основополагающим в уголовном процессе Российской Федерации и широко используется судами при разбирательстве уголовных дел.

Несмотря на то, что конкретного закрепления данной доктрины в уголовном судопроизводстве нет, она активно применяется правоохранительными органами и судами, которые используют ее в качестве руководства при оценке законности и допустимости доказательств². Некоторые ученые-юристы указывают на недостатки доктрины «плодов отравленного дерева» в контексте уголовного судопроизводства Российской Федерации. Например, П.А. Гришин и С.А. Саушкин предлагают более конструктивный подход, основанный на рассмотрении доказательств в контексте их взаимосвязи, в отличие от исключения любого доказательства, полученного с нарушением закона, независимо от его значимости.

Несмотря на строгость и категоричность доктрины «плодов отравленного дерева», существуют некоторые исключения из нее по доказательствам, которые были получены незаконным способом государством-исполнителем запроса об оказании взаимной правовой помощи.

1. В случае если такое доказательство было подтверждено другим доказательством, полученным из иного источника, иначе говоря, полученное из другого доказательства.

2. В случае, когда сотрудник правоохранительных органов действовал в пределах разумной добросовестности на основаниях существующих правовых норм.

Помимо этого, существует проблема согласования стандартов доказывания между разными юрисдикциями. Различия в трактовке, а также отсутствие в российском законодательстве определения цифровых доказательств, в отличие от иных стран (Китай, Киргизия, Беларусь, Казахстан и иные страны) создают

¹ Сутягин К.И. Применение доктрины «Плодов отравленного дерева» при оценке допустимости доказательств требует корректировки // Вестник ОГУ. 2008. № 3. С. 56–59.

² Луценко А.А. К вопросу о правилах «плоды отравленного дерева» и отсекающие «голова гусака» в уголовном праве Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия Право. 2018. № 1. С. 76–82.

определенные правовые пробелы, которыми пользуются злоумышленники с целью осуществления своего преступного замысла.

Таким образом, исходя из вышесказанного можно сделать вывод и дать некоторые рекомендации практикующим юристам по вопросам формирования и изъятия цифровых доказательств, а именно доктрина «плодов отравленного дерева», хоть и не закреплена в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, она активно применяется судами для разрешения законности и допустимости доказательств. Правоприменителю необходимо для получения цифровых доказательств строго руководствоваться нормами УПК РФ при осуществлении своей деятельности по собиранию и оценке доказательств, а также иными актами, регулирующими данный вид процессуальной деятельности.

В связи с этим, хочется обратить внимание, на существующее в правовом поле «Практическое руководство по порядку запроса электронных доказательств из других стран»¹ созданное в рамках содействия Государств-членов ООН и ставящее перед собой цель в оказании содействия практикующим специалистам, а именно – следователям, сотрудникам прокуратуры, сотрудникам судебных органов, а также компетентных национальных органов власти, ответственных за организацию Взаимной правовой помощи Государств-членов ООН. Это руководство включает в себя:

1. Краткий обзор процедур крупных поставщиков услуг в отношении обеспечения сохранности электронных доказательств, чтобы создать возможность запросить их незамедлительно

2. Возможность направления прямых запросов поставщикам услуг или использование механизмов сотрудничества компетентных органов для раскрытия электронных доказательств (без необходимости направлять запрос об оказании взаимной правовой помощи), чтобы сократить задержки

3. Примеры составления соответствующего международному праву запроса об оказании взаимной правовой помощи, чтобы ускорить предоставления электронных доказательств, с указанием в отношении правового стандарта более высокого уровня в части наличия достаточно основания.

4. Примеры составления срочных запросов правоохранительных органов на раскрытие информации поставщиками услуг, чтобы предотвратить риск распространения информации или наступления иных тяжких последствий.

Также в данном руководстве имеются рекомендации для обеспечения сохранности информации, действия сотрудников до направления запроса об оказании взаимной правовой помощи, определения и термины, употребляемые в рамках расследования преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. Кроме того, имеется раздел с проблемами и предложенными практическими решениями. Таким образом, можно сделать вывод о том, что существует необходимость на закрепление в Уголовно-

¹ UNODC A practical guide to requesting electronic evidence from other countries. United Nations Security Council Counter-Terrorism Committee Executive Directorate. 2020. URL: <https://www.unodc.org/documents/organized-crime/GPTOC/GPTOC2/ebook.pdf> (date of treatment: 26.10.2025).

процессуальном кодексе Российской Федерации в ч. 2 ст. 75 УПК РФ вышеупомянутой доктрины с целью унификации судебной и следственной практики. Перспективы развития правового регулирования в области цифровых доказательств требуют комплексного подхода, учитывающего как технологические инновации, так и международные правовые стандарты. Быстрое развитие технологий искусственного интеллекта, машинного обучения и распределенных реестров создает как новые возможности, так и дополнительные вызовы для системы правосудия. В частности, использование алгоритмов ИИ для анализа больших массивов цифровых доказательств требует разработки специальных процедур, обеспечивающих достоверность и проверяемость результатов такого анализа. Не менее важным является вопрос обеспечения прозрачности и объяснимости решений, принимаемых с использованием автоматизированных систем, особенно когда такие решения влияют на права и свободы граждан.

Значительные изменения происходят в области нормативного регулирования. Все больше стран принимают специализированное законодательство, регулирующее сбор, хранение и использование цифровых доказательств. Европейская конвенция о киберпреступности (Будапештская конвенция) продолжает оставаться важным международным инструментом, однако появляются новые региональные инициативы, такие как разрабатываемая конвенция ООН по киберпреступности. Эти процессы создают необходимость постоянного мониторинга и адаптации национального законодательства для обеспечения эффективного международного сотрудничества.

Особого внимания заслуживает развитие стандартов доказывания в условиях использования новых технологий. Традиционные принципы оценки доказательств сталкиваются с необходимостью адаптации к особенностям цифровой среды. Это касается, в частности, требований к установлению аутентичности цифровых доказательств, определению их целостности и неизменности с момента получения до представления в суде. Использование таких технологий как хеширование, цифровые подписи и блокчейн становится стандартной практикой, однако требует унификации подходов и признания на международном уровне.

В области международного сотрудничества наблюдается тенденция к развитию упрощенных процедур получения доказательств. Такие механизмы, как направление запросов непосредственно провайдером услуг в других странах, показывают свою эффективность, но требуют решения вопросов защиты прав граждан и обеспечения надлежащих процессуальных гарантий. Развитие двусторонних и многосторонних соглашений о взаимной правовой помощи в электронной форме, создание круглосуточных каналов связи между компетентными органами различных государств – все эти меры способствуют ускорению процедур получения доказательств. Технологические инновации продолжают опережать развитие правового регулирования. Появление квантовых вычислений, новых методов шифрования, децентрализованных систем идентификации создает необходимость проактивного подхода к разработке правовых норм. Законодателям необходимо тесно взаимодействовать

с техническими специалистами для понимания потенциальных рисков и возможностей, связанных с этими технологиями. Особого внимания требует вопрос регулирования использования криптографических средств, который затрагивает баланс между правом на приватность и необходимостью обеспечения национальной безопасности. Важным направлением развития является создание специализированной судебной экспертизы в области цифровых доказательств. Традиционные методы экспертного исследования часто оказываются неприменимыми к цифровым данным, что требует разработки новых методик и стандартов. Подготовка квалифицированных кадров, оснащение экспертных учреждений современным оборудованием, создание аккредитованных лабораторий - все эти элементы необходимы для построения эффективной системы работы с цифровыми доказательствами.

Развитие международных стандартов и лучших практик в области цифровых доказательств требует активного участия всех заинтересованных сторон - государственных органов, профессионального сообщества, академических институтов, гражданского общества и частного сектора. Только комплексный подход, учитывающий юридические, технические и организационные аспекты, позволит создать эффективную систему работы с цифровыми доказательствами, отвечающую вызовам современности.

П.Г. Магомедова¹

Научный руководитель: **Е.А. Кухтяева²**

^{1,2} Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкале

Особенности участия защитника в досудебном производстве

Аннотация. Защитник в уголовном процессе — это лицо, осуществляющее защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, а также оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Согласно ст. 49 УПК РФ, в качестве защитников участвуют адвокаты, получившие статус в порядке, установленном Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Досудебное производство включает этап уголовного судопроизводства с момента получения заявления или сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд. Адвокат вправе начать работу в качестве защитника с момента предъявления удостоверения и ордера, причём сроки вступления зависят от конкретных обстоятельств дела (например, с момента возбуждения уголовного дела, фактического задержания подозреваемого, вручения уведомления о подозрении и др.)

Ключевые слова: защитник, досудебное производство, ходатайства, адвокат, процессуальные гарантии, процессуальные сроки.

В части первой статьи 48 Конституции Российской Федерации закреплено право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Так, на этапе досудебного производства, в силу исполнения норм УПК РФ, а именно

ст. 51 УПК РФ, закрепляются случаи обязательного участия защитника в уголовном судопроизводстве.

Стоит разобраться, кто же такой защитник. Так, согласно ст. 49 УПК РФ, защитником является лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. При этом в качестве защитников участвуют адвокаты.

В свою очередь, адвокатом является лицо, получившее в установленном Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность¹.

Немаловажным элементом в формировании института защиты участников уголовного судопроизводства в России является Государственная программа обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Впервые данная программа на территории Российской Федерации была запущена в 2006 г. Она направлена на реализацию мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства. Действует каждая программа в течение нескольких лет, определенных в постановлении Правительства РФ.

Последнее вышедшее в свет постановление Правительства РФ установило обновленные цели, задачи и новые сроки реализации Программы на период с 2024 по 2028 г.

Говоря об анализе информации, стоит привести статистические данные, упомянутые в Государственной программе на 2024–2028 годы. Так, в период реализации государственных программ с 2006 по 2022 г. число лиц, подпадающие под защиту, которые являлись участниками уголовного судопроизводства, составило более 39 тыс. человек. За указанный период в отношении защищаемых лиц осуществлено более 94 тыс. мер безопасности. Преимущественно применялись такие меры безопасности, как личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице и временное помещение в безопасное место.

Исходя из вышеуказанного, можно прийти к выводу, что в Российской Федерации благодаря созданным условиям и механизмам, которые эффективно влияют на обеспечение мер безопасности личности, потенциально подпадающей под угрозу, сформировался реально работающий институт защиты участников уголовного судопроизводства. На это указывает то количество лиц, к которым применены меры безопасности, и само количество использованных мер безопасности.

Проанализировав сложившуюся практику реализации данной программы в период с 2006 по 2023 г., следует отметить тот факт, что актуальность проблематики обеспечения защиты участников уголовного судопроизводства

¹ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63 (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

велика, и она будет возрастать. На это влияют социально-политические условия жизни в современном российском обществе, которые привели к обострению организованной и транснациональной преступной деятельности. Важно подчеркнуть, что право на безопасность является неотъемлемой частью общего правового порядка и обеспечивает участникам уголовного судопроизводства не только защиту от возможных угроз и опасностей, но и способствует соблюдению основных принципов справедливого судопроизводства.

Однако, как представляется, институт защиты участников уголовного судопроизводства должен развиваться по траектории, отличной от сегодняшней. Государство должно более активно принимать меры по предупреждению и пресечению преступной деятельности для недопущения роста преступности, которая разлагает безопасную среду в обществе¹.

Безусловно, механизм в виде Государственной программы, специальных мер безопасности нужен в Российской Федерации, однако также необходимо заботиться и о других правовых механизмах, которые должны включаться на более ранних стадиях, чтобы предотвращать рост преступности и формировать стабильную и безопасную среду в обществе.

Важно отметить, что защита участников уголовного судопроизводства — это не только вопрос обеспечения безопасности, но и создания условий для их реализации. Это означает, что необходимо разрабатывать и осуществлять политику, направленную на предупреждение давления на участников уголовного судопроизводства.

Кроме того, следует обратить внимание на социальные и экономические аспекты, влияющие на уровень преступности. Эффективная борьба с преступностью также зависит и от вклада в развитие социума внутри государства, которое будет способствовать социальной стабильности и уменьшению мотивации к совершению преступлений.

Не менее важным остаётся упомянуть, что включает в себя этап досудебного производства. Так, согласно действующему законодательству и разработанным в теории уголовного процесса нормам, этапом досудебного производства считается уголовное судопроизводство с момента получения и регистрации в книге учёта заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, сообщения о преступлении — до направления прокурором уголовного дела с утверждённым обвинительным актом или обвинительным заключением в суд для рассмотрения уголовного дела по существу.

При этом адвокат вправе начать свою работу по уголовному делу в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера в целях защиты прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве

¹ Карханина А.А. Статус адвоката в уголовном процессе современной России // Вопросы науки и образования. 2018. № 2 (14). С. 70–75.

обвиняемого, за исключением случаев, предусмотренных пунктами два–пять статьи 49 УПК РФ, в которых закреплены данные исключения:

1. в пункте втором: с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица;

2. в пункте третьем: с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, в случаях: а) предусмотренных статьями 91 и 92 УПК РФ; б) применения к нему в соответствии со статьёй 100 УПК РФ меры пресечения в виде заключения под стражу;

3. в пункте третьем, примечание первом: с момента вручения уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьёй 223.1 УПК РФ;

4. в пункте четвёртом: с момента объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы;

5. в пункте пятом: с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления;

6. в пункте шестом: с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьёй 144 УПК РФ.

При этом с момента вступления адвоката в уголовное дело на него распространяются правила не разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с осуществлением защиты, если он был об этом заранее предупреждён в соответствии с нормами действующего законодательства, а в случае нарушения данного требования он несёт уголовную ответственность¹.

Проблемой некоторых регионов остаётся панибратство адвокатов и сотрудников органов внутренних дел, выраженное в направлении заявки на назначение защитника по статье 51 УПК РФ не посредством направления онлайн-заявки через электронную систему, а путём телефонного звонка конкретному «удобному» защитнику.

Следующий аспект участия защитника в досудебном производстве выражен в том, что, исходя из практики работы органов внутренних дел, можно сделать вывод о том, что чем раньше защитник вступает в процесс, тем больше вероятность соблюдения всех прав и интересов его подзащитного. Это связано с тем, что первоначальную работу по сбору доказательственной базы осуществляют сотрудники отдела уголовного розыска, которые имеют полномочия на отобрание явки с повинной и объяснения с лица, отрабатываемого на предмет причастности к совершению преступления без

¹ Бравилова Е.А. Некоторые проблемы участия адвоката-защитника в следственных действиях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 15–24.

защитника. В связи с этим права данного лица могут быть нарушены из-за его процессуальной неграмотности и/или страха перед представителями власти.

Однако стоит отметить, что согласно части третьей статьи 49 УПК РФ адвокат может вступить в уголовный процесс не только на стадии предварительного расследования, но и на стадии проверки сообщения о преступлении при отсутствии у лица формально определённого процессуального статуса. В указанном случае делается пометка в бланке объяснения в графе «с участием», в протоколе явки с повинной под текстом защитник ставит свою подпись и в произвольной форме указывает, что протокол заполнен в его присутствии.

Видится, что участие защитника на стадии проверки сообщения о преступлении представляется рациональным, поскольку возможность оказать давление на лицо в присутствии защитника практически нивелируется. Кроме того, защитник может объяснить все права и имеющиеся правовые последствия дачи объяснения и заполнения протокола явки с повинной.

Кроме того, не стоит забывать, что защитник, согласно действующему процессуальному законодательству, имеет право на заявление ходатайств, в связи с чем отмечается его влияние на ход рассмотрения материала проверки либо уголовного дела. Чаще всего содержание ходатайств касается производства процессуальных действий или принятия процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение по конкретному уголовному делу, и направлено на обеспечение прав, свобод и законных интересов подозреваемого, обвиняемого или лица, в отношении которого имеется материал проверки.

Видится, что именно посредством заявления ходатайств органу дознания, дознавателю, руководителю органа дознания, следователю, руководителю следственного органа, прокурору или в суд адвокат может оказывать влияние на ход предварительного расследования. При этом перечень видов ходатайств не ограничен.

Но нельзя забывать, что ходатайство адвоката в теории часто называют «главным парадоксом уголовного процесса», поскольку адвокат заявляет ходатайства своему процессуальному оппоненту, который и должен принять по нему решение. Стоит уточнить, что ходатайство может быть заявлено в устной форме (о чём делается соответствующая запись в протоколе) либо в письменной (при этом указанное ходатайство приобщается к материалам уголовного дела). Срок рассмотрения ходатайств составляет не более 3 суток.

Особое значение в уголовном судопроизводстве приобретают ходатайства адвоката о приобщении предметов и документов, о допросе свидетелей. Такие ходатайства связаны с реализацией защитником права собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи. При этом согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ методы сбора доказательств защитником строго ограничены, что ограничивает права адвоката на участие в процессе

доказывания по уголовным делам и влияет на ход дела и судьбу подзащитного¹.

Кроме юридической помощи в виде заявления ходатайств, осуществляя функцию защиты, адвокат принимает участие в следственных действиях путём:

1. дачи подзащитному в присутствии лица, ведущего расследование, краткие консультации;
2. постановки с разрешения лица, ведущего расследование, вопросов сторонами допрашиваемым;
3. написания письменных замечаний по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственного действия.

При этом перечень прав адвоката, участвующего в производстве следственных действий, является исчерпывающим, что также ограничивает права защитника и его подзащитного.

Таким образом, в результате анализа особенностей участия защитника в досудебном производстве можно прийти к выводу, что правовое регулирование данного вопроса требует доработки. Необходимо изучить возможность предоставления защитнику более широких полномочий по участию в досудебном производстве в контексте развития принципа состязательности уголовного процесса. А также необходимо пересмотреть положение статьи 35 УПК РФ с целью уточнения открытости перечня прав адвоката при производстве следственных действий.

И.А. Магкоева¹

Научный руководитель: **А.Н. Старжинская²**

^{1,2} Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

Об особенностях порядка формирования коллегии присяжных заседателей в России

Аннотация. Коллегия присяжных заседателей традиционно рассматривается как важный институт народного представительства в правосудии, обеспечивающий публичность и легитимность судебных решений. Однако эффективное выполнение этой функции возможно лишь при условии формирования состава присяжных, обладающего ключевыми характеристиками: беспристрастностью, независимостью от внешнего влияния и способностью к взвешенному принятию решений.

В настоящее время процедура отбора присяжных сталкивается с рядом проблем, которые могут подрывать доверие к этому институту. В данной статье анализируются актуальные вызовы, связанные с формированием коллегии присяжных, и рассматриваются возможные пути их решения для укрепления справедливости судебной системы.

¹ Копейкина И. В. Собрание доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Научный журнал. 2021. № 3 (58). С. 65–68.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, присяжные, суд с участием присяжных, списки присяжных заседателей, проблемы формирования, предоставление недостоверных сведений.

Формирование коллегии присяжных представляет собой основополагающий элемент справедливого судопроизводства, требующий неукоснительного соблюдения законодательных предписаний. Успешное создание компетентной коллегии присяжных, определяющей исход судебного разбирательства, обусловлено несколькими существенными аспектами, а именно:

1) тщательный отбор кандидатов из общего и запасного списков, проводимый судебными работниками;

2) личность кандидатов в присяжных заседателей, которые в силу ч. 3 ст. 328 УПК РФ обязаны правдиво отвечать на задаваемые вопросы, а также представлять необходимую информацию о себе и об отношениях с другими участниками процесса;

3) добросовестность сторон процесса при отборе присяжных;

4) права и обязанности всех участников процесса, установленные законодательством.

Недобросовестное поведение кандидатов в присяжные заседатели при формировании коллегии создает существенные препятствия для объективного рассмотрения уголовных дел. Соккрытие или искажение личных данных потенциальными присяжными подрывает фундаментальные принципы правосудия. Мотивы умалчивания значимой информации варьируются от корыстных побуждений до элементарного нежелания раскрывать подробности частной жизни. Отсутствие возможности оперативной проверки достоверности сведений, предоставляемых кандидатами во время судебного заседания, позволяет недобросовестным лицам проникать в состав коллегии вопреки законодательным ограничениям. Подобная практика существенно искажает саму идею справедливого суда с участием представителей общества.

Серьезные последствия процессуальных нарушений в судопроизводстве подчеркивает О.Н. Тисен. Масштабная работа участников уголовного процесса обесценивается из-за допущенных ошибок. Нерациональное использование государственных средств и отмена вынесенных решений существенно подрывают доверие граждан к судебной системе. Предотвращение подобных негативных явлений требует особого внимания со стороны правоохранительных органов и судебной власти.

Подрыв авторитета судебной системы требует детального рассмотрения факторов, нарушающих процесс формирования коллегии присяжных заседателей.

Факторами, влияющими на законность состава коллегии присяжных, являются именно ложные ответы на вопросы или умолчание информации. Возникает вопрос о том, как предотвратить случаи незаконного формирования коллегии.

Согласно ст. 3 ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», установлен базовый перечень

требований к кандидатам в присяжные заседатели. При этом Уголовно-процессуальный кодекс не конкретизирует, какие именно нарушения при предоставлении сведений могут служить основанием для отмены оправдательного вердикта. Подобная законодательная неопределенность формирует прецедентную практику, в рамках которой суды вынуждены самостоятельно интерпретировать допустимые пределы сокрытия информации.

В частности, к сокрытию информации, приводящие к дисквалификации присяжных или отмене приговоров, относятся:

- 1) сокрытие кандидатами информации судимости, как в отношении себя, так и в отношении своих близких родственников;
- 2) сокрытие информации факта знакомства и родства с участниками процесса;
- 3) кандидат является супругом/супругой участника процесса;
- 4) сокрытие информации о состоянии кандидата на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере.

Умышленное сокрытие персональных сведений кандидатами зачастую нарушает законные права остальных участников избирательного процесса. Нежелание раскрывать личную информацию может возникать непреднамеренно, но чаще всего граждане осознанно уклоняются от выполнения установленных законом обязательств. Подобные действия существенно ограничивают возможности других лиц заявлять обоснованные и необоснованные отводы кандидатам.

А.М. Гамидов отмечает, что «УПК не содержит положений о том, какая именно информация, сокрытая присяжными от участников процесса, имеет ключевое значение для рассмотрения вопроса об отмене оправдательного приговора. Ее примерный перечень можно выявить в судебной практике. Рассмотрим некоторые случаи сокрытия кандидатами в присяжные заседатели информации о тех обстоятельствах, которые исключают их участие в рассмотрении дела.

Приведем пример из правоприменительной практики Верховного Суда Российской Федерации. Так, Верховный Суд Российской Федерации в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам от 05.06.2018 № 32-АПУ18-6сп отменил приговор Саратовского областного суда с участием присяжных заседателей в виду несоблюдения требований уголовно-процессуального закона и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в части формирования коллегии присяжных заседателей.

Как указала высшая судебная инстанция поскольку все кандидаты в присяжные заседатели скрыли важные о себе сведения, то сторона обвинения была лишена возможности в полной мере воспользоваться своим правом на их отвод, и, как следствие, на формирование беспристрастной и объективной коллегии присяжных заседателей, что привело к существенным процессуальным нарушениям при рассмотрении дела

Достоверность ответов кандидатов в присяжные заседатели на вопросы председательствующего судьи определяет законность формирования коллегии, что подтверждается правовой позицией А.Н. Чашина. Сокрытие информации

или предоставление заведомо ложных сведений кандидатом существенно влияет на легитимность состава присяжных.

Проблематика формирования коллегии присяжных заседателей требует особого внимания со стороны юридического сообщества. Экс-президент Адвокатской палаты Чувашской республики Ю.С. Кручинин выявил существенный риск манипуляций при составлении предварительных списков кандидатов. Сторона обвинения может преднамеренно включать бывших или действующих сотрудников правоохранительных органов в состав коллегии. Подобные действия создают почву для последующего обжалования приговора из-за незаконного состава присяжных либо позволяют оказывать давление на других членов коллегии с целью формирования обвинительной позиции по делу.

В целях предупреждения возможных рисков целесообразно реализовать комплекс превентивных мер по обеспечению безопасности и снижению вероятности возникновения нежелательных последствий.

Специальные комиссии при органах исполнительной власти, уполномоченные на формирование списков кандидатов в присяжные заседатели, должны осуществлять углубленную проверку биографических данных потенциальных участников судебных процессов. В настоящее время отбор в кандидаты в присяжные заседатели происходит посредством случайной выборки на основе списков избирателей. Дополнительную проверку граждане не проходят. Комплексный анализ личностных характеристик и обстоятельств жизни кандидатов позволит предотвратить включение в списки лиц, имеющих препятствия к осуществлению правосудия. Созданные комиссии обеспечат качественный отбор присяжных заседателей путем тщательной проверки всех необходимых документов и сведений.

Информационные материалы, прилагаемые к первичному уведомлению кандидатов в присяжные заседатели, должны включать подробное разъяснение законодательных требований Российской Федерации. Особое внимание следует уделить положениям о достоверности предоставляемых сведений и ответственности за сокрытие персональных данных при отборе в коллегию присяжных.

Введение административной ответственности за предоставление недостоверных сведений и умышленное сокрытие личной информации кандидатами в присяжные заседатели представляется необходимой мерой укрепления судебной системы. Законодательное закрепление санкций за подобные нарушения позволит значительно повысить качество формирования коллегии присяжных и обеспечить объективность судебного разбирательства. Практика показывает, что достоверность предоставляемых кандидатами данных напрямую влияет на справедливость выносимых вердиктов.

На основании изложенного можно сделать вывод, что достоверность предоставляемой информации при составлении списков потенциальных присяжных заседателей служит условием законности формирования коллегии. Умышленное сокрытие кандидатами существенных биографических данных и персональных обстоятельств неизбежно влечет отмену судебного решения, принятого с участием такой коллегии присяжных. Для снижения рисков

формирования незаконной коллегии присяжных заседателей предлагается внести изменения в действующее законодательства в части создания специальных комиссий по отбору кандидатов в присяжные заседатели, а также введение административной ответственности за предоставление недостоверных сведений кандидатами в присяжные заседатели.

Д.В. Сигмаева¹

Научный руководитель: **О.А. Зеленина²**

^{1,2} Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева

Электронное уголовное дело: преимущества и недостатки. Роль искусственного интеллекта в следственной деятельности

Аннотация. В настоящей статье проводится комплексный анализ правовых и прикладных аспектов внедрения электронного формата уголовного дела в российском уголовном процессе. Исследуются нормативные предпосылки цифровизации, определяются ключевые преимущества и риски данного процесса в контексте новелл УПК РФ. Особое внимание уделено проблемам интеграции технологий искусственного интеллекта в следственную деятельность и процессуальным механизмам обеспечения допустимости результатов их применения.

Ключевые слова: электронное уголовное дело, уголовный процесс, цифровые доказательства, искусственный интеллект, следственная деятельность, допустимость доказательств.

Цифровая трансформация общественных отношений неизбежно влечет за собой модернизацию публично-правовых институтов, включая сферу уголовной юстиции. Переход от традиционной бумажной формы фиксации хода и результатов расследования к модели электронного уголовного дела представляет собой не просто технологическое новшество, но сущностное изменение подходов к организации следственной деятельности, обращению с доказательственной информацией и обеспечению прав участников процесса. Повышение эффективности предварительного расследования и оптимизация процессуальных издержек являются драйверами этого перехода. Одновременно с этим, экспоненциальное развитие систем искусственного интеллекта открывает принципиально новые возможности для анализа криминалистически значимой информации. Данные процессы, обладая значительным потенциалом, порождают ряд фундаментальных правовых и методологических вызовов, требующих глубокого доктринального осмысления и выверенного нормативного регулирования для обеспечения баланса между технологической оптимизацией и соблюдением фундаментальных принципов уголовного права.

Формирование правовой базы для функционирования электронного уголовного дела в Российской Федерации осуществляется посредством адаптации действующего РФ и коррелирующих с ним нормативных правовых актов в сфере информационных технологий. Основополагающие положения

УПК РФ изначально содержали предпосылки для использования цифровых сведений в доказывании. Так, статья 74 УПК РФ, определяя доказательства как любые сведения, на основе которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, создает широкую основу для интеграции информации в электронной форме. Перечень источников доказательств, включающий иные документы в соответствии со статьей 84 УПК РФ, позволяет приобщать к материалам дела сведения, зафиксированные на электронных носителях. Кроме того, результаты сложных исследований, включая машинную обработку данных, могут быть представлены в процессе посредством заключения специалиста или эксперта согласно статье 80 УПК РФ.

Ключевым этапом институционализации электронного документооборота стало развитие положений, регулирующих применение информационных технологий в уголовном процессе. Статья 474 УПК РФ допускает возможность изготовления процессуальных документов в форме электронного документа. Решающее значение для цифровизации досудебной стадии приобрели изменения, внесенные Федеральным законом от 25.12.2023 № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹. Данный закон существенно модернизировал статью 474.1 и дополнил УПК РФ статьей 474.2, которые прямо легализовали оборот электронных документов как в судебных стадиях, так и на этапе предварительного расследования.

Статья 474.2 УПК РФ теперь позволяет участникам уголовного судопроизводства при наличии технической возможности подавать ходатайства, заявления и жалобы в электронной форме, а также предусматривает изготовление электронных копий ключевых процессуальных актов, включая обвинительное заключение, обвинительный акт и обвинительное постановление. Принципиальным условием юридической значимости электронного процессуального документа выступает его подписание усиленной квалифицированной электронной подписью (далее – УКЭП). Требования к УКЭП и ее равнозначность собственноручной подписи установлены Федеральным законом от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»². Применение УКЭП выступает процессуальной гарантией аутентичности и целостности документа, обеспечивая идентификацию подписавшего его лица и неизменность содержания. Режим защиты информации и обеспечения безопасности доступа к электронным материалам базируется на положениях Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³.

¹ Федеральный закон от 25.12.2023 № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 53.

² Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

Имплементация модели электронного уголовного дела генерирует ряд существенных преимуществ, способствующих оптимизации уголовного судопроизводства. В первую очередь значительно ускоряются и упрощаются коммуникации между органами расследования, прокуратурой, судом и иными участниками процесса. Электронная подача документов и возможность оперативного изготовления электронных копий материалов дела минимизируют временные и транзакционные издержки, связанные с традиционным бумажным документооборотом. Это напрямую способствует реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Также электронный формат создает предпосылки для расширения дистанционных форм процессуальных взаимодействий, включая использование систем видео-конференц-связи, потенциал которых для досудебной стадии поддержан новыми нормами УПК РФ.

Важнейшим достоинством электронной формы является обеспечение высокого уровня целостности и проверяемости материалов дела. В отличие от бумажных носителей, подверженных риску физической утраты или несанкционированной модификации, электронные данные позволяют применять надежные криптографические методы верификации. В научной доктрине справедливо подчеркивается криминалистическая ценность работы с оригиналом электронных данных, поскольку их копирование при соблюдении надлежащих процедур не влечет утраты первоначальных свойств.

А. А. Дмитриева совместно с П. С. Пастуховым, отстаивая концепцию электронного доказательства, указывают на приоритет работы с оригиналами и на технологические гарантии их неизменности, в частности посредством применения хэш-контроля¹. Это позволяет укрепить «цепочку сохранности» цифровых следов и существенно упрощает их атрибуцию, что является необходимым условием для признания электронных данных допустимыми и достоверными доказательствами.

Кроме того, перевод материалов дела в машиночитаемый формат радикально повышает поисковую доступность информации и открывает возможности для автоматизированной аналитической обработки больших массивов данных. Автоматизированная навигация, полнотекстовый поиск, возможность систематизации и категоризации данных позволяют следователю и суду более полно и всесторонне исследовать обстоятельства дела, выявлять взаимосвязи между различными элементами доказательственной базы, что особенно значимо при расследовании сложных многоэпизодных уголовных дел.

Несмотря на очевидные преимущества, процесс внедрения электронного уголовного дела сопряжен с рядом системных рисков и барьеров, требующих комплексного подхода к их нейтрализации. Центральной проблемой является обеспечение информационной безопасности и соблюдение режима охраняемой законом тайны. Уголовное судопроизводство оперирует значительным объемом чувствительной информации. Законодатель прямо устанавливает ограничения на

¹ Дмитриева А.А., Пастухов П.С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 7. № 1. С. 270–295.

оборот электронных документов. В соответствии с частью 5 статьи 474.1 и частью 6 статьи 474.2 УПК РФ, документы не могут подаваться или изготавливаться в электронной форме, если они содержат сведения, составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, либо касаются безопасности государства. Общие риски несанкционированного доступа, утечки, модификации или уничтожения электронных данных диктуют необходимость применения усиленных мер защиты. Создание защищенной инфраструктуры, способной противостоять современным киберугрозам, требует значительных финансовых и кадровых ресурсов.

Другим существенным препятствием выступает техническая и инфраструктурная асимметрия участников уголовного судопроизводства. На практике темпы внедрения цифровых технологий в уголовном процессе отстают от аналогичных процессов в арбитражном и гражданском судопроизводстве.

О.В. Кузьмина и М.М. Скотникова отмечают замедленное внедрение цифровых решений и обосновывают необходимость поэтапной адаптации процедур, модернизации инфраструктуры органов предварительного расследования, а также переосмысления самого понятия «материалы дела» применительно к их цифровой форме¹. Неравномерность технического оснащения различных ведомств и регионов может создавать препятствия для полноценной реализации электронного формата и порождать риски нарушения прав участников процесса.

Дискуссионным в теории и практике остается вопрос о доказательственной квалификации отдельных цифровых объектов. Существующая в УПК РФ система источников доказательств не в полной мере учитывает специфику электронных данных. Сохраняется неопределенность в разграничении понятий «иной документ» (статья 84 УПК РФ) и «вещественное доказательство» (статья 81 УПК РФ) применительно к электронным носителям информации и самим данным. Квалификация электронного носителя как вещественного доказательства не решает вопроса о процессуальном статусе самой информации. Отнесение же электронной информации к иным документам не всегда учитывает ее динамичность и необходимость применения специальных технических средств для ее восприятия. Отсутствие в УПК РФ легального определения электронного доказательства создает трудности в правоприменительной практике при определении адекватного процессуального порядка изъятия, осмотра и приобщения таких объектов.

На фоне общей цифровизации уголовного процесса особое место занимает вопрос о роли искусственного интеллекта (далее – ИИ) в следственной деятельности. Стратегический вектор развития данной сферы задан Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Указ № 490), где провозглашены принципы

¹ Кузьмина О. В., Скотникова М. М. Электронное уголовное дело: зарубежный опыт и перспективы внедрения в российский уголовный процесс // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 4. С. 173–177.

доверенности ИИ-технологий и необходимость формирования нормативной базы для их применения в различных сферах, включая правоохранительную¹.

Практическое применение ИИ в расследовании преступлений открывает широкие возможности для повышения его эффективности, особенно при работе с большими объемами данных. К основным направлениям относятся ускоренный анализ видео- и аудиоматериалов, распознавание образов и биометрических данных, выявление скрытых закономерностей и связей между объектами и субъектами по разнородным массивам данных (анализ данных систем «Безопасный город», биллинга операторов связи, социальных сетей, транспортных потоков). Также ИИ может использоваться для автоматического протоколирования и предварительной категоризации изъятых цифровых массивов.

Современная криминалистическая доктрина признает значительный потенциал ИИ как вспомогательного аналитического инструмента.

В.А. Иноценко видит в ИИ мощное средство аналитической поддержки и оптимизации труда следователя, позволяющее решать задачи оперативного поиска и обработки информации². Однако одновременно указывается на комплекс рисков и нормативные лакуны, препятствующие широкому внедрению данных технологий без надежных гарантий безопасности и соблюдения прав граждан.

Ключевые риски связаны с так называемой проблемой «черного ящика» ИИ-моделей, когда алгоритм принятия решения системой не является полностью прозрачным и интерпретируемым. Это порождает сложности с валидацией точности результатов, обеспечением их воспроизводимости, а также с выявлением потенциальных алгоритмических смещений (предвзятости) в работе ИИ. В уголовном процессе, где достоверность доказательств является фундаментальным требованием, процессуальная проверяемость результата применения ИИ приобретает критическое значение. Использование непроверяемых алгоритмов недопустимо.

Интеграция результатов, полученных с использованием ИИ-инструментов, в доказательственную базу по уголовному делу является сложной процессуальной задачей. В отсутствие специальных норм в УПК РФ, регламентирующих применение ИИ, такие результаты должны быть оформлены в соответствии с действующими процессуальными формами. Наиболее корректным способом представляется их оформление либо как заключения специалиста или эксперта (статья 80 УПК РФ), если используемая ИИ-технология имеет аттестованную методологию и позволяет провести полноценное исследование. В этом случае эксперт или специалист несет ответственность за достоверность выводов и может быть допрошен для разъяснения примененных методов. В иных случаях

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

² Иноценко В. А., Калинин В. В., Ковтун Н. А. Искусственный интеллект на службе закону и следствию // Право и управление. 2024. № 5. С. 549–555.

результаты применения ИИ могут оформляться как «иной документ» (статья 84 УПК РФ) с последующей всесторонней проверкой и оценкой следователем и судом наряду с другими доказательствами.

Для обеспечения допустимости таких доказательств критически важно детальное фиксирование всех параметров применения ИИ: используемый метод, характеристики модели, версии программного обеспечения, исходные датасеты, а также меры по контролю целостности данных. Обязательным является участие специалиста, способного разъяснить механизм работы системы и интерпретировать полученные результаты, что необходимо для устранения эффекта «черного ящика» и согласуется с принципами доверенного ИИ, заложенными в Указе № 490.

Процессуальные аспекты использования ИИ при производстве отдельных следственных действий также требуют детальной проработки.

В.В. Глиме́йда, исследуя применение ИИ при осмотре, в том числе интернет-информации, подчеркивает необходимость разработки четкого процессуального регламента использования ИИ-инструментов, а также внедрения надежных механизмов верификации их результатов для целей обеспечения их допустимости в качестве доказательств¹. Отсутствие такого регламента может привести к утрате доказательственной информации ввиду нарушения процессуальной формы.

Развитие электронного уголовного дела и внедрение ИИ требуют дальнейшего совершенствования законодательства. В доктрине отмечается необходимость системного подхода к цифровизации, выходящего за рамки фрагментарных изменений УПК РФ.

В частности, Н. А. Моругина предлагает ввести в УПК РФ самостоятельный раздел «Электронное уголовное дело», функционирование которого должно опираться на единую межведомственную цифровую платформу, интегрирующую сервисы правоохранительных органов². Это позволило бы комплексно урегулировать вопросы формирования, ведения и хранения электронных материалов и уточнить статус электронного доказательства.

Подводя итог, можно констатировать, что электронное уголовное дело в Российской Федерации уже имеет необходимую нормативную основу, заложенную новеллами УПК РФ, положениями об электронных документах и использовании УКЭП, а также общими нормами законодательства об информации и электронной подписи. Переход к цифровому формату обеспечивает повышение оперативности судопроизводства, прозрачности процессуального оборота и улучшение качества работы с доказательствами при условии строгого соблюдения установленной процессуальной формы и требований информационной безопасности.

¹ Глиме́йда В. В. Процессуальные аспекты применения искусственного интеллекта при осмотре информации в сети интернет // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 3 (17). С. 35–39.

² Моругина Н. А. Электронное уголовное дело: понятие, история, зарубежный опыт, перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1(44). С. 84–89.

Вместе с тем сохраняется ряд проблемных зон, требующих разрешения. К ним относятся сложности в квалификации электронных источников информации в рамках существующей системы доказательств, необходимость обеспечения надежных режимов защиты тайны и кибербезопасности, а также преодоление инфраструктурной и технической неравномерности в оснащении правоохранительных органов.

Таким образом, роль искусственного интеллекта в следственной деятельности объективно будет возрастать, предоставляя новые инструменты для анализа больших данных и выявления криминалистически значимой информации. Однако эффективное и законное применение ИИ возможно только при условии его интеграции в действующие процессуальные формы, такие как заключение специалиста, эксперта или иные документы, с обязательным обеспечением проверяемости используемых методов, данных и полученных результатов. Это соответствует общегосударственному подходу к развитию доверенного искусственного интеллекта. В доктрине последних лет прослеживается консенсус относительно необходимости дальнейшей кодификации института электронного уголовного дела и разработки детального регламента применения передовых технологий в уголовном судопроизводстве.

Д.А. Федонников¹, Е.И. Фирсова²

Научный руководитель: Ю.А. Цветков³

^{1,2,3} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Наступательность следователя или обвинительный уклон: где грань?

Аннотация. В статье рассматривается соотношение между обвинительным уклоном и допустимой активностью следователя как центральной процессуальной фигуры в российском уголовном судопроизводстве. Анализируются исторические, нормативные и теоретические аспекты формирования следственной функции, раскрываются причины возникновения обвинительного уклона и его отличия от законной наступательной позиции следователя. Особое внимание уделено проблеме обеспечения объективности и беспристрастности расследования, а также роли профессиональной инициативы в реализации принципов справедливости и презумпции невиновности. Авторы приходят к выводу, что активность следователя является проявлением его профессиональной компетентности, тогда как обвинительный уклон представляет собой деформацию правосознания.

Ключевые слова: уголовный процесс, следователь, обвинительный уклон, активная позиция следователя, объективность, презумпция невиновности, принцип состязательности, доказательства, профессионализм, законность.

С момента проведения петровских реформ в отечественной правовой системе сформировались майорские следственные канцелярии, появление которых стало

ключевым этапом в становлении российской модели уголовного судопроизводства. Возникновение данного института, предопределило качественное изменение розыскного процесса и структуры досудебного производства, оказав существенное влияние на дальнейшее развитие уголовно-процессуальной деятельности в России.

Идея создания специализированного следственного ведомства, организационно и функционально независимого от иных органов государственной власти, была впервые реализована Петром I в ходе масштабных судебных преобразований, направленных, в числе прочего, на разграничение стадий уголовного процесса – предварительного расследования и судебного разбирательства. Уже в 1713 году были учреждены первые специализированные следственные органы – «майорские» следственные канцелярии. К их подсудности относились уголовные дела о наиболее опасных деяниях, посягающих на основы государственности, прежде всего – преступления коррупционной направленности, совершаемые высшими должностными лицами государственной власти: взяточничество, казнокрадство, служебные подлоги, мошенничество. Непосредственная подчинённость главе государства и институциональная обособленность от иных органов власти обеспечивали объективность и беспристрастность «майорских» следственных канцелярий при осуществлении уголовного преследования¹.

Современный российский уголовный процесс, несмотря на его принадлежность к континентальной правовой семье, сохраняет указанную историческую специфику. Его особенностью является наличие на досудебных стадиях специально уполномоченного должностного лица, в компетенции которого сосредоточены основные функции и полномочия, определяющие динамику уголовного процесса. Таким лицом выступает следователь – процессуальная фигура, осуществляющая производство по уголовному делу в полном объёме. Для континентальной модели уголовного судопроизводства подобная конструкция не является типичной, поскольку в большинстве национальных систем соответствующие функции распределены между различными участниками процесса – полицией, прокуратурой и следственными судьями. В российской же модели данные функции традиционно интегрированы в лице следователя, что подчёркивает её оригинальность и преемственность, восходящую к петровским преобразованиям начала XVIII века.

Фигура следователя и его перечень полномочий часто являются предметом дискуссий в современном научном обществе. Исследователи в области уголовного процесса определяют совокупность функций, реализуемых следователем при выполнении процессуальных задач:

1. расследование преступления;
2. обвинение;
3. защиту;
4. разрешение дела;

¹ Лоза Т.В. История создания и становления следственного комитета Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2013. №1 (1). С. 65–76.

5. выявление преступления;
6. раскрытие преступления;
7. розыск;
8. профилактику преступлений¹.

Следует отметить, что дискуссионной в научной литературе остаётся функция обвинения. С одной стороны, в соответствии с положениями УПК РФ следователь отнесён к стороне обвинения, что предполагает выполнение им именно этой процессуальной функции. С другой стороны, анализ фактической деятельности следователя показывает, что его процессуальная роль значительно шире: он не только формирует и поддерживает обвинение, но и обязан всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела, включая те, которые оправдывают подозреваемого или смягчают его ответственность.

Отнесение следователя к участникам процесса со стороны обвинения заметно влияет на его профессиональную установку. Практика показывает, что такой статус формирует у следователя обвинительный подход: он сосредотачивается на сборе улик, подтверждающих версию обвинения, и в меньшей степени – на поиске оправдывающих доказательств.

Согласно УПК РФ, следователь, несмотря на своё положение на стороне обвинения, обязан действовать всесторонне и объективно. Статья 73 УПК РФ прямо обязывает исследовать дело не только с обвинительной позиции, а подходить к расследованию всесторонне, полно и объективно. Однако на практике требование всесторонности часто остается декларативным. Многие авторы указывают, что обвинительная ориентация следователя нивелирует эти нормы: доказательства, противоречащие версии обвинения, могут не притягиваться к делу, что нарушает состязательность процесса. Таким образом, формальные гарантии объективности, заложенные в законе, на досудебной стадии часто не реализуются в полной мере, что ослабляет защиту прав подозреваемого и обвиняемого. С.А. Шейфер подчёркивает внутреннее противоречие роли следователя: он «не может не испытывать состояние внутренней, раздвоенности, сознавая себя, с одной стороны, субъектом уголовного преследования, обязанным собирать уличающие обвиняемого (подозреваемого) доказательства, а с другой – исследователем, вынужденным опровергать самого себя, устанавливая обстоятельства, несовместимые с обвинением»². Иными словами, следователь вынужден одновременно собирать уличающие доказательства и искать информацию, которая может их опровергнуть.

Обращаясь к букве закона – исходит из УПК РФ иного подхода к определению процессуальных функций. Так, в соответствии со статьёй 15 УПК РФ, уголовное судопроизводство строится на основе разделения трёх процессуальных функций: обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. При этом данные функции

¹ Настольная книга следователя. Учебное пособие в 2-х т. Т.1 / Под общ ред. д. ю. н., проф. А.И. Бастрыкина; отв. науч. ред. к. ю. н., доц. С.В. Валов, к. ю. н., доц. Ю.А. Цветков. М. – СПб: Изд-во Московской академии СК России, 2021. – 328 с.

² Шейфер С.А. Российский следователь —исследователь или преследователь? // Рос. юстиция. 2010. № 11. С. 35.

отделены друг от друга и не могут быть возложены на одного и того же участника уголовного судопроизводства.

Вместе с тем анализ статьи 38 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что объём процессуальных полномочий следователя значительно шире, чем формально предусмотренная функция обвинения. В соответствии с пунктом 1 указанной статьи, следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, установленной законом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. Далее, в пункте 2 статьи 38 перечислены конкретные полномочия следователя, среди которых:

- возбуждение уголовного дела;
- принятие дела к своему производству или направление его по подследственности;
- самостоятельное определение направления расследования и принятие решений о производстве следственных и иных процессуальных действий;
- выдача обязательных для исполнения поручений органам дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- обжалование решений прокурора при несогласии с ними;

Из системного анализа данных положений следует, что законодатель наделил следователя широким комплексом процессуальных прав и обязанностей, позволяющих ему выступать не только как представителю стороны обвинения, но и как самостоятельному субъекту уголовного процесса, от решения которого во многом зависит эффективность досудебного производства. Тем самым фактически закрепляется более сложная, многоплановая роль следователя, выходящая за рамки узкого понимания функции обвинения и включающая в себя элементы раскрытия преступлений, обеспечения прав участников процесса и реализации задач уголовного судопроизводства в целом.

Исторически восприятие следователя как представителя стороны обвинения во многом обусловлено господствовавшей в советский период концепцией единства следственно-прокурорского аппарата. Так, А.Я. Вышинский подчёркивал: «Мы исходим из единства следственно-прокурорского аппарата, ибо кто поддерживает обвинение, тот должен отвечать за обвинение, а кто отвечает за обвинение, тот должен отвечать за качество следственного материала, который лежит в основе обвинения»¹. Данная позиция отражала идеологическую установку своего времени, когда следователь фактически рассматривался как составная часть обвинительного механизма. Однако современная концепция уголовного процесса исходит из иного подхода: следователь – это самостоятельный субъект уголовного судопроизводства, действующий не в интересах обвинения, а в интересах закона и справедливости, обеспечивая баланс публичного интереса и прав личности.

Вместе с тем в практике и научных дискуссиях нередко смешиваются два различных понятия – обвинительный уклон и активная (наступательная) позиция следователя. Их отождествление приводит к искажённому восприятию сущности

¹ Вышинский А.Я. О мероприятиях по улучшению качества судебно-прокурорской работы // За социалистическую законность. 1934. № 5. С. 16–32.

следственной деятельности и не способствует правильному пониманию природы уголовного процесса. Л.А. Воскобитова отмечает признаки обвинительного уклона:

- формальное копирование обвинительного заключения судом;

- Признание должностными лицами прокуратуры и суда приоритета материалов уголовного дела над доказательствами, представляемыми и исследуемыми непосредственно в суде;

- При исследовании доводов, приводимых в пользу подсудимого, вопреки ч. 2 ст. 14 УПК РФ, государственный обвинитель не опровергает, а суд не требует от обвинителя опровержения этих доводов, как правило, подменяя опровержение информации «опорочиванием свидетеля»;

- Органы расследования, а вслед за ними прокурор и суд нередко признают доказательства обвинения материалы, не отвечающие понятию доказательства, но никогда не делают этого для усиления позиции защиты;

- При наличии противоречивых доказательств, и органы расследования, и государственный обвинитель, и суд, как правило, берут за основу процессуальных решений доказательства обвинения, а не доказательства защиты.

Также она подчеркивает, что обвинительный уклон явно противоречит функциональному построению процесса, однако это явление пока не получило должного осмысления в правоприменительной практике и не стало предметом достаточно глубокого теоретического исследования. Возможно, это связано с отсутствием регулярного мониторинга законности следственной и судебной практики, из-за чего признаки данного явления недостаточно выявлены и формализованы. Обвинительный уклон пока не получает объективного отражения в социологических исследованиях и судебной статистике: отсутствует система официальных показателей, с помощью которых можно было бы его выявить и статистически обобщить. Это обстоятельство позволяет рассматривать утверждения о существовании обвинительного уклона как голословные и недоказанные¹.

Таким образом, под обвинительным уклоном следует понимать негативную деформацию следственной деятельности, выражающуюся в предвзятой ориентации расследования на подтверждение версии о виновности конкретного лица при игнорировании иных возможных версий, оправдывающих или смягчающих обстоятельств, а также доказательств, свидетельствующих о невинности подозреваемого или обвиняемого. Такая позиция противоречит конституционным принципам справедливости, презумпции невинности и состязательности сторон (ст. 7, 73, 85, 88 УПК РФ), а также нарушает требование об объективности и беспристрастности должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. В результате обвинительный уклон не только снижает качество расследования, но и подрывает доверие к институту предварительного следствия в целом.

¹ Воскобитова Л. А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3 (40). С. 455–462.

В противоположность этому активная, наступательная позиция следователя является необходимым и законным элементом профессиональной деятельности. Активность следователя выражается в инициативности при выдвижении и проверке следственных версий, в оперативности принятия процессуальных решений, в настойчивости при установлении обстоятельств, требующих доказательства, а также в рациональном использовании предоставленных законом полномочий. Такая активность не имеет ничего общего с предвзятостью или обвинительным уклоном; напротив, она служит реализации задачи полного, всестороннего и объективного установления истины по делу.

Именно инициативность, решительность и профессиональная наступательность позволяют следователю эффективно использовать предоставленные процессуальные инструменты для обеспечения прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства. Активный следователь не обвиняет, а доказывает; не утверждает заранее, а проверяет каждую версию; не навязывает выводы, а формирует их на основе совокупности достоверных доказательств.

Следовательно, обвинительный уклон следует рассматривать как искажение профессионального правосознания, а активная позиция – как форму проявления профессиональной компетентности следователя. Первый подрывает законность и справедливость, второй – укрепляет их. Наступательность следователя, выраженная в настойчивом, системном и принципиальном подходе к расследованию, обеспечивает не только эффективность раскрытия преступлений, но и защиту прав человека, поскольку объективное установление истины является лучшей гарантией как для потерпевшего, так и для обвиняемого. Следователь, будучи убеждённым в виновности лица, обязан добросовестно и в рамках закона доказывать предъявленное обвинение. Однако наличие сомнений в виновности требует от него иной профессиональной позиции – исследовать обстоятельства дела всесторонне, устраняя противоречия и неясности, руководствуясь принципом *in dubio pro reo*. Истинный профессионализм проявляется не только в способности обвинять, но и в умении признать собственную ошибку, если привлечение лица к ответственности оказалось необоснованным. Такая позиция свидетельствует о высокой правовой культуре и моральной ответственности следователя перед законом и обществом.

Проблемы обеспечения процессуальных прав потерпевших при дистанционном участии в досудебном производстве и возможные пути их решения

Аннотация. В статье исследуются проблемы, связанные с дистанционным участием потерпевших в досудебном производстве в контексте цифровизации. Анализ нормативной базы, научных источников и правоприменительной практики позволил идентифицировать ключевые препятствия для реализации их прав на этапах проверки сообщения о преступлении и предварительного расследования. Предложены варианты решения проблем и повышения эффективности процессуальных гарантий защиты прав потерпевших.

Ключевые слова: дистанционное участие, потерпевший, досудебное производство видео-конференц-связь (ВКС), процессуальные гарантии, следственные действия.

Современный этап эволюции уголовного судопроизводства в Российской Федерации определяется интенсивными процессами цифровизации, соответствующими приоритетам – государственной политики, изложенными в Указе Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹.

Данная стратегия ориентирует на необходимость формирования инновационной технологической инфраструктуры для ключевых сфер общественной жизни, включая сферу уголовного судопроизводства.

В современном досудебном уголовном производстве риски несоблюдения процессуальных гарантий достигают максимума, поскольку именно здесь осуществляется уголовное преследование и стороной обвинения формируется основа доказательственной базы. В ходе такой уголовно-процессуальной деятельности участники уголовного процесса, не наделенные властными полномочиями, к числу которых относятся и потерпевшие от преступлений, сталкиваются с наибольшими трудностями в реализации своих процессуальных прав.

Актуальность проблемы, в том числе для деятельности следственных органов, обусловлена трансформацией социальных реалий. Потерпевшие, как и любые другие лица, могут быть подвержены значительным ограничениям, таким как географическая удаленность от места производства уголовного дела, невозможность принять участие в следственных действиях из-за финансовых трудностей, проблем со здоровьем и множеством других причин. Несмотря на

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 N203 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

гарантированные права потерпевшим, в частности на доступ к правосудию, что закреплено в международных актах и в УПК РФ, практика досудебного производства, в отличие от судебных стадий, недостаточно использует потенциал цифровых технологий.

К примеру, в судебных стадиях уголовного судопроизводства дистанционные технологии (видео-конференц-связь – ВКС; электронный документооборот) широко применяются и признаны конституционно допустимыми (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 14-П)¹, не нарушая принципа состязательности и права на защиту. Однако на досудебной стадии такая практика остается фрагментарной, что приводит к системным нарушениям.

Понятие дистанционного участия было сформулировано Самсоновым П.А. как «особую форму реализации властными и невластными субъектами уголовного процесса, удаленно находящимися друг от друга, своих процессуальных прав и обязанностей, отличающуюся спецификой возникающих при этом уголовно-процессуальных правоотношений, которая способствует достижению целей уголовного судопроизводства в разумный срок с учетом требований процессуальной экономии, недопущению необоснованного ограничения прав, свобод, законных интересов личности, вовлекаемой в уголовно-процессуальную сферу»².

Дистанционное участие является для потерпевших ключевой гарантией реализации таких прав, как участие в следственных действиях (ст. 166–170 УПК РФ), ознакомление с материалами дела (ст. 217 УПК РФ), заявление ходатайств и жалоб (ст. 119, 123 УПК РФ). Анализ доктрины показывает, что дистанционное участие минимизирует риски несвоевременного доступа к правосудию, выступая процессуальной гарантией защиты прав потерпевших в условиях цифровизации. Однако фрагментарность регулирования (отсутствие прямых норм в главах 21–23 УПК РФ) приводит к коллизиям: потерпевшие не могут полноценно участвовать в допросах, осмотрах или очных ставках удаленно, что противоречит принципу состязательности (ст. 15 УПК РФ) и может квалифицироваться как нарушение конституционного права на судебную защиту (ст. 46 Конституции Российской Федерации)³.

На первой стадии уголовного процесса - возбуждения уголовного дела - дистанционные механизмы ограничены: потерпевший может подать заявление о преступлении используя электронный документооборот, но УПК РФ не предусматривает удаленной дачи объяснений. Это создает проблемы в

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.11.2006 № 538-О «По жалобе гражданина Давыдова Андрея Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2007 г. , № 9 , ст. 1146. Дата обращения: 18.10.2024.

² Самсонов П.А. Дистанционное участие в досудебном уголовном производстве: правовое регулирование и правоприменение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 23.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 04.07.2020. № 144 (8198).

оперативности, особенно в условиях территориальной удаленности. На стадии предварительного расследования следственные действия (допрос – ст. 166 УПК РФ; осмотр – ст. 170 УПК РФ) теоретически допускают дистанционное участие, но эмпирические данные указывают на низкую интенсивность применения: в 2024 г. доля таких случаев не превышает 5–7% от общего объема (по данным Следственного комитета РФ)¹.

Как отмечают современные процессуалисты: «ввиду наблюдаемого в настоящее время стремительного развития цифровых технологий и основанных на их использовании средств дистанционной коммуникации законодатель предусмотрел возможность обеспечения участия некоторых лиц в производстве допроса, очной ставки и предъявления для опознания посредством систем видеоконференц-связи за исключением случаев, предполагающих риск разглашения охраняемой законом тайны либо данных о человеке, в отношении которого приняты меры безопасности (ст. 189.1 УПК РФ)»². Формальное закрепление данной возможности является прямым ответом на вызовы цифровой эпохи. Однако, как показывает последующий анализ, декларативного характера этой нормы недостаточно для преодоления фрагментарности практики ее применения на досудебной стадии.

Процессуальные формы дистанционного участия на досудебной стадии включают:

1) электронное заявление ходатайств и жалоб через Единый портал государственных и муниципальных услуг (Госуслуги) или электронный документооборот;

2) участие в следственных действиях с использованием ВКС;

3) дистанционное ознакомление с материалами уголовного дела.

Можно выделить следующие барьеры для реализации данных форм:

1) нормативный дефицит (отсутствие специальных норм для досудебной стадии, в отличие от судебной);

2) технические ограничения (цифровой разрыв);

3) риски фальсификации;

4) несоблюдение разумного срока (территориальная удаленность приводит к задержкам на 20–40 дней).

Сравнительный анализ опыта некоторых государств демонстрирует эффективность дистанционного участия потерпевших в обеспечении законности и защиты интересов. В Латвии (ст. 118 УПК Латвии)³ с 2015 г. потерпевшие участвуют в допросах по ВКС, что, снижает процессуальные издержки и ускоряет расследование.

¹ Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru>. Дата обращения: 10.10.2025.

² Уголовный процесс: учебник для вузов / под общей редакцией А.И. Бастрыкина; под научной редакцией Ю.Б. Самойловой. М.: Юрайт, 2025. С. 446.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Латвийской Республики от 01.10.2005 // Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21960>. Дата обращения: 20.10.2025.

В Беларуси (ст. 185 УПК РБ)¹ внедрено электронное ознакомление с материалами, интегрированное с государственной системой ЭДО, обеспечивая конфиденциальность и оперативность. Сравнительно-правовой анализ регламентации применения видео-конференц-связи (ВКС) в досудебном производстве демонстрирует различные законодательные подходы.

В УПК Республики Беларусь (ст. 224.1 УПК РБ) основания для использования ВКС при производстве следственных действий формализованы и включают несколько оснований: невозможность личного присутствия участника процесса по уважительным причинам (состояние здоровья и иные), а также необходимость обеспечения оперативного, всестороннего и объективного расследования. В юридической литературе отмечается: сравнительный анализ ст. 189.1 УПК РФ и ст. 224.1 УПК РБ выявляет принципиально разные подходы к обеспечению безопасности участников процесса при использовании ВКС. Российский законодатель устанавливает прямой запрет на применение видео-конференц-связи в случае, если в отношении лица применяются меры безопасности. В отличие от этой позиции, белорусский законодатель не исключает дистанционный формат, но предписывает использовать в таких ситуациях специальные средства, искажающие внешность и голос защищаемого лица².

Отличительной чертой казахстанской модели, как указывает Оракбаев А.Б., является ее ориентированность на активное внедрение ИТ-средств для реализации принципов «слышащего государства» и преодоления барьеров, что находит отражение в возможности использования ВКС уже на стадии проверки сообщения о преступлении³. В ст. 179 УПК РК⁴ предусматривается ВКС для проверки сообщений о преступлении, минимизируя географические барьеры. Законодатель Казахстана, закрепляя в ч. 1 ст. 213 УПК РК перечень оснований для дистанционного проведения следственных действий, не только воспроизводит подход белорусского коллеги, но и расширяет его. В отличие от УПК РБ, казахстанская норма предусматривает возможность использования ВКС в случаях, когда очная форма требует чрезмерных расходов или сопряжена с иными практическими затруднениями.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З. Электронная правовая система «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?docid_=30414958&pos=67-44. Дата обращения: 14.09.2025.

² Муллахметова Н.Е. Использование видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве по законодательству России и Республики Беларусь // Право: теория и практика-2023: сборник научных статей. Витебск. 2023. С. 161–167.

³ Оракбаев А.Б. О некоторых вопросах расследования преступлений с применением современных цифровых систем (опыт Республики Казахстан) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 2. С. 189–194.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852. Дата обращения: 22.10.2025.

Необходимость изменения уголовного процесса в части касающегося дистанционного формата участия лиц подчеркивали также А.Ю. Епихина и А.В. Мишина¹, О.А. Малышева², П.П. Ищенко³ и многие другие.

В России эта практика не реализована в полной мере. Для оптимизации необходимо внести изменения в УПК РФ, касающиеся вопросов возможности дачи объяснений потерпевшим, его допроса в дистанционном формате, а также подачи письменных ходатайств и иных заявлений также с использованием цифровых технологий. Необходимо также предусмотреть возможность дистанционного ознакомления потерпевшего с материалами уголовного дела при поступлении от него соответствующего ходатайства. Представляется обоснованным расширение перечня оснований для производства допроса, очной ставки и опознания с использованием видео-конференц-связи, предусмотренного статьей 189.1 УПК РФ. Во избежание злоупотреблений со стороны следователей, связанных с необоснованным выбором дистанционной формы проведения следственных действий, необходима четкая регламентация объективных обстоятельств, делающих очное производство невозможным. Это позволит обеспечить применение очного формата в тех ситуациях, где он является наиболее целесообразным, оперативным и экономичным.

Ключевой задачей предлагаемой корректировки УПК РФ является имплементация механизмов, обеспечивающих неукоснительное соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства и минимизацию их срыва на досудебных стадиях. Наглядной иллюстрацией служит ситуация с допросом свидетеля, территориально удаленного от места расследования. Действующий регламент обязывает органы предварительного следствия выбирать между двумя организационно сложными процедурами: направлением поручения о производстве следственных действий в соответствующий территориальный орган или осуществлением выезда следователя к месту нахождения лица. Оба варианта сопряжены со значительными временными потерями, а второй — еще и с дополнительными финансовыми издержками. Внедрение видео-конференц-связи (ВКС) для проведения подобных действий позволит существенно оптимизировать процесс, сократив временные и финансовые ресурсы.

Внедрение технологий видео-конференц-связи (ВКС) для производства следственных действий представляется действенным инструментом процессуальной экономии, позволяющим минимизировать как временные, так и материальные ресурсы. Более того, дистанционное участие потерпевших в досудебном производстве выступает не только средством оптимизации, но и важным элементом реализации функции защиты прав личности, что, по

¹ Епихин А.Ю., Мишин А.В. Применение видеоконференцсвязи в досудебном производстве как мера безопасности участника следственного действия // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. № 3. С. 150.

² Малышева О.А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи // Lex Russica. 2022. № 6. С. 79.

³ Ищенко П.П. Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex Russica. 2019. № 12. С. 78.

справедливому замечанию Ю.А. Цветкова, входит в число задач следователя¹. Для успешной реализации этого потенциала необходимо преодоление текущих проблем, таких как фрагментарность правового регулирования, технические и социальные барьеры. Предлагаемые меры, опирающиеся на зарубежный опыт и отечественную правовую доктрину, направлены на комплексную оптимизацию УПК РФ и правоприменительной практики, что в конечном итоге позволит в полной мере реализовать конституционный принцип разумного срока и повысить уровень доверия к системе правосудия.

¹ Цветков Ю.А. Эволюция функций следователя в уголовном процессе России // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 244–251.

Секция 3

Тенденции и проблемы в развитии современной русской криминалистики

Е.А. Братищенко¹

Научный руководитель: Д.В. Алехин²

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Интеграция геопро пространственного исследования (GEOINT) и методов открытого источника (OSINT) в процессе расследования преступлений против половой неприкосновенности

Аннотация. В статье рассматривается современный методический подход к расследованию преступлений против половой неприкосновенности, основанный на синергетическом применении технологий геопро пространственного исследования определенных объектов (GEOINT) и анализа данных из открытых источников (OSINT). Анализируются практические аспекты сбора, исследования и процессуального закрепления цифровых геоданных, реконструкции пространственно-временных параметров события и установления объективной истины по уголовному делу.

Ключевые слова: GEOINT, OSINT, половая неприкосновенность, геолокационные данные, метаданные, реконструкция события, цифровые следы.

Внедрение современных цифровых технологий в следственную практику обусловило необходимость разработки новых методических подходов к расследованию преступлений против половой неприкосновенности.

Традиционные методы доказывания, основанные преимущественно на субъективных показаниях участников процесса, демонстрируют ограниченную эффективность в условиях цифровой трансформации общественных отношений.

В этой связи интеграция методов геопро пространственного исследования объектов и анализа открытых источников представляет собой перспективное направление совершенствования следственной деятельности, позволяющее перейти к объективной цифровой реконструкции события.

Методологическая основа исследования базируется на системном подходе к анализу цифровых следов, формируемых в процессе совершения преступления.

В научной литературе цифровые следы определяются как любая криминалистически значимая компьютерная информация, т.е. сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи¹. Ключевым аспектом является признание того, что каждое электронное устройство, вовлеченное в

¹ Цифровые следы преступлений: монография / А.М. Багмет, В.В. Бычков, С.Ю. Скобелин, Н.Н. Ильин; Следственный комитет Российской Федерации; Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2021. С. 7.

событие, оставляет комплекс данных, привязанных к географическим координатам и временным меткам. Эти данные образуют многоуровневую систему взаимосвязанных доказательств, поддающихся исследованию и анализу.

Первоначальный этап методики предполагает криминалистический сбор цифровых доказательств с соблюдением требований процессуального законодательства¹.

В международной практике деятельность правоохранительных органов в сфере работы с цифровыми доказательствами регламентируется применением специализированных нормативно-методических комплексов, с учетом специфики оперативно-розыскной и следственной деятельности.

Ключевую роль в формировании данной нормативной базы играют международные стандарты цифровой криминалистики, в частности, ISO/IEC 27037:2012², регламентирующий процедуры обнаружения, изъятия, приобретения и сохранения цифровых доказательств, а также смежные стандарты ISO/IEC 27041:2015,³ касающийся аспектов надежности процесса расследования, и ISO/IEC 27042:2015,⁴ определяющий принципы анализа и интерпретации цифровых данных. Адаптацию данных международных предписаний на национальном уровне можно продемонстрировать на примере Российской Федерации, где на базе стандарта ISO/IEC 27037:2012 был разработан и внедрен ГОСТ ИСО/МЭК 27037-2014 «Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Руководства по идентификации, сбору, получению и хранению свидетельств, представленных в цифровой форме»⁵, что обеспечивает процессуальную легитимность и методическую унификацию процессуальных действий с цифровыми следами в рамках отечественной правоприменительной системы. Что касается конкретно геопространственного расследования (GEOINT), в Соединенных Штатах Америки (далее – США) действует Доктрина геопространственной разведки, также она определяется в Своде законов США, в статье 467 как использование и анализ изображений и геопространственной информации для описания, оценки и визуального отображения физических объектов и деятельности с географической привязкой на Земле⁶.

¹ Чернышов В.Н., Лоскутова Е.С. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств / Социально-экономические явления и процессы. 2021. Т. 11. № 5. С. 199-203.

² ISO/IEC 27037:2012 Information technology. Security techniques // Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence. (дата обращения: 05.10. 2025)

³ ISO/IEC 27041:2015 Information technology. Security techniques. // Guidance on assuring suitability and adequacy of incident investigative method. (дата обращения: 05.10. 2025)

⁴ ISO/IEC 27042:2015 Information technology. Security techniques. // Guidelines for the analysis and interpretation of digital evidence. (дата обращения: 05.10. 2025)

⁵ ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037-2014 Национальный стандарт Российской Федерации Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности руководства по идентификации, сбору, получению и хранению свидетельств, представленных в цифровой форме.

⁶ Cardillo, R. (2018) Geospatial Intelligence Basic Doctrine. Collections, pp. 04-01.

Изъятие электронных устройств, принадлежащих потерпевшим, свидетелям, подозреваемым (обвиняемым) осуществляется с применением сертифицированного технического обеспечения, с помощью которого возможно физическое копирование информации с носителей и с верификацией хэш-сумм.

Особое внимание должно уделяться извлечению полных журналов геолокации, включая данные спутниковой навигации (GPS/ГЛОНАСС), историю подключений к базовым станциям сотовой связи, метаданные медиафайлов (EXIF), которые автоматически записываются в файл цифрового изображения или видео в момент его создания – эти данные генерируются камерой устройства (фотоаппарата, смартфона, видеорегистратора) и служат его техническим «паспортом» или «цифровым отпечатком», а также информацию о Wi-Fi и Bluetooth соединениях.

Процедура изъятия электронных устройств, принадлежащих потерпевшим, свидетелям и подозреваемым, представляет собой важный этап, от корректности которого зависит дальнейшая допустимость и достоверность информации в виде доказательств. Данный процесс осуществляется с применением сертифицированного технического обеспечения, предназначенного для физического копирования данных с исходных носителей. Ключевым аспектом здесь является использование аппаратных блокираторов записи (write blockers), которые, будучи подключенными между изымаемым носителем и рабочим компьютером следователя или криминалиста, на физическом и программном уровне исключают возможность модификации оригинала.

Последующее создание посекторной копии (bit-by-bit image) всего содержимого накопителя сопровождается обязательной верификацией хэш-сумм, вычисляемых по алгоритмам MD5 или SHA-256. Совпадение хэш-сумм исходного носителя и полученного криминалистического образа математически доказывает целостность и неизменность копии, что является фундаментальным требованием для обеспечения допустимости доказательств в суде.

Особое внимание в процессе последующего анализа уделяется извлечению и консолидации полных журналов геолокации, которые формируют цифровой след перемещения устройства. К ним относятся, во-первых, данные спутниковой навигации (GPS/ГЛОНАСС), извлекаемые из специализированных кэш-файлов операционной системы, которые позволяют восстановить детальный маршрут с высокой точностью. Во-вторых, не менее значимой является история подключений к базовым станциям сотовой связи, логирующая идентификаторы сот (LAC, Cell ID) – при изъятии мобильных устройств в рамках расследования означает процесс записи и сохранения специальных идентификаторов базовых станций сотовой связи, к которым подключалось устройство.

Даже в отсутствие активного модуля GPS эти данные позволяют установить приблизительное местоположение устройства методом триангуляции, что зачастую служит ключевым аргументом для подтверждения или опровержения алиби. Параллельно с этим проводится тщательный анализ метаданных медиафайлов, в частности, данных EXIF, которые автоматически передаются в файл цифрового изображения или видео в момент его создания камерой устройства. Эти данные, выступая в роли технического «паспорта» или

«цифрового отпечатка», содержат такую информацию, как точные дата и время съемки, геокоординаты (при активированной геолокации), модель и производитель устройства, а также уникальные технические параметры съемки.

Криминалистическая ценность EXIF-данных заключается в возможности установления подлинности файла, определения места и времени события, а также выявления признаков последующей модификации контента.

Завершающим элементом в построении цифровой биографии устройства является анализ информации о беспроводных соединениях. Журналы подключений к сетям Wi-Fi, включая списки сохраненных сетей (SSID) и историю установленных соединений с точками доступа, позволяют установить места частого и продолжительного пребывания владельца.

Аналогичным образом, данные о Bluetooth-соединениях, а именно история сопряженных устройств и логи обнаружения окружающих гаджетов, предоставляют информацию о контактах между устройствами и о нахождении в конкретных локациях, таких как автомобиль или офис.

Таким образом, комплексный анализ изъятых цифровых носителей с применением сертифицированного инструментария и верифицированных методик позволяет реконструировать непротиворечивую и многослойную картину событий, основанную на объективных данных геолокации, метаданных и сетевой активности, что в совокупности формирует надежную доказательственную базу.

Последующая обработка и нормализация данных предполагает конвертацию исходных данных в стандартизированные форматы с привязкой временных меток к единому часовому поясу.

На данном этапе осуществляется фильтрация артефактов записи и аномалий, вызванных техническими погрешностями оборудования. Полученные данные импортируются в специализированное программное обеспечение для анализа и визуализации (Maltego, Google Earth Pro, специализированные платформы типа GPS Visualizer).

К примеру, следователь получает журналы LBS с телефона потерпевшей К. и телефона подозреваемого П. за определенную дату. LBS (Location-Based Services) – это сервисы, основанные на определении местоположения объектов с использованием данных сотовых сетей.

В настоящее время примерно в 85 % мобильных телефонов установлен чип системы глобального позиционирования ¹. Системы глобального позиционирования (ГНСС) включают ГЛОНАСС, Galileo, Beidou и GPS. LBS-логи – это журналы, в которые записываются данные, связанные с определением местоположения (параметры базовых станций, временные метки и координаты, данные о состоянии устройства или попытках подключения. Принцип работы логов заключается в том, что, когда устройство (например, GPS-трекер) не может получить спутниковый сигнал, оно переключается на сбор данных от

¹ Abbas, R., Michael, K., Michael, M.G. (2014) The regulatory considerations and ethical dilemmas of location-based services (LBS) A literature review. *Information Technology & People*, vol. 27, no. 1, pp. 2–20.

ближайших базовых станций сотовой связи. Эти данные передаются на сервер, где сравниваются с базой данных координат станций¹. Полученные данные с телефонов преобразуются в таблицы с координатами и временными метками. Визуализация на карте показывает два трека, движущихся синхронно по одному маршруту. Это является основанием для выдвижения версии о их совместном перемещении, что либо подтверждает, либо опровергает показания. Данные GPS с телефона верифицируются через сопоставление с LBS-логами и внешними OSINT-источниками (например, если на фото с координатами склада, сделанном подозреваемым, виден конкретный объект, его наличие проверяется по спутниковым снимкам и панорамам).

Следующим этапом является пространственно-временная реконструкция события. На карту наносятся все значимые точки: место первоначального контакта, маршрут движения, место совершения преступления, место последующего исчезновения. Для каждой точки устанавливается временной интервал.

К примеру, показания потерпевшей: «Он увез меня на заброшенный дачный участок в районе пос. Солнечное, мы были там с 21 часов 30 минут до 23 часов 00 минут». Данные с ее телефона показывают, что в 21 час 25 минут устройство подключилось к базовой станции, обслуживающей пос. Солнечное, а в 21 час 35 минут зафиксировало координаты GPS (60.148314, 29.935171), оставаясь в этой точке до 22 часов 55 минут. Одновременно телефон подозреваемого показывает идентичную локацию. EXIF-данные фотографии, найденной в его облачном хранилище с временной меткой 22 часа 15 минут, содержат те же координаты. Такое совпадение будет являться значимым доказательством.

Далее следует этап, при котором осуществляется установление алиби или его опровержение. К примеру, подозреваемый заявляет, что в момент преступления находился дома один. Однако анализ его LBS-данных показывает, что его телефон в указанное время подключался к сотам, географическая зона покрытия которых не включает его домашний адрес, но включает место преступления. Перекрестная проверка с данными камер видеонаблюдения (с помощью запросов в Государственную инспекцию безопасности дорожного движения – ГИБДД), привязанными к данной локации, может визуальным образом идентифицировать его автомобиль или его самого.

Заключительным этапом является процессуальное закрепление и формулировка выводов. Все этапы анализа должны быть отражены в протоколах, после чего назначается компьютерно-техническая судебная экспертиза. Результаты анализа могут оформляться в виде карт-схем, графиков временных линий и заключения эксперта.

Все указанные действия осуществляются в строгом соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной

¹ Kolodziej, K.W. & Hjelm, J. (2006). Local Positioning Systems: LBS Applications and Services (1st ed.). CRC Press.

деятельности»¹ и УПК РФ², с обязательным соблюдением требований к сохранению целостности цифровых доказательств и обеспечению их допустимости в судебном производстве.

Внедрение GEOINT-OSINT методологии в практику Следственного комитета Российской Федерации представляет собой качественный скачок в расследовании преступлений против половой неприкосновенности. Это переход от субъективной оценки противоречивых показаний к объективному, основанному на данных, установлению истины. Данная технология не только повышает раскрываемость и обеспечивает неотвратимость наказания для виновных, но и служит инструментом защиты от ложных обвинений, исключая субъективизм.

Ключевым элементом является системный сбор и криминалистический анализ цифровых следов — от данных спутниковой навигации и истории соединений с сотовыми сетями до метаданных медиафайлов и журналов беспроводных подключений. Строгое соблюдение международных и национальных стандартов работы с цифровыми доказательствами, использование сертифицированного оборудования и верифицированных методик (таких как создание копий с проверкой хэш-сумм) обеспечивает процессуальную легитимность и допустимость полученных данных в суде.

Интеграция GEOINT-OSINT подхода позволяет не только эффективно устанавливать и проверять алиби, выдвигать следственные версии, но и создавать объективную картину произошедшего. Это не только повышает раскрываемость преступлений и обеспечивает неотвратимость наказания для виновных, но и служит надежным инструментом защиты от ложных обвинений.

Дальнейшее успешное применение этой технологии требует от следователей постоянного повышения квалификации и тесного межведомственного взаимодействия в области цифровой криминалистики, что в совокупности способствует установлению объективной истины по делу.

Компетентное использование цифровых геопространственных следов требует от следователя постоянного повышения квалификации и межведомственного взаимодействия в области цифровых технологий.

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ.1995. № 33. Ст. 3349.

П.А. Белоус¹

Научный руководитель: Ф.А. Аметка²

^{1,2} Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Криминалистика в эпоху глобализации: актуальные проблемы расследования международных преступлений

Аннотация. Международные преступления представляют собой наиболее тяжкие деяния, нарушающие фундаментальные нормы международного права. К числу таких преступлений относят геноцид, военные преступления, преступления против человечности и агрессию. Расследование этих преступлений требует привлечения специалистов в области криминалистики, которые обеспечивают сбор, анализ и интерпретацию доказательств с учетом международных стандартов. Роль криминалистов в расследовании международных преступлений является ключевой, так как их деятельность обеспечивает объективность и надежность доказательной базы. В данной работе анализируется деятельность криминалистов в сфере расследования международных преступлений, раскрываются основные методологические подходы и рассматриваются примеры из международной судебной практики.

Ключевые слова: международные преступления, раскрытие преступлений, расследование уголовных дел, международные трибуналы, преступления международного характера.

Актуальность темы исследования заключается в том, что на протяжении многовековой истории, человечество периодически сталкивалось с самыми различными формами совершения международных преступлений. Трагические события XX века, ознаменовавшиеся двумя мировыми войнами, этническими чистками в Африке и на Балканах, применением новых видов оружия, в том числе и массового поражения, преступлениями против военнопленных, массовыми расстрелами, убийствами, истязаниями или уводом в рабство гражданского населения, медицинскими опытами, изощренными методами пыток и иных зверств, привели к необходимости привлечения виновных к справедливому суду и, соответственно, к созданию мощной доказательной базы.

Несмотря на проведение международных военных трибуналов в Нюрнберге, Токио, трибуналов по Руанде и по бывшей Югославии, в результате которых привлечены главы государств и правительств, министры и руководители различных государственных ведомств; принятие многочисленных международных актов, направленных на признание таких деяний как геноцид, апартеид, этнические чистки, использование голода и блокады водных ресурсов, принудительная депортация народов и др., применение запрещенных средств и методов ведения войны – международными преступлениями, на данный момент в мире насчитывается около 30 очагов вооружённых конфликтов. И в рамках которых мы, к сожалению, наблюдаем совершение военных преступлений, преступлений против человечности. Так, например, на территории ДНР, ЛНР,

признанных новыми территориями Российской Федерации, украинскими национал-фашистами совершаются военные преступления, характеризующимися массовостью, жестокостью, что приведет к необходимости привлечения преступного киевского режима к международной ответственности, к доказыванию указанных противоправных деяний в органах международной юстиции, а соответственно, на этом этапе возрастает роль работы экспертов-криминалистов. В зоне боевых действий органами прокуратуры фиксируются нарушения для решения дальнейшего вопроса по привлечению виновных лиц к уголовной ответственности. В связи с чем, возникает необходимость изучения исторического и международного опыта проведения криминалистических экспертиз.

Недостаточная степень изученности, как в отечественной, так и в зарубежной литературе указанного объекта исследования демонстрирует нам особую значимость темы научной работы. Несмотря на то, что в правовой доктрине и иных специальных науках достаточно глубоко исследованы различные методы и способы поведения криминалистических экспертиз, тема о роли криминалистов в расследовании международных преступлений не становился объектом самостоятельного научного исследования. Важно отметить, что В.И. Комиссаров в своих работах неоднократно обращал внимание на проблемы совершенствования криминалистической тактики, вопросы методики расследования отдельных видов преступлений, однако этот вопрос практически не ставится в качестве основного в рамках научных исследований, поэтому мы попытаемся его изучить ввиду массовости и жестокости рассматриваемой категории преступлений, которые представляют угрозу для всего общества.

Международные преступления требуют особых подходов к их раскрытию и доказыванию. Криминалистика здесь выступает как ключевая наука, разрабатывающая методы выявления, фиксации и анализа доказательств. На практике это предполагает применение таких методов, как трансграничный обыск, выемка компьютерных данных, перехват телекоммуникаций, эксгумация, судебно-медицинская и генетическая экспертизы. Российские криминалисты и юристы активно работают над разработкой таких методик, что подчёркивается в трудах А.Г. Волеводза, Н.И. Костенко, И.И. Лукашука и других ученых¹. Таким образом, качественное расследование международных преступлений невозможно без междисциплинарного подхода, интеграции криминалистических знаний с международным правом и активного сотрудничества государств в сфере уголовного преследования.

В последние годы международное сообщество вновь обратило внимание на случаи обнаружения массовых захоронений, свидетельствующих о возможных преступлениях международного характера. Так, в апреле 2024 года в секторе Газа в районах больниц «Нассер» и «Аш-Шифа» были найдены братские могилы, содержащие сотни тел, часть которых имела следы насильственной смерти. Верховный комиссар ООН по правам человека Фолькер Тюрк призвал к

¹ Костенко Н.И. Международное уголовное право: современные теоретические проблемы. М.: Юрлитинформ, 2004. С. 352.

проведению международного расследования, отметив необходимость срочного реагирования в связи с масштабами трагедии. Схожие случаи фиксировались ранее и в других регионах. Например, в Донецкой области в 2014 году местные ополченцы обнаружили массовые захоронения, где, по утверждению свидетелей, были похоронены гражданские лица. Министерство иностранных дел Российской Федерации акцентировало внимание на наличии документальных подтверждений и потребовало проведения международного расследования данных преступлений. Проблема массовых захоронений, особенно в контексте военных и этнических конфликтов, актуализирует необходимость повышения роли криминалистов в таких расследованиях¹. Помимо обнаружения и эксгумации останков, специалистам приходится обеспечивать идентификацию погибших, анализ признаков насильственной смерти и генетическое исследование останков.

Эти события свидетельствуют о необходимости системной работы по формированию типовой криминалистической методики расследования международных преступлений, учитывающей специфику эксгумационных и судебно-медицинских мероприятий, а также международные стандарты правосудия. Случаи массовых захоронений не ограничиваются лишь вооружёнными конфликтами настоящего времени. История знает множество примеров, когда после окончания военных действий начиналось расследование преступлений против человечности. Один из ярких примеров — работы на Жестяной горке в Новгородской области, где были обнаружены массовые захоронения времён Второй мировой войны. В ходе эксгумации были извлечены останки 521 человека, среди которых значительную часть составляли дети и подростки. Проведённые судебно-медицинские экспертизы позволили установить пол, возраст, характер повреждений и давность наступления смерти, что дало основания для признания этих преступлений актом геноцида советского народа.

Криминалистика в данном контексте выполняет ключевую роль — от первоначального осмотра мест массовых захоронений до подготовки заключений, необходимых для судебного преследования виновных. Именно благодаря методологической базе криминалистики стало возможным формировать доказательственную базу, необходимую как для национальных, так и международных трибуналов. Наглядным примером является деятельность Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ), который продолжает работу по выявлению преступлений нацистского режима. Председатель СК РФ А.И. Бастрыкин подчеркнул, что созданное управление по расследованию военных преступлений, геноцида и реабилитации нацизма опирается на данные рассекреченных архивов, идентификацию останков и

¹ Винокуров А.Ю. Международно-правовые и организационные основы расследования военных преступлений в отношении гражданского населения и уголовного преследования лиц, их совершивших: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 246.

экспертные заключения ¹. Кроме того, в ряде случаев международные расследования сталкиваются с трудностями, связанными с ограничением доступа к территориям, где предположительно были совершены массовые убийства. Так, в секторе Газа гуманитарные миссии ООН неоднократно получали отказ в доступе к больничным комплексам до того момента, как были найдены массовые захоронения. Также блокада Израилем ввоза оборудования для ДНК-тестирования и других жизненно необходимых товаров в Газу привела к тому, что тысячи палестинцев до сих пор остаются неопознанными. Многие тела месяцами хранятся в моргах, за это время начинается разложение мягких тканей. При этом значительная часть погибших была сожжена или получила тяжелые повреждения, что делает стандартные методы идентификации — такие как измерение костей, анализ стоматологических данных и изучение личных вещей — практически невозможными. Данные обстоятельства ещё раз подчеркивают необходимость международного сотрудничества в сфере уголовного правосудия, обмена экспертными методиками и создания универсальных стандартов в области судебно-криминалистической экспертизы.

В этой связи необходимо учитывать опыт, накопленный в ходе расследования геноцида в Руанде и конфликтов в Югославии, где преступления против человечности и сексуальное насилие стали предметом международного осуждения и судебного преследования. Так, хуту убивали своих соседей с особой жестокостью: унижали, пытали, отсекали конечности. По оценкам правозащитников, во время геноцида в Руанде изнасиловали более 250 тыс. женщин. К армии и полиции со временем присоединились отряды ополченцев: они ходили от дома к дому со списками тутси, а для убийств использовали «все, что попадалось под руку» — молотки, палки, мачете. В больницах боевики заставляли врачей-хуту убивать своих коллег-тутси. По приказу полиции сестры милосердия загоняли тутси в сарай и поджигали. За три недели в Руанде погибли более 500 тыс. человек, к началу июля — порядка 800 тыс. Геноцид тутси прекратился 14 июля, когда отрядам РПФ удалось захватить столицу Руанды и взять под контроль правительство. Лидер РПФ Поль Кагаме занял пост вице-президента и министра обороны страны. Новое руководство Руанды арестовало более 100 тыс. человек по подозрению в причастности к массовым убийствам.

Учитывая трансграничный характер таких деяний, следственные органы вынуждены прибегать к новым формам взаимодействия — трансграничным обыскам, международным запросам о правовой помощи, совместным следственным группам, обмену данными из баз ДНК и криминалистических реестров. Актуальность разработки частной криминалистической методики расследования международных преступлений подчёркивается в ряде исследований. Предлагается формировать её на основе:

- типовой криминалистической характеристики преступлений,
- особенностей возбуждения уголовного дела,

¹ Бастрыкин А.И. Подготовка к Хабаровскому процессу и его значение для международного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 1. С. 64.

- специфики планирования и организации предварительного расследования,
- анализа международной судебной практики и роли Международного уголовного суда.

Историческим примером успешного применения криминалистики является расследование деятельности японского Отряда 731 в Хабаровском процессе, проводившего биологические эксперименты и разрабатывавшего бактериологическое оружие. Советские криминалисты сыграли решающую роль в выявлении преступников, систематизации свидетельских показаний и обеспечении судебного разбирательства. Методы допросов, документальных исследований и вещественных доказательств позволили реконструировать картину преступлений, несмотря на попытки уничтожения доказательной базы. Как отмечает А. И. Бастрыкин: «Советские следователи тщательно собирали любую значимую для процесса информацию, ведь часть документов японские военные успели уничтожить, они также сожгли тела подопытных людей, взорвали свои базы и лаборатории».

В ходе подготовки Хабаровского процесса следственные органы СССР столкнулись с тем, что японские военные уничтожили большую часть лабораторий, сожгли тела жертв экспериментов и скрыли архивные документы¹. Также многие японские военнопленные первоначально отрицали свою причастность к преступлениям, ссылаясь на военные приказы. Лишь после длительной следственной работы удалось получить признательные показания. Г.Г. Пермяков подчеркивал, что «собранными материалами их команда очень гордилась: они допросили тысячи военнопленных, провели с ними большую работу, и в итоге японцы начали сотрудничать с переводчиками и следствием»². В результате работа криминалистов позволила идентифицировать остатки лабораторий, инструментов и химических веществ, применяемых в экспериментах над людьми.

Так, российские криминалисты активно участвуют в исследовании международных преступлений, разрабатывая методы, которые могут быть применены в международных расследованиях. Важно отметить, что международные расследования требуют не только знаний в области криминалистики, но и понимания международного права, а также необходимости работать с различными правовыми системами и культурными контекстами. Это требует от специалистов высокой профессиональной подготовки, способности адаптировать свои методы и подходы к специфике каждого расследования. Современные методы криминалистики включают не только традиционные экспертные приёмы, но и цифровые технологии, позволяющие реконструировать преступления прошлого. Так, применяются георадары, 3D-моделирование и анализ дрон-съёмки для выявления и

¹ Федоров А.В. Хабаровский процесс: историко-правовое исследование // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2025. № 1. С. 11.

² Пермяков Г.Г. Зона смерти: [из личного архива: о знаменитом Хабаровском процессе над японскими военными преступниками, проводившими испытание бактериологического оружия на людях] // Тихоокеан. звезда. 2000. 11 февр.

обследования мест массовых убийств, в том числе концентрационных лагерей и газовых камер.

Е.Д. Берадзе¹

Научный руководитель: Е.В. Степанова²

^{1,2} Южный федеральный университет

Самоубийство: криминалистические возможности при осмотре места происшествия

Аннотация. В статье представлены результаты исследования технических возможностей следователя при проведении осмотра места происшествия при самоубийстве. В ходе подготовки работы были проанализированы методические рекомендации, пособия, научные труды учёных-криминалистов, интервью, образцы протоколов. В работе рассмотрены основные технические средства, используемые для качественного и полного осмотра места происшествия, а также предложены рекомендации по внедрению новых приёмов и модернизации уже имеющихся.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, самоубийство, криминалистические возможности, техническое обеспечение, криминалистика.

Расследование самоубийства является довольно сложным процессом, поскольку самоубийство важно правильно отграничить от его инсценировки. Важнейшую роль в правильной квалификации преступления играет осмотр места происшествия – неотложное следственное действие, дающее начальную и в то же время фундаментальную информацию о преступлении, т.к. именно во время осмотра места происшествия следователь может осмотреть труп, обстановку совершения преступления, обнаружить следы и т.д. От качества проведения осмотра места происшествия зависит качество всего расследования. Важно отметить, что одним из принципов осмотра является применение научно-технических средств. К сожалению, нередко следователи из-за неотложности в рамках ограниченного времени проводят осмотр поверхностно, не обращают внимания на те объекты, которые могут восстановить происходившие события. Также они могут не заметить слабовидимые следы, неправильно зафиксировать результаты осмотра (описать обнаруженные объекты при осмотре неточно или их не описать вообще), что может привести к ошибкам при квалификации деяния. Необходимо отметить, что такие «неточности» могут стоить очень дорого, и из-за них могут быть нарушены права потерпевших, подозреваемых и т.д. Для того, чтобы не допустить таких ситуаций предлагается применять особые технико-криминалистические средства и приёмы, которые помогут следователю быстро и качественно, а главное, не утратив и не изменив следы, провести осмотр места происшествия.

Во время осмотра места происшествия при повешении следователю при подходе к трупу важно обратить внимание на подошву обуви, а точнее на наличие вещества (масло, мел и т.д.). Также при повешении человек в состоянии агонии может удариться о стену, ствол дерева и т.д., соответственно, при осмотре

места происшествия важно также осмотреть одежду трупа на наличие краски, мела, опилок, тех веществ, с которыми соприкоснулась одежда человека. Обнаружить мелкие крупы вещества невооружённым глазом довольно сложно, поэтому предлагается применять приборы, работающие на основе УФ-излучения. Оно используется для обнаружения невидимых объектов, поскольку под действием ультрафиолета происходит люминесценция (свечение) многих органических веществ. При осмотре подошвы можно применять фонарь ТЕКТИТЕ, он помогает обнаружить краски и другие материалы, флуоресцирующие при ультрафиолетовом свете. Однако важно быть предельно осторожным при использовании ультрафиолета, так как его лучи способны разрушать клетки ДНК, поэтому, чтобы не изменить и уничтожить другие биологические следы, следует использовать прибор недолго. Рассмотрим, как проявляется люминисцентность у различных веществ (табл.).

Проявление люминисцентности у различных веществ

№	Вещество	Проявление люминисценции
1	Бумага	Чем выше содержание целлюлозы, тем свете тона свечения. При высоком содержании лигнина свечение тускнеет
2	Керосин	Голубая, при увеличении удельного веса возрастает яркость
3	Клей	Крахмальный – голубая
		Декстриновый – голубоватая
		Казеиновый – молочно-голубоватая
		Силикатный – обычно нет, но иногда может иметь желтоватое свечение
4	Мазут	Ярко-голубая
5	Мел	Фиолетовая
6	Мука	Желтоватая, однако если она содержит отруби, то появляется голубое свечение. Чем их содержание выше, тем выше и интенсивность свечения
7	Пшеница	Зелёная
8	Солянка	Ярко-голубая
9	Слюна	Беленовато-голубая, чем свежее пятно, тем светится тусклее
10	Сперма	Беленовато-голубая, чем свежее пятно, тем светится тусклее

Во время осмотра места происшествия при повешении всегда встаёт главный вопрос – мог ли сам потерпевший затянуть петлю? Для этого необходимо рассчитать расстояние от места, куда крепилась петля, до пола, до подошвы обуви потерпевшего, до узла, которым затянута петля, расстояние от подставки до ног трупа, а также важно учитывать высоту самой подставки. Сопоставить вышеизложенные расчёты одному следователю, учитывая неотложность и условия проведения осмотра, довольно трудно, поэтому предлагается

разработать портативный прибор, который предварительно покажет следователю, возможно ли самому лицу завязать и затянуть петлю при исходных данных. Рассмотрим примерный рисунок такого устройства (рис. 1):

Введите данные:	
S от крепления петли до пола:	Учитывая введённые Вами данные, сообщаю что
S от крепления петли до подошвы:	
S от крепления петли до узла:	
Подставка:	
☐ стол	На указанном расстоянии и при указанной высоте ЛИЦО МОГЛО САМО ЗАТЯНУТЬ ПЕТЛЮ
☐ стул	
☐ пень	
☐ другое	
Высота подставки:	

К тому же при наступлении смерти потерпевший мог опорожниться. Если лицо совершило самоубийство, то следы мочи, кала будут находиться на внутренней поверхности бедер. Если они расположены иначе, это может говорить о том, что смерть наступила в другом положении. При убийстве более осведомлённый преступник может знать такие тонкости и убрать следы опорожнения. В таком случае для распознавания скрытых следов также может использоваться УФ-излучение и ИК-излучение.

Рис. 2-3. Визуализация различных следов при помощи ИК-лучей.

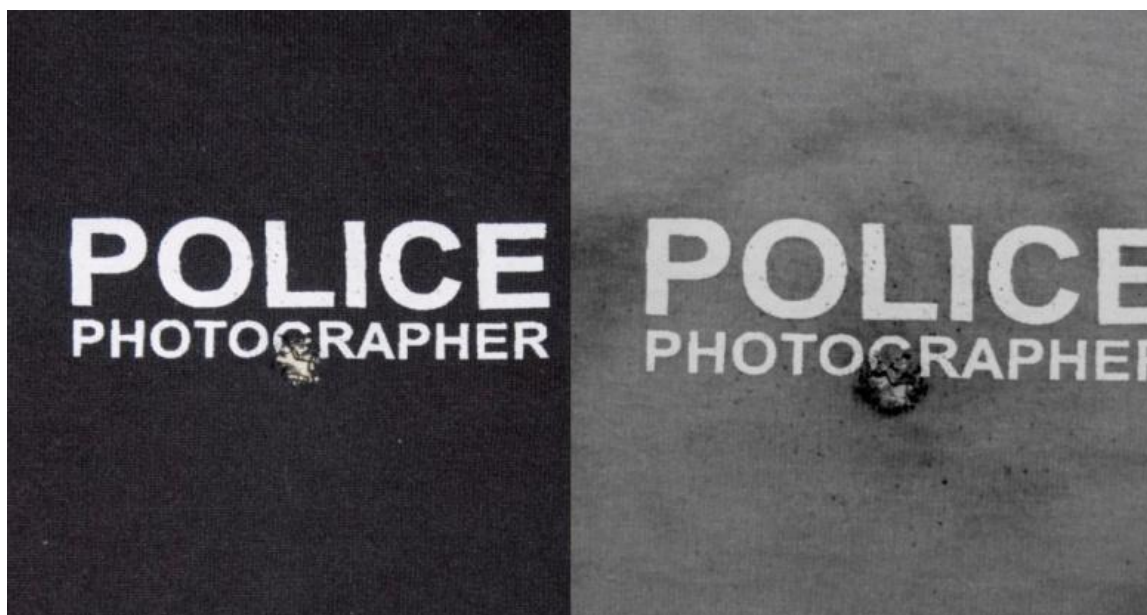

Рис. 4. Изображение следов крови на одежде с помощью экспертного света DNA Crime-lite (ИК-свет – 700-800 нм) Рис. 5. Изображение следов выстрела на одежде с помощью экспертного света DNA Crime-lite (ИК-свет – 700-800 нм)

Можно обнаружить такие следы при помощи одорологического метода. Предлагается внедрение при осмотре места происшествия «электронных носов» (приборов, способных на большом расстоянии, в труднодоступных местах, спустя большое количество времени определить различного рода запахи). Такие устройства уже разработаны, поэтому есть вероятность их широкого применения в будущем.

При проведении осмотра места происшествия при самоубийстве с использованием огнестрельного оружия важно учесть направление и расстояние выстрела. При проведении таких измерений так же возможно использование устройства при повешении, указанного выше.

При выстреле на руках погибшего могут оставаться следы копоти, на полу или одежде возможны следы пороха, оружейной смазки. Для их обнаружения используется инфракрасное излучение, одним из приборов, служащих для поиска таких следов, является электронно-оптический преобразователь Корунд-ИК. При использовании данного прибора поверхность исследуемого предмета облучается инфракрасным светом, от поверхности отражается световой поток. После он поступает на вход электронно-оптического преобразователя, который обеспечивает регистрацию и вывод изображения объекта на экран. При помощи окуляра можно увеличить масштаб изображения.

Для определения количества выстрелов и точного места наступления смерти необходимо найти все гильзы и пули. С целью их быстрого и качественного поиска, особенно в труднодоступных и незаметных местах следует использовать магнитометры и металлодетекторы. Сам А.И. Бастрыкин в своём интервью упомянул, что подобные приборы обладают высокой чувствительностью и способностью находить объекты даже в водоёмах на большой глубине. В случае,

когда площадь для поиска пуль засорена другими металлическими объектами, обнаружить необходимое достаточно трудно. В такой ситуации используется металлоискатель «Кондор», в настройках которого можно указать, какой тип металла необходимо найти или установить размеры искомого объекта. Прибор среагирует только на те объекты, которые соответствуют указанным параметрам. Использование металлоискателя сократит время поиска необходимых следов и позволит отделить необходимые для исследования объекты от других предметов.

Магнитометры способны обнаруживать объекты на глубине до 20 м. На практике для поиска огнестрельного оружия используются магнитометры типа Ferex, он позволяет обнаруживать объекты на глубине до 8 м, СК РФ применяет магнитометр ОСЬ.

Как уже отмечалось ранее, одной из главных проблем при квалификации самоубийства является возможность его отграничения от убийства и инсценировки самоубийства. Нередко преступник оставляет свои следы на мебели, стенах комнаты, на малозаметных объектах, которые при беглом осмотре можно и не учесть, однако они могут дать неимоверно важную информацию, в том числе о самом преступнике. Поэтому следователю необходимо тщательно выявлять всевозможные следы рук. В этом ему помогут дактилоскопические порошки. Они наносятся на исследуемый объект с помощью пульверизатора, кисточки и т.д. Однако, для обнаружения скрытых следов используются не только порошки. Соотнесем вид поверхности и вещества и средства, выявляющие скрытые следы (табл. 2):

Таблица 2

**Вещества, способные выявлять скрытые следы
на разных видах поверхностей**

№	Вид поверхности	Вещества, выявляющие скрытые следы
1	Гладкие	Дактилоскопический порошок, йод, мелкодисперсный реагент
2	Негладкие	Мелкодисперсный реагент
3	Бумага	Йод, нитрат серебра
4	Пластик	Дактилоскопический порошок, йод, мелкодисперсный реагент
5	Резина, кожа, винил	Дактилоскопический порошок, йод, мелкодисперсный реагент
6	Металл	Дактилоскопический порошок, мелкодисперсный реагент
7	Клейкие поверхности	Порошки для клейких лент

При осмотре места происшествия при расследовании самоубийства на открытой и большой по площади местности рекомендуется использовать дроны, позволяющие фиксировать свысока необходимый отрезок территории и близлежащие объекты в высоком качестве. К тому же, нередко осмотр места происшествия проводится в труднодоступных местах или в опасных для человека местах, поэтому летательные устройства просто необходимы в таком случае. Однако, при использовании БПЛА так же могут возникнуть сложности, поскольку преступники в условиях всеобъемлющей цифровизации научились применять антидроны, системы перехвата и т.д. Для предотвращения вышеуказанных проблем необходимо оснастить дроны возможностью раздельного управления полётом устройства и камерой, дополнительными съёмными конструкциями, функцией отслеживания GPS, функцией возврата устройства в начальную точку, функцией обрыва связи с оператором, а также дополнительным шифрованием между модулем контроля и устройством управления.

Во время осмотра места происшествия независимо от способа совершения самоубийства актуально применение системы лазерного 3D-сканирования, которая позволит смоделировать место происшествия, этапы совершения самоубийства и даст возможность ответить на вопрос, совершило ли само лицо суицид или его убили. К тому же, использование систем 3D-сканирования удобно применяется в случаях, когда место происшествия и объекты, находящиеся на нём, могут измениться, поскольку система зафиксирует и воссоздаст место происшествия в точности. При осмотре места происшествия важно уделить необходимое внимание осмотру трупа, а именно, его позе, месту его нахождения, цвету кожи и т.д. Важно учесть, что под влиянием погодных условий, воздействия других факторов состояние трупа может измениться, в то время как система лазерного сканирования воспроизведет первоначальный вид трупа. Предлагается использование сканеров типа «Eva», с помощью которых возможно проведение цветного сканирования с точностью до 50 мкм.

Подтверждение вышесказанному можно обнаружить в следственной практике.

А.З. Бийболатов¹, Е.Ю. Лапин²

Научный руководитель: Н.Д. Пятибратова³

^{1, 2, 3} Университет прокуратуры Российской Федерации

Моральная сторона следственных действий

Аннотация. Рассматриваются вопросы значения этических начал в деятельности следователя, в том числе при производстве следственных действий, нравственно-этические принципы служебного и бытового поведения следователя, их детерминирующая роль при решении отдельных следственных задач. Делается вывод о том, что нравственная направляющая деятельности следователя лежит в основе многих принимаемых им решений и особенно важна в ситуациях выбора и усмотрений.

Ключевые слова: нравственно-этические принципы, этика следственной деятельности, этические начала при производстве следственных действий.

У следователя может болеть зуб или сердце, может быть настроение – как погода за окном, могут семейные неприятности сыпаться зерном нового урожая, жена уйти к другому может – всё может быть у следователя, потому что он человек. Но следователь должен говорить с людьми вежливо, корректно и беспристрастно, потому что он следователь.

Станислав Родионов «Расследование мотива»

Для следователя соответствие этическим нормам поведения имеет особое значение, в подтверждение данного тезиса уместно привести слова председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина: «На предварительном следствии нам необходимо вернуться к таким понятиям, как совесть, нравственность, профессиональная этика, порядочность...». В своей профессиональной деятельности следователь должен исходить из конституционных положений о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и каждый гражданин имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную, семейную тайну, защиту чести, достоинства, своего доброго имени. Во главу этических начал уголовно-процессуальной деятельности поставлены неприкосновенность личности, ее законные права и свободы. Эти положения были закреплены в трудах известных советских процессуалистов и криминалистов профессоров М. С. Строговича, Л. Е. Ароцкера, Р. С. Белкина, Г. Ф. Горского, Л. Д. Кокорева, Д. П. Котова, О. Я. Баева и находят свое развитие в научных работах последующих поколений ученых.¹

Нравственное содержание отношений следователя с обвиняемым, подозреваемым, защитником обвиняемого и другими участниками процесса определяется прежде всего безупречным соблюдением следователем норм морали. Нравственный климат следствия зависит от того, насколько последовательно соблюдает лицо, ведущее расследование, правовые и моральные нормы. Активность и принципиальность в отыскании истины, объективность и беспристрастность, гуманность, справедливость, безупречная честность, высокая культура общения при строжайшем соблюдении законности, прав и интересов участвующих в деле лиц — важнейшие нравственные требования к следователю.

Следственные действия-неотъемлемый элемент уголовного процесса, направленный на установление истины по конкретному уголовному делу. Однако принудительный характер этих действий, их вторжение в частную и семейную жизнь, а также потенциальное влияние на физическое и психоэмоциональное состояние участников порождают не только юридические, но и глубокие моральные вопросы. Закон устанавливает процессуальные рамки

¹ Хмелева А.В. Морально-нравственные аспекты работы следователя. // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 72–78.

допустимости следственных действий, так например, статья 9 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ, УПК) гласит, что в ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья, кроме того, никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Помимо названной статьи, надлежит акцентировать внимание на ст. 17 УПК РФ, из которой следует, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Таким образом, УПК, как главный кодифицированный акт в сфере уголовного судопроизводства отводит значимое место морали и нравственности, отмечая данные понятия даже в содержании статей. В современной правовой системе идет тенденция гуманизации уголовного законодательства, что было отмечено на заседании Совета Федерации Российской Федерации 6 июня 2025 года. Также стоит цель укрепления доверия к правоохранительным органам, достижение которой невозможно без рассмотрения нравственной составляющей.

Следственные действия по своей сути представляют собой форму процессуального принуждения, направленного на сбор доказательственной информации. Согласно УПК РФ, они включают в себя, в частности, обыск, допрос, выемку, освидетельствование, очную ставку, эксгумацию и другие мероприятия. Эти действия часто сопряжены с ограничением конституционных прав человека – на неприкосновенность жилища, тайну частной жизни, телесную неприкосновенность и другие.

Несмотря на формальную законность, эти действия не могут проводиться в отрыве от моральных норм. Так, например, статья 164 УПК гласит, что при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц. Тем не менее, реализация этих принципов на практике требует от следователя высокого уровня нравственной зрелости, способности к моральному самоконтролю и уважения к человеческому достоинству даже в отношении подозреваемого.

Следователь – ключевая фигура досудебного производства. Он обладает широкими полномочиями, но при этом несёт особую ответственность за соблюдение как правовых, так и этических норм. Сложность заключается в том, что в ряде ситуаций мораль и закон могут входить в противоречие.

Например, проведение очной ставки между жертвой сексуального насилия и предполагаемым преступником, хотя и допустимо по закону, может нанести непоправимую психологическую травму потерпевшей. Аналогично эксгумация тела умершего может быть необходима с точки зрения доказательственного процесса, но вызвать моральное отторжение у родственников, особенно при религиозных убеждениях, связанных с запретом нарушения покоя умерших.

Следователь в таких случаях оказывается перед нравственным выбором: действовать строго по букве закона или учитывать моральные и этические обстоятельства. Наличие формального допуска к проведению мероприятия не отменяет необходимости уважительного отношения к чувствам и достоинству участвующих лиц.

Так, говоря об эксгумации, экспертиза останков нередко оказывается важнейшим доказательством. Однако эксгумация затрагивает культурные и религиозные табу, может восприниматься как кощунство. Статья 178 УПК РФ регламентирует порядок эксгумации, но не содержит морально-этических ограничений. Это пробел, который должен быть восполнен через внутренние стандарты, профессиональную этику или разъяснения судебной практики. Что касается, например, допроса несовершеннолетнего, даже при участии педагога и психолога, допрос несовершеннолетнего сопряжён с риском причинения вреда. Следователь должен учитывать уровень развития ребёнка, эмоциональное состояние, давления и грубого тона. Здесь особенно важно моральное чутьё и способность к эмпатии.

На практике встречаются случаи жёсткого допроса, находящегося на грани допустимого. Хотя формально действия могут соответствовать УПК, они способны нанести психоэмоциональный вред, что вызывает вопрос: всегда ли законное – это морально приемлемое.

Обыск – одно из самых инвазивных следственных действий. Согласно ст. 182 УПК РФ, он проводится при наличии достаточных оснований полагать, что в помещении находятся предметы или документы, имеющие значение для дела. Однако моральный аспект обыска часто недооценивается. Вмешательство в личное пространство, нарушение приватности семьи, вскрытие личных вещей и даже просмотр интимных записей — всё это может восприниматься как унижение человеческого достоинства. Особенно тяжёлым может быть обыск в присутствии детей, пожилых родственников или посторонних лиц. От следователя требуется соблюдение такта, уважительное поведение, минимизация психологического дискомфорта.

Освидетельствование – следственное действие, предполагающее осмотр тела человека с целью выявления телесных повреждений, следов преступления и др. Согласно ст. 179 УПК РФ, оно может проводиться даже принудительно. Однако в случаях, когда освидетельствуется жертва изнасилования или другого сексуального преступления, возникает острое моральное напряжение. Жертва может испытывать стыд, страх, ощущение вторичного насилия. Следователь, медицинский эксперт и иные участники процедуры обязаны проявлять высочайшую степень деликатности и уважения. Необходима разработка специальных стандартов поведения в таких ситуациях, включая добровольность участия женщин-сотрудников, психологическую поддержку и конфиденциальность.

Наблюдение, прослушивание переговоров, внедрение агентов, установка видеонаблюдения – всё это регламентируется УПК РФ. Хотя такие действия могут быть строго законными, они часто затрагивают частную жизнь в её самом глубоком измерении. Например, прослушивание разговоров без ведома человека

даже в рамках расследования может восприниматься как морально сомнительное вмешательство, особенно если данные касаются личных тем, не имеющих отношения к делу. Следователь обязан использовать такие меры строго в случае крайней необходимости, соблюдая принцип соразмерности и минимизации вреда.

Моральное измерение следственных действий проявляется особенно ярко при их фактической реализации: от обыска и допроса до эксгумации и негласного наблюдения. Во всех этих случаях следователь сталкивается с задачей соблюдения баланса между задачами правосудия и уважением к человеческому достоинству. Законодательство предоставляет общий каркас, однако именно моральная культура исполнителя позволяет превратить закон в справедливость, а не в инструмент давления.

При вербальных следственных действиях недопустимы со стороны следователя грубость, неуважительный тон, демонстрация своего негативного отношения к допрашиваемому.

Л.Д. Кокорев и Д.П. Котов справедливо отмечали: «...можно выделить определенную совокупность нравственных требований, характерных для всех следственных действий, для всей следственной тактики. Наряду с принципами справедливости и гуманизма, уважения чести и достоинства граждан в эту совокупность необходимо включить следующие нравственные требования:

- непримиримое отношение к любым нарушениям буквы и духа процессуального закона, регламентирующего следственные действия;
- строжайшее соблюдение культуры уголовного процесса;
- объективность, принципиальность; – отсутствие тенденциозности, предвзятости, подозрительности, обвинительного уклона;
- стремление не причинять вреда отдельным лицам и коллективам при производстве следственных действий»¹.

Особенно это важно при выполнении тактических и психологических приемов. Мы солидарны с мнением, что с криминалистической точки зрения этические отношения часто выступают стержнем тактического приема, основой тактического плана проведения конкретного следственного действия.

Следственные действия, как форма государственного вмешательства, должны осуществляться не только в рамках закона, но и с учетом моральных норм. Отсутствие этического подхода приводит к снижению доверия к следственным органам, а также может нарушить базовые права человека даже при формальной законности.

Анализ норм УПК РФ показывает наличие общей ориентации на уважение личности, однако конкретизация моральных ориентиров остаётся на усмотрение следователя. Это делает особенно важным внедрение в профессиональную подготовку следователей этических курсов, а также разработку внутриорганизационных стандартов, отражающих моральную сторону профессии.

¹ Хмелева А.В. Указ. соч.

Современная уголовно-процессуальная система должна не просто защищать интересы государства и общества, но и соблюдать высокие нравственные стандарты. Без этого невозможно построить справедливое правосудие.

Таким образом, можно сделать вывод, что профессиональная деятельность следователя — это не только строгое соблюдение норм уголовно-процессуального законодательства, но и глубокая нравственная миссия, связанная с защитой человеческого достоинства, прав и свобод личности. Следственные действия по своей природе нередко носят принудительный характер и затрагивают самые чувствительные сферы жизни человека — частную, семейную, духовную. Поэтому следователь, как ключевая фигура досудебного производства, должен обладать не только высоким уровнем профессиональной подготовки, но и развитым чувством моральной ответственности, внутренней культурой, совестью и гуманностью.

Этическое измерение следственной деятельности заключается в том, чтобы даже при законном вмешательстве в личную сферу граждан минимизировать моральный и психологический вред, действовать с уважением к участникам процесса, проявлять тактичность, деликатность и сочувствие. Закон очерчивает допустимые границы поведения следователя, но именно моральные ориентиры придают этим действиям человечность и справедливость. УПК РФ в своих нормах неоднократно подчеркивает важность нравственных категорий — совести, чести, гуманизма, однако их реализация зависит прежде всего от личных качеств и внутренней культуры самого следователя.

Практика показывает, что формально законные следственные действия могут стать этически сомнительными, если совершаются без учета моральных последствий: например, проведение обыска в присутствии детей, допрос несовершеннолетнего в агрессивной манере, эксгумация без должного уважения к чувствам родственников. В подобных ситуациях только высокий уровень нравственной зрелости и способность к эмпатии позволяют следователю сохранить баланс между требованиями закона и гуманистическими принципами.

Современная тенденция развития уголовного судопроизводства в России направлена на гуманизацию, укрепление доверия к правоохранительным органам и повышение культуры следственной деятельности. Это невозможно без осмысления моральных аспектов профессии следователя и без внедрения этических стандартов в систему профессиональной подготовки и практики. Нравственные ориентиры должны стать не формальной декларацией, а реальным внутренним регулятором поведения.

Таким образом, можно утверждать, что законность и моральность — это две взаимосвязанные стороны единого процесса осуществления правосудия. Закон без морали превращается в формальный инструмент давления, тогда как мораль без закона теряет практическую силу. Лишь их гармоничное сочетание делает деятельность следователя по-настоящему справедливой, гуманной и соответствующей высшим ценностям, закрепленным в Конституции Российской Федерации — защите человека, его чести, достоинства и прав. Именно это сочетание определяет не только профессиональный уровень следователя, но и

моральное лицо всей системы уголовного правосудия, служа гарантией доверия общества к государству и его институтам.

А.Н. Дружинина¹

Научный руководитель: **Д.В. Алёхин²**

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Некоторые особенности тактики допроса при расследовании преступлений по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ

Аннотация. Допрос – одно из самых информативных следственных действий, при расследовании преступлений по ч.2 ст. 205 УК РФ будет играть ключевое значение, но до сих пор нет конкретной разработанной тактики производства следственных действий по данной категории дел.

Ключевые слова: терроризм, расследование, публичные призывы к террористической деятельности, допрос.

Терроризм – глобальная проблема, стоящая перед всем человечеством, которую можно решить исключительно общими усилиям всех государств.

Согласно Федеральному закону от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» под терроризмом понимается идеология насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий¹. Как справедливо отмечает А.В. Гордин, «у терроризма на самом деле есть две формы проявления – внешняя, которая очевидна для окружающих, так как включает в себя непосредственно террористический акт, демонстрацию насилия и устрашения населения, данная форма наиболее обсуждаема в обществе, так как имеет большой резонанс и непринятие, однако, не стоит забывать про второе проявление терроризма, внутреннее. Данная сторона менее заметна и потому недооценена, в неё входит сама идеология терроризма, совокупность взглядов и целей, которые преследуют террористы»². Именно на «внутреннем этапе» происходит вербовка, внушение основных постулатов, их усвоение, принятие и оправдание для себя конкретным человеком, а затем уже происходит переход на следующую форму, когда человек с уже сформировавшейся деструктивной идеологией идёт и совершает террористический акт.

¹ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

² Гордин А.В. Анализ идеологии терроризма в контексте современных вызовов и угроз // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2021. № 2. С. 26–34.

Наше законодательство пошло по правильному пути противодействия террористической деятельности, предусмотрев в Уголовном кодексе Российской Федерации ответственность не только за сам террористический акт, но и за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма (ст. 205.2).

На сегодняшний момент статистические данные указывают на небывалый прирост преступлений, связанных с публичным оправданием и пропагандой терроризма. По данным МВД всего с января по июль 2025 года, в РФ зарегистрировано 243 преступления по ст. 205.2 УК РФ (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма), что на 50 % больше аналогичного периода прошлого года¹. Исходя из сложной геополитической ситуации в мире можно полагать, что тенденция к увеличению количества преступлений по ст. 205.2 УК РФ продолжится. В современном мире, где информационные технологии активно внедряются в повседневную жизнь, общение всё больше переходит в цифровую плоскость, а значит и призывы, оправдания и пропаганда террористической деятельности всё больше переходят в онлайн.

Для оптимизации процесса расследования преступлений существуют научно обоснованные и отработанные на практике методики расследования преступлений, в которых содержится система следственных, организационно-подготовительных и иных действий. Однако по рассматриваемым преступлениям методические рекомендации отсутствуют.

Изучив более десятка обвинительных заключений хочется отметить, что большинство преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205.2 УК РФ обнаруживаются в ходе мониторинга сети Интернет, но существуют и исключения, когда основанием для проведения процессуальной проверки и возбуждении уголовного дела послужили заявления пользователей сети Интернет, которые заметили призыв, оправдание или пропаганду террористической деятельности. Например, по уголовному делу, возбуждённому по ч. 2 ст. 205.2, ч. 1 ст. 222 УК РФ, поводом для начала проверки послужило заявление некой женщины, которая заметила на страничке своего старого знакомого публикации, которые, по её мнению, призывают к насилию в отношении определённой группы людей. Например, пост с содержанием *«Флаг Исламского Государства войдет в каждый куфарский дом, где есть ночь и день. Муджахеды ведут кровавый джихад с кафиром на его земля прославляйте Исламское Государство среди русичей. Муслимы делают дуа за великих мусульман из Исламского Государства»* оправдывает деятельность террористической организации ИГИЛ (данная организация входит в список признанных террористическими и запрещена на территории Российской Федерации)² и содержит призывы к осуществлению террористической деятельности. Согласно примечанию 1 к ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании

¹ URL: <https://tass.ru/obschestvo/12242705> (дата обращения: 16.09.20025).

² URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 16.09.20025).

идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. А под призывами стоит понимать обращения к широкому кругу лиц с целью побудить их к совершению террористических преступлений. Например, указанный выше пост просмотрели 165 человек, 15 оставили комментарии.

Хотелось бы рассмотреть особенности проведения тактики допроса по данной категории дел, так как именно допрос можно считать одним из самых информативных следственных действий, «идеальные следы», которые можно получить от свидетелей или самого обвиняемого. Допрос по субъектам можно разделить на допрос подозреваемого (обвиняемого), допрос свидетеля, допрос потерпевшего, допрос специалиста (эксперта). В рамках расследования преступлений по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ не выделяют потерпевших, так как преступник посягает не на конкретного человека, а на всё общество, на его безопасность. Остальные же виды допросов по субъектам имеет место быть и хотелось бы остановиться на каждом из них более подробно.

Допрос подозреваемого (обвиняемого) будет играть ключевую роль при расследовании дела, так как от его позиции будет зависеть весь дальнейший ход дела. Исходя из практики, большая часть допросов подозреваемых (обвиняемых) по данной категории дел проходит в бесконфликтной ситуации, то есть лицо идёт на контакт, признаёт вину, сообщает важные для расследования правдивые сведения, не оказывает противодействия. Так, например, в обвинительном заключении от 28.05.2025 по уголовному делу № 12402210002000073 по обвинению Парамонова Владислава Сергеевича в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, в допросе в качестве подозреваемого, а затем в качестве обвиняемого, Парамонов В.С. признаёт вину, рассказывает какие технические устройства использовал для совершения преступления, поясняет, что создал аккаунт мессенджере «Телеграмм», а затем размещал в телеграмм-канале, владельцем которого являлся сам, посты, которые содержат призывы к террористической деятельности – *«УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ КАНАЛА, ВОЗМОЖНО СРЕДИ ВАС ЕСТЬ ТЕ КТО ЗА АНАРХИЮ Я ПРИЗЫВАЮ ВСЕХ АНАРХИСТОВ ДОНБАССА ВСПЛОТИТЬСЯ И НАЧАТЬ МАССОВО МИНИРОВАТЬ ЗДАНИЯ. ШКОЛЫ МАРИУПОЛЯ БУДУТ ВСЕ РАССТРЕЛЯНЫ И ВЗОРВАНЫ МЫ БУДЕМ СЖИГАТЬ ТАК ЖЕ ВОЕНКОМАТЫ, СУДЫ ТЦ И ДРУГИЕ ГОС И СОЦ ОБЪЕКТЫ МАРИУПОЛЯ И ВСЕГО ДОНБАССА ЗА СВОБОДНУЮ УКРАИНУ ЗА ВОЛЬНУЮ ТЕРРИТОРИЮ!»*. Более того, кроме технической и фактической информации, обвиняемый В.С. Парамонов пояснил следователю и мотив совершения преступления, а именно ненависть к Российской Федерации и проводимой ею политике, в частности, проведением специальной военной операции на территории г. Мариуполь. Но даже при готовности обвиняемого рассказать всю информацию, которая интересует следствие, необходим тактически верный подход. Следователь должен ещё на этапе установления контакта с допрашиваемым до начала самого допроса установить психологический контакт с подозреваемым (обвиняемым), для этого подойдут простые вопросы заинтересованности – «Как добрались до нас, без происшествий?», «Ну и погода

сегодня, вы не промокли?». Вопросы должны быть на нейтральные темы, не касающиеся сути уголовного дела, они помогут увидеть, что перед допрашиваемым лицом не только следователь, как процессуальная фигура, но и простой человек, которому свойственны те же проблемы, те же мысли, которому можно довериться и рассказать какую-либо информацию. После начала допроса, заполнения анкетных данных и разъяснения прав, в бесконфликтной ситуации стоит применить технику «присоединения», которая заключается в применении фраз понимания и поддержки, например, «я понимаю, как вам тяжело в данной ситуации, но я хочу и могу вам помочь», тем самым подозреваемый (обвиняемый), который хочет сотрудничать, но переживает за своё будущее, понимает, что рассказать всё об обстоятельствах дела можно и нужно более подробно и это в его же интересах. В ходе допроса необходимо выяснить у подозреваемого (обвиняемого) его политические (религиозные) взгляды и убеждения, как давно он их придерживается, каким оператором связи пользуется, есть ли у него каналы, сообщества, страницы в социальных сетях, которые ведёт он. Понимает ли он смысл слов – «терроризм», «террористическая организация», знает ли где можно посмотреть перечень организаций, признанных террористическими на территории Российской Федерации. Есть ли у подозреваемого знакомые, которые разделяют его взгляды, лица, которые изначально рассказали ему про террористическую организацию, может быть он лично знает кого-то из данной организации. В конце допроса стоит выяснить про саму запись, содержащую признаки публичного призыва к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганду терроризма, что именно этой фразой хотел сказать подозреваемый (обвиняемый)? Где он находился, когда делал данный пост, с какого устройства, на какой абонентский номер зарегистрирован аккаунт, с которого сделана запись, какими мотивами вызван данный поступок (ненависть к какой-то группе лиц, желание повлиять на политику страны, желание помочь знакомому, вовлеченному в террористическую группировку и т. д.), понимает ли подозреваемый (обвиняемый) противоправный характер своего поста (комментария), раскаивается ли в содеянном? После фиксации ответов на поставленные вопросы протокол предоставляется подозреваемому (обвиняемому) для личного прочтения и внесения дополнений или уточнений при их наличии.

При конфликтной ситуации допроса обвиняемого (подозреваемого) по данной категории дел стоит выяснять те же вопросы, но применять ряд тактических приёмов для предотвращения или минимизации противодействия. В конфликтной ситуации следователь может использовать такие приемы, как убеждение, допрос с предъявлением доказательств, создание преувеличенного представления об осведомленности следователя, допущение легенды, последовательность, метод косвенного допроса, внезапность, форсирование темпа допроса, демонстрация возможностей расследования. Все применяемые приёмы не должны противоречить УПК РФ и Конституции, а также нарушать права подозреваемого (обвиняемого).

При допросе свидетелей по делу (которые, как правило, не заинтересованы в исходе дела и могут быть наиболее непредвзяты) необходимо установить, насколько они были близки с подозреваемым (обвиняемым), как часто общались, знал ли допрашиваемый про отношение подозреваемого (обвиняемого) к конкретной террористической организации, какие конкретно имел политические, религиозные и так далее, в зависимости от контекста, взгляды, была ли резкая смена поведения, отдаление от семьи и близких, крупные траты на неизвестные объекты, не проявилась ли некоторая замкнутость и отстранённость (а может быть, наоборот, повышенная возбудимость и иное поведение, свойственное фанатично настроенным людям), видел ли допрашиваемый пост, комментарий или иную информацию, из-за которой было возбуждено уголовное дело, знает ли допрашиваемый об обстоятельствах, при которых был написан данный пост, какие цели преследовал подозреваемый (обвиняемый), когда выкладывал данный пост.

По ч. 2 ст. 205.2 УК РФ свидетелями кроме родственников, знакомых подозреваемого (обвиняемого) и случайных пользователей интернета могут выступать сотрудники МВД, которые занимались мониторингом сети Интернет. Так, например в обвинительном заключении от 22.06.2025 по уголовному делу № 12402650005000055 по обвинению Сапрыкиной Ольги Николаевны в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, в допросе в качестве свидетеля по делу имеются показания от сотрудника Центра противодействия экстремизму ГУ МВД России по Свердловской области майора полиции Береговых А.А., согласно которому *08.04.2024 в ходе мониторинга сети Интернет произведен осмотр сообщества «Жизнь в Екатеринбурге» (сетевой адрес страницы: https://vk.com/zavtra_v_ekb) на сайте социальной сети «ВКонтакте» (<http://vk.com>), где установлено, что 08.10.2022 на «стене» сообщества размещен информационный пост с текстом следующего содержания: «Что известно о Крымском мосту на этот час. Около 6 часов утра произошёл теракт: возгорание цистерн и повреждение дорожного полотна произошли в результате подрыва грузовика! Дорожное полотно на Крымском мосту повредили украинские вандалы! Путин поручил создать правительственную комиссию в связи с ЧП на Крымском мосту! Одна автомобильная нитка на крымском мосту – из Керчи на Тамань – цела». Под данным текстом размещена видеозапись под названием «Момент взрыва Крымского моста» продолжительностью 11 секунд. Под информационным постом имеется 221 комментарий пользователей, среди которых пользователь социальной сети «ВКонтакте» под никнеймом «Марина Смирнова» (сетевой адрес персонального пользователя <https://vk.com/id644716059>), 09.10.2022 опубликовал 2 комментария с текстом следующего содержания: «Всё идёт по плану.... аха-ха-ха.....! Отличный план! Аха-ха-ха.....!»; «Отличный фейерверк! Давно ждали! Подарочек к дню рождения... Хи-хи-хи..!». Сотрудники правоохранительных органов из-за особенности их деятельность точно знают, что необходимо говорить в ходе допроса по данной категории дел, задача следователя чётко и подробно зафиксировать их показания.*

Необходимость в допросе эксперта может возникнуть при сложностях в трактовке результатов экспертизы (как правило по данной категории дел проводят лингвистическую экспертизу для установления наличия в тексте признаков призыва, оправдания или пропаганды террористической деятельности). Эксперт не оказывает противодействие следователю, так как не имеет заинтересованности в исходе дела. В ходе допроса необходимо задавать большое количество уточняющих вопросов, чтобы у следователя сложилось максимальное понимание специфики проведённой экспертизы, при необходимости можно уточнить значение некоторых терминов, формулировок, а также выводов, которые даны в заключении. Допрос эксперта будет носить ориентирующийся и разъясняющий характер, исключительно для уточнения и укрепления позиции обвинения.

Допрос – важнейшее следственное действие, при правильном проведении которого можно получить огромное количество значимой для расследования информации. Но не для всех категорий дел существуют частные методики расследования, а тактик проведения допроса не могут учитывать всех нюансов и специфики, которая, может быть, при разных категориях дел, но стоит совершенствовать и дополнять теорию, так, например, при проведении допроса при расследовании преступлений по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ стоит задавать нестандартные вопросы про технические устройства, которые использовал преступник, про его политические и религиозные взгляды. Стоит учитывать специфические особенности конкретного уголовного дела и применять тактические приёмы.

А.И. Жуковская¹

Научный руководитель: **О.А. Белов²**

^{1,2} Московский государственный юридический университет
им. О.Е.Кутафина (МГЮА)

Актуальные вызовы цифровой эпохи: основные тренды и проблемы развития современной российской криминалистики

Аннотация. В данной статье рассматриваются ключевые тенденции и системные проблемы, определяющие вектор развития современной российской криминалистики в условиях цифровой трансформации. Материал подготовлен по итогам круглого стола «Тенденции и проблемы в развитии современной российской криминалистики». Автор анализирует такие вызовы, как экспоненциальный рост объема цифровых доказательств, необходимость адаптации классических методик расследования к киберпространству, проблемы нормативно-правового регулирования и кадрового обеспечения. Особое внимание уделяется перспективам интеграции искусственного интеллекта и Big Data в криминалистическую деятельность. Делается вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего технологическую модернизацию, совершенствование законодательства и развитие профессиональных компетенций криминалистов.

Ключевые слова: криминалистика, цифровая трансформация, киберпреступность, цифровые доказательства, искусственный интеллект (ИИ), криминалистическая методика, круглый стол, правовое регулирование.

Современная эпоха, характеризующаяся стремительной цифровизацией всех сфер общественной жизни, порождает принципиально новые вызовы для правоприменительной практики. Криминалистика как наука о закономерностях механизма преступления, возникновения и существования его следов, а также о средствах и методах их обнаружения, исследования и использования в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, оказывается на передовой этих изменений. Круглый стол «Тенденции и проблемы в развитии современной российской криминалистики», проведенный на базе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), стал важной площадкой для обсуждения этих актуальных вопросов ведущими экспертами, теоретиками и практиками. Целью данной работы является систематизация и анализ основных трендов и проблем, выделенных в ходе дискуссии, и формулирование на их основе выводов о перспективных направлениях развития отечественной криминалистики. Актуальность темы обусловлена тем, что традиционные криминалистические рекомендации зачастую не успевают адаптироваться к реалиям «цифрового» преступного мира, что требует не только технологического перевооружения, но и пересмотра ряда теоретических положений.

Безусловно, доминирующим трендом, обсуждавшимся на круглом столе, является всеобъемлющая цифровая трансформация. Она проявляется в двух основных ипостасях: как объект криминалистического исследования и как инструмент для работы криминалиста. Преступления все чаще совершаются либо полностью в цифровой среде (кибермошенничество, хакерские атаки, распространение запрещенного контента), либо с активным использованием цифровых устройств и каналов связи. Это порождает новый тип следов – цифровые следы, которые становятся основным источником доказательственной информации. К ним относятся данные с мобильных устройств, логи серверов, история браузера, метаданные файлов, записи с камер видеонаблюдения и многое другое. Как отмечали участники дискуссии, объем таких данных колоссален, и их изъятие, сохранение и анализ требуют специальных знаний, программно-аппаратных комплексов и процессуально закрепленных методик. Параллельно цифровые технологии активно внедряются в арсенал самого криминалиста. Речь идет о системах автоматической дактилоскопической и геномной регистрации, 3D-сканировании места происшествия, использовании технологий виртуальной и дополненной реальности для реконструкции событий, применении сложных программ для анализа больших данных (Big Data) для выявления преступных схем и сетей. Эти инструменты значительно повышают эффективность и скорость работы, но также создают новые проблемы, связанные с валидацией методов, сертификацией ПО и доказыванием достоверности полученных результатов в суде.

В ходе круглого стола был выделен ряд системных проблем, осложняющих адекватный ответ криминалистики на современные вызовы. Одной из наиболее острых является нормативно-правовое отставание. Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не поспевает за технологическим развитием. Закрепленные в УПК РФ процедуры обыска, выемки, осмотра вещественных доказательств плохо применимы к изъятию данных из облачных хранилищ, проведению кибернетических экспертиз или использованию алгоритмов ИИ для анализа информации. Отсутствуют четкие процедуры легализации цифровых доказательств, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности. Это создает риски их признания недопустимыми в суде.

Не менее значимой является проблема кадрового дефицита и необходимости новой системы подготовки. Существует острая нехватка специалистов, обладающих одновременно глубокими познаниями в юриспруденции и в IT-технологиях. Классическое юридическое образование не обеспечивает в необходимом объеме подготовку криминалистов-«кибернетиков». Участники круглого стола подчеркивали необходимость создания междисциплинарных образовательных программ, тесного сотрудничества вузов с правоохранительными органами и IT-компаниями, а также системы непрерывного профессионального развития для действующих экспертов и следователей.

Отдельного внимания заслуживает проблема интеграции искусственного интеллекта. Несмотря на весь потенциал, использование ИИ в криминалистике сопряжено с серьезными рисками. «Эффект черного ящика», когда алгоритм выдает результат, логику которого невозможно или крайне сложно объяснить, противоречит принципам непосредственности и оценки доказательств судом. Возникают вопросы об ответственности за ошибку, допущенную ИИ, и о предотвращении заложенных в алгоритмы предубеждений (bias). Требуется разработка не только технических, но и этико-правовых стандартов применения систем ИИ. Наконец, наблюдается кризис классических криминалистических методик. Традиционные частные криминалистические методики расследования отдельных видов преступлений (убийств, краж, грабежей) требуют кардинального пересмотра. Преступление, начавшееся как мошеннический звонок в одном регионе и завершившееся переводом средств через цепочку крипто-кошельков в другой юрисдикции, не укладывается в рамки старой методики. Необходима разработка новых, гибких, сетевых методик, ориентированных на расследование преступлений в киберпространстве и транснациональной преступности.

По итогам круглого стола можно сформулировать несколько перспективных направлений для развития российской криминалистики. Во-первых, это создание Национальной криминалистической платформы – единой защищенной информационной системы, объединяющей базы данных правоохранительных органов, возможности для дистанционного взаимодействия с экспертами, инструменты для анализа Big Data и хранилище цифровых доказательств с верифицированными методами доступа. Во-вторых, разработка и законодательное закрепление «цифрового» УПК,

подразумевающая внедрение в УПК РФ новых процессуальных действий, таких как «изъятие электронной информации», «осмотр облачного хранилища», а также регламентация использования результатов работы ИИ в доказывании. В-третьих, усиление межведомственного и международного сотрудничества, поскольку ни один орган в одиночку не способен противостоять современной транснациональной преступности. И, наконец, стимулирование частно-государственного партнерства, которое позволит криминалистике активнее заимствовать передовые разработки из IT-сектора для создания специализированного криминалистического ПО и аппаратных решений.

Проведенный анализ по итогам круглого стола позволяет сделать вывод, что современная российская криминалистика находится на переломном этапе своего развития. Цифровая трансформация, с одной стороны, открывает беспрецедентные возможности для повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений, а с другой – порождает комплекс сложных проблем нормативно-правового, методического и кадрового характера. Успешное преодоление этих вызовов возможно только при условии консолидированных усилий законодательной и исполнительной власти, правоохранительных органов, научного сообщества и представителей IT-индустрии. Необходим переход от реактивной модели, когда криминалистика лишь отвечает на новые угрозы, к проактивной, ориентированной на прогнозирование и опережающее развитие методологической и технологической базы. Только так отечественная криминалистика сможет сохранить свою роль надежного инструмента защиты прав и законных интересов в XXI веке.

С.И. Заграйская¹, Ю.С. Позднякова²

Научный руководитель: Д.А. Степаненко³

^{1,2,3} Байкальский государственный университет

Перспективы и проблемы использования ДНК-фенотипирования при расследовании преступлений

Аннотация. ДНК-фенотипирование – это инновационный метод, позволяющий прогнозировать внешние характеристики человека на основе анализа его ДНК. Несмотря на значительный потенциал для раскрытия преступлений, его внедрение сопровождается правовыми и техническими вызовами. В статье рассматриваются достижения, проблемы и перспективы использования ДНК-фенотипирования в современной криминалистике.

Ключевые слова: ДНК-фенотипирование, криминалистика, расследование преступлений, идентификация, внешность преступника, исследование.

Криминалистика на протяжении всей своей истории стремится использовать передовые научные достижения для раскрытия преступлений и установления истины. Одним из наиболее революционных методов, появившихся в начале XXI века, стало ДНК-фенотипирование – технология, позволяющая по

биологическим следам, оставленным на месте преступления, восстановить внешний облик неизвестного лица. Этот подход открывает новые возможности в расследовании, особенно в ситуациях, когда традиционные методы идентификации оказываются неэффективными. Однако на пути его широкого внедрения стоят не только технические сложности, но и социальные вопросы, требующие правового урегулирования.

Актуальность ДНК-диагностики в области криминалистики исследовалась в разные периоды как зарубежными, так и российскими учеными, например, такими, как Р. С. Белкин, Е. Р. Россинская, И. О. Перепечина, О. В. Чельшева и др.

История ДНК-фенотипирования началась с первых попыток установить связь между генетическими маркерами и внешними признаками. В 2018 году Чемерис Д.А., Сагитов А.М., Аминев Ф.Г., Луценко В.И., Гарафутдинов Р.Р., Сахабутдинова А.Р., Васильев Р.Г., Алексеев Я.И., Сломинский П.А., Хуснутдинова Э.К., Чемерис А.В. в своей совместной работе провели обзор различных методов ДНК-идентификации: «Еще в 2001 г. было обнаружено, что определенные мутации в гене рецептора 1 меланокортина отвечают за рыжеволосость, что стало использоваться в ДНК-криминалистике. Позже была разработана панель IrisPlex из 6 снипов (участок ДНК, последовательности аллелей которого различаются одним нуклеотидом), позволяющая предсказывать голубоглазость или кареглазость. На ее основе была создана панель из 22 снипов, получившая название HIrisPlex, позволяющая также устанавливать цвет волос»¹.

Согласно «Краткому обзору последних достижений в криминалистике» под авторством Юрьевой К.О.: «Наиболее продвинутым на сегодняшний день являются модели, предсказывающие пигментацию. В 2018 г. модели IrisPlex для предсказания цвета глаз и HIrisPlex для предсказания цвета волос были обновлены с увеличением объема данных»². Обновленная IrisPlex, основанная на почти 9500 образцах, демонстрирует высокую точность: AUC (критерий точности модели, он показывает, насколько точно можно предсказать развитие заболевания на основе генетики) 0,95 для коричневого, 0,94 для синего, 0,74 для промежуточного цвета глаз. Модель HIrisPlex построена на 1900 образцах, показывает результаты AUC 0,92 для рыжих, 0,83 для черных, 0,80 для блондинистых и 0,72 для коричневых волос. Обе модели интегрированы в платформу VISAGE и доступны для публичного использования на сайте Erasmus MC Hirisplex. Любопытно, что масштабные геномные исследования, такие как GWAS 2018 года с выборкой в 300 тыс. европейцев, выявили 124 локуса (фиксированное положение гена или последовательности нуклеотидов на хромосоме), связанных с цветом волос, 111 из которых были новыми. Однако,

¹ Чемерис Д.А., Сагитов А.М., Аминев Ф.Г., Луценко В.И., Гарафутдинов Р.Р., Сахабутдинова А.Р., Васильев Р.Г., Алексеев Я.И., Сломинский П.А., Хуснутдинова Э.К., Чемерис А.В. Эволюция подходов к ДНК-идентификации личности // Биомика. 2018. Т. 10. № 1. С. 99.

² Юрьева К.О. Краткий обзор последних достижений ДНК-фенотипирования в криминалистике // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2024. № 2 (56). С. 183–189.

даже 14-кратное увеличение количества анализируемых снипов привело к значительному росту точности предсказаний. Аналогичная ситуация сложилась и с цветом глаз: исследования 2021 года на 195 тыс. европейцев обнаружило 61 ассоциированный локус (50 новых), но точность модели IrisPlex практически не изменилась, за исключением промежуточного цвета, где AUC вырос до 0,85.

Важным шагом для расширения системы HIrisPlex до версии HIrisPlex-S в 2018 году, добавившей прогноз цвета кожи. «Модель, включающая 41 снип и основанная на данных 1423 человек со всего мира, достигла впечатляющей точности: AUC 0,96 для черных оттенков, 0,88 для темных, 0,73 для промежуточных, 0,72 для светлых, 0,74 для очень светлых тонов. Параллельное исследование на более чем 175 000 европейцев выявило 20 новых генетических локусов, связанных с цветом кожи, однако их прогностическая ценность еще требует проверки»¹. Перспективным направлением является переход от категориального предсказания к количественному, что позволит определять не просто общие категории, а конкретные оттенки и интенсивность пигментации.

Что касается более специфических признаков, то «в 2018 году была представлена первая генетическая модель предсказания веснушек, основанная на данных 458 испытуемых из Испании и показывающая AUC 0,77-0,81»². Уже в 2019 году в рамках проекта VISAGE была разработана усовершенствованная модель, увеличившая точность на 0,085 AUC.

Предсказание седины волос столкнулось с уникальными вызовами: оказалось, что генетические факторы объясняют лишь 10 % вариаций, в то время как возраст определяет 48 %, а пол – более 5 %. Лучшая модель, учитывающая 10 снипов, возраст и пол, достигла AUC 0,87 для бинарного прогноза (наличие или отсутствия). Это указывает на необходимость поиска дополнительных генетических маркеров и проведение эпигеномных исследований для выявления маркеров метилирования ДНК, связанных с поседением.

«В области предсказания потери волос у мужчин наиболее полная модель была опубликована в 2022 году при поддержке VISAGE»³. Используя 117 дополнительных снипов и данные 55 500 мужчин, исследователи достигли точности AUC 0,725-0,728 для выраженной алопеции, при этом учет возраста оказался критически важным. Несмотря на выявлении 624 ассоциированных генетических локусов, их интеграция в прогностические модели – задача будущего.

«Предсказание роста по ДНК развивалось от модели 2014 года с 180 вариантами и AUC 0,75 до усовершенствованной версии 2019 года с 689 снипами и AUC 0,79»⁴. Однако ключевым ограничением остается невозможность точного

¹ Visconti, A. (2018) Genome-wide association study in 176,678 Europeans reveals genetic loci for tanning response to sun exposure. *Nat. Commun*, no. 9, pp. C. 1684–1691.

² Hernando, B. (2018) Genetic determinants of freckle occurrence in the Spanish population: Towards ephelides prediction from human DNA samples. *Forensic Sci. Int. Genet*, no. 33, pp. 38–47.

³ Chen, Y. (2023) Genetic prediction of male pattern baldness based on large independent datasets. *Eur. J. Hum. Genet*, no. 31, pp. 321–328.

⁴ Liu, F. (2019) Update on the predictability of tall stature from DNA markers in Europeans. *Forensic Sci. Int. Genet*, no. 42, pp. 8–13.

предсказания роста в сантиметрах, что подчеркивает важность учета негенетических факторов и разработки этнически специфичных моделей.

Начиная с 2015 года масштабные генетические исследования (GWAS) позволили совершить ряд прорывов в понимании того, какие гены определяют нашу внешность – форму ушей, особенности бороды и общие черты лица. Однако, хотя эти открытия и обогатили науку, на практике их пока сложно использовать для точного предсказания внешности по ДНК. Главная причина – обнаруженных генетических маркеров все еще недостаточно для построения надежных моделей.

На этом фоне особый интерес представляет новейшая область – эпигенетическое прогнозирование. Оно изучает не саму последовательность ДНК, а ее модификации, которые влияют на работу генов. Например, «недавние исследования выявили конкретные эпигенетические метки (участки метилирования ДНК), связанные с употреблением табака, алкоголя, кофе, чая и даже таких веществ, как кокаин и героин»¹. Уже созданы первые рабочие модели, позволяющие по этим меткам определять склонность к курению и употреблению алкоголя.

Так, в 2019 году была представлена модель, анализирующая 13 эпигенетических маркеров, которые с высокой точностью (AUC 0,925) идентифицирует активных курильщиков, а также различает некурящих (AUC 0,83) и тех, кто бросил курить (AUC 0,766). В 2021 году на основе данных почти 3 000 образцов были разработаны модели для прогнозирования употребления алкоголя. Их точность (AUC 0,67-0,68) позволяет достоверно отделить регулярно пьющих людей от тех, кто пьет редко или не пьет вообще.

В своей статье Д.В. Теткин обращает внимание и на отечественные разработки в области ДНК-фенотипирования: «Российские ученые совместно с белорусскими также не отстают от западных коллег в области работы над проектами в области ДНК. Так, в их общей разработке находится уникальная программа «ДНК-идентификация»² Ученые из двух стран создали методики, позволяющие установить по ДНК не только цвет глаз и волос со всеми оттенками, но и возраст, психоэмоциональное состояние, а также этническое происхождение человека. В настоящее время ведется работа над следующей версией проекта – «ДНК-идентификация-2». В ее рамках планируется расширить применение ДНК-технологий для раскрытия экономических преступлений. Эти исследования позволят анализировать не только наследственные признаки, но и определять образ жизни человека.

В целом, хотя технологии предсказания внешности по ДНК добились значительного прогресса, перед исследователем стоят задачи по поиску дополнительных прогностических маркеров, интеграции эпигенетических

¹ Maas, S.C.E (2019) Validated inference of smoking habits from blood with a finite DNA methylation marker set. *Eur. J. Epidemiol*, no. 34, pp. 1055–1074.

² Теткин Д.В. ДНК-фенотипирование как один из перспективных методов развития современной криминалистики // Советская и российская криминалистика: традиции и перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М.: Московская академия Следственного комитета, 2023. С. 247.

данных и переходу к более детальным количественным прогнозам, что откроет новые возможности для практического применения в криминалистике.

Стоит обратить внимание, что несмотря на преимущества ДНК-фенотипирования, специалисты выделяют определенные проблемы, с которыми могут столкнуться практики при использовании данного метода при расследовании преступлений.

Стоит учитывать, что определение естественного цвета волос, особенно для женщин, часто теряет свою практическую значимость. Причина в том, что современные технологии и средства позволяют радикально изменить внешность. Уже существуют процедуры по изменению радужной оболочки глаз, а пластическая хирургия любой сложности может до неузнаваемости преобразить черты лица. Даже без вмешательства хирургов, профессиональный грим или обильное использование косметики могут эффективно скрыть истинные черты человека.

Кроме того, на внешность серьезно влияют возраст и образ жизни человека. Например, хроническое злоупотребление алкоголем накладывает на лицо характерные, устойчивые изменения. Важно подчеркнуть, что существующие алгоритмы, которые сопоставляют ДНК с чертами лица, работают с условной, «стандартной» моделью внешности человека в возрасте – 25 лет. Они не учитывают всех тех возрастных и поведенческих изменений, которые неизбежно происходят с течением времени. Например, при определении цвета волос необходимо учитывать их возрастное поседение.

Практическое внедрение ДНК-фенотипирования сталкивается и с техническими сложностями. Качество прогноза зависит от количества и сохранности ДНК в образце, а загрязнение или смешение биологических материалов нескольких лиц может сделать анализ невозможным. Кроме того, существующие популяционные базы данных охватывают далеко не все этнические группы, что снижает точность предсказаний для некоторых регионов. Например, системы, разработанные для европейских популяций, могут показывать меньшую точность при применении к жителям России или других стран Евразии. Немаловажным фактором является и высокая стоимость анализов, что ограничивает их доступность для правоохранительных органов, особенно в условиях ограниченного финансирования.

Несмотря на значительный научный потенциал, дальнейшее развитие и внедрение в практику криминалистического ДНК-фенотипирования – технологии, позволяющей восстанавливать внешность человека по его ДНК, – сопряжено с необходимостью преодоления не только научно-технических барьеров. Крайне остро стоят вопросы правового характера. Дело в том, что подобные исследования, особенно те из них, которые направлены на прогнозирование не только физических черт, но и поведения, предрасположенностей к заболеваниям или психологических характеристик, вторгаются в сугубо личную, интимную сферу человека. Они затрагивают фундаментальные аспекты приватности и самоидентификации личности. Подобное вмешательство создает серьезные риски для основных гражданских прав и свобод, таких как право на невмешательство в частную жизнь, защиту

персональных данных и свободу от дискриминации по генетическим признакам. Учитывая эту высокую степень потенциальной опасности, становится очевидной насущная потребность в создании всеобъемлющей и строгой системы правового регулирования. Эта система должна распространяться на все этапы – от проведения самих научных изысканий в области ДНК-фенотипирования до их практического применения правоохранными органами, чтобы гарантировать этическое и ответственное использование данного метода.

Тем не менее, метод реконструкции внешности на основе генетического материала, известный как ДНК-фенотипирование, продолжает демонстрировать свою высочайшую эффективность в качестве инновационного инструмента в руках следователей, что находит все новые подтверждения в международной криминалистической практике.

История первого удачного использования технологии предсказания внешности по ДНК описана в работе Чемериса А.В., Халиуллы А.Ф., Макаренко И.А., Галяутдинова Р.Р., Аминев Ф.Г.: «В 2003 г. в штате Луизиана, США, удалось напасть на след серийного насильника и убийцы, державшего жительниц г. Батон-Руж в страхе на протяжении нескольких лет — с 2001 по 2003 г.»¹ Несмотря на наличие ДНК и фоторобота от свидетелей, описывавших белого мужчину, расследование зашло в тупик: полиция установила ДНК-профили для почти тысячи похожих белых мужчин, потратив на это около года, но безрезультатно. Ситуация изменилась, когда был проведен анализ имеющегося биологического материала, который позволил выявить истинное происхождение преступника: скорее всего, на 15% он был нативным американцем, а на 85% - выходцем из Африки, и, следовательно, темнокожим. Этот метод был основан не на установлении уникального профиля, а на определении биогеографического происхождения человека. Это изменило ход расследования, и следователи обратили внимание на предыдущего подозреваемого, причастность которого тогда не удалось доказать. Когда у него взяли образец крови, он попытался бежать, но был пойман. Анализ окончательно подтвердил совпадение его ДНК с образцами с места преступлений, что привело к вынесению судебного приговора в виде смертной казни.

Н.В. Жданская в своей научной статье приводит еще один пример из международной практики, когда метод восстановления внешности по генам зарекомендовал себя как отличный инструмент для следствия: «В 2010 году произошло преступление: во Флориде женщина подверглась сексуальному насилию, после проведения экс-пертизы, полученные результаты были проверены в базе образцов ДНК, совпадений обнаружено не было.»² . Переломный момент наступил спустя 7 лет, когда правоохранные органы

¹ Чемерис А.В., Халиуллы А.Ф., Макаренко И.А., Галяутдинов Р.Р., Аминев Ф.Г. Использование ДНК-фенотипирования при расследовании преступлений: криминалистический и этический аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 5. С. 525.

² Жданская Н.В. Потенциал метода ДНК-фенотипирования в системе правоохранных органов // Гуманитарное знание: взаимодействие науки и социальной практик: Международная научно-практическая конференция. Хабаровск: Фарпостнауки, 2023. С. 67

приняли решение прибегнуть к передовой технологии. Был заключен контракт со специализированной частной лабораторией, которая проводила экспертизы в области предсказания фенотипа человека с помощью методов молекулярного типирования ДНК. Результатом научной работы стал составленный приблизительный фенотипический портрет неизвестного преступника. Согласно выводам экспертов, разыскиваемый являлся мужчиной со смуглым оттенком кожи, имел черные волосы и карие глаза. Следователи получили конкретный ориентир, что позволило сузить круг подозреваемых и выйти на человека, соответствующего описанию. Для окончательной проверки этой версии у него был получен образец ДНК, впоследствии совпавший с материалом, полученным с места преступления семилетней давности. На основании этого неопровержимого доказательства подозреваемый был арестован и привлечен к уголовной ответственности.

Аналогичные успешные случаи были и в других штатах США. При этом подобные технологии активно развиваются и в союзном пространстве России и Беларуси.

Так, программа «ДНК-идентификация» помогла в Новосибирске задержать преступника, который долго оставался на свободе. Анализ ДНК показал, что злоумышленник – выходец из Бурятии, что, учитывая редкость этой национальности в городе, позволило правоохранителям быстро выйти на его след.

Подводя итог, можно с уверенностью констатировать, что современная криминалистика переживает этап фундаментальной трансформации, обусловленной стремительным развитием молекулярно-генетических технологий. Подлинно революционным прорывом стало появление и совершенствование криминалистического ДНК-фенотипирования – метода, позволяющего реконструировать внешний облик преступника или жертвы непосредственно по оставленным биологическим следам. В текущих условиях, при отсутствии всеобщей геномной регистрации населения, именно ДНК-фенотипирование становится ключевым инструментом для установления личности в ситуациях, когда традиционные сравнительные методы и поиск по базам данных оказываются безрезультатны. Метод уже доказал свою высочайшую эффективность в международной следственной практике, позволяя кардинально сужать круг подозреваемых путем определения внешних признаков и биогеографического происхождения. Несмотря на очевидный потенциал, широкое внедрение ДНК-фенотипирования сталкивается с рядом сложностей, требующих комплексного решения. К ним относятся необходимость дальнейшего повышения достоверности и точности прогнозов, разработка методик, адаптированных к многонациональному составу населения страны, а также формирование четкой законодательной базы, которая, с одной стороны, открыла бы дорогу для применения передовых технологий в борьбе с преступностью, а с другой – гарантировала бы надежную защиту персональных генетических данных граждан и исключало возможность их дискриминационного использования.

Таким образом, хотя в отдаленной перспективе, с потенциальным введением всеобщей ДНК-регистрации, востребованность фенотипирования может несколько снизиться, его значимость не исчезнет полностью. ДНК-фенотипирование останется незаменимым инструментом для раскрытия преступлений прошлых лет, когда другие источники информации отсутствуют. Следовательно, стратегически важным представляется параллельное развитие двух направлений: создание всеобъемлющих государственных геномных баз данных и активная интеграция в следственную практику усовершенствованных методов криминалистического ДНК-фенотипирования. Именно этот симбиоз технологий, подкрепленный взвешенной правовой политикой, станет залогом нового качественного скачка в раскрываемости преступлений и обеспечении правопорядка в будущем.

Н.С. Ковалев¹

Научный руководитель: **К.В. Шевелева²**

^{1,2} Российский технологический университет

Механизм слеодообразования цифровых следов при совершении дистанционных мошенничеств

Аннотация. В настоящее время цифровая среда выступает не просто инструментом коммуникации, а базовой инфраструктурой современного общества дистанционные формы мошенничества приобретают широкий масштаб и усложняются, что усиливает значимость изучения цифровых следов как центрального объекта криминалистического исследования. Статья направлена на теоретическое раскрытие природы механизма формирования цифровых следов и определение их роли в криминалистике. В исследовании использованы методы анализа, синтеза, сравнительно-правового и системного подходов. Установлено, что цифровые следы возникают в процессе взаимодействия человека с цифровыми технологиями и сохраняются на различных носителях в форме метаданных, журналов событий и иных данных. Определены основные черты процесса их образования: многослойность, нестабильность хранимой информации и наличие технического посредника — устройств, обеспечивающих подключение к цифровой среде.

Ключевые слова: цифровые следы, механизм слеодообразования, объект криминалистического исследования, цифровая криминалистика.

В условиях стремительной цифровой трансформации общества и усиления зависимости индивидов от информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть Интернет, дистанционные мошенничества превратились в одну из наиболее распространенных и социально опасных форм преступной деятельности. Особую обеспокоенность вызывает их высокая динамика, о чем свидетельствуют статистические сведения. Отметим, что в 2023 году было зарегистрировано 677,0 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 29,7 % больше, чем за аналогичный

период 2022 года (522,1 тыс.). В 2024 году зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, что на 13,1% больше, чем за аналогичный период прошлого года.

Увеличение преступлений, совершенных посредством информационных технологий обусловлено их распространенностью, а также способностью преступников адаптироваться к новым технологическим средам, что затрудняет не только предотвращение, но и последующее раскрытие и расследование такого рода деяний.

При этом, в отличие от традиционных форм мошенничества, требующих физического присутствия и материального взаимодействия, дистанционные мошенничества реализуются во многом через цифровые каналы, такие как мессенджеры, электронная почта, социальные сети, банковские онлайн-платформы, мобильные приложения и другие интерфейсы, функционирующие в виртуальном пространстве. Это порождает принципиально иной тип следов, следы цифрового, виртуального характера, которые будучи неотъемлемой частью процесса совершения преступления, не всегда обнаруживаются, фиксируются, изымаются в должном процессуальном порядке.

В этой связи, особую актуальность приобретают вопросы теоретического осмысления механизма слеодообразования цифровых следов при совершении мошенничеств дистанционного вида. Понимание механизма слеодообразования не только расширяет научные рамки криминалистической теории, но и напрямую влияет на эффективность борьбы с преступлениями, совершаемыми посредством информационно-телекоммуникационных технологий в условиях их ускоряющегося развития. Отметим, в научной литературе подчеркивается, что «существенную роль для раскрытия и расследования преступлений дистанционного характера играет механизм оставления следов в цифровом пространстве»¹. Это означает, что анализ и фиксация цифровой информации становятся критическими задачами для следствия.

Для начала стоит разобраться, что из себя представляет виртуальный (далее цифровой) след и механизм его формирования при совершении дистанционных мошенничеств.

Понятие и классификация цифровых следов. Традиционный криминалистический подход к следам преступлений относит следы материального и идеального характера. В настоящее время, помимо привычных и тщательно разработанных материальных следов человека, животного мира, транспорта, орудий преступлений, биологических следов, а также следов, запечатленных в виде мысленных образов в сознании человека, можно отнести и цифровые следы. Наряду с этим, у ученых пока нет единого понимания природы такого рода следов, отсюда и различия в их наименовании. Ряд авторов определяет их как следы цифровые, некоторые как виртуальные или электронные. Например, по мнению А.М. Багмета и Н.Н. Ильина: «цифровые следы являются материальными невидимыми следами, в основе механизма

¹ Володикова И.В. Отдельные аспекты механизма образования цифровых следов при совершении дистанционных мошенничеств // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 97–103.

образования которых лежат электромагнитные действия двух и более материальных объектов – объективных форм представления компьютерной информации»¹. По мнению А.А. Бакаева и К.В. Шевелевой: «электронный след – любая криминалистически значимая компьютерная информация, то есть сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Также, цифровым следом можно назвать информацию, оставленную пользователем в цифровом пространстве: история поиска в сети Интернет, активность в социальных сетях и на форумах, электронные письма, фотографии, видеозаписи, иной пользовательский контент»².

Не вдаваясь в полемику относительно наименования исследуемых следов, отметим, что они формируются не только в результате совершения преступлений, предусмотренных 28 главой Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), но и в ходе совершения иных преступлений, где одним из способов характеризуется использование разного рода технологий.

Как видим, цифровые следы не имеют физически целостной структуры, они могут состоять из большого количества отдельных информационных элементов, записаны как с одного, так и с разных устройств, позволяя преступникам сохранять высокий уровень латентности, что для правоохранительных органов выступает проблемой при выявлении преступлений.

Цифровой след образуется в результате взаимодействия пользователя с электронными системами: при совершении операций в сети (использовании приложений, отправке сообщений, совершении финансовых операций и т.п.) генерируются данные, которые фиксируются на различных устройствах и серверах. Основываясь на вышесказанном важно отметить, что ключевая особенность таких следов в том, что «они оставляются в специфической среде посредством активности пользователей в определенный промежуток времени».

Вместе с тем, механизм образования цифровых следов при дистанционных мошенничествах представляет собой сложный, многоуровневый процесс, в котором взаимодействуют сразу несколько следообразующих и следовоспринимающих компонентов. Каждое действие потенциальной жертвы в виде клика по ссылке, ввода персональных данных, передачи кода подтверждения, установки вредоносного ПО оставляет след в виде метаданных, логов серверов, IP-адресов, временных файлов, записей сессий, геолокационных данных и др. В свою очередь, действия злоумышленника, такие как

¹ Цифровые следы преступлений / А.М. Багмет, В.В. Бычков, С.Ю. Скобелин, Н.Н. Ильин; Следственный комитет Российской Федерации; Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. М.: Проспект, 2021. 168 с. DOI: 10.31085/9785392328680-2021-168.

² Бакаев А.А. Реабилитация нацизма в сети «Интернет»: отдельные аспекты механизма следообразования в цифровой среде / А.А. Бакаев, Е.А. Игнатенко, К.В. Шевелева // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 2(100). С. 120–127.

использование фишинговых сайтов, создание поддельных профилей, внедрение скриптов, перехват трафика также генерируют уникальные цифровые «отпечатки».

Выявление такого рода следов усложняет задачу доказывания по нескольким причинам. Во-первых, преступник зачастую скрывается за анонимными аккаунтами, прокси-серверами или подложными данными, минимизируя свои персональные сведения. Во-вторых, цифровая среда подвержена разрушению следов: данные могут перезаписываться, а устройства – стираться или уничтожаться. В-третьих, правовое регулирование технических методов получения информации в сети достаточно строго ограничено (например, ст. 23 Конституции РФ гарантирует тайну переписки и переговоров, а получение подобных сведений допускается лишь по решению суда).

Одновременно с этим современный мошенник может использовать сложные комбинации «контактных» и «бесконтактных» методов. Так, по классификации И. В. Володиковой, «контактные» дистанционные мошенничества предполагают вовлечение жертвы в определенные действия (например, жертва сама едет к банкомату или делает заявку в кредит), что дополнительно порождает цифровые следы активности жертвы. «Бесконтактные» мошенничества осуществляются полностью через сети (фишинг, поддельные сайты и пр.), что оставляет следы преимущественно в системах удаленных ресурсов и каналов связи. В любом случае для следствия важно понять, по каким связям и как образуются эти следы, чтобы грамотно их обнаружить и использовать в качестве доказательств¹.

Анализ научной литературы и следственной практики позволил выделить ряд особенностей механизма следообразования цифровых следов при совершении дистанционного мошенничества.

К особенностям следообразования относят следующее:

- Разнообразие носителей. Информация записывается на различные электронные устройства – полупроводниковые (флеш-накопители, жесткие диски), оптические диски, а также стационарные хранилища (серверы, компьютеры, мобильные устройства). Правильное изъятие и сохранение этих носителей с соблюдением правил криминалистики позволяет затем извлечь «кристаллизованную» информацию, имеющую значение для дела.

- Двоичная форма записи. Данные при записи преобразуются в бинарный код, благодаря чему одни и те же сведения могут копироваться и записываться в разных местах. Однако считывание и интерпретация этой информации возможны только при активации соответствующего устройства. Поэтому повреждение носителя или нарушение целостности дисков может полностью стереть цифровые доказательства, – как отмечается, относительная «хрупкость» цифровой информации (воздействие электромагнитных помех, перезапись данных) требует бережного обращения с носителями.

- Причинно-следственная связь. Цифровой след имеет причинную связь с преступным событием: он «возникает в результате работы конкретных лиц либо автоматизированных программных средств». Это означает, что сбор цифровых

¹ Володикова И.В. Указ. соч.

следов – это получение системы данных, отражающих действия субъектов в сети, которая при анализе выстраивает «след» преступления. В расследовании такие данные позволяют установить местоположение злоумышленника (геолокации устройств в момент преступления); пути и каналы взаимодействия (например, с какими серверами велась связь); информацию доказательного характера (переписки, список операций, логи входа в систему).

- Существование «посредника». С точки зрения механизма следообразования такие следы образуются при контакте физического лица с цифровой средой. И вроде бы усматриваются в данном случае два взаимодействующих объекта, но здесь подключается «посредник» в виде технического устройства, такого как компьютер, смартфон, планшет, имеющего выход в сеть Интернет. В связи с этим мероприятия по обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию виртуальных следов должны быть направлены на изучение трех (и более) объектов следового контакта¹. В наше время это является настоящей проблемой в силу того, что не всегда представляется возможным правильно идентифицировать объект исследования. Примером могут служить очки дополненной реальности, которые могут быть использованы для выхода в сеть.

Таким образом, механизм следообразования в дистанционных мошенничествах – это сложная совокупность действий пользователя и системных процессов, приводящих к формированию цифровых доказательств. При раскрытии таких преступлений следователь сталкивается с необходимостью одновременно учитывать технические и правовые аспекты: от понимания, как сетевой трафик порождает файлы, до строгого соблюдения процессуальных норм изъятия информации. Цифровые следы предоставляют важные ориентиры для доказательной базы, однако их сила зависит от контекста: один лишь IP не тождественен личности, но в совокупности с другими данными может дать убедительный результат. Отсутствие унифицированной классификации типов цифровых следов, недостаточная проработка алгоритмов их возникновения и сохранения, а также слабая интеграция криминалистических подходов с технологиями цифровой криминалистики и кибербезопасности создают серьезные барьеры для эффективного расследования подобных преступлений.

Нормативная база в России постепенно адаптируется к киберпреступлениям: помимо упомянутых законов разрабатываются новые методики работы с электронными данными и совершенствуются требования к экспертам. Для нас важно понимать, что цифровые следы – это не «виртуальные фантомы», а реальные носители информации, которые нужно уметь оформить и представить в суде. В перспективе дальнейшее развитие технологий (блокчейн, облачные сервисы, искусственный интеллект) будет и усложнять схемы мошенничества, и одновременно создавать новые типы цифровых следов. Поэтому совершенствование технической подготовки следователей и совершенствование законодательства (в духе Интернет-права) остаются актуальными направлениями для повышения эффективности борьбы с дистанционными мошенниками.

¹ Бакаев А.А. и др. Указ. соч.

Значение объективного обозначения цвета в процессуальных документах при расследовании преступлений

Аннотация. В статье рассматриваются трудности, связанные с восприятием и фиксацией цветовых характеристик в процессуальных документах при расследовании преступлений. Точное и единообразное описание цвета объектов, выявленных в ходе расследования, имеет важное значение. Ошибки, допущенные при описании цвета могут значительно осложнить формирование доказательной базы. Различные факторы влияют на восприятие цвета, что нередко приводит к расхождениям в описаниях. Социологический опрос, проведенный авторами, показал, что люди по-разному воспринимают один и тот же цвет. Предлагается создание методических рекомендаций для следователей для обеспечения достоверности при определении цвета.

Ключевые слова: цвет, цветовосприятие, цветовые характеристики, экспертиза, следственное действие, следователь, технические средства.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации регламентирует строгие процедуры составления протоколов следственных действий. В соответствии с нормами УПК РФ, протоколы должны содержать детальное описание всех производимых действий и выявленных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Особое внимание уделяется фиксации признаков объектов, включая такую характеристику, как цвет, которые позволяют их индивидуализировать.

Восприятие цвета является физиологической особенностью каждого человека, но может ли это повлечь за собой какие-либо последствия? В криминалистике цвет может сыграть ключевую роль в расследовании преступлений, например, при идентификации различных объектов (предметов, личности преступника и др.). Несмотря на кажущуюся простоту описания цветовых характеристик, на практике данный аспект нередко становится источником существенных противоречий между показаниями участников процесса и экспертными заключениями, что может привести к судебным ошибкам и необоснованному привлечению к ответственности невиновных лиц или, напротив, к освобождению преступников от справедливого наказания. Эти трудности обусловлены отсутствием единой системы определения цвета, что приводит к субъективному подходу со стороны следователей. В результате в разных документах могут появляться противоречивые описания одного и того же объекта. Например, в протоколе личного досмотра полимерный пакет был описан как красный, тогда как в заключении эксперта его цвет был определен как малиновый. При описании одного и того же объекта важно использовать единое наименование цвета. Это позволяет избежать путаницы и несоответствий в доказательственной базе. Примером может служить уголовное дело, рассмотренное по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч.

2 ст. 228 УК РФ. Сторона защиты ходатайствовала о признании экспертного заключения недопустимым доказательством, указывая на то, что в показаниях подсудимого и свидетелей цвет изъятого вещества описывался как белый, тогда как в заключении эксперта он был обозначен как светло-бежевый¹.

Цветовосприятие – одно из важнейших свойств органа зрения человека, позволяющее лучше ориентироваться в окружающем мире². Восприятие цвета зависит от множества факторов, как субъективных, так и объективных³. Субъективные факторы включают в себя: пол, возраст, психологическое состояние лица в момент восприятия, направленность внимания, степень эмоционального возбуждения. Стресс, вызванный преступным посягательством, существенно искажает восприятие потерпевшего. Женщины, обладая повышенной эмоциональностью и чувствительностью, чаще склонны к искажению действительности, хотя и способны более точно описать детали обстановки и одежды.

Согласно статистике, процент людей, обладающих нормальным цветовым зрением, составляет 90–92% и около 8–10% – частично или полностью «цветослепые»⁴. При этом человек может не осознавать наличие у себя аномалии цветового зрения до момента прохождения специального обследования. Поэтому не случайно при принятии на работу кандидата на должность следователя в обязательном порядке проводится проверка его зрения. Лица, страдающие дальтонизмом, на данную должность не принимаются.

Проблема индивидуального цветовосприятия усугубляется множеством объективных факторов, влияющих на ее точность. К ним относятся условия, в которых воспринималось событие: характер освещения, время наблюдения, расстояние до объекта, метеорологические условия.

Авторами статьи был проведен социологический опрос среди студентов разных курсов СГЮА на предмет того, как они воспринимают тот или иной цвет по системе RGB. Опрос включал 15 вопросов, среди которых 10 были направлены на определение цвета. Участниками исследования стали 32 девушки и 22 парня. Первый представленный цвет – синий, 52 участника выбрали верный вариант ответа, 1 человек выбрал ответ «голубой» и еще 1 «морской волны». Следующий цвет – фуксия, уже 40 человек ответили неверно, 10 выбрали верный ответ и 4 отметили вариант «малиновый цвет». Третий цвет, вызвавший затруднение у реципиентов, был – алый. Только 16 человек ответили правильно, 27 выбрали вариант «красный», а 15 определили «ярко-красный». Как показывают результаты проведенного исследования 15% опрошенных выбрали неправильные варианты ответов, в силу индивидуальных особенностей. При

¹ См.: Дело № 1-84/2015 от 06.03.2017 – Советский городской суд (Калининградская область) – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Z7JQ0RxMzVm5/?regular-txt=&regular-case>. Дата обращения: 28.10.2025.

² См.: Ивенс Р.М. Введение в теорию цвета: Пер. с англ. М.: Мир, 1964. С. 3.

³ См.: Литвинов А.В., Витер В.И., Вавилов А.Ю. О необходимости цифровой стандартизации оценки цвета в практике судебно-медицинских экспертиз // ПЭМ. 2013. № 3 (51). С. 33.

⁴ См.: Кахарова Д. М. Нарушения цветовосприятия (Обзор литературы) // Re-health journal. 2023. № 3 (19). С. 200.

этом нужно учитывать и то, что проведение опроса большая часть реципиентов проходила после 20:00. Таким образом, результаты опроса показали, что восприятие цвета у разных людей может значительно различаться.

Проанализировав, судебную практику по уголовным делам, мы нашли прецеденты, когда показания свидетелей относительно цвета отличались от цветового восприятия потерпевшего. Так, при рассмотрении дела Верховный суд РФ отметил «различное личностное восприятие цвета сходных тонов»¹. Адвокат указывал на то, что показания свидетеля не соответствуют действительности из-за неправильно определенного цвета мопедов, на которых осуществлялась транспортировка оружия. Однако суд кассационной инстанции признал такое расхождение в показаниях несущественным для установления виновности лица в совершении преступления. Еще одним примером служит практика московских районных и городских судов, где встречаются уголовные дела, в которых потерпевшие описывают похищенное имущество (чаще всего телефоны), как объекты, имеющие «чёрный» корпус, в то время как при экспертном описании данных устройств они были определены, как «темно-серый», «графитовый» или «серебристый» цвета². Сотрудники Следственного комитета Российской Федерации отмечают «...что при описании предметов часто допускаются ошибки с указанием цвета. Вместо обозначения конкретного цвета следователи используют термины «темный», «светлый», либо социальные наименования, например, «болотный», «телесный», «оливковый»»³. Подобные расхождения в цветовом восприятии, имеют важное значение в процессе расследования и судебного разбирательства дела.

На основании комплексного анализа 1450 протоколов следственных действий, проведенного саратовскими учеными Е.В. Просвириным и В.В. Степановым, был сделан вывод о необходимости установления четких критериев при описании признаков объектов, включая их цветовые характеристики и оттенки⁴.

Для обеспечения точности и надежности фиксации цвета используются различные методы. Одним из наиболее распространенных является визуальное определение. В случае, если объект имеет несколько цветов, следует

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 28 июня 2022 г. № 18-УД22-32сп-А3. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28062022-n-18-ud22-32sp-a3/>. Дата обращения: 21.10.2025.

² Постановление Верховного Суда РФ от 06 июня 2024 г. № 29-АД24-8-К1 (УИД 58MS0046-01-2023-000946-58) Категория спора: Привлечение к административной ответственности. Требования уполномоченного органа: о привлечении к ответственности по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ за невыполнение водителем требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Решение: Требование удовлетворено, поскольку факт нарушения подтвержден. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-06062024-n-29-ad24-8-k1-uid-58ms0046-01-2023-000946-58/>. Дата обращения: 21.10.2025.

³ Надоненко О.Н. Проблемы организации обучения следователей фиксации осматриваемых объектов // Организация труда следователя: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 27 февраля 2025 года. М.: Московская академия следственного комитета, 2025. С. 65.

⁴ См.: Просвирин Е.В., Степанов В.В. Описание как метод познания и фиксации доказательств при расследовании преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 125.

зафиксировать преобладающий цвет. Например, как это было сделано в приговоре Магаданского городского суда: «приобрела гироскутер марки «Hummer 9» который был разноцветный с преобладанием белого цвета, колеса были резиновые черные с подсветкой и музыкой»¹. Однако, как показали тесты и анализ практического опыта, этот метод не всегда эффективен. Именно при его использовании возникает наибольшее количество ошибок, так как субъективные оценки играют значительную роль.

Цветовые каталоги или атласы представляют собой систематизированные коллекции образцов цветов, которые могут быть представлены в виде палитр, карт или таблиц с уникальными названиями или кодами. Их использование значительно повышает точность описания цветовых характеристик. При этом необходимо учитывать освещение, предпочтительно сравнивать объект на белом фоне.

В настоящее время при расследовании уголовных дел может быть использован колориметр – прибор, работа которого основана на измерении трех координат цвета в колориметрических системах, либо же спектрофотометр, принцип действия которого заключается в анализе спектрального состава отраженного или прошедшего излучения². При использовании таких устройств для определения цвета важно обеспечить правильное освещение (источник и способ).

Необходимо обратить внимание на приложение Color Grab. Оно позволяет определить цвет любой поверхности. Чтобы воспользоваться программой, нужно просто навести камеру на объект, и она автоматически определит его оттенок в цветовых координатах HSV и RGB. Для онлайн-анализа цвета на фотографиях можно использовать сервис WhatColor.ru. В случае, если в ходе расследования применялось специальное приложение или устройство для определения цвета (например, Color Grab), это должно быть отражено в протоколе следственного действия (п.5 ст. 166 УПК РФ).

Некоторые красящие вещества способны изменять свой цвет в зависимости от расположения объекта исследования относительно источника света. Поэтому, при осмотре, например, документов и ценных бумаг, содержащих защитные элементы, выполненные цветопеременными красками (ОВИ), рекомендуется их изучать, изменяя угол зрения и фиксируя наблюдаемые цвета. Отсутствие изменения цвета может указывать на подделку документа³.

Таким образом, практика определения цвета требует изменения подхода к ее реализации. Наиболее эффективным и современным решением является использование специализированных технических приборов, таких как

¹ См.: Дело № 1-98/2019 от 13.03.2019 – Магаданский городской суд (Магаданская область) URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GTB1bsFSryb/?regular-> Дата обращения: 28.10.2025.

² См.: Иванов А.В., Протасов К.В. Определение цветовых характеристик объекта исследования компьютерными средствами в ходе проведения судебной экспертизы // Общество и право. 2019. №4 (70). С. 70.

³ См.: Воробьева И. Б. Техническая подделка документов: способы, признаки, криминалистическое исследование: Монография / И. Б. Воробьева. М.: Юрлитинформ, 2013. С.127–128.

колориметры, спектрофотометры и др. Следует согласиться с мнением А.А. Бессонова о необходимости «изучения роли и влияния достижений научно-технического прогресса нового технологического уклада на состояние современной преступности и деятельности по противодействию ей, разработки мер по их интеграции в правоохранительную практику»¹.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости разработки и внедрения унифицированных методик фиксации цвета в процессуальных документах. Это позволит повысить точность и надежность доказательств, а также снизить количество ошибок, связанных с субъективностью восприятия цвета.

На наш взгляд, целесообразно создать методические рекомендации для работы следователя, в которые можно включить следующие положения. Во-первых, при проведении допроса следует детально выяснять конкретные физические условия восприятия цвета у допрашиваемого, например: характер естественного или искусственного освещения с указанием типа источника света, интенсивность освещения (дневное время, сумерки, ночь, искусственное освещение), расстояние от допрашиваемого лица до наблюдаемого объекта и т.д. Особое внимание следует обратить на физиологические особенности лица, не страдает ли оно врождёнными или приобретёнными нарушениями цветового зрения, не принимает ли постоянно медикаментозные препараты, потенциально влияющие на функционирование зрительного анализатора, не находилось ли в состоянии алкогольного или наркотического опьянения в момент восприятия события. Во-вторых, при составлении протокола следователю необходимо избегать неточных определений и стремиться к максимальной конкретизации описаний. В-третьих, предъявление для опознания по признаку цвета одежды или транспортных средств должно производиться при условиях освещения, максимально приближенных условиям первоначального восприятия цвета в момент совершения преступления. В-четвёртых, при производстве судебных экспертиз, связанных с исследованием и фиксацией цветовых характеристик объектов, к примеру экспертизы лакокрасочных материалов и покрытий – эксперты должны в обязательном порядке использовать криминалистические атласы стандартизированных цветов.

Подводя итог вышеизложенному, следует сделать вывод, что достоверное обозначение цвета в процессе расследования преступлений требует особого внимания в деятельности следователя и эксперта, заключающееся в комплексном учёте индивидуальных особенностей человека, условий освещения и других факторов, позволяющих минимизировать расхождения между показаниями и экспертными данными, зафиксированными в процессуальных документах.

¹ Бессонов А.А. Новый технологический уклад как вызов современной правоохранительной системе // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции : в 3 ч., Москва, 25 апреля 2025 года. М.: Академия управления МВД России, 2025. С. 30.

Современные способы противодействия методам расследования преступления

Аннотация. Научная статья посвящена исследованию современных форм противодействия криминалистическим методам расследования преступлений в условиях цифровизации. Автор обосновывает переход от традиционных способов сокрытия следов преступления к высокотехнологичным методам искажений цифровых доказательств. На основе анализа законодательства, судебной практики и технических решений предложены меры по преодолению такого противодействия с учётом правовых ограничений и необходимости обеспечения баланса между эффективностью расследования и соблюдением конституционных гарантий.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровая информация, противодействие расследованию, криминалистика, смартфон.

Современное расследование преступлений часто осуществляется в условиях противодействия со стороны преступников и их пособников, направленного на воспрепятствование установлению истины и уклонение виновных от ответственности. Р.С. Белкин определял противодействие расследованию как умышленную деятельность, преследующую цель воспрепятствовать решению задач следствия и установлению истины по делу ¹. Сходное определение предложил С.Ю. Журавлёв, характеризуя противодействие как систему действий или бездействий, направленных на сокрытие преступления путём недопущения вовлечения его следов в сферу уголовного судопроизводства и их использования в качестве доказательств ². Явление противодействия расследованию имеет комплексный характер и может проявляться на всех этапах, от стадии осмотра места происшествия до судебного разбирательства. Противодействие могут оказывать как сами подозреваемые (обвиняемые), так и иные лица, например, свидетели, потерпевшие, коррумпированные должностные лица, посредники, представители организованных преступных групп и другие, в том числе СМИ³. Перечисленные аспекты обуславливают многообразие форм и способов противодействия расследованию. Советская криминалистика подробно исследовала способы сокрытия материальных объектов: уничтожение, сокрытие

¹ Белкин Р.С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М.: Академия управления МВД РФ, 1997. 398 с.

² Журавлев С.Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Нижний Новгород. 1992. 201 с.

³ Муратшина С.Н. Понятие и виды противодействия расследованию коррупционных преступлений // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). Казань: Бук, 2015. С. 196–198.

либо маскировка вещественных доказательств, попытки инсценировки иной картины события и фальсификации улик¹.

В современную эпоху практически любое преступление сопровождается появлением цифровых следов, которые характеризуются как криминалистически значимая информация, пригодная для обработки с использованием компьютерной техники, в результате создания определенного набора двоичного кода либо его преобразования, зафиксированная на материальном носителе². По данным МВД России, за 2024 год зарегистрировано свыше 765 тысяч преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что составляет почти 40% от общего числа всех преступлений³. Поэтому противодействие всё чаще переносится в цифровую среду. В теории криминалистики появилось понятие «антифорензика» – совокупность методов и средств, используемых для удаления, изменения, сокрытия либо затруднения обнаружения цифровых следов противоправной деятельности⁴. Наиболее распространёнными современными способами противодействия, связанными с электронными носителями доказательств (компьютерами, смартфонами, электронными хранилищами данных), являются криптографические меры, то есть меры по преобразованию, шифрованию данных, и иные технические меры информационной безопасности, которые используют преступники, чтобы исключить возможность доступа следствия к переписке, аудиовизуальной информации и файлам. Осведомлённость о возможностях прослушивания телефонных разговоров и получения детализации звонков (биллинговой информации) побуждает преступников отказываться от открытых каналов связи. Обмен сообщениями между соучастниками всё чаще происходит не через традиционную сотовую связь, а посредством защищённых мессенджеров и интернет-сервисов, обеспечивающих сквозное шифрование трафика, подразумевающее под собой метод защиты данных от несанкционированного просмотра и изменения, при котором доступ к сообщениям или данным имеют только те пользователи, которые участвуют в общении⁵. Вместо этого используются зашифрованные чаты (Telegram, Signal, WhatsApp и др.), анонимные VPN-соединения, подключаясь через которые, злоумышленники соединяются с провайдером «по закрытому каналу», обеспечивающему защиту путем шифрования передачи данных⁶, и специальные браузеры (например, Tor)

¹ Бибиков А.А. Противодействие расследованию преступлений как объект изучения криминалистики // Известия ТулГУ. Эконом. и юрид. науки. 2017. № 2-2.

² Особенности криминалистической фиксации цифровых доказательств и следов. URL: https://zakon.ru/blog/2022/08/09/osobennosti_kriminalisticheskoy_fiksacii_cifrovyh_dokazatelstv_i_sledov (дата обращения: 10.10.2025).

³ МВД России. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-октябрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/57279296/?ysclid=mg15os00ez213355908> (дата обращения: 08.10.2025).

⁴ Орленко Е.С., Гришаева И.Г. Форензика и антифорензика: криминалистические аспекты // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2023. № 3 (54).

⁵ Чичикин Г.Я., Семёнов Д.А., Сквозное шифрование // Academy. 2019. №5 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skvozhnoe-shifrovanie> (дата обращения: 29.10.2025).

⁶ Усманов Р. А. Характеристика преступной деятельности, осуществляемой в сети

для сокрытия сетевой активности, позволяющие скрыть IP-адрес и геолокацию, затрудняя установление реального местонахождения пользователя¹. Появились программные средства, генерирующие фиктивные цифровые следы, так расширение Canvas Fingerprint Defender случайным образом изменяет параметры браузера при попытке его идентификации². Эти методы препятствуют установлению личности преступника и маршрутов передачи информации.

Основной мерой противодействия со стороны следствия в таких случаях становится попытка деанонимизации – например, выявление провайдера или владельца сервера, через который осуществлялось соединение, и изъятие соответствующих серверных данных. Среди мероприятий по обеспечению сохранности цифровой информации при проведении компьютерно-технической экспертизе выделяются следующие: при подключении носителя цифровой информации к тестовому компьютеру эксперта используются аппаратные средства блокирования уничтожения или сохранения информации, после чего производится полное копирование цифровой информации на специально выделенные экспертом зоны на тестовом компьютере. Данные действия должны проводиться только с использованием специализированного программного обеспечения, использование которого должно быть обосновано в экспертном заключении.

Предметом компьютерно-технической экспертизы могут быть носители цифровой информации, в том числе: SIM-карты (Постановление Президиума Новосибирского областного суда от 24.06.2016 по делу 44У-124/2016, Приговор Алтайского краевого суда от 11.12.2013 по делу №2-96/2013); мобильные телефоны, пейджеры, смартфоны, диктофоны (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 29.11.2016 по делу №10-17624/2016); флэш-карты, оптические диски (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 02.07.2015 по делу №22-2363/2015); контрольно-кассовые машины (Постановление Московского городского суда от 08.06.2011 по №4у/7-3435); конкретные программы, иные объекты авторских прав и т.п. (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 20.04.2017 по делу № 22-2649/2017)³.

Интернет посредством сервисов-анонимайзеров // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. №4 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-prestupnoy-deyatelnosti-osuschestvlyaemoy-v-seti-internet-posredstvom-servisov-anonimayzerov> (дата обращения: 24.10.2025).

¹ Камбулов Данил Александрович Обеспечение анонимности в сети интернет с использованием технологии "луковичной" маршрутизации браузер tor // E-Scio. 2020. №11 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-anonimnosti-v-seti-internet-s-ispolzovaniem-tehnologii-lukovichnoy-marshrutizatsii-brauzer-tor> (дата обращения: 24.10.2025).

² Московченко Валерий Михайлович, Столяров Данил Олегович, Горбунов Александр Андреевич, Белянин Владислав Игоревич Анализ технологий защиты от идентификации веб-браузеров // NBI-technologies. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-tehnologiy-zaschity-ot-identifikatsii-veb-brauzerov> (дата обращения: 29.10.2025).

³ Обзор судебной практики по участию специалиста и производству судебных

Однако на практике часто приходится использовать анализ косвенных улик, например, изучение профиля подозреваемого в социальных сетях, сетевую активность, сопоставление времени входа в аккаунт социальной сети или мессенджера, расписания коммуникаций с событиями преступления и т.п.

Отдельное внимание следует уделить противодействию расследованию, связанному с мобильными устройствами, прежде всего смартфонами, которые являются источником ценнейшей криминалистически значимой информации. Смартфоны используются преступниками не только как средство связи, но и как инструмент планирования преступлений (хранение фотографий, заметок, координат) и непосредственного их совершения (например, при координации действий групп)¹. Осознавая, какую доказательственную базу может предоставить следствию доступ к телефону, злоумышленники предпринимают множество предупреждающих мер. Во-первых, применяется парольная защита и полное шифрование памяти устройства. Современные операционные системы (iOS, Android) изначально ориентированы на конфиденциальность данных, без ввода пароля или ключа шифрования извлечь информацию из запароленного телефона крайне затруднительно. Во-вторых, используется многослойная аутентификация и настройки автоматической блокировки. Например, iPhone переходит в режим полной защиты, если устройство перезагружено и не разблокировано пользователем, что не позволяет извлечь содержимые данные стандартными методами. В-третьих, функционал некоторых телефонных настроек позволяет мгновенно стереть все данные нажатием кнопки или при попытке взлома. В зарубежной практике известны случаи, когда преступники использовали двойные операционные системы на телефоне, одна из которых содержала обычную информацию, а вторая – скрытую и зашифрованную, причём при вводе определённого PIN-кода срабатывало мгновенное уничтожение данных на устройстве². Таким образом, без надлежащих мер защиты следствие рискует утратить критически важные сведения (контакты, переписку, файлы), причём особенно уязвимы данные, хранящиеся лишь во временной памяти телефона (кеш приложений, ключи шифрования, незакрытые сессии мессенджеров), которые исчезают при выключении питания. Кроме того, через геолокационные сервисы или подключение к сети злоумышленники способны отследить, где находится изъятое устройство, и предпринять меры для его уничтожения или компрометации расследования. Все эти риски вынуждают правоохранительные органы действовать с особой осмотрительностью при

экспертиз при исследовании цифровой информации. [Электронный ресурс] URL: https://zakon.ru/blog/2018/05/06/obzor_sudebnoj_praktiki_po_uchastiyu_specialista_i_proi_zvodstvu_sudebnyh_ekspertiz_pri_issledovanii (дата обращения: 28.10.2025).

¹ Грибунов О. П. Средства сотовой связи как источник криминалистически значимой информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-sotovoy-svyazi-kak-istochnik-kriminalisticheski-znachimoy-informatsii> (дата обращения: 28.10.2025).

² Dismantling encrypted criminal EncroChat communications leads to over 6 500 arrests and close to EUR 900 million seized. [Электронный ресурс] URL: <https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/dismantling-encrypted-criminal-encrochat-communications-leads-to-over-6-500-arrests-and-close-to-eur-900-million-seized> (дата обращения: 29.10.2025).

работе с электронными носителями информации.

Преодоления указанного противодействия при расследовании с использованием цифровых носителей регулируются ст. 164.1. УПК РФ «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий». Сравнивая данную статью с ранее действующими положениями ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ, можно утверждать, что в прежней редакции законодатель определял порядок изъятия электронных носителей и копирования информации только для обыска и выемки, то после изменений подобный порядок установлен для всех следственных действий, а так же что следователь стал вправе произвести копирование информации с электронного носителя самостоятельно без его изъятия. Однако законодатель, дополняя УПК РФ ст. 164.1, оставил без изменения проблемное положение, касающееся обязательного требования привлечения специалиста при изъятии электронного носителя информации. Так, в правоприменительной деятельности привлечение специалиста для изъятия электронного носителя информации не всегда представляется возможным. Не решен вопрос о целесообразности использования специальных знаний при изъятии электронных носителей, которые используются повсеместно (CD-RW, флеш-накопители и т.д.)¹.

Анализируя международные стандарты, можно заметить требования немедленной изоляции изъятого носителя от любых беспроводных сетей путём помещения его в экранирующий контейнер (клетку Фарадея) или применения блокиратора сигналов. В некоторых странах, например США, соответствующие инструкции обязывают каждую следственно-оперативную группу иметь при себе защитные «фарадеевские» чехлы или боксы и помещать туда телефон сразу после изъятия². Бурно развивается отрасль цифровой криминалистики, предлагающая инструменты для извлечения данных даже из защищённых устройств. К примеру, получили распространение аппаратно-программные комплексы компании Cellebrite (UFED и др.), способные вскрывать пароли многих моделей телефонов и копировать содержимое их памяти. Специализированные устройства наподобие GrayKey позволяют осуществлять подбор пароля методом перебора, обходя ограничение на число попыток ввода, и тем самым разблокировать фактически любой телефон (операционной системы iPhone)³. Таким образом, даже мощные алгоритмы шифрования нередко

¹ Зуев Сергей Васильевич, Черкасов Виктор Сергеевич Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации (статья 164.1 УПК РФ): преимущества и недостатки новеллы // Сибирское юридическое обозрение. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-pravila-izyatiya-elektronnyh-nositeley-i-kopirovaniya-informatsii-statya-1641-upk-rf-preimuschestva-i-nedostatki-novelly> (дата обращения: 29.10.2025).

² Клетка Фарадея на службе у современной криминалистики. [Электронный ресурс] URL: <https://blog.elcomsoft.ru/2024/01/kletka-faradeya-na-sluzhbe-u-sovremennoj-kriminalistiki/> (дата обращения: 29.10.2025).

³ GrayKey позволяет взломать любой iPhone. URL: <https://ru-bezh.ru/kompanii-i-ryinki/news/21/06/23/vyiklyuchennyij-zablokirovannyij-ili-razbityij-telefon-vsyo-ravn#:~:text=%20%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8>

перестают быть непреодолимым препятствием, если у следствия есть достаточные технические ресурсы и квалифицированные специалисты.

Формируется практика, учитывающая баланс между эффективностью расследования и конституционными правами личности. В Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2023 N 16-УД23-17-К4 указано, что отказ обвиняемого сообщить пароль от своего телефона не может рассматриваться как доказательство его вины или как обстоятельство, отягчающее ответственность. Реализация обвиняемым права не свидетельствовать против себя, гарантированного ст. 51 Конституции РФ, не должна оборачиваться негативными последствиями для него¹. Данное судебное решение фактически устанавливает важный ориентир: следственным органам следует искать иные пути получения доказательств (например, применять технические средства взлома), не пытаясь возложить бремя саморазоблачения на фигурантов дела. Аналогичные вопросы обсуждаются и за рубежом – в ряде стран (например, Великобритания, США) закон прямо обязывает подозреваемого предоставить пароль по требованию суда или полиции, за отказ предусмотрена ответственность, однако такие нормы вызывают споры. Таким образом, с правовой точки зрения, применение технических способов преодоления шифрования оказывается предпочтительнее и корректнее, чем попытки принудить фигуранта к сотрудничеству вопреки его воле.

Обобщая изложенное, следует констатировать, что противодействие расследованию преступлений в современных условиях носит всё более сложный и технологичный характер. Преступники активно используют достижения науки и техники себе во благо, от удаления файлов до сложных схем анонимизации всей своей деятельности. В этих условиях криминалистика вынуждена динамично развиваться. Эффективно организованная работа правоохранительных органов, использование новейших технологий, привлечение квалифицированных экспертов могут существенно уменьшить негативное влияние противоправного противодействия на результаты расследования.

%D1%8F%20Grayshift%20%D0%B2%D1%8B%D0%BF%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B0% (дата обращения: 29.10.2025).

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2023 N 16-УД23-17-К4 URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21092023-n-16-ud23-17-k4/?ysclid=mhbousrm4s32607969> (дата обращения: 29.10.2025).

Использование криминалистической техники для обнаружения объектов в акваториях страны

Аннотация. В статье рассматриваются научные положения об эхолокации, виды эхолокации, определяются условия их применения в криминалистических целях. Обосновывается возможности эхолокации дна гидросферы в рамках раскрытия и расследования преступлений. Рассматриваются отдельные практические рекомендаций применения эхолокации дна гидросферы в рамках производства отдельных процессуальных действий.

Ключевые слова: криминалистика, следственные действия, криминалистическая тактика, гидросфера, эхолокация, технические возможности, механизм.

Развитие общества неразрывно связано с научными открытиями человечества. Научно-технический прогресс неотвратимо ведет человечество к внедрению совершенно новых знаний в практическую деятельность в рамках познания окружающего мира. Производство по уголовному делу – это также процесс планомерного развития как способов и методов расследования, так и сочетания оных с научно-технологическим прогрессом, который выливается в создании особых криминалистических средств, предназначенных для целей следствия.

Криминалистическая техника играет важную роль в раскрытии и расследовании преступлений. От возможностей специалистов и экспертов правоохранительных органов, их профессиональных знаний и технической составляющей зависит качество обнаружения, фиксации и изъятия доказательственной информации, а также сроки и результаты ее исследования. Применение криминалистической техники сталкивается с рядом проблем, которые снижают эффективность работы при расследовании и предупреждении преступлений. Они проявляются в различных аспектах, отдельные из которых будут рассмотрены в данной статье.

Одно из примечательных явлений в криминалистике – эхолокация. Способ, при помощи которого положение объекта определяется по времени задержки возвращений отражённой волны. Феномен эхолокации был открыт Ладзаро Спалланцани, впервые обратившим внимание, что летучие мыши в темноте никогда не задевают предметов.¹ Сначала учёный ограничил животным видимость, однако это не стало препятствием для их ориентирования в полёте. После ограничил слух, что привело к их дезориентации. Тем самым был сделан вывод о возможном ориентировании летучих мышей в пространстве при помощи

¹Ладзаро Спалланцани – Письма о подозрении в новом чувстве у летучих мышей, Италия: Королевская печать, 1794г.; Неопубликованные эксперименты Спалланцани по сенсорной основе восприятия объектов у летучих мышей; VI. Эксперименты на летучих мышах, лишенных зрения. Философский журнал. С. 136–140.

слуха. Но научно обосновать это не представлялось возможным из-за отсутствия в то время каких-либо приборов, улавливающих ультразвук.

Данный факт был подтверждён только в 1938 г. Учёным Гриффином Д. Р.¹, предложившим назвать это явление эхолокацией, в связи с известными уже на тот момент аналогичными признаками радиолокации. Дальнейшее изучение эхолокации позволило создать приборы, при помощи которых моделировались частоты радиоволн и ультразвука, давая определённые знания об объекте. Создание таких радиолокационных систем позволило успешно использовать их возможности в научных, в производственных, в военных целях.

В первую очередь эхолокация необходима для обследования объектов, находящихся в гидросфере Земли. Как известно, гидросфера – одна из составляющих сред планеты Земля, отличающихся друг от друга биологическими и физическими свойствами. Признавая достоинство эхолокации, необходимо рассмотреть вопрос о её использовании в криминалистической науке.

Анализ судебно-следственной практики позволяет констатировать, что ежегодно в России на воде гибнут около 10 тыс. человек, тела которых зачастую не всплывают, а обнаружение их места положения затруднено в силу разных причин, например, сильная заиленность дна, течение. Ситуации, требующие проведения предварительного расследования по факту обнаружения признаков преступления, когда объекты находятся в гидросфере, требуют применения специализированных приборов и технологий (гидролокационных систем), основным из которых является гидролокатор.

Гидролокатор – прибор, предназначенный для обнаружения и исследования подводных объектов при помощи акустического излучателя. По принципу действия гидролокаторы бывают двух видов: активные и пассивные.

- пассивные гидролокаторы предназначены для определения места положения подводного объекта в случае, если этот объект излучает сигналы.

- активные гидролокаторы сами посылают сигнал, который отражается от подводного объекта.

В криминалистических целях наиболее подходят активные гидролокаторы. Одним из вариантов активного гидролокатора является эхолот – устройство изучения рельефа дна водоёмов. Результатом применения прибора при исследовании дна водоема является его топографическая карта, со всеми возможными его контурами.

Различные варианты применения гидролокаторов способствовали разработки их модификаций. Например, для изучения строения морского дна вокруг плавающего средства были разработаны гидролокаторы бокового обзора, которые, в отличие от эхолота, производят сканирование профиля дна, находящегося в стороне от источника сигнала. Такой метод позволяет не только получить какую-либо информацию о формах рельефа дна, но и изучить особенности его геологического строения.

¹Гриффин Д. Р. Эхо в жизни людей и животных. Пер. с англ. К. Э. Виллер. Под ред. М. А. Исаковича. М.: Физматгиз, 1961. С. 110.

В последнее время широкое распространение получило оптическое (лазерное) сканирование морского дна, которое может проводиться как с воздушных аппаратов, так и с управляемых подводных аппаратов. Данный метод изучения дна гидросферы называется батиметрия. Он осуществляется с помощью гидроакустических лотов (эхолотов или сонаров), которые крепятся к днищу судна. В процессе батиметрических измерений составляется цифровая модель рельефа дна гидросферы со всеми его особенностями. В дальнейшем полученные данные могут быть использованы в морской навигации или же научных целях.

Кроме того, активно используются аэрогеодезические приборы, называемые лидарами. Они устанавливаются на летательные аппараты и работают по принципу дальномера. Принцип его работы основан на физических свойствах излучения различных спектров. Лазерная установка лидара даёт два излучения, одно из которых – это инфракрасный свет, отражающийся от преграды (земля, вода); второе – излучение зелёного луча, который проходит через толщу воды. Полученная разница анализируется прибором, затем определяется как глубина водоёма, так и структура рельефа, подлежащего сканированию. При помощи лидара возможно проведение батиметрических исследований до 2500 кв км, однако глубина подобного сканирования не превышает 70 метров, что обусловлено невозможностью глубокого проникновения луча в толщу воды.

Наличие современных разработок в рассматриваемой сфере позволяет их активно использовать в процессе раскрытия и расследования преступлений, в частности при производстве поисковых следственных действий. Однако, на сегодняшний день, практика, к сожалению, показывает, что осмотру места происшествия в таких условиях не уделяется должного внимания, что негативно сказывается на собирании доказательств. Таким образом, необходимость разработки криминалистических рекомендаций по применению эхолокационных систем является объективно обусловленным фактом.

Безусловно, в настоящее время криминалисты нуждаются в использовании новых перспективных разработок, в том числе в области применения эхолокации. Вместе с тем, это обуславливает потребность в более подробном изучении задач технико-криминалистического обеспечения. Однако, использование такой сложной системы как эхолокация требует серьезной подготовки не только следователя, но и специалиста.

Следователь – лицо, которое обязано обеспечить качество выполнения следственного действия, а также безопасность его участников и соблюдение их прав и свобод, что гарантировано 2 статьей Конституции Российской Федерации. Применение эхолокации довольно редкое явление в криминалистической практике, и ввиду этого следователи зачастую не рискуют применять данный метод или недостаточно осведомлены о его возможностях. Учитывая данную проблематику, можно полагать, что совершенствование механизма расследования по преступлениям данной категории должно осуществляться в следующих направлениях:

во-первых, осуществление безопасности следователей и специалистов. В 1980 г. Мавлюдов А. К., отмечал, что «осмотр места происшествия в водной

среде является сложным действием и, как правило, сопряжён с определёнными элементами риска. При погружении под воду в водолазном снаряжении человек подвергается воздействию давления водной среды и других физических, физиологических факторов. В непрозрачных средах (речных и озёрных условиях) не исключается возможность получения телесных повреждений о находящиеся на дне острые предметы. В связи с такими специфическими условиями следователь должен уделять особое внимание вопросам безопасности проведения осмотра на воде, чтобы предотвратить несчастные случаи с участниками следственного действия»¹;

во – вторых, решение задачи в планировании следственного действия, когда нужно изучить картину происшествия на дне гидросферы. О.А. Луценко отмечает, что «только специалист может дать заключение о рельефе дна водоёма»². При этом не все из них без дополнительной информации могут знать рельеф дна водоёма в конкретном месте, что требует использования эхолотационного оборудования. Самостоятельная работа следователя с таким оборудованием не практична в связи с отсутствием у него профессиональных навыков. Так возникает необходимость разработки криминалистических рекомендаций, направленных на взаимодействие следователя и специалиста в сфере эхолотации гидросферы;

в-третьих, это учёт специфики самого механизма эхолотации. Необходимо оказывать внимание техническим характеристикам прибора. В частности, требуется уточнение глубины проведения эхолотации. Как уже отмечалось, эффективное применение лидара в условиях гидросферы на сегодняшний момент составляет не более 70 м. В иных случаях, если приборы эхолотации применяются с плавающего транспортного средства, следователю необходимо учитывать наличие водных препятствий.

Как показывает практика, если вода, в которой проводится гидроакустическая эхолотация, спокойна, то показания прибора могут быть нечеткими, а в ряде случаев просто прерываться. Не каждый эхолот способен в тех или иных условиях дать точную или вообще дать информацию.

Примером данного направления стала следственная ситуация, в ходе которой возникла необходимость использования технических средств, с целью установления транспортного средства под водой.

«Утром 14 апреля 2015 года шесть жителей села Щербаковка Камышинского района Волгоградской области на автомобиле ВАЗ-2101, принадлежавшем одному из пропавших, направились из села Щербаковка в Щербатовку, расположенную неподалёку, пропали». Поиски велись более трех месяцев. На огромной территории как на суше, так и в прибрежной полосе Волге работали следователи и криминалисты Следственного управления СК РФ по Волгоградской области, полиция, водолазы. Местность была «прочесана» в

¹ Мавлюдов А.К. Осмотр места происшествия по делам об авариях на водном транспорте / А. К. Мавлюдов; под ред. В.В. Степанова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. С. 106.

² Луценко О.А. Следственный осмотр. Понятие, виды и доказательственное значение: Учебно-практическое пособие. Элиста, 2007. С. 121.

пешем порядке, а также осмотрена с помощью вертолёт и беспилотных аппаратов; дно реки, помимо работы водолазов, исследовали криминалисты первоначально штатным эхолотом-гидролокатора кругового обзора SV1010, имеющихся в Следственном управлении следственного комитета по Волгоградской области. Однако при изучении характеристик данного гидролокатора установлено, что он более эффективен на для глубины 300 м и 3000 м, а глубина Волги в районе Камышинского района Волгоградской области не превышает 30 метров. Дно обследовали на протяжении 56 километров — от Щербаковки до Даниловского оврага. Следователи и криминалисты пришли к выводу: машина с людьми может находиться только в реке, глубина которой составляет в этом месте до 26 м — было принято решение о повторном обследовании дна с использованием иного гидролокатора. При изучении характеристик гидролокаторов с учётом конкретной следственной ситуации, был выбран гидролокатор эхолот Lowrance Elite 9 с возможностью высокой детализации структуры и покрытия дна в более широком диапазоне, в том числе на глубине до 30 метров.

31 июля 2015 года начались новые поиски, которые на следующий день закончились находкой пропавших. Этим поискам предшествовало получение подробной карты рельефа дна, сведений о течениях, уровне воды, сбросах на плотине Волжской ГЭС. Так, 31 июля 2015 года следователи выехали на место поисков. Практически сразу, на расстоянии около 30 метров от берега, на глубине 8,5 метров, на дне Волги с помощью гидролокатора был обнаружен предмет прямоугольной формы. Недалеко был обнаружен ещё один предмет круглой формы. Этот «прямоугольник» несколько раз терялся из виду. А в это время к круглому предмету спустился водолаз, который после всплытия сообщил, что обнаружил на дне колесо от трактора марки «Кировец». Соотнесение размеров найденного колеса и загадочного «прямоугольника» позволило сделать выводы о его размере.

Повторные поиски ничего не дали — помешала мутная взвесь, ила и песка, поднятая водолазом во время погружения, а также надвигающиеся сумерки.

1 августа 2015 года над местом «прямоугольника», отмеченном на GPS-навигаторе, опять стартовали поиски. Они-то и позволили обнаружить на дне искомый автомобиль, который лежал на крыше. В автомобиле были обнаружены тела шестерых пропавших мужчин»¹.

Так, учёт вышеописанных обстоятельств позволил получить следователям подробную информацию о поверхности осмотра дна гидросферы, но лишь со второго раза и с правильно подобранным эхолотом.

Итак, подводя итог научной работе, можно сделать вывод, что изучение возможностей применения гидроакустических систем в криминалистических целях и их усовершенствование в условиях реального времени играет существенную роль при проведении следственных действий, связанных с осмотром дна гидросферы. Изучение технических возможностей механизма в

¹Уголовное дело № 209486, возбужденное от 30.04.2015 г. следственным отделом по городу Камышин СУ СК России по Волгоградской области.

процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений должно стать обязательным элементом учебного курса криминалистической науки, потому что профессиональные знания сотрудников правоохранительных органов влияют на одни из ключевых аспектов работы: качество обнаружения, фиксации и изъятия доказательственной информации, а также сроки и результаты ее исследования. Именно такой подход к практической задаче создаст предпосылки к высокому уровню проведения следственных действий поисковой направленности в условиях гидросферы.

Д.А. Никитина¹

Научный руководитель: А.А. Боков²

^{1,2} Российский технологический университет

Особенности проведения обыска и выемки электронных носителей информации в сети Даркнет: тактические и процессуальные аспекты

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме процессуальной фиксации и тактике получения цифровых доказательств из анонимной сети Даркнет. Автором рассматриваются специфические сложности, возникающие при проведении обыска и выемки электронных носителей информации, которые связаны с виртуальной природой следов и использованием преступниками технологий анонимности. В работе предложен комплексный подход, объединяющий этапы оперативно-розыскной деятельности и последующего следственного производства, включая осмотр интернет-сайтов и обыск по месту жительства подозреваемого. Особое внимание уделяется тактическим приемам, направленным на обеспечение внезапности, тотальности изъятия и привлечения специалиста-криминалиста. Центральное место в исследовании занимает анализ ключевых рисков признания доказательств недопустимыми, таких как провокация преступления, сомнения в целостности цифровых копий и правомерности доступа к информации, а также предложены конкретные пути их минимизации через строгое соблюдение норм УПК РФ, применение криминалистических средств фиксации и назначение судебных экспертиз. Разработанные рекомендации направлены на формирование устойчивой к критике доказательственной базы по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в условиях цифровой анонимности.

Ключевые слова: даркнет, обыск и выемка, электронные носители информации, цифровые следы, оперативно-розыскная деятельность, процессуальная допустимость доказательств, компьютерная криминалистика, осмотр сайта в сети Интернет, криптовалюты, анонимность, тактика

Современный этап развития информационных технологий характеризуется не только появлением новых возможностей для коммуникации и обмена данными, но и формированием специфических цифровых пространств, одним из которых является Даркнет. Такие анонимные сети, как Tor и I2P, изначально создавались с целью обеспечения конфиденциальности пользователей и противодействия различным формам контроля и слежки. Однако именно эти технологические

особенности обусловили использование Даркнета в качестве платформы для организации и совершения тяжких и особо тяжких преступлений, таких как незаконный оборот наркотиков, оружия и криминальных услуг¹. Традиционные тактические схемы производства следственных действий, эффективные в отношении материальных объектов, оказываются малопригодными в условиях, когда преступная деятельность осуществляется в глобальном анонимном пространстве, а ее субъекты и цифровые следы физически не локализованы². В связи с этим возникает комплексная процессуальная и тактическая проблема, связанная с определением юридически корректного порядка действий правоохранительных органов. Ключевой задачей является не только обнаружение и фиксация цифровой информации, но и обеспечение ее допустимости в качестве доказательства в рамках уголовного дела, что требует тщательной проработки как этапов оперативно-розыскной деятельности³, так и последующей процессуальной легализации полученных сведений через производство следственных действий.

Таким образом, цель настоящей статьи заключается в разработке тактики производства обыска и выемки электронных носителей информации, полученной в результате проведения ОРМ в Даркнете, с обеспечением их процессуальной допустимости. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: определить последовательность этапов фиксации цифровых следов, извлеченных из анонимных сетей⁴, разработать тактические приемы их преобразования в доказательства через проведение осмотра и выемки⁵, а также проанализировать основные риски признания таких доказательств недопустимыми и предложить пути их минимизации⁷.

¹ Бондаренко Ю. А., Кизилев Г. М. Проблемы выявления и использования следов преступлений, оставляемых в сети Darknet // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 5. С. 102–106.

² Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования: монография / А.Ф. Абдулвалиев [и др.]; под науч. ред. Е.В. Смахина, Р.Д. Шарапова, В.И. Морозова. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2021. 376 с.

³ Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 399 с.

⁴ Лемехов С.В. Роль виртуальных (цифровых) следов в современной трасологии // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3 (20). С. 32–36.

⁵ Васюков В. Ф., Колычева А. Н. Осмотр и фиксация страниц интернет-сайта в сети интернет // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 26–29.

⁶ Сысенко А. Р., Герасименко Н. И. Особенности осмотра информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет // Закон и право. 2022. № 7. С. 104–107.

⁷ Саркисян К.Т. Проблемы собирания цифровых следов при производстве следственных действий по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств в компьютерных сетях // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 1. С. 188–196.

Эффективное расследование преступлений, совершаемых в сети Даркнет, в значительной степени предопределяется качеством и слаженностью действий на подготовительном этапе, где ключевую роль играет конструктивное взаимодействие между оперативными подразделениями и следователем. Изначальная стадия работы заключается в проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), направленных на сбор первичной информации о криминальной деятельности, такой как функционирование сайта-магазина или закрытого форума, идентификация его администраторов и активных пользователей¹. На этом этапе оперативные сотрудники используют комплекс специальных тактических приемов, включая создание оперативной легенды, виртуальное наблюдение за коммуникацией и проведение контрольных закупок запрещенных веществ или услуг, что позволяет установить круг причастных лиц и собрать достаточные данные для принятия процессуального решения. Результатом этой деятельности становится формирование пакета исходной информации, который в дальнейшем передается следователю для легализации доказательств. Этот пакет должен содержать не только общие описания, но и строго фиксированные цифровые артефакты: скриншоты веб-страниц с указанием их адресов в доменной зоне *.onion*, логи переписки между участниками, хэш-суммы распространяемых файлов для их последующей идентификации, а также криптографические ключи, полученные в ходе оперативного эксперимента². Особое значение на данной стадии приобретает институт процессуального оформления решения о возбуждении уголовного дела, поскольку именно в постановлении следователь обязан детально и мотивированно изложить все установленные оперативным путем признаки состава преступления, при этом адаптируя специфические данные из анонимной сети к требованиям уголовно-процессуального закона.

Качественно составленное постановление, по сути, служит правовым мостом, который позволяет перевести информацию, добытую в ходе ОРД, в плоскость официального следствия, закладывая основу для последующего производства таких следственных действий, как осмотр и выемка, и минимизируя риски оспаривания их допустимости на последующих стадиях уголовного судопроизводства³. Таким образом, именно на подготовительном этапе закладывается фундамент всего дальнейшего доказывания, где тесная

¹ Осипенко А.Л., Белый А.Г., Стукалов В.В. и др. Алгоритм реализации оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» при выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений экстремистской направленности и террористического характера: методические рекомендации. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2019. 24 с.

² Вехов В.Б., Зуев С.В., ред. Цифровая криминалистика: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 490 с.

³ Ниязов, Максуд (2022). Общие требования к допустимости сведений, полученных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на стадии дознавательной проверки. *The American Journal of Political Science Law and Criminology*, 4(07), 31–43. <https://doi.org/10.37547/tajpslc/Volume04Issue07-05>

интеграция оперативных и следственных ресурсов становится залогом успеха в противодействии цифровой преступности.

Тактика производства выемки и осмотра информации, размещенной в Даркнете, требует четкой процессуальной квалификации и применения специальных технических знаний. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством РФ данное действие правомерно классифицировать как осмотр сайта в сети Интернет, регламентированный частью 3 статьи 164, статьями 176 и 177 УПК РФ, по результатам которого составляется соответствующий протокол. Ключевой особенностью является виртуальная природа объекта осмотра, который не имеет физического носителя в традиционном понимании на момент проведения действия, что обуславливает специфический круг участников. Помимо следователя, в осмотре в обязательном порядке принимает участие специалист в области компьютерной криминалистики, обеспечивающий техническую сторону доступа и фиксации, а также понятые, которые должны быть предварительно проинструктированы о сути происходящего, поскольку они наблюдают не за материальным предметом, а за действиями, отображаемыми на экране монитора¹.

Процедура осмотра состоит из нескольких последовательных этапов, каждый из которых подлежит детальной фиксации. Первоначально осуществляется подключение к сети «Даркнет» с использованием специального программного обеспечения, такого как Tor Browser, и переход на целевой *.onion-ресурс*, при этом в протоколе необходимо отразить все технические манипуляции, включая точное время подключения и используемые сетевые параметры². Далее следует непосредственный осмотр и фиксация контента, который заключается в последовательном просмотре страниц сайта, скриншотировании интерфейса, меню, переписок или каталогов товаров, а также в сохранении исходного HTML-кода страниц, что может содержать важные для расследования технические детали.

При осмотре сайта в Даркнете, связанного с незаконным оборотом оружия, фиксации подлежит не только визуальный контент, но и специфические цифровые следы, характерные для данной категории преступлений. К ним относятся упоминания в переписке криптовалютных кошельков для расчетов, сленговые обозначения товара (например, «ствол», «огород» для оружия и боеприпасов), а также технические параметры, указываемые в объявлениях (калибр, модель, способ изготовления). Их последующий анализ позволяет

¹ Губарева Е. К., Калентьева Т. А. Особенности фиксации информации, содержащейся в сети Интернет // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. № 2. С. 205–214.

² Колычева А. Н. Некоторые аспекты фиксации доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. Т. 27, вып. 2. С. 124–129.

выстроить мотивированные версии о личности преступника, его криминальных связях и используемых способах сокрытия¹².

Для установления полной картины преступной деятельности и розыска соучастников, параллельно с осмотром целевого ресурса целесообразно осуществлять наблюдение за смежными цифровыми площадками - тематическими форумами, каналами в мессенджерах и ресурсами, где обсуждаются вопросы изготовления и переделки оружия. Фиксация активности подозреваемого в этих сегментах интернета позволяет идентифицировать его круг общения и выявить все эпизоды противоправной деятельности³.

Для обеспечения целостности и аутентичности изымаемых цифровых следов непосредственно в ходе осмотра производится расчет хэш-сумм всех сохраненных файлов - скриншотов, данных и кода, - результаты которого незамедлительно заносятся в протокол⁴. Финальной стадией является изъятие, при котором сохраненные и верифицированные файлы переносятся на чистый электронный носитель – диск или флэш-накопитель. Данный носитель надлежащим образом опечатывается, упаковывается и приобщается к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства, что завершает процесс процессуальной легализации информации, изначально полученной из анонимного сегмента сети⁵. Таким образом, разработанная тактика позволяет трансформировать данные из Даркнета в полноценные и процессуально допустимые доказательства, несмотря на изначальное отсутствие у них материальной формы.

Тактика производства обыска по месту жительства подозреваемого, направленного на изъятие электронных носителей информации, связанных с его деятельностью в Даркнете, обладает значительной спецификой и требует тщательной подготовки. Ключевой целью данного следственного действия является не просто обнаружение компьютерной техники, а целенаправленное обнаружение и изъятие конкретных устройств, с которых осуществлялся доступ к анонимным сетям, а также сопутствующих цифровых артефактов, таких как криптографические ключи доступа, данные кошельков криптовалют, логины и

¹ Меняйло Д.В., Малыхина Е.А. Цифровые следы в сфере незаконного оборота наркотических средств // Пенитенциарная педагогика. 2022. № 4. С. 45–51.

² Павлов В.В., Золотов М.А., Калентьева Т.А. Проблема получения и фиксации информации, содержащейся на электронных устройствах лиц, задержанных по делам о незаконном обороте наркотических средств с использованием ресурсов сети Интернет // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. № 2. С. 215–223.

³ Моисеев А.М., Кондратюк С.В. Возможности получения доказательственной информации при расследовании интернет-преступлений // Хуманитарни Балкански изследвания. 2017. № 1. С. 78–82.

⁴ Молодцова Ю.В., Яковлев А.Н. Судебная компьютерно-техническая экспертиза: учебно-методическое пособие. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2021. 70 с. ISBN 978-5-7038-5703-8.

⁵ Мещеряков В.А. Теоретические основы механизма слеодообразования в цифровой криминалистике: монография. М.: Проспект, 2022. 176 с. ISBN 978-5-392-36806-8.

пароли¹. Достижение этой цели невозможно без реализации принципа внезапности, поскольку малейшая задержка позволяет технически подкованному злоумышленнику дистанционно заблокировать устройства, запустить процедуру необратимого стирания данных или активировать мощные средства шифрования. В связи с этим тактической нормой становится организация одновременного и мгновенного доступа оперативно-следственной группы ко всем потенциальным местам хранения цифровой техники в помещении.

Неотъемлемым участником обыска должен выступать специалист в области компьютерной криминалистики, чьи полномочия выходят за рамки простого консультирования; он обязан проводить оперативный предварительный анализ изымаемых устройств прямо на месте для выявления признаков использования анонимного программного обеспечения, наличия скрытых или зашифрованных разделов диска, а также следов активной пользовательской сессии, что может критически повлиять на дальнейший ход расследования. Подлежат изъятию абсолютно все электронные устройства, включая не только очевидные компьютеры и ноутбуки, но и смартфоны, планшеты, внешние накопители, маршрутизаторы, а также любые другие микросхемы и носители, которые потенциально могут хранить информацию. Крайне важной является процедура фиксации исходного состояния аппаратуры до ее отключения от электропитания, для чего осуществляется детальная фото- и видеосъемка всех подключенных кабелей, активных индикаторов на системных блоках и открытых окон на мониторах, что в дальнейшем может служить доказательством использования устройства в конкретный момент времени.

Современные средства анонимности, такие как VPN-сервисы и прокси, значительно усложняют установление цифрового следа преступника. В этой связи особую важность на обыске приобретает оперативный анализ изымаемых устройств специалистом-криминалистом на предмет установленного соответствующего программного обеспечения, его конфигурации и логов использования. Обнаружение следов работы с браузером Tor, клиентами криптовалютных кошельков или специфического софта для обхода блокировок является весомым косвенным доказательством причастности лица к деятельности в Даркнете.

Для преодоления технологий анонимности правоохранительные органы в рамках оперативно-розыскной деятельности используют легальные механизмы взаимодействия с операторами связи и владельцами инфраструктуры на основании судебных решений. Получение данных о реальном IP-адресе, маскируемом за VPN, через запросы к интернет-провайдерам или самим сервисам (в случае их нахождения в российской юрисдикции) позволяет установить исходную точку доступа в сеть и является ключевым звеном в доказывании.

¹ Дмитриева А.А., Пастухов П.С. Понятие электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Журнал цифровых технологий и права. 2023. № 1(1). С. 270–295. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.11>.

Параллельно с цифровым поиском нельзя упускать из виду и материальные следы, так как подозреваемые часто хранят доступы к кошелькам и пароли в виде мнемонических фраз или наборов символов в записных книжках, на листках бумаги или иных бытовых предметах, изъятие которых позволяет впоследствии получить доступ к зашифрованным данным. Таким образом, комплексный подход, сочетающий стремительность, привлечение узкопрофильного специалиста и тотальное изъятие всех возможных источников информации, создает необходимые предпосылки для успешного раскрытия преступления и последующего доказывания вины в судебном порядке.

Обеспечение процессуальной допустимости доказательств, полученных в ходе расследования преступлений в Даркнете, сопряжено с рядом специфических рисков, которые требуют от следователя проактивного подхода и глубокого понимания как правовых, так и технических аспектов. Одной из наиболее серьезных проблем является риск квалификации действий правоохранительных органов как провокации преступления, что в соответствии с п. 1 ст. 5 УПК РФ влечет недопустимость полученных доказательств. Во избежание этого необходимо проводить четкое разграничение между допустимым оперативным экспериментом, в ходе которого проверяется готовность лица совершить противоправные действия, выражающуюся, например, в публичном предложении товара или услуги, и недопустимой провокацией, когда оперативный сотрудник активно склоняет, возбуждает у лица умысел на совершение преступления, которого изначально не было. Все оперативно-розыскные мероприятия должны быть надлежащим образом санкционированы и документально оформлены, что позволяет в дальнейшем продемонстрировать суду правомерность действий на стадии оперативной разработки.

Другой существенной проблемой выступают сомнения в подлинности и целостности изъятых цифровых копий, поскольку информация на веб-сайтах может изменяться, а защита может оспаривать аутентичность представленных скриншотов или файлов. Для минимизации данного риска применяется комплекс криминалистических и технических средств. Так, расчет контрольных хэш-сумм для каждого сохраненного файла производится непосредственно в ходе следственного действия в присутствии понятых и специалиста с немедленным занесением результата в протокол, что создает криптографическое доказательство неизменности данных с момента их изъятия. Дополнительным гарантом служит использование специализированного программного обеспечения для криминалистического копирования, которое создает бит-в-бит точный образ носителя информации, исключая возможность случайного или умышленного изменения данных.

В дальнейшем для окончательного устранения сомнений и придания доказательству большей убедительности назначается судебная экспертиза, задачей которой является подтверждение того, что представленные на исследовании данные идентичны информации, размещавшейся на конкретном интернет-ресурсе в указанный период времени. Наконец, существует риск оспаривания правомерности самого доступа к информации в Даркнете, однако

он нивелируется тем, что следователь и оперативные сотрудники используют общедоступные и легальные средства, такие как браузер Tor, для посещения .onion-сайтов, что не требует получения специального судебного разрешения, аналогично просмотру любой публичной веб-страницы в открытом интернете.

Важнейшим элементом обеспечения допустимости доказательств является их последующее экспертное исследование. Для подтверждения происхождения и содержания изъятых цифровых следов назначается компьютерно-техническая экспертиза, в рамках которой решаются как идентификационные задачи (установление конкретного устройства, с которого осуществлялся доступ), так и диагностические (определение способов использования программ анонимности, фактов удаления или шифрования данных). Корректная постановка перед экспертом вопросов о наличии на носителях следов использования Даркнета и соответствующих криминалистически значимых действий лица является обязательным условием.

Ключевое значение для формирования доказательственной базы имеет взаимодействие с операторами связи на основании Федерального закона «О связи» и ведомственных нормативных актов, регламентирующих систему оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ). Легальное получение сведений о абоненте, IP-адресах и фактах подключения позволяет не только подтвердить цифровые следы, полученные в ходе осмотра и обыска, но и выстроить хронологию событий, отвечая на вопрос о времени и месте совершения преступления, что особенно актуально в условиях анонимной сети.

Таким образом, системное применение тактических приемов фиксации, строгое соблюдение норм УПК РФ и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также привлечение специалистов позволяют нейтрализовать ключевые угрозы допустимости и сформировать прочную, защищенную от критики доказательственную базу.

Подводя итог исследованию тактических и процессуальных аспектов производства обыска и выемки электронных носителей информации в сети Даркнет, можно констатировать, что эффективность данной деятельности напрямую обусловлена необходимостью адаптации традиционных следственных методик к условиям цифровой анонимности. Разработанный в рамках статьи комплексный подход демонстрирует, что успешное расследование подобных преступлений возможно лишь при условии синергии между оперативно-розыскной и следственной деятельностью, где каждое действие представляет собой звено в единой цепи доказывания. Ключевым выводом является утверждение о том, что процессуальная легализация цифровых следов, изначально добытых в ходе ОРМ, должна осуществляться через производство тщательно подготовленного осмотра сайта в сети Интернет, с обязательным участием специалиста-криминалиста и с применением строгих процедур обеспечения целостности данных, таких как расчет хэш-сумм и криминалистическое копирование.

Последующий обыск по месту жительства подозреваемого, направленный на изъятие физических носителей, логически продолжает этот процесс и должен характеризоваться внезапностью, тотальностью и сопровождением

технического эксперта для оперативной оценки находок. При этом центральной задачей на всех этапах остается обеспечение допустимости полученных доказательств, что требует от следователя не только неукоснительного соблюдения норм УПК РФ, но и активного предвосхищения возможных процессуальных рисков, включая обвинения в провокации, сомнения в подлинности цифровых копий или правомерности доступа к информации. Таким образом, преодоление выявленных проблем лежит не только в технической плоскости, но и в сфере процедурной культуры, заключающейся в грамотном составлении постановлений и протоколов, детально фиксирующих все предпринятые действия и их результаты

В конечном счете, для системного противодействия киберпреступности в анонимных сетях представляется настоятельно необходимым закрепление выработанных тактических рекомендаций на уровне ведомственных инструкций Следственного комитета и МВД России, что позволит унифицировать практику, минимизировать ошибки и обеспечить единообразный подход к формированию неопровержимой и законной доказательственной базы по уголовным делам данной категории.

Н.А. Новожилова¹

Научный руководитель: **Д.А. Степаненко²**

^{1,2} Байкальский государственный университет

Интегрирование психологических знаний в тактику производства следственных действий (на примере расследования краж и грабежей, совершенных несовершеннолетними)

Аннотация. В статье рассматриваются практические проблемы расследования краж и грабежей, совершаемых несовершеннолетними. Особое внимание уделено психологическим и социальным особенностям подростков, влияющих на мотивацию преступного поведения. На основе анализа судебной практики и опроса сотрудников следственных органов и подразделения по делам несовершеннолетних выявлены основные трудности следователя, включая формализм при участии педагогов и недостаток межведомственного взаимодействия. Обосновывается необходимость внедрения комплексного подхода, включающего психологическую диагностику личности подростка и разработку индивидуальных мер профилактики. Результаты исследования подтверждают, что повышение эффективности расследования возможно только при объединении правовых, криминалистических и психолого-педагогических методов.

Ключевые слова: несовершеннолетние, кража, грабеж, межведомственное взаимодействие, профилактика преступности.

Преступность несовершеннолетних остается одной из наиболее острых социальных проблем современного общества. Особую опасность представляют

преступления против собственности, такие как кражи и грабежи, поскольку именно они составляют значительную часть всех преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

По данным, приведенным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации «по ч.1 ст. 158 УК РФ за первое полугодие 2025 года всего было осуждено 264 подростка в возрасте 14-17 лет, по ч.1 ст. 161 УК РФ осудили 76 несовершеннолетних за тот же период.»¹

Несмотря на существующие нормы законодательства и методические рекомендации, расследование данных преступлений вызывает значительные трудности, что обусловлено как возрастными особенностями преступников, так недостаточной разработанностью криминалистических методик.

Несовершеннолетние как субъекты преступления обладают особым правовым статусом, который определен главой 14 УК РФ. Возраст, психофизиологические особенности, склонность к внушаемости влияют на мотивы и способы совершения преступления, что подтверждается результатами анкетирования, проводимые мной среди сотрудников подразделения по делам несовершеннолетних (Далее – ПДН), следователей и оперативного аппарата по Иркутской области.

Так, 60% следователей отметили, что несовершеннолетние чаще совершают кражи и грабежи под влиянием друзей и только 11% из-за финансовой нужды. 63% сотрудников ПДН выделили, что кражи и грабежи совершают несовершеннолетние мужского пола, в возрасте 15-16 лет.

Из приведённых мной данных можно сделать вывод, что большинство краж и грабежей, совершенных несовершеннолетними, имеют социально-психологическую природу, а не обусловлены материальной нуждой.

Профессор В.Н. Карагодин отмечает, «Одним из наиболее частых мотивов выступает влияние криминогенного окружения – друзей, старших товарищей или членов неформальных подростковых групп. Несовершеннолетние нередко совершают кражи и грабежи из желания не выделяться из группы, доказать «смелость» или «взрослость». Подростки совершают преступления, стремясь показать самостоятельность, освободиться от контроля родителей или педагогов.»²

Исследования показывают, что значительная часть таких деяний совершается группой лиц по предварительному сговору, при этом участники нередко не осознают всей степени общественной опасности содеянного.

Психологическая особенность несовершеннолетних состоит в повышенной внушаемости. Подростки легко поддаются влиянию более авторитетных или старших лиц, особенно в условиях дефицита внимания и признания в семье или учебном коллективе. В криминогенной среде такая внушаемость используется

¹ Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте за 6 месяцев 2025 года. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2025/k1-svod_vse_sudy-1-2025.xls. Дата обращения: 15.10.2025.

² Расследование отдельных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними: научно-практическое пособие / под. общ. ред. В.Н. Карагодина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. С. 248.

взрослыми преступниками для вовлечения подростка в преступную деятельность. Несовершеннолетний может принимать участие в краже или грабеже не из корыстных побуждений, а из желания не отставать от «лидера группы» или заслужить одобрение сверстников.

Необходимо учесть и несформированность морально - правовых установок. Подростковый период – это время, когда у человека только зарождаются представления о праве, ответственности и допустимости определенных поступков. При отсутствии должного семейного и школьного воспитания несовершеннолетние не усваивают ценность закона и не осознают общественную опасность своих действий. Для многих понятие «преступление» ограничивается лишь страхом перед наказанием, а не внутренним моральным запретом.

Психологический портрет несовершеннолетнего преступника, как правило, включает сочетание низкого уровня саморегуляции, несформированной системы ценностей и зависимости от группы. Это вызывает повышенный риск вовлечения подростков в совершение имущественных преступлений, особенно в ситуации, где отсутствует эффективный контроль со стороны родителей и учебного заведения.

С учетом этих особенностей следственная практика требует применения индивидуализированных тактических и психологических подходов. При проведении допроса, осмотра или иных следственных действий необходимо учитывать эмоциональное состояние несовершеннолетнего, уровень его самосознания и способность к критическому осмыслению происходящего. Игнорирование данных факторов приводит к искажению показаний.

Всё вышеперечисленное подтверждает судебная практика.

«Свердловский районный суд г. Иркутска вынес приговор в отношении пятнадцатилетнего Олега Ч. В деле обвиняемый – несовершеннолетний вместе с малолетним совершил тайное хищение чужого имущества с незаконным проникновением в помещение.

Установлено, что 28 января 2017 года около 11: 15 в торговом центре подсудимый и малолетним, воспользовавшись тем, что входные жалюзи были не полностью закрыты, проникли внутрь павильона и похитили имущество».¹

Таким образом, подросток действовал с соучастником, что показывает групповую форму поведения или использование малолетнего; проникновение в помещение говорит о подготовке или как минимум намерении совершить преступление; участие малолетнего указывает на вовлеченность младшего лица, что может усилить фактор влияния или лидерства со стороны старшего.

Приговором «Краснопереконского районного суда г. Ярославля были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч.2 ст.161 УК РФ несовершеннолетние Вишняков А.Р. и Долинский Г.В.. подсудимый Долинский Г.В., совершивший грабеж в отношении пожилой

¹ Приговор Свердловского районного суда г. Иркутска по делу № 1-955/2017 от 16.11.2017 по ч. 2 ст. 158 УК РФ. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-158-uk-rf-krazha/prigovor-suda-po-ch.-2-st.-158-uk-rf--1-9552017--krazha.html>. Дата обращения: 27.10.2025.

женщины, вырвав у нее сумку, действовал в составе группы лиц. Установлено, что с 28 ноября 2015 года он стоял на профилактическом учете в отделе по делам несовершеннолетних как лицо, совершившее ряд преступлений в возрасте до 14 лет.

- В возрасте после 14 лет он совершил новое преступление – открытое хищение имущества у пожилой женщины. ПДН и другие профилактические мероприятия проводились, но без результата»¹.

Подросток уже имел историю правонарушений, что указывает на устойчивость девиантного поведения; он состоял на профилактическом учете, это указывает на то, что органы профилактики знали о нем, но меры были недостаточны, или их реализация не дала результата; совершения преступления в группе лиц говорит о способности действовать с другими, быть частью группы, что влияет на оценку роли подростка и степени контроля.

На практике же расследование данной категории преступлений осложняется рядом факторов. Прежде всего, это связано с ограниченной способностью несовершеннолетнего к восприятию юридических процедур, необходимостью соблюдения специальных процессуальных гарантий.

Во-первых, несовершеннолетние не всегда осознают значимость своих действий и могут сознательно давать противоречивые показания, что требует особого подхода к проведению допроса и привлечение педагога или психолога, в соответствии со ст. 425 УПК РФ. 46 % опрошенных следователей отметили, что в процессе их практической деятельности несовершеннолетние сознательно дезинформируют следствие с целью скрывания имеющейся у них информации из-за боязни, что она может повлиять на ход следствия.

Во-вторых, следователи нередко сталкиваются с трудностями при установлении роли каждого участника группы, особенно когда преступление совершается спонтанно.

В-третьих, недостаток взаимодействия между следственными органами, ПДН и образовательными учреждениями, органами опеки. Следователи и сотрудники ПДН отметили, эффективность работы с учебными заведениями и органами опеки средняя, что приводит к снижению результативности профилактической работы и повторяемости преступлений среди подростков. В результате несовершеннолетние, совершившие кражи или грабежи, нередко не получают своевременной психолого-педагогической поддержки, что способствует формированию устойчивых криминальных установок и переходу к более тяжким формам противоправного поведения.

Профессор А.Т. Бекбулатова также выделяет, что «На первоначальном этапе расследования от следователя требуется высокий профессионализм, который основан на глубоких теоретических знаниях закономерностей совершения таких преступлений. Необходимо учитывать особенности развития и психики

¹ Приговор суда по делу № 1-159/2017 от 2017 по ч. 2 ст. 161 УК РФ. URL: [https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-161-uk-rf-grabezh/prigovor-suda-po-ch.-2-st.-161-uk-rf--1-1592017-grabezh.html?utm_source=](https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-161-uk-rf-grabezh/prigovor-suda-po-ch.-2-st.-161-uk-rf--1-1592017-grabezh.html?utm_source=chatgpt.com) chatgpt.com Дата обращения: 27.10.2025.

несовершеннолетнего, их подверженность влиянию, повышенную возбудимость и ранимость.»¹.

Для повышения эффективности расследования краж и грабежей, совершаемых несовершеннолетними, целесообразно:

1. Разработать специализированные методические рекомендации, которые будут учитывать психологические особенности несовершеннолетнего. По мнению профессора Н.Г. Кобусь «Цель исследования – исследование системы социально-психологических особенностей личности несовершеннолетних правонарушителей... Несмотря на рост социальной агрессии подростков и появление всё новых форм противоправного поведения, ... необходимо разработать критерии социально-психологической оценки личности несовершеннолетних правонарушителей». ² Т.е. методические рекомендации должны включать блок оценки личности, ее психофизиологическое состояние, что бы эффективно работать с несовершеннолетними;

2. Проведение обязательной психологической экспертизы на первоначальном этапе расследования, что поможет учесть возрастные и индивидуальные психологические особенности, т.к. несовершеннолетние — особая категория участников уголовного процесса, их психика находится в стадии активного формирования. Важно определить уровень когнитивных способностей, особенности эмоциональной сферы, мотивацию поступков, способность осознавать опасность своих действий и руководить ими; выявить скрытые мотивы и предпосылки совершения деяния. Эксперты анализируют различные аспекты жизни подростка. (Его успеваемость и поведение в образовательных учреждениях, особенности взаимодействия со сверстниками и взрослыми, круг интересов и увлечений, а также наличие вредных привычек или зависимостей.); оценить способности несовершеннолетнего участвовать в следственных действиях и судебном разбирательстве. (Важно определить, способен ли подросток правильно воспринимать факты, давать последовательные показания и защищать свои интересы; исследовать факторы, которые могли повлиять на формирование противоправного поведения; оценить риски рецидива и определение наиболее эффективных путей для ресоциализации несовершеннолетнего);

3. Ввести в практику обязательное участие педагогов и психологов не только при допросе, но и при проведении профилактических мероприятий. В.Н. Карагодин отмечает «Участие педагога или психолога должно рассматриваться не формально, а как необходимое условие для установления контакта между следователем и подростком. Это позволяет «снизить уровень тревожности несовершеннолетнего, избежать ложных показаний и обеспечить

¹ Бекбулатова А.Т. Первоначальный этап расследования грабежей и разбойных нападений, совершаемых несовершеннолетними: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2019. С. 72.

² Кобусь Н.Г. Социально-психологические особенности личности несовершеннолетних правонарушителей: дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. С. 61.

воспитательный эффект следственных действий». Также это поможет обеспечить защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего.»¹

А.Т. Бекбулатова дополняет, что «Совместная работа следователя, педагога или психолога помогает не только установить истину по делу, но и выработать профилактические меры»²;

4. Усилить внимание к профилактической работе: раннее выявление несовершеннолетних, которые склонны к девиантному поведению. Современные исследования подтверждают, что несовершеннолетних преступников имели признаки ассоциативного поведения задолго до совершения преступления – пропуски занятий, агрессию, повышенную тревожность, участие в неформальных группах. Однако, как подчеркивает Н.Г. Кобусь, образовательные учреждения часто «Не располагают системой ранней диагностики психолого-педагогической запущенности и склонности к противоправному поведению»³;

Профессор А.Т. Бекбулатова выделяет, что «Профилактика должна носить комплексный межведомственный характер, который включает взаимодействие школ, колледжей, ПДН, органов внутренних дел и специальных служб. Только при системном обмене информацией можно пердотвратить формирование устойчивой преступной установки»⁴.

Схожей позиции придерживается С.В. Маширин, он подчеркивает, что «Педагог и психолог обязаны принимать участие не только в работе с уже совершившими правонарушениями подростками, но и на этапе раннего выявления групп риска, поскольку именно тогда возможно скорректировать поведенческие установки и ценностные ориентиры».⁵

Следовательно, усиление профилактических работ должно включать в себя:

Внедрение в образовательных учреждениях системы мониторинга психологического состояния подростка;

Организацию межведомственных комиссий для оценки рисков девиантного поведения;

Разработку индивидуальных программ ресоциализации.

Расследование краж и грабежей, совершенных несовершеннолетними, требует комплексного подхода, который выходит за рамки стандартный правоприменительных и криминалистических процедур. Необходим глубокий

¹ Расследование отдельных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними: научно-практическое пособие / под. общ. ред. В.Н. Карагодина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. С. 251.

² Бекбулатова А.Т. Первоначальный этап расследования грабежей и разбойных нападений, совершаемых несовершеннолетними: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2019. С. 78.

³ Кобусь Н.Г. Социально-психологические особенности личности несовершеннолетних правонарушителей: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2006. С. 63.

⁴ Бекбулатова А.Т. Первоначальный этап расследования грабежей и разбойных нападений, совершаемых несовершеннолетними: дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2019. С. 75.

⁵ Маширин С.В. Психологические особенности несовершеннолетних преступников, влияющие на их ресоциализацию // Вестник ВИПЭ МВД России, 2022. №3. С. 63.

психический анализ личности несовершеннолетнего, который принимает участие в совершении преступления. Этот анализ включает в себя: оценку возрастных особенностей, уровня эмоциональной зрелости, склонности к импульсивным действиям, влияние окружения, социального положения семьи и мотивации.

Такие сведения позволяют следователю точнее понимать поведение подростка и выявить истинные мотивы преступления, предсказать риски возможных повторных преступлений. Эффективность расследования напрямую зависит от взаимодействия между различными институтами.

М.А. Павлюкова¹

Научный руководитель: **О.А. Белов²**

^{1,2} Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Способы противодействия преступлениям, связанным с продажей органов и тканей, торговлей людьми и использованием рабского труда через Даркнет

Интернет – это информационная сеть, доступ к которой есть фактически у каждого жителя планеты. Любой человек при желании может найти там все, что угодно: какая погода, государственный бюджет Норвегии и найти музыку по слову. А еще, в интернете можно купить оружие, наркотики и человеческие органы. Правда для этого необходимо попасть на другую сторону всемирной сети – Даркнет (DarkNet) или «Темный интернет». Это поистине уникальное место, которое практически неуязвимо, а соответственно идеально для подобного рода «бизнеса».

Аналитик информационной безопасности Николай Чурсин под Даркнетом понимает «виртуальную сеть, построенную поверх обычного интернета и используемую для сохранения анонимности в сети»¹. Однако важно упомянуть, что термин «Даркнет» обозначает как бы изнанку привычного нам интернета с различными сайтами и мессенджерами, а такое понятие как Дарквеб уже включает в себя нелегальную деятельность на просторах «темной сети». Основные проблемы существования такой площадки являются ее техническая защищенность и анонимность пользователей. В связи с этим правоохранительным органом очень трудно установить, кто именно находится по ту сторону экрана и осуществляет нелегальную деятельность.

Самыми распространенными преступлениями в Даркнете являются: продажа наркотиков, продажа оружия, торговля людьми и человеческими органами, кибершпионаж. Остановимся на продаже органов. Важно отметить, что ежегодно в очереди на пересадку органов стоит около 6 тысяч человек, и, к сожалению, не каждый из них дожидается долгожданной операции. В связи с чем черный рынок органов достаточно хорошо развит и популярен. Особенно в

¹Что такое даркнет и как туда попасть? URL: <https://lenta.ru/articles/2023/07/09/darknet/>

онлайн формате. Схема достаточно простая: отчаявшийся и уставший ждать очереди человек находит необходимый ему орган, платит за него установленную продавцом сумму, приезжает в назначенное место и забирает товар. Однако возникает вопрос – откуда у продавца этот орган?

Обратимся к законодательству¹: согласно статье 1 Закона о трансплантации органов и (или) тканей человека: «Органы и (или) ткани человека не могут быть предметом купли-продажи. Купля-продажа органов и (или) тканей человека влечет уголовную ответственность в соответствии с законодательством РФ²». При этом нет самостоятельной статьи Уголовного Кодекса РФ, которая бы предусматривала подобный состав преступления. Есть лишь квалифицированный состав, предусмотренный пунктом «ж» части 2 статьи 127.1 УК РФ «Торговля людьми в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей³», а также пункт «м» части 2 статьи 105 УК РФ «Убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего⁴». Также следует рассмотреть статью 120 УК РФ: принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации⁵. Однако, однозначно утверждать, что диспозиции перечисленных норм полностью соответствуют преступлениям, совершаемым в Даркнете, невозможно. Если даже представить ситуацию, когда мы выяснили так называемого продавца «органов», будет очень трудно найти достаточно доказательств, позволяющих вменить лицу пп.«ж» ч.2 статьи 127 УК РФ или же 120 УК РФ. Таким образом, можно сделать вывод, что, в связи с тем, что нет конкретной нормы уголовного закона, предусматривающей подходящий состав преступления, соответственно нет необходимого набора средств и методов противодействия и расследования преступлений, совершенных в Даркнете.

Если анализировать законодательство иностранных государств, то можно прийти к выводу, что само по себе использование сети Даркнет не запрещено и не грозит ответственностью. То есть, ответственность наступает не за сам факт пользования «темным» интернетом, а за преступления, совершенные с его помощью. Однако, например, в Китайской Народной Республике «Золотой щит» (The Great Firewall of China)⁶ блокирует использование на территории государства анонимных сетей (Tor), которые позволяют быстро заходить на сервера и оставаться незамеченным. Остальные страны, в том числе Россия, несколько раз пытались на законодательном уровне запретить использование подобных серверов, позволяющих выходить в Даркнет, однако на практике ни одна из попыток не реализована. Так, в 2023 году депутат Государственной Думы Антон Горелкин выступил с подобным предложением. Однако идея

¹ Гришин Д.А., Хомякова М.А. Уголовно-правовой аспект купли-продажи органов и тканей человека // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4 (106).

² Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»// СПС КонсультантПлюс.

³ Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Государственная ИТ-система интернет-цензуры в КНР «How China Blocks the Tor Anonymity Network» URL: www.technologyreview.com/2012/04/04/186902/how-china-blocks-the-tor-anonymity-network/

ужесточения контроля за использованием анонимных браузеров и блокировки нежелательных сайтов остается одной из самых оптимальных для противодействия преступлениям, совершаемым в Даркнете.

Преступления, связанные с продажей органов, являются одними из самых сложных для их предотвращения и расследования. Ведь, как отмечалось ранее, трудно установить, когда именно и от кого были получены органы, или кто является продавцом. Однако, важно отметить, что для преступника это настоящий бизнес, а в качестве покупателя может выступать не только обыкновенный человек, оказавшийся в трудной жизненной ситуации, но и различные медицинские организации, занимающиеся пересадкой органов. Представляется, что на неопытного пользователя Даркнетом, который первый раз решил воспользоваться подобной услугой, легче выйти: проще отследить IP-адрес, проверить историю браузера. Однако для этого необходимо на законодательном уровне установить мониторинг за использованием анонимных браузеров и посещением «темных» сайтов.

Еще одним эффективным способом борьбы с использованием Даркнета является освещение этой проблемы в средствах массовой информации. Многие люди не задумываются о последствиях посещения таких ресурсов, о тяжести ответственности за подобного рода преступления (речь не только о покупателях, но и о продавцах). Тем более, сейчас активно развивается такой вид слежения, как киберсталкинг, одним из направлений которого является посещение Даркнет-сайтов и пользование их услугами в качестве развлечения. Следовательно, представителям правоохранительных органов, необходимо выступать с сообщениями об опасности беспечного и необдуманного использования непроверенных браузеров и посещения «темных» информационных ресурсов.

На самом деле, Даркнет достаточно широкое понятие, которое включает в себя не только совокупность сайтов, которые можно открыть только при помощи специального технического оснащения, но и всеми используемые социальные сети (telegram, VK) – они находятся в свободном доступе, для них не нужно устанавливать сторонние браузеры. В них также можно найти специальные группы и аккаунты, пользователи которых занимаются противоправной деятельностью. Здесь ситуация иная, так как в России есть Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а точнее статья 10.6, в которой перечисляются те виды информации, которые не могут размещаться на общедоступных сайтах¹. Так, существование интернет-групп, где осуществляется купля-продажа органов и тканей человека, является уголовно наказуемым деянием. В случае, если Роскомнадзор обнаружит подобный нелегальный контент, то он обяжет владельца сайта или группы в социальной сети ограничить доступ к публикации. После чего правоохранительные органы получают уведомление о таком правонарушении, и в

¹ ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149 // СПС КонсультантПлюс.

отношении владельца сайта или группы, пользователей данного сайта, а также того, кто сделал данную публикацию, начнется проверка.

В России также есть презумпция согласия на изъятие органов или тканей, однако трансплантация запрещена, если: человек при жизни заявил о своем несогласии на трансплантацию; если медицинская организация не получила согласия на трансплантацию от законных представителей скончавшегося несовершеннолетнего или недееспособного¹. При этом органы могут изыматься и у живых доноров, находящихся в генетической связи с реципиентом, и при наличии добровольного согласия². К сожалению, не все медицинские работники добросовестно выполняют трудовые функции, соответственно не все легально полученные донорские органы и ткани доходят до стоящего в очереди в трансплантационном центре реципиента. Некоторые врачи из корыстных побуждений выбирают продавать органы через Даркнет. Для борьбы с такими махинациями необходимо ужесточить контроль за действиями медицинских работников, связанных с трансплантологией.

Еще одним не менее распространенным видом преступлений, совершаемых с помощью Даркнета, является торговля людьми и использование рабского труда. Согласно официальному докладу ООН, число пострадавших от торговли людьми в 2022 году увеличилось на 25%. При этом с каждым годом увеличивается процент торговли детьми (в 2022 году – 38% по сравнению с 2021 годом)³. То есть рабство – это не страшная картина средневековья, а суровая реальность, которую пока не удалось искоренить ни в одной стране на планете. Заниматься подобного рода криминальной деятельностью удобно именно через сайты Даркнета, так как они никак не отслеживаются и позволяют остаться незамеченными. Здесь уже речь идет о целых преступных группировках, для которых данный вид деятельности является основным.

В России существует организация «Альтернатива»⁴, которая помогает выводить людей из рабства. Согласно данным с их официального сайта, большинство людей оказываются в руках рабовладельцев из-за того, что попадают в тяжелые жизненные ситуации, когда людьми очень легко манипулировать. Именно рабов находят не обязательно через Даркнет, а вот распоряжаются ими уже используя анонимные сети.

В Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за торговлю людьми – это статья 127.1 Уголовного Кодекса РФ, а также косвенно, но относится к подобного рода преступлениям, которые можно совершить с помощью Даркнета – использование рабского труда (статья 127.2 УК РФ)⁵.

Для борьбы с вышеперечисленными преступлениями, если они совершаются с использованием «темных сетей» интернета, также необходимо на

¹ Закон РФ «О трансплантации органов или тканей человека» от 22.12.1992 №4180-1 // СПС КонсультантПлюс.

² Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323 // СПС КонсультантПлюс.

³ Доклад ООН: бедность, конфликты и климатический кризис приводят к росту числа жертв торговли людьми <https://news.un.org/ru/story/2024/12/1459261>

⁴ «Альтернатива»: <https://alternative.help/>

⁵ Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

законодательном уровне установить мониторинг за использованием анонимных браузеров. Проводить публичное освещение проблемы современного рабства, сотрудничать с организациями, борющимися с торговлей людьми и рабством, доводить до сведения людей, что в любой ситуации необходимо оставаться бдительными и не реагировать на провокации, не вестись на злоумышленников, которые якобы могут решить все проблемы.

Таким образом, можно сделать вывод, что основные способы противодействия преступлениям, связанным с трансплантацией органов и тканей человека, с рабством и торговлей людьми, совершаемым в Даркнете, это: введение блокировки специализированных анонимных браузеров и сайтов на законодательном уровне, ужесточение надзора за деятельностью медицинских организаций и работников, освещение данной проблемы в средствах массовой информации, сотрудничество с общественными фондами и организациями, которые оказывают помощь и поддержку людям.

А.А. Сысоева¹, А.А. Филина²

Научный руководитель: М.В. Савельева³

Саратовская государственная юридическая академия

Комплексный криминалистический анализ обстоятельств гибели туристической группы на перевале Дятлова с учетом современных возможностей

Аннотация. В статье рассматривается применение комплексного криминалистического подхода к исследованию обстоятельств гибели туристической группы под руководством И. Дятлова, происшедшей в феврале 1959 года на Северном Урале. Цель исследования заключается в систематизации и анализе существующих версий трагедии с позиций современной криминалистики, а также в выявлении возможностей использования современных методик судебно-медицинской, трасологической, ситуационной и цифровой экспертиз для реконструкции событий.

Ключевые слова: перевал Дятлова, криминалистика, судебно-медицинская экспертиза, трасология, реконструкция событий, современные возможности.

Уголовное дело о гибели группы Дятлова является сложным и нераскрытым событием с большим количеством погибших. С криминалистической точки зрения оно представляет собой эталонный случай нарушения одной из ключевой основ расследования - принципа криминалистической версии. Изначально следователи допустили ошибку, сконцентрировались на версии о лавине и отказались от полноценной разработки других возможных причин, что привело к утрате вещественных доказательств и потере важной информации. Представляется, что современные возможности и тенденции развития криминалистических знаний позволили бы установить истину и по данному сложному, и запутанному событию.

Современные криминалисты изучают это дело как наглядный пример того, как важно полно, объективно и всесторонне изучать улики и целостную обстановку на первоначальном этапе, особенно в условиях суровой окружающей среды. Помимо этого, необходимо дать окончательную оценку произошедшему, используя современные методы, недоступные в далеком 1959 году, например, компьютерное моделирование или повторная судебно-медицинская экспертиза с применением новых возможностей.

На основе протоколов осмотра палатки, лабаза и трупов на перевале Дятлова можно сделать вывод, что в 1959 году криминалистический анализ осмотра места происшествия гибели группы был проведен поверхностно – с ошибочным определением границ осмотра.¹² В самом начале расследования проникновение поискового отряда в палатку до прибытия криминалистов сделало невозможным установление первоначального расположения вещественных доказательств. Данное подтверждается записью из протокола от 28.02.1959 года: «все обнаруженные вещи переданы для описи и сдачи на...базу начальнику поискового отряда Масленникову». В принципе осмотр палатки проводился поверхностно, без описания точного расположения вещей («9 рюкзаков с разными личными вещами...посуда, ведра, печка...»), которое могло бы указать на последовательность покидания палатки туристами и его характер.

Протокол осмотра трупов гласит, что осмотр тел и одежды туристов был неполным, например, у Дубининой отмечены «следы повреждения зондом», но не проведен анализ их происхождения. Также у Кривонищенко на теле зафиксированы кровь и содранная кожа между пальцами без разбора причин происхождения данных признаков.

В анализе детально не использовались временные улики – показания часов, найденных на телах погибших туристов («победа 38 мин 9 часа, а спортивные 15 минут 9 часа»). Эти расхождения могли быть ценны для следствия, так как в определённых случаях они могли бы стать доказательством смерти от внешних факторов. По факту они не стали объектом криминалистического анализа, хотя несли в себе особую значимость для расследования.

Однако некоторые исследователи, в том числе Фонд памяти группы Дятлова до сих пор не могут найти ответы на следующие вопросы: почему тяжелые травмы (перелом ребер, черепно-мозговая травма) не сопровождалась внешними повреждениями кожи? что стало источником радиации на одежде? (следствие не установило источник загрязнения радиацией), почему некоторые травмы (перелом черепа Слободина) не были подробно исследованы? и так далее. В 1959 году криминалистика и судебная медицина носили характер констатирующий и не располагали, как в наши дни, современными методами и возможностями, что ограничивало потенциал осмотра и экспертиз.

¹ Документация / сайт: Ermak Vagus. URL: <https://ermakvagus.com/Europe/Russia/Cholat-%20Syachil/documentation-rus.html?ysclid=mhhq3tpxi2721347476> (дата обращения: 07.11.2025).

² Протоколы /сайт: Ermak Vagus. URL: <https://ermakvagus.com/Europe/Russia/Cholat-%20Syachil/protokoli-rus.html?ysclid=mhhptqdgq704107631> (дата обращения: 07.11.2025).

Но в связи с научным прогрессом современные криминалисты нашли бы ответы на волнующие современных исследователей вопросы. Во-первых, результатом отсутствия внешних повреждений кожи при тяжелых внутренних травмах может быть воздействие ударной волны от взрывного устройства или даже сход лавины, причем лавина вполне может вызвать внутренние повреждения, включая разрывы органов, перелом ребер и черепно-мозговую травму, не оставляя заметных следов на одежде, при том, что на людях была многослойная зимняя одежда. В том числе компьютерная томография (далее - КТ), появившаяся спустя десятилетия после трагедии, показала бы, что кровоизлияния в грудную клетку и сердце могут происходить без разрыва эпидермиса. Сюда же относится и возможный ответ на вопрос о переломе черепа Слободина, который мог быть и не замечен при стандартном вскрытии, особенно если он был бы без смещения. В современных условиях такая травма однозначно была бы выявлена с помощью КТ еще до начала вскрытия. Анализ этого перелома позволил бы установить вектор силы и источник удара: был ли этот удар нанесен тупым предметом или человек упал на камень или, например, это травма от удара о землю вследствие схода лавины.

Источник радиации на одежде Колеватова мог бы быть установлен в ходе осмотра с помощью детектора радиационного и ионизирующего излучения и в целом такие приборы используются для определения уровня радиации и степени заражения ею различных объектов.¹

Компьютерное моделирование обеспечило бы точное воссоздание погодных условий в ночь происшествия, воздействие ударной волны и схода лавины. Благодаря данному методу можно было бы выяснить время схода лавины и её траекторию, выявить истинную причину трагедии. Кроме того, оно дало бы возможность проанализировать схожие случаи схода лавины и вывести из них закономерности. Данный метод способен устранить недостатки предварительного следствия и обеспечить комплексное исследование доказательств, в том числе при дефиците информации.

Также при расследовании происшествия, связанного с тургруппой Дятлова на ход расследования повлияло бы использование фотограмметрии рельефа, поскольку с её помощью можно было бы выявить подповерхностные аномалии (например, накопления снега, его сдвиги), реконструировать изначальный профиль склона и воссоздать модель данной местности.² Прежде всего это бы доказало силу наружного воздействия (сход лавины).

Современное оборудование даёт возможность не только установить детали ударов и воссоздать окружающую обстановку, но и найти микрочастицы пород, характерных для склона Холатчахль, разновидности микроскопических следов на вещах потерпевших, которые не могли быть обнаружены в 1959 году. Таким образом, сканирующая электронная микроскопия предоставила возможность

¹Бараночников М.Л. Приемники и детекторы излучений: справочник. М.: ДМК Пресс, 2017. 1040 с.

²Сердарова Д.Х., Башимов А.Ш. Фотограмметрический анализ рельефа: интеграция методов в геологии и геоморфологии // Инновационная наука. 2024. №2-2. С. 202–204.

обнаружить следы, невидимые «обычным глазом», что открыло бы следователям того времени новые возможности для дальнейшего хода расследования.

Современное расследование использует комплекс технологий для обнаружения, фиксации, изъятия и сохранения доказательств. Сочетание судебно-медицинских, геофизических и цифровых методов обуславливает более точное реконструирование всей картины происшествия, а это позволило бы в современных условиях быстро и качественно установить картину произошедшего загадочного события.

Современная криминалистическая наука идет по пути усиления интеграции криминалистических знаний, а также цифровизации многих аспектов криминалистической деятельности, что позволяет значительно расширить возможности криминалистического познания.

Е.А.Тиханова¹

Научный руководитель: **С.А. Новиков²**

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет

Специфика расследования телефонного мошенничества

Аннотация. В данной статье исследуются основные направления деятельности правоохранительных органов при расследовании телефонного мошенничества, а также катализаторы роста данной группы преступлений. Десять лет назад преступники продумывали и предусматривали сложные меры конспирации, ведь они были озадачены своей безопасностью и желанием остаться незамеченными. В современных условиях цифровизации меры конспирации максимально упростились – информационные технологии позволяют преступникам оставаться незамеченными без замысловатых схем. Телефонная связь и всемирная сеть Интернет стали одними из популярных способов совершения дистанционного мошенничества. Бум телефонного мошенничества стал новым вызовом для сотрудников правоохранительных органов, которые успешно за короткий промежуток времени смогли выработать новые методики расследования и приспособиться к актуальным реалиям цифровизации.

Ключевые слова: телефонное мошенничество, киберпреступность, киберугрозы, информационные технологии, дистанционное мошенничество, цифровизация, банковские учреждения, операторы связи, биллинг, лаборатория Касперского.

Телефонное мошенничество, схемы интернет-мошенничеств, кибермошенники, киберугрозы и многие другие негативные последствия внедрения информационно-коммуникационных технологий в общественную жизнь современного человека стали новым вызовом для сотрудников правоохранительных органов. Теперь привычные способы борьбы с преступностью и методы расследования совершаемых преступлений стали неэффективны для новой «инновационной» преступности. В связи с этим перед правоохранительными органами встала важная задача в наработке нового практического опыта предварительного расследования и тактических рекомендаций, существенно приближенных к современным реалиям

цифровизации. И на данный момент сформировался определённый опыт работы, в частности, с такой группой преступлений как «телефонное мошенничество».

Основными направлениями деятельности органов предварительного расследования по данной группе уголовных дел является непосредственное взаимодействие с банковскими учреждениями и безусловно операторами сотовой связи – установление конечного получателя денежных средств путем получения расширенной выписки о движении денежных средств по расчетному счету потерпевшего, а также определение причастных лиц, путем получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в соответствии со ст. 186.1 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) или на бытийном языке путем получения биллинга.

Телефонное мошенничество за последние пару лет находится в самом своём расцвете сил. Какие только сценарии разговоров уже не придуманы и не опробованы злодеями. Под умелым пилотированием словами и психологическим давлением потерпевший либо добровольно сообщает полностью номер карты, ПИН-код и код СМС-сообщения, или под влиянием обмана по своей воли переводит на названные расчетные счета денежные средства через приложения банка или с использованием приложения MIR PAY через банкомат. В связи с этим одной из задач предварительного расследования является установление сведений об источнике происхождения входящего вызова. Полученная информация об абоненте, связывающемся с потерпевшим, позволит зафиксировать следующие данные – на кого зарегистрирован номер SIM-карты, а также сотовую вышку, зафиксировавшую звонок, и журнал зарегистрированных исходящих звонков потерпевшему.

Помимо этого, на территории Российской Федерации распространена практика дистанционного мошенничества путем телефонных звонков в ситуациях, когда соединение инициировано в сети связи иностранного оператора. В таких ситуациях направление деятельности органов предварительного расследования то же, однако возникает другой вопрос, который также приходится параллельно разрешать – привлечение операторов сотовой связи к административной ответственности по ст. 13.2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

IMSI (International Mobile Subscriber ID) – это номер SIM-карты. Он состоит из 15 цифр, первые, три из которых идентифицируют мобильный код страны.¹ В соответствии с абзацами 1 и 2 п. 9 ст. 46 Федерального Закона «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ установлен запрет на подмену абонентского номера для операторов сотовой связи, с сети которых инициируется телефонный вызов или соединение для целей передачи голосовой информации. Телефонные коды стран определены Стандартом ITU-T (Международного союза электросвязи) под номером E.164. Так, код страны РФ в Стандарте ITU-T указан в виде цифры «7».

¹ Грачева Ю.В. Риски цифровизации: виды, характеристика, уголовно-правовая оценка: монография / под ред. Ю.В. Грачева. М.: Проспект, 2022. С. 91.

Соответственно, состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 13.2.1 КоАП РФ будет усматриваться в случае, если оператору связи поступил вызов с сети связи иностранного оператора, сопровождающийся с номером «+27...», но который был передан в сеть связи другого оператора связи как «+7...», то есть был изменен и стал соответствовать российской системе и плану нумерации.

Относительно взаимодействия с банковскими учреждениями. Получая, расширенную выписку о движении денежных средств по расчетному счету потерпевшего, сотрудники органов предварительного расследования могут установить конечного получателя, что позволит потерпевшему заявить о взыскании неосновательного обогащения с такого получателя. Интересен и факт того, что на данный момент судебная практика стоит на стороне таких потерпевших даже в случаях, когда установленный конечный получатель никаким образом не связан с преступными махинациями, а например, просто потерял банковскую карту и не обратился в связи с утерей в соответствующее банковское учреждение. При разрешении такого дела в суде часто указывается формулировка следующего содержания – «доказательств того, что ответчик (формально – дроп) утерял карту и не имел возможности обратиться с заявлением в органы полиции о хищении или утрате банковской карты, а также в банк с целью блокирования карты, что свидетельствовало бы о ее выбытии из владения ответчика без его согласия, суду не представлен», – решение Воткинского районного суда Удмуртской Республики от 04.07.2024г. по делу № 2-490/2024, решение Апатитского городского суда Мурманской области от 29.01.2024 по делу № 2-73/2024 и другие.

Тем не менее, довольно распространены ситуации, когда настоящего «злодея», так и не получается найти. Способность предвидеть будущее и контроль в режиме реального времени за всеми местами совершения преступлений позволили бы максимально эффективно обнаруживать причастных лиц «по горячим следам». Такие обстоятельства кажутся небывлицей и вымыслом, но наблюдая за непрерывным техническим прогрессом, не бесспорно утверждать, что современное общество движется в этом направлении и стремится разработать различные ресурсы и сервисы, контролирующие, например, создание и использование вредоносных программ, случаи неправомерного доступа к компьютерной информации и многие другие негативные вариации использования цифровых знаний.

Ярким примером такого сервиса является интернет-сервис, разработанный компанией «Лаборатории Касперского», позволяющий наглядно увидеть статистику осуществляемых кибер-атак по всему миру. Интерактивный сервис на основании различных источников данных формирует статистику относительно самых заражённых стран мир по осуществляемым кибератакам, а также классифицирует средства кибер-атак по видам – например, программное обеспечение по платформам, предназначенных для кражи пользовательской информации, относящейся к банковским системам, системам электронных денег и пластиковых карт или программное обеспечение, вносящие в список разрешенных посетителей системы новых пользователей и др. Источниками

таких разрабатываемых статистик являются различные антивирусные программы. Например, Web Anti-Virus показывает поток данных по вредоносным программам, обнаруженным при открытии HTML-страниц веб-сайтов, а также при загрузке файлов. Или антивирусный сканер On Demand Scanner», осуществляющий проверку по требованию показывает поток данных по вредоносным программам, возникающий, когда пользователь вручную выбирает «Просканировать компьютер» в меню.¹ Таким образом, было бы эффективно научиться фиксировать все дистанционные махинации и передавать информацию о них в органы предварительного расследования.

Пускай данная карта кибератак и не стала пока практичным способом борьбы с преступностью, уже существуют иные автоматизированные системы, позволяющие фиксировать и распространять между территориальными органами обработанные цифровые данные. Примером такой информационной системы является разработанное программное обеспечение подсистемы ИБД-Ф «Дистанционное мошенничество».²

Деятельность правоохранительных органов, как может казаться обывателю, состоит не только в поисках субъектов преступления по горячим следам, но и в анализе уже совершённых ранее преступлений, будь то раскрытых или нет. Анализ и накопление информации является важным этапом любой деятельности, и именно поэтому особое внимание в коллективной работе уделяется вопросам расширения использования в практической деятельности автоматизированных систем, направленных на выявление, предупреждение и пресечение преступления в сфере ИКТ. Функциональные возможности подсистемы ИБД-Ф как раз позволяют территориальным органам МВД РФ проводить анализ информации в целях выявления региональных и межрегиональных совпадений: номеров телефонов, банковских карт, банковских счетов, электронных кошельков, IMEI-номеров телефонов.³ Информация в соответствующую базу вносится следующим образом. Потерпевший, составляя заявление, может указать номер расчётного счета, на который, например, им неосознанно были переведены денежные средства, номер телефона, с которого звонили мошенники и как представил себя мошенник в телефонном разговоре – допустим «сотрудник Банка Иван». Сотрудник же отделения полиции, приняв заявление, вносит полученные данные в систему. В случае фиксации последующего преступления, со схожими цифровыми данными, объединяется вся полученная информация, что позволяет значительно легче отслеживать такие же преступные эпизоды в других регионах. Таким образом, подсистема ИБД-Ф «Дистанционное мошенничество» нацелена на облегчение взаимодействия между регионами, путем внесения в кратчайшие сроки в режиме онлайн полученной информации.

1 Интерактивная карта киберугроз. URL: <https://cybermap.kaspersky.com/ru> (дата обращения: 01.10.2025).

2 Бастрыкин А.И. Эволюция следствия в России: сборник трудов 2020-2022 гг. В 2-х томах. Том II. М.: Юнити-Дана. 2023. С. 192.

3 Косарев А.С., Саенко М.А. Проблемные вопросы раскрытия мошеннических действий, совершенных с использованием информационных телекоммуникационных технологий // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 3. С. 42–46.

В заключении, стоит указать, что при расследовании как «телефонного мошенничества», так и киберпреступлений в целом необходимо учитывать проблему правового нигилизма со стороны граждан или бытующего в обществе мнения о безнаказанности кибер-преступников. В случае становления жертвой дистанционного мошенничества не каждый, к сожалению, обращается в правоохранительные органы. Многие уверены, что отследить мошенников просто невозможно и гораздо проще смириться с материальными потерями. Однако это не так. Для того, чтобы органы предварительного расследования могли максимально быстро обнаруживать кибер-преступников, им необходимо иметь больше информации о способах, методах и территории совершения преступления. Такую информацию можно получить именно со слов потерпевших или очевидцев. Кроме этого, такая информация, полученная со слов жертв кибер-преступников, является и важным фактором для составления криминогенных учетов, позволяющих накапливать информацию о событиях дистанционного мошенничества.

Помимо человеческого нигилизма способствуют совершению киберпреступлений и методики психологического давления со стороны преступников. Во-первых, сценарии подбираются преступниками не просто так. Для лиц преклонного возраста разговор будет связан, например, с необходимостью помочь родственникам или близким, или с потенциальной возможностью потери денежных накоплений. Во-вторых, вне зависимости от возраста люди склонны к гиперболизации возникающих проблем и впадению в состояние паники. И в-третьих, информирование потенциального потерпевшего о наличии ограниченного времени решения сложившейся проблемы также играет немалую роль. К тому же мошенники не дают сосредоточиться и обдумать всё услышанное тем, что задают нескончаемое количество коротких вопросов, а также преподносят информацию запутанными и сложными предложениями.

В свою очередь, внутренняя убежденность того, что человек не станет жертвой мошенников, приводит как раз к потере бдительности и отсутствию должной информированности о сценариях преступников. Человек с такой уверенностью, к сожалению, не станет даже читать новостную ленту или буклеты от органов правоохранительной власти, расположенные в общественных местах и общественном транспорте, о новых схемах преступных действий или общие рекомендации о том, как не стать жертвой мошенников.

Ключевым же фактором распространения телефонного мошенничества, конечно же, является развитие информационно-коммуникационных технологий. Преступникам гораздо легче стало добираться до материальных ценностей, используя свой же смартфон или незамысловатое приложение. Теперь вместо того, чтобы продумывать сценарии без права на ошибку или уметь физически быстро скрываться от сотрудников правоохранительных органов, преступникам достаточно, например, удалить поддельную страницу в социальных сетях или на информационных платформах, а иногда и вовсе просто прервать разговор по телефону с лицом, которое заподозрило что-то неладное на другом конце провода.

Таким образом, расследование преступлений, совершённых с использованием информационно-коммуникационных технологий представляет особую сложность и связано это с организационными трудностями, обусловленными их спецификой, неочевидностью, зачастую межрегиональным и международным характером.¹ Существующие проблемы затормаживают и затягивают осуществление предварительного расследования и делают более длительными поиски преступников, а главное, возможность получения потерпевшими компенсации материальных потерь. Однако в силу того, что дистанционное мошенничество появилось не вчера, то у правоохранительных органов, как было рассмотрено выше, уже выработались определённые алгоритмы и рекомендации по предотвращению и расследованию дистанционных преступлений, в частности телефонного мошенничества.

П.Н. Томашевский¹

Научный руководитель: **Н.Д. Пятибратова²**

^{1,2} Университет прокуратуры Российской Федерации

К вопросу о совершенствовании криминалистического обеспечения расследования вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего

Аннотация. В статье исследуется актуальная проблема криминалистического обеспечения расследования вовлечения несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего. В работе детально анализируется тактика допроса несовершеннолетнего потерпевшего. Особое внимание уделяется использованию цифровых следов в сети Интернет в целях изобличения виновных лиц. Делается вывод о необходимости использования традиционных криминалистических средств и методов наряду со специальными психолого-педагогическими подходами и достижениями в сфере информационных технологий.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, несовершеннолетние, зацепинг, допрос несовершеннолетнего, деструктивное поведение, цифровизация.

Конституция Российской Федерации как фундаментальный и учредительный акт в государстве гарантирует защиту семьи, материнства, отцовства и детства². Общеизвестно, что правовая охрана института семьи – один из приоритетных векторов развития современного Российского государства. В силу определенных причин социально-экономического, личностного и иного свойства, в настоящее время имеют место преступные посягательства, направленные против семьи и

¹ Бастрыкин А.И. Эволюция следствия в России: сборник трудов 2020-2022 гг. В 2 томах. Том II. М.: Юнити-Дана. 2023. С. 192.

² Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.10.2025). Ст. 38.

несовершеннолетних. Указанные негативные явления, без сомнения, способны повлечь негативные последствия как для личности конкретного несовершеннолетнего, так и для института семьи в целом.

Отметим, что рассматриваемая в настоящей статье проблематика не раз становилась предметом научных и общественных дискуссий. Вопросы криминалистического обеспечения расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних обстоятельно и полно изучены в научных трудах Р.С. Белкина, А.Н. Васильева, Н.А. Селиванова и иных учёных. Анализ современного состояния криминалистики как науки свидетельствует о весомом арсенале соответствующих средств и методов расследования преступлений. Тем не менее, в настоящее время в полной мере не разрешена проблема особенностей применения криминалистических средств и методов при расследовании преступлений против семьи и несовершеннолетних с учетом специфики данного рода посягательств.

Среди преступлений, в которых объектом посягательства являются благополучное развитие, права и законные интересы несовершеннолетних, особое место занимает вовлечение последних в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст.ст. 151.2 УК РФ). При этом указанные деяния не только направлены на нормальное развитие детей, но и негативным образом сказываются на общественной безопасности. Одним из распространенных в настоящее время проявлений указанных преступлений является вовлечение несовершеннолетних в деструктивное неформальное движение «зацеперов».

Согласно статистическим материалам Управления организации общественного порядка УТ МВД России по ЦФО, в 2024 г. установлено 46 случаев травмирования граждан на объектах транспортной инфраструктуры ОАО «РЖД, из них 90% являются несовершеннолетними¹. Полагаем, что доля некоторых из них могла быть преступно вовлечена в указанную деструктивную деятельность взрослыми гражданами.

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, опасных для его жизни, характеризуется латентностью, которая обусловлена рядом факторов. Во-первых, совершеннолетний субъект может оказывать психическое воздействие на ребенка, угрожать ему, вынуждая последнего преступить закон. Во-вторых, дети, являясь не в полной мере интеллектуально и психически зрелыми, могут не осознавать противоправности и опасности совершаемых деяний. Не исключено и то, что несовершеннолетний может допустить деструктивное поведение в целях повышения своего «авторитета» в глазах сверстников. Соответственно, подобная специфика рассматриваемого вида преступлений требует особого подхода в части криминалистического обеспечения их расследования, в связи с чем тема настоящей статьи представляется актуальной.

¹ Добрались до «Сапсанов»: Полиция раскрыла шокирующую статистику по зацеперам // Официальный интернет-портал Национальной службы новостей. URL: <https://nsn.fm/society/bole-50-travmirovannyh-v-rezultate-zatsepinga-v-2024-godu-skonchalis> (дата обращения: 07.10.2025).

В качестве важнейшей криминалистической цели расследования вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни, является эффективное получение в установленном порядке достоверных сведений о совершенном деянии, а также о лице, которое склонило ребенка к подобному. При этом необходимо применять те криминалистические средства и методы, которые не отразятся негативно на здоровье и развитии несовершеннолетнего. Это накладывает особенности производства, в частности, допроса или экспертиз.

Учитывая вышеизложенное, представляется обоснованным изложить тактические особенности расследования вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий.

Общеизвестно, что такое явление, как «зацепинг», как правило, сопровождается демонстрацией несовершеннолетними в информационно-телекоммуникационной сети Интернет указанных действий, что заключается в опубликовании любительских видеороликов в соответствующих каналах или сообществах. Не исключено, что деструктивные акты поведения могут быть запечатлены средствами фиксации органов транспортной безопасности или очевидцами произошедшего. Именно поэтому следователю перед производством тех или иных процессуальных действий в рамках уголовного дела необходимо получить данные материалы, воспользовавшись предоставленным в п.4 ч.2 ст. 38 УПК полномочием давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий¹. Необходимость получения указанных материалов обусловлена тем, что они могут быть практически единственным источником криминалистически-значимой информации, на основе которой обвинение будет планировать проведение качественного расследования, в том числе тактики допроса несовершеннолетнего и избрания необходимого вида экспертизы.

В условиях цифровизации общественных отношений представляется важным в ходе расследования обеспечить мониторинг социальных сетей и аккаунтов подозреваемого в целях поиска полезной для расследования информации, а также изобличения совершеннолетних граждан, склонивших ребенка к совершению деструктивных действий. Подобные меры являются действительно своевременным и обоснованным, поскольку, как отмечает Акиев А.Р., «информационные технологии, несмотря на их достоинства, послужили средством формирования у несовершеннолетних стойких антиобщественных установок»². С указанной точкой зрения следует согласиться, так как у большинства общественных явлений и новаций существует «обратная сторона медали», способная привести к негативным последствиям. Проводя параллели с расследованием вовлечения несовершеннолетних в совершение опасных для его

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС КонсультантПлюс. Ст. 38.

² Акиев Р.А. Совершенствование методико-криминалистического обеспечения расследований преступлений против семьи и несовершеннолетних на основе методов прогнозирования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (103). С. 148.

жизни действий, информационные технологии на современном этапе развития позволяют практически беспрепятственно распространять деструктивные материалы, в том числе в среде несовершеннолетних. В целях нивелирования данной проблемы Батурьян М.А. предлагает последовать опыту Китайской Народной Республики и считает целесообразным внедрить практику обязательной установки безопасного программного обеспечения на устройства детей, которые позволят родителям и образовательной организации осуществлять контроль за поступающей к ним информации¹. Применительно к расследованию рассматриваемых преступлений данное программное обеспечение позволило бы следователю или оперативному работнику без промедления получить сведения о лице, которое склонило ребенка к совершению опасных для его жизни действий.

Несовершеннолетние, профессионально практикующие «зацепинг», зачастую имеют необходимую для соответствующих действий экипировку, как-то: спортивные перчатки, металлические накладки для обуви, шлем с экшен-камерой и пр. Выемка и последующий осмотр указанных предметов в дальнейшем позволит установить умысел «зацепера», системный характер такого рода антиобщественной деятельности, а также связь с лицом, вовлекшим ребенка в совершение таких действий. Возможно, именно он помог несовершеннолетнему приобрести экипировку.

Как отмечал выдающийся криминалист Р.С. Белкин, «допрос представляет собой процесс получения показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для расследуемого дела. Это самое распространенное, но и самое сложное следственное действие»². При расследовании вовлечения несовершеннолетнего к совершению действий, представляющих опасность для его жизни, допрос как процессуальное действие занимает центральную позицию, поскольку одними из основных доказательств по данным уголовным делам являются показания свидетелей или подозреваемого. В рассматриваемом случае допрос имеет важнейшее информационное значение, позволяя спроецировать полную и реальную картину имевшего место вовлечения. Производство качественного допроса несовершеннолетнего лица, вовлеченного в совершение антиобщественных действий, позволяет установить следующее:

- 1) идентифицировать лицо, склонившее ребенка к совершению опасных для него действий (его имя, кличку, особенности внешности, иные приметы);
- 2) характер воздействия на несовершеннолетнего (угрозы, уговоры, обещания, обман и т.д.);
- 3) обстоятельства вовлечения в совершение опасных для жизни несовершеннолетнего действий (место, время, обстановка);
- 4) цель вовлечения;

¹ Батурьян М.А., Чирьев И.С., Жукова П.С. Проблема защиты детей от вредного воздействия средств массовой информации в России и за рубежом // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 241.

² Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Р.С. Белкина. М.: НОРМА, 2000. С. 624.

5) наличие у лица, склонившего несовершеннолетнего к совершению опасных для него действий, материальной или иной выгоды.

6) мотивы несовершеннолетнего совершать действия, представляющие угрозу его жизни или здоровью (страх, протест против социальных устоев, материальная выгода, подражание взрослым).

Установление всех вышеуказанных элементов предмета доказывания по уголовным делам указанной категории требует от лица, производящего расследование, чёткого алгоритма производства допроса несовершеннолетнего, являющегося потерпевшим.

Во-первых, для эффективного производства допроса несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение опасных для него действий, необходимо соблюсти требования ст. 191 УПК РФ о специфике и продолжительности допроса, участия законного представителя, а также педагога-психолога. Это позволит обеспечить соответствие допроса несовершеннолетнего уголовно-процессуальному закону. Во-вторых, присутствие педагога и законного представителя не должно являться обычной формальностью, следователь должен ориентировать их на морально-нравственную подготовку несовершеннолетнего к предстоящему допросу в целях установления психологического контакта. Указанные действия следователя составляют особенности подготовительного этапа допроса несовершеннолетнего, вовлеченного взрослым в совершение действий, представляющих для него опасность. Помимо этого, на данном этапе важно запросить характеристику из образовательной организации, в которой должны быть наиболее полно описаны личностные черты несовершеннолетнего, что в дальнейшем определит тактику его допроса.

Для формирования в ходе рабочего этапа доверительного отношения между следователем и несовершеннолетним потерпевшим первый должен делать акцент не столько на противоправности его действий, сколько на их опасности для его жизни и здоровья. Также, важно дать несовершеннолетнему воссоздать картину произошедшего в форме свободного рассказа, не перебивая его и показывая заинтересованность в этом. После свободного рассказа следователю необходимо перейти к деталям, связанным с личностью лица, которое склонило несовершеннолетнего к деструктивным действиям, и задать необходимые вопросы, входящие в предмет доказывания по уголовному делу.

Тем не менее вполне вероятно, что в силу приверженности несовершеннолетнего к деструктивной деятельности и твердой связи с виновным, являющимся профессиональным преступником, он может отрицать свою причастность к тем или иным опасным для него действиям, затрудняя изобличение лиц, склонивших ребенка к ним. Именно здесь найдут свое применение видеоматериалы, обнаруженные на первоначальном этапе расследования уголовного дела. Указанные видеоматериалы можно продемонстрировать полностью или в части в кабинете следователя, усилив позицию обвинения. Является весьма вероятным, что ребенок в этом случае сообщит следователю необходимые сведения о лице, которое склонило его к совершению опасных для него действий.

Таким образом, руководствуясь вышеизложенным, можно сделать следующие выводы относительно проблематики настоящей статьи:

1) в современных условиях эффективное и качественное расследование преступлений, предусмотренных ст. 151.2 УК РФ, требует активного исследования цифровых следов, имеющихся в сети Интернет. Своевременное изъятие и закрепление в установленном порядке таких следов – важнейшее условие установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также изобличения лиц, которые склонили несовершеннолетнего совершить действия, которые опасны для его жизни;

2) основным способом получения криминалистически-значимых информации является изучение изобличающих видеозаписей, а также допрос. Успешность проведения допроса несовершеннолетнего потерпевшего традиционно зависит от установления психологического контакта с ним, создания для него безопасных и психологически благоприятных условий производства указанного процессуального действия;

3) борьба с противоправными явлениями, которые описаны в диспозиции к ст. 151.2 УК РФ, требует не только криминалистического совершенствования расследования данного преступления, но и принятия мер предупреждения законотворческого и технологического характера.

А.В. Уваннай¹

Научный руководитель: **В.А. Шурухнов²**
Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Деструктивные субкультуры в системе экстремистской деятельности: терминологические пробелы и их влияние на действия следователя

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем расследования преступлений, связанных с экстремистской деятельностью деструктивных субкультур в условиях цифровой трансформации. Обосновывается необходимость четкого разграничения понятий «деструктивная субкультура» и «криминальная субкультура» и их отличий от конструктивных субкультурных образований. Предлагается интегративная концепция «экстремистской деятельности деструктивных субкультур», позволяющая разработать эффективную криминалистическую методику расследования таких преступлений.

Ключевые слова: экстремизм, субкультура, девиантное поведение, криминалистика, радикализация личности, цифровые следы.

Исследование и четкое определение влияния деструктивных субкультур в контексте деятельности следователя обусловлено постоянной трансформацией информационных ресурсов, систем и средств их использования, где происходит создание, передача и потребление информации. В то же время развитие и

распространение ключевой для человечества информационно-телекоммуникационной сети Интернет способствовало как появлению целого комплекса новых видов преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, так и спровоцировало перенос в виртуальную среду отдельных аспектов уже существовавших преступных деяний.

«Традиционный» экстремизм требовал оставления материальных следов: физических мест сбора, распространения листовок и т.д. В условиях глобализации благодаря переходу в информационное пространство экстремистская деятельность приобретает все более латентный и идеологически опосредованный характер. Экстремизм в сети Интернет разрывает прямую связь между призывом и преступлением: индивиду не дают прямых указаний, а лишь радикализируют его через контент, изменяя мировоззрение и образ жизни, внушая необходимость совершить преступление «по велению собственной идеи». Интернет способствует формированию новых структур, лишенных жесткой иерархии, характерной для традиционных преступных организаций. Такие структуры отличаются высокой гибкостью, устойчивостью, способностью к самоорганизации и быстрой адаптации к мерам противодействия. Например, коммуникация между сторонниками экстремистской идеологии осуществляется через закрытые зашифрованные чаты в мессенджерах, тем самым затрудняя обнаружение и последующее расследование их деятельности¹.

Игнорирование культурного компонента в экстремистской деятельности, ведет к осуществлению ошибок на этапе предварительного расследования, существенно снижая эффективность работы следователя и ставя под сомнение достоверность полученных доказательств. Отсутствие у следователя понимания идеологических оснований деструктивных субкультур в последующем сформирует ряд уязвимостей в процессе доказывания. В этих условиях следователю необходимо не только реагирование на уже совершенное преступление, но и применение активных компетенций: глубокого понимания идеологических течений, способности анализировать сложные, опосредованные связи в киберпространстве. Без этого этих знаний разрыв между реальным уровнем экстремистской угрозы и ее официально зарегистрированными проявлениями будет только возрастать².

Эффективное противодействие данному явлению в рамках уголовного судопроизводства сопряжено с рядом системных методологических трудностей. Ключевой из них выступает терминологическая неопределенность, обусловленная отсутствием в действующем законодательстве таких основополагающих понятий, как «субкультура» и, соответственно, более узких и необходимых для следователя «деструктивная субкультура» и «криминальная субкультура». Необходимым является и указание на относимость понятия

¹ Плотников В.В. Экстремизм как феномен современной социальной реальности: институциональные, системные и социоструктурные факторы: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Краснодар, 2016.

² Хатов Э.Б. О цифровых компетенциях следователя // Проблемы противодействия киберпреступности: материалы II Международной научно-практической конференции (Москва, 26 апреля 2024 года) / Под общ. ред. О.Ю. Антонова, Э.Б. Хатова. М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 117–122.

«экстремистская деятельность» применительно к активности деструктивных субкультур. Этот терминологический пробел создает существенные препятствия для правоприменительной практики, порождая проблемы квалификации, доказывания и отграничения экстремистской деятельности деструктивных субкультур от смежных правовых явлений.

Английский социолог-теоретик Гидденс Э. определяет субкультуру как «сложную систему в рамках целого общества, которая проживает преобразования и нормы которой не соответствуют нормам большинства»¹. Кандидат философских наук В.В. Буряк в свою очередь отмечал, что субкультуры «распространяют ценности индивидуализма, а вместе с ним – приоритет самовыражения»². Оба исследователя рассматривали субкультуры как отличными от доминирующих, но не всегда носящих противоправный или асоциальный характер. Так, многие субкультуры (профессиональные, творческие, досуговые, религиозные) не противоречат ценностям основной культуры, а дополняют или сосуществуют параллельно. Субкультура – естественный механизм адаптации индивидов и групп к усложняющейся социальной реальности, позволяющий удовлетворить потребность к самовыражению и самоопределению не в рамках господствующей культуры общества.

Особое внимание следует уделить тому, что в контексте усиления борьбы с асоциальными и противоправными групповыми явлениями в научном и правовом дискурсе активно используются термины «деструктивная субкультура» и «криминальная субкультура». Зачастую они применяются как синонимичные, что приводит к скрещиванию определений и, как следствие, к неэффективности мер профилактического и уголовно-правового воздействия.

Криминальная субкультура представляет собой комплекс социокультурных ценностей преступного мира, который объединяет ценностно-мировоззренческие установки, нормы и правила поведения профессиональных преступников и лиц, стремящихся следовать их примеру, а также определенные внешние атрибуты, связываемые с криминальным образом жизни. Структура криминальной субкультуры включает идеологический блок («воровские понятия», идеология превосходства), поведенческий блок (ритуалы, неформальные правила) и символический блок (татуировки, арготизм), выполняющие функции идентификации. Фундаментальной характеристикой криминальной субкультуры является единство коллективистских ценностей, обеспечивающего солидарность и выживание «внутри» криминального сообщества, и радикального индивидуализма, направленного на доминирование и извлечение личной выгоды от среды «вовне»³.

¹ Гидденс Э. Социология / Энтони Гидденс; науч. ред. В.А. Ядов; общ. ред. Л.С. Гурьевой и Л.Н. Иосилевича; [пер. В. Малышенко и др.]. М: Эдиториал УРСС, 1999. С. 144–160.

² Буряк В.В. Динамика культуры в эпоху глобализации: ноосферный контекст. Симферополь: Диайпи, 2011. С. 462.

³ Шпак С.В. Криминальная субкультура молодежи в современном российском обществе: тенденции формирования и распространения: автореф. дис. ... канд. наук. Краснодар, 2012.

Генезис термина «деструктивная субкультура» непосредственно связан с теоретическим разграничением девиации в социологии. Если девиация как таковая понимается как отклонение от общепринятых норм, то ее оценка может носить различный характер. Психолог Н.В. Майсак¹ выделяет конструктивную, аутодеструктивную и внешнедеструктивную девиацию. Конструктивная девиация, будучи формой социального новаторства, хотя и противостоит устоявшимся стандартам, в перспективе способна привести к позитивным социальным преобразованиям. В противоположность этому, деструктивные девиации носят сугубо разрушительный характер, будучи направленной на подрыв основ общественной безопасности, целостности личности и правопорядка. Аутодеструктивная девиация, то есть саморазрушительная, подразделяется на аддиктивную и суицидальную. Аддиктивная зависимость проявляется как навязчивая потребность в совершении определенной деятельности, что позволяет подразделять ее по объекту формирования. Наиболее часто проявлением аддиктивной зависимости выступает химическая зависимость, при которой объектом выступают психоактивные вещества (алкоголь, наркотики, табак), вызывающие физиологическую толерантность и абстинентный синдром. В отличие от нее, нехимическая (поведенческая) зависимость характеризуется патологической фиксацией на определенных моделях поведения, таких как азартные игры (гемблинг), Интернет-зависимость, трудоголизм или компульсивные шопинг, где объектом зависимости является не вещество, а процесс, сопровождающийся изменением эмоционального состояния. Относительно новой и дискуссионной в рамках данной типологии является пищевая зависимость, занимающая промежуточное положение: с одной стороны, она связана с химическим воздействием пищи (особенно сахара и жиров) на систему вознаграждения мозга, а с другой – реализуется через компульсивное поведение, связанное с потреблением еды. Аутодеструктивная (саморазрушительная) зависимость – это навязчивая, ритуализированная потребность в совершении действий, наносящих физический или психологический ущерб личности, подразделяется на два основных типа, различающихся по своей конечной цели. Парасуицидальное поведение (или самоповреждение непреднамеренное) характеризуется совершением действий, направленных на нанесение себе повреждений (например, порезов, ожогов) без осознанного намерения лишить себя жизни. Целью такого поведения является снижение психологического напряжения, преодоление состояния деперсонализации или «криком о помощи». В отличие от него, прямое суицидальное поведение является прямым следствием желания саморазрушения, где основой становится навязчивое стремление к самоуничтожению, а сам акт суицид воспринимается человеком как единственный способ решения психологических проблем.

Именно отталкиваясь от определения деструктивной девиации вводится понятие «деструктивная субкультура», которое применяется для обозначения

¹ Майсак Н.В. Проблема систематизации девиантного поведения // Астраханский медицинский журнал. 6 (2). 2011. С. 85–89.

тех субкультур, которые не просто позиционируют себя против основной доминирующей культуры, но целенаправленно возносят ценности и модели поведения, носящие деструктивный, то есть разрушительный, характер. Деструктивные субкультуры могут наносить ущерб как личности, подверженной влиянию этой субкультуры через пропаганду суицидальных наклонностей, самоповреждения или формирование патологических зависимостей, так и представлять угрозу для общества в целом путем разжигания ненависти, одобрения применения насилия и подрыва основ общественной безопасности. Термин «деструктивная субкультура» выполняет оценочно-критическую и классифицирующую функцию, позволяя провести содержательную границу между субкультурами, чья альтернативность носит нейтральный или потенциально конструктивный для общества характер (например, творческие и музыкальные субкультуры как «инклинги» и «кей-поперы»), и теми субкультурами, чья внутренняя идеология и деятельность создают прямой риск для нормального функционирования общества (например, «АУЕ» и «зацеперы»), что обуславливает необходимость разработки в их отношении адекватных мер профилактического, а в случаях нарушения правовых норм – и уголовно-правового воздействия.

Необходимо отметить, что существенным пробелом в современном правовом и научном дискурсе является отсутствие формализованных критериев для разграничения субкультурных образований на конструктивные (социально одобряемые) и деструктивные (потенциально запрещаемые). Не существует закрепленного исчерпывающего перечня признаков, позволяющих следовательно однозначно идентифицировать субкультуру как деструктивную, оставляя неопределенность и необходимость в субъективной оценке. Данный пробел может привести к возможному необоснованному ограничению права на свободу ассоциаций и культурного самовыражения для нейтральных или конструктивных сообществ и субкультур, с одной стороны, и к недостаточности правовых оснований для своевременного пресечения деятельности действительно опасных сообществ и субкультур – с другой. В результате следователи и иные правоприменители вынуждены оперировать оценочными категориями, что не только затрудняет квалификацию преступлений экстремистской направленности, но и создает угрозу нарушения принципа правовой определенности, поскольку отсутствие четких дефиниций позволяет относить к деструктивным те субкультурные проявления, которые отличаются от общепринятых норм и не содержат в себе признаков прямой угрозы личности или общественной безопасности. Разработка научно обоснованной системы критериев деструктивности, включающей анализ идеологии субкультур, их практик, направленности деятельности и масштаба возможного причиняемого вреда, поможет формированию последовательной практики при расследовании преступлений.

Объединение понятий «экстремистская деятельность», закрепленного в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»

от 25.07.2002 N 114-ФЗ¹, и установленного определения «деструктивная субкультура» в единый термин «экстремистская деятельность деструктивных субкультур» позволит преодолеть ограниченность узконормативного подхода и создать целостную модель для расследования преступлений данной категории. Экстремистская деятельность, определяемая законом как система конкретных противоправных действий (пропаганда исключительности, возбуждение ненависти, воспрепятствование законной деятельности и т.д.), в рамках деструктивной субкультуры уже готова для своей реализации ее участниками посредством наличия идеологических основ, каналов коммуникации между ее участниками, собственного специфического языка общения и способов привлечения новых членов сообщества. Деструктивная субкультура, в свою очередь, посредством осуществления экстремистской деятельности получает свое логичное идейное завершение, принимая форму, способную к осуществлению организованной противоправной деятельности.

Эта взаимосвязь имеет прямое значение для следственной практики, поскольку позволяет выстраивать расследование не как набор разрозненных эпизодов, а как систему, где каждое действие подозреваемого обусловлено его принадлежностью к конкретной субкультуре с ее уникальной нормативной средой. Следовательно необходимо принимать во внимание, что деятельность современных деструктивных субкультур сопряжена с использованием информационно-коммуникационных технологий, которые трансформируют традиционные представления о способах вербовки, коммуникации и распространения идеологии. Это требует системного подхода к анализу цифровых следов, которые сегодня составляют основу доказательственной базы — от контента социальных сетей и особенностей онлайн-коммуникации до специфических поведенческих паттернов участников сообществ. Для следователя это открывает возможности для эффективного планирования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, ориентированных на установление внутренних связей между сторонниками субкультуры, а не только на фиксацию отдельных актов преступной деятельности. С криминалистической точки зрения, данная конструкция служит основой для формирования обширной системы доказательств: принадлежность к деструктивной субкультуре, подтверждаемая через анализ символики, контента в социальных сетях, особенностей лексикона и круга общения, становится доказательственным фактом, устанавливающим мотив, умысел и осведомленность лица о целях деятельности. С точки зрения психологии следственной деятельности, понимание субкультурного контекста является незаменимым инструментом для установления контакта как с потерпевшими, часто вербуемыми по определенным психологическим схемам, так и с подозреваемыми и обвиняемыми, чье мировоззрение и система ценностей кардинально отличаются от общепринятых. Знание специфики деятельности

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 июля 2002 г., № 30. Ст. 3031.

конкретной деструктивной субкультуры позволит следователю грамотно формулировать вопросы и прогнозировать линию защиты допрашиваемых лиц, формулировать вопросы при назначении экспертиз, поспособствует комплексно анализировать полученные сведения и действия лиц.

Таким образом, синтез понятий «экстремистская деятельность» и «деструктивная субкультура» не только обогащает теоретический аппарат, но и предоставляет следователю комплексный практический инструментарий для доказывания, обеспечивающий переход от фрагментарной фиксации преступлений к системному противодействию организованным формам экстремизма, образованных в специфической деструктивной субкультурной среде.

К.И. Харина¹

Научный руководитель: **В.А. Шурухов²**

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Информационные технологии как средство совершения преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ

Аннотация. В статье рассматривается использование информационных технологий как средства совершения преступления, предусмотренного ст. 138 Уголовного кодекса Российской Федерации, посягающего на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В связи с быстро развивающейся цифровизацией, общество все больше переходит на коммуникацию при помощи мобильных, компьютерных и иных устройств, что приводит к увеличению случаев применения преступниками информационных технологий для получения незаконного доступа к переписке, переговоров, сообщений. В статье также обсуждаются статистические данные и случаи, иллюстрирующие степень распространенности подобных преступлений

Ключевые слова: информационные технологии, тайна переписки, тайны телефонных переговоров, совершение преступления, цифровые технологии

Объектом конституционно-правовой защиты выступает право человека на неприкосновенность частной жизни, составляющей которого является право человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, предусмотренное ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации. Ограничение этого права допускается лишь на основании судебного решения¹. Уголовно-правовая защита права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений реализуется посредством ст. 138 УК РФ.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ являются конфиденциальные ведения, которые содержатся в переписках, телефонных переговорах, почтовых, телеграфных и иных сообщениях. Под иными сообщениями понимаются сведения, которые передаются посредством социальных сетей, мессенджеров, электронных писем и иных сообщениях, передаваемых посредством сети Интернет. А также к предмету преступления относят и общие сведения о лицах, между которыми осуществлялась переписка, информация о детализации соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами¹. Поскольку информация передается от отправителя к получателю по линиям связи (сети почтовой связи, электросвязям), на операторов связи в соответствии со ст. 63 Федеральным законом от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» возлагается обязанность по обеспечению соблюдения тайны связи².

В современном мире все больше происходит процесс внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни, что подразумевает использование различных технологий. В настоящее время информационные технологии являются неотъемлемой частью жизни людей, они предоставляют огромное количество возможностей, значительно упрощая жизнедеятельность. Современные технологии позволяют поддерживать коммуникацию с людьми, находящимися в разных точках мира, посредством отправления текстовых сообщений, голосовых сообщений, фото- и видеоматериалов через социальные сети, мессенджеры и иные онлайн сервисы. Однако есть и обратная сторона, которая заключается в том, что из-за информационной неграмотности людей, преступники, используя информационные технологии как инструмент, получают неправомерный доступ к личным данным, тем самым нарушая конституционные права человека и гражданина. Все это приводит к росту киберпреступности и появлению новых средств совершения преступлений, которые постоянно развиваются и совершенствуются.

Согласно характеристике МВД России, состояние преступности в Российской Федерации за 2024 год, 40 % от числа всех преступлений совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 13 % больше, чем за 2023 год. Количество раскрытых преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, из числа зарегистрированных, составляет 20 %.

За период с января по август 2025 года, количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий по сравнению с 2024 годом, снизилось на 34%³.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС КонсультантПлюс.

² Федеральный закон от 07.07.2003 N 126-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О связи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025) // СПС КонсультантПлюс.

³ URL: <https://мвд.пф/reports/item/55225633/?ysclid=m2hb7jo2au467813432> (дата обращения 05.11.2025)

Согласно судебным статистическим данным¹, за 2021 год по статье 138 УК РФ осуждено 62 человека, за 2022 год – 78 человек, а за 2023 год – 51 человек.

Применение информационных технологий при нарушении тайны переписки, телефонных, почтовых, телеграфных и иных сообщений, не влияет на квалификацию, однако значительно усложняет процесс расследования преступлений, а также выявления, изъятия и оценки доказательств, поскольку большая часть доказательств, получаемых в ходе расследования указанного вида преступления, стала обладать цифровыми свойствами, то есть в результате совершения преступного деяния остаются цифровые следы, которые могут находиться как на электронных носителях, так и передаваться по проводным каналам связи, радиоканалам в виде электромагнитных сигналов, что не исключает возможность хранения таких следов как на одном устройстве, так и на нескольких.

В связи с этим возникает вопрос, чем именно выступают информационные технологии при совершении преступления? Некоторые ученые придерживаются точки зрения, что информационные технологии при совершении преступления выступают именно способом совершения. Такое мнение в своих работах выражают Молчанова Т.В. и Таранина Е.И. отмечая, что ввиду цифровизации, способом совершения преступлений против частной жизни лица являются информационные технологии².

Каранова Д.А. под информационными технологиями, выступающими способом совершения преступления, понимает применение преступником совокупности процессов по поиску, сбору, обработке, накопления и передачи информации, позволяющие управлять такими процессами удаленно с целью достижения необходимого лицу результата³, как например, получение удалённого доступа к переписке пользователя в социальной сети, без его согласия, с целью завладения сведениями, содержащимися в данной переписке.

Другие же ученые, рассматривая с криминалистической позиции совершение преступлений с использованием преступником в своей противоправной деятельности информационных технологий, рассматривают технологии как средство совершения преступления.

Так, Введенская О.Ю. отмечает, что в своей преступной деятельности лица, для сохранения дистанционного доступа, а также сохранения своей анонимности, стали применять сеть Интернет, в связи с чем последнюю можно рассматривать теперь не как способ совершения, но и как средство совершения преступлений⁴, в том числе и посягающих на конституционные права человека и

¹ Судебная статистика Российской Федерации URL: <https://stat.legalpress.ru/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 05.11.2025).

² Молчанова Т.В., Таранина Е. И. Преступления, связанные с неприкосновенностью частной жизни, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в сфере экономической деятельности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 135.

³ Каранова Д.А. Информационно-коммуникационные технологии как способ совершения преступлений // Криминологический журнал. 2024. № 2. С. 107–110.

⁴ Введенская О. Ю. Особенности следообразования при совершении преступлений посредством сети Интернет // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 210.

гражданина, а именно на право тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

П.С. Пастухов в своей научной работе указывает на необходимость рассматривать информационные технологии как средство совершения преступлений. По его мнению, использование технологий как средство преступления ставит под угрозу охраняемые конституционные ценности граждан, а также эффективность раскрытия и расследования преступлений¹. Однако автор также выдвигает и точку зрения, что информационные технологии можно рассматривать как орудие совершения преступления, но на наш взгляд, понятие средства совершения гире понятия орудия, так как средство включает в себя помимо предметов материального мира, приемы и способы, направленные на осуществление преступной деятельности, что более подходит под характеристику информационных технологий.

Аналогичной точки зрения придерживается и С.В. Баринов, рассматривая в своих трудах информационные технологии как средство совершения преступлений², посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина.

Таким образом мы видим, что единого подхода к пониманию чем именно выступают информационные технологии нет. Для того, чтобы отнести информационные технологии к средству или способу, необходимо определить, что такое информационные технологии и как их используют преступники в преступной деятельности.

Согласно ч. 2 Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³, информационные технологии – процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

Рассматривая информационные технологии в контексте совершения преступления, нарушающего тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, мы понимаем их как инструмент для незаконного получения доступа к информации, ознакомления с ней, прослушивания, копирования, записывания и иных действий⁴.

К информационным технологиям можно отнести: аппаратное обеспечение (компьютеры, сетевое оборудование (маршрутизаторы, коммутаторы, модемы и

¹ Пастухов П. С. Проблемы конституционной охраны тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в сфере уголовного судопроизводства // Пермский юридический альманах. 2024. № 7. С. 340.

² Баринов С. В. Уголовный процесс // Некоторые особенности преступных нарушений тайны переписки и иных сообщений, совершаемых в киберпространстве. 2016. № 4 (46). С. 175.

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС КонсультантПлюс.

другое), периферийные устройства (камеры, динамики, микрофоны и другое)), программное обеспечение, сети (локальные, глобальные, беспроводные, мобильные и другое), телекоммуникационные компании, серверы электронной почты, Интернет-провайдер и иные ресурсы. То есть информационными технологиями выступают не только конкретные материальные предметы, инструменты, но и процессы по сбору, хранению и обработке информации, происходящие на различных устройствах, позволяющие воздействовать на охраняемый уголовным законом объект.

Так, например, программные обеспечения класса RAT являются программами, разработанными для удаленного администрирования, с помощью которых выполняются различные действия (передача файлов, наблюдение за действиями пользователя, настройка системы, управление функциями и другое) посредством удаленного доступа. Но преступники стали использовать программы в своих преступных целях, получая доступ к слабозащищенным устройствам и тем самым, в режиме реального времени, имея доступ к устройствам потерпевших, могут просматривать входящие и исходящие сообщения в мессенджерах, социальных сетях, электронной почте и иных онлайн-сервисах, прослушивать человека путем подключения к его веб-камере или микрофону и совершать иные действия, направленные на нарушение тайны переписки, переговоров, сообщений. Таким образом преступник получает полный доступ к устройству потерпевшего лица. И в данном случае важно отметить, что преступник для реализации своего умысла выбирает в качестве способа совершения преступления - незаконный удаленный доступ к устройству пользователя, а в качестве средства совершения – конкретное программное обеспечение.

Изучая судебную практику преступлений, предусмотренных ст. 138 УК РФ, которые совершаются с использованием информационных технологий, можно сделать вывод, что преступники используют как уже известные и проверенные временем технологии, которые подвергаются модификации, так и совершенно новые технологические разработки.

Еще одним видом информационных технологий, с помощью которого преступники осуществляют доступ к перепискам, переговорам, сообщениям, является шпионское вредоносное программное обеспечение «Spyware». Данное программное обеспечение скрытным путем устанавливается на устройство потерпевшего и позволяет незаконно отслеживать действия пользователя устройства и собирать информацию как с внутреннего содержимого устройства (программа может фиксировать, что именно набирает пользователь на клавиатуре устройства, включая личные сообщения, пароли, логины и иное), так и информацию, которую программа позволяет тайно записать через веб-камеру либо микрофон прослушиваемого устройства (в том числе и разговоры по телефону). Проникнуть Spyware» на устройство может различными способами, например, данная программа может быть замаскирована под иные полезные программы (игры, утилиты, иные приложения для обмена файлами), либо «Spyware» может использовать уязвимости в операционной системе. И как правило такие программы не сразу обнаруживаются пользователями, что

позволяет преступнику на протяжении длительного времени нарушать конституционные права потерпевшего лица.

Необходимо также отметить, что в ходе анализа судебной практики по делам, связанным с нарушением тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также иных преступлений, при совершении которых преступники используют информационные технологии, суд не определяет чем выступают информационные технологии: средством совершения или способом совершения преступления, а лишь использует обобщенную формулировку «с использованием информационно-коммуникационных технологий», что так же оставляет в науке возможность для дискуссий.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу, что информационные технологии, используемые преступниками при совершении преступлений, посягающих на конституционные права человека и гражданина, а именно тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, они выступают именно средством совершения преступления. Анализируя следственную и судебную практику, а также научные труды, можно отметить, что информационные технологии выступают инструментом, благодаря которому преступник осуществляет тот или иной способ совершения такого вида преступлений. Например, если преступник выбирает, способом совершения преступления, удаленный взлом аккаунта пользователя в социальной сети, то для реализации ему необходимо применить различные информационные технологии, такие как программное обеспечение, локальную или глобальную сеть, а также иные средства. Таким образом в криминалистической характеристике преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, необходимо четко разграничивать средство совершения и способ совершения преступления, для усовершенствования методик расследования преступлений, посягающих на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Криминалистические аспекты расследования преступлений в сфере децентрализованных финансов (DeFi): от следственной версии до доказывания

Аннотация. Статья посвящена разработке комплексного криминалистического алгоритма расследования преступлений, совершаемых в сфере децентрализованных финансов (DeFi). В работе детально анализируется криминалистическая характеристика данной категории преступлений, выделяющая такие ключевые элементы, как специфические объекты посягательств, технологически обусловленные способы их совершения и портрет современного киберпреступника. Автором последовательно раскрываются вопросы формирования типовых следственных версий, организации первоначального этапа расследования, а также методики работы с цифровыми следами, распределенными в блокчейне. Особое внимание уделяется тактическим особенностям производства отдельных следственных действий, включая допрос, обыск и следственный эксперимент, адаптированных к условиям цифровой среды. В заключении обосновывается необходимость создания в правоохранительных органах специализированных подразделений и развития международного сотрудничества для эффективного противодействия новым вызовам, связанным с трансграничным и технологичным характером преступной деятельности в экосистеме DeFi.

Ключевые слова: децентрализованные финансы (DeFi), криминалистическая характеристика, расследование преступлений, следственные версии, блокчейн-данные, смарт-контракты, криптовалютные следы, тактика следственных действий, киберпреступность.

Современный этап развития финансовых технологий ознаменовался стремительным ростом сегмента децентрализованных финансов (DeFi), который предлагает принципиально новые модели взаимодействия, такие как децентрализованные биржи, протоколы кредитования и управления активами на основе смарт-контрактов¹. Ключевыми факторами привлекательности данной экосистемы для пользователей выступают ее псевдоанонимность, отсутствие централизованного регулятора и высокая скорость проведения операций. Однако эти же преимущества создают мощный вектор криминализации, формируя крайне благоприятную среду для реализации разнообразных противоправных схем². На фоне сохраняющегося правового вакуума и технологической сложности базовых механизмов DeFi, правоохранительные органы сталкиваются

¹ Blockchain and the Law: The Rule of Code / P. De Filippi, A. Wright. Cambridge: Harvard University Press, 2018. P. 45.

² The 2024 Crypto Crime Report. Chainalysis. 2024. URL: www.chainalysis.com/crypto-crime-report-2024 (дата обращения: 16.11.2025).

со значительными проблемами при расследовании подобных инцидентов¹. Возникает фундаментальное противоречие между транснациональным, высокотехнологичным характером преступлений, совершаемых в этой сфере, и традиционными, зачастую архаичными, методами расследования и доказывания². В этой связи разработка специализированного криминалистического алгоритма, систематизирующего действия следователя от выдвижения типовых следственных версий до формирования неопровержимой доказательственной базы, представляется задачей исключительной научной и практической значимости. Целью настоящего исследования является формирование такого алгоритма, а для ее достижения в работе последовательно решаются следующие задачи: анализ типовых способов совершения преступлений в экосистеме DeFi, выявление потенциальных источников цифровых следов, а также разработка на этой основе эффективных следственных версий и тактических приемов проведения отдельных процессуальных действий.

1. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере DeFi

Формирование целостной криминалистической характеристики преступных посягательств в сфере децентрализованных финансов является необходимым фундаментом для разработки эффективной методики расследования. Ключевыми типовыми объектами посягательств в данной области выступают средства инвесторов, размещенные в пулах ликвидности, криптоактивы, заблокированные в смарт-контрактах, а также приватные ключи от электронных кошельков пользователей, компрометация которых приводит к полной утрате контроля над цифровым имуществом³. Специфика этих объектов напрямую влияет на механизм слеδοобразования, который практически полностью реализуется в цифровой среде, оставляя артефакты в распределенном реестре блокчейна и на смежных технических носителях⁴.

Спектр способов совершения преступлений отличается значительным разнообразием и технической изощренностью, что обуславливает необходимость их четкой систематизации. Наиболее разрушительными с точки зрения размера ущерба являются атаки, направленные на эксплуатацию уязвимостей в логике смарт-контрактов, такие как атаки повторного входа (reentrancy), манипуляции с внешними источниками данных (oracle manipulations) и использование механики флеш-кредитов для искусственного изменения баланса активов⁵. В отличие от них, мошеннические схемы типа Rug

¹ Грибунов О.П., Усачев С.И., Усачева Е.А. Криптовалюта и иные виртуальные активы как феномен современной преступности: проблемы раскрытия, расследования и предупреждения // Российский следователь. 2024. № 4. С. 8.

² Теткин Д.В., Пудовкин А.А., Троицкий А.А. Некоторые особенности раскрытия и расследования киберпреступлений в современном мире глобальной цифровизации // Право: история и современность. 2022. Т. 6. № 2. С. 242.

³ Максуров А.А. Блокчейн, криптовалюта, майнинг: понятие и правовое регулирование: монография. – 4-е изд. – М.: Дашков и К°, 2023. С. 58.

⁴ Надысева Э.Х. Проблемы расследования преступлений в сфере оборота криптовалют // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 224.

⁵ The 2024 Crypto Crime Report // Chainalysis. 2024. URL: www.chainalysis.com/crypto-crime-report-2024/ (дата обращения: 16.11.2025).

Pull или «ухода с деньгами» основаны не на техническом взломе, а на злонамеренных действиях самих разработчиков проекта, которые, привлекая доверие и средства инвесторов, намеренно закладывают в смарт-контракт скрытые функции для последующего изъятия всей ликвидности¹. Отдельную группу составляют преступления, сопряженные с компрометацией частных данных пользователей, куда относятся фишинг, распространение вредоносного программного обеспечения и скимминг, целью которых является хищение фраз восстановления (seed-фраз) или частных ключей для несанкционированного доступа к кошелькам². Кроме того, в арсенале злоумышленников присутствуют и такие тактики, как фронтраннинг, когда за счет более высокой комиссии злоумышленник добивается приоритетного включения своей транзакции в блок, получая таким образом экономическую выгоду от предварительного знания о действиях других участников сети³.

Личность преступника в сфере DeFi также обладает рядом отличительных черт, которые должны учитываться при построении следственных версий и планировании оперативно-розыскных мероприятий. Как правило, это лицо или группа лиц, обладающие высоким уровнем квалификации в области программирования, криптографии и финансов, что позволяет им не только разрабатывать собственные децентрализованные приложения, но и проводить целенаправленный аудит чужих проектов на предмет наличия уязвимостей⁴. Важной характеристикой является транснациональный характер деятельности, поскольку анонимность блокчейн-технологий и отсутствие географической привязки позволяют преступникам действовать из любой юрисдикции, целенаправленно усложняя установление своей личности и привлечение к ответственности⁵. Мотивационная структура часто сочетает в себе корыстные побуждения с элементами интеллектуального вызова, а способность быстро адаптироваться к изменяющимся условиям и использовать новейшие технологические достижения делает таких правонарушителей особенно опасными и трудными для розыска⁶. Таким образом, комплексное понимание криминалистической характеристики, включающей объекты, способы и субъект

¹ Кравченко А.Е., Сергиенко И.А., Лукки Е.В. Уголовно-правовые аспекты криптовалютных мошенничеств // Epomen.Global. 2025. № 60. С. 46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-aspekty-kriptovalyutnyh-moshen-nichestv> (дата обращения: 16.11.2025).

² Науменко О.А., Бутяева Н.А. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 2 (56). С. 48.

³ Сидоренко Э.Л. Правовой статус децентрализованных финансов: к постановке проблемы // Lex Russica. 2023. № 3 (196). С. 98.

⁴ Долгиева М.М. Противодействие криптопреступности уголовно-правовыми средствами // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2. С. 171–177.

⁵ Сидоренко Э.Л. Децентрализованные автономные организации в системе современного права: к постановке проблемы // Lex Russica. 2024. № 1 (206). С. 120–130 (дата обращения: 16.11.2025).

⁶ Грибунов О.П., Усачев С.И., Усачева Е.А. Криптовалюта и иные виртуальные активы как феномен современной преступности: проблемы раскрытия, расследования и предупреждения // Российский следователь. 2024. № 4. С. 10.

преступной деятельности, создает основу для перехода к практическим аспектам организации расследования.

2. Формирование типовых следственных версий и первоначальный этап расследования

Успех всего процесса расследования преступлений в сфере децентрализованных финансов в значительной степени предопределяется грамотными действиями на его первоначальном этапе, центральным элементом которых является выдвижение и проверка системы следственных версий. Отправной точкой для их построения традиционно служат исходные данные, поступающие к следователю в виде детального заявления потерпевшего, в котором необходимо зафиксировать все обстоятельства взаимодействия с DeFi-протоколом, включая использованные веб-адреса, тип кошелька и последовательность предпринятых действий. Ключевое значение для последующего анализа имеют криптографические идентификаторы - хэш подозрительной транзакции и адреса кошельков, участвовавших в операции, поскольку именно эти данные открывают доступ к анализу всей публичной истории перемещения средств в блокчейне. На основе этой первичной информации формируются типовые следственные версии, которые, несмотря на стандартный характер, требуют учета технологической специфики DeFi. Наиболее вероятной представляется версия о совершении преступления организованной международной группой лиц, что обусловлено трансграничной природой блокчейна и необходимостью наличия разноплановых компетенций - от программирования до организации каналов обналичивания¹. Не менее актуальной является версия о том, что инцидент представляет собой не изолированное деяние, а один из этапов легализации преступных доходов, подпадающий под признаки статей 174 или 174.1 УК РФ, когда похищенные активы целенаправленно перемещаются через миксеры или серию обменных операций для сокрытия их первоначального источника²³. Кроме того, в зависимости от конкретного способа хищения, выдвигается версия о мошенничестве, квалифицируемом по статье 159 УК РФ, или о специальном составе мошенничества в сфере компьютерной информации, предусмотренном статьей 159.6 УК РФ, что требует тщательного анализа наличия обмана или злоупотребления доверием в действиях виновных лиц⁴.

¹ Теткин Д.В., Пудовкин А.А., Троицкий А.А. Некоторые особенности раскрытия и расследования киберпреступлений в современном мире глобальной цифровизации // Право: история и современность. 2022. Т. 6. № 2. С. 245.

² Васюков В.Ф., Старжинская А.Н. Об оперативно-розыскных и следственных мерах противодействия легализации преступных доходов с использованием криптовалют // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. С. 114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-operativno-rozysknyh-i-sledstvennyh-merah-protivodeystviya-legalizatsii-prestupnyh-dohodov-s-ispolzovaniem-kriptovalyut> (дата обращения: 16.11.2025).

³ Мищенко А.В. Актуальные методы противодействия легализации средств, полученных незаконным путем через криптовалюту // Вестник НИБ. 2024. № 54. С. 136.

⁴ Кравченко А.Е., Сергиенко И.А., Лукки Е.В. Уголовно-правовые аспекты криптовалютных мошенничеств // Epomen.Global. 2025. № 60. С. 48.

Практическая реализация этих версий начинается с комплекса неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Первостепенной задачей является работа с цифровыми носителями информации, принадлежащими потерпевшему, – его компьютером, смартфоном или аппаратным кошельком, поскольку именно на них могут сохраниться следы фишинговых атак, вредоносного программного обеспечения или история переписки с мошенниками¹. Их процессуальная фиксация и изъятие с соблюдением всех требований уголовно-процессуального закона позволяют в дальнейшем провести их полный криминалистический анализ. Параллельно проводится детальный допрос потерпевшего, который должен быть направлен не только на установление обстоятельств утраты активов, но и на получение максимально полной информации о его опыте работы с криптовалютами, источниках, из которых он узнал о проекте, и всех деталях его взаимодействия с интерфейсом протокола. Полученные сведения позволяют точнее определить круг лиц, причастных к преступлению, и механизм совершения деяния. Для решения специфических технических вопросов, таких как анализ вредоносного кода, восстановление истории браузера или идентификация используемого программного обеспечения, практически неизбежным становится назначение судебной компьютерно-технической экспертизы, заключение которой в дальнейшем может стать основным доказательством, раскрывающим технологическую сущность противоправного деяния. Таким образом, скоординированное проведение этих первоначальных действий создает необходимый фундамент для перехода к углубленному этапу расследования, связанному со специализированной работой с данными блокчейна.

3. Методика работы с блокчейн-данными и криптовалютными следами

Специфика расследования преступлений в сфере DeFi выдвигает на первый план методику работы с цифровыми следами, распределенными в блокчейне, которая становится центральным элементом всего процесса доказывания. Неизменяемость и прозрачность распределенного реестра формируют уникальную доказательственную базу, однако для ее эффективного использования следователю необходимо владеть специализированным инструментарием и алгоритмами действий². Первоочередным этапом является применение блокчейн-эксплореров, таких как Etherscan или Blockchain.com, которые позволяют визуализировать движение средств, начиная от кошелька-жертвы и заканчивая конечными адресами злоумышленника. Критически важным является отслеживание всей транзакционной цепочки, а не только первой операции, так как преступники зачастую используют множество промежуточных кошельков для запутывания следов³. Ключевой задачей на этом этапе становится идентификация точек взаимодействия анонимной блокчейн-

¹ Грибунов О.П., Усачев С.И., Усачева Е.А. Криптовалюта и иные виртуальные активы как феномен современной преступности: проблемы раскрытия, расследования и предупреждения // Российский следователь. 2024. № 4. С. 9. ISSN 1812-3783.

² Blockchain and the Law: The Rule of Code / P. De Filippi, A. Wright. Cambridge: Harvard University Press, 2018. 394 p.

³ The 2024 Crypto Crime Report. Chainalysis. 2024. URL: www.chainalysis.com/crypto-crime-report-2024/ (дата обращения: 16.11.2025).

сети с регулируемыми централизованными платформами, такими как криптовалютные биржи, которые в силу законодательства о противодействии отмыванию доходов обязаны проводить верификацию личности своих клиентов. Обнаружение транзакции по выводу средств на такой сервис является переломным моментом расследования, открывающим возможность для установления личности подозреваемого¹.

Особой сложностью отличается анализ смарт-контрактов, которые могут выступать как инструментом, так и объектом преступного посягательства. В случаях мошеннических схем Rug Pull или эксплуатации уязвимостей требуется привлечение специалиста в области блокчейн-разработки и аудита кода для проведения детального исследования. Такой анализ направлен на выявление преднамеренно внедренных скрытых функций, например, механизмов, позволяющих разработчику заблокировать вывод средств или изменить параметры пула ликвидности в одностороннем порядке, а также на установление логических ошибок или уязвимостей, таких как возможность атаки повторного входа, которые были использованы злоумышленником². Результатом данной работы становится экспертное заключение, которое не только описывает технический механизм совершения преступления, но и может указывать на наличие умысла, что имеет фундаментальное значение для квалификации деяния³.

Завершающей фазой методики является организация взаимодействия с криптовалютными биржами и другими поставщиками виртуальных активов для деанонимизации подозреваемых лиц. Данное направление работы сопряжено со значительными процедурными проблемами, прежде всего связанными с проблемой юрисдикций. Многие международные платформы не имеют официального представительства на территории Российской Федерации, что требует направления официального запроса через каналы международной правовой помощи, что является длительной и сложной процедурой⁴. Даже при наличии прямых каналов взаимодействия с иностранной биржей успех запроса зависит от ее внутренней политики и полноты собранных следователем данных, куда в обязательном порядке должны входить хэши транзакций, адреса кошельков и обоснование правовой значимости запроса⁵. Таким образом, эффективная работа с блокчейн-данными представляет собой многоуровневый

¹ Васюков В.Ф., Старжинская А.Н. Об оперативно-розыскных и следственных мерах противодействия легализации преступных доходов с использованием криптовалют // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. С. 112–120.

² Высоцкая А.М. К вопросу о правовой природе смарт-контракта // Вопросы российской юстиции. 2023. № 25. С. 80.

³ Кулина А.И. Смарт-контракты: правовая природа, проблемы применения и регулирование в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2025. № 37. С. 105.

⁴ Сидоренко Э.Л. Правовой статус децентрализованных финансов: к постановке проблемы // Lex Russica. 2023. № 3 (196). С. 100.

⁵ Артемов В.Ю., Бирюков И.И., Горенская Е.В. и др. Уголовно-правовые механизмы противодействия преступлениям в сфере валютного контроля и валютного регулирования: научно-практическое пособие / отв. ред. Д.А. Печегин. М.: Проспект, 2025. 104 с.

процесс, сочетающий самостоятельный анализ с привлечением узкопрофильных специалистов и налаживанием межведомственного и международного взаимодействия, без которого установление личности виновного и возмещение ущерба представляются маловероятными.

4. Тактические особенности проведения отдельных следственных действий

Проведение следственных действий по делам о преступлениях в сфере децентрализованных финансов требует особого тактического подхода, учитывающего как техническую сложность предмета доказывания, так и специфику личности предполагаемого преступника. При проведении допроса подозреваемого, если его личность установлена, основной акцент должен быть сделан на детальном выяснении его профессиональной биографии и цифровых навыков. Необходимо установить уровень его компетенций в области программирования, криптографии и финансовых технологий, опыт участия в разработке смарт-контрактов или управления блокчейн-проектами¹. Целесообразно детально обсуждать технические аспекты функционирования протокола, ставшего объектом посягательства, поскольку незнание ключевых механизмов его работы может свидетельствовать о непричастности, тогда как глубокое понимание, напротив, позволяет выдвинуть обоснованные версии о его роли в инциденте. Параллельно требуется скрупулезно выяснять историю владения и использования конкретных криптографических адресов, выявляя возможное наличие у него seed-фраз или приватных ключей от кошельков, через которые происходило движение похищенных активов². Особое тактическое значение имеет несоответствие показаний с данными, полученными из блокчейна, что позволяет объективизировать процесс доказывания и проверить достоверность предоставленной информации³.

Тактика производства обыска в жилых и рабочих помещениях подозреваемого должна быть адаптирована к поиску специфических видов доказательств, характерных для обращения цифровых активов. Помимо традиционной компьютерной техники и мобильных устройств, подлежат изъятию аппаратные кошельки, которые часто внешне напоминают USB-накопители и могут быть легко скрыты. Критически важным является поиск любых материальных носителей информации, содержащих записи seed-фраз, приватных ключей, паролей от биржевых аккаунтов или менеджеров паролей. Внимание должно быть уделено и бумажным документам, черновикам, блокнотам, где могли быть зафиксированы мнемонические фразы для восстановления доступа к кошелькам. Одновременно с этим подлежат изъятию средства криптографической защиты информации, такие как токены двухфакторной аутентификации, а также любые

¹ Грачева Ю.В., Коробеев А.И., Маликов С.В., Чучаев А.И. Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения // Lex Russica. 2020. № 1 (158). С. 150.

² Грибунов О.П., Усачев С.И., Усачева Е.А. Криптовалюта и иные виртуальные активы как феномен современной преступности: проблемы раскрытия, расследования и предупреждения // Российский следователь. 2024. № 4. С. 10.

³ The 2024 Crypto Crime Report // Chainalysis. 2024. URL: <https://www.chainalysis.com/crypto-crime-report-2024/> (дата обращения: 16.11.2025).

записи, связанные с транзакциями, например, распечатки с данными об операциях или выписками с бирж. Успех обыска во многом зависит от привлечения специалиста в области компьютерной криминалистики, который сможет оперативно идентифицировать и обеспечить сохранность именно тех цифровых артефактов, которые имеют доказательственное значение по делу¹.

В целях проверки и уточнения данных о механизме совершения преступления может быть эффективным производство следственного эксперимента. Его тактика направлена на эмпирическую проверку технической возможности реализации той или иной криминалистической версии. Например, может моделироваться ситуация взаимодействия пользователя с интерфейсом мошеннического DeFi-протокола для установления, какие именно действия и интерфейсные элементы могли ввести потерпевшего в заблуждение. В другом случае, при расследовании атаки на смарт-контракт, эксперимент может воспроизводить условия эксплуатации уязвимости с целью верификации версии о том, что для хищения средств требовались специальные знания и целенаправленные действия, что косвенно подтверждает умысел². Проведение данного действия требует создания условий, максимально приближенных к исходной ситуации, с использованием аналогичного программного обеспечения и, как правило, с обязательным участием специалиста в области блокчейн-технологий, который обеспечит техническую сторону моделирования и даст пояснения по его результатам³. Таким образом, адаптация традиционных следственных действий к расследованию преступлений в сфере DeFi через призму специальных знаний позволяет преодолеть разрыв между абстрактной цифровой природой преступления и необходимостью формирования понятной, последовательной и неопровержимой системы доказательств.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что эффективное расследование преступлений в сфере децентрализованных финансов требует формирования целостной и адаптированной к современным реалиям криминалистической методики. Разработанный алгоритм, систематизирующий действия следователя от выдвижения типовых версий до производства отдельных следственных действий, предоставляет практический инструментарий для преодоления дисбаланса между технологической сложностью DeFi и традиционными подходами к доказыванию. Ключевым выводом является понимание того, что классическая следственная практика, ориентированная на материальные следы и локализованное место происхождения, уступает место междисциплинарной модели, в центре которой находится работа с цифровыми артефактами блокчейна, требующая привлечения узкопрофильных

¹ Теткин Д.В., Пудовкин А.А., Троицкий А.А. Некоторые особенности раскрытия и расследования киберпреступлений в современном мире глобальной цифровизации // Право: история и современность. 2022. Т. 6. № 2. С. 246.

² Высоцкая А.М. К вопросу о правовой природе смарт-контракта // Вопросы российской юстиции. 2023. № 25. С. 82.

³ Кулина А.И. Смарт-контракты: правовая природа, проблемы применения и регулирование в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2025. № 37. С. 107.

специалистов. Криминалистическая характеристика таких преступлений, объединяющая специфические объекты посягательств, технологически опосредованные способы их совершения и особый портрет правонарушителя, выступает тем фундаментом, который позволяет выстраивать логичные и обоснованные версии, а также планировать дальнейший ход расследования¹.

Первоначальный этап расследования, включающий фиксацию исходных данных, выдвижение версий и проведение неотложных следственных действий, приобретает решающее значение, поскольку именно на этой стадии закладывается основа для последующей работы с цифровыми следами. Методика взаимодействия с данными распределенного реестра, предполагающая использование блокчейн-эксплореров, анализ смарт-контрактов и организацию взаимодействия с криптовалютными биржами, доказывает свою эффективность как основной способ деанонимизации субъектов преступления и установления всей цепи противоправных действий. Тактическая модификация таких процессуальных действий, как допрос, обыск и следственный эксперимент, с акцентом на выявление профессиональных ИТ-навыков, изъятие специализированных носителей информации и моделирование алгоритмических процессов, обеспечивает получение доказательств, которые являются не только относимыми и допустимыми, но и понятными для суда.

Таким образом, разрешение проблем расследования в сфере DeFi лежит не в пассивном ожидании законодательных изменений, а в активной адаптации и развитии криминалистического инструментария. Перспективным направлением представляется создание в структурах правоохранительных органов специализированных подразделений, укомплектованных сотрудниками, обладающими комплексными познаниями в области юриспруденции, программирования и финансового анализа².

Не менее важным является формирование стабильных каналов международного сотрудничества и разработка унифицированных протоколов взаимодействия с крупнейшими игроками криптоиндустрии, что позволит преодолеть барьеры, связанные с трансграничным характером данной категории дел³. Дальнейшая научная разработка проблем блокчейн-криминалистики и внедрение ее достижений в практическую деятельность следственных органов будут способствовать не только повышению раскрываемости преступлений, но и созданию устойчивых превентивных механизмов, обеспечивающих защиту прав граждан и стабильность финансовой системы в условиях ее цифровой трансформации⁴.

¹ Долгиева М.М. Противодействие криптопреступности уголовно-правовыми средствами // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2. С. 171–177.

² Грачева Ю.В., Коробеев А.И., Маликов С.В., Чучаев А.И. Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения // Lex Russica. 2020. № 1 (158). С. 155.

³ Артемов В.Ю., Бирюков И.И., Горенская Е.В. и др. Уголовно-правовые механизмы противодействия преступлениям в сфере валютного контроля и валютного регулирования: научно-практическое пособие / отв. ред. Д.А. Печегин. М.: Проспект, 2025. С. 30.

⁴ Максуров А.А. Блокчейн, криптовалюта, майнинг: понятие и правовое регулирование: монография. – 4-е изд. – М.: Дашков и К°, 2023. 211 с.

Цифровые следы при расследовании преступлений террористической и экстремистской направленности

Аннотация. В условиях осложнения геополитической обстановки, противодействие экстремизму и терроризму, как многоаспектной угрозе национальной безопасности, требует эффективного применения криминалистических методов. Статья посвящена анализу цифровых следов, имеющих существенное значение для расследования преступлений террористического и экстремистского характера, в том числе совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Особое внимание уделяется классификации и исследованию различных категорий цифровых следов, таких как электронная переписка, данные операторов связи, сетевая активность и информация, содержащаяся на электронных носителях, рассматриваемых в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: национальная безопасность, цифровые следы, терроризм, экстремизм, информационно-телекоммуникационные сети, противодействие экстремизму и терроризму.

В условиях сложившейся геополитической обстановки экстремизм и терроризм представляют собой многоаспектную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Деструктивное воздействие указанных явлений проявляется в дестабилизации общественно-политической ситуации, посягательстве на конституционный строй государства, разжигании межнациональной и межконфессиональной вражды, а также в совершении насильственных действий, направленных на нарушение общественной безопасности, подавление воли граждан и воспрепятствование деятельности органов государственной власти.

Противодействие преступлениям террористической и экстремистской направленности, представляющим собой угрозу конституционному строю и безопасности государства, выступает в качестве приоритетной задачи в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и защиты гарантированных Конституцией прав и свобод граждан. Эффективная борьба с указанными преступлениями предполагает комплексный подход, включающий как совершенствование законодательства, так и реализацию мер профилактического характера, направленных на устранение причин и условий, способствующих их совершению.

Криминалистика, являясь важнейшим инструментом в сфере противодействия терроризму и экстремизму, обеспечивает непрерывное совершенствование и адаптацию методов обнаружения, анализа и предотвращения преступной деятельности, реализуя широкий спектр задач, от исследования взрывчатых веществ, обнаруженных на месте преступления, до составления

психологических профилей потенциальных субъектов преступлений. Использование следователями-криминалистами современных криминалистических средств и методов, основанных на достижениях науки и техники, является необходимым условием повышения результативности деятельности по расследованию и раскрытию преступлений террористического и экстремистского характера. Внедрение передовых криминалистических технологий обеспечивает возможность получения, фиксации и анализа доказательств, имеющих существенное значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и привлечения виновных лиц к ответственности в соответствии с законом.

В условиях постоянного прогрессирования способов и методов совершения рассматриваемых преступлений, в том числе путем использования информационно-телекоммуникационных технологий, обостряется необходимость в более эффективном обнаружении, фиксации и исследовании цифровых следов. Этим, в частности, занимается криминалистическая наука, обеспечивая возможность установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ, с целью привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

В связи с этим необходимо определить понятие «цифровых следов», под которыми, согласно определению кандидата юридических наук С.Ю. Скобелина, понимается «любая компьютерная информация, обладающая криминалистической значимостью, независимо от формы ее представления, способов хранения, обработки и передачи»¹. Данное определение подчеркивает широкий спектр данных, относящихся к цифровым следам, и их потенциальную роль в установлении обстоятельств, имеющих значение для расследования и разрешения юридически значимых ситуаций.

Однако отметим, что в научной доктрине отсутствует единый подход к определению правовой природы цифровых следов, что обусловлено их специфическим характером. В частности, ряд авторов, включая В.Б. Волхова, В.В. Крылова и А.Н. Колычеву, придерживаются позиции отнесения цифровых следов к категории невидимых материальных следов, акцентируя внимание на «...опосредованном восприятии информации, содержащейся на материальном носителе, посредством технических средств и органов чувств»². Подобный подход предполагает, что цифровая информация, подвергнутая преобразованию, сохраняет связь с материальным объектом, на котором она зафиксирована, что, безусловно, имеет значение для установления ее допустимости и достоверности в качестве доказательства

Альтернативная точка зрения, представленная Р.А. Дерюгиным и А.А. Жижелевой, постулирует отнесение цифровых следов в категорию самостоятельного вида доказательств, обособленного от традиционных категорий. Согласно данной позиции, цифровая запись представляет собой

¹ Багмет А.М., Бычков В.В., Скобелин С.Ю., Ильин Н.Н. Цифровые следы преступлений: монография. М.: Проспект, 2021. 168 с.

² Колычева А.Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет: автореф. канд. юрид. наук: 12.00.12. Москва. 2019. С. 25.

«последовательность числовых данных, отражающих параметры математической модели», обуславливая специфические требования к процессу ее получения, исследования и оценки¹.

С учетом активного применения информационно-телекоммуникационных сетей и электронных устройств субъектами, совершающими деяния террористического и экстремистского характера, для распространения радикальных идеологий, вербовки рекрутов, финансового обеспечения противоправной деятельности, а также организации и координации преступлений, предусмотренных главой 24 Уголовного кодекса Российской Федерации, электронная информация, содержащаяся в цифровых следах, приобретает повышенную значимость. Эта информация является существенной для полного, всестороннего и объективного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках уголовного судопроизводства.

Электронные данные, полученные в результате исследования цифровых следов, обладают высокой доказательственной ценностью и могут быть использованы для идентификации субъектов, совершивших уголовно наказуемые деяния, установления их целеполагания и мотивации, а также для формирования совокупности доказательств, подтверждающих или опровергающих их виновность. Более того, эти данные способствуют выявлению очевидцев преступления и локализации мест сокрытия предметов, имеющих значение для дела, таких как орудия преступления, предметы и документы.

Рассмотрим различные категории цифровых следов, которые могут быть использованы для расследования таких преступлений. В данном случае подлежат исследованию различные виды цифровых следов, в качестве которых, в частности, могут выступать электронные почтовые ящики, содержащие переписку о финансовых операциях, направленных на поддержку террористической деятельности; базы данных операторов мобильной связи, содержащие сведения о соединениях абонентов, подозреваемых в совершении преступлений, связанных с финансированием терроризма; данные о сетевой активности в локальных вычислительных сетях, используемых для планирования и подготовки террористических актов; информация, содержащаяся на жестких дисках компьютерной техники, отражающая действия пользователей².

Следует подчеркнуть, что информация о финансовых операциях, банковских счетах и идентификационных данных субъектов электронных платежных систем, являющаяся компонентом цифровых следов, также может быть признана допустимым доказательством в уголовном судопроизводстве. Данные сведения могут быть использованы для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, таких как финансовые потоки, источники средств, личность

¹ Дерюгин Р.А., Жижелева А.А. Технологии XXI века в юриспруденции Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 40–46.

² Абрамова А.А. Значение виртуальных следов в расследовании финансирования терроризма // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 4. С.85–87.

отправителей и получателей, что существенно для расследования экономических преступлений, финансирования терроризма и других противоправных деяний.

Примером тому служат уголовные дела о содействии террористической деятельности, возбужденные в отношении граждан, осуществлявших целенаправленное финансирование Вооруженных сил Украины. Так, в Новокузнецке сотрудники ФСБ задержали местного жителя за перевод личных средств на покупку снаряжения для ВСУ. В указанном случае электронные чеки, подтверждающие осуществление денежных переводов и иных финансовых операций, были признаны допустимыми и относимыми доказательствами, подтверждающими вину обвиняемого¹.

Кроме того, в условиях современного развития информационных технологий, публикации, личные сообщения и участие в сообществах в социальных сетях приобретают все более выраженное значение в качестве цифровых следов, обладающих доказательственной ценностью. Эти данные активно используются в процессе уголовного преследования по делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности для установления причастности субъектов, выявления их мотивов, целей и соучастников.

Одним из таких примеров являются материалы переписки между лицом, которому инкриминируется совершение террористического акта в «Крокус Сити Холле», и предполагаемым координатором его действий. В данной электронной коммуникации установлено указание на совершение террористического акта в торгово-развлекательном комплексе Vegas за определенное финансовое вознаграждение, что является существенным элементом доказывания причастности и мотивации субъектов преступления².

Более того, сетевая активность, осуществляемая на различных интернет-платформах, в социальных сетях, группах и сообществах, также может квалифицироваться как цифровое доказательство. В качестве примера значимости цифровых следов в доказывании можно привести трагические события, имевшие место 17 октября 2018 года в Керченском политехническом колледже. В рамках предварительного следствия было установлено, что субъект, совершивший общественно опасное деяние, осуществлял систематическое посещение интернет-сообществ, распространяющих идеологию колумбайна, а также публиковал соответствующие материалы в социальных сетях. Указанные факты были процессуально зафиксированы и учтены в качестве обстоятельств, имеющих значение для установления мотивов и умысла действий обвиняемого, формируя существенную часть доказательственной базы по уголовному делу³.

В ходе расследования уголовных дел, связанных с преступлениями террористического и экстремистского характера, выявление цифровых следов требует проведения комплекса оперативно-разыскных мероприятий и

¹ Жителя Новокузнецка арестовали по делу о финансировании ВСУ // РБК: новостной портал.

² Опубликована переписка террориста из «Крокуса» с куратором из ИГИЛ // Российское новостное издание Lenta.ru.

³ Что толкнуло студента колледжа в Керчи на массовое убийство: четыре версии трагедии // Федеральное новостное издание «Комсомольская правда».

следственных действий, направленных на систематический мониторинг информационно-телекоммуникационной сети, включая интернет-пространство.

Для повышения эффективности процесса обнаружения, извлечения и последующего анализа цифровых следов, обладающих доказательственным значением в рамках расследования уголовных дел о преступлениях экстремистской и террористической направленности, активно используются специализированные программные комплексы. В частности, система «ЛКС Аналитика» обеспечивает целенаправленную фильтрацию и выявление материалов экстремистского характера, размещенных на интернет-ресурсах, что способствует оперативному реагированию на противоправный контент. При этом «Виток-OSINT» применяется для осуществления систематизированного сбора, комплексного анализа и фильтрации информации из общедоступных источников, что позволяет формировать полноценную базу данных для процессуального использования.

В целях проведения оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, направленных на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам, используется программный комплекс «Охотник», позволяющий проводить расследования на основе анализа открытых данных, включая сведения, размещенные в социальных сетях. Интеллектуальная система «Окулус» осуществляет мониторинг информационного пространства и выявляет противоправный контент, включая материалы экстремистского характера и призывы к осуществлению террористической деятельности, представленные в различных форматах данных¹. Применение данных программно-аппаратных средств способствует повышению эффективности оперативно-разыскных мероприятий и сбору доказательственной базы.

В условиях динамичного развития информационных технологий и усложнения, как следствие, процесса раскрытия и расследования преступлений террористической и экстремистской направленности, возникает настоятельная необходимость в перманентном совершенствовании методологической базы и специальных познаний, применяемых при расследовании данной категории уголовных дел. Это обусловлено ключевой ролью цифровых следов в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, и, в конечном счете, в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации.

Цифровые следы в силу своих специфических свойств и характеристик предоставляют уникальные возможности для оперативной идентификации источников потенциальных угроз, что способствует формированию более защищенной и безопасной информационной среды. Их анализ позволяет не только своевременно выявлять, но и обеспечивать адекватное реагирование на возникающие риски, связанные с киберпреступностью, включая несанкционированный доступ к охраняемой законом информации, что имеет критическое значение для пресечения противоправных деяний.

¹ Ок В.Г. Особенности использования сети Интернет в расследовании преступлений экстремистской направленности // Молодой ученый. 2024. № 24 (523). С. 388–391.

В заключение необходимо акцентировать внимание на том, что информационно-телекоммуникационная сеть является обширным источником криминалистически значимой информации, играющей существенную роль в доказывании обстоятельств совершения преступлений террористической и экстремистской направленности. Первостепенное значение для целей уголовного судопроизводства имеет неукоснительное соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства при осуществлении следственных действий, направленных на обнаружение, изъятие, исследование, осмотр и приобщение к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств информации, полученной из сети Интернет. Несоблюдение установленного порядка проведения указанных процессуальных действий влечет признание полученных доказательств недопустимыми, что, соответственно, может негативно сказаться на исходе дела.

Д.А.Чигирова¹

Научный руководитель: Ю.Н. Михайлова²

^{1,2} Саратовская государственная юридическая академия

Перспективы развития метода дистанционного зондирования Земли при расследовании преступлений

Аннотация. В статье рассматривается использование данных дистанционного зондирования Земли, получаемых с помощью спутников и аэрофотосъемки, в качестве ключевого инструмента, обеспечивающего своевременное и качественное расследование преступлений. Активное внедрение данного метода, а также допустимость данных, полученных при помощи него, и возможность их использования в качестве доказательств обосновывается на примере ряда успешно раскрытых уголовных дел.

Исследуются перспективы интеграции метода дистанционного зондирования с другими технико-криминалистическими средствами и методами, такими как тепловизионная съемка, осуществляемая с помощью беспилотных летательных аппаратов. Автор подчеркивает, что широкое применение такого метода требует комплексного подхода, и предлагает некоторые пути решения данного вопроса.

Ключевые слова: дистанционное зондирование Земли (ДЗЗ), Следственный комитет РФ (СК РФ), криминалистика, расследование преступлений, доказательства, тепловизионная съемка, беспилотные летательные аппараты (БПЛА), криминалистическая техника, оперативно-следственные мероприятия, правовое регулирование, следственные действия (расположить в алфавитном порядке).

Одной из основных задач Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ) является оперативное и качественное расследование преступлений¹. Реализация же в полной мере данной задачи на современном

¹ Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «О Следственном комитете Российской Федерации».

этапе невозможна без внедрения передовых технологий, способствующих разработке новейших методик при проведении оперативно-следственных мероприятий. Интеграция достижений научно-технического прогресса в работу СК РФ вытекает из Положения о Следственном комитете Российской Федерации, утвержденном Указом Президента РФ от 14.01.2011 № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации», согласно которому в полномочия СК РФ входит обеспечение внедрения в деятельность Следственного комитета достижений науки, техники и положительного опыта¹.

В настоящее время Криминалистический центр Главного управления криминалистики СК РФ активно внедряет в практику расследования преступлений данные дистанционного зондирования Земли (далее- ДЗЗ). В свою очередь, метод расследования преступлений с использованием данных ДЗЗ продолжает развиваться, о чем свидетельствует множество успешно раскрытых дел, по целому ряду которых такие данные легли в основу приговоров.

ДЗЗ представляет собой передовую технологическую систему, основанную на применении спутников, аэрофотосъемки и других методов дистанционного наблюдения для получения данных о земной поверхности на значительном расстоянии. Технология позволяет получать изображения конкретного участка местности и данные о его различных характеристиках, включая динамику в ландшафте, объектах, расположенных на нем и т. д.

На сегодняшний день между СК РФ и Научным центром оперативного мониторинга Земли (далее – НЦ ОМЗ) заключено соглашение о сотрудничестве. Данное соглашение обеспечивает интеграцию и синхронизацию актуальных данных, поступающих из НЦ ОМЗ, в Главное управление криминалистики СК РФ². Такое взаимодействие между правоохранительными органами и научно-исследовательскими учреждениями помогает достижению не только одной из целей космической деятельности, которая предусмотрена Законом «О космической деятельности», а именно, содействие укреплению обороны и обеспечению безопасности Российской Федерации³, но и выполнению задач предварительного расследования, таких как, всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела, обнаружение и процессуальное закрепление доказательств для их дальнейшего использования в процессе судебного разбирательства и т.д.⁴.

Так, в Ленинградском районном суде г. Калининграда (Калининградская область) было рассмотрено дело, по которому ФИО2 обвинялся в приобретении права собственности на земельные участки путем предоставления заведомо подложных документов, свидетельствующих о наличии на земельном участке

¹ Указ Президента РФ от 14.01.2011 № 38 (ред. от 25.02.2025) «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» (вместе с Положением о Следственном комитете Российской Федерации).

² Бастрыкин А.И. Лекция: «Цифровые технологии современной криминалистики» // Юридическая мысль. 2020. № 3 (119). С. 161–186.

³ Закон РФ «О космической деятельности» от 20.08.1993 № 5663-1 (последняя редакция).

⁴ Уголовный процесс: учебник для вузов / Н.С. Манова [и др.]; под редакцией Н.С. Мановой. М.: Издательство Юрайт, 2025. 673 с.

объектов капитального строительства, при их фактическом отсутствии на данной территории. Подсудимый ФИО2 в судебном заседании вины не признал, однако виновность лица подтверждалась совокупностью доказательств, среди которых показания оперуполномоченного УФСБ, согласно которым с целью проверки указанной информации и документирования противоправной деятельности ФИО2 проведен ряд оперативно-розыскных мероприятий, в том числе: 28 ноября 2018 года из НИИ-1 11 Центра ФСБ России получены сведения дистанционного зондирования Земли, свидетельствующие о том, что в период с 8 февраля 2016 года по 30 августа 2017 года на территории указанных земельных участках отсутствовали объекты капитального строительства – жилые дома. Суд признал ФИО2 виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ¹.

Одной из форм деятельности, которая проявляется в психологических особенностях обыска, является работа следователя по поиску и обнаружению объектов, имеющих значение для дела. Обобщение практики производства обысков позволило выработать определенные тактические приемы применительно к обыскам, проводимым в помещениях, на открытой местности, при поиске живых лиц, трупов и т. д. Например, при производстве обыска на открытой местности в целях обнаружения искомых объектов традиционно используют как визуальное наблюдение, так и приборы (металлоискатель, трупоискатель, щуп) ². В последние годы в практической деятельности следователя (дознателя) при производстве обыска нашли широкое применение более современные технологии и методы поиска, включая ДЗЗ.

Интеграция различных технико-криминалистических средств и методов, применяемых при собирании вещественных доказательств, в условиях постоянно- развивающихся технологий, позволит значительно оптимизировать процесс сбора и анализа доказательственной базы. На сегодняшний день уже существуют технологии, объединяющие в себе несколько отдельных методов.

Так, на сайте компании СОВЗОНД (далее-компания) (ведущий российский интегратор в области геоинформационных технологий и аэрокосмического мониторинга) представлены тепловизионные камеры, устанавливаемые на беспилотные летательные аппараты (БПЛА). Оснащение тепловизорами позволяет обнаружить тепло, исходящее почти от всех объектов и материалов, превращая их в изображения и видео. Источниками тепловыделения могут являться живые объекты, строения, машины, самолеты, электрооборудование, жидкости, газы и т.д. Преимуществом применения тепловизионной съемки является то, что она позволяет получить изображения в различных погодных условиях. Чем выше класс тепловизора, тем больше дальность его действия. Как отмечает пресс- центр компании, современные тепловизионные камеры

¹См. Приговор № 1-500/2022 1-61/2023 от 24 июля 2023 г. по делу № 1-500/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GjRF7JpPeFUx/> (дата обращения: 23.05.2025).

² Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: Учебник для вузов. Под ред. Р.С. Белкина. М.: Издательство НОРМА, 2000. 606 с.

достаточно просты в использовании¹. Данная интеграция методов и средств обнаружения таких как, тепловизор и ДЗЗ, основанного на применении аэрофотосъемки, может оказать содействие в повышении эффективности следственных действий, например, при производстве обыска на открытой местности.

Применение ДЗЗ может быть использовано при расследовании преступлений нацистов, совершенных в годы Великой Отечественной войны. Созданное в соответствии с распоряжением Председателя СК РФ А. И. Бастрыкина поисковое движение² в рамках важнейшей поисково- архивной и патриотической работы выявляет и документируют объекты, имеющие историческую и культурную ценность. В отдельных случаях такие находки поисковиков становятся предметом предварительного следствия по фактам преступных действий нацистов. Примером является возбужденное СК РФ уголовное дело по факту геноцида в период Великой Отечественной войны в отношении более 500 пациенток Лотошинской областной психиатрической больницы. Основанием для возбуждения дела послужили результаты поисковых работ, в рамках которых и было обнаружено массовое захоронение пациенток, подвергшихся жестоким пыткам со стороны немецко- фашистских захватчиков в 1941 году³. В данном случае, эффективность тепловизионной съемки обусловлена ее способностью выявлять температурные изменения почвы, вызванные процессом разложения органических тканей, или же нахождением в ней других источников тепловыделения. Данные различия температурных показателей могут способствовать более оперативному определению местоположения объектов, имеющих значение для расследования.

Стоит отметить, что в ряде научных исследований демонстрируется успешное применение съемки с БПЛА и последующей автоматизированной обработки полученных материалов, а в некоторых случаях отмечается их огромное превосходство над другими методами ДЗЗ⁴. Так, например, применение БПЛА возможно при анализе механизма дорожно-транспортного происшествия. С помощью экспертного исследования были наглядно проиллюстрированы

¹ См.: 10 тепловизоров для дронов и как работает тепловизионная съемка – Совзонд. URL: <https://sovzond.ru/press-center/articles/bpla/5652/> (дата обращения: 24.05.2025).

² См.: В Следственном комитете создано поисковое движение. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1540738/> (дата обращения: 24. 05. 2025).

³ См.: Возбуждено уголовное дело о геноциде в годы Великой Отечественной войны на территории Московской области. URL: <https://poiskovikimo.ru/vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo-o-genocside-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-na-territorii-moskovskoj-oblasti/> (дата обращения: 24.05.2025).

⁴ Недобитков А.И., Охотенко А.И. Фиксация обстановки места дорожно-транспортного происшествия с помощью беспилотного летательного аппарата // Международный научный конгресс «Интерэкспо ГЕО-Сибирь 2020». Сборник материалов IV национальной научно-практической конференции с международным участием. 2020. <http://nir.sgugit.ru/wp-content/uploads/2020/11/Nedobitkov-Ohotenko-FIKSATSIYA-OBSTANOVKI-MESTA-DOROZHNO-TRANSPORTNOGO-PROISSHESTVIYA.pdf>

возможности съемки с помощью беспилотного летательного аппарата и метода трехмерного компьютерного моделирования при осмотре места ДТП и его реконструкции. Известно, что на первом этапе осмотра фиксация объектов осуществляется непосредственно на проезжей части дороги, следовательно, избежать блокирование транспортного потока будет невозможно. Применение БПЛА значительно сокращает время, затрачиваемое на осуществление различных измерений, среднее значение которых составляет от 12 до 26. В частности, на производство такого количества уходит около 24-40 минут, в то время как при использовании съемки с БПЛА время может быть сокращено до 5 минут, соответственно продолжительность заторов на улично-дорожной сети также уменьшается. Отмечается, что при отсутствии конкретных значений соответствующих параметров невозможно применение специально разработанной методики, однако использование беспилотных летательных аппаратов наряду с программными комплексами для обработки информации позволяют определять параметры движения участников дорожно-транспортных происшествий¹.

Необходимо подчеркнуть, что интеграция ДЗЗ с другими методами расследования преступлений достаточно трудоемкий процесс, требующий соответствующего правового регулирования данной сферы. В настоящее время, правовая база, регламентирующая данную сферу, включает в себя Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» и Приказ Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» от 3 декабря 2024 г. № 411 «Об установлении порядка предоставления данных дистанционного зондирования Земли из космоса». Данные нормативно-правовые акты содержат в себе положения общего характера, а именно порядок подачи заявления, необходимого для предоставления данных, срок исполнения, а также порядок взимания платы. Для повышения эффективности правового регулирования в рамках данного вопроса представляется целесообразным разработка и принятие специального нормативного акта, имеющие ведомственный или федеральный статус. Данный документ включал бы в себя детальные требования, предъявляемые к метаданным снимков, закреплял бы обязательное участие специалиста при осмотре и анализе данных ДЗЗ, обеспечивая тем самым их достоверность и допустимость в качестве судебных доказательств.

Применение технологий ДЗЗ требуют соответствующих знаний и умений от лиц его использующих, что обуславливает необходимость соответствующего систематического обучения сотрудников правоохранительных органов. Немалое значение имеет эффективное сотрудничество органов с научными учреждениями, которое будет способствовать разработке инновационных методов и технологий не только в сфере ДЗЗ, но и в общей системе расследования преступлений. Такое взаимодействие обеспечит более детальный

¹ Недобитков А.И., Охотенко А.И. Использование Agisoft PhotoScan и беспилотного летательного аппарата в целях установления обстоятельств дорожно-транспортных происшествий // Вестник КазГЮИУ. 2020. Т. 45, № 1. С. 130–134.

и всесторонний анализ криминалистически значимой информации, следовательно, повысит результативность правоохранительной деятельности.

Таким образом, технологии дистанционного зондирования Земли, вне зависимости от метода наблюдения, обладают значительным потенциалом для своего дальнейшего развития и внедрения в практику правоохранительных органов. Их применение способствует повышению эффективности и оптимизации работы органов правоохранительной деятельности. Однако успешная реализация его потенциала в то же время требует и комплексного подхода, в том числе и его интеграцию с другими методами и средствами расследования. Все это позволит существенно повысить уровень процесса формирования доказательственной базы.

С.Р. Юхно¹

Научный руководитель: **А.С. Усенко²**

Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина

Особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта

Аннотация. Статья посвящена анализу стремительного роста киберпреступности в России, предусмотренной гл. 28 УК РФ, по данным за 2010–2023 годы. Обосновывается необходимость совершенствования методик расследования, включая применение специальных знаний на месте происшествия, комплексные экспертизы и оперативно-розыскные мероприятия. Особое внимание уделяется роли искусственного интеллекта, как для автоматизации расследования, так и в качестве нового инструмента преступной деятельности, а также сопутствующим этическим и правовым вызовам.

Ключевые слова: киберпреступность, компьютерная информация, расследование преступлений, цифровые следы.

Введение. С развитием научно-технического прогресса и внедрением в правовые отношения средств цифровизации наблюдается и интенсификация способов совершения преступлений. Так, на сегодняшний день одним из распространенных и в то же время опасных способов совершения преступлений в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти и военной службы является использование информационно-телекоммуникационных технологий. В результате проведенного анализа статистики преступлений по делам, предусмотренным гл. 28 УК РФ за 2010–2023 гг. усматривается рост преступлений в сфере компьютерной информации. Если в период с 2010 по 2018 гг. наблюдается относительно стабильное и умеренное колебание показателей зарегистрированных преступлений, то, начиная с 2019 г. наблюдается резкая тенденция к увеличению в 2,5 раза в 2019 г. (по отношению к 2018 г.) и в 5,5 раз в 2023 г. (по отношению к 2022 г.). Используя формулу линейного тренда ($y = 1202,9x - 2147,6$) можно спрогнозировать, что к концу 2025 г. общее количество

зарегистрированных преступлений, предусмотренных гл. 28 УК РФ составит 36 тыс. преступлений, а к 2026 г. – 38 тыс. (см. таб.)¹.

Следует учитывать, что официальные данные отражают исключительно зарегистрированные правонарушения. В связи с латентным характером данной категории преступлений и низкой степенью обращаемости потерпевших в компетентные органы, реальные масштабы явления предположительно существенно превышают отражённые в статистике показатели.

Основная часть. В научном дискурсе киберпреступность интерпретируется как форма общественно опасной деятельности, реализуемой посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей, в частности глобальной сети Интернет. Мотивационная структура данных деяний отличается гетерогенностью, что детерминирует и вариативность их целевой направленности. Арсенал используемых способов совершения подобных противоправных актов также широко диверсифицирован и может быть нацелен как на отдельных индивидов (пользователей), так и на распределенные сетевые инфраструктуры в целом².

На основании анализа статистических данных, предоставленных Управлением Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Центральному

¹ Данные из формы 1-ЕГС (за 2010, 2011, 2012, 2013, 2015, 2016, 2017, 2018, 2020, 2021, 2022, 2023 годы) Материал подготовлен старшим научным сотрудником отдела правовой статистики и информационного обеспечения прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации Н.В. Колесниковой и научным сотрудником отдела М.В. Романовой.

² Грицаев С.И. Использование информационных технологий для выявления преступлений // Теоретические и практические проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики на современном этапе их развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 24 апреля 2024 года. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2024. С. 33–37.

федеральному округу, можно выделить наиболее репрезентативные виды киберпреступлений, совершаемых с применением технологий искусственного интеллекта (далее по тексту – ИИ). К их числу относятся: проведение целенаправленных кибератак, мошеннические действия, противоправные завладение чужим имуществом (кражи), деяния в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и сильнодействующих веществ, вымогательство, а также незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов. Эмпирические данные свидетельствуют, что основными инструментальными средствами реализации данных противоправных деяний выступают: эксплуатация ресурсов сети Интернет и платформ социальных сетей, использование средств мобильной связи, расчетных (пластиковых) карт, а также специализированной компьютерной техники.

Кибератаки, реализуемые с применением технологий нейронных сетей, обладают повышенной опасностью и операционной эффективностью по сравнению с традиционными. Это обусловлено значительными сложностями в их своевременной детекции и, как следствие, в оперативном принятии ответных мер. Высокий уровень общественной опасности данной категории ИТ-преступлений связан с тем, что в качестве ключевого объекта посягательств зачастую выступают информационные ресурсы и критическая инфраструктура государства¹.

Использование технологий искусственного интеллекта в сфере незаконного оборота наркотических средств характеризуется внедрением комплексных цифровых решений, направленных на оптимизацию преступной деятельности и минимизацию рисков идентификации.

Автоматизация операционной деятельности. Реализуется посредством развертывания чат-ботов, которые выполняют функции по поиску и вербовке соучастников, взаимодействию с контрагентами (поставщиками и потребителями), а также проведению анонимных транзакций с использованием криптовалют. Данный подход создает существенные препятствия для финансового мониторинга, затрудняя установление происхождения и конечного бенефициара денежных потоков. Криптография коммуникационных каналов.

Применение алгоритмов ИИ позволяет генерировать сложные методы шифрования и создавать засекреченные сообщения, резистентные к стандартным методам перехвата и дешифровки со стороны правоохранительных органов. Обход систем безопасности.

Интеллектуальные алгоритмы используются для идентификации и эксплуатации уязвимостей в ИТ-инфраструктурах, что позволяет преступным элементам осуществлять торговлю наркотиками, сохраняя анонимность, в том числе в условиях трансграничной юрисдикции, тем самым преодолевая территориальные ограничения для правоохранительной деятельности.

¹ Фролов А.Н., Волков А.Н. Актуальные вопросы использования специальных знаний при расследовании преступлений // Вестник экономики и права. 2025. № 106. С. 101–111.

Помимо указанного, технология нейронных сетей применяется для генерации синтезированных интимных изображений (дипфейков) на основе публичных фотографий, заимствованных из социальных сетей. Данный метод активно эксплуатируется злоумышленниками в целях шантажа, причем объектами посягательств нередко становятся несовершеннолетние. Таким образом, организаторы противоправной деятельности осуществляют изготовление и распространение порнографических материалов с применением технологий искусственного интеллекта. Кроме того, указанные действия зачастую сопряжены с целенаправленным психологическим воздействием на жертв, включая лиц несовершеннолетнего возраста, с умыслом, направленным на доведение до самоубийства. Эмпирическим подтверждением высокой степени общественной опасности данных деяний служат резонансные случаи, связанные с распространением интимных изображений несовершеннолетних, повлекшие за собой суицидальные последствия. В этой связи представляется научно и практически обоснованной разработка и имплементация в уголовное законодательство специального состава преступления, криминализирующего использование дипфейковых технологий в противоправных целях.

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в структуре киберпреступности доминируют следующие составы: неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), а также мошенничество в сфере электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). Параллельно наблюдается тревожная тенденция эксплуатации технологий искусственного интеллекта в противоправных целях. В частности, инструменты ИИ активно задействуются в глобальной сети Интернет для автоматизированного поиска, анализа пользовательских данных и целенаправленной вербовки граждан с последующим вовлечением их в подготовку и совершение актов терроризма и насильственных действий экстремистской направленности.

Согласно данным официальной статистики, предоставляемой Генеральной прокуратурой Российской Федерации, латентное поле киберпреступности характеризуется доминацией ряда ключевых составов. В их число входят: противоправное получение доступа к компьютерной информации, охраняемой законом (ст. 272 УК РФ); разработка, эксплуатация и распространение вредоносного программного обеспечения для ЭВМ (ст. 273 УК РФ); а также мошеннические действия, сопряженные с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). При этом фиксируется устойчивая негативная динамика, связанная с операционализацией технологий искусственного интеллекта в противоправной деятельности. В данном контексте инструментарий ИИ применяется в сегменте глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет для реализации таких задач, как автоматизированный скрининг цифрового следа пользователей, их последующая таргетированная вербовка и вовлечение в деятельность, связанную с подготовкой и осуществлением актов террористического характера, а также иных действий, отнесенных к проявлениям насильственного экстремизма.

Киберпреступность как криминальный феномен обладает качественной спецификой, отличающей ее от традиционных форм преступности, что выражается в повышенной латентности и комплексности ее гносеологического осмысления. Ключевым детерминирующим фактором данной специфики выступает императив высочайшей технологической компетентности всех акторов — от правонарушителей до представителей органов правопорядка, — что трансформирует их противостояние в перманентное соревнование цифровых компетенций¹.

Предлагаемая модель профессиональной компетенции предполагает формирование у субъектов противодействия киберпреступности системного понимания архитектуры программного обеспечения, фундаментальных принципов построения систем кибербезопасности, а также практического владения инструментарием как для анализа вредоносных программных комплексов, так и для нейтрализации специализированных технических средств, используемых в противоправных целях. Достижение операционной эффективности в области предупреждения и расследования киберинцидентов детерминирует императив всестороннего овладения правоохранными структурами и научно-исследовательским сообществом указанным комплексом междисциплинарных знаний и прикладных компетенций.

Проведенный анализ массива судебной практики (30 приговоров) по делам, квалифицированным по статьям 272, 273, 274.1 и 274.2 УК РФ, свидетельствует о тенденции к высокой степени профессиональной подготовки субъектов данной категории преступлений. Эмпирические данные подтверждают, что указанные лица обладают компетенциями, соответствующими экспертному уровню, в сфере программирования, а также в области распространения и эксплуатации специализированного программного обеспечения. Помимо этого, установлена их способность к осуществлению несанкционированного удаленного доступа к информационным системам и сетям, защищенным специальными средствами безопасности.

Проведенный анализ эмпирических данных позволяет выявить устойчивые социально-демографические и профессиональные характеристики типичного субъекта преступлений в сфере компьютерной информации. Статистические данные свидетельствуют, что в 74% случаев деяния были совершены лицами, обладающими высшим или средним специальным образованием в области технических или математических наук. Гендерное распределение демонстрирует значительное доминирование мужчин, на которых приходится 72% от общего числа правонарушителей. Возрастной профиль показывает, что наиболее криминально активной является группа от 16 до 35 лет (82% случаев), однако фиксируется также противоправная активность лиц старшей возрастной категории от 35 до 55 лет (18%). Важной деталью является установленная связь между местом работы злоумышленника и объектом посягательства. В 68%

¹ Гаджиева А. Г., Кузякин Ю. П. Цифровые активы и их роль в незаконных банковских операциях: вызовы для валютного контроля // Вестник экономики и права. 2025. № 100. С. 80–85.

случаев установлено, что преступник осуществлял трудовую деятельность в той самой организации, в отношении которой впоследствии были совершены неправомерные действия по уничтожению, блокированию, модификации либо копированию компьютерной информации.

Проведенный анализ судебной практики позволяет криминалистически классифицировать типичные способы совершения преступлений в сфере компьютерной информации, которые структурируются следующим образом: Неправомерный доступ к информации (совокупно 90 % случаев): Доступ с использованием легитимных учетных данных (логина и пароля), находящихся у преступника (42 %). Преодоление систем защиты путем подбора учетных данных или эксплуатации уязвимостей с применением специализированного программного обеспечения (48 %). Внедрение вредоносного ПО для извлечения материальной выгоды (23 % случаев). Пример: Модификация программного обеспечения автозаправочных станций с целью хищения денежных средств посредством функции "недолива" топлива. Противоправные манипуляции с данными в автоматизированных системах (совокупно 6,66 % случаев): Неправомерное внесение персональных данных (например, паспортных) оператором критической информационной инфраструктуры без согласия субъекта данных (3,33 %). Ввод в систему заведомо фиктивных (сфальсифицированных) сведений (3,33 %).

На оперативно-следственном этапе расследования киберпреступлений требуется реализация комплекса взаимосвязанных процессуальных действий, направленных на фиксацию, изъятие и исследование цифровых следов. Ключевыми мероприятиями данной стадии являются: Осмотр места происшествия с одновременной фиксацией состояния аппаратно-программных комплексов. Обыск и выемка электронных носителей информации, технической документации и средств криптографической защиты. Допрос подозреваемых лиц с использованием специальных познаний в области информационных технологий. Назначение судебной информационно-компьютерной экспертизы для установления: способа несанкционированного доступа механизма внедрения вредоносного ПО алгоритмов работы преступного инструментария

В целях обеспечения процессуальной эффективности при производстве следственных действий, связанных с осмотром места происшествия и обыском, представляется необходимым обязательное привлечение специалиста в области компьютерной криминалистики. Его компетенция должна охватывать экспертный уровень познаний в сфере информационных технологий, архитектуры программного обеспечения и методов анализа цифровых следов. В рамках уголовного преследования особый акцент должен быть сделан на корректном процессуальном изъятии электронных носителей информации, потенциально использовавшихся для реализации противоправных деяний. Криминалистически значимыми являются не только конечные пользовательские устройства (персональные компьютеры, смартфоны), но и периферийное сетевое оборудование, средства криптографической защиты информации, а также облачные сервисы, доступ к которым подлежит документальной фиксации.

Проведение следственных действий, связанных с осмотром места происшествия и обыском в сфере киберпреступлений, требует обязательного привлечения специалиста в области компьютерной криминалистики. Квалификация данного специалиста должна включать экспертный уровень познаний в области информационной безопасности, архитектуры программного обеспечения и методов анализа цифровых следов. Особое процессуальное значение приобретает корректное изъятие и документирование электронных носителей информации, потенциально использовавшихся для совершения противоправных деяний. К числу криминалистически значимых объектов относятся не только пользовательские устройства (персональные компьютеры, мобильные устройства), но и периферийное сетевое оборудование, средства криптографической защиты информации, а также данные, размещенные в облачных сервисах, доступ к которым требует специальной процедуры фиксации.

Потенциал искусственного интеллекта, будучи обращенным в противоправное русло, трансформирует его в инструмент повышенной опасности для совершения преступных посягательств. Объектами таких посягательств могут выступать как частные лица и юридические организации (включая их активы и имущество), так и государственные институты в целом. Киберпреступления, совершаемые с применением технологий ИИ, обладают исключительно высоким уровнем общественной опасности. Это обусловлено способностью данных технологий к многократному увеличению масштабности атак и тяжести причиняемого ущерба. Ключевыми факторами эскалации рисков выступают: автономное преодоление систем кибербезопасности, высокоточная симуляция деятельности легитимных организаций и способность нейронных сетей к адаптации в условиях динамично изменяющейся операционной обстановки.

Дистанционный характер совершения киберпреступлений, в совокупности с легальными и нелегальными каналами подключения к сети Интернет, создает значительные сложности для правоохранительной системы. Использование злоумышленниками алгоритмов искусственного интеллекта для маскировки цифровых следов и точек доступа дополнительно усугубляет проблему, существенно затрудняя процессы идентификации, расследования и установления причастных лиц. В контексте роста уровня киберпреступности, в МВД РФ акцентируется, что ключевым элементом системы защиты прав граждан остается превентивная деятельность. Стратегическим приоритетом в данной области признано систематическое информирование населения о новых модификациях методов и схем высокотехнологичных противоправных посягательств.

Подводя итоги исследуемой темы, я считаю, что необходимы следующие коррективы для совершенствования борьбы с киберпреступностью:

1. Целесообразно реализовать программу комплексного повышения квалификации сотрудников подразделений по борьбе с киберпреступностью (УБК МВД), сфокусированную на освоении: продвинутых методов проактивного выявления цифровых угроз; современных технологий

нейтрализации кибератак; передовых методик криминалистического анализа и технического расследования инцидентов. Реализация данной программы должна включать изучение и адаптацию релевантного зарубежного опыта в данной сфере.

2. Необходимо реализовать комплекс мер по систематическому обновлению программно-аппаратного комплекса оперативных подразделений за счет внедрения передовых систем детектирования и идентификации киберугроз; созданию специализированных исследовательских центров, функционал которых будет сосредоточен на опережающей разработке и верификации алгоритмов защиты информационных систем от современных видов противоправных посягательств.

3. Анализ предложенных мер позволяет заключить, что их комплексная имплементация создаст предпосылки для качественного повышения оперативно-разыскного потенциала подразделений по борьбе с киберпреступностью. Это выразится в усилении защищенности критической информационной инфраструктуры, а также в системной модернизации механизмов превенции, детекции и расследования ИТ-посягательств. В контексте совершенствования правового регулирования представляется целесообразной легализация термина «киберпреступление» в УК РФ. Формализация данного понятия будет способствовать унификации доктринального подхода, расширит границы интерпретации существующих составов преступлений Гл. 28 УК РФ и создаст правовую основу для квалификации новых форм общественно опасной деятельности в цифровой среде.

Секция 4

Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности

М.А. Бойко¹, Н.О. Деменко²

Научный руководитель: Н.С. Неретина³

^{1,2,3} Московский государственный юридический университет
им. О.Е.Кутафина (МГЮА)

Идентификация химических веществ при отравлениях как одна из проблем судебно-химической экспертизы

Аннотация. В статье анализируются особенности судебно-химической экспертизы, определяющие ее значение для выяснения важных для следствия обстоятельств. Так, авторами были рассмотрены основания, необходимые для ее назначения, и методы, с помощью которых она проводится. Однако непосредственным фокусом исследования стала одна из актуальных проблем судебно-химической экспертизы – сложность идентификации некоторых химических веществ в организме человека после отравления ими. В статье детально рассмотрены примеры из судебной практики, иллюстрирующие проявление данной проблемы при расследовании преступлений.

Ключевые слова: судебно-химическая экспертиза, химические элементы, соединения, вещества, препараты, таллий.

Судебно-химическая экспертиза представляет собой одно из важнейших направлений в проведении судебных экспертиз. Результаты подобного исследования необходимы во всех случаях, когда требуется определить биологические либо химические аспекты произошедшего: по какой физиологической причине наступила смерть потерпевшего, какие элементы или препараты могли вызвать летальный исход, употреблял ли обвиняемый те или иные вещества и многие другие обстоятельства, которые могут повлиять на вынесение судебного решения. Особенности этого вида экспертизы и являются объектом настоящего исследования.

Перечень научной литературы, содержащей в себе информацию о судебно-химической экспертизе, представляется достаточно обширным. Так, научная статья «Преаналитический этап производства судебно-химической экспертизы (исследования) объектов биологического происхождения в судебно-медицинской практике» Р.Р. Красновой, Н.А. Крупиной и В.А. Клевко содержит обширные указания по поводу того, какие материалы исследуются в определенных ситуациях, например, при подозрении на отравление: этанолом, летучими веществами, наркотическими веществами, окисью углерода, кислотами и едкими щелочами и другими токсическими веществами. Авторы дают рекомендации того, каким образом необходимо изымать нужные биологические материалы (кровь, кератоидные ткани, внутрисуставную

жидкость и др.)¹. Значительный интерес представляет и научная статья «Количественное определение амфетамина, метамфетамина, МДА, МДМА, МДЕА, МБДБ в биожидкостях методом газовой хроматографии с масс-селективным детектором» Н.А. Крупиной, М.В. Марченко и Р.Р. Красновой, которая акцентирует внимание на порядке и правилах определения содержания указанных веществ в биологических материалах². Научная статья «К вопросу о сохраняемости этанола в пробах крови» Т.В.Горбачевой и Е.С. Бушуева поднимает проблему того, насколько постмортальная кровь способна содержать этиловый спирт по сравнению с первичным исследованием³.

Ознакомление с судебно-химической экспертизой следует начать с оснований ее проведения. Так, судебно-химическая экспертиза проводится в ситуациях, когда произошедшее взаимосвязано с воздействием химических элементов: наркотических веществ, лекарственных препаратов, ядов и др. Обобщая различные примеры проведения судебно-химической экспертизы, можно сделать следующий вывод: существует две группы оснований ее назначения. К первой из них относятся ситуации, когда есть основания связывать смерть человека с отравлением какими-либо химическими веществами; к второй – преступные деяния, связанные с наркотическими средствами (например, нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ). Таким образом, необходимость проведения этого вида судебной экспертизы всегда обусловлена взаимосвязью произошедшего с использованием тех или иных химических веществ.

Анализируя особенности судебно-химической экспертизы, необходимо затронуть такой важный аспект, как методы ее проведения. Одним из них выступает хроматографический метод, который представлен двумя видами: газовым и жидкостным. Газовая хроматография предполагает разложение летучей химической смеси, например, различные спирты, на составляющие элементы, в то время как жидкостная – вещества, не являющиеся летучими, например, лекарственные препараты. Существует также метод спектроскопии, исследующий химические материалы по критерию определения их спектра. Атомно-абсорбционная спектроскопия применяется с целью идентификации количества тех или иных компонентов в составе химического вещества и использует показатели того, насколько атомы анализируемого материала поглощают излучение. Инфракрасная спектроскопия применяет инфракрасное излучение для анализа соединения, имеющего значение для следствия, в процессе нее создается спектр данного вещества, который позднее

¹ Краснова Р.Р. Преаналитический этап проведения судебно-химической экспертизы (исследования) объектов биологического происхождения в судебно-медицинской практике / Р.Р. Краснова, Н. А. Крупина, В. А. Клевко // Судебная медицина, 2015, № 2(1). С. 73–74.

² Крупина Н.А., Марченко М.В., Краснова Р.Р. Количественное определение амфетамина, метамфетамина, МДА, МДМА, МДЕА, МБДБ в биожидкостях методом газовой хроматографии с масс-селективным детектором // Судебная медицина. 2015. № 2. С. 78–79.

³ Горбачёва Т.В., Бушуев Е.С. К вопросу о сохраняемости этанола в пробах крови // Судебная медицина, 2016. Т. 2. № 2 С. 104–105.

сопоставляется с образцами определенных спектров, на основании чего появляется возможность сделать заключение об особенностях объекта экспертизы. Существуют также многочисленные другие методы, что свидетельствует о высоком уровне научно-технологического развития в сфере проведения судебно-химической экспертизы.

Подводя итоги общему ознакомлению с особенностями судебно-химической экспертизы, можно сделать вывод о том, что она представляет из себя значимый вид судебных экспертиз, играет ключевую роль в исследовании обстоятельств дела, связанных с использованием разнообразных химических соединений, лекарственных препаратов, наркотических веществ и т.д. и обладает многочисленными технологиями проведения. Однако фокус настоящего исследования будет сосредоточен не на судебно-химической экспертизе в целом, а на таком аспекте, как ее проблемы в настоящий момент. Любая наука сталкивается с определенными сложностями на разных этапах своего развития, и судебно-химическая экспертиза не может являться исключением. Для эффективного развития судебно-химической экспертизы необходимо уделять достаточное внимание ее проблемам, одной из которых и будет посвящено данное исследование.

Актуальной проблемой судебно-химической экспертизы является вопрос идентификации определенных соединений и веществ в биологических тканях. Она заключается в том, что некоторые элементы видоизменяются в процессе пребывания в тканях человеческого организма, что в дальнейшем значительно усложняет их выявление в результате проведения экспертизы. Это связано с тем, что определенные химические материалы обладают способностью преобразовываться под влиянием факторов нахождения в физиологических тканях, и эта особенность может исказить следственные выводы, т.к. будет упущено применение каких-либо лекарственных препаратов, наркотических средств, ядов и иных веществ, которые могли играть существенную роль при выяснении обстоятельств произошедшего.

Одним из наиболее ярких примеров веществ, вызывающих трудности при определении в биологических тканях, является таллий. Таллий (Thallium) представляет собой тяжелый металл с значительной степенью токсичности для организма человека. Специфика отравлений таллием заключается в том, что идентификация этого химического элемента достаточно проблематична. Реакция организма в подобных случаях может по внешним симптомам соответствовать, например, признакам пищевого отравления, в частности, нарушение функционирования желудочно-кишечного тракта. Признаки, дающие возможность более точно идентифицировать отравление как отравление именно таллием, фиксируются в значительной степени позже. Такой особенностью выступает алопеция – выпадение волос.

Обращение к судебной практике в области отравлений позволяет выявить и систематизировать комплекс проблем, сопряженных с организацией и производством судебно-химической экспертизы. Практический опыт свидетельствует о том, что именно таллий занимает лидирующую позицию среди токсических веществ, которые используются при насильственном

отравлении, как по частоте встречаемости, так и по сложности его своевременного выявления. Случаи его применения как способа убийства прослеживаются в целом ряде громких дел, имевших место как в СССР, так и в постсоветской России.

К числу наиболее известных эпизодов криминального применения таллия относится дело Иванютиной Тамары Антоновны, произошедшее в конце 1980-х годов в школе № 16 в Минском районе Киева. По материалам дела в марте 1987 года в киевскую больницу привезли 13 человек, среди которых было 10 сотрудников школы и 3 шестиклассников. Основными симптомами пострадавших были: тошнота, высокая температура, боли в мышцах, а также проявившаяся спустя некоторое время алоpecia. Единообразие симптоматики обусловило первоначальную диагностику острой респираторной вирусной инфекции у всей группы пациентов, однако отсутствие положительной динамики на фоне лечения заставило искать иную причину болезни. Следующая диагностическая версия, связанная с недавней катастрофой в Чернобыле, предполагала лучевую болезнь, но и она впоследствии не получила подтверждения. Окончательная версия событий была построена на том, что причиной отравления стала еда в столовой, где все пациенты обедали накануне событий, однако подтвердить эту версию было сложно, ввиду отсутствия образцов пищевых продуктов для экспертизы. Для проведения экспертизы было принято решение об эксгумации тела dietсестры школы Натальи Кукаренко, скончавшейся в начале марта со сходной симптоматикой. Анализ тканей умершей показал присутствие в них тяжелого металла таллия, обладающего высокой токсичностью. Однако, поскольку случаи применения таллия или его соединений в целях умышленного отравления ранее в СССР официально не регистрировались, у следствия изначально отсутствовали основания предполагать преднамеренный характер отравления Кукаренко. В связи с этим даже результаты судебно-медицинской экспертизы, выявившей наличие таллия, изначально не воспринимались как однозначное доказательство криминального характера смерти. Однако совокупность косвенных улик и данные дополнительных экспертиз позволили сформулировать вывод о преднамеренном характере отравления. Следствием установлено, что основной фигурой в инкриминируемых событиях являлась сотрудница школьной столовой Иванютина Тамара Антоновна, которая, руководствуясь корыстными побуждениями и личной неприязнью, применяла раствор Клеричи, содержащий высокую концентрацию таллия, для умышленного причинения вреда здоровью учащихся и работникам образовательного учреждения. Доступ к довольно редкому раствору Клеричи, применяемому в геологии для определения плотности минералов, Т.А. Иванютина получила через сотрудницу геологического института. В рамках расследования был выявлен ряд иных эпизодов отравления таллием, а также установлена причастность к отравлениям членов семьи Т.А. Иванютиной, действовавших в составе организованной группы. Таким образом, данный случай демонстрирует, что даже выявления токсического вещества в ходе судебно-медицинской экспертизы само по себе не является бесспорным доказательством умышленного преступления при

отсутствии криминалистического контекста и обоснованной следственной версии.

Очередным громким уголовным делом об отравлениях стало дело Вячеслава Валерьевича Соловьёва, который в начале 2000-х совершил серию подобных убийств. Соловьёв В.В. начал свою преступную деятельность с убийства жены Ольги в 2003 году, систематически подсыпая ей таллий в еду. В 2004 году от отравления погибла его собственная дочь Настя, а в последующие годы жертвами стали его гражданская жена Ирина Астахова, бабушка сожительницы и следователь, отравленный прямо во время допроса. Преступник также проводил «эксперименты» на коллегам, подмешивая им малые дозы яда. Серия убийств была раскрыта лишь в 2006 году после отравления целой семьи, где погиб годовалый ребёнок. Ключевым аспектом его преступной деятельности, обеспечившим сложности в работе правоохранительных органов при проведении расследования, стал изощрённый выбор отравляющего вещества - солей таллия. Как отмечал Соловьёв В.В., данное токсическое вещество было выбрано неслучайно: его действие обладает значительным латентным периодом, а симптоматика, заключающаяся в тошноте, рвоте, выпадении волос, неврологических расстройствах - успешно маскируется под симптомы распространённых заболеваний, таких, как грипп или гастроэнтерит, о чём он прочитал в романе Агаты Кристи «Вилла «Белый конь». Ещё одним существенным препятствием для своевременного раскрытия преступлений стал низкий уровень развития судебно-токсикологической службы в Ярославской области на тот период. Местные лаборатории не проводили анализ на широкий спектр токсичных агентов, их работа была ограничена целенаправленным поиском лишь тех веществ, которые изначально указывались в запросе. В связи с этим биологические образцы потерпевших были направлены для углубленного исследования в профильную лабораторию Санкт-Петербурга, что позволило окончательно подтвердить диагноз и идентифицировать следовые количества солей таллия, это стало ключевым доказательством отравления. Данный пример выявляет системную проблему, характерную для многих регионов: отсутствие современных токсикологических лабораторий с возможностью проведения широкого спектра экспертиз приводит к значительным задержкам в расследовании.

Самым известным примером из современной практики отравлений на данный момент является дело Владислава Шульги, произошедшее в 2017 году в Таганроге на ТАНТК им. Г.М. Бериева. По материалам дела ведущий инженер-конструктор предприятия Владислав Шульга, в 2017 году, руководствуясь личными неприязненными отношениями к коллегам, неоднократно добавлял в 19-литровые бутылки с питьевой водой химическое вещество, содержащее таллий. Действия инженера привели к отравлению 34 сотрудников, у которых были зафиксированы симптомы, типичные для интоксикации таллием: нарушения со стороны желудочно-кишечного тракта, полинейропатия, алопеция. Наиболее тяжелое отравление, с превышением предельно допустимой концентрации таллия в крови в 150 раз, было диагностировано у одного из пострадавших. Ход расследования характеризовался значительной сложностью:

несмотря на первоначальные признательные показания обвиняемого, в которых он детально описал метод выпаривания таллия из припоя, в дальнейшем Шульга полностью отказался от них, заявив о даче показаний под психологическим давлением. Кроме того, расследование осложнялось тем, что некоторые потерпевшие заявляли, что воду из одного источника пили все работники, а отравилась только половина из них, значит не было опасной концентрации таллия в воде, как это показала экспертиза. В итоге Владислав Шульга был признан виновным по статьям об умышленном причинении тяжкого и средней тяжести вреда здоровью и приговорен к 8 годам лишения свободы в колонии общего режима. В приговоре судья отметил, что последствия употребления воды с таллием могут быть разными в зависимости от особенностей организма каждого человека. Данный пример показывает, что токсическое воздействие таллия, подтверждённое судебно-медицинской экспертизой, стало ключевым фактором, осложнившим доказывание, поскольку потребовало от следствия не только установить факт отравления, но и обосновать причину разной степени вреда здоровью потерпевших при едином источнике интоксикации и доказать умышленное отравление.

Проведенный анализ примеров демонстрирует, что круг проблем не ограничивается сложностями в выявлении токсических веществ, а включает в себя комплекс вопросов практической реализации экспертизы. Во-первых, из-за отсутствия тесного взаимодействия между экспертом и следователем появляется риск ситуаций, в которых значимость экспертизы по конкретному уголовному делу не будет в должной мере оценена и учтена при проведении расследования. Кроме того, ограниченная коммуникация лишает следователя возможности оперативно получать от эксперта методологические пояснения, что наглядно иллюстрируется третьим примером: отсутствие информированности о вариативности токсического воздействия изначально привело к неверной трактовке доказательств. Во-вторых, к числу существенных препятствий относится и ресурсная ограниченность регионов: проведение экспертиз, требующих сложного лабораторного оснащения для обнаружения редких веществ, возможно лишь в крупных городах, что негативно сказывается на эффективности расследования на местах.

Для решения данных проблем предлагаются следующие способы решения.

Во-первых, необходимо нормативное закрепление расширенного взаимодействия эксперта со следователем на ключевых этапах производства по делам об отравлениях. Это позволит своевременно корректировать ход исследования и предотвращать ошибочные трактовки выводов.

Во-вторых, создание межрайонных экспертных центров, оснащенных сложным оборудованием, которые смогут по запросу региона быстро провести соответствующую экспертизу. Такая централизация обеспечит повсеместную доступность сложных видов исследований и повысит эффективность расследования.

Таким образом, разрешение выявленных проблем как методологического, так и организационного характера является необходимым условием для развития судебной токсикологии. Представленные в статье пути их решения открывают

перспективы для повышения качества и оперативности экспертных исследований.

В.А. Борисюк¹, И.О.Эгамберганава²

Научный руководитель: С.В. Дубовиченко³

^{1,2,3} Московский финансово-юридический университет

Реформа судебно-медицинской экспертизы: что изменилось в критериях вреда здоровью

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа ранее действовавшего и действующего приказов Минздрава России, регламентирующих определение степени тяжести вреда здоровью. Полученные результаты подчеркивают потенциальные проблемы в правоприменительной практике и необходимость дальнейшего анализа для обеспечения единообразия и объективности судебных решений. Нами представляется целесообразным рассмотреть возможность внесения изменений в действующее законодательство или разработку дополнительных нормативных актов, разъясняющих спорные моменты и устраняющих неоднозначность в толковании квалифицирующих признаков. Необходимо обеспечить четкую и понятную правовую базу для определения степени тяжести вреда здоровью, чтобы избежать субъективных оценок и произвольного применения закона.

Ключевые слова: вред здоровью, здравоохранение, сравнительный анализ, судебно-медицинский эксперт, квалифицирующие признаки.

С 1 сентября 2025 г. вступил в силу Приказ Минздрава России от 08.04.2025 N 172н (ред. от 19.08.2025) "Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека" (Зарегистрировано в Минюсте России 02.06.2025 № 82483). Он сменил приказ Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012). "Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека" (Зарегистрировано в Минюсте РФ 13.08.2008 № 12118).

В старом приказе содержалось определение тяжкого вреда здоровью как вреда, опасного для жизни человека, который по своему характеру непосредственно создает угрозу для жизни, а также вреда, вызвавшего развитие угрожающего жизни состояния, а также перечислялись квалифицирующие признаки такого вреда. В новом приказе определение отсутствует и представлены лишь квалифицирующие признаки, хотя одним из них и является вред здоровью, создающий угрозу для жизни человека. Это означает, что отсутствие четкого определения создаст ситуацию, когда каждый конкретный случай будет рассматриваться исключительно на основе квалифицирующих признаков, что может привести к субъективному толкованию. Без единого определения увеличивается риск произвольного применения закона, поскольку различные эксперты могут по-разному интерпретировать одни и те же квалифицирующие признаки.

Такой подход не только затруднит работу судебно-медицинских экспертов, но и повлечет за собой ряд серьёзных последствий для всей правоприменительной практики. Во-первых, возрастет количество разногласий между экспертными заключениями. Если ранее определение давало чёткий концептуальный базис для оценки, то теперь эксперты будут вынуждены опираться на более размытые критерии и собственное понимание «угрозы для жизни», что неизбежно приведёт к противоречивым выводам по схожим делам. Это создаст прецеденты, когда тяжесть вреда здоровью будет зависеть не столько от объективных медицинских данных, сколько от индивидуального мнения конкретного эксперта. Во-вторых, следственные и судебные органы столкнутся с существенными трудностями в квалификации преступлений. Отсутствие единого определения лишает правоприменителя универсального ориентира для оценки заключения эксперта. Суды будут вынуждены в каждом случае глубоко анализировать медицинскую терминологию и интерпретацию квалифицирующих признаков, что может привести к увеличению числа судебных ошибок, необоснованному ужесточению или смягчению наказания. Возникнет потребность в разработке дополнительных методических рекомендаций или обобщений судебной практики для унификации подходов.

Таким образом, отказ от определения в пользу лишь перечня признаков, даже если они кажутся исчерпывающими, представляет собой шаг назад с точки зрения юридической техники и эффективности правоприменения. Это создает почву для правовых конфликтов, затягивания судебных процессов и, что наиболее важно, увеличивает риск несправедливых решений, поскольку отсутствие фундаментальной основы закономерно ведёт к применению субъективных критериев там, где должны превалировать объективность и единообразие.

Новый приказ Министерства здравоохранения существенно сузил круг лиц, имеющих право проводить экспертизу по определению степени тяжести вреда здоровью, причиненного преступлением. В частности, из числа допущенных к этой деятельности исключены частные эксперты, даже при наличии у них специальных знаний и лицензии на осуществление медицинской деятельности.

Законодатель ужесточил требования к специалистам и более чётко регламентировал места проведения экспертиз. Теперь определять степень тяжести вреда здоровью вправе только врач — судебно-медицинский эксперт государственной экспертной организации. Подобное изменение, с одной стороны, направлено на повышение стандартов качества, но с другой — способно привести к сокращению числа экспертов, особенно в отдаленных регионах. Это может вызвать значительное увеличение сроков проведения экспертиз, что негативно отразится на оперативности расследования преступлений, замедлит предварительное следствие и судебное разбирательство. В ситуациях, когда время играет критическую роль (например, при необходимости неотложных следственных действий), задержки с получением экспертного заключения могут повлечь утрату доказательств или иные негативные последствия для правосудия. Основной причиной таких рисков является сокращение числа специалистов, имеющих право проводить

экспертизу, что особенно затронет индивидуальных предпринимателей, не соответствующих обновленным требованиям.

Следует также отметить, что повышение требований к экспертам должно сопровождаться адекватным финансированием судебно-медицинских учреждений и увеличением оплаты труда специалистов. В противном случае возможен отток квалифицированных кадров, который сведет на нет планируемое повышение качества экспертиз.

Вместе с тем ужесточение требований к экспертам имеет и положительный аспект: в перспективе оно способно привести к повышению качества и надежности заключений о степени тяжести вреда здоровью, что укрепит доказательственную базу в уголовном судопроизводстве.

Далее проведем сравнительный анализ квалифицирующих признаков тяжести вреда здоровью в обоих приказах и выделим существенные изменения.

Первоначально рассмотрим порядок определения степени тяжести вреда здоровью, причиненного женщине в состоянии беременности. Оба анализируемых приказа исходят из общего принципа: прерывание беременности должно находиться в прямой причинно-следственной связи с противоправными действиями виновного лица, а не быть обусловленным индивидуальными особенностями организма женщины или плода.

Ключевое изменение касается трактовки самого понятия «прерывание беременности». Приказ Минздравсоцразвития от 24.04.2008 № 194н содержал широкий подход, включая в него, в том числе, наступление преждевременных родов или необходимость медицинского вмешательства, вызванные причиненным вредом. Новая редакция Приказа Минздрава России от 08.04.2025 № 172н подобной детализации не содержит.

Данная нормативная корректировка создает потенциальную правовую коллизию. С одной стороны, она направлена на ужесточение критериев установления причинно-следственной связи, исключая ситуации, когда преждевременные роды были спровоцированы иными факторами. С другой стороны, избирательное применение нового подхода может привести к необоснованному сужению ответственности. В случаях, когда именно внешнее воздействие напрямую вызвало преждевременные роды или необходимость экстренного медицинского вмешательства (например, кесарева сечения), отсутствие их однозначной квалификации как тяжкого вреда здоровью представляется спорным. Это ставит перед правоприменителем сложный вопрос: будет ли ответственность виновного лица в полной мере соответствовать тяжести фактически наступивших последствий для здоровья женщины?

Существенные изменения внесены в регламентацию оценки психического состояния потерпевшего. Новый приказ существенно сужает перечень психических расстройств, признаваемых самостоятельным критерием тяжести вреда здоровью, вводя четкие квалифицирующие признаки. Законодатель прямо указывает, что расстройство должно носить *стойкий и выраженный характер*.

Данная конкретизация означает, что легкие, кратковременные или субклинические нарушения (такие как ситуационная тревожность или мягкие депрессивные эпизоды, не вызывающие значительной дезадаптации) с высокой

долей вероятности более не будут подпадать под критерии тяжкого вреда здоровья. Это объективно повышает стандарт доказывания: теперь требуется подтвердить именно стойкость и выраженность расстройства.

Подобное ужесточение имеет двойственный эффект. С одной стороны, оно служит противовесом возможным злоупотреблениям, исключая необоснованную квалификацию преходящих психоэмоциональных реакций как тяжкого вреда. С другой стороны, возникает риск недооценки серьёзных, но сложно диагностируемых последствий. Например, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР)¹, для которого характерно отсроченное или волнообразное течение, может не укладываться в формальные рамки «стойкого и выраженного» расстройства на ранних стадиях, что создаст препятствия для правовой защиты потерпевшего.

Для экспертов-психиатров и психологов это означает необходимость разработки и применения более строгих диагностических критериев и методик оценки. Потребуется не только констатация наличия расстройства, но и аргументированное обоснование его *стойкости* (т.е. длительности, необратимости или высокой вероятности рецидива) и *выраженности* (степени дезадаптации, нарушения социальных или профессиональных функций).

Для потерпевших это может означать повышение барьера для получения необходимой правовой защиты и компенсации вреда, если их психические страдания не будут признаны *стойкими и выраженными* по новым правилам. Возникает риск, что даже значительные психологические травмы, не достигающие порогового значения для квалификации тяжкого вреда, будут недооценены или проигнорированы в судебной практике. На суды и органы следствия ложится дополнительная ответственность по тщательному изучению экспертных заключений и учету всех обстоятельств дела, чтобы избежать формального подхода и обеспечить правильное рассмотрение дела. В связи с этим крайне важным становится разработка детальных методических рекомендаций для экспертов. Возможно, потребуется пересмотр подходов к компенсации морального вреда, чтобы обеспечить защиту прав потерпевших и в тех случаях, когда психические нарушения не достигают уровня тяжкого вреда, но значительно ухудшают качество жизни.

В связи с этим, при проведении судебно-психиатрической экспертизы критически важным становится комплексный подход, учитывающий не только формальные диагностические критерии, но и индивидуально-личностные особенности потерпевшего, а также конкретные обстоятельства травмирующего события.

Также значимым нововведением стало нормативное закрепление четких анатомических границ области лица. Данная мера позволит исключить субъективный подход при квалификации повреждений, локализующихся на пограничных участках (например, на шее вблизи челюсти или на волосистой

¹ Кадыров Р.В., Венгер В.В. Комплексное посттравматическоестрессовое расстройство: современные подходы к определению понятия, этиологии, диагностика и психотерапия // Психолог. 2021. № 4. С. 45–60.

части головы). Наличие единой топографической базы создаст объективные предпосылки для формирования единообразной судебно-медицинской и судебной практики.

Существенные изменения затрагивают также трактовку понятия неизгладимости повреждений. Ключевым критерием теперь признается не потенциальная возможность хирургической коррекции, а неспособность организма к самостоятельному или нехирургическому устранению последствий повреждения. Такой подход смещает акцент на биологическую способность к регенерации, что более объективно отражает реальный вред здоровью, независимо от финансовых возможностей потерпевшего. В результате можно прогнозировать увеличение числа повреждений, квалифицируемых как неизгладимые, поскольку многие эстетические дефекты не исчезают без оперативного вмешательства.

Существенным нововведением является регламентация сроков определения степени тяжести вреда здоровью. Ключевое изменение заключается в возможности немедленной квалификации вреда как тяжкого, если он признан опасным для жизни, без ожидания окончательного исхода (выздоровления, установления инвалидности или наступления смерти). Данная новация направлена на преодоление одной из наиболее острых проблем правоприменения — значительного затягивания сроков расследования и судебного разбирательства.

Ранее необходимость ожидания окончательного клинического исхода могла отсрочить юридическую квалификацию преступления на месяцы и даже годы. Это создавало правовую неопределенность для всех участников процесса: потерпевшие были лишены возможности своевременно получить компенсацию, а подозреваемые и обвиняемые длительное время находились под следствием без четко квалифицированного обвинения.

Таким образом, хотя введение ускоренной процедуры безусловно является прогрессивным шагом, его практическая эффективность будет зависеть от детализации методических рекомендаций для экспертов. Критически важно, чтобы оперативность не привела к поспешности и не повысила риски ошибок при квалификации деяний.

Помимо четких методических рекомендаций, важна эффективная координация между правоохранительными органами, следствием и судебно-медицинской экспертизой. Необходимо наладить оперативный обмен информацией и обеспечить возможность своевременного проведения необходимых исследований. Только комплексный подход позволит реализовать потенциал нововведения и добиться значительного сокращения сроков расследования без ущерба для качества и объективности, и, следовательно, обеспечить соблюдение всех прав участников уголовного судопроизводства.

Проведенный сравнительный анализ Приказа Минздрава России от 08.04.2025 № 172н с ранее действовавшими нормативными актами (Приказом Минздравсоцразвития от 24.04.2008 № 194н и от 18.01.2012 № 18н) позволяет сделать вывод о фундаментальном реформировании института судебно-медицинской оценки вреда здоровью. Речь идет не о редакционной правке, а о

сознательном переходе от парадигмы, основанной на широком экспертном усмотрении, к системе стандартизированных и алгоритмизированных критериев.

Данная трансформация продиктована объективной потребностью в минимизации субъективизма, обеспечении единообразия судебной практики и повышении уровня правовой определенности. Вместе с тем, столь радикальная смена методологического подхода порождает комплекс новых вызовов, требующих системного осмысления и внимания со стороны законодателя, правоприменителей и экспертного сообщества.

В заключение, введение Приказа Минздрава России от 08.04.2025 № 172н знаменует собой значительный и долгожданный шаг в реформировании судебно-медицинской оценки вреда здоровью. Переход к более стандартизированным и объективным критериям, ориентированным на повышение уровня квалификации экспертов, изучение биологической способности к регенерации и предусматривающим ускоренную квалификацию тяжкого вреда, представляет собой позитивную тенденцию. Эти изменения потенциально способны снизить субъективизм в экспертных оценках, обеспечить единообразие в правоприменении и значительно сократить сроки расследования уголовных дел, связанных с причинением вреда здоровью. Однако, успех реформы напрямую зависит от качества и детализации разрабатываемых методических рекомендаций для экспертов, а также от налаженной системы координации между правоохранительными органами, следствием и судебно-медицинской экспертизой. Необходимо обеспечить четкость и недвусмысленность новых критериев, чтобы избежать разночтений и минимизировать риск ошибочных квалификаций.

Кроме того, важно предусмотреть механизмы контроля за соблюдением установленных сроков проведения экспертиз и обеспечить доступность необходимых ресурсов для проведения оперативных и качественных исследований. Более того, необходимо провести обучение экспертов и других заинтересованных сторон новым правилам и процедурам, чтобы обеспечить их эффективное применение на практике. Следует организовать широкое обсуждение возникающих вопросов и проблем с участием представителей экспертного сообщества, правоохранительных органов и юридической науки, чтобы своевременно выявлять и устранять возможные недостатки.

В конечном счете, эффективность реформы будет оцениваться не только по формальным показателям, но и по реальному повышению уровня защиты прав потерпевших, обеспечению справедливого и обоснованного привлечения к ответственности виновных лиц, а также повышению доверия общества к системе судебно-медицинской экспертизы и уголовного судопроизводства в целом. Дальнейшее развитие законодательства и правоприменительной практики в данной сфере должно быть направлено на создание эффективной и справедливой системы, гарантирующей защиту прав и законных интересов всех участников уголовного процесса.

Современные возможности использования нейросетей при решении задач судебной портретной экспертизы

Аннотация. В статье рассматриваются особенности отдельных программ при производстве судебной портретной экспертизы. Автор подчёркивает важность применения нейросетевых технологий на всех этапах производства судебно-портретной экспертизы, а также необходимость формирования методических материалов по вопросам автоматизации работы экспертов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебная портретная экспертиза, судебный эксперт, нейросети, программное обеспечение, идентификация.

Судебная портретная экспертиза занимает значительное место в правоприменительной практике, поскольку способствует идентификации личностей подозреваемых, свидетелей и потерпевших по признакам внешнего облика человека. В условиях постоянно нарастающего научно-технического прогресса эксперты в области судебной портретной экспертизы внедряют в практическую деятельность новые программные средства, в том числе основанные на машинном обучении. Например, применение алгоритмов машинного обучения улучшает результаты распознавания лиц в судебных разбирательствах, что ведет к быстрым темпам розыска и задержания подозреваемых, а также позволяет автоматизировано выделять ключевые аспекты в экспертных заключениях, что особенно актуально в условиях роста количества дел и ограничений по времени в правоприменительной практике¹.

Несмотря на очевидные преимущества интеграции искусственного интеллекта в судебную портретную экспертизу, необходимо учитывать ряд проблем и вызовов, связанных с внедрением новых технологий. Прежде всего, одной из значительных проблем является недостаточная подготовка специалистов, так как характерный для многих областей переход на цифровые технологии требует от экспертов не только теоретических знаний в области права, но и высококвалифицированных навыков в сфере информационных технологий². Отсутствие специального обучения зачастую приводит к неэффективному использованию инновационных инструментов, что, в свою очередь, оказывает

¹ Васильков Д.В. К вопросу об использовании искусственного интеллекта при решении задач судебной портретной экспертизы / Д. В. Васильков // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития: Материалы VIII Всероссийской молодёжной научно-практической конференции, Москва, 25 ноября 2024 года. М.: Московская академия Следственного комитета, 2025. С. 259–264.

² Князьков А.С., Овсянников В.В. Использование технологий 3D-сканирования и моделирования при производстве портретных экспертиз в отношении лиц, изменивших анатомические признаки внешнего облика // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 107–113.

негативное воздействие на качество экспертных заключений. Более того, создание команд, способных эффективно применять искусственный интеллект, может оказаться довольно сложной задачей.

Второй аспект, вызывающий опасения, связан с правовыми и этическими проблемами. Неконтролируемое использование нейросетевых технологий может привести к противоречиям с традиционными правовыми нормами и создать риски для личной безопасности граждан. Так, использование алгоритмов распознавания лиц без должного контроля может привести к ошибочным выводам, нарушением прав человека в области защиты персональных данных, а избыточная зависимость от искусственного интеллекта в судебных разбирательствах может подорвать доверие к правовой системе, снижая вероятность справедливого судопроизводства. Проблема также касается защиты данных: уязвимости в системах хранения и обработки персональной информации могут быть использованы злоумышленниками¹.

Третьим вызовом становится сложность алгоритмов, используемых в рамках систем нейросетевых технологий. Алгоритмический подход не всегда способен адекватно воспроизвести человеческий опыт и интуицию, что порождает сомнения у экспертов относительно возможности машинного принятия решений. Необходимо проведение дополнительных исследований, чтобы подтвердить, что решения, принимаемые с помощью алгоритмов, обоснованы реальными данными и соответствуют существующим научным фактам. Кроме этого, существует риск появления «черного ящика», сопровождающего неопределенность относительно механизмов принятия решений, что затрудняет установление ответственности за ошибочные результаты.

В рамках внедрения искусственного интеллекта в судебную экспертизу необходимо учитывать финансовые аспекты проекта, так как данная инициатива требует значительных затрат на разработку и обучение технологий, а также на модернизацию существующей инфраструктуры. С учётом указанных проблем крайне необходимо разработать сбалансированный подход к интеграции новых технологий, который будет не только отвечать современным вызовам, но и учитывать все правовые и этические нормы.

Рассмотрим возможности использования веб утилиты Face Comparison в рамках производства идентификационных портретных исследований. Данная веб-утилита способна проводить не только простое сравнительное исследование и давать на него категорически положительный и отрицательный выводы (см. илл. №№ 1-2), но и проводить исследование сложных объектов по типу братьев близнецов, а также в отношении внешнего облика человека после косметико-хирургических изменений. Однако несмотря на преимущества этой веб-утилиты, нами были выявлены некоторые проблемы её использования, а именно то, что она не способна идентифицировать близнецов. Несмотря на некоторые проблемы этой веб-утилиты, она может использоваться совместно со

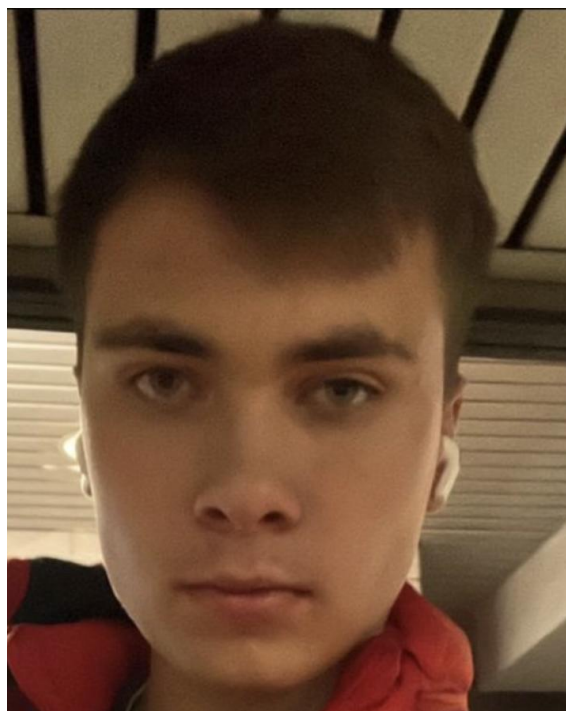
¹Зинин А.М., Дьяконова О.Г. Мышление человека и искусственный интеллект в аспекте сравнительного исследования внешнего облика человека по его изображениям // Эксперт-криминалист, № 3/2023. С. 2–5.

специальными знаниями эксперта, и может служить подспорьем для формирования выводов при многообъектных и сложных исследованиях.

Так нами на практике были рассмотрены возможности нейросетей проводить различные виды идентификации.

1. Для этого исследования нами были отобраны фотоизображения с разными людьми. На основании исследования с использованием искусственного интеллекта можно сделать вывод: на сравниваемых фотоизображениях изображены разные лица. Однако, стоит подчеркнуть, что фотоизображения двух разных лиц, но сходных по внешнему облику нейросеть правильно сделала отрицательный вывод, но с вероятностью 64 % (см. рис. 1).

2. Для этого исследования нами были отобраны фотоизображения с одним и тем же лицом, но запечатленные в разный временной период с разным положением головы и мимикой. На основании исследования с использованием искусственного интеллекта можно сделать вывод: на сравниваемых фотоизображениях изображено одно лицо (см. рис. 2).

Коэффициент сходства лиц:
64%, две фотографии **не**
принадлежат одному и тому же
человеку

Рис. 1. Результаты (категорически отрицательный вывод) использования веб-утилиты Face Comparison

Коэффициент сходства лиц:
92%, две фотографии
принадлежат одному и тому же
человеку

Рис. 2. Результаты (категорически положительный вывод) использования веб-утилиты Face Comparison

3. Нами были отобраны фотоизображения двух братьев близнецов. нейросеть совершила ошибку и распознала их как одно и тоже лицо с вероятностью 94 %. Однако на представленных фотоизображениях изображены разные лица.

4. Нами были отобраны фотоизображения одного и того же человека, до и после внесения косметико-хирургических изменений во внешнем облике. На основании исследования с использованием искусственного интеллекта можно сделать вывод: на сравниваемых фотоизображениях изображено одно лицо с вероятностью 82 %.

Также для сравнения мы предложили решить аналогичные задачи эксперту со стажем работы более 5 лет в области судебной портретной экспертизы. В результате судебный эксперт смог правильно провести все исследования и не допустить ни одной ошибки. Искусственный интеллект допустил 1 ошибку из 4 представленных исследований.

Одной из наиболее актуальных проблем в судебной портретной экспертизе является подделка фото и видеоизображений с помощью программы Photoshop, а также участков, сгенерированных искусственным интеллектом. Для решения

указанной проблемы нами был сформулирован алгоритм действий по предварительному исследованию фотоизображений с использованием нейросети Reveal Image Verification:

1. Загрузить в появившееся окно фотоизображение, которое подлежит проверке;
2. Получить предварительные результаты с помощью онлайн инструмента под названием Reveal Image Verification;
3. С помощью представленных алгоритмов оценить вероятность изменений фотоизображения;
4. Сделать вывод о непригодности/пригодности фотоизображения к идентификационному исследованию.

Для экспериментального исследования нами были отобраны художественные фотоснимки, которые были подвергнуты ретушированию.

Как видно из примера, с помощью различных алгоритмов, основанных на сравнении метаданных, появляется возможность сделать вывод о том, что фотоизображение было подвергнуто изменению с использованием графических редакторов, и признать его ограниченно пригодным или непригодным для производства дальнейшего исследования (см. рис. 3).

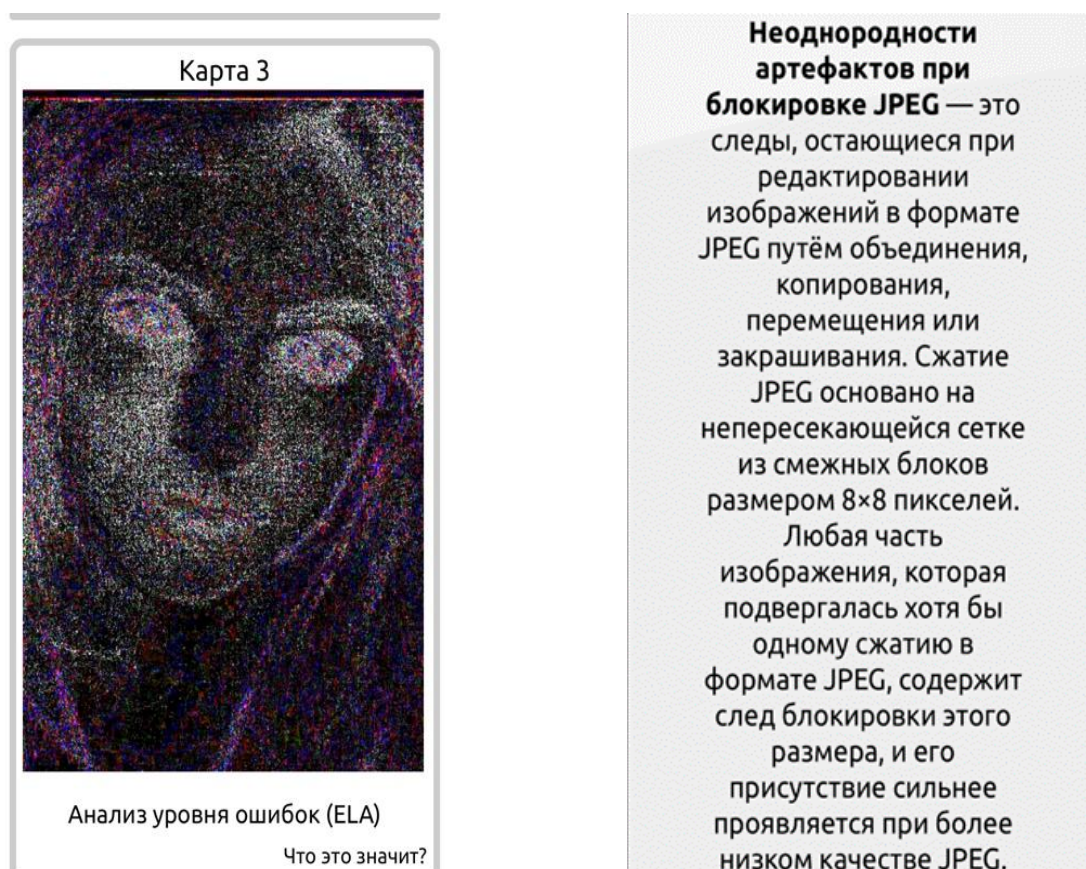

Рис. 3. Результаты применения нейросети Reveal Image Verification

Таким образом, несмотря на очевидные преимущества программного обеспечения для судебных экспертов, существует необходимость в его регулярном тестировании и обновлении. Быстрое развитие технологий требует от разработчиков постоянного анализа программных решений и обеспечения их соответствия актуальным требованиям¹. Программное обеспечение, основанное в том числе на применении нейросетевых технологий, представляет собой важный инструмент для повышения качества и эффективности работы экспертно-криминалистических подразделений, способствуют объективизации выводов. Однако, новейшие информационные технологии предъявляют повышенные требования к квалификации и уровню компетентности

Искусственный продолжит трансформировать судебную портретную экспертизу, делая её результаты более точными, быстрыми и объективными. Однако, важно учитывать, что нейросетевые технологии и машинное обучение не заменяет судебных экспертов, а дополняет их работу, предоставляя им эффективные и надежные инструменты для анализа и исследования наиболее сложных, а также низкокачественных или с ограниченным объемом информации объектов.

Е.С. Головлева¹

Научный руководитель: **Е.В. Иванова²**

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Особенности тактики назначения судебной лингвистической экспертизы по делам, связанным с реабилитацией нацизма

Аннотация. В представленной статье анализируется тактика привлечения эксперта-лингвиста и специалиста-историка для исследования материалов, содержащих признаки реабилитации нацизма. Автор обосновывает тезис о том, что задача лингвистической экспертизы заключается не в установлении заведомой ложности утверждений, а в объективной интерпретации смысловой нагрузки высказываний. Данные выводы служат фундаментальной основой для следствия при квалификации преступлений по статье 354.1 УК РФ.

Ключевые слова: лингвистика, судебная лингвистическая экспертиза, реабилитация нацизма, квалификация преступлений.

В последние годы в России наблюдается тревожный рост проявлений нацизма и фашизма, что представляет собой новую и крайне актуальную угрозу, хотя еще несколько лет назад невозможно было представить нарастание подобных

¹ Амосова В.В. Внедрение цифровых технологий в производстве портретной экспертизы// Международный журнал гуманитарных и естественных наук. (11-4), 2020. С. 16–18.

тенденций в обществе¹. Несмотря на то, что правовой запрет на реабилитацию нацизма существует с 2014 года (ст. 354.1 УК РФ), историческая память страны сегодня подвергается целенаправленным атакам со стороны недоброжелателей. Идеологические противники предпринимают попытки фальсифицирования советской истории, принижения роли советского солдата-освободителя и пропаганды экстремистских идей через различные информационные каналы, в том числе зарубежные. Это проявляется в беспрецедентной информационной войне против исторической памяти России, жертвовавшей миллионами жизней в борьбе с фашизмом. Противники используют различные методы: от фальсификации истории и очернения образа советского солдата до прямой пропаганды нацистской идеологии². Всё это создает прямую угрозу национальной безопасности Российской Федерации. В связи с этим критически важным становится не только пресечение подобных противоправных действий, но и обоснование их противоправности, в том числе посредством проведения судебной лингвистической экспертизы по делам соответствующей направленности.

Успешное раскрытие и расследование преступлений сегодня сильно зависит от качественной и квалифицированной экспертно-криминалистической поддержки. Это связано с тем, что в ходе расследований по самым разным делам часто требуется помощь специалистов и экспертов, обладающих особыми знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла. Их компетенция позволяет тщательно изучить вещественные доказательства, определить ключевые обстоятельства произошедшего и дать им непредвзятую оценку. Особое место в этой работе занимает судебная лингвистическая экспертиза. Она особенно важна при расследовании преступлений, связанных с публичными заявлениями, материалами в СМИ и другими формами коммуникации, в том числе и не публичной. Ярким примером такой категории дел являются преступления, предусмотренные статьей 354.1 УК РФ («Реабилитация нацизма»). Для корректной квалификации подобных деяний необходимо не только юридическое, но и глубокое лингвистическое исследование представленных материалов. Эксперт-лингвист анализирует смысловое содержание текстов, выявляет скрытые смыслы, определяет используемые речевые стратегии и устанавливает контекст, в котором было вербализовано то или иное высказывание. Таким образом, заключение эксперта предоставляет следствию и суду научно обоснованные данные, без которых принятие законного и обоснованного решения по делу было бы крайне затруднительно. При этом, для соблюдения принципов объективности, всесторонности и полноты исследований, с тактической точки зрения может понадобиться привлечение специалиста-историка, о чем мы поговорим позднее.

¹ Вердиханова А.Н., Голубкова Н.И. Реабилитация нацизма и распространение неонацистских взглядов как формы экстремистской деятельности в современных условиях // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 4. С. 21–32.

² Противодействие проявлениям фашизма в современном обществе: материалы круглого стола (Москва, 16 ноября 2017 года). М.: Московская академия Следственного комитета, 2017. 69 с.

Уголовно-правовой анализ объективной стороны состава 354.1 УК РФ позволяет прийти к следующим выводам в части деяний, которые относятся к преступным:

- отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси;
- одобрение преступлений, установленных Международного военного трибунала;
- распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенные публично;
- распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично.

В качестве объектов, предоставляемых на судебную лингвистическую экспертизу, могут выступать:

- письменные речевые произведения:
 - печатная продукция (книги, брошюры, листовки и т.п.);
 - в цифровом формате: скриншоты интернет-страниц, скриншоты электронной коммуникации в мессенджерах, фотографии граффити, слоганов и т.п.;
- устные речевые произведения (фонограммы);
- смешанные речевые произведения: креолизованные тексты (мемы, демотиваторы, комиксы и т.п.) и поликодовые тексты (видеоролики с вербальным компонентом)¹.

Как справедливо отмечает исследователь Т.А. Сааков, в современный период преступления, связанные с реабилитацией нацизма, в подавляющем большинстве случаев совершаются с активным использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в первую очередь – сети Интернет. Данная тенденция закономерно обуславливает повышенную актуальность вопросов, связанных с процессуальным закреплением подобных речевых продуктов. В этой связи особое значение приобретают специальные процедуры их собирания, изъятия и фиксации, особенно когда источником выступает цифровая среда. Критически важным становится обеспечение неотчуждаемости цифровых доказательств, соблюдение правил их процессуального оформления и сохранение аутентичности информации при передаче из виртуального пространства в материалы уголовного дела, что

¹ Сааков Т.А., Никишин В.Д. Назначение и оценка речеведческих экспертиз в уголовном процессе: учебное пособие. М.: Проспект, 2024. 104 с.

является необходимым условием для их последующего экспертного исследования и использования в суде¹.

Следует констатировать, что на сегодняшний день такие понятия, как «фашизм», «нацизм», «неонацизм» и «национализм», не получили законодательного закрепления в нормативных правовых актах, законодатель не поясняет смысловое содержание этих понятий, их сходства и отличия. Ввиду данного обстоятельства, в процессе осуществления экспертизы, уже на начальном этапе исследовательской части, перед экспертом-лингвистом возникает необходимость самостоятельного определения и четкого разграничения вышеуказанных понятий, которые, однако, используются в диспозиции статьи 354.1 УК РФ.

Задача лингвистического анализа заключается в выявлении в тексте признаков отрицания приговора Нюрнбергского трибунала, что, как правило, находит выражение в форме несогласия автора текста с вынесенными трибуналом решениями. Под одобрением нацизма понимаются высказывания, которые содержат позитивные оценки, направленные на нацистскую идеологию в целом, а также на конкретные военные преступления и лиц, их совершивших.

Такая оценка может быть как прямой, так и скрытой (имплицитной). Зачастую отрицание, одобрение и оправдание сливаются в единый пропагандистский дискурс.

Для определения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны требуется комплексный подход, так как определение факта того, что в каком-либо речевом продукте имеются ложные сведения о Второй мировой войне, о ветеранах Великой Отечественной войны безусловная прерогатива следователя, так как определение признаков ложности в каком-либо речевом продукте выходит за пределы специальных знаний эксперта-лингвиста и не входит в его компетенцию. При этом, не все ученые разделяют эту позицию, утверждая, что эксперту-лингвисту необходимо обладать некоторыми фоновыми историческими знаниями. Так, один из основоположников современной российской судебной лингвистики Горбаневский М.В. всегда подчеркивал, что лингвист не подменяет историка, но настаивал на том, что эксперт должен работать с текстом, понимая его историко-культурный контекст². Горбаневский утверждал, что без понимания исторического контекста лингвист не сможет корректно провести смысловой анализ высказывания. Например, фраза, *так называемая Великая Отечественная война*, содержит очевидный лингвистический маркер – лексику с отрицательной или иронической коннотацией (*так называемая*). Задача лингвиста – выявить этот маркер и объяснить, что его использование ставит под сомнение легитимность и общепринятую ценность исторического понятия, что может рассматриваться как

¹ Сааков Т.А. Влияние процесса цифровизации на трансформацию компетенции судебного эксперта. Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). №. 3 (115). 2024. С. 121–128.

² Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? / Под ред. М.В. Горбаневского. М.: Юридический Мир, 2006. 112 с.

оценочное суждение, направленное на уничтожение символа национальной памяти.

Таким образом, фоновые исторические знания нужны лингвисту не для того, чтобы самому выполнять задачи следователя, а для того, чтобы профессионально и компетентно проанализировать речевое произведение. Окончательный же вывод о заведомой ложности остается за следствием и судом на основе всей совокупности доказательств, включая, возможно, и заключение историко-криминалистической экспертизы.

Важно отметить, что в диспозиции ч.1 ст. 354.1 УК РФ содержатся как признаки пропаганды (оправдание/одобрение/восхваление), так и ложности сообщаемой информации, которые с позиции судебной лингвистической экспертизы предполагают неэквивалентные друг другу подходы исследования, что также влияет на специфику постановки вопросов перед экспертом¹.

Возвращаясь к тактическим особенностям назначения судебной лингвистической экспертизы по делам, связанным с реабилитацией нацизма, имеет место необходимость привлечения эксперта-историка. Мы полагаем, что первоначальным шагом должна стать справочно-консультационная деятельность специалиста-историка, то есть непроцессуальное взаимодействие с ним. Его задачей будет анализ речевого продукта на предмет наличия высказываний, которые, возможно, искажают достоверные сведения о деятельности СССР в период Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, либо содержат оправдание деяний, признанных преступными приговором Международного военного трибунала. На основании этого анализа, по нашему мнению, целесообразно назначить производство судебной лингвистической экспертизы в отношении тех фрагментов текста, которые специалист-историк выделит как содержащие наиболее значимые исторические факты. Далее приведем примерные формулировки вопросов, которые могут быть поставлены на разрешение экспертом-лингвистом.

В случае возникновения потребности в установлении наличия / отсутствия лингвистических признаков пропаганды, перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 354.1 УК РФ – одобрения преступлений, установленных Международным военным трибуналом, формулировка вопроса может быть следующей: *«Содержатся ли в представленном на исследование речевом продукте, начинающемся словами «...» и заканчивающемся словами «...», лингвистические признаки одобряющие / обосновывающие / оправдывающие / восхваляющие совершение каких-либо действий? Если да, то каких?»*.

В случае необходимости установления признаков ложности сообщаемых сведений, то на разрешение судебной лингвистической экспертизы может быть поставлен вопрос, характерный для исследования диффамационных

¹Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие / А.М. Плотникова, В.О. Кузнецов, И.И. Саженин и [др.] ; Под ред. профессора С.А. Смирновой; М-во юстиции Рос. Федерации, Федер. бюджет. учреждение Рос. федер. центр судеб. экспертизы. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 135 с.

материалов¹, направленных на установление формы высказываний, которые в зависимости от формы высказывания могут или не могут быть проверены на соответствие действительности: *«Какова форма выражения информации в речевом(-ых) продукте, начинающимся словами «...» и заканчивающегося словами «...», утверждение о фактах и событиях, мнение, предположение, оценочное суждение?»*.

Важно отметить, что значение имеют только те высказывания, которые выражены в виде утверждения о фактах, поскольку, как полагаем, высказывания в виде мнения или предположения не обладают признаками именно заведомой ложности. Исходя из вышеизложенного, на основе заключения эксперта лингвиста, а также заключения специалиста-историка следователь должен принять решение о наличии/отсутствии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 354.1. УК РФ.

Таким образом, расследование преступлений, связанных с реабилитацией нацизма, осложняется, во-первых, сбором речевых продуктов из цифровой среды, во-вторых, комплексным характером использования специальных лингвистических и исторических знаний в целях установления признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ.

Тексты, опубликованные в публичном доступе и содержащие признаки реабилитации нацизма, при их размещении в интернет-пространстве обладают способностью формировать обширный информационный контекст, целенаправленно привлекающий внимание и провоцирующий ответную реакцию со стороны аудитории пользователей; данное воздействие актуализирует в массовом сознании определенные образы и смысловые конструкции. В силу указанной причины в настоящее время становится необходимым проявление повышенной бдительности по отношению к подобным феноменам, поскольку они обладают потенциалом влияния на общественное сознание и могут быть использованы в качестве средства беспрецедентной информационной войны.

А.А. Даудова¹

Научный руководитель: И.А. Чубарь²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Правовые и методические основы применения метода 3d-моделирования при производстве судебно-баллистической экспертизы

Аннотация. В данной статье рассматриваются возможность применения, а также правовой статус применения метода 3D-моделирования для дачи заключения экспертом по вопросам судебно-баллистической экспертизы. Также определяются

¹ *Диффамационные материалы* – порочащая информация независимо от ее подлинности или ложности. Эрделевский А.М. Моральный вред и компенсация за страдания. М.: Бек, 1997. С. 188.

научные основы данного метода и насколько он соответствует процессуальным критериям допустимости доказательств. Изучаются возможности приобщения 3D-моделей к материалам производства по уголовному делу, а в особенности к заключению эксперта.

Ключевые слова: баллистика, судебно-баллистическая экспертиза, методы экспертного исследования, 3D-моделирование, заключение эксперта, достоверность доказательств, 3D-модели, компьютерная графика, фундаментальные науки.

Современные криминалистические науки стремительно развиваются, включая в себя использование новых технологий, которые способствуют повышению точности и эффективности расследований преступлений. Одной из наиболее перспективных и актуальных технологий является метод 3D-моделирования, который находит все большее применение в судебной баллистике.

Метод 3D-моделирования заключается в отображении материальных предметов в трехмерном формате с помощью компьютерных технологий. Данный метод в настоящее время используется во многих сферах современного общества, а также постепенно включается в судебную экспертизу. 3D-моделирование позволяет проводить эксперименты, без вреда для представленных на исследование объектов, более точно измерять и анализировать микроследы и микрочастицы. Визуализация информации через 3D-модели повышает ее воспринимаемость для судей и присяжных.

Существуют различные виды применения описываемого метода при проведении судебно-баллистической экспертизы, а именно:

1. Идентификация оружия по стрелянным гильзам. Принцип заключается в сканировании представленных объектов и создание их трехмерных моделей с последующим наложением и сравнением¹;

2. Установление обстоятельств выстрела². Моделирование траектории полета пули с помощью созданной 3D-модели пулевого отверстия;

3. Установление места лица, производившего выстрел. Воссоздание событий преступления по фотографическим снимкам и исследование различных вариантов расположения стрелка, а также для решения многих других идентификационных и диагностических задач³.

¹ Чубарь И.А. Цифровые технологии в судебной баллистике и судебно-баллистической экспертизе: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2024.

² Полякова А.В. Исследование обстоятельств выстрела с помощью метода трехмерной фотограмметрии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, № 2. С. 205–209. DOI 10.18500/1994-2540-2022-22-2-205-209; Чубарь И.А. Использование цифровых технологий при проведении осмотров мест происшествий по преступлениям, связанным с применением оружия // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках XXVII Международной выставки средств обеспечения безопасности государства «Интерполитех-2023», Москва, 18 октября 2023 года. М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2023. С. 241–244.

³ Чубарь И.А. Цифровые технологии, используемые в комплексном подходе производства ситуационных судебных экспертиз // Комплексные экспертные исследования с использованием современных технологий: правовые и методические

4. Воспроизведение обстоятельств выстрела. При анализе места происшествия можно создать точную 3D-модель сцены, включая расположение объектов, следов и других вещественных доказательств. Такие модели помогают эксперту и суду лучше понять взаимодействие между различными элементами на месте преступления. Использование интерактивных 3D-моделей также позволяет проводить виртуальные эксперименты, что открывает новые горизонты для анализа и оценки вещественных доказательств.

Тем не менее, использование 3D-моделирования в судебной баллистике требует учета ряда вопросов, связанных с доказательной силой и допустимостью таких материалов в суде. Важно обеспечить высокую степень точности и достоверности создаваемых моделей, чтобы они были приняты как доказательства. Это поднимает вопросы стандартов, этических норм и юридических аспектов, которые необходимо учитывать при внедрении новой технологии в судебную практику.

В настоящее время нет отдельно прописанного нормативно-правового акта, регламентирующего использование метода 3D-моделирования при производстве судебных экспертиз экспертами системы МВД России. Но, если мы обратимся к Федеральному закону №73-ФЗ от 31 мая 2001 года «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а именно в статье 4 указано, что экспертная деятельность основывается на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники¹. Таким образом, законодательство не вводит запрет на использование современных технологий, а эксперт вправе использовать любые научно обоснованные методы. Метод 3D-моделирования относится к указанной ранее методике, как так он основан на фундаментальных науках (такие как математика, физика, информатика) и одобрен научным обществом.

Обращаясь к приказу МВД России № 7 от 11 января 2009 года «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России», в котором прописан порядок экспертно-криминалистической деятельности, необходимо обратить внимание на ст. 38, в которой указано, что применяемые экспертно-криминалистические средства и методы должны обеспечивать достоверность получаемых результатов, гарантировать сохранность объектов, которые могут приобрести доказательственное значение по уголовному делу, и не должны причинять вреда здоровью и законным интересам граждан². Исходя из этого, метод, описываемый в настоящей статье, полностью удовлетворяет установленным критериям.

проблемы: Сборник материалов Всероссийского круглого стола, Москва, 19 октября 2023 года. М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2023. С. 87–90.

¹ Федеральный закон № 73-ФЗ от 31.05.2001 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

² Приказ МВД России № 7 от 11.01.2009. «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» // СПС КонсультантПлюс.

Деятельность эксперта, проводящего исследование, также регламентируется приказом МВД России № 511 от 29 июня 2005 года «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях ОВД РФ», который не категорично ограничивает в выборе методики и средств, при производстве экспертизы. Но важно, отметить, что данный приказ указывает на необходимость использования имеющихся в распоряжении экспертно-криминалистических подразделений технических средств¹. Также прописывает, что необходимо в первую помощь применять неразрушающие методы. Под данное требование точно попадает метод 3D-моделирования.

Моделирование с помощью 3D-технологий является качественным методом по сохранности объектов ввиду того, что 3D-модель является их виртуальным аналогом и способствует минимизации физического контакта с объектом, сохраняя его первоначальный вид². Также необходимо учитывать, что УПК РФ не запрещает хранение некоторых объектов с помощью цифровых носителей.

Если обращаться к ГПК РФ, к КоАП РФ, а также к АПК РФ, в них содержатся аналогичные аспекты доказательственной базы метода 3D-моделирования, и заключении эксперта. Исходя из этого, можно сделать вывод, что эксперт имеет возможность применять описываемый метод в разных видах судопроизводства.

Как было сказано выше, моделирование с помощью 3D-технологий основано на различных науках и имеет достоверную описательную базу, необходимую для использования в уголовном судопроизводстве. Так, в основе изучаемого метода основополагающую роль играет геометрический анализ и математические измерения, необходимые для полного воссоздания событий преступления, точного измерения объектов, подлежащих исследованию.

Также в основе метода лежат познания в области компьютерной графики, способствующие созданию 3D-моделей, их анализе и сравнении. Эксперту необходимо уметь работать с различными компьютерными программами, понимать различные техники создания 3D-моделей. Теория слеодообразования, наряду с вышеуказанными дисциплинами, играет важную роль в методологической основе метода компьютерного моделирования при производстве баллистического исследования, так как она включает в себя информацию о механизме образования следов на пулях, гильзах и преградах³.

Еще одним важным критерием использования описываемого в работе метода заключается в необходимости экспертом иметь художественные знания и навыки. Эксперт должен понимать, как правильно строится композиция, знать особенности перспективы и понимать пропорции.

¹ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: Приложение № 2 к приказу МВД России № 511 от 29.06.2005 // СПС КонсультантПлюс.

³ Дышкова, А.Т. Использование 3D-технологий при раскрытии преступлений: нововведение в области криминалистики // Молодой ученый. 2022. № 48(443). С. 250–252.

Также стоит отметить, что для 3D-моделирования необходимо программное обеспечение. Существует огромное количество компьютерных программ, способствующих созданию трехмерных моделей как по фотоснимкам, так и полностью самостоятельное. В основном данные приложения созданы иностранными сервисами, лицензия которых либо имеет слишком высокую цену либо не используется на территории Российской Федерации. В том числе использование таких программных обеспечений невозможно в сфере уголовного производства. Но российские программисты не стоят на месте и активно разрабатывают приложения в этой сфере. Так, при производстве исследования в рамках судебно-баллистической экспертизы, эксперт имеет возможность использовать следующие специализированные компьютерные программы:

Наиболее популярной является КОМПАС-3D¹ — это профессиональная система автоматизированного проектирования, разработанная российской компанией АСКОН. Данная программа является альтернативой популярным зарубежным программам Blender² и Maya³. Главное преимущество состоит в том, что в КОМПАС-3D внедрены и используются учеты ГОСТ, что упрощает работу эксперта и делает ее более эффективной⁴. Также данная программа имеет русскоязычную поддержку, что удобно для специалистов России. Рассматривая основные возможности описываемого программного обеспечения, стоит обратить внимание на следующее:

1. Помимо создания трёхмерных моделей с их последующим параметрическим редактированием, также возможна и генерация плоских чертежей по 3D-модели с соблюдением российских стандартов;

2. В интерфейсе программы есть базовые инструменты, которые необходимы для измерения размеров, прочности, массы и кинематики;

3. Еще одной важной возможностью является то, что КОМПАС-3D поддерживает популярные форматы (DXF и DWG), что позволяет производить обмен между другими программными обеспечениями.

Но стоит учитывать, что существуют и некоторые недостатки данной программы. Например, сложность освоения, то есть функционал КОМПАСа не подходит для новых пользователей и требует время на обучение, а также высокая стоимость платной версии программы.

Следовательно, использование программы КОМПАС-3D в рамках производства судебно-баллистической экспертизы, может способствовать повышению точности, наглядности, скорости и качества анализа исследуемых объектов, что делает заключение более объективным и обоснованным.

¹ Система трехмерного моделирования КОМПАС-3D. URL: <https://kompas.ru/>. Дата обращения: 29.10.2025.

² Blender 3D: обзор программы для моделирования. URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/blender-3d-preimuschestva-i-vozmozhnosti/>. Дата обращения: 29.10.2025.

³ Maya – программа для трехмерного компьютерного моделирования, визуализации моделей и компьютерной 3D-анимации URL: <https://media.contented.ru/glossary/maya/>. Дата обращения: 29.10.2025.

⁴ Бондарева Т.П. Достоинства и недостатки в сравнительном анализе систем SOLIDWORKS, Autodesk Inventor и КОМПАС 3D / Т. П. Бондарева, Н. В. Морозова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 3–4. С. 88–93.

Еще одним менее популярным программным обеспечением в рамках 3D-моделирования является многофункциональная платформа NanoCAD¹, уже успевшая себя зарекомендовать с положительной стороны. NanoCAD - это тоже российская платформа, направленная на создание двухмерных и трехмерных моделей. Преимущества заключаются в сниженных затратах по сравнению с другими платформами, так как лицензия бесплатная или относительно дешевая, а также в регулярных обновлениях и модификациях².

Использование данной платформы в судебно-баллистической экспертизе повышает эффективность исследования благодаря некоторым аспектам:

1. NanoCAD поддерживает формат DWG, что обеспечивает совместимость с некоторыми другими программами, и позволяет без особых усилий обмениваться информацией с другими пользователями.

2. Широкий выбор инструментов для автоматизации измерений и построения деталей, что упрощает работу эксперта и дает возможность сделать акцент на аналитической части исследования.

3. Программа имеет интуитивно понятный интерфейс, что делает ее доступной не только опытным специалистам, но и подходит новичкам в данной сфере.

Рассматривая отрицательные качества, стоит указать, что программа имеет относительно невысокую производительность при работе с крупными объектами (значительно снижается скорость).

Многофункциональная платформа NanoCAD в рамках судебно-баллистической экспертизы схожа с программой КОМПАС-3D, но, конечно, каждая имеет свои преимущества и недостатки. Дать точный ответ, какая будет наиболее эффективной в рамках исследования, нельзя, каждый эксперт, должен сам сделать выбор.

Таким образом, правовая и методологическая основа применения метода 3D-моделирования представляет собой упорядоченную систему, благодаря которой возможно законное, эффективное, обоснованное и достоверное производство исследования в рамках судебно-баллистической экспертизы. Группируя описываемые основы, можно утверждать, что данный метод соответствует требованиям, необходимых для процессуальной значимости. Использование метода 3D-моделирования при производстве судебно-баллистической экспертизы является прорывом в развитии судебной экспертизы. Но полноценное включение в традиционные методы на данном этапе развития еще невозможно ввиду существующих ограничений.

¹ Платформа nanoCAD. URL: <https://www.nanocad.ru/products/platforma/>. Дата обращения: 29.10.2025.

² Гумерова Г.Р. Анализ современного состояния и тенденций использования Интернета в России // Инновационная наука. 2017. Т. 1. № 4. С. 73–79.

А.Н. Кулешова¹

Научный руководитель: Е.В. Иванова²

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Методологические аспекты судебно-лингвистических экспертиз материалов порнографического дискурса

Аннотация. Настоящий доклад посвящен методологическим аспектам производства судебных лингвистических экспертиз текста и речи, содержащих элементы порнографического содержания. Рассматриваются теоретико-методологические подходы, специфичные методы анализа, классификация признаков порнографии, особенности построения экспертного заключения и проблемы интерпретации результатов экспертизы.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, методология, порнографический дискурс, методы, побуждение, лингвистика, юриспруденция, анализ

В условиях стремительной цифровизации коммуникативных процессов и экспоненциального роста пользовательского контента проблема правовой квалификации материалов порнографического содержания приобретает особую значимость. Судебная лингвистическая экспертиза (далее – СЛЭ), наряду с другими специализированными видами экспертиз, традиционно интегрируется в систему криминалистической экспертизы. Ее роль в установлении юридически значимых признаков подобных материалов является ключевой, однако в экспертной практике наблюдаются определенные методологические расхождения.

Цель статьи – сформулировать методологию проведения судебной лингвистической экспертизы порнографического дискурса, выявить ключевые принципы, используемые методики и направления дальнейших исследований.

Судебная экспертиза представляет собой важный инструмент судебной практики, обеспечивающий объективное установление обстоятельств дела посредством специальных познаний эксперта-лингвиста. Одним из наиболее сложных направлений является производство судебно-лингвистической экспертизы текстов и высказываний, содержащих признаки порнографической продукции. Учитывая растущее количество дел, связанных с распространением и производством порнографии, важно разработать четкие методические основы для их проведения. Проблематика заключается в сложной правовой регламентации порнографии, множественности определений и критериев оценки материалов подобного характера. Определение порнографичности конкретного материала требует комплексного подхода, включающего юридические, психологические и лингвокультурные знания.

Объектами экспертного анализа являются цифровые материалы, включающие распечатки (скриншоты) коммуникативных актов между обвиняемыми и потерпевшими, осуществляемых посредством социальных сетей или SMS-сообщений. Эти материалы выступают, как правило, в качестве приложений к

протоколам следственных осмотров или рассматриваться как самостоятельные документы, подлежащие всестороннему исследованию¹. Современные объекты судебной лингвистической экспертизы охватывают широкий спектр текстовых форм: устные тексты, письменные тексты, поликодовые тексты, а также электронные тексты. Предметом судебной лингвистической экспертизы материалов порнографического дискурса является установление предметного содержания и коммуникативных характеристик сообщений вредоносного содержания.

В основе производства экспертных заключений по делам о половой неприкосновенности и свободы несовершеннолетних лежит алгоритм действий и методов, уникальных для каждого объекта исследования. Большая часть исследований по данной категории дел имеет достаточно выработанную структуру экспертных заключений, однако сегодня необходимо уметь адаптировать существующую методологию под различные объекты. На подготовительном этапе эксперт анализирует постановление о назначении, проверку полноты материалов, производит первичный осмотр объектов и предварительную типологизацию задач. Аналитический этап реализует предметно-тематический, оценочно-экспрессивный и целевой анализ, выделение лингвистических признаков сообщенного, релевантных экспертному понятию, с опорой на дефиниционный и контекстуальный анализ, семантическую декомпозицию и идеографические словари, включая субстандартную лексику. Сравнительный этап сопоставляет выявленные признаки с диагностическим комплексом искомой информации и формирует проверяемые выводы, после чего подготавливается структурированное заключение в соответствии с требованиями закона².

Фундаментальной основой судебно-лингвистической экспертизы порнографических материалов является понятийный аппарат и методологическая парадигма, обеспечивающая концептуальную целостность и аналитическую точность экспертного заключения. В рамках данного исследования особое внимание уделяется таким ключевым концептам, как «коммуникативная интенция», «коммуникативная ситуация», «коннотация», «побуждение», «угроза», «эксплицитность» и «имплицитность», которые являются основополагающими для интерпретации языковых структур и выявления их семантической направленности.

На основном этапе производства экспертизы вышеуказанные понятия играют решающую роль в идентификации коммуникативных стратегий и интенций, заложенных в исследуемых текстах. Важно отметить, что анализ этих категорий позволяет не только установить явные (эксплицитные) смыслы, но и выявить скрытые (имплицитные) элементы, которые могут иметь решающее значение

¹ Антонов О.Ю. Особенности использования специальных знаний в области лингвистики при изучении электронной переписки в ходе расследования половых преступлений в отношении несовершеннолетних// Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Вектор юридической науки. 2018. № 7. С. 43–52.

² Плотникова А.М., Кузнецов В.О., Саженин И.И. и др. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе. Методическое пособие. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. С. 106–107.

для квалификации материалов как порнографических.

Применяются групповые методики: формальные (лексический, морфологический, синтаксический, грамматический, стилистический анализ) и собственно семантические, направленные на установление смысла высказываний и коммуникативных актов. Для решения семантических задач привлекаются дефиниционный и контекстуальный анализ, синонимическое перифразирование, семантическая декомпозиция, предметно-тематическое профилирование и дискурсивно-прагматический анализ. Формальные уровневые методы (лексический, морфологический, синтаксический, стилистический) обеспечивают объективируемую фиксацию языковых признаков, подлежащих последующей интерпретации. В комплексных исследованиях добавляются психолингвистические процедуры оценки видов и силы речевого воздействия, соответствующие утвержденным учебно-методическим материалам по судебной психолого-лингвистической экспертизе.

Таким образом, с учетом специфики актуализации лексического, семантико-синтаксического, стилистического, формально-логического уровней текста по данной категории дел выделяются следующие методы анализа предоставленных материалов:

- лексико-семантический и семантико-синтаксический анализ (определение значения слов, словосочетаний, предложений в контексте высказывания и сверхфразового единства);
- логико-грамматический анализ, или анализ пропозиций (определение логической основы семантической структуры предложения (предикат с набором актантов));
- анализ пресуппозиций (определение общего компонента знаний для говорящего и слушающего);
- компонентный анализ слова (определение семного состава слова);
- концептуальный анализ (интерпретация смысла текста, определение вербальных представителей ключевого понятия);
- дефиниционный анализ (изучение словарных определений исследуемых языковых единиц);
- функционально-прагматический анализ (характеристика иллокутивной функции высказывания и определение типа речевого акта).

Как было отмечено выше, объектами лингвистического экспертного исследования могут выступать как устные, так и письменные речевые продукты, которые включают не только вербальные, но и невербальные компоненты. В большинстве случаев, в рамках экспертных заключений, объектом анализа становится переписка с несовершеннолетними лицами. Адресанты коммуникации, стремясь сохранить анонимность, часто скрывают свои персональные данные, такие как ФИО, пол и возраст. Перед экспертом не стоит задача выявления признаков маскировки и установления авторства, что является специфической методологической особенностью лингвистического анализа.

Анализ коммуникативных актов предполагает комплексный подход к выявлению ключевых параметров, включая определение возрастного профиля участников, наличие упоминаний частей тела, половых органов и связанных с

ними действий, а также исследование побуждений к таким действиям и способов их вербальной репрезентации. Независимо от специфики объекта анализа, коммуникация в подобных случаях часто характеризуется диалогичностью, интерактивностью и осуществляется в цифровом пространстве, что требует детального изучения последовательности реплик, динамики смены тематических блоков и коммуникативных ролей субъектов.

При взаимодействии с несовершеннолетними особую значимость приобретают признаки, свидетельствующие о «груминге», нормализации сексуальных тем, увеличении степени откровенности и побудительных действий, что требует применения методов лексико-семантической и прагматической интерпретации. Данные методы позволяют выявить не только явные, но и скрытые интенции коммуникантов, а также особенности их речевого поведения, направленные на установление и поддержание доверительных отношений с несовершеннолетними.

Выявление номинаций, относящихся к частям тела, половым органам и действиям, связанным с ними, не представляет значительной сложности, поскольку в исследуемом объекте соответствующие лексические единицы выражены эксплицитно. При проведении дефиниционного анализа конкретной лексемы, включающего идентификацию ключевой семы в контексте, эксперт имеет право предоставить обоснованную интерпретацию с опорой на толковые словари русского языка и словари субстандартной лексики. В своей монографии Кузнецов В.О. анализирует фрагмент переписки, где одна из реплик звучит следующим образом: «Вано Хитрян 26.11.2017 в 14:16:00: В 12 не может быть такая *попа* и 2 размер *грудь*... Так что не ври». Лексемы «попа» и «грудь», используемые в данном контексте, имеют эксплицитное значение, что подтверждается их толкованием в современных толковых словарях русского языка. Эти слова однозначно обозначают части тела, что позволяет интерпретировать высказывание в контексте обсуждения физических характеристик. В другом примере, «Делай труса ниже что киска была видно», требуется толкование лексемы «киска». В данном случае значение слова выражено имплицитно. Для его определения необходимо обратиться к специализированным толковым словарям, которые указывают на связь лексемы с половыми органами женщины. Таким образом, при решении данного вопроса метод дефиниционного анализа является основополагающим. Однако для более глубокого и всестороннего исследования необходимо также использовать другие методы, такие как анализ пресуппозиций, компонентный анализ слова и концептуальный анализ. Эти методы позволяют раскрыть скрытые смыслы и особенности употребления лексем в различных контекстах, что способствует более точной и объективной интерпретации текста.

Исследование побудительных высказываний и угроз требует применения комплексного методологического подхода, включающего идентификацию семантического значения и его последующую классификацию. В рамках основной части анализа необходимо задействовать методы лингвистической семантики, такие как синонимическое перефразирование, семантическая декомпозиция и семантико-прагматический анализ речевого акта. Помимо этого,

целесообразно использовать триаду специализированных методов экспертного анализа: предметно-тематический, оценочно-экспрессивный и целевой анализ. В речевых продуктах, направленных на получение порнографии или обмен ею с несовершеннолетним, адресант стремится побудить к созданию фотографий, демонстрирующих половые органы, части тела и совершаемые с ними действия. Как правило, вербальный компонент подкрепляется визуальными изображениями половых органов. Адресант выражает волеизъявление посредством императивов, таких как «покажи», «отправь», «сфоткай», направленных на получение от адресата фотографий его половых органов и частей тела. Данные высказывания обладают иллокутивной функцией действия, цель которой — побудить адресата к выполнению определенной просьбы. В соответствии с формулой, характерной для порнографических текстов: *«Я хочу, чтобы ты знал, что я хочу, чтобы ты это сделал»*¹, коммуникативная целеустановка побуждения, выраженная через повторяющиеся просьбы и предложения, совмещается с целеустановкой некатегоричного требования. В синтаксических конструкциях побуждение выражается в желании адресанта изменить текущую ситуацию в соответствии с его интенциями, что придает структуре высказываний ярко выраженный иницирующий характер. Вербальный компонент дополняется невербальными элементами, служащими наглядным примером для создания желаемого фото, что также позволяет интерпретировать данные высказывания как элементы инструктирования. Таким образом, при решении данного вопроса, в первую очередь, будет играть решающую роль функционально-прагматический анализ. Для более глубокого и всестороннего исследования необходимо также использовать другие методы, такие как анализ пресуппозиций, концептуальный анализ, логико-грамматический анализ, или анализ пропозиций. Эти методы направлены на выявление семантической структуры сообщения и позволяют точно определить характер и направленность побудительных действий и угроз. При наличии признаков психологического воздействия и оценки речевого воздействия целесообразна комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, опирающаяся на разработанные методики психолого-лингвистического исследования О.В. Кукушкиной² и соавторов³.

Корректные вопросы ориентированы на установление факта и формы речевого воздействия и содержания сообщений: «Имеются ли признаки вербальной агрессии в форме угрозы? Имеются ли в высказываниях собеседника несовершеннолетнего признаки побуждения к действиям, имеющим отношение к половым органам, половой сфере человека? Идет ли в разговоре речь о совершении действий сексуального характера в обмен на получение денежных

¹ Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

² Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе. Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1(41). С. 118-126.

³ Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.

средств»¹ и др. Недопустимы вопросы о правовой квалификации и субъективной стороне вины, выходящие за пределы специальных лингвистических знаний, что согласуется с общими требованиями к структуре и предмету экспертного заключения. Вопросы должны быть конкретными, соотносимыми с исследуемыми объектами и измеримыми по признакам, предусмотренным диагностическим комплексом.

При установлении коммуникативных стратегий воздействия (уговоры, манипуляция, шантаж) и оценке их психологической релевантности целесообразно назначение комплексной психолого-лингвистической экспертизы. Методика таких исследований включает согласованную модель взаимодействия психологических и лингвистических компонент, обеспечивающую целостную диагностику речевого воздействия и его направленности. Научно-методическая база комплексных исследований закреплена в специализированных пособиях и апробирована в экспертной практике².

Правовую основу судебно-экспертной деятельности и требования к производству экспертиз, их назначению и структуре заключения закрепляют Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Закон³ определяет задачи государственной судебно-экспертной деятельности, субъектов, порядок производства экспертиз и требования к научно-методическому обеспечению и верифицируемости результатов, что задает рамки качества для лингвистических экспертиз в уголовном судопроизводстве. По делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также против здоровья населения и общественной нравственности предмет экспертизы соотносится с нормами глав 18 УК РФ (ст. 131–135) и 25 УК РФ (ст. 242, 242.1), что отражается в формулировании вопросов и диагностических задач перед экспертом-лингвистом. Кроме того, в основе экспертизы лежат научность, воспроизводимость и верифицируемость применяемых методов, а также прозрачное описание процедур, что позволяет контролировать корректность выводов и их проверяемость в судебном разбирательстве. Отдельные методологические работы систематизируют подход к исследованию переписок сексуальной тематики с несовершеннолетними, фиксируя вид экспертизы, ее предмет и задачи, а также методический инструментарий. Эти материалы служат ориентиром для стандартизации экспертиз и повышения их доказательственной ценности в делах указанной категории.

¹ Судебно-экспертная деятельность: лингвистическая экспертиза / Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. Москва. URL: <https://www.sudexpert.ru/possib/lingv.php> (дата обращения: 08.11.2025).

² Пашина Е.А. Опыт лингвистического анализа по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 4(44). С. 62–65.

³ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Рекомендуется формализовать диагностические комплексы по ключевым экспертным понятиям, поддерживая единообразие признаков и порогов интерпретации в отчетах. Следует документировать выбор методов и лексикографических ресурсов и фиксировать контекстные ограничения, влияющие на выводы, что соответствует критериям верифицируемости и корректности, обсуждаемым в методических публикациях. Практика профильных изданий и экспертных учреждений может служить основой для локальных методических регламентов и обучения экспертов.

А.А. Кутырланова¹

Научный руководитель: **О.А. Четвергова²**

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Особенности механизма образования следов одежды, изготовленной из современных материалов

Аннотация. Данная статья посвящена изучению современных материалов, из которых изготавливается одежда и перчатки, а также исследованию механизма образования следов, оставленных ими. Предложены рекомендации по описанию следов одежды и перчаток, изготовленных из современных материалов. Методология работы основана на диалектико-материалистическом методе научного познания, законах философии, естественнонаучных методах и теоретических положениях криминалистики и судебной экспертизы.

Ключевые слова: одежда, следы, современные материалы, механизм образования, ткань.

При производстве трасологических экспертиз одежда человека и перчатки являются важным объектом и могут выступать как в качестве следовоспринимающего, так и в качестве следообразующего объекта. В первом случае исследованию подвергаются следы-отображения внешнего строения одежды, во втором – исследуются следы, которые образованы на самой одежде¹.

В настоящее время большую популярность приобретает одежда, изготовленная из нетканых материалов, изготовленная из переработанного сырья, искусственных, синтетических волокон, информация о которых отсутствует, что, в свою очередь негативно отражается на возможностях решения диагностических задач при производстве трасологической экспертизы следов одежды и перчаток. Наиболее распространенными материалами, используемыми для изготовления одежды, являются:

- а) блузочные ткани;
- б) трикотаж с люрексом;
- в) вискоза;
- г) аллова камуфлированная;

¹ Кантор И.В., Чулков И.А. и др. Криминалистическое исследование оружия и следов его применения: Практикум. Волгоград: ВСШ МВД РФ, 1993. С. 98.

- д) брезент огнеупорный;
- е) новоспан;
- ё) оксфорд.

Рассмотрим криминалистически значимые признаки следов, оставленных данными материалами:

а) **блузочная ткань** (рис. 1). Лиоцелл – новое волокно, полученное из древесной целлюлозы, он обладает мягким блеском, мягкостью и легкостью, а полиэстер добавляется для придания ткани прочности и износостойкости.

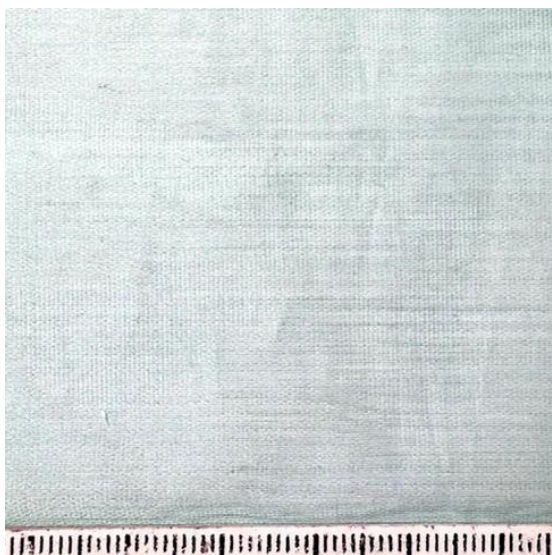

Рис. 1. Блузочная ткань

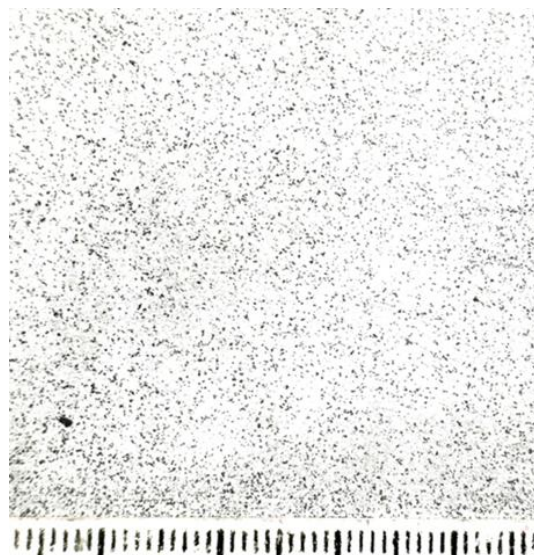

Рис. 2. След, оставленный блузочной тканью

Следы, оставленные такими тканями, характеризуются:

1. Хаотичным расположением окрашенных элементов в виде системы точек, расположенных хаотично относительно всего следа.
2. Интенсивность окраски непостоянна.

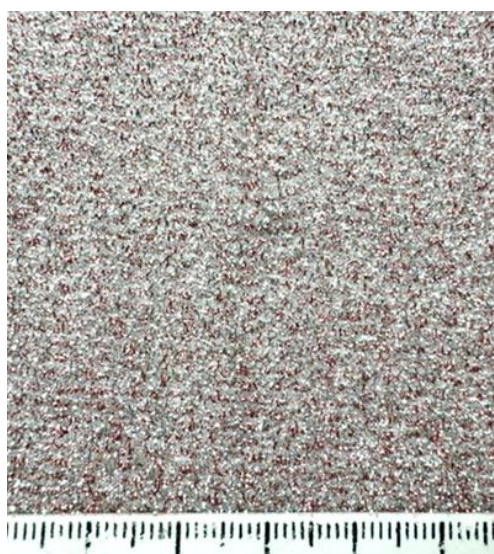

Рис. 3. Ткань - трикотаж с люрексом.

Рис. 4. След, оставленный тканью – трикотаж с люрексом

б) **трикотаж с люрексом** – лицевая сторона – мягкая, микрорельефная, блестящая, изнаночная – ровная, гладкая (рис. 3). Люрекс – это тонкая блестящая нить.

Следы, оставленные такими тканями (рис.4), характеризуются:

1. Хаотично расположенными окрашенными элементами в виде системы точек различного диаметра, расположенных хаотично относительно всего следа.
2. Интенсивность окраски непостоянна.

в) **вискоза** – воздухопроницаемая, просвечивающая ткань, внешняя сторона имеет слегка рельефную поверхность (рис. 5).

Рис. 5. Вискозная ткань

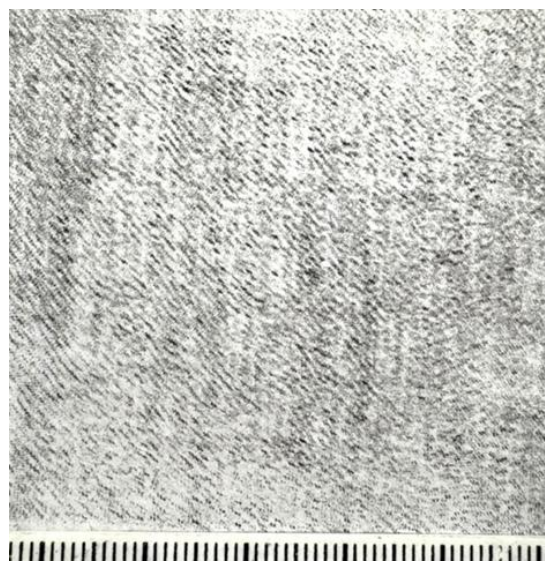

Рис. 6. След, оставленный вискозной тканью

Следы, оставленные такими тканями, характеризуются:

1. Окрашенными элементами, представленными в виде коротких полос дугообразной формы, расположенных под углом к друг другу.
2. Неокрашенными элементами, представленными в виде системы полос извилистой формы, расположенных под углом к друг другу.

г) **аллова камуфлированная** – ткань туристическая и предназначена для активного отдыха, устойчива к загрязнениям (рис.7).

Следы, оставленные такими тканями (рис. 7–8), характеризуются:

1. Пересекающимися окрашенными элементами в виде системы многоугольников, точек, а также полос различной длины, расположенных хаотично относительно всего следа.
2. Интенсивность окраски непостоянна.

Рис. 7. Ткань – аллова камуфлированная

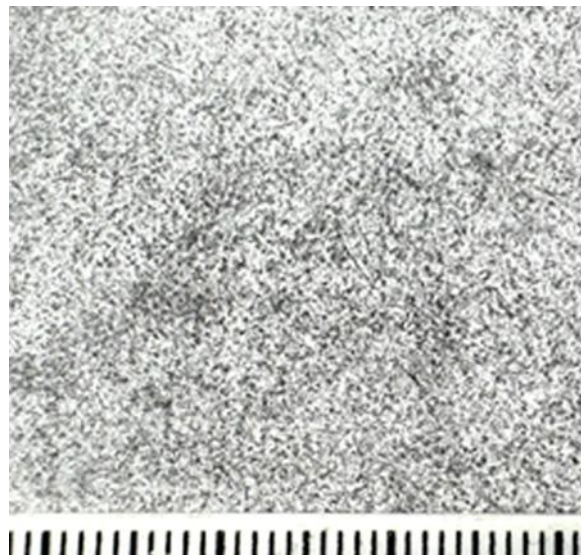

Рис. 8. След, оставленный тканью аллова камуфлированная

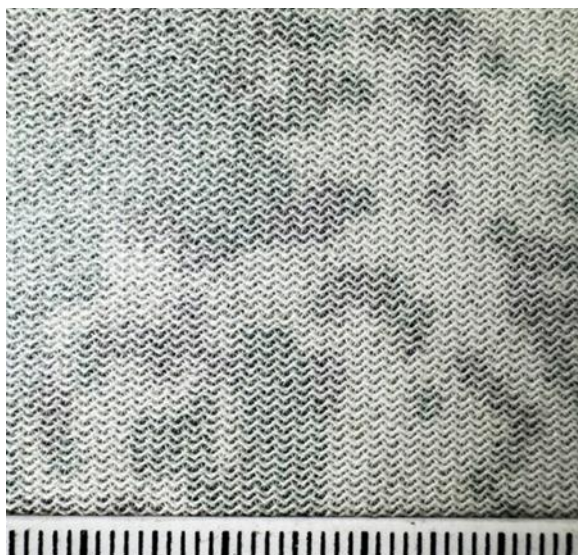

Рис. 9. Изнаночная сторона ткани – аллова камуфлированная

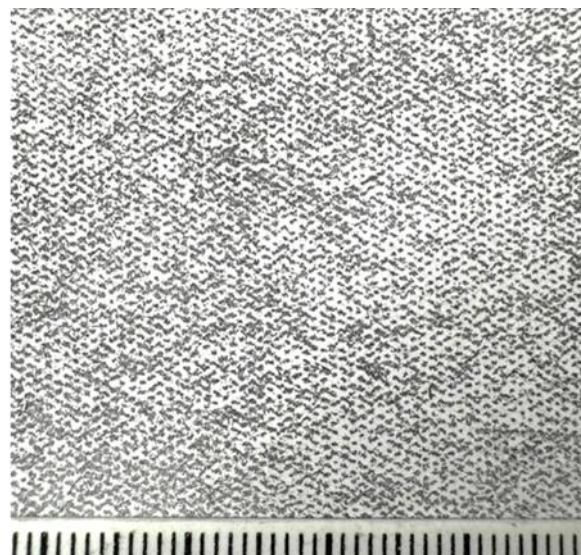

Рис. 10. След, оставленный изнаночной стороной ткани – аллова камуфлированная

Следы, оставленные такими тканями (рис. 9–10), характеризуются:

1. Непересекающимися окрашенными элементами V-образной формы, расположенных параллельно по отношению к осевой линии следа.
2. Упорядоченными неокрашенными элементами в виде системы полос ломанной конфигурации, расположенных параллельно по отношению к осевой линии следа.

д) брезент огнеупорный – плотный материал, изготавливаемый из толстой пряжи (рис. 11). Защищает от открытого огня, искр, а также высоких температур для того, чтобы ткань стала огнестойкой, ее пропитывают специальным составом.

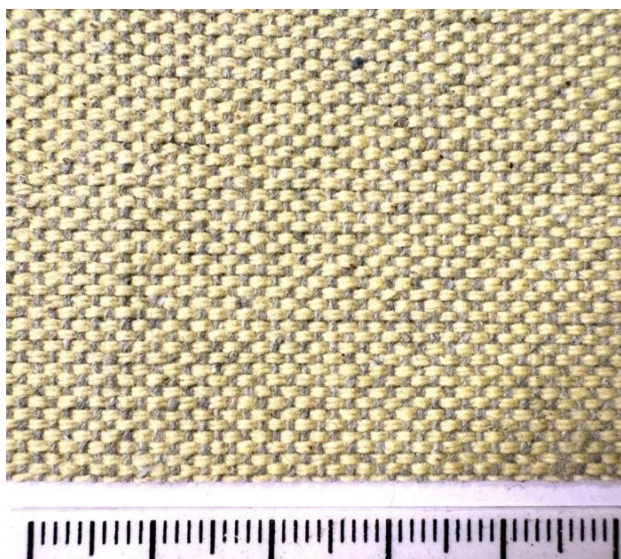

Рис. 11. Брезент огнеупорный

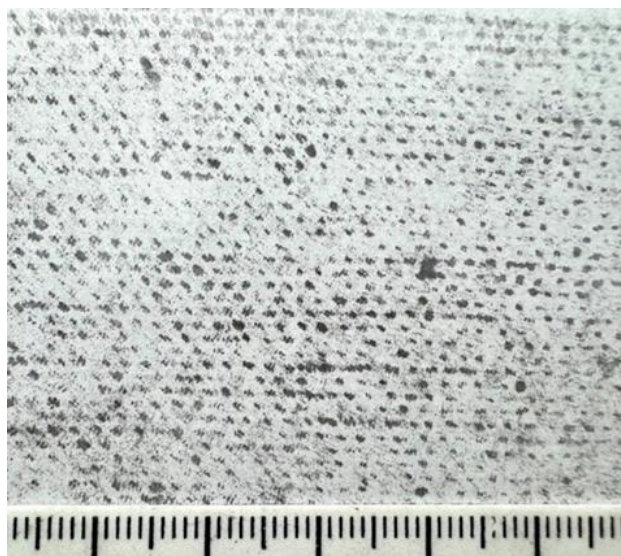

Рис. 12. След, оставленный новоспаном

Следы, оставленные такими тканями, характеризуются:

1. Упорядоченными, неокрашенными элементами, представленными в виде системы непересекающихся между собой точек, расположенных параллельно по отношению к осевой линии следа.

2. Интенсивность окраски непостоянна.

е) новоспан – ткань, состоящая из синтетических волокон, соединенных без использования клея. Это безопасная, экологичная и нетоксичная ткань, хорошо пропускающая пар и влагу (рис. 13).

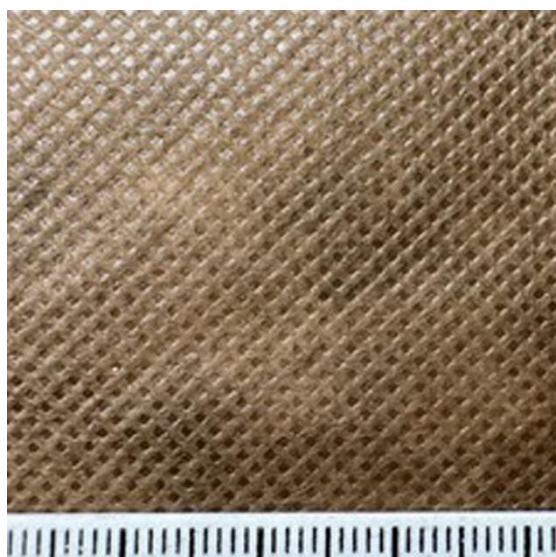

Рис. 13. Новоспан

Следы, оставленные такими тканями, характеризуются:

1. Пересекающимися окрашенными элементами в виде системы полос прямолинейной конфигурации, расположенных параллельно по отношению к осевой линии следа.

2. Непересекающимися неокрашенными элементами в виде системы упорядоченных ромбов, расположенных параллельно по отношению к осевой линии следа.

ё) *оксфорд* – ткань, обладающая водоустойчивыми и износостойкими свойствами (рис. 14). Поверхность покрыта специальным водоупорным полиуретановым составом.

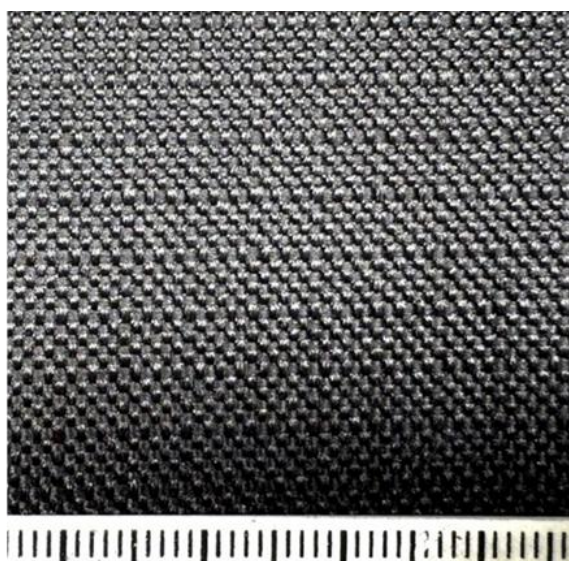

Рис. 14. Ткань оксфорд

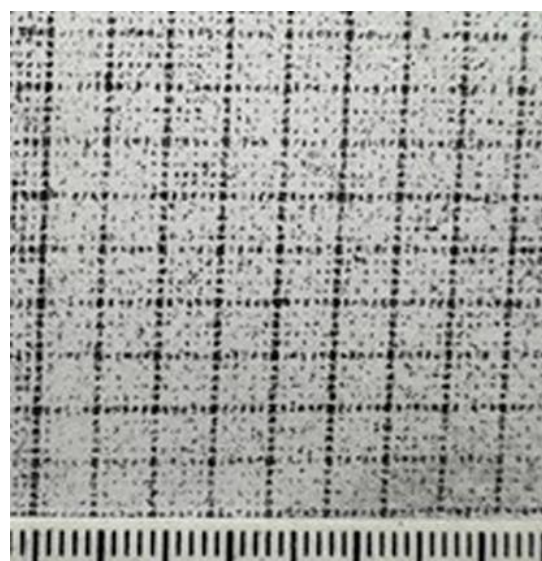

Рис. 15. След, оставленный тканью оксфорд

Следы, оставленные такими тканями (рис. 15), характеризуются:

1. Окрашенными элементами в виде системы полос, состоящих из упорядоченных точек, расположенных параллельно по отношению к осевой линии следа.

2. Упорядоченными неокрашенными элементами в виде системы непересекающихся между собой квадратов, расположенных параллельно по отношению к осевой линии следа.

Таким образом, на сегодняшний день представляется целесообразным совершенствование классификации материалов одежды, а также выработка рекомендации по трасологическому исследованию следов одежды и перчаток, изготовленных из современных материалов.

В.А. Людви́г¹

Научный руководитель: О.А. Белов²

^{1,2} Московский государственный юридический университет
им. О.Е.Кутафина (МГЮА)

Нейробиологические предикторы и биомаркеры в судебно-психиатрической экспертизе, их место в установлении вины и ответственности

Аннотация. Статья исследует роль нейробиологических предикторов (нейровизуализация, нейрофизиологические и генетические маркеры) в судебно-психиатрической экспертизе и их допустимость при установлении вины и ответственности в условиях быстрого развития нейронаук. Необходимым является установить валидность и предиктивную силу отдельных маркеров для выводов о вменяемости, контроле импульсов и склонности к агрессии, выявить ограничения их применения и выработать практические рекомендации. Результаты показывают, что нейробиологические данные способны повысить прогнозную точность при оценке риска рецидива, нарушений контроля и последствий органических поражений или злоупотребления веществами, однако они не дают однозначных доказательств наличия вины или лишают индивида свободы воли. В этой связи основными ограничениями становятся риски псевдоинтерпретаций и этико-правовые проблемы допустимости доказательств. Выводы подчёркивают, что нейробиологические предикторы могут служить вспомогательным инструментом в судебно-психиатрической экспертизе при условии строгих методологических стандартов, разработки единых протоколов валидации, а также формирования правовых критериев их применения и ограничения рисков злоупотребления.

Ключевые слова: нейробиологические предикторы, судебно-психиатрическая экспертиза, судебная экспертиза, биомаркеры, допустимость доказательств, этика, право

Правовая система, основанная на принципах свободной воли и рационального выбора, традиционно рассматривает вину и ответственность как категории, определяемые поведенческими и психологическими критериями. Однако стремительное развитие нейронаук, особенно в области функциональной нейровизуализации и генетики поведения поставило перед юриспруденцией фундаментальный вопрос: могут ли объективные биологические данные о работе мозга и генетической предрасположенности изменить понимание преступного мира и, как следствие, повлиять на оценку юридической ответственности?

Интеграция достижений нейробиологии в судебный процесс породила новую междисциплинарную область — «нейроправо»¹. Благодаря передовым технологиям нейровизуализации, включая магнитно-резонансную томографию

¹ Алферова Е.В. Нейробиотехнологии, уголовное право и процесс: взгляд российских ученых // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2023. № 2. С. 206–216.

(МРТ), функциональную магнитно-резонансную томографию (фМРТ) и компьютерную томографию (КТ), появляется возможность детального исследования как строения, так и активности головного мозга, в том числе у лиц, причастных к совершению преступлений. Особое значение эти данные приобретают в контексте судебно-психиатрической экспертизы, где специалисты призваны решать критически важные вопросы: вменяемость обвиняемого, его способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими, а также прогнозировать риск совершения повторных правонарушений – рецидивов.

Но внедрение таких нейробиологических доказательств сопряжено с серьёзными правовыми, методологическими и этическими проблемами. Главный вопрос заключается в следующем – могут ли корреляты, описывающие вероятность поведения или нарушение биологической функции, быть напрямую транслированы в юридические категории вины и намерения, для которых требуется оценка осознанного волеизъявления. Прежде чем разобраться с данным вопросом, необходимо произвести анализ состояния существующих современных нейробиологических предикторов.

Нейробиологические предикторы (от англ. «predict» - прогнозировать, предсказывать) – это параметры, коррелирующие с функциональным состоянием центральной нервной системы (в первую очередь, головной мозг) и её вовлечённостью в специфические физиологические и патологические процессы. Они используются для прогнозирования исхода того или иного заболевания, выявления причин изменений в поведении или когнитивных функциях, а также для оценки эффективности и безопасности лечения, таким образом, могут указывать на наличие или прогрессирование заболевания, но не являются определяющими критериями. Фактически существуют шесть компонентов мозга, которые непосредственно связаны между собой и регулируют поведенческий аспект: префронтальная кора, лимбическая система, поясная извилина, базальные ганглии, височная доля и мозжечок¹. Префронтальная кора головного мозга – это отдел коры больших полушарий головного мозга, представляющий собой переднюю часть лобных долей. Эта область отвечает за обработку и адаптацию мышления для достижения определённых целей в различных ситуациях². Также она отвечает за ряд важных исполнительных функций, в том числе когнитивные процессы (планирование, оперативная память, принятие решений), языковые навыки (контроль определённых аспектов речи и языка) и социальное поведение. Исследования показали, что снижение активности в префронтальной коре, включая миндалевидное тело, которое играет важную роль в эмпатии и эмоциональной

¹ Данилова А. А., Максименко А. А. Нейробиологические маркеры коррупционного поведения: теоретический обзор // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2024. №. 1 (25). С. 43.

² Widge, A. S.; Zorowitz, S.; Basu, I.; Paulk, A. C.; Cash, S. S.; Eskandar, E. N.; Deckersbach, T.; Miller, E.K.; Dougherty, D.D. (2019) Deep brain stimulation of the internal capsule enhances human cognitive control and prefrontal cortex function. *Nat Commun* 10, 1536. URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-019-09557-4?Amp%3Bcode=0b0965ba-983f-4d6f-bfcc-c7e14c0bc3f7>

регуляции, является причиной антисоциального поведения и уменьшения чувства страха¹.

В этой связи необходимо рассмотреть понятие, которое представляет собой объективно измеряемые индикаторы нормальных или патогенных биологических процессов или ответа на вмешательство – биомаркеры. Они могут быть как молекулами, измеряемыми в крови, в тканях или в других биологических материалах, так и веществами, обнаружение которых будет свидетельствовать о конкретном заболевании или болезненном состоянии. Однако наличие лишь биологического маркера не означает, что он является единственной или определяющей причиной преступного деяния. Поведение человека представляет собой сложный результат взаимодействия генетических, социальных и психических факторов. Юридические стандарты требуют доказательства не просто наличия дефекта, но и его прямого влияния на способность субъекта осознавать свои действия в момент совершения противоправного деяния.

Согласно статье 9 Федерального закона от 31.05.2001 №73-ФЗ (последняя редакция) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»² судебная экспертиза определяется как предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. Под судебно-психиатрической же экспертизой понимается вид судебной экспертизы, проводимый с использованием специальных знаний в области психиатрии, основной целью которой является оценка и экспертное заключение психическому состоянию субъектов уголовного права во время совершения тех или иных действий, при проведении экспертного обследования и обострении психического заболевания³. Данный вид судебной экспертизы находится в ведении органов здравоохранения. В структуре психиатрических лечебных учреждений функционируют амбулаторные судебно-психиатрические комиссии и отделения стационарной судебно-психиатрической экспертизы. Утверждение их штатного состава находится в компетенции вышестоящего органа управления здравоохранением.

Таким образом, судебно-психиатрическая экспертиза проводится для оценки психического состояния человека, вследствие чего определяется и устанавливается вменяемость лица, совершившего преступление. Ввиду отсутствия законодательно закреплённого понятия вменяемости, юридическая характеристика, противоположная ей, – невменяемость – становится предметом обсуждения. Статья 21 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ определяет

¹ Feinstein J. S., Adolphs R., Damasio A., Tranel D. (2011) The human amygdala and the induction and experience of fear. *Current Biology*, vol. 1, no. 21, pp. 34–38.

² Федеральный закон от 31.05.2001 №73-ФЗ (последняя редакция). // СПС КонсультантПлюс.

³ URL: <https://iopnd38.gosuslugi.ru/informatsiya-dlya-patsientov/napravleniya/sudebno-psihiatricheskaya-expertiza.html> (дата обращения 23.11.2025).

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // СПС КонсультантПлюс.

её как неспособность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики. Для установления данной категории необходимы медицинский (биологический) и юридический критерии. Медицинский критерий фактически устанавливает психиатрический диагноз (одно из расстройств, закреплённых в вышеприведённом определении). На основании текущего уровня медицинских знаний, данный критерий охватывает все идентифицированные формы психических отклонений у подэкспертного. Иными словами, он включает в себя номенклатуру имеющегося психического заболевания, его специфику, а также оценку психоэмоционального состояния лица, проходящего по делу в статусе подозреваемого (обвиняемого), в период проведения следственных действий и судебного разбирательства. Также рассчитывается возможность модификации симптоматики психического расстройства в условиях предварительного расследования и судебного процесса. Но вывод о неменяемости субъекта может быть сделан только при условии, что имеющее место расстройство психики привело к невозможности осознавать фактическую природу и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими. Этот критерий называется юридическим, который в свою очередь включает два основных признака (для установления данного критерия необходимо наличие хотя бы одного из них) – интеллектуальный и волевой. Интеллектуальный показатель отражает когнитивную способность к ретроспективному и текущему осмыслению действительности. Волевой – характеризует способность руководить своими действиями и контролировать эмоции.

Для диагностики психического состояния лица в судебно-психиатрической экспертизе используются различные методы от беседы и тестирований до применения специального оборудования. Основным инструментом выступает клинико-психопатологический метод, применение которого предполагает проведение беседы с обследуемым, фиксацию его внешних проявлений и поведенческих реакций, а также сбор сведений (общая активность, наследственная предрасположенность, перенесённые патологии и т. д.). Особое значение придаётся выявлению фактов черепно-мозговых травм и прохождения стационарного лечения в учреждения психиатрического профиля. Объём полученной информации может быть расширен за счёт показаний близких лиц, коллег по работе, а также посредством проведения дополнительных экспертных наблюдений¹. Психологические тестирования позволяют измерять уровень развития того или иного психологического свойства личности посредством выполнения стандартизированных заданий (например, российская адаптация Миннесотского многофазного личностного опросника ММРІ – стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ),

¹ Сидикова Д.З. Криминалистические проблемы производства судебно-психиатрических экспертиз по уголовным делам (магистерская диссертация). Томск, 2020. С. 59.

тест Роршаха (десять карточек с симметричными чернильными пятнами), тест Люшера с упорядочиванием цветов в порядке предпочтения и т. д.). Подэкспертный также обследуется биохимическими методами посредством анализа мочи и крови, спинномозговой жидкости и т. п. Применительно к данной статье стоит подробнее остановиться на методе нейровизуализации (нейропсихического обследования) и нейрофизиологических методах, которые напрямую связаны с исследованием мозга и рассмотренных ранее биомаркеров. Нейровизуализация позволяет выявить мозговые дисфункции и структуру нарушений когнитивных функций как таковых, установить причину таковых нарушений и оценить степень их выраженности. Этот метод включает в себя компьютерную томографию (КТ), магнитно-резонансную томографию (МРТ), функциональную магнитно-резонансную томографию (фМРТ) и иные. Компьютерная томография (КТ) даёт общее представление о структуре мозга и часто применяется при «острых» состояниях (например, после травм). Магнитно-резонансная томография (МРТ) также показывает структуру мозга, но с высоким разрешением и применяется для оценки анатомии объёмов зон мозга, наличия аномалий (позволяет выявить органические поражения мозга, которые напрямую могут оказывать влияние на поведение). Функциональная МРТ отслеживает изменения кровотока, связанные с нейронной активностью (например нарушение функциональной связи между амигдалой и префронтальной корой могут указывать на неспособность эффективно регулировать эмоциональные реакции, что является предиктором агрессивного поведения)¹. К нейрофизиологическим методам относится электроэнцефалография (ЭЭГ) и магнитоэнцефалография (МЭГ, которая почти не используется при проведении судебно-психиатрической экспертизы). Электроэнцефалография (ЭЭГ) изучает активность головного мозга, фиксируя его электрические сигналы, возникающие в ходе функционирования. Наиболее изученным предиктором является компонент Р300, который отражает когнитивную обработку значимых стимулов (внешних воздействий). У лиц с психопатией и расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, наблюдается снижение амплитуды Р300. Считается, что такой сниженный компонент потенциала отражает дефицит внимания к социальным и угрожающим стимулам, что коррелирует с низким уровнем тревожности и эмпатии.

Но судебно-психиатрическая экспертиза вне зависимости от степени её изученности, как и в целом любая сфера жизнедеятельности имеет свои недостатки. Большая часть проводимых нейробиологических исследований устанавливает взаимосвязь между определённым рассматриваемым паттерном мозга и некоторой уже сформировавшейся «группой» лиц, совершивших противоправное деяние. Использование таких данных в суде требует перехода от групповой статистики к индивидуальному случаю. Это называется проблемой

¹ Михалева А. Как выглядит депрессия и не только: что такое нейровизуализация. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/685153a89a79476aca41cca8> (дата обращения 23.11.2025).

обратной инференции (перенесение групповых данных на конкретное лицо), при которой обнаружение какой-либо аномалии не делает её причиной преступления. Для того чтобы нейробиологическое доказательство было допущено в суд, оно должно соответствовать строгим стандартам научности и релевантности. На сегодня большинство методов нейровизуализации и иных, несмотря на их научную ценность, не обладают достаточной диагностической специфичностью, при которой достоверно определяется отсутствие заболевания у лица, для однозначного установления юридически значимого факта на уровне отдельного индивида. Но всё те же нейробиологические предикторы и биомаркеры, например, позволяют суду понять, что поведение было частично обусловлено патологией, а не прямым умыслом, то есть служат определённым смягчающим фактором. Также их применение фактически оценивает возможность рецидива, что влияет на решения о досрочном освобождении или назначении мер принудительного лечения.

Таким образом, нейробиологические предикторы представляют собой перспективный, но достаточно сложный инструмент для судебно-психиатрической экспертизы. Они могут существенно повысить объективность оценки совершённых противоправных деяний и прогностической точности оценки рецидива или опасного поведения в целом, однако не заменят юридическую оценку вины.

В.Д. Михайлова¹

Научный руководитель: **И.О. Несмиянова²**

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Профилактика экспертных ошибок при трасологическом исследовании следов ушных раковин человека

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме трасологической экспертизы – экспертным ошибкам при исследовании следов ушных раковин человека. На примере конкретного случая из следственной практики (ЭКЦ МВД по Республике Крым, 2020 г.) и анализа зарубежного методического подхода (И. Каспржак) демонстрируется ключевая проблема производства данного вида экспертиз – отсутствие апробированной типовой методики и количественных критериев для оценки отобразившихся признаков следов ушных раковин. Представлены направления собственных исследований авторов, нацеленные на решение обозначенных вопросов через разработку нового исследования, направленного на изучение расово-этнических особенностей строения ушных раковин человека.

Ключевые слова: трасологическая экспертиза, экспертные ошибки, следы ушных раковин, методические рекомендации, расово-этническая принадлежность.

В контексте криминалистических исследований особое значение приобретают нетрадиционные объекты гомеоскопии – следы ушных раковин, поскольку это еще один орган человека, который уникален для каждого. Данные следы

преступник может оставить на месте происшествия при касании ушной раковины с различными объектами, например, во время подслушивания у дверей и окон; в случае, если преступник прятался в ограниченном пространстве (в шкафу или за диваном) и прижал голову к стене либо другой поверхности; если преступник воспользовался мобильным телефоном жертвы для разговора либо случайно оставил свой гаджет на месте происшествия; во время драки, когда жертва прижала к стене преступника. Поэтому, даже если преступник считает, что его действия останутся незамеченными, он и не подозревает, что контакт ушной раковины с окружающей средой, может стать решающим доказательством его вины.

Несмотря на потенциальную ценность следов ушных раковин для следственной работы, в России данный аспект до сих пор не получил заслуженного внимания со стороны экспертов в области трасологии. Это приводит к тому, что использование следов ушных раковин в качестве доказательственной базы встречается крайне редко, как и проведение трасологической экспертизы по таким следам, вследствие чего как при осмотре места происшествия, так и при производстве экспертизы возникают ошибки различного характера.

Согласно определению Р.С. Белкина, экспертные ошибки – это не соответствующие объективной действительности суждение эксперта или его действия, не приводящие к цели экспертного исследования, являющиеся результатом добросовестного заблуждения¹.

Можно выделить некоторые виды экспертных ошибок:

-процессуальные (нарушение экспертом норм законодательства, процессуальных сроков и требований, выход за пределы своей компетенции);

-гносеологические (неверное логическое понимание результатов, неверная оценка данных, недостаточный опыт);

-деятельностные (использование экспертом неподходящих средств, методов; нарушение методик, последовательности исследования).

Причины экспертных ошибок могут быть объективными (не зависящими от эксперта) и субъективными (связанные с пониманием/действиями эксперта)².

На примере трасологического исследования следов ушных раковин человека можно это наглядно проиллюстрировать. В настоящее время данный вид

Рис. 1. След ушной раковины человека

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов в 3-х томах. М., 2001.

² Россинская Е.Р. Ошибки судебной экспертизы: классификация, предупреждение, выявление / Е.Р. Россинская // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5. С. 12.

экспертизы еще находится на недостаточно высоком качественном уровне и имеет ограниченное распространение в экспертной практике.

Следы ушной раковины не полностью отображают форму и строение ушной раковины, а лишь ее выступающие элементы: завиток, часть противозавитка, козелок, противокозелок и мочку, которые имеют относительно небольшую по ширине контактную поверхность (рис. 1). Также проблема, с которой могут столкнуться эксперты, – непостоянность получаемых данных при отображении следов. Это обусловлено тем фактом, что при формировании следов ушных раковин может наблюдаться вариативность в размерах и форме, связанная с неодинаковой силой давления при следообразовании. Данные факторы усложняют производство экспертизы¹.

Отсутствие апробированной типовой методики и количественных критериев для оценки отобразившихся признаков следов ушных раковин – одна из основных экспертных ошибок. В настоящее время в литературе содержатся общие подходы к исследованию данных следов, например, методика, состоящая из 4 стадий: подготовительной, аналитической, сравнительной и оценочной. В ней рекомендовано формулировать вероятный вывод, что существенно ограничивает его доказательственную ценность в суде².

Однако на практике встречаются случаи, выходящие за рамки общепринятых норм. Ярким примером является опыт ЭКЦ МВД по Республике Крым (2020 г.). В ходе расследования серии преступлений по факту краж из жилищ на входных дверях были обнаружены следы ушных раковин. В течении нескольких месяцев было выявлено 25 подобных следов, и все они, по версии следствия, были оставлены одним подозреваемым.

Эксперты, проводившие исследование, пошли по нестандартному пути: они установили реперные точки, измерили метрические размеры между ними и сравнивали их значения между собой. На основании полученных количественных данных был сформулирован категорический положительный вывод о том, что следы, изъятые в ходе осмотров мест происшествий по факту 25 краж, оставлены подозреваемым³. Вывод эксперта принят судом в качестве вещественных доказательств, подозреваемый осужден.

Крымский опыт демонстрирует, что отсутствие методического обеспечения при производстве следов ушных раковин человека вынуждает экспертов к применению нестандартных субъективных подходов, успех которых зависит от компетентности, опыта и внутреннего убеждения эксперта. Следовательно,

¹ Дёмин К.Е., Семенова А.В. К вопросу об исследовании следов ушных раковин как объектах трасологической экспертизы // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: сборник научных трудов. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2021. С. 227–231.

² Трасология и трасологическая экспертиза: учебник. – 2-е издание, стереотипное – [Н.П. Майлис и др.]. М.: Университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. 604 с.

³ Биллер С.Э. Эффективность использования нетрадиционных методов экспертного исследования следов, изъятых в ходе осмотра места происшествия при расследовании квартирных краж. ЭКЦ МВД по Республике Крым, отделение № 3 МО, г. Евпатория, 2020 г.

существует потребность в создании типовой методики исследования данного вида экспертиз, чтобы избежать экспертных ошибок.

Анализ зарубежного опыта подтверждает отсутствие единого подхода. К стадиям, используемым российскими криминалистами, И. Каспржак добавил стадию кодирования, установления частоты встречаемости признаков и определения степени вероятности. В своей методике он определил для идентификации следов ушных раковин 10-15 признаков¹. Однако на практике из-за малого объема отображающихся выступающих элементов ушной раковины такое количество достаточно трудно обнаружить и излишне усложняет процесс идентификации.

Это подтверждает, что методика польского ученого хоть и имеет право на существование, однако не является единственно верным подходом в данной области, что в очередной раз доказывает актуальность исследования следов ушных раковин, совершенствования и разработки новых методических рекомендаций.

Именно поэтому мы усовершенствуем понятийный аппарат и разрабатываем методику. В настоящее время нами ведется работа по исследованию расово-этнических особенностей строения ушных раковин, отобразившихся в следах, с целью идентификации личности.

В основу исследования положено изучение анатомо-морфологических особенностей строения ушных раковин и их отображение на следовоспринимающей поверхности у 105 слушателей факультета подготовки иностранных специалистов Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя, принадлежащих к различным этническим группам таких стран, как Азербайджан, Вьетнам, Кыргызстан, Казахстан, Монголия, Узбекистан и Таджикистан, а также у 30 курсантов Института судебной экспертизы. При этом не учитывался пол, а возраст составлял 18-23 года.

В качестве следовоспринимающей поверхности использовались листы белой нелинованной бумаги формата А4. После чего для усиления контраста следы ушных раковин обрабатывались темным дактилоскопическим порошком.

При использовании методов трасологии, таких как наблюдение, измерение, описание и сравнение нами была выделена следующая классификация отображений анатомо-морфологических признаков в следах ушных раковин, позволяющая в вероятной форме определить принадлежность к расово-этнической группе таких стран, как Азербайджан, Вьетнам, Кыргызстан, Казахстан, Монголия, Узбекистан, Таджикистан и Россия: форма следа ушной раковины (овальная, круглая, треугольная, прямоугольная), контур отображения противокозелка (прямолинейный, дугообразный), форма отображения мочки (широкая, удлиненная), величина отображения межкочечковой вырезки (узкая, средняя, широкая).

Анализ и сравнение данных отображений расово-этнических групп таких стран, как Азербайджан, Вьетнам, Кыргызстан, Казахстан, Монголия, Узбекистан, Таджикистан и Россия представлены в таблице.

¹ Kasprzak, J. Otoskopia kryminalistyczna. System identyfikacji. Olsztyn 2003.

**Частота анатомо-морфологических признаков ушных раковин у
различных этнических групп, %**

Анатомо-морфологические признаки следа ушной раковины		Исследуемая группа*							
		Азербайджан	Таджикистан	Вьетнам	Казахстан	Монголия	Узбекистан	Кыргызстан	Россия
Форма следа ушной раковины	Овальная	88	63	60	20	27	50	60	56
	Круглая	-	-	20	-	9	5	20	8
	Треугольная	12	13	20	20	64	25	-	21
	Прямоугольная	-	24	-	60	-	20	-	15
Отображение контура противокозелка	Прямой	34	60	58	20	64	80	-	26
	Дугообразный	66	40	42	80	36	20	100	74
Форма отображения мочки	Широкая	84	71	64	78	38	75	86	58
	Удлиненная	16	29	36	22	62	25	14	42
Величина отображения межкозелковой вырезки	Узкая	12	20	20	-	22	20	29	42
	Средняя	88	60	60	43	66	20	42	50
	Широкая	-	20	20	57	12	60	29	8

* Ячейки с наибольшим показателем конкретного признака в исследуемой группе отмечены голубым фоном

Исследованием установлено, что наиболее часто у изучаемых этнических групп встречаются овальные формы следа ушной раковины (88 % в Азербайджане, 63 % в Таджикистане, 60 % во Вьетнаме, 50 % в Узбекистане, 60 % в Кыргызстане и 56 % в России). Наиболее редко среди всех групп встречается прямоугольная форма следа ушной раковины, которая не была выявлена вовсе в Азербайджане, Вьетнаме, Монголии и Кыргызстане, однако в Казахстане она составляет 60 %. Круглая форма следа ушной раковины не была выявлена в Азербайджане, Таджикистане и Казахстане, и не преобладает ни у одной этнической группы. Частовстречаемая форма следа ушной раковины в Монголии – треугольная (64 %), которая не была выявлена только в Кыргызстане.

Контур отображения противокозелка в половине стран прямолинейной конфигурации (60 % в Таджикистане, 58 % во Вьетнаме, 64 % в Монголии, 80 % в Узбекистане), у остальных – дугообразной конфигурации (66 % в Азербайджане, 80 % в Казахстане, 100 % в Кыргызстане и 74% в России).

В Монголии чаще всего встречается удлиненная форма отображения мочки (62%), у остальных групп – широкая (84 % в Азербайджане, 71 % в Таджикистане, 64 % во Вьетнаме, 78 % в Казахстане, 75 % в Узбекистане, 86 % в Кыргызстане и 58 % в России).

В Казахстане (57 %) и Узбекистане (60 %) преобладающая величина отображения межкозелковой вырезки – широкая, которая не была выявлена только в Азербайджане. Узкая величина отображения межкозелковой вырезки имеет наименьшую частоту встречаемости среди всех групп, а в Казахстане она не была выявлена вовсе. Средняя же величина отображения межкозелковой вырезки носит самый распространенный характер (88 % в Азербайджане, 60 % в Таджикистане и во Вьетнаме, 66 % в Монголии, 42 % в Кыргызстане и 50 % в России).

Установленные общие признаки отображения анатомо-морфологических характеристик в следах ушных раковин хотя и имеют свои особенности в различных странах, но не позволяют в категорической форме отнести индивида к определенной расово-этнической группе. Это связано с тем, что подобные признаки отображаются во всех странах, но с большей либо же меньшей частотой встречаемости. Тем не менее, существует возможность дифференциации следов ушных раковин в вероятной форме, что в свою очередь может быть использовано при проведении трасологических экспертиз.

Таким образом, только глубокое изучение и создание надежных научно обоснованных методических рекомендаций поможет минимизировать экспертные ошибки и повысить доказательственную силу трасологического исследования следов ушных раковин человека.

М.А. Моисеенко¹

Научный руководитель: **Э.С. Сарыгина²**

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

К вопросу методического обеспечения судебной бухгалтерской экспертизы на примере расследования должностных преступлений

Аннотация. В данной работе рассматривается роль судебной бухгалтерской экспертизы в расследовании должностных преступлений, таких как злоупотребление и превышение полномочий, взяточничество и посредничество во взяточничестве. Подчеркивается, что рост количества и сложности таких преступлений требует привлечения эксперта-экономиста, обладающего специальными знаниями в области

бухгалтерского, финансового, налогового учета и анализа хозяйственной деятельности. На конкретном примере иллюстрируется практическое применение экспертизы для установления суммы ущерба в виде незаконного начисления заработной платы фиктивно трудоустроенному работнику. Описываются методы, используемые экспертом, и их соответствие принципам законности, научности, точности, эффективности, надежности и безопасности.

Ключевые слова: Судебная бухгалтерская экспертиза, эксперт, должностные преступления, объекты судебной экспертизы, методы судебной экспертизы, судебная экспертиза, фиктивное трудоустройство.

Расследование должностных преступлений является серьёзной задачей для следователя. К традиционно должностным преступлениям можно отнести: ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий», ст. 290 УК РФ «Дача взятки», ст. 291.1. УК РФ «Посредничество во взяточничестве», а также и другие статьи, которые указаны в главе 30 УК РФ. Например, в случаях, когда должностное лицо: перевело денежные средства за оказание возможно невыполненной работы своему близкому или родственнику; израсходовало денежные средства местного бюджета не по Плану; получило денежные средства, выраженные в биткоинах. В расследовании таких преступлений могут быть использованы специальные экономические знания. Сложно не согласиться с мнением М.М. Виноградовой, которая считает, что в число профессиональных специальных знаний судебного эксперта-экономиста входят практически все области экономической науки, к которым можно отнести: бухгалтерский, финансовый, налоговый учет, анализ финансово-хозяйственной деятельности, финансово-кредитные отношения и т.п.¹. Одной из процессуальных форм применения специальных экономических знаний является судебная бухгалтерская экспертиза, под которой мы понимаем процессуальное действие, состоящее из проведения исследования и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешения которых требует специальных знаний в области исследования содержания записей оперативного, управленческого и бухгалтерского учётов. Бухгалтерская экспертиза является самой научно проработанной и её возможности следствие должно использовать, как средство доказывания. Опасность должностных преступлений из главы 30 УК РФ состоит в том, что они наносят ущерб государственной власти, интересам государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а также подрывают авторитет государственных структур и органов перед обществом.

Судебная бухгалтерская экспертиза, проводимая по уголовному делу, связанному с должностными преступлениями из главы 30 УК РФ помогает решить разные вопросы следователя, разрешение которых помогут прийти к объективному и справедливому решению суда. Такие вопросы как:

¹Виноградова М.М. Проблемы установления границ компетенции судебных экспертов-экономистов и применения специальных экономических знаний / М. М. Виноградова // Теория и практика судебной экспертизы. 2010. № 3(19). С. 85–92.

1. Определить стоимость услуг по вывозу снега с территории железнодорожного вокзала г. Х в период с 01.01.2020 по 31.12.2021 года, оказанных ИП Иванов С.Н., на основании актов о выполненных работах;

2. Определить сумму денежных средств, полученных ИП Иванов С.Н. за вывоз снега с территории железнодорожного вокзала г. Х в период с 01.01.2020 по 31.12.2021, от АО «Снег» и ОАО «РЖД»;

3. Определить стоимость услуг по вывозу снега с территории железнодорожного вокзала г. Х в период с 01.01.2020 по 31.12.2021, оказанных ИП Иванов С.Н., на основании рукописных записей из журналов, изъятых у ИП Иванов С.Н. указанных в протоколе допроса свидетеля Иванова С.Н. от 08.05.2022.

Например ¹, будучи директором муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «XXXXXXXXX средняя общеобразовательная школа» в городе Х заключила договор о приёме на работу со своей родственницей на должность уборщицы. Но после проверки федеральной службы по надзору в сфере образования и науки выяснилось, что ее родственница после трудоустройства в течение года вышла на работу всего 5 раз, а все остальные дни, в которые должна была работать она не вышла без обоснованных причин, но заработная плата начислялась на имя ФИО1 ежемесячно в течение года. Следователь установил, что директор школы, злоупотребляя своими должностными полномочиями, организовала фиктивное трудоустройство своей родственницы. Чтобы скрыть это, директор лично давала указания подчиненным вносить ложные данные в таблицы учёта рабочего времени и расчётные ведомости. Также был составлен фиктивный приказ об увольнении. Все эти действия директор совершила умышленно, руководствуясь корыстными интересами. Следователем было установлено, что указанные преступные действия директора школы, совершенные из корыстной и иной личной заинтересованности с использованием своих должностных полномочий, повлекли существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства, выразившиеся:

- в причинении материального ущерба местному бюджету, путём получения заработной платы за работу, которая не выполнялась;

- в нецелевом, вопреки требованиям ст. 34 БК РФ, использовании муниципальных бюджетных средств, выделенных учреждению для осуществления своей деятельности;

- в подрыве авторитета муниципального учреждения путём формирования в обществе не соответствующего действительности мнения о вседозволенности некоторых должностных лиц муниципальных учреждений, способных из личной заинтересованности безнаказанно нарушать законодательство Российской Федерации.

Для того, чтобы посчитать сумму незаконно начисленных денежных средств родственнице директора школы из местного бюджета, следователь назначил судебную бухгалтерскую экспертизу. В постановление о назначении судебной

¹ Архив СЭЦ СК России

бухгалтерской экспертизы следователь сформулировал следующий вопрос эксперту-бухгалтеру: «Какова сумма денежных средств, начисленных и выплаченных в виде заработной платы, стимулирующих, отпускных и премиальных выплат на имя ФИО1 за период с 12.01.2021 по 31.12.2022 (в целом за весь период и в разрезе за каждый месяц работы)?»

Также следователь предоставил объекты на исследования для решения поставленного перед экспертом вопроса. Основные объекты, предоставленные на судебную бухгалтерскую экспертизу следующие:

1. Приказ о приёме на работу ФИО1 от 12.01.2021.
2. Табель учёта рабочего времени за период с 01.01.2021 по 31.12.2022.
3. Платёжная ведомость по форме Т-53 за период с 01.01.2021 по 31.12.2022 (на 8 листах).
4. Выписка из лицевого счета за период с 01.01.2021 по 31.12.2022.
5. Книга приказов по личному составу с 12.01.2020 на 70 листах.
6. Приказ об увольнении ФИО1 от 20.12.2022

В специальной литературе имеются перечни объектов, которые ограничены достаточно широким представлением о необходимой информации. Так согласно мнению В.В. Голиковой¹, под объектом судебной бухгалтерской экспертизы следует понимать материальный носитель, содержащий учётную информацию о финансово-хозяйственных операциях организации, необходимую для решения экспертной задачи. Также она классифицирует объекты судебной бухгалтерской экспертизы на основные и вспомогательные. К основным она относит: первичные учётные документы, ведомости и регистры бухгалтерского учёта (расчётные ведомости, оборотно-сальдовые ведомости, карточки по счётам), отчётные документы организаций (кассовая книга, отчёты кассиров), бухгалтерская отчётность. К вспомогательным объектам Голикова относит: учётную политику организаций, организационно-распорядительные документы (приказы и распоряжения руководителей). Это не всегда применимо на практике. В перспективе, полагаем, с целью разработки типовой экспертной методики (методические рекомендации) следует более чётко предлагать необходимый перечень объектов исследования. Полагаем, это положение уместно учитывать судебный эксперт СЭЦ СК России.

Экспертом² в рамках этого исследования были применены следующие методы: сопоставление документов, арифметический подсчет, систематизирование информации, анализ полученных данных. Для цели настоящей статьи под такими методами понимается следующее:

Метод сопоставления документов — это процесс поиска, анализа и сравнения документов (или их частей) для выявления сходств, различий, соответствий заданным критериям или установления взаимосвязей между ними.

¹ Голикова, В. В. Предмет, объекты и задачи судебной бухгалтерской экспертизы // Вестник криминалистики. 2018. № 2(66). С. 29–36.

² Архив СЭЦ СК России.

Метод арифметического подсчета — это подход, при котором решение выносится на основе подсчета определенных количественных показателей (баллов, частот, сумм) и сравнения результата с заданным порогом или эталоном.

Метод систематизации информации — это совокупность принципов и процедур, направленных на структурирование, классификацию, организацию информации в единую, логичную и непротиворечивую систему для эффективного хранения, поиска, анализа и использования.

Метод анализа полученных данных — это процесс исследования, очистки, преобразования и моделирования данных с целью обнаружения полезной информации, выявления закономерностей, формирования выводов и поддержки принятия решений.

Согласно ст.25 ФЗ 73 о ГСЭД от эксперта в заключении требуются указать методы, однако в ст.204 УПК РФ законодатель говорит о методике.

Методы в судебной экспертизе являются особым понятием, которое разные авторы трактуют различно. Согласно мнению¹ Е.Р. Россинской: «Метод в широком смысле есть способ познания действительности, изучения явлений природы или общественной жизни, достижения какой-либо цели, решения задачи, т. е. определенным образом упорядоченная познавательная деятельность». Также она говорит, что методы в судебной экспертизе, могут совпадать с методами, которые используются в научных исследованиях, если последние не будут противоречить требованиям закона и будут соответствовать общим принципам допустимости. Под принципами допустимости использования методов в судебной экспертизе она выделяет:

- законность и этичность методов;
- научность методов;
- точность в результате при использовании методов;
- эффективность при использовании методов;
- надежность результатов при использовании методов, благодаря которой можно проверить и повторить экспертизу;
- безопасность для жизни и здоровья человека при использовании методов

Также она предлагает собственную классификацию методов в судебной экспертизе, которая распространяется на все классы судебных экспертиз. Классификация методов в судебной экспертизе Е.Р. Россинской выглядят следующим образом:

- 1) Всеобщий диалектический метод
- 2) Общие или общенаучные методы
- 3) Специальные методы частных наук

Под всеобщим диалектическим методом она понимает: «совокупность наиболее фундаментальных принципов и приемов, регулирующих всякую познавательную и практическую деятельность».

¹ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Инфра-М, 2011. 736 с

Под общими или общенаучными методами она понимает: «методы, используемые во всех (или во всяком случае в очень многих) науках и сферах практической деятельности».

Под специальными методами частных наук она понимает: «современные методы судебно-экспертного исследования, основанные на интеграции новых технологий, использовании сложных приборных комплексов, компьютерной техники, и включают в себя характерные черты одного или нескольких общенаучных методов исследования».

Методологическую основу судебной бухгалтерской экспертизы составляет конкретная методика. В научной литературе существуют различные подходы к определению этого понятия. Под методикой экспертного исследования Р. С. Белкин. понимает «систему рекомендаций по выбору и применению методов исследования объектов данного рода (вида) судебной экспертизы и формированию необходимой материально-технической базы исследования».¹ Но Е.Р. Россинская понимает методику экспертного исследования как «систему (совокупность) методов, причем включенные в ее содержание, структуру методы применяются в определенной последовательности, зависящей как от поставленных задач и этапов их решения, так и от условий, в которых проводится исследование».² Для целей настоящей работы более точным представляется определение Е.Р. Россинской, поскольку оно подчеркивает системное применение методов в четкой последовательности, что особенно важно в бухгалтерской экспертизе. Россинская также предлагает развернутую классификацию методик по степени общности:

1. Родовая (видовая) методика
2. Типовая методика
3. Конкретная, или частная, экспертная методика

Под родовой методикой она подразумевает совокупность средств и способов проведения экспертиз для какого-либо рода (вида) экспертиз.

Под типовой методикой она подразумевает такую методику, которая используется для решения типовых задач для какого-либо рода (вида) экспертиз. Типовая методика, как правило разрабатывается государственными судебно-экспертными учреждениями, которые перед её разработкой руководствуются: предложениями по реализации результатов научно-исследовательских работ, решениями научных конференций, научно-практических семинаров, методических советов. Перед тем как методика получит статус типовой, она должна пройти этапы апробации и внедрения.

Под конкретной, или частной, экспертной методикой она подразумевает методику, которая направлена на решение определенной экспертной задачи и представляет собой либо результат приспособления, модификации типовой экспертной методики к решению конкретной задачи, либо плод творческого подхода эксперта к решению нетривиальной экспертной задачи.

¹ Криминалистика: Краткая энциклопедия / Р.С. Белкин М. 1993. С.41.

² Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Инфра-М, 2011. 736 с

Таким образом с целью удовлетворения нужд законодателя, согласно ст.204 УПК РФ и понятием о конкретной экспертной методике предложенной Россинской, описанной нами выше наиболее правильным, по нашему мнению, представляется в тексте заключения эксперта конкретная экспертная методики в следующем виде:

1) Анализ постановления о назначении судебной бухгалтерской экспертизы с целью выявления необходимых данных для составления в вводной части заключения;

2) Уяснение цели и предмета конкретной судебной экспертизы;

3) Анализ приказа о приёме на работу ФИО1 от 12.01.2021, книги приказов по личному составу с 12.01.2020 на 70 листах и приказа об увольнении ФИО1 от 20.12.2022 с целью выявления экономической информации, касающейся ФИО1: период официального трудоустройства, период экспертного исследования, табельный номер, характеристики величины оплаты труда;

4) Анализ табеля учёта рабочего времени за период табель учёта рабочего времени за период с 01.01.2021 по 31.12.2022 с целью установления якобы фактически отработанных дней, выходных и пропусков по различным причинам в целом за весь период и в разрезе за каждый месяц работы;

5) Анализ платёжной ведомости по форме Т-53 за период с 01.01.2021 по 31.12.2022 и выписки из лицевого счета за период с 01.01.2021 по 31.12.2022 с целью выявления причитающихся величин работника ФИО1 и фактически перечисленных на расчётный счёт ФИО1 денежных средств в целом за весь период и в разрезе за каждый месяц работы.

Резюмируя выше сказанное, становится очевидно, что предлагаемая конкретная экспертная методика полностью удовлетворяет требованиям ст. 204 УПК РФ, включает типичный экономический инструментарий, предлагаемый и описанный экспертом, и рядом других ученых экономистов А.А. Савицкий, В.В. Голикова¹ и др. Полагаем, что при производстве судебной бухгалтерской экспертизы эксперту-бухгалтеру необходимо ориентироваться на решение определенной экспертной задачи и разрабатывать конкретную экспертную методику путем приспособления и модификации имеющегося экономического инструментария к решению конкретной задачи на основе творческого подхода эксперта к решению диагностических, экономических, в том числе нетривиальной экспертной задачи.

При проведении судебной бухгалтерской экспертизы по уголовному делу о должностном преступлении эксперт должен использовать определённые методы для решения каких-либо задач. Выбор методов исследования определяется исключительно поставленными перед ним вопросами. Методы не должны противоречить закону и обязаны обеспечивать достоверность и объективность выводов, изложенных в заключении. Выводы, будучи одним из доказательств по

¹ См. подробнее: Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение: учебник для аспирантуры по специальности 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 282–338.

делу, предоставляют суду надежную информацию для принятия обоснованного решения в отношении должностного лица, чья вина должна быть доказана в установленном порядке.

Судебная бухгалтерская экспертиза по должностным преступлениям может проводиться по разным типовым методикам, включающие методические рекомендации, описанные нами выше, вне зависимости от видов государственных судебно-экспертных учреждений (СЭЦ СК России, ЭКЦ МВД, РФЦСЭ при Минюсте России). Следует отметить, что типовые методики, используемые в государственных судебно-экспертных учреждениях, как правило, не находятся в открытом доступе, что не позволяет детально проанализировать их содержание в рамках данной работы.

Таким образом, можно сказать, что без применения судебной бухгалтерской экспертизы невозможно бороться с должностными преступлениями, которые требуют специальных знаний в области экономики, а именно в области исследования содержания записей оперативного, управленческого и бухгалтерского учёта хозяйствующих субъектов. Именно судебная бухгалтерская экспертиза, используя системный подход и научные методы, предоставляет суду доказательства, тем самым защищая интересы общества и государства от должностных преступлений.

А.Е. Пацель¹

Научный руководитель: **Э.С. Сарыгина²**

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Объекты судебной бухгалтерской экспертизы и их классификация

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию системы объектов судебной бухгалтерской экспертизы как методологической основы для эффективного применения специальных знаний в судопроизводстве. Актуальность работы обусловлена усложнением финансово-хозяйственных отношений и необходимостью совершенствования экспертной методики в условиях появления новых схем противоправной деятельности. В рамках исследования проводится всесторонний анализ и классификация объектов по различным основаниям: уровню обобщения, значимости для выводов, временной устойчивости, форме выражения свойств, а также их процессуальной и информационной природе. Особое внимание уделяется дифференциации документальных источников, где ключевое значение отводится бухгалтерским документам как первоисточникам для формирования объективных и доказательных заключений. В заключении обосновывается, что глубокое понимание и четкая систематизация объектов экспертизы напрямую способствует повышению качества и доказательственной силы экспертных исследований в рамках уголовного, гражданского и арбитражного процессов.

Ключевые слова: судебная бухгалтерская экспертиза, объекты исследования (экспертизы), эксперт-бухгалтер, документация.

Актуальность исследования объектов судебной бухгалтерской экспертизы и их систематизации обусловлена усложнением современных экономических отношений, появлением новых финансовых инструментов и схем противоправной деятельности, что обуславливает необходимость совершенствования методологии экспертного исследования. Судебная бухгалтерская экспертиза, занимая междисциплинарное положение на стыке юриспруденции, бухгалтерского учета, финансового анализа и аудита, служит действенным механизмом установления обстоятельств хозяйственной жизни в процессе доказывания по уголовным делам. Эффективность данного инструмента напрямую зависит от четкого определения и глубокого понимания природы объектов, подвергаемых экспертному исследованию, что обуславливает необходимость их всесторонней классификации.

Экономическая экспертиза может осуществляться в различных государственных структурах, ведомственных учреждениях, негосударственных организациях в зависимости от цели, предмета и задач проводимого экспертного оценивания. При этом процесс экспертизы подразумевает проведение глубокого, всестороннего и комплексного исследования сведущим лицом (экспертом) для получения ответов на вопросы, требующих специальных профессиональных знаний, определяющиеся потребностью государственных и негосударственных организаций, а также интересами частных лиц¹.

Экономическая экспертиза — это вид судебной экспертизы, который включает судебно-бухгалтерскую, финансово-аналитическую, финансово-кредитную, финансово-экономическую, оценочную (стоимостную) составляющие².

Судебная бухгалтерская экспертиза представляет собой процессуальное действие, заключающееся в проведении финансово-экономического исследования хозяйственной деятельности предприятия на основе анализа первичных учетных документов, регистров бухгалтерского учета и финансовой отчетности, назначаемое в рамках уголовного, гражданского или арбитражного судопроизводства. Её предметом выступают хозяйственные операции, отраженные в документальной форме и ставшие объектом судебного разбирательства или предварительного расследования, относительно которых эксперт формулирует заключение по поставленным перед ним вопросам. Данный вид экспертизы направлен на исследование обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

Будучи специализированной составляющей в системе судебно-экономических исследований, судебно-бухгалтерская экспертиза направлена на всесторонний анализ производственно-хозяйственной деятельности субъекта. Ее

¹ Городнова Н.В., Феофанов С.В. Судебная экономическая экспертиза: понятие, сущность и методический инструментарий // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Том 11. № 3. С. 605–622.

² Судебно-бухгалтерская экспертиза: учебное пособие для студентов вузов / Е.Р. Россинская, Н.Д. Эриашвили, Ю.П. Кузякин и др.; под ред. Е.Р. Россинской, Н.Д. Эриашвили. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 383 с.

методологический аппарат основан на детальном исследовании механизмов отражения хозяйственных операций в учете, включая специфику применяемых способов фиксации данных, методологию организации бухгалтерского учета, а также временные, пространственные, качественные и количественные параметры учетных процессов. Комплексный характер такого исследования позволяет сформировать объективное и научно обоснованное заключение, которое выступает в качестве источника доказательственной информации в рамках судебного разбирательства или деятельности правоохранительных структур.

Согласно ст. 10 73 ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" - Объектами исследований являются вещественные доказательства, документы, предметы, животные, трупы и их части, образцы для сравнительного исследования, а также материалы дела, по которому производится судебная экспертиза, что формирует комплексную и систематизированную основу для экспертного исследования ¹ . Данная совокупность объектов обеспечивает всесторонность и объективность процесса экспертизы, поскольку вещественные доказательства и документы содержат фактические данные, подлежащие исследованию с применением специальных знаний, тогда как образцы для сравнительного исследования выступают в качестве эталонов, позволяющих идентифицировать или диагностировать искомые свойства и признаки. Материалы дела, в свою очередь, предоставляют эксперту необходимый процессуальный и фактический контекст, определяющий цели, задачи и рамки исследования, что в совокупности позволяет сформулировать обоснованные и достоверные выводы, имеющие значение доказательств по конкретному судебному делу.

Объекты судебно-бухгалтерской экспертизы – это предусмотренные процессуальным законодательством и закрепленные в материалах дела источники информации.

Рассматривая методологические основы судебной экспертизы, невозможно обойти вниманием вопрос классификации ее объектов, поскольку их систематизация является фундаментом для построения строгой теории и эффективной практики экспертного исследования. В процессе анализа формируется комплекс взаимосвязанных групп, среди которых, прежде всего, выделяются классовые, родовые и индивидуализирующие объекты, определяющие уровень обобщения: от признаков, присущих целому классу экспертиз, таких как судебно-экономические; через характеристики рода, например, судебной бухгалтерской экспертизы; специфические свойства конкретного исследования, к примеру судебная бухгалтерская экспертиза проводимая в рамках расследования дела о нецелевом расходовании бюджетных средств. По своей роли в формировании выводов объекты подразделяются на существенные, имеющие решающее значение для заключения эксперта, и несущественные, носящие вспомогательный характер. С точки зрения

¹ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации".

временной перспективы рассматриваются устойчивые объекты, чьи свойства остаются инвариантными в течение значительного периода и объекты неустойчивые. Важным аспектом является их оценка в качественном ключе, фиксирующем сам факт наличия или отсутствия определенного свойства, и в количественном, выражающем это свойство через числовые показатели, такие как точный размер выделенных бюджетных средств. Дополнительно в науке дифференцирует объекты на объекты-предметы, то есть материальные носители информации о событии (документы, средства вычислительной техники), и объекты-отображения, представляющие собой материальные следы, в которых зафиксировалась информация об ином объекте, процессе или явлении (признаки подделки в аналоговой или цифровой подписи).

В процессе судебно-экспертного исследования объекты классифицируются в зависимости от их роли в решении поставленных задач. При таком подходе выделяются, прежде всего, основные объекты, которые являются непосредственным предметом изучения и по которым формулируется итоговый вывод эксперта. Именно эти объекты определяют суть проводимого исследования. Параллельно с ними существуют вспомогательные объекты, которые сами по себе не являются конечной целью экспертизы, но без которых проведение анализа основных объектов было бы затруднено или невозможно. Их изучение носит подчиненный, служебный характер, обеспечивая необходимой информацией для работы с основными объектами.

В процессе экспертного анализа материалов уголовного дела от эксперта в области экономических наук требуется знания в представленной документации, что обуславливает необходимость системного подхода к их изучению. Фундаментальную основу для такого анализа составляет глубокое понимание существующих классификаций документов с точки зрения их процессуальной значимости и юридической природы. В данной связи всю совокупность документов, приобщенных к материалам уголовного дела, целесообразно дифференцировать на несколько ключевых групп. Первую группу составляют документы, надлежаще оформленные и отвечающие установленным требованиям достоверности, что обеспечивает им доказательственную силу – то есть доброкачественные; ко второй относятся документы с признаками недостаточности или нарушения в оформлении, что ставит под сомнение их юридическую значимость и может привести к исключению из совокупности доказательств – недоброкачественные. Особую категорию образуют непосредственно бухгалтерские документы, которые отражают факты хозяйственной жизни и подлежат исследованию с применением специальных учетных методик. Наконец, в отдельную группу входят иные материалы дела, которые, не являясь бухгалтерскими по своей сути, содержат информацию, имеющую значение для формирования выводов эксперта-бухгалтера и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию¹.

Ключевым элементом в системе объектов судебно-бухгалтерской экспертизы выступают первичные учетные документы, которые служат фундаментальным

¹ Белов А.Н. Судебно-бухгалтерская экспертиза. М.: Финансовая газета, 2012. С. 232.

основанием для последующего отражения хозяйственных операций в бухгалтерском учете. К данной категории относятся такие документы, как товарные накладные, акты приема-передачи выполненных работ, кассовые ордера, платежные поручения и авансовые отчеты, каждый из которых обладает свойством первоначальной фиксации конкретного факта хозяйственной жизни экономического субъекта. Именно эти документы формируют исходную доказательственную базу, поскольку содержат в себе обязательные реквизиты, подтверждающие дату, сущность, объем и участников хозяйственной операции, а их достоверность и правильность оформления напрямую влияют на обоснованность дальнейших учетных записей и итоговых выводов эксперта.

Вторичный уровень документального обеспечения экспертного исследования образуют систематизирующие учетные регистры и отчетные формы, которые выполняют функцию преобразования первичных данных в упорядоченную информационную систему. В эту группу входят журналы-ордера, различные аналитические ведомости, главная книга, а также бухгалтерская финансовая отчетность, включающая баланс, отчет о финансовых результатах и приложения к ним. Указанные документы позволяют эксперту проследить полный цикл учетной обработки информации: от группировки операций по корреспондирующим счетам до формирования сводных показателей, характеризующих финансовое положение организации. Их анализ дает возможность выявить системные закономерности, отклонения от нормативного порядка учета и признаки целенаправленного искажения отчетных данных.

Помимо бухгалтерской документации, в круг объектов экспертизы вовлекаются иные материалы дела, имеющие непосредственное отношение к предмету исследования. Акты ревизий и инвентаризаций, проведенных до возбуждения дела, содержат важные фактические данные о выявленных нарушениях или расхождениях. Заключение экспертов иных специальностей (например, товароведов, оценщиков, строительных техников) могут использоваться для уточнения отдельных параметров хозяйственных операций или стоимости объектов учета. Справки и уведомления, полученные от контрагентов, банков, государственных органов, служат для подтверждения или опровержения обстоятельств, имеющих значение для дела. Особую категорию составляет неофициальная документация (внутренняя служебная переписка, черновые записи, частные электронные сообщения), которая, не являясь формальным элементом системы учета, может содержать косвенные свидетельства, проливающие свет на мотивы или условия совершения операций. Протоколы следственных и судебных действий, в свою очередь, фиксируют ход процессуальной деятельности и результаты осмотров, выемок, допросов, которые могут быть соотнесены экспертом с данными бухгалтерских документов для формирования целостной картины событий.

Однако стоит уточнить, что эксперт-бухгалтер при написании заключения эксперта основывается на данных бухгалтерских документов. То есть при составлении доказательства эксперт не может делать вывод исходя из иных материалов дела. Судебный эксперт-бухгалтер самостоятельно проверяет соответствие фактам хозяйственных операций имеющие в деле сведения о

фактах, относящихся к предмету экспертизы (достоверность исходных данных), на которых строится его исследования, доступными ему способами экономического анализа¹.

Относительно практики следует привести пример объектов судебной бухгалтерской экспертизы. Однако стоит понимать, что применительно к классу судебных экономических экспертиз – каждая экспертиза с индивидуальными объектами. Как пример, мы приведем судебную бухгалтерскую экспертизу по нецелевому расходованию бюджетных средств:

«Для производства экспертизы представлены материалы проверки № XXX необходимые для производства экспертизы в 17-ти томах, в том числе:

– Соглашение о порядке и условиях предоставления субсидии на финансовое обеспечение выполнения государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) от ххх года № XXXсогл между ХХХ и ХХХ;

– Приказ Х № от Х года «Об утверждении государственного задания и определении нормативных затрат на оказание государственных услуг (выполнение работ) и содержание имущества федеральному бюджетному учреждению «ХХХ» на плановый период 20хх и 20хх годов»;

– Приказ Х № от Х года «О внесении изменений в приказ Х от года № Х «Об утверждении плана финансово-хозяйственной деятельности федерального бюджетного учреждения «Х» на плановый период 20хх и 20хх годов»;

– Отчет ФБУ «Х» об исполнении учреждением плана его финансово-хозяйственной деятельности на 01 января 20хх года;

– Карточка счета ФБУ «Х» 205.81 «Расчеты с плательщиками прочих доходов» за период с 01 января 20хх года по 31 декабря 20хх года;

– Карточка счета ФБУ «Х» 201.11 «Денежные средства учреждения на лицевых счетах в органе казначейства» за период с 01 января 20хх года по 09 августа 20хх года;

– Первичные учетные документы и прочие документы ФБУ «Х»...»².

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что систематизация объектов судебной бухгалтерской экспертизы представляет собой методологическую основу для эффективного применения специальных знаний в области бухгалтерского учета в судопроизводстве. Разработанная классификация по уровню обобщения, значимости для выводов, временной устойчивости и форме выражения свойств создает целостную систему ориентиров для экспертной практики. Установлено, что ключевое значение в этой системе принадлежит бухгалтерским документам, образующим иерархическую структуру от первичных учетных документов через систематизирующие регистры до финансовой отчетности. При этом принципиальным аспектом методологии остается положение о том, что выводы эксперта-бухгалтера должны основываться исключительно на данных

¹ Каштанова И.А. Предмет, метод и общая методика судебно-бухгалтерской экспертизы: учебник. М., 2014. С. 144.

² Архив СЭЦ СК России

бухгалтерского учета, тогда как иные материалы дела выполняют вспомогательную, ориентирующую функцию. Совершенствование данной классификации и методологии исследования объектов напрямую способствует повышению доказательственной силы заключений эксперта-бухгалтера, обеспечивая тем самым объективность и достоверность судебного доказывания по делам, связанным с хозяйственной деятельностью.

А.А. Самойловский¹

Научный руководитель: **Т.А. Сааков²**

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Религиозный дискурс в экстремистских материалах: к вопросу о целесообразности выделения самостоятельного вида судебной лингвистической экспертизы

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме определения места судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности в системе судебных экспертиз. Приведен исторический путь становления судебной лингвистической экспертизы экстремистских материалов в России и её нормативное закрепление в разных ведомствах. Проанализированы разные подходы к родовидовой классификации судебных экспертиз, предложено выделение отдельных подвидов судебной лингвистической экспертизы материалов экстремистско-террористической направленности, основываясь на классификации, предложенной В.Д. Никишиным.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, судебная экспертиза материалов религиозного характера, экстремистско-террористическая направленность, родовидовая классификация судебных экспертиз, судебное речеведение, дискурс, экспертные технологии, методика экспертного исследования, специальные знания, словесный экстремизм.

Выделение судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности обосновано рядом научно-практических предпосылок. К их числу можно отнести развитие общей и частной теорий судебной экспертологии (Р. С. Белкин, Е. Р. Россинская, А. И. Винберг, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин, А. Р. Шляхов, А. А. Эйсман и др.)¹; концептуализацию судебного речеведения как интегративного направления (Е.И. Галяшина); институционализацию нового рода судебных экспертиз – судебной лингвистической экспертизы (далее – СЛЭ), предметом которой выступают продукты речевой деятельности; необходимость разработки специального научно-методического обеспечения судебно-экспертного

¹Галяшина, Е. И., Россинская, Р. Е. Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход): монография / Е. И. Галяшина, Е. Р. Россинская. М.: Проспект, 2017. 272 с.

исследования материалов указанной категории в связи с запросами следственной и судебной практик. В связи со сложностью исследуемого объекта СЛЭ материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности возникает ряд сложностей в определении субъекта данной судебной экспертизы, что делает необходимым определение ее места в родовидовой классификации судебных экспертиз.

В современной теории судебной экспертизы общепринятой является классификация, разработанная Е.Р. Россинской, А.М. Зининым и Е.И. Галяшиной, в которой все экспертизы подразделяются на классы, роды и виды. Согласно их подходу, основанием для родовидовой классификации является характер исследуемых объектов в совокупности с решаемыми задачами¹. Так, СЛЭ является самостоятельным родом судебных экспертиз, который наряду с фоноскопической и автороведческой экспертизами относится к классу речеведческих экспертиз, который, в свою очередь, наряду с классами криминалистических, экономических, инженерно-технических и других экспертиз составляет единую систему специальных знаний.

Формирование класса речеведческих экспертиз является закономерным этапом в развитии судебной экспертологии, вызванным потребностями практики в исследовании различных продуктов речевой деятельности. Как справедливо отмечает Е.И. Галяшина: «Речевое произведение нередко выступает как *corpus delicti* (от лат. «состав преступления, вещественные доказательства, основные улики»), так как в нем содержатся признаки объективной стороны правонарушения, совершенного посредством слова»².

Исторически именно экспертиза экстремистских материалов стала одним из первых и наиболее востребованных направлений СЛЭ в России. В.Д. Никишин отмечает, что «возникновение лингвистической экспертизы в 90-х годах связано, прежде всего, с потребностью правоприменительной практики в использовании специальных знаний по делам, связанным с распространением экстремистско-террористической идеологии»³. Однако в связи с отсутствием закрепленного на законодательном уровне соответствующего рода экспертизы, а также экспертной специальности подобные исследования проводились исключительно в негосударственных экспертных учреждениях.

¹ Россинская, Е. Р., Галяшина, Е. И., Зинин, А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 368 с.

² Галяшина Е.И. Речеведческие экспертизы в судопроизводстве: насущные потребности, проблемы и пути их решения. Теория и практика судебной экспертизы. 2019;14(4):6-18. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-4-6-18>

³ Никишин В.Д. Место судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности в классификации судебных экспертиз // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. №7 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sudebnoy-ekspertizy-materialov-religioznogo-haraktera-ekstremistsko-terroristicheskoy-napravlennosti-v-klassifikatsii> (дата обращения: 04.11.2025).

Свое окончательное утверждение СЛЭ получила в разных правоохранительных органах путем ее нормативного закрепления в системах ведомственного правотворчества в течение нескольких лет:

- Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в экспертных подразделениях органов Федеральной службы безопасности: термин «лингвистическая экспертиза» был введен в 2002 году. К числу её типовых задач отнесена «интерпретация смысла высказываний и их лингвистическая квалификация, в частности, выявление в текстах высказываний экстремистской и террористической направленности», что еще раз подчеркивает важность задачи установления «экстремистских значений»¹.

- Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: термин «лингвистическая экспертиза» был введен в 2005 году. Лингвистическая экспертиза определяется, как «исследование текста в целях решения вопросов смыслового понимания»².

- Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: термин «лингвистическая экспертиза» был введен в 2006 году. Данная экспертиза определена как «исследование продуктов речевой деятельности»³.

- Федеральное государственное казенное учреждение «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» (СЭЦ СК России) приводит в перечне проводимых экспертиз и исследований «лингвистическую экспертизу», как «исследование текста в целях решения вопросов смыслового понимания»⁴.

Так, на современном этапе, в связи с усложнением объектов и задач, экспертиза экстремистских материалов не утратила своей значимости, но

¹ Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности») приказ ФСБ России от 23 июня 2011 г. № 277: офиц. текст: по состоянию на 4 ноя. 2025 г. // СПС КонсультантПлюс.

² Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») [Электронный ресурс] / приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511: зарегистр. в Минюсте России 23 авг. 2005 г. № 6931: офиц. текст: по состоянию на 4 ноя. 2025 г. // СПС КонсультантПлюс.

³ Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России [Электронный ресурс] / приказ Минюста России от 27 дек. 2012 г. № 237: зарегистр. в Минюсте России 29 янв. 2013 г. № 26742: офиц. текст: по состоянию на 13 сент. 2018 г. // СПС КонсультантПлюс.

⁴ На основе информации, опубликованной на официальном сайте Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://sec.sledcom.ru/categories/vte.html> (Дата обращения: 05.11.2025).

претерпела структурную дифференциацию. Экспертиза экстремистских материалов перешла от статуса универсальной основы к статусу специализированного видового направления, внутри которого выделяется, в частности, экспертиза материалов религиозного характера.

При рассмотрении места судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности в родовидовой классификации судебных экспертиз необходимо проанализировать принципы выделения родов и видов экспертиз разных научных деятелей.

Основание для деления судебных экспертиз на роды и виды до сих пор остается одним из дискуссионных вопросов судебной экспертологии. Разноплановость взглядов на родовидовую структуру судебных экспертиз хорошо прослеживается при анализе научной литературы. Так, Р.С. Белкин в своих работах предлагает классифицировать судебные экспертизы преимущественно исходя из вида применяемых специальных знаний¹. Н.С. Неретина в развитие подхода Е.Р. Россинской, А.М. Зинина и Е.И. Галяшиной, предлагает комплексный критерий, сочетающий в себе и объект экспертизы, и задачи, и методы (технологии) экспертного исследования². В продолжении этой идеи, В.Д. Никишин предлагает современную классификацию видов СЛЭ, основанную на комплексном критерии «объект-предмет-экспертные технологии», где экспертная технология «представляет собой информационную модель, включающую в себя задачи экспертного исследования и методы и методики решения данных задач в целях установления фактических данных в процессе судебно-экспертного исследования»³.

Таким образом, В.Д. Никишин представляет современное видовое деление лингвистической экспертизы следующим образом:

- экспертиза текстов экстремистско-террористического дискурса;
- экспертиза текстов религиозного экстремистско-террористического дискурса (судебная экспертиза материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности);
- экспертиза текстов диффамационного дискурса;
- экспертиза текстов коррупционного дискурса;
- экспертиза текстов порнографического дискурса;
- экспертиза текстов наркотического дискурса;
- экспертиза нормативно-правового и договорного дискурса.
- экспертиза текстов неймингового дискурса (нейминговая экспертиза);
- экспертиза текстов рекламного дискурса.

Следует отметить, что, опираясь на критерий видового деления, а также принимая во внимание сложную природу объекта исследования при проведении

¹Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. М., 1997. С. 324.

² Неретина Н.С. Методологические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 47

³ Никишин В.Д. Место судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности в классификации судебных экспертиз // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. №7 (47).

СЛЭ материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности, В.Д. Никишин выделяет «экспертизу текстов религиозного экстремистско-террористического дискурса» не как подвид судебной лингвистической экспертизы экстремистских материалов, а как самостоятельный вид СЛЭ.

Несмотря на то, что данный способ деления судебных экспертиз на роды и виды кажется нам приемлемым, мы не можем согласиться с приведенным выше утверждением В.Д. Никишина. Несмотря на то, что экстремистско-террористический контент часто маскируется под жанры религиозного или художественного дискурса, он все еще остается экстремистско-террористическим, и характеризуется лишь одной из форм его представления.

Такой подход к родовидовой классификации судебных экспертиз обеспечивает ее бесконечное расширение, связанное с закономерным появлением новых дискурсов потенциально противоправного содержания. Постоянное пополнение перечня видов судебных лингвистических экспертиз по этому принципу лишь затруднит его понимание как следователями, так и самими судебными экспертами, что может вызвать значительные трудности при назначении СЛЭ на практике.

Во-первых, прежде чем говорить о методиках СЛЭ религиозной экстремистско-террористической направленности, стоит отметить, что до сих пор отсутствует единый подход к проведению СЛЭ речевых продуктов экстремистско-террористической направленности в целом, без учета дискурса, к которому относится исследуемый объект. Ж. Н. Липатова справедливо отмечает, что «несмотря на множество методик проведения экспертиз экстремистских информационных материалов, до сих пор отсутствует единый теоретический подход и практические основы в проведении лингвистических и иных комплексных экспертиз»¹. При этом, как совершенно справедливо замечает Никишин В.Д., различия в существующих типовых методиках настолько колоссальны, что нарушают законодательно закрепленное требование о едином научно-методическом подходе к экспертной практике². В отношении речевых произведений религиозного дискурса отдельных ведомственных методик также до сих пор не разработано. При исследовании материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности зачастую используется синтез нескольких методик экспертного исследования продуктов речевой деятельности для решения конкретных задач.

Исходя из данных положений, единственным логичным путем развития в методологии судебно-экспертной деятельности представляется создание

¹ Липатова Ж. Н. Экспертиза материалов экстремистской направленности: юридический аспект, в свете деятельности следователя / Ж. Н. Липатова // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 31.

² В работе Никишин В.Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика / под ред. Е. И. Галяшиной. М.: Проспект, 2019. 304 с.: «...отсутствует единый терминологический аппарат в методиках, предлагаемых вышеупомянутыми авторами / ведомствами. Более того, методики отличаются концептуально, предполагают разные, порой, диаметрально противоположные подходы к выявлению признаков словесного экстремизма».

нескольких отдельных методик материалов экстремистско-террористической направленности, относящихся к религиозному дискурсу на базе уже существующих типовых методик, используемых в конкретных ведомствах. Однако данный подход точно также будет нарушением вышеупомянутого требования о едином научно-методическом подходе к экспертной практике.

Таким образом, нам представляется логичной разработка единой типовой методики исследования материалов экстремистско-террористической направленности, где религиозный дискурс наряду с другими дискурсами будет рассматриваться лишь как форма, в которой представлено противоправное содержание, подлежащее выявлению с помощью единого инструментария, использующегося судебным экспертом-лингвистом.

Во-вторых, принимая во внимание приведенный выше аргумент, стоит отметить, что утверждение о том, что СЛЭ материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности требует от эксперта применения специфических, отличающихся от принятых в лингвистической экспертизе экстремистских материалов экспертных технологий не совсем справедливо. Поскольку специфика объекта исследования требует привлечения узкоспециальных знаний, которые могут быть реализованы в процессуальной форме консультативного участия соответствующих специалистов, а создание единой методики исследования такого рода материалов существенно облегчит работу эксперта с точки зрения унифицированности и, соответственно, законности, то логично предположить, что с проведением исследования материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности судебный эксперт-лингвист вполне сможет справиться и без применения новых колоссально отличающихся экспертных технологий.

Исходя из этого, нам представляется рациональным выделять экспертизу религиозного экстремистско-террористического дискурса, как подвид экспертизы текстов экстремистско-террористического дискурса, а сам религиозный дискурс, в свою очередь, как более сложный объект исследования, имеющий свои специфические черты¹.

¹ В работе Никишин В.Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика / под ред. Е. И. Галяшиной. М.: Проспект, 2019. 304 с.: «Особенности материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности обусловлены также тем, что для религиозного дискурса характерна особая концептосфера, данный дискурс «чрезвычайно манипулятивен по своей природе», характеризуется внутренней и внешней прецедентностью (канонические и трансформированные прецедентные высказывания, прецедентные ситуации, имена-символы, прецедентные феномены и т. п.), высокой степенью метафоричности и символичности, безапелляционностью, догматическим потенциалом, мифологизацией сознания, особыми аргументативными стратегиями, экспрессемами, мифологемами, воздействием на эмоциональное, а не рациональное начало, что предполагает и использование особой лексики в аргументации: экспрессивная, возвышенная лексика, библеизмы, коранические метафоры и т. д. (при этом если речь идет не о маскировке под религиозный жанр, а о публицистической (в том числе медийной) реализации религиозного дискурса, обыденная лексика преобладает)».

Таким образом, следуя комплексному критерию «объект-предмет-экспертные технологии», нам представляется логичным и методологически оправданным признание СЛЭ материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности не самостоятельным видом, а *подвидом* в рамках вида «экспертиза текстов экстремистско-террористического дискурса». Такой подход препятствует бесконечной фрагментации видов СЛЭ по принципу дискурсивной принадлежности текстов, которая способна затруднить практику назначения экспертиз и нарушить требование о едином научно-методическом подходе.

Ключевой проблемой на современном этапе является отсутствие единой типовой методики исследования материалов экстремистско-террористической направленности, что в полной мере относится и к текстам религиозного содержания. В этой связи, вместо разработки узкоспециализированных ведомственных методик для каждого типа дискурса, приоритетной задачей видится создание универсальной научно-методической базы. В рамках такой базы религиозный дискурс должен рассматриваться как одна из форм репрезентации противоправного содержания, а не как основание для применения принципиально иных экспертных технологий. Специальные знания в области религиоведения, необходимые для анализа подобных материалов, могут и должны привлекаться в процессуальной форме консультации специалиста, не нарушая при этом компетенцию судебного эксперта-лингвиста и универсальность применяемого им лингвистического инструментария.

Таким образом, консолидация экспертного сообщества вокруг разработки единой интегративной методики для исследования текстов экстремистско-террористического дискурса, включая его религиозную разновидность, является насущной потребностью и будет способствовать повышению эффективности, объективности и законности судебно-экспертной практики.

Д.А. Симанов¹

Научный руководитель: С.В. Яценко²

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета^{1,2}

Специальные знания, используемые для установления источника происхождения огнестрельного оружия

Аннотация. Данная статья посвящена специальным знаниям, которые используются для установления источника происхождения огнестрельного оружия. В работе рассматриваются возможности установления источника происхождения ручного стрелкового огнестрельного оружия с помощью судебной экспертизы восстановления удаленных маркировочных обозначений. Экспертиза использует различные методы исследования, что позволяет восстановить удаленную маркировку и с помощью существующих экспертно-криминалистических учетов установить источник его происхождения.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, источник происхождения, криминалистические учеты, маркировочные обозначения, идентификация оружия.

Преступления, совершаемые с огнестрельным оружием, представляют повышенную опасность для любого общества. Данные преступления относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений. Они направлены на причинение ущерба и вреда здоровью и жизни граждан, а также их собственности и имуществу. Повышенная общественная опасность данных преступлений вызывает большой общественный резонанс, потому что, может быть нанесен вред неограниченному количеству лиц.

В соответствии с представленными статистическими данными ГИАЦ МВД России количество преступлений, совершенных с использованием огнестрельного, газового оружия, боеприпасов составило: 2018 год – 4203, 2019 год – 4014, 2020 год – 3784, 2021 – 3374 год, 2022 – 4678 год¹. Начиная с 2018 года по 2021 год постепенно, наблюдается снижение количества данных преступлений, несмотря на то что ежегодное их количество не опускаются ниже 3300. К сожалению, данные по количеству совершенных преступлений после 2023 года не публикуются хотя мы полагаем, что объективных предпосылок для уменьшения предпосылок в данной области не наблюдается.

В соответствии со статьей 73 УПК РФ выявлению и доказыванию подлежат не только место и время совершения преступления, виновность лица, характер и размер вреда, а также все обстоятельства, которые способствовали совершению преступления. Во время расследования преступлений, совершенных с использованием огнестрельного оружия, таким обстоятельством, является: определенный канал поступления огнестрельного оружия в нелегальный оборот (покупка, продажа, хищение оружия и/или его частей с заводов изготовителей, изготовление самодельного или переделанного огнестрельного оружия).

При расследовании данных преступлений важнейшей задачей является процесс установления источника происхождения огнестрельного оружия. Важность данной задачи в первую очередь обусловлена тем, что без понимания источника происхождения огнестрельного оружия невозможно перекрыть нелегальную схему снабжения людей огнестрельным оружием. Перекрытие нелегального канала снабжения приведет к уменьшению совершенных преступлений в принципе и уменьшению преступлений, которые совершаются с использованием огнестрельного оружия, в частности

Для оперативного решения данной цели в соответствии с 70 приказом МВД России существуют различные учеты огнестрельного оружия: самодельного огнестрельного оружия; пуль, гильз и патронов со следами нарезного ручного стрелкового огнестрельного оружия, изъятых с мест происшествя; контрольных пуль и гильз утраченного служебного гражданского огнестрельного оружия с нарезным стволом, боевого ручного стрелкового

¹ Состояние преступности в России за 2018-2022 гг. Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/4> (дата обращения 20.10.2025).

оружия¹. Выбор того или иного учета, который будет использован для установления источника происхождения в первую очередь будет зависеть от обнаруженного объекта и того каким способом он изготовлен.

Огнестрельное оружие может быть, изготовленное на специализированном заводе изготовителе в соответствии со всеми стандартами или может быть создано так называемым кустарным способом. Самодельное огнестрельное оружие может быть изготовлено целиком самодельным способом или с использованием отдельных частей, которые были изготовлены на оружейном заводе. В редких случаях данное оружие может быть изготовлено профессионалом оружейного дела, но не специализированном заводском оборудовании. Огнестрельное оружие, изготовленное данным способом, не имеет каких-либо маркировочных обозначений, клейм и иных номерных обозначений.

Установление источника происхождения самодельного огнестрельного оружия производится с помощью изучения его конструктивных и технологических особенностей изготовления. К данным признакам относятся: тип и вид оружия, калибр патрона, характеристики канала ствола, количество нарезов и их ширина, направление и угол наклона и иным отличительным особенностям огнестрельного оружия, которые имеются на экземпляре.

Информационный учёт самодельного огнестрельного оружия ведётся по данным особенностям. Эти обстоятельства устанавливаются и фиксируются в форме ИК-4 и направляются в местный ИЦ после чего их направляют в ГИАЦ МВД России. На федеральном уровне ведется только картотека. На региональном уровне ведется картотека, а также в экспертных подразделениях могут создаваться натурные коллекции, которые пополняются в зависимости от необходимости и оснащённости экспертных подразделений. Натурные коллекции, создаваемые при экспертных подразделениях, необходимы для материального обеспечения экспертов вещественными предметами, которые отражают наиболее распространенные технические особенности изготовления и оснащённости, которые отображены в данных экземплярах.

Однако стоит отметить, что доля самодельного оружия в общей массе преступлений, совершенных с огнестрельным оружием не велика. В подавляющем большинстве случаев при совершении данных преступлений используют оружие, которое было изготовлено на оружейных заводах. Огнестрельное оружие заводского вида, является огнестрельным оружием, которое изготовлено в условиях технически оснащенного промышленного производства в соответствии со всеми государственными, отраслевыми, фирменными стандартами качества, выпускаемой продукции. Вся продукция, выпускаемая заводом изготовителем в обязательном порядке в соответствии с

¹ Приказ МВД от 10.02.2016 года № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» - [Электронный ресурс] – режим доступа. – URL: <http://base.garant.ru/72222630/?ysclid=m3p7ffocoe647194523> / (дата обращения 15.10.2025).

законодательством, должна иметь маркировочные обозначения. Данные обозначения наносятся на глубину 0,2 мм.

Маркировочные обозначения должны содержать следующую информацию: товарный знак предприятия-изготовителя, модель и вид оружия, индивидуальный номер, калибр или наименование патрона, год производства, а также данные о стране производства. В соответствии с криминалистическими требованиями маркировка наносится способом, который не допускает её уничтожения без механической обработки¹. На основании этих данных происходит постановка на учёт в ИБД-Ф подсистема «Оружие». При совершении преступлений, которые совершаются с огнестрельным оружием, изготовленным на оружейных заводах, преступники, зная о возможности его отслеживания по маркировочным обозначениям намеренно уничтожают его в целях противодействия правоохранительным органам.

Для уничтожения маркировочных обозначений преступники могут использовать различные способы. К таким способам можно отнести: шлифовку, фрезеровку, кернение (забивание), сварку или наплавку металла, химическое травление. Все способы различаются по воздействию на материал, оборудованию и знаниям, которыми должны обладать субъект, уничтожающий маркировку. В том числе и по этим аспектам можно установить личность преступников, совершающих преступления с использованием огнестрельного оружия. Использование всех этих методов вне зависимости от конкретного способа ведут к единому результату- уничтожению маркировочного обозначения на огнестрельном оружии.

При ситуации нахождения огнестрельного оружия с частично измененными или полностью уничтоженными маркировками необходимо направление данного объекта на восстановление маркировочных обозначений с помощью экспертного исследования. В подавляющем большинстве случаев экспертные исследования дают положительные результаты. Данных результатов возможно добиться за счет использования экспертами специальных знаний по восстановлению маркировочных обозначений. Способы для восстановления маркировки весьма разнообразны и подразделяются в зависимости от их природы на химические, физические, электрохимические

Уничтоженные маркировочные обозначения на металлических изделиях можно восстановить с помощью ряда химических, физических и электрохимических методов. Среди физических методов, можно выделить: гамма, инфракрасное, вихретоковое излучение². За счет использования разной интенсивности излучения, которая проходит в разных местах по-разному и происходит проявление изначальной маркировки. Изображение появляется за

¹ Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70.

² Райгородский В.М. Возможности и особенности проведения экспертизы восстановления измененных или уничтоженных маркировочных обозначений на различных материалах // Аграрный научный журнал. 2017. С. 48-53.

счет разной интенсивности излучения, которое проходит в разных местах с измененной структурой из-за набивки знаков и ненарушенных слоев.

Метод магнитной суспензии применяется к огнестрельному оружию так как металл, из которого оно изготавливается является ферромагнитным. Мелкие ферромагнитные частицы фиксируются в различных по намагниченности местах, разница, возникающая в следствии деформации кристаллической решетки в местах клеймения и показывает изначальный вид маркировочного обозначения.

При использовании метода ионного травления выявление обозначений происходит за счет различия в скоростях распыления деформированной и не деформированной области материала, что приводит к частичному разрушению объекта. Химический и электрохимический метод основаны на растворении слоя материала в том месте, где нарушена кристаллическая решетка, в следствии нанесения маркировки

Процесс восстановления уничтоженного маркировочного обозначения обычно занимает три этапа: Первый этап – подготовка поверхности металла экспертом; второй этап – использование одного из методов в зависимости от ущерба, причиненного оружию; третий этап – фотографирование и закрепление проявившихся знаков.¹

Благодаря использованию данных специальных знаний появляется информация о серии и номере огнестрельного оружия, которую возможно проверить по криминалистическим учетам. Централизованный учет утраченного или выявленного огнестрельного оружия содержит в себе информацию о оружии, которому присвоен индивидуальный номер изготовителем или при его регистрации в разрешительном органе. На учет ставятся следующие виды: боевое ручное стрелковое, служебное, гражданское нарезное и гладкоствольное оружие.

На учет не ставится добровольно сданное огнестрельное оружие, которое находилось у граждан на законных основаниях, а также обнаруженное огнестрельное оружие принадлежности, которого установлено ранее. Данный учет ведется на федеральном уровне. После заполнения ИК направляется сначала на региональный уровень учета и потом на федеральный.

При наличии на месте происшествия пуль и гильз со следами нарезов установление огнестрельного оружия и источника его происхождения даже более важно так как огнестрельное оружие не находится у следствия из-за чего может использоваться в совершении будущих преступлений. Пулегильзотеки ручного стрелкового оружия помогает установить конкретную единицу оружия, которое было использовано для совершения преступления, фактов применения одного и того же неустановленного экземпляра.

Учет формируется из пуль, гильз, патронов со следами нарезов и имеющих калибр не более 14,5 мм. Также на учет могут ставиться экспериментальные пули

¹ Гареева Э.Р., Фаизов Р.М. Судебная экспертиза восстановления уничтоженных маркировочных обозначений. URL: [tps://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-ekspertiza-vosstanovlenii-unichtozhennyh-markirovochnyh-boznacheniy?ysclid=m3p8031leu5603176](https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-ekspertiza-vosstanovlenii-unichtozhennyh-markirovochnyh-boznacheniy?ysclid=m3p8031leu5603176) (дата обращения: 21.10.2025).

и гильзы, полученные из обнаруженного нарезного огнестрельного оружия. После проведения исследования данные об объекте оформляются формой ИК-10 после чего направляется в ИЦ и после чего карта направляется в ГИАЦ МВД России.

Для установления факта использования утраченного огнестрельного оружия ведется учет пулегильзотеки утраченного служебного, гражданского огнестрельного оружия с нарезным стволом, боевого ручного стрелкового оружия. Данная пулегильзотека создается из пуль и гильз утраченного служебного гражданского оружия и боевого ручного стрелкового оружия калибром не более 14.5 мм. Пули, гильзы и патроны должны снаряжать оружие, изготовленное на производстве продукция, которого должна реализовываться на территории Российской Федерации или ввезенное из-за границы для реализации на территории Российской Федерации, пули и гильзы, которые используются в оружии, где был переделан или отремонтирован ударно-спусковой механизм, патронник, канал ствола; пули, гильзы и патроны, которые используются для снаряжения оружия, которое ввезено гражданам России из-за границы или наградное оружие оставляемое сотрудникам, уходящим на пенсию. При постановке объектов на данный учет в обязательном порядке их изначально проверяют по пулегильзотеке, которые изъяты с мест совершения преступления.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что установление источника происхождения огнестрельного оружия является одной из важнейших задач, решаемых при расследовании преступлений, совершаемых с его применением. Большую помощь в этом оказывают специальные знания, в частности: судебная экспертиза по восстановлению удаленных маркировочных обозначений и ряд экспертно-криминалистических учетов, ведущихся в экспертных подразделениях МВД России.

Профилактика преступлений, совершаемых с использованием средств индивидуальной мобильности

Аннотация. В статье рассматривается классификация следов протекторов шин средств индивидуальной мобильности, важность указанных следов как источника криминалистически значимой информации и обозначена необходимость исследования следов СИМ в ходе осмотра места происшествия. Методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания, который позволит рассматривать явления и процессы как находящиеся в социальной взаимосвязи, обуславливающей обстоятельства и тенденции в сфере экспертно-криминалистической деятельности судебно-экспертных учреждений Российской Федерации. Полученные результаты могут быть использованы при обучении курсантов и слушателей образовательных организациях системы Министерства внутренних дел как в учебной, так и в практической деятельности, при исследовании следов протекторов шин, оставленных СИМ.

Ключевые слова: средства индивидуальной мобильности, ДТП, классификация СИМ, предварительное исследование, следы протекторов шин.

На сегодняшний день наиболее популярным видом транспортного средства являются средства индивидуальной мобильности¹ (СИМ – это транспортное средство, имеющее одно или несколько колес (роликов), предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей) (электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства)². Востребованность СИМ среди населения объясняется их экологичностью, простотой в управлении, финансовой экономичностью и мобильностью. Несмотря на вышеуказанные положительные стороны СИМ при помощи них совершают преступления (ДТП, кражи, грабеж, хищение).

По сравнению с первым полугодием 2024 года зафиксировано снижение на 20 % количества ДТП с участием лиц, использующих для передвижения СИМ, а также на 20,3 % числа раненных в данных ДТП, однако число погибших в 2025 году увеличилось на 9,5 %, по сравнению с предыдущим годом.

В связи с этим важно включить в предварительное исследование следов средств индивидуальной мобильности при осмотре места происшествия. Изучение следов протекторов шин СИМ позволит решить как диагностические задачи, так и идентификационные, при последующем предоставлении устройства, которым оставлены следы на месте происшествия.

¹Далее – СИМ.

²Постановление Правительства РФ «О правилах дорожного движения» от 23.10.1993 № 1090 // СПС КонсультантПлюс.

Нами была разработана классификация шин СИМ с различными рисунками протекторов шин по следующим основаниям:

1. В зависимости от рисунка беговой дорожки протектора шины:

- 1) с симметричным рисунком;
- 2) с ассиметричным;
- 3) с направленным (симметричный или ассиметричный);

2. В зависимости от назначения СИМ шины бывают:

1) *цельноформованные* (не пневматические) (см. рис.1). Обладают повышенной износостойкостью, повышенным уровнем автоматизации и подходят для ровного дорожного покрытия, не требуют дополнительного подкачивания.

Рис.1. Изображение цельноформованной шины

2) пневматические (надувные: камерные и бескамерные). См. рис.2. Пригодны для езды на любом дорожном покрытии. Минусами пневматических шин являются возможность их проколов при наезде на острые предметы и необходимость периодического подкачивания. При этом камерные шины быстрее сдуваются при проколе и весят больше, чем бескамерные.

Рис 2. Изображение пневматической шины

3) перфорированные (рис.3). Сочетают в себе плюсы литых и камерных покрышек. Представляют собой износостойкие литые шины и имеют отверстия на боковых частях, за счет которых обладают хорошей амортизацией и смягчают удары о неровности.

Рис 3. Изображение перфорированной шины

3. В зависимости от типа дорожного полотна:

- для ровных дорог (ширины любого вида, диаметра и ширины);
- для неровных городских дорог (перфорированные или пневматические шины);
- для бездорожья (пневматические колеса с глубоким протектором).

4. В зависимости от сезонности применения (рис. 4):

1) зимние. Обеспечивают надежное сцепление и безопасное передвижение в холодное время года на снегу и льду за счет дополнительных элементов – ряды шипов.

2) летние. Обеспечивают максимальное сцепление с сухим асфальтом, быстрый отвод воды и улучшение наката.

Рис 4. Изображение шин в зависимости от сезонности применения.

Слева – зимняя шина, справа – летняя

При расследовании дорожно-транспортных происшествий, помимо вышеуказанных следов, используются разнообразные следы в широком смысле их понимания, к которым могут относиться:

- повреждения (деформации и изгибы, разрывы и разломы и т.п.);
- отслоившаяся от СИМ краска, предметы или их частицы;
- вещества (тормозная жидкость и др.).

Указанные следы не относятся к объектам трасологической экспертизы, однако они могут использоваться органами дознания для организации оперативно-розыскных мероприятий и построения следственных версий, а также формирования общего суждения о механизме происшествия в целом или отдельных его моментах.¹

Указанную классификацию рекомендуем использовать при описании следов протекторов шин СИМ в процессе проведения предварительного исследования на месте ДТП и при производстве транспортно - трасологической экспертизы по следам протекторов шин.

Существенное значение для обеспечения информационного сопровождения транспортно-трасологических экспертных исследований является формирование и систематизация сведений о следах протектора шин, оставленных СИМ. Исследование следов протекторов шин СИМ при расследовании преступлений, позволяет установить модель, марку или групповую принадлежность СИМ. Принимая во внимание отсутствие указанных сведений, нами была предпринята попытка формирования базы данных следов протектора шин, оставленных СИМ. В целях установления закономерностей образования следов и отображения признаков, индивидуализирующих конкретную модель СИМ, была проведена экспериментальная работа. В качестве объекта были отобраны электросамокаты от разработчика Яндекс Go. (рис. 5–6).

Рис. 5–6. Общий вид самокатов от разработчика Яндекс Go

¹ Корухов Ю.Т. Судебная транспортно-трасологическая экспертиза: Методическое пособие для экспертов. – М., 1977. – С. 89-110.

В качестве следовоспринимающей поверхности использовались рулонные обои, в качестве следообразующего вещества использовался жидкий крем для обуви, черного цвета. Самокаты прокатывались по экспериментально установленному пути 1,5 метра, в результате чего были образованы поверхностные локальные статические следы беговой дорожки шин.

В ходе визуального исследования следов протекторов шин самоката от разработчика Яндекс Go были выявлены следующие признаки рисунка беговой дорожки шины:

- след прямоугольной формы шириной 30 мм. Отобразившийся в следах рисунок состоит из окрашенных элементов, образованных выступающими элементами протектора шины, и неокрашенных элементов - межэлементных участков (водоотводящих канавок);

- след протектора шины состоит из трех рядов;

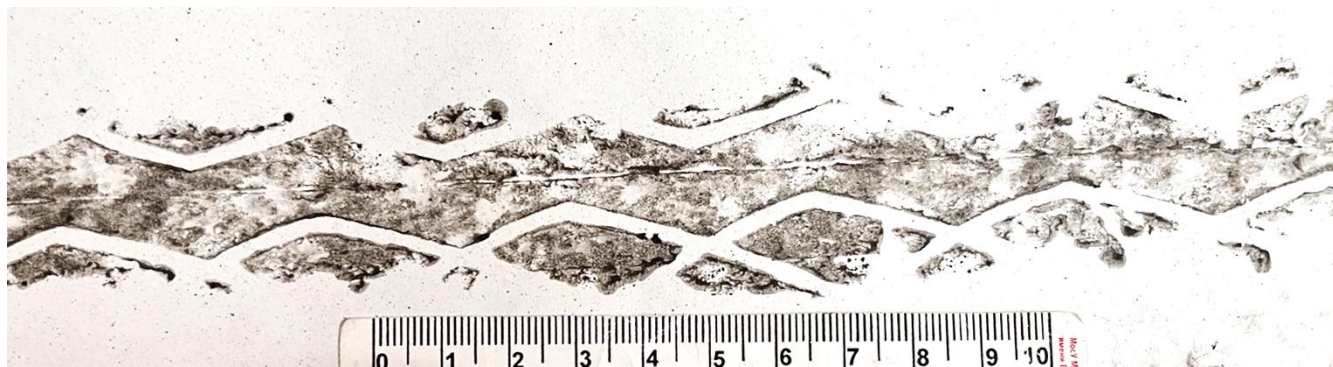
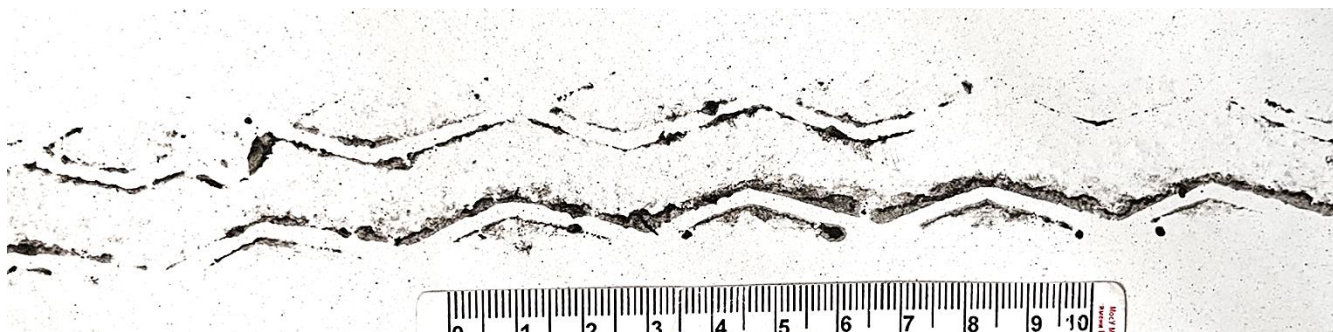
- центральный ряд представляет собой окрашенную зигзагообразную полосу, продольно расположенную относительно оси следа;

- соседние ряды (первый и третий) состоят из окрашенных элементов, ромбовидной формы, размерами 20x14x18x20 мм, и треугольной формы от 11x12x26 до 20x21x30 мм;

- между первым и вторым, вторым и третьим рядами отобразились неокрашенные элементы, зигзагообразной формы, шириной 4 мм - водоотводящие канавки;

- рисунок несимметричный, направленный.

Таким образом, были перечисленные признаки достаточно для определения групповой принадлежности, характеризующие следы протекторов шин самокатов от разработчика Яндекс Go (рис. 7–9).

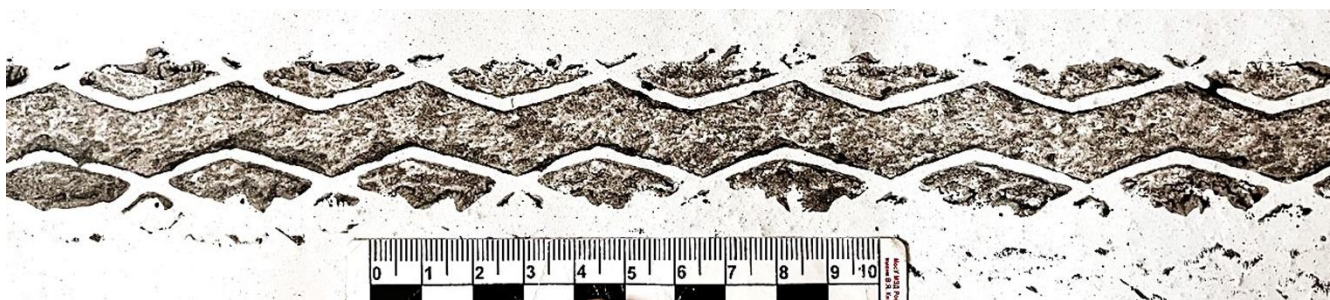

Рис. 7–9. Фрагменты экспериментальных следов, оставленных участками беговой дорожки шин самокатов от разработчика Яндекс Go

Итак, была рассмотрена разработанная нами классификация средств индивидуальной мобильности, выявлены признаки по которым устанавливается групповая принадлежность СИМ (в данном случае самокатов от разработчика Яндекс Go), что в последующем способствует повышению эффективности при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с использованием СИМ.

Е.Ю. Соколова¹

Научный руководитель: **Т.А. Сааков²**

^{1,2} Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева

К вопросу о некоторых особенностях производства лингвистических исследований (экспертиз) по делам, связанным с дискредитацией использования Вооруженных Сил Российской Федерации и распространением заведомо ложной информации об их действиях

Аннотация. Научная работа посвящена особенностям проведения судебных лингвистических экспертиз, по уголовным делам связанными с Вооруженными Силами России, а именно со статьями 207.3 и 280.3 УК РФ. Рассматриваются и анализируются вопросы, ставящиеся перед экспертом, а также на примерах из экспертной практики выводятся проблемные моменты и пути их решения. Раскрывается понятие «ссылка», «источник информации», в рамках решения одного из поставленных вопросов перед экспертом-лингвистом следователем, а также специфика его решения.

Ключевые слова: Вооруженные Силы России, действия, источник информации, ссылка на источник информации, утверждение о фактах, лингвистическая экспертиза.

Актуальность выбранной темы данного научного исследования обусловлена современными реалиями:

1. повсеместным использованием сети Интернет, которая является инструментом распространения информации для неограниченного круга лиц по всему миру, а также использование информационно-телекоммуникационных технологий.

2. началом специальной военной операции в 2022 году, которая вызвала распространение фейковых новостей и фактов в отношении ВС России и иных государственных органов власти.

В связи с этим были предприняты меры по охране общественной безопасности и общественного порядка, которые вызвали ряд поправок в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) и нашли отражение в нововведениях, ст. 207.3 и 280.3 УК РФ. Данные изменения отражены и регламентируются ФЗ от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Помимо изменений в УК, административный кодекс (далее – КоАП) тоже претерпел дополнение в связи со ст. 280.3 УК, изменения закреплены в Федеральном законе от 25.03.2022 № 62-ФЗ «О внесении изменений в статьи 8.32 и 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» введена ст. 20.3.3. в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, которая предусматривает наказание за совершения того же деяния, что и ст. 280.3 УК РФ, только действия не должны содержать признаков уголовно наказуемого деяния.

Нововведение актуализировало важность лингвистических исследований по данным категориям дел и вызвало необходимость прибегнуть к специальным знаниям экспертного сообщества.

Отсюда вытекает необходимость взаимодействия следователей, судов с экспертами-лингвистами, которые помогают выявлять факты и обстоятельства служащие источниками доказательственной информации в речевом продукте.

Всё это свидетельствует о значимости лингвистических исследований в расследовании уголовных дел. А также показывает готовность и результативность объединения в «экстренных» ситуациях экспертного сообщества для совместного поиска и создания новых инструментов для оказания содействию следствию, которые находят отражение как результат «мозгового штурма» и обобщения экспертной практики в разработанных методиках. Помимо экспертного сообщества, стоит отметить вклад и научного общества, которое не останавливает глубоких исследований в области филологии и лингвистики.

Результатом плодотворного и оперативного решения данных вопросов стало принятие методических писем и рекомендаций, как самостоятельно в разных ведомствах, так и совместно:

В апреле 2022 года выходит информационное письмо ФГКУ ЭКЦ МВД России от 26.04.2022 № 224-07-2022 «Об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан», это совместная разработка трёх ведомств – МВД России, ФСБ России, СК России.

Вышеназванное совместное информационное письмо было разработано в ФГКУ ЭКЦ МВД России, и является ведущим при решении исследовательских вопросов по данным категориям дел.

Далее выходит ряд самостоятельных ведомственных рекомендаций.

В июне 2022 года сотрудниками ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России было подготовлено два методических письма: «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных Сил Российской Федерации» и «Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации» (оба документа от 17 июня 2022 года).

В основу методических писем легли научные публикации В.О. Кузнецова и Т.Н. Секеража.

Экспертная практика СЭЦ СК России нашла отражение в Информационном письме: «Рекомендации по назначению и производству судебных лингвистических экспертиз по делам, связанным с распространением заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и с дискредитацией их действий». М.: ФГКУ СЭЦ СК России, 2022.

Таким образом, можно говорить о том, что интуитивно разные ведомства стали работать в едином направлении по проведению лингвистических исследований в рамках дел, связанных с дискредитацией действий ВС России и с распространением заведомо ложной информации об их использовании.

Также безучастными не остались и частные эксперты, например, в МГЮА имени О.Е. Кутафина в рамках научно-практической конференции «Судебная экспертиза в контексте цифровых технологий» (2023) обсуждались вопросы судебной лингвистической экспертизы и технологии, которые активно применяются для формирования общественного мнения путем предоставления заведомо ложной информации под видом достоверной и требуют актуализации методических подходов в лингвистической экспертизе для определения наличия утверждения о фактах, поднятые в докладе Елены Чубиной, директора Института судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Помимо этого, в научных статьях также поднимались актуальные вопросы, которыми задались частные эксперты, примером этого служит, статья РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам»¹.

Актуализировались и более ранние работы, например, работа Н. Б. Руженцева «Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе» (2004 год) или приведём ещё один пример, в 2020 году на базе Воронежского государственного университета Воронежская ассоциация экспертов-лингвистов

¹ Жарков И.В., Константинова В.В. Типовые экспертные задачи в судебных делах по статьям 207.3 УК РФ, 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ и возможные методы их решения // Неофилология. 2022.

создала пособие, предназначенное для специалистов в области лингвистической судебной экспертизы, а также журналистов.

Исходя из вышеприведенных фактов, заключаем, что несмотря на включённость всего филологического и лингвистического сообщества, а также разных экспертных практик (ведомственных и частных) необходимо более детально осветить некоторые аспекты производства судебных лингвистических исследований.

Отметим, что типовые вопросы в разных методиках схожи, их главной особенностью является то, что они снижают риск выхода за пределы специальных знаний и помогают следствию и судам не внести в вопросы правовые понятия, т.к. постановка правовых вопросов недопустимо об этом и отражено в Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Одним из типовых вопросов является вопрос о ссылках.

В СЭЦ СК России данный типовой вопрос звучит следующим образом:

– *Имеются ли конкретные ссылки на какой-либо источник информации о данной ситуации/положении дел? О каком источнике информации идет речь?*

Данный же вопрос отражён и в методических рекомендациях ЭКЦ МВД России и звучит следующим образом:

– *Имеются ли ссылки на какой-либо источник информации о данной ситуации/положении дел? О каком именно источнике информации идет речь?*

Как свидетельствует экспертная практика, положительный категорический вывод на данный поставленный вопрос приводила к допросу эксперта, так как происходила коммуникативная проблема или, иначе говоря, трудности в общении из-за различного понимания лексемы «ссылка». Данное недопонимание могло привести к неправильному истолкованию результатов заключения лингвистической экспертизы.

Основной задачей эксперта при решении данного вопроса является необходимость верификации ссылки, обнаруженной в тексте материалов исследования. Под верифицируемостью понимается возможность проверить данный источник информации (ссылку) на истинность, реальность её существования.

В свою очередь категорический положительный вывод о наличии конкретной ссылки указывает на верифицируемость такой ссылки, иными словами, истинное существование данной ссылки.

Здесь важно отметить, что верификация или, иными словами, проверка данных ссылок на соответствие действительности является задачей следствия или суда, т.е. относится к разряду юридических и не должна осуществляться экспертом.

Эксперты же под ссылками на источник информации понимают конкретные и определенные ссылки, например, цитаты с указанием автора и произведения, указания конкретных издательств и изданий, газет, журналов и др., ссылки на электронные источники, в том числе интернет-ссылки (URL) и другую указывающую информацию, обладающую формальными и достаточными

качествами ссылки, с указанием данных, по которым можно верифицировать отраженную в публикации информацию.

Именно из-за данного несоответствия в интерпретации лексемы «ссылка» произошло недопонимание между правоприменителями и экспертами по причине разной трактовки одного и того же слова в зависимости от их личного опыта, установок и ожиданий.

Не стоит забывать, что Верховный суд России¹ в 2020 году писал о том, что для придания ложной информации вида достоверной в качестве формы, способа изложения могут быть использованы ссылки на компетентные источники, высказывания публичных и прочих лиц, использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей, документов и записей, имеющих отношение к другим событиям.

Стоит также упомянуть, что ссылки бывают прямыми и косвенными.

К прямым ссылкам относятся такие, которые имеют указание на конкретного человека, т.е. автора цитаты, которые могут иметь в себе информацию о должности, фамилию, инициалы автора или название организации, если он является её представителем, также может иметься название статьи либо её заголовок, указание на номер журнала, страницы, издательство, или же это является активной гиперссылкой, т.е. ссылкой на источник в интернете (URL-адрес), здесь же могут быть упоминания ресурса, например, «сайт», «статья», «блог» и соответственно его наименование, создатель.

Приведём, для наглядности пару примеров: *«замглавы МИДа Руденко заявил...»*, *«глава Минобороны Андрей Белоусов на заседании Совета министров сказал...»*, *«житель села Верхняя Колыбелька Дмитрий Иванов рассказал...»*, либо *«в интервью телеканала Россия 24»*, *военный эксперт, офицер запаса Олег Орлов подтвердил...»*. Приведённые примеры демонстрируют данные, которые могут быть верифицированы.

Однако достаточно часто в материалах, приходящих на экспертизу, имеют косвенные ссылки, то есть внешне, может казаться, что данные подтверждены, однако при детальном рассмотрении, обнаруживается, что ссылка обладает информацией, которая опирается на всеобщее знание. Например, *«украинская сторона обвиняет»*, *«Украина заявляет»*, *«Говорят»*, *«Ни для кого не секрет»*, *«Все знают»*, *«Жители видели...»*, *«Очевидцы сообщают»* и другие фразы, где номинативно не обозначены конкретные лица, представители власти. Для косвенных ссылок характерно, что данные о лицах обобщены или получены «из вторых/третьих рук», т.е. идёт пересказ пересказанного. И данные ссылки невозможно проверить на правдивость, а значит верификация не возможна, и ответственным лицом за сказанное будет говорящий.

Отметим, что эксперты используют лингвистический термин «дейктические маркеры», который сформировался относительно недавно, хотя понятие дейксиса известно ещё с античных времен, как лингвистическая категория стал

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2.

активно исследоваться и закрепляться в трудах ученых XX века (Падучева, Пешковский).

Н.А. Сребрянская обобщила основные свойства и ввела в науку следующее определение: «Дейксис – эксплицитная или имплицитная ссылка в семантике языковой единицы на лицо, место и время события с позиции наблюдателя, имеющего субъективно далекую или близкую локализацию в пространстве и времени по отношению к оцениваемому событию»¹. Следовательно, дейктическая ссылка является лингвистическим средством, указывающим на конкретные объекты, участников коммуникации в контексте. Также они подразделяются на персональные, пространственные и временные. Рассмотрим на примерах: первые могут выражаться местоимениями 1 и 2 лица, вторые чаще всего воплощаются в локативных выражениях, третьи должны содержать маркеры времени или, иначе говоря, по М.М. Бахтину², хронотопы.

Основная задача дейктических маркеров помогать актуализировать компоненты ситуации речи и денотативного содержания высказывания, обеспечивая четкость и контекстуальность коммуникации.

Таким образом, эксперту в области филологии (лингвистике) при ответе на данный вопрос (наличие/отсутствие ссылок в тексте) необходимо провести ряд действий, связанных с поиском дейктических маркеров, указывающих на субъект повествования, обращая внимание на то являются они прямыми или косвенными. И только после комплексного исследования, эксперт вправе дать ответ на поставленный вопрос.

В заключение, хочется отметить, что нами были рассмотрены ныне существующие методики и методические рекомендации ведомственного и межведомственного значения, а также две проблемные области в проведении лингвистических исследований по делам, связанным с дискредитацией использования ВС России и распространением заведомо ложной информации о их действиях.

А.С. Хлопотникова¹

Научный руководитель: Е.В. Иванова²

^{1,2} Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева

Жанровые особенности коррупционного дискурса

Аннотация. В статье исследуется коррупционный дискурс как речевой жанр, ключевой стратегией которого является латентность. Рассматривается комплекс речевых тактик (гипотетическое моделирование, эвфемистическая квантификация, импликатура и пресуппозиция), образующих целостный механизм формирования

¹ Сребрянская Н.А. Дейксис и его проекции в художественном тексте: монография. Воронеж: ВГПУ, 2005.

² Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, философии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

противоправной сделки без её прямой вербализации. Особое внимание уделяется лингвистическому анализу комплексного взаимодействия речевых тактик. На конкретном примере смоделированного диалога демонстрируется, как выявление взаимосвязанной цепи имплицитных смыслов позволяет реконструировать истинные интенции коммуникантов.

Ключевые слова: коррупционный дискурс, лингвистическая экспертиза, судебная лингвистика, речевые тактики, импликатура, пресуппозиция, гипотетическое моделирование, эвфемизация, скрытый умысел.

В современной правоприменительной практике разрешение дел коррупционной направленности (взятка, коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями) сталкивается с проблемой интерпретации коммуникативных актов. Ключевым механизмом коррупционных преступлений является вербализованный имплицитный коммуникативный акт, направленный на достижение договорённости. Латентность коррупционного дискурса проявляется в систематическом использовании участниками коммуникации целого арсенала языковых средств: замена прямых номинаций на нейтральные выражения, использование импликатур и намёков, речевая двусмысленность и аморфность формулировок. В результате, перед следственными органами и судом встаёт задача в установлении истинных интенций коммуникантов, скрытых за внешне безобидными или неопределёнными высказываниями. Разрешить эту задачу традиционными юридическими методами зачастую невозможно, так как они не предназначены для тонкого анализа языковой модели. В этом контексте судебная лингвистическая экспертиза (СЛЭ) становится не просто вспомогательным, но и зачастую основным инструментом доказывания. Опираясь на работы одного из ведущих российских специалистов в этой области, профессора Е.И. Галяшиной, судебную лингвистическую экспертизу можно определить как «процессуальное действие, состоящее из исследования текста и завершающееся дачей письменного заключения эксперта по вопросам, разрешение которых требует применения специальных лингвистических знаний, в целях установления фактов и обстоятельств, имеющих значение доказательств»¹. Именно лингвистический анализ позволяет объективно выявить и описать те самые языковые механизмы, которые формируют противоправную сделку. Таким образом, центральная проблема, на решение которой направлена данная статья, заключается в проведении комплексного исследования коррупционного дискурса через призму теории речевых жанров, которая в дальнейшем проложит путь к разработке лингвистической модели для последующей экспертной диагностики.

В соответствии с современной методикой ЭКЦ МВД² принято учитывать понятие жанра как устойчивой, но вариативной схемы высказывания,

¹ Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2018. 270 с.

² Гримайло Е.А., Назарова Т.В., Мамаев Н.Ю., Коршиков А.П., Ростовская А.В. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы: Методические рекомендации / Под редакцией к.ю.н., доцента, заслуженного юриста РСФСР В.Ф. Статкуса. М.: ОМУ ЭКЦ МВД России, 2009.

обладающей тремя интегральными признаками: тематическим содержанием, композиционной структурой и коммуникативной целью. В коррупционном дискурсе эти категории приобретают специфические черты, обусловленные доминирующей стратегией латентности. Так, тематическое содержание не описывается прямой номинацией противоправных действий, замещаясь эвфемистическим полем «взаимовыгодного сотрудничества», «благодарности», «решения вопросов». Композиционное построение коррупционной коммуникации базируется на инвариантном сценарии, который реализуется в виде закономерной последовательности фаз: инициации контакта, согласования условий, принятия обязательств и последующей конспиративной обратной связи. Наиболее значимым для доказывания является анализ коммуникативной цели, который носит дуалистический характер. Двойственность, проявляющаяся в системном расхождении между вербализованной интенцией и противоправной целью, находит свою непосредственную реализацию в наборе речевых тактик, образующих жанровый арсенал коррупционного дискурса.

В своей работе «Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика»¹ А.Н. Баранов детально анализирует, как язык используется для сокрытия истинных намерений и воздействия на сознание. Наряду с функцией сокрытия используется дистанцирование, которое характеризуется посредством использования следующих лингвистических механизмов: пассивные и неопределённо-личные конструкции, местоименные отсылки (вместо прямой номинации), а также речевые намеки, апеллирующие к общему контексту без его прямого обозначения. Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова в работе «О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике»², речевые намеки создают устойчивую коммуникативную среду, непрозрачную для внешнего наблюдателя, но сохраняющую высокую степень информативности для участников, обладающих общим пресуппозитивным фоном. Рассмотрим ключевые речевые тактики, посредством которых данные стратегии реализуются на практике.

Так, тактика гипотетического моделирования выполняет, по терминологии Л.П. Крысина³, функцию «речевой разведки», позволяя инициатору сохранить конфиденциальность разговора. Сущность данной тактики заключается в создании условной коммуникативной реальности, в рамках которой происходит апробация противоправной интенции без её фиксации в актуальном плане. Как подчеркивает исследователь, подобные высказывания носят зондирующий характер: они не обязывают говорящего к действию, но позволяют ему, по реакции адресата, оценить риски и перспективы развития диалога в противоправном ключе.

¹ Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – 2-е изд. – М.: Флинта, Наука, 2019. 592 с.

² Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров / Рос. акад. наук, ИНИОН. Москва, 2000. С. 7–25.

³ Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

Применение тактики эвфемистической квантификации основано на использовании языковых единиц с диффузной семантикой, которые целенаправленно маскируют противоправную суть обсуждаемого предмета. Создание семантической неопределенности затрудняет юридическую квалификацию деяния, выводя на первый план необходимость лингвистической экспертизы для декодирования истинного смысла высказываний. Согласно позиции В.П. Москвина¹, базовый механизм заключается в прагматическом переопределении языкового знака: единица с социально одобряемой семантикой употребляется для кодирования информации.

Тактика имплицатуры, являющаяся одной из наиболее значимых для экспертного заключения, основана на фундаментальном принципе лингвистической прагматики, разработанном Полом Грайсом². По его мнению, эффективная коммуникация зиждется на соблюдении принципа кооперации, который реализуется через ряд коммуникативных максим (максима количества, качества, отношения и способа). Именно намеренное и расчетливое нарушение этих максим порождает имплицатуры – скрытые смыслы, не выраженные вербально прямо, но однозначно извлекаемые адресатом. В коррупционном дискурсе это реализуется через системное нарушение конкретных максим: нарушение максимы количества проявляется в намеренной неполноте высказывания, когда умалчивание истинных причин проблемы или условий её решения создаёт имплицатуру о необходимости дополнительного вознаграждения для устранения искусственно созданных препятствий. Нарушение максимы отношения наблюдается при уклонении от темы, когда в ответ на деловой запрос следует реплика о личных финансовых трудностях, порождая имплицатуру о связи удовлетворения личного интереса чиновника с решением служебного вопроса. Наконец, нарушение максимы способа возникает при использовании намеренно двусмысленных формулировок, в которых расплывчатость терминов служит инструментом маскировки сути предложения. Для лингвистической экспертизы критически важно показать, что извлечение этого скрытого смысла не является произвольной интерпретацией, а основано на системном анализе контекста и общих фоновых знаний участников. Адекватная реакция адресата (например, согласие передать деньги) служит объективным доказательством того, что имплицатура была умышленной коммуникативной единицей, направленной на формирование противоправной договоренности без её прямой вербализации, что и позволяет перевести скрытый умысел в плоскость верифицируемого лингвистического факта.

По меткому замечанию Е.В. Падучевой, пресуппозиция представляет собой «невыведенную, но подразумеваемую предпосылку»³, которая в коррупционном дискурсе часто заключается в принятии на себя негласных

¹ Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – 2-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2017. 264 с.

² Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 217–237 с.

³ Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: (референциальные аспекты семантики местоимений). — Москва : Наука, 1985. — 272 с.

обязательств. Фундаментальным свойством пресуппозиции, имеющим ключевое значение для судебно-лингвистической экспертизы, является ее устойчивость к отрицанию: даже при формальном отрицании высказывания имплицитная предпосылка сохраняет свою силу, поскольку отрицание часто содержит в своей структуре подтверждение самой возможности обсуждаемого действия или факта. В коррупционной коммуникации пресуппозиция реализует двоякую функцию – конспиративную, позволяя актуализировать общий контекст без его вербализации через отсылки к «известным» обстоятельствам («по стандартной процедуре», «как в прошлый раз»), и координационную, формируя основу для дальнейших действий путем импликации взаимных обязательств, где, например, фраза «После решения вопроса мы вернемся к обсуждению вашего участия» предполагает пресуппозитивную связь между решением служебного вопроса и последующим личным вознаграждением.

Эвфемистическая квантификация, гипотетическое моделирование, имплицатура и пресуппозиция образуют связанную последовательность, в которой каждая последующая тактика развивает и усиливает эффект предыдущей, создавая целостный семантико-прагматический комплекс, направленный на формирование противоправной сделки. Именно этот комплексный характер речевого воздействия, при котором имплицитные смыслы последовательно накладываются друг на друга, и обуславливает необходимость применения системного лингвистического подхода в экспертной практике. Такой подход позволяет реконструировать истинные интенции коммуникантов через выявление всей цепи взаимосвязанных тактик, каждая из которых, будучи рассмотренной отдельно, может сохранять видимость правовой неопределённости, однако в своей совокупности неопровержимо свидетельствует о наличии скрытого умысла.

Рассмотрим смоделированный диалог, являющийся репрезентативным для коррупционного дискурса:

Участники: А и Б.

Контекст: Обсуждение получения разрешения на строительство.

Диалог:

А: *«С вашим вопросом, конечно, есть нюансы. Теоретически, его можно было бы продвинуть в особом порядке, но это требует нестандартных усилий с нашей стороны. Вы ведь понимаете, о чём я?»*

Б: *«Да, я готов рассмотреть варианты содействия. Какой объем этих... усилий Вы предполагаете?»*

А: *«Ну, предположим, что символическое вознаграждение за успешный результат, скажем, процентов пять от суммы контракта, могло бы стать мотивацией. Но это, разумеется, лишь гипотетически».*

Инициативная реплика участника А открывается использованием пресуппозиции в форме речевого намека: «Вы ведь понимаете, о чём я?». Данная конструкция апеллирует к общему для коммуникантов фоновому знанию о неписаных правилах взаимодействия, имплицитно сама возможность и допустимость обсуждения «особого порядка». Эта пресуппозиция создает когнитивный базис для дальнейшего развития диалога в

противоправном ключе, выполняя координирующую и конспиративную функции одновременно. Параллельно вводится тактика гипотетического моделирования («Теоретически, его можно было бы продвинуть...»), которая выполняет функцию «речевой разведки». Создаваемая ирреальная модальность позволяет говорящему аккуратно апробировать противоправную интенцию. При этом ключевой объект обсуждения вербализуется через эвфемистическую квантификацию: понятие «нестандартных усилий» замещает прямую номинацию взятки социально нейтральным выражением, что затрудняет юридическую квалификацию высказывания в данном фрагменте.

Ответ участника Б свидетельствует об успешной декодировке имплицитных смыслов, а его реплика «Какой объем этих... усилий» демонстрирует работу имплицатуры, порожденной нарушением максимы способа. Многоточие и пауза, маркируемая на письме, являются невербальным сигналом намеренной неопределенности, указывающим на то, что под «усилиями» понимается нечто, не подлежащее прямой номинации. Таким образом, адресат не только подтверждает понимание скрытого смысла, но и активно включается в его развитие, используя тот же эвфемистический код.

Кульминацией диалога становится реплика участника А, в которой наблюдается синтез всех ранее задействованных тактик. Гипотетическое моделирование («предположим», «могло бы») сохраняет ирреальность ситуации, обеспечивая коммуникативную безопасность. Эвфемистическая квантификация («символическое вознаграждение», «процентов пять») продолжает маскировать предмет сделки. Однако ключевым для экспертного заключения является момент, когда гипотетическое высказывание наполняется конкретными количественными параметрами («процентов пять от суммы контракта»). С лингвистической точки зрения, это переводит общение из зондирующего режима в режим согласования условий, который является критическим элементом формирования противоправной сделки.

Таким образом, взаимодействие речевых тактик формирует целостный механизм скрытой коммуникации, в котором гипотетическое моделирование используется для сокрытия прямого умысла, эвфемистическая квантификация целенаправленно маскирует противоправную суть обсуждаемого, а пресуппозиции неявно формируют общий для участников контекст, оставаясь формально неопределенными для внешнего наблюдения. Именно эта совокупность речевых тактик приводит к формированию объекта коррупционного дискурса, характеризуемого описанными лингвистическими признаками.

Роль экспертизы в установлении признаков крайней необходимости

Аннотация. В статье исследуется процессуальная и криминалистическая роль экспертизы в установлении признаков крайней необходимости по уголовным делам. Анализируются виды судебных экспертиз, применяемых при доказывании обстоятельств, предусмотренных ст. 39 УК РФ. Рассматриваются проблемы назначения и производства экспертиз, оценки заключения эксперта в совокупности с другими доказательствами. Выявляются типичные ошибки и сложности, возникающие в экспертной практике при установлении признаков крайней необходимости. Формулируются предложения по совершенствованию методики проведения экспертиз и критериев оценки их результатов.

Ключевые слова: крайняя необходимость, судебная экспертиза, доказывание, уголовный процесс, специальные познания, оценка доказательств.

В жизни людей происходят такие ситуации, когда ради спасения какого-либо правоохраняемого интереса они вынуждены нанести урон другому. Это явление в науке уголовного права известно как крайняя необходимость.

Причинение вреда при подобных обстоятельствах напоминает совершение преступления, но это только на первый взгляд. Такие действия лишь формально содержат в себе признаки состава преступления, но в силу направленности их на достижение, как правило, благих целей, законом неправомерными не признаются.

Правовое закрепление института крайней необходимости вызвано политическими, социально-экономическими реформами, общественными переменами и другими изменениями в стране. И сейчас, ввиду нынешнего уклада жизни человек, занимая активную гражданскую позицию и отстаивая свои интересы, должен уметь быстро принимать верные решения, которые не повлекут за собой отрицательных последствий и непоправимых ошибок, что, однако, удаётся не всегда.

Институт крайней необходимости играет немаловажную роль и в деятельности органов охраны правопорядка, так как условия правомерности применения некоторых методов воздействия на преступника зачастую определяются именно институтом крайней необходимости.

Актуальность работы обусловлена тем, что нередко действия в состоянии крайней необходимости получают неверную уголовно-правовую оценку или игнорируются судом вовсе, а также отсутствием официальных актов толкования, что значительно затрудняет процесс квалификации подобного рода деяний. Иногда по одному и тому же делу суды разных инстанций принимают прямо противоположные решения или же вышестоящие суды отменяют решения нижестоящих.

Институт крайней необходимости, закрепленный в статье 39 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляет собой одно из важнейших обстоятельств, исключающих преступность деяния. Установление наличия признаков крайней необходимости в конкретных уголовных делах часто требует привлечения специальных познаний, что обуславливает необходимость производства судебных экспертиз. Значение экспертных исследований в данном контексте трудно переоценить, поскольку они позволяют объективизировать оценку обстоятельств дела и обеспечивают соблюдение принципа законности при квалификации деяний, совершенных в условиях крайней необходимости.

Правовую основу назначения и производства экспертиз по делам, связанным с установлением признаков крайней необходимости, составляют положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Согласно статье 57 УПК РФ, эксперт является участником уголовного судопроизводства, обладающим специальными знаниями и назначаемым для решения вопросов, требующих специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле. При этом вопросы, поставленные перед экспертом, должны находиться в пределах его компетенции и соответствовать требованиям допустимости доказательств.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. крайняя необходимость прочно заняла своё место в главе 8 УК РФ наряду с прочими обстоятельствами, исключающими преступность деяния.

Часть 1 статьи 39 УК РФ гласит: «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости».

Как можно заметить, состояние в рассматриваемой статье – это совокупность таких объективно существующих факторов различного происхождения, которые могут представлять прямую угрозу правоохраняемым интересам личности, группе лиц, общества или государства, а также препятствовать адекватной оценке ситуации и ликвидации такой угрозы. Итак, по смыслу ст. 39 УК РФ можно выделить следующие основания возникновения крайней необходимости:

□ Правовое основание – опасность непосредственно угрожает личным или коллективным правоохраняемым интересам. Если угроза отсутствует либо она уже реализовалась в причинённом вреде, то выступать правовым основанием крайней необходимости она не будет.

□ Фактическое основание – неустранимость наступившей опасности другими способами или методами, кроме совершения действий, формально

Чем же вызвано состояние крайней необходимости? Её порождают источники, которые в силу своих объективных имманентных свойств способны причинить вред:

- различные вещества, материалы, устройства, механизмы,
- чрезвычайные происшествия, катастрофы,
- физиологическое состояние организма лица,
- поведение людей,

- животные,
- совокупность различных обстоятельств и т.п.

Механизмы, устройства, вещества, материалы могут выступать источниками крайней необходимости, как правило, в силу неисправности, если они угрожают жизни, здоровью людей и могут грозить серьёзным физическим вредом, материальным ущербом и т.п.

В контексте установления признаков крайней необходимости могут назначаться различные виды экспертиз, выбор которых зависит от характера и обстоятельств совершенного деяния. Судебно-медицинская экспертиза играет ключевую роль в случаях, когда речь идет о причинении вреда здоровью. Эксперт-медик устанавливает характер и степень тяжести причиненного вреда, определяет возможность его причинения в конкретных обстоятельствах, оценивает соответствие причиненного вреда характеру угрожавшей опасности.¹ Особое значение имеет установление факта неизбежности опасности, которая не могла быть устранена иными средствами. Например, при оценке правомерности медицинского вмешательства без согласия пациента в условиях угрозы жизни, судебно-медицинская экспертиза позволяет определить реальность такой угрозы и соразмерность предпринятых действий.

Судебно-психологическая экспертиза занимает важное место в случаях, когда требуется установить психофизиологическое состояние лица в момент совершения деяния². Эксперт-психолог оценивает особенности восприятия и оценки ситуации лицом, находившимся в условиях крайней необходимости, определяет наличие или отсутствие состояния аффекта, анализирует возможность иного поведения в сложившихся обстоятельствах. Данный вид экспертизы особенно важен при расследовании дел, связанных с внезапно возникшей опасностью, когда у лица не было времени для всесторонней оценки ситуации и выбора оптимального варианта поведения.

Судебно-технические экспертизы назначаются в случаях, когда обстоятельства дела требуют специальных познаний в области техники, технологии или иных специальных областей знания. Например, при расследовании дорожно-транспортных происшествий, совершенных в условиях крайней необходимости, автотехническая экспертиза позволяет установить техническую возможность избежать столкновения иными способами, определить наличие причинно-следственной связи между действиями водителя и наступившими последствиями. Аналогичным образом, пожарно-техническая, строительно-техническая и иные виды экспертиз помогают установить реальность угрозы и соразмерность предпринятых действий.

Во-первых, экспертиза помогает установить наличие непосредственной угрозы. Эксперты, например, в области медицины, психологии, или даже инженеры, могут оценить характер и степень опасности, которая угрожала лицу или другим ценностям. Например, в случае пожара, эксперт-пожарный может

¹ Колдин В.Я., Эксархопуло А.А. Судебная экспертиза: теория и практика. СПб., 2018.

² Пиголкин Ю.И., Попов В.Л., Барinov Е.Х. Судебно-медицинская оценка тяжести вреда здоровью. М., 2018.

определить, действительно ли существовала непосредственная угроза жизни или здоровью, что оправдывало бы, например, повреждение чужого имущества для спасения.

Во-вторых, экспертиза важна для оценки интенсивности угрозы и её неизбежности. Эксперты могут определить, насколько реальной была угроза и можно ли было избежать вреда иными способами. Например, психолог может оценить степень страха и паники, которые могли повлиять на действия лица, или же, наоборот, установить, что у человека было время и возможность принять иные, законные меры.

В-третьих, экспертиза помогает оценить соразмерность причиненного вреда и предотвращенного вреда. Эксперт может дать заключение о том, был ли причиненный вред меньшим, чем тот, который предотвращался. Например, при оценке повреждения автомобиля для спасения человека, эксперт может рассчитать стоимость ремонта автомобиля и сравнить ее с потенциальным ущербом для жизни.

В-четвертых, экспертиза может пролить свет на субъективную сторону действий лица, то есть, насколько оно осознавало наличие крайней необходимости и действовало именно с целью предотвращения опасности. Психологическая экспертиза может помочь установить, действовало ли лицо в состоянии крайней необходимости, или его действия были продиктованы иными мотивами.

Особую сложность представляет производство комплексных экспертиз, когда для установления признаков крайней необходимости требуются познания в различных областях науки и техники. Например, при расследовании дел о причинении вреда в условиях природных катастроф или техногенных аварий может назначаться комплексная экспертиза с участием специалистов в области геологии, метеорологии, техники и медицины. Такие экспертизы позволяют всесторонне оценить обстоятельства дела и установить наличие или отсутствие всех признаков крайней необходимости.

Экспертиза играет важную роль в оценке неизбежности и соразмерности причиненного вреда. Эксперт, обладая специфическими знаниями, может установить, были ли у лица реальные возможности избежать вреда иными, менее опасными способами, чем то, которое было применено.¹ Например, инженер-строитель может проанализировать, была ли возможность безопасного покинуть здание без его частичного разрушения. Также эксперт помогает определить, был ли причиненный вред меньшим по сравнению с предотвращенным. Это может включать сравнение стоимости поврежденного имущества и потенциального ущерба жизни или здоровью, либо оценку степени морального вреда.

Процессуальные аспекты назначения и производства экспертиз по делам, связанным с установлением признаков крайней необходимости, имеют свои особенности. Следователь и суд должны четко формулировать вопросы перед экспертом, обеспечивая их соответствие юридической конструкции крайней

¹ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе, последние издания.

необходимости. Вопросы должны быть направлены на установление наличия признаков, характеризующих опасность, ее реальность и неизбежность, отсутствие возможности устранить опасность иными средствами, а также соответствие причиненного вреда характеру и степени угрожавшей опасности.

Важное значение имеет оценка заключения эксперта в совокупности с другими доказательствами по делу. Согласно статье 17 УПК РФ, никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Заключение эксперта подлежит оценке по внутреннему убеждению суда, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. При этом необходимо учитывать, что эксперт дает заключение по вопросам, требующим специальных познаний, тогда как юридическая оценка деяния в целом относится к компетенции суда.

На практике возникают определенные проблемы, связанные с производством экспертиз по установлению признаков крайней необходимости. К ним относятся недостаточная определенность критериев оценки соответствия причиненного вреда характеру опасности, сложности в установлении момента возникновения опасности и определения возможности ее устранения иными средствами, а также проблемы методологического характера, связанные с разработкой единых подходов к проведению таких экспертиз.

В целях совершенствования практики производства экспертиз по установлению признаков крайней необходимости представляется необходимым разработка методических рекомендаций для экспертов, содержащих четкие критерии оценки обстоятельств, характеризующих крайнюю необходимость. Кроме того, важное значение имеет повышение квалификации судей и следователей в вопросах назначения и оценки заключений экспертов по данной категории дел.

Особую сложность представляет производство комплексных экспертиз, когда для установления признаков крайней необходимости требуются познания в различных областях науки и техники. Например, при расследовании дел о причинении вреда в условиях природных катастроф или техногенных аварий может назначаться комплексная экспертиза с участием специалистов в области геологии, метеорологии, техники и медицины. Такие экспертизы позволяют всесторонне оценить обстоятельства дела и установить наличие или отсутствие всех признаков крайней необходимости.

Таким образом, экспертиза играет важную роль в установлении признаков крайней необходимости, обеспечивая объективную и научно обоснованную оценку обстоятельств дела. Правильное использование специальных познаний способствует соблюдению принципа законности при квалификации деяний, совершенных в условиях крайней необходимости, и обеспечивает защиту прав лиц, действовавших в состоянии правомерного риска для предотвращения более значительного вреда.

Список участников конференции

- Абдулхамидов Абдулварис Багавдинович** – студент Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкале.
- Агаркова Анастасия Павловна** – курсант Санкт-Петербургского университета МВД России.
- Ахмедов Магомед Ильясович** – студент Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкале.
- Белоус Полина Андреевна** – студентка Крымского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации.
- Берадзе Елизавета Денисовна** – студентка Южного федерального университета.
- Бизюкова Мария Сергеевна** – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.
- Бийболатов Алим Зубайруевич** – студент Университета прокуратуры Российской Федерации.
- Бойко Мария Алексеевна** – студентка Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).
- Борисюк Вероника Алексеевна** – студентка Московского финансово-юридического университета (МФЮА).
- Братищенко Екатерина Александровна** – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.
- Васильева Дарья Николевна** – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.
- Васильков Даниил Владимирович** – курсант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- Головлева Екатерина Сергеевна** – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.
- Горбатов Даниил Александрович** – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.
- Данилова Яна Александровна** – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.
- Даудова Ангелина Артемовна** – курсант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- Деменко Надежда Олеговна** – студентка Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Денисов Евгений Александрович** – аспирант Московской государственной академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.
- Дружинина Александра Николаевна** – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.
- Ерошкина Анна Сергеевна** – студентка Саратовской государственной юридической академии.
- Ефимова Софья Николаевна** – курсант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации
- Жуковская Анастасия Игоревна** – студентка Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Заграйская Станислава Игоревна – студентка Байкальского государственного университета

Задирака София Андреевна – студентка университета прокуратуры Российской Федерации.

Ибрагимова Эльмира Мансуровна – студентка Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкале.

Игнатенко Руслана Сергеевна – студентка Ростовского филиала Российской таможенной академии.

Исаков Магомед Касумович – студент Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкале.

Каверина Полина Леонидовна – курсант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ковалев Никита Сергеевич – студент Российского технологического университета

Котельников Дмитрий Александрович – студент Санкт-Петербургского государственного университета.

Кошкин Иван Андреевич – студент Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

Кулешова Анастасия Николаевна – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Кутырланова Алена Алексеевна – курсант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Михайлин Андрей Андреевич – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Михайлова Виктория Дмитриевна – курсант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Моисеенко Александра Александровна – студентка Университета прокуратуры Российской Федерации.

Моисеенко Максим Андреевич – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Мустаев Вильнур Илгизович – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Наумова Анастасия Сергеевна – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Никитина Дарья Андреевна – студентка Российского технологического университета.

Новик Илья Иванович – студент Тверского государственного университета.

Новожилова Надежда Андреевна – студентка Байкальского государственного университета.

Нургазиева Диана Нурлановна – студентка Университета прокуратуры Российской Федерации.

Павлюкова Мария Алексеевна – студентка Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Пацель Анатолий Евгеньевич – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Позднякова Юлия Сергеевна – студентка Байкальского государственного университета.

Попова Оксана Васильевна – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Рамазанов Эдгард Мусаевич – студент Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкале.

Самойловский Артем Андреевич – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Сарыглар Байыр Орлан-оолович – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Сафонкина Арина Юрьевна – курсант Луганской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Симанов Даниил Александрович – курсант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Симгаева Дарья Вячеславовна – студентка Уральского государственного юридического университета В.Ф. Яковлева.

Сова Мелания Валерьевна – курсант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Созаев Валерий Михайлович – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Соколова Елизавета Юрьевна – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Сысоева Анна Алексеевна – студентка Саратовской государственной юридической академии.

Тимаев Павел Олегович – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Типоченкова Марина Александровна – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Тиханова Екатерина Алексеевна – студентка Санкт-Петербургского государственного университета.

Томашевский Павел Николаевич – студент Университета прокуратуры Российской Федерации.

Тхагапсоева Даяна Адамовна – студентка Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

Уваннай Александра Витальевна – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Федонников Даниил Алексеевич – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Феребков Сергей Андреевич – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Филина Ангелина Андреевна – студентка Саратовской государственной юридической академии.

Фирсова Елизавета Игоревна – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Фурсова Софья Равилевна – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Харина Ксения Игоревна – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Хлопотникова Анастасия Сергеевна – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Хомушку Айнура Шолбановна – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Чеботарева Ольга Артемовна – студентка Российского технологического университета.

Черных Ярослава Павловна – курсант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Чигирова Джамиля Артуровна – студентка Саратовской государственной юридической академии.

Чиркова Дарья Дмитриевна – студентка Саратовской государственной юридической академии.

Чумаевский Виктор Эдуардович – курсант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Шаов Алан Аскарлович – студент Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

Шмелева Арина Алексеевна – курсант Омской академии МВД России.

Эгамберганава Интизор Оллаёр кизи – студентка Московского финансово-юридического университета (МФЮА).

Юхно София Романовна – студентка Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина.

Список научных руководителей

- Алехин Дмитрий Владимирович** – преподаватель кафедры криминалистики факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.
- Алешина-Алексеева Екатерина Николаевна** – доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Аметка Фатма Аблямитовна** – доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры, кандидат юридических наук, доцент, младший советник юстиции.
- Воробьева Ирина Борисовна** – доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.
- Гасанова Замира Гаджимурадовна** – доцент кафедры уголовного права и процесса Дагестанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
- Дармаева Валентина Дашеевна** – доцент кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.
- Дронова Юлия Анатольевна** – доцент кафедры уголовного права и процесса Тверского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Ермакова Татьяна Николаевна** – доцент кафедры уголовно-правовых наук, и.о. заведующего кафедрой уголовно-правовых наук Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
- Забелин Алексей Григорьевич** – ректор Московской финансово-юридической академии, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, секретарь Общественного совета при МВД России, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.
- Зеленина Ольга Александровна** – доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета, кандидат исторических наук, доцент.
- Иванов Андрей Львович** – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, полковник юстиции.
- Иванова Елена Вячеславовна** – декан факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции.
- Калинкина Анна Борисовна** – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, полковник юстиции.

- Кизилов Александр Павлович** – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, полковник полиции
- Кобзарев Фёдор Михайлович** – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук
- Кобзева Елена Васильевна** – профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, кандидат юридических наук, доцент, ученый секретарь диссертационного совета 24.2.390.03, созданного на базе Саратовской государственной юридической академии, член Экзаменационной комиссии Саратовской области по приему квалификационного экзамена на должность судьи
- Коглина Виктория Александровна** – старший преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, капитан полиции
- Криштопов Сергей Владимирович** – ученый секретарь Луганской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, подполковник юстиции
- Кувалдина Юлия Владимировна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, кандидат юридических наук, доцент
- Кухтяева Елена Алексеевна** – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук
- Макаров Эдуард Аликович** – ассистент кафедры криминалистики МГУ им. М.В. Ломоносова
- Михайлова Юлия Николаевна** – доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент
- Неретина Надежда Сергеевна** – доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета (МГЮА), кандидат юридических наук
- Несмиянова Ирина Олеговна** – старший преподаватель кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, капитан полиции
- Новиков Сергей Александрович** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
- Озеров Игорь Николаевич** – заведующий кафедрой судебной экспертизы и оперативно-розыскной деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, полковник юстиции
- Пантелеев Игорь Анатольевич** – профессор кафедры криминалистики и инженерно-технических экспертиз Уральского института ГПС МЧС России, кандидат юридических наук, доцент

- Перов Валерий Александрович** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, подполковник юстиции.
- Петрова Оксана Вениаминовна** – доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, полковник юстиции.
- Подкатилина Мария Леонидовна** – доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета (МГЮА), кандидат юридических наук.
- Подройкина Инна Андреевна** – декан юридического факультета Ростовского филиала Российской таможенной академии, доктор юридических наук.
- Пономарева Наталья Сергеевна** – доцент кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева», кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции
- Попов Алексей Михайлович** – доцент кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции
- Пятибратова Наталья Дмитриевна** – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, юрист 1 класса
- Робак Владимир Анатольевич** – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, старший советник юстиции
- Рубцова Александрина Сергеевна** – доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
- Сааков Тигран Артемович** – старший преподаватель кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, старший лейтенант юстиции
- Савельева Марина Владимировна** – доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.
- Савин Павел Тимурович** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, майор юстиции.
- Саркисян Анна Ашотовна** – старший преподаватель кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета (МГЮА), кандидат юридических наук.
- Сарыгина Элина Сергеевна** – доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, капитан юстиции.
- Степаненко Диана Аркадьевна** – заведующий кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

- Степанова Екатерина Владимировна** – преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета.
- Сулейманов Бигрузи Бухаринович** – заведующий кафедрой теории государства и права Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат исторических наук.
- Сушина Татьяна Евгеньевна** – доцент кафедры уголовно-процессуального права им. П.А. Лупинской Московского государственного юридического университета (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
- Таилова Айша Габиевна** – доцент кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент.
- Тутынин Игорь Борисович** – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент.
- Усенко Анатолий Сергеевич** – старший преподаватель кафедры криминалистики Кубанского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук
- Хатов Эдуард Борисович** – заведующий кафедрой информационных технологий и организации расследования киберпреступлений Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.
- Цветков Юрий Анатольевич** – заведующий кафедрой уголовного процесса Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.
- Черемнова Наталья Александровна** – доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук полковник полиции.
- Четвергова Ольга Александровна** – доцент кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, полковник полиции.
- Чубарь Иван Анатольевич** – доцент кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, полковник полиции.
- Шурухнов Владимир Александрович** – заведующий кафедрой криминалистики Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент.
- Яценко Сергей Васильевич** – доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, полковник юстиции.

Содержание

IX Всероссийская молодёжная научно-практическая конференция «Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития» (24 ноября 2025 года)	3

Секция 1. Современные проблемы уголовного права

<i>Абдулхамидов А.Б.</i> Актуальные вопросы теории и практики уголовной ответственности за реабилитацию нацизма и пути их решения	6
<i>Агаркова А.П.</i> Проблемы оборота оружия на территории Российской Федерации и Республики Беларусь (на примере пневматического оружия)	11
<i>Ахмедов М.И.</i> Проблемы цифровизации в уголовном праве на основе сети Darknet	17
<i>Данилова Я.А., Созаев В.М.</i> Вопросы предупреждения преступления, предусмотренные ст. 151 УК РФ	22
<i>Задирака С.А., Нургазиева Д.Н.</i> Проблемные вопросы квалификации преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ	28
<i>Ибрагимова Э.М.</i> Понятие преступлений против жизни и здоровья в доктрине уголовного права	34
<i>Игнатенко Р.С.</i> Использование цифровых копий умерших людей как новый способ совершения киберпреступлений	39
<i>Исаков М.К.</i> Женская преступность на Кавказе: особенность её предупреждения	45
<i>Каверина П.Л.</i> Современные проблемы уголовного права: анализ эффективности снижения возраста уголовной ответственности	51
<i>Кошкин И.А.</i> Проблема определения места совершения преступлений в цифровой сфере	56
<i>Лебедев И.А.</i> Актуальные проблемы разграничения преступлений, предусмотренных статьёй 272 УК РФ и статьи 272.1 УК РФ	61
<i>Минаков К.В.</i> Ошибки квалификации и пределы уголовной ответственности по ст. 354.1 УК РФ	67
<i>Мустаев В.И.</i> Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации в странах общего права и России	73
<i>Новик И.И.</i> Преднамеренное и фиктивное банкротство: анализ составов порядок выявления	79
<i>Рамазанов Э.М.</i> Социально-экономические факторы, влияющие на систему уголовных наказаний в условиях военного времени	86
<i>Сарыглар Б.О.</i> Проблемы квалификации незаконных организации и проведения азартных игр в сети Интернет	91
<i>Сафонкина А.Ю.</i> Перспективы развития уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних	96
<i>Тимаев П.О.</i> Уголовная ответственность дропперов за участие в легализации денежных средств или иного имущества, добытых преступным путем	101
<i>Тхагапсоева Д.А.</i> Посягательство на неприкосновенность жилища, совершаемое должностным лицом: проблемы квалификации	107

<i>Феребков С.А.</i> Уголовно-правовой аспект нелегальной миграции в Российской Федерации	113
<i>Фурсова С.Р.</i> Проблемы и перспективы расширения состава, предусмотренного статьей 280.3 УК РФ в условиях информационной войны	118
<i>Хомушку А.Ш.</i> Шифрование сообщений и его влияние на квалификацию ст. 138 УК РФ	125
<i>Чумаевский В.Э.</i> Формирование института уголовной ответственности за навязчивое преследование в системе противодействия новым угрозам	130

Секция 2. Процессуальные проблемы предварительного следствия и пути их разрешения

<i>Бизюкова М.С., Типоченкова М.А.</i> Заочное предварительное расследования: баланс между правами обвиняемого и интересами правосудия	136
<i>Васильева Д.Н.</i> Проблемы приобщения к материалам уголовного дела видеозаписей, полученных оперативно-розыскным путём из АПК «Безопасный город»	140
<i>Горбатов Д.А.</i> К вопросу о правовом регулировании взаимодействия следователя с оперативными подразделениями при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационных технологий	145
<i>Денисов Е.А.</i> О понятии нерегламентированных уголовно-процессуальным законом следственных документов	152
<i>Ефимова С.Н.</i> К вопросу о законности и обоснованности производства обыска в жилище в случаях, не терпящих отлагательств	158
<i>Котельников Д.А.</i> Практические аспекты участия понятых в производстве следственных действий	163
<i>Лекомцева Е.А.</i> Возможности и перспективы внедрения цифрового оповещения участников уголовного судопроизводства при производстве предварительного расследования	169
<i>Лернер В.П.</i> Доктрина «плодов отравленного дерева» в контексте легализации цифровых доказательств	174
<i>Магомедова П.Г.</i> Особенности участия защитника в досудебном производстве	179
<i>Магкоева И.А.</i> Об особенностях порядка формирования коллегии присяжных заседателей в России	184
<i>Сигмаева Д.В.</i> Электронное уголовное дело: преимущества и недостатки. Роль искусственного интеллекта в следственной деятельности	188
<i>Федонников Д.А., Фурсова Е.И.</i> Наступательность следователя или обвинительный уклон: где грань	194
<i>Шаов А.А.</i> Проблемы обеспечения процессуальных прав потерпевших при дистанционном участии в досудебном производстве и возможные пути их решения	200

Секция 3. Тенденции и проблемы в развитии современной российской криминалистики

<i>Братищенко Е.А.</i> Интеграция геопространственного исследования (GEOINT) и методов открытого источника (OSINT) в процессе расследования преступлений против половой неприкосновенности	206

<i>Белоус П.А.</i> Криминалистика в эпоху глобализации: актуальные проблемы расследования международных преступлений	212
<i>Берадзе Е.Д.</i> Самоубийство: криминалистические возможности при осмотре места происшествия	217
<i>Бийболатов А.З., Лапин Е.Ю.</i> Моральная сторона следственных действий	222
<i>Дружинина А.Н.</i> Некоторые особенности тактики допроса при расследовании преступлений по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ	228
<i>Жуковская А.И.</i> Актуальные вызовы цифровой эпохи: основные тренды и проблемы развития современной российской криминалистики	233
<i>Заграйская С.И., Позднякова Ю.С.</i> Перспективы и проблемы использования ДНК-фенотипирования при расследовании преступлений	236
<i>Ковалев Н.С.</i> Механизм слеодообразования цифровых следов при совершении дистанционных мошенничеств	243
<i>Лобачева А.Р., Ерошкина А.С.</i> Значение объективного обозначения цвета в процессуальных документах при расследовании преступлений	248
<i>Моисеенко А.А.</i> Современные способы противодействия методам расследования преступления	253
<i>Михайлин А.А., Наумова А.С.</i> Использование криминалистической техники для обнаружения объектов в акваториях страны	259
<i>Никитина Д.А.</i> Особенности проведения обыска и выемки электронных носителей информации в сети Даркнет: тактические и процессуальные аспекты	264
<i>Новожилова Н.А.</i> Интегрирование психологических знаний в тактику производства следственных действий (на примере расследовании краж и грабежей, совершенных несовершеннолетними)	272
<i>Павлюкова М.А.</i> Способы противодействия преступлениям, связанным с продажей органов и тканей, торговлей людьми и использованием рабского труда через Даркнет	278
<i>Сысоева А.А., Филина А.А.</i> Комплексный криминалистический анализ обстоятельств гибели туристической группы на перевале Дятлова с учетом современных возможностей	282
<i>Томашевский П.Н.</i> К вопросу о совершенствовании криминалистического обеспечения расследования вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего	290
<i>Уваннай А.В.</i> Деструктивные субкультуры в системе экстремистской деятельности: терминологические пробелы и их влияние на действия следователя	295
<i>Харина К.И.</i> Информационные технологии как средство совершения преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ	301
<i>Чеботарева О.А.</i> Криминалистические аспекты расследования преступлений в сфере децентрализованных финансов (DeFi): от следственной версии до доказывания	307
<i>Черных Я.П., Попова О.В.</i> Цифровые следы при расследовании преступлений террористической и экстремистской направленности	316
<i>Чигирова Д.А.</i> Перспективы развития метода дистанционного зондирования Земли при расследовании преступлений	321
<i>Юхно С.Р.</i> Особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта	326

Секция 4. Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности

<i>Бойко М.А., Деменко Н.О.</i> Идентификация химических веществ при отравлениях как одна из проблем судебно-химической экспертизы	334
<i>Борисюк В.А., Эгамберганаева И.О.</i> Реформа судебно-медицинской экспертизы: что изменилось в критериях вреда здоровью	340
<i>Васильков Д.В.</i> Идентификация химических веществ при отравлениях как одна из проблем судебно-химической экспертизы	346
<i>Головлева Е.С.</i> Особенности тактики назначения судебной лингвистической экспертизы по делам, связанным с реабилитацией нацизма	351
<i>Даудова А.А.</i> Правовые и методические основы применения метода 3d-моделирования при производстве судебно-баллистической экспертизы	356
<i>Кулешова А.Н.</i> Методологические аспекты судебно-лингвистических экспертиз материалов порнографического дискурса	362
<i>Кутырланова А.А.</i> Особенности механизма образования следов одежды, изготовленной из современных материалов	368
<i>Людвиг В.А.</i> Нейробиологические предикторы и биомаркеры в судебно-психиатрической экспертизе, их место в установлении вины и ответственности	374
<i>Михайлова В.Д.</i> Профилактика экспертных ошибок при трасологическом исследовании следов ушных раковин человека	379
<i>Моисеенко М.А.</i> К вопросу методического обеспечения судебной бухгалтерской экспертизы на примере расследования должностных преступлений	384
<i>Пацель А.Е.</i> Объекты судебной бухгалтерской экспертизы и их классификация	391
<i>Самойловский А.А.</i> Религиозный дискурс в экстремистских материалах: к вопросу о целесообразности выделения самостоятельного вида судебной лингвистической экспертизы	397
<i>Симанов Д.А.</i> Специальные знания, используемые для установления источника происхождения огнестрельного оружия	403
<i>Сова М.В.</i> Профилактика преступлений, совершаемых с использованием средств индивидуальной мобильности	409
<i>Соколова Е.Ю.</i> К вопросу о некоторых особенностях производства лингвистических исследований (экспертиз) по делам, связанным с дискредитацией использования Вооруженных Сил Российской Федерации и распространением заведомо ложной информации об их действиях	414
<i>Хлопотникова А.С.</i> Жанровые особенности коррупционного дискурса	419
<i>Шмелева А.А.</i> Роль экспертизы в установлении признаков крайней необходимости	425
Список участников конференции	430
Список научных руководителей	434
Содержание	438

СЛЕДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

материалы IX Всероссийской молодёжной научно-практической
конференции

(Москва, 24 ноября 2025 года)

Редакционная коллегия обращает внимание, что статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

Подписано в печать: 20.07.2026

Формат 60х90 1/16

Усл. печ. л. 30,5

Тираж 30 экз.

Компьютерная верстка,
техн. редактирование – И.Д. Нестерова
Заказ № 550

Отпечатано в типографии Московской академии
Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
ул. Врубеля, д. 12